Освобожденіе крестьянъ

Дѣятели реформы

1911.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10001673155

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

ДѢЯТЕЛИ РЕФОРМЫ.

МОСКВА.
Изданіе „НАУЧНАГО СЛОВА“.
1911.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Современное научное міросозерцаніе склонно отрицать за отдѣльною личностью, героемъ, творческую роль въ историческомъ процессѣ. Исторію не дѣлаютъ,—исторія дѣлается. Наука озабочена установленіемъ тѣхъ неизмѣнныхъ и объективныхъ законовъ, по которымъ повелительно складывается жизнь людского общества и которые опредѣляютъ неумолимый ходъ событій—независимо отъ того, какія именно лица, какіе дѣятели выступаютъ на аренѣ исторіи. Есть высшая историческая необходимость, разумъ событій, и передъ этой внутренней логичностью, передъ этой властью соціологическихъ законовъ склоняются, если не совсѣмъ исчезаютъ, мысль и воля отдѣльныхъ индивидуумовъ, какими бы яркими и неизгладимыми чертами ни были записаны ихъ имена на страницахъ исторіи. Личность, въ глазахъ современнаго историка, является лишь выразительницей своей эпохи, орудіемъ общаго и сверхличнаго дѣла; среди многообразныхъ факторовъ, изъ которыхъ слагается историческій процессъ, ей, личности, приписываютъ часто наименьшее значеніе,—есть даже и такая школа, которая признаетъ ее за quantité négligeable. И если обратиться, напримѣръ, къ русской исторіи, то даже такая личность по преимуществу, какъ Петръ Великій, съ точки зрѣнія новой науки, многое теряетъ въ своемъ величіи: у него отнимаютъ, до извѣстной степени, мощь его иниціативы и считаютъ, что не творецъ онъ былъ, а только геніальный продолжатель, что онъ лишь воплотилъ въ себѣ требованія своего времени и только потому явился зодчимъ новой Россіи, строителемъ нашего будущаго, что его самого создало и вызвало наше прошлое.

Но какъ бы ни относиться къ этой теоретической предпосылкѣ и какова бы ни была у отдѣльнаго ученаго его философія исторіи, во всякомъ случаѣ никто не закрываетъ глазъ на то безспорное, что историческая эволюція осуществляется людьми,—черезъ личность происходитъ исторія. И замѣчательно при этомъ, что историческіе дѣятели все время чувствуютъ себя именно дѣятелями:

пусть они находятся подъ властью иллюзіи, но вѣдь и съ иллюзіей надо считаться, и такъ характерно, что тѣ, черезъ кого дѣлается исторія, проникнуты сознаніемъ своей дѣйственности; они ощущаютъ себя не пассивными жертвами, не послушными пѣшками историческаго рока, а споспѣшествователями исторіи, зачинателями и строителями общественной жизни,—дѣлателями великаго дѣла. Пусть исторія движется поступью фатальной,—дѣятелямъ исторіи все же не свойственъ фатализмъ.

И потому историкъ, прозрѣвающій внутренній смыслъ событій и отъ личностей не зависящую глубокую необходимость общественной эволюціи, нисколько не погрѣшаетъ противъ своего научнаго вѣрованія, когда, не довольствуясь установленіемъ общей схемы и безличныхъ контуровъ историческаго процесса, вдумчиво и пристально вглядывается и въ самихъ участниковъ мірового «дѣйства», изучаетъ ихъ живыя физіономіи, ихъ незамѣнимыя индивидуальности,—все то, что составляетъ непосредственный драматизмъ и теплоту исторіи. Высокій, и не только эстетическій, но и чисто-научный, интересъ заключается въ томъ, чтобы изъ общей ткани историческаго развитія выдѣлить единичныя живыя нити и опредѣлить частное значеніе каждой изъ нихъ. Вполнѣ законною темой науки служитъ изученіе тѣхъ олицетвореній, въ которыя облекаетъ себя исторія, тѣхъ человѣческихъ собственныхъ именъ, которыми она расцвѣчиваетъ свою нарицательность, свои скрижали общаго и безъименнаго. Вѣдь не одних ъ статистовъ, но и великихъ, именитыхъ участниковъ пускаетъ она на свои подмостки. И каковъ бы ни былъ внутренній міръ исторіи, ея сокровенный смыслъ, во всякомъ случаѣ передъ нами движется она подъ знакомъ личностей; для нашего воспріятія, для нашей человѣческой конкретности органически неотдѣлимы событія отъ тѣхъ, кто ихъ совершаетъ и надъ кѣмъ они совершаются.

И какъ разъ потому, что герой исторіи, дѣлая, повидимому, свое личное дѣло, тѣмъ самымъ однако служитъ общему, своей свободой осуществляетъ необходимость, своею личностью обслуживаетъ сверхличное,—какъ разъ поэтому въ высшей степени поучительно и важно прослѣдить этотъ синтезъ личнаго и общаго, это невольное сочетаніе индивидуальнаго и соціальнаго началъ въ совмѣстной работѣ объединяющаго ихъ человѣческаго духа. Необходимо изучить тѣхъ, кому Исторія поручаетъ свое дѣло,—носителей историческаго бремени, одинокихъ свершителей коллективнаго подвига, часто въ благородномъ порывѣ сливающихъ свое существо и свое существованіе съ общимъ теченіемъ исторической стихіи. Пусть они исторіи не направляютъ, не создаютъ для нея русла,—но ужъ

навѣрное они ускоряютъ ея движеніе и, смотря по силѣ своей индивидуальности, больше или меньше вліяютъ на ходъ общественнаго корабля; потенціальную энергію исторіи они, своей энергіей, превращаютъ въ кинетическую, и возможности они претворяютъ въ дѣйствительность. И если не прямыми линіями являются историческіе пути и дороги, то въ такомъ осложненіи и въ такомъ развѣтвленіи міровыхъ колей опять-таки повинны личности, индивидуумы, живыя воплощенія всяческихъ сложностей и особенностей.

Это многообразное и до сихъ поръ вполнѣ не изученное сочетаніе личнаго и общаго особенно ярко сказывается въ тѣхъ исключительно важныхъ фактахъ исторіи, которые съ преимущественной силой одновременно осуществляютъ и необходимыя требованія реальности, и завѣтныя личныя мечты выдающихся отдѣльныхъ умовъ и сердецъ. Къ числу такихъ фактовъ, дающихъ удовлетвореніе и необходимости, и мечтѣ, запросамъ исторіи и нравственнымъ потребностямъ свободолюбивой души, человѣчеству и человѣчности, относится 19-е февраля 1861 года.

Въ календарѣ новой Россіи 19-е февраля является глубоко знаменательной датой. Освобожденіе крестьянъ—первая ступень къ освобожденію всеобщему. Мы не имѣли бы будущаго, если бы не воцарилась эта эра, если бы ею Россія не купила себѣ, не выстрадала себѣ самаго права на будущее. Больше, чѣмъ всякое другое историческое дѣло, 19-е февраля не эпизодъ, а необходимость, и къ нему приходитъ, и отъ него радіусами идетъ все то, что было подготовленіемъ, и все то, что было продолженіемъ этого величайшаго изъ русскихъ событій. Въ круговоротѣ временъ 19-е февраля не могло не наступить,—и тѣмъ замѣчательнѣе, тѣмъ привлекательнѣе на фонѣ этой неизбѣжности выступаютъ образы тѣхъ отдѣльныхъ личностей, которыя въ своихъ идеальныхъ мечтахъ и желаніяхъ совпали съ державной волей и мудростью самой исторіи. Для лучшихъ русскихъ людей день 19 февраля, еще сокрытый во тьмѣ временъ, былъ уже предметомъ страстной грезы, невидимой, но предчувствуемой звѣздой путеводной, цѣлью возвышенныхъ стремленій. Они мечтали о томъ, чтобы увидѣть «народъ неугнетенный и рабство падшее», чтобы «надъ отечествомъ свободы просвѣщенной» взошла наконецъ «прекрасная заря». Одни въ глубинахъ своего благожелательнаго сердца лелѣяли эту свою тоску по зарѣ; другіе пошли дальше и направили уже сосредоточенную волю свою на осуществленіе великой мечты; третьи медленной и трудной работой претворили благородную теорію въ живую реальность, осуществили въ тяжкихъ условіяхъ русской практики сложный процессъ освобожденія, преодолѣли инерцію и жестокое сопроти-

вленіе среды. Въ томъ и заключается высокая нравственная красота нашихъ реформаторовъ, что, нерѣдко поступаясь собственными интересами, они своей личной заботой сдѣлали общую историческую заботу всей Россіи; что безкорыстная гражданственность была для нѣкоторыхъ изъ нихъ огнемъ и паѳосомъ ихъ собственнаго существованія; что свою индивидуальную жизнь они осмыслили честнымъ служеніемъ исторіи,—ея верховному смыслу. Оттого они и сами пріобрѣли завидное право на исторію. Она не забываетъ тѣхъ, кто глубиною искренняго чувства или исканіемъ теоретической мысли, или неэффектною работой практики, часто кропотливой и черной, сослужили ей, исторіи, не за страхъ, а за совѣсть, посильную службу.

Вотъ почему участники настоящаго сборника въ тотъ знаменательный и радостный моментъ, когда Россія празднуетъ пятидесятилѣтіе крестьянской реформы, сочли умѣстнымъ воздать добровольную дань исторической благодарности дѣятелямъ нашего прошлаго и напомнить русскимъ читателямъ не только о дѣлѣ великомъ, но и о тѣхъ, кто его совершилъ,—помянуть признательнымъ словомъ не только освобожденіе, но и освободителей.

Настоящій сборникъ по замыслу его составителей долженъ былъ открыться статьей В. О. Ключевскаго объ императорѣ Александрѣ II. Затянувшаяся болѣзнь не позволила Василію Осиповичу исполнить эту работу.

Александръ.

ФОТОТ П. ПАВЛОВА

Императоръ Александръ II и реформа 19 февраля 1861 г.

Въ сборникѣ, посвященномъ историческимъ поминкамъ по дѣятелямъ великой реформы 19 февраля 1861 г., первыя строки не могутъ не быть отведены императору Александру Николаевичу. Имя Царя-Освободителя связано съ названною реформой не только внѣшне-хронологической связью, но и связью внутреннею, созданною той важной личной ролью, которую императоръ Александръ II отвелъ себѣ въ общемъ ходѣ великаго дѣла.

Вотъ почему историческимъ портретамъ главныхъ дѣятелей реформы 19 февраля 1861 г. мы предпосылаемъ обзоръ тѣхъ моментовъ въ исторіи подготовки этой реформы, которые ознаменовались непосредственнымъ выступленіемъ императора Александра Николаевича съ своимъ личнымъ починомъ.

Онъ не былъ творцомъ самой идеи о необходимости уничтоженія крѣпостного права. Эта идея давно уже была выдвинута на поверхность общественнаго сознанія всей совокупностью жизненныхъ условій Россіи. Онъ не былъ творцомъ и того конкретнаго плана, по которому въ концѣ-концовъ осуществлена была важнѣйшая реформа его царствованія. Этотъ планъ слагался мало-по-малу, по мѣрѣ хода подготовительныхъ работъ, по мѣрѣ постепеннаго привлеченія къ этимъ

работамъ различныхъ дѣятелей и различныхъ общественныхъ группъ.

Но за всѣмъ тѣмъ на долю личнаго почина и личныхъ усилій императора Александра Николаевича выпало осуществленіе первостепенной по своей важности задачи. Прежде всего ему принадлежала рѣшимость признать *безповоротную неотложность* этой столь давно уже назрѣвшей реформы. Затѣмъ, во все время разработки реформы ему предстояло зорко слѣдить за ея ходомъ, съ тѣмъ чтобы въ каждый нужный моментъ быть наготовѣ для оказанія своего личнаго вліянія съ цѣлью своевременнаго устраненія различныхъ затрудненій, соглашенія рѣзкихъ партійныхъ разногласій, удержанія въ должныхъ границахъ тѣхъ одностороннихъ стремленій, которыя были явно враждебны предпринятому преобразованію. И если мы вспомнимъ, какая сложная борьба противоположныхъ интересовъ вспыхнула въ связи съ подготовкой реформы, какъ накалена была въ то время атмосфера, въ которой разыгрывалась эта борьба, и какими опасностями для конечнаго исхода дѣла грозили ея различные, иногда неожиданные, повороты,—если мы вспомнимъ все это, мы не задумаемся признать, что императоръ Александръ Николаевичъ съ честью выполнилъ поставленную себѣ задачу, какъ искусный дирижеръ многоголоваго оркестра, не заслоняющій собою индивидуальныхъ вдохновеній отдѣльныхъ исполнителей, но твердо держащій въ своихъ рукахъ общій тонъ исполненія и въ надлежащій моментъ выразительнымъ взмахомъ дирижерской палочки предотвращающій опасную разладицу.

Какъ извѣстно, уже императоръ Николай Павловичъ былъ совершенно убѣжденъ въ необходимости отмѣны

крѣпостного права. Рядъ спеціальныхъ комитетовъ былъ созываемъ въ его царствованіе для разсмотрѣнія вопроса о томъ, какъ быть съ крѣпостнымъ правомъ. Въ кабинетѣ Николая Павловича были собраны многочисленные матеріалы по этому вопросу, и, указывая на эти матеріалы, онъ говорилъ иногда: „здѣсь я собралъ все необходимое для того процесса, который я веду съ вѣковымъ зломъ народнаго рабства". Но, сознавъ *необходимость* отмѣны крѣпостного права, Николай Павловичъ всегда съ боязнью отступалъ отъ мысли о *неотложности* этой грандіозной реформы. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени знаменательны слова, сказанныя имъ въ засѣданіи государственнаго совѣта при обсужденіи законопроекта объ обязанныхъ крестьянахъ. „Крѣпостное право, — сказалъ императоръ,—есть величайшее зло но прикоснуться къ нему теперь же было бы зломъ еще болѣе опаснымъ".

Первымъ и важнѣйшимъ шагомъ императора Александра Николаевича въ области крестьянской реформы и было окончательное признаніе этой реформы не только необходимой, но и неотложной. Этотъ шагъ былъ тѣмъ болѣе важнымъ актомъ его воли, что онъ дался Александру II не безъ внутренней борьбы. Будучи наслѣдникомъ, Александръ Николаевичъ вовсе не обнаруживалъ освободительныхъ стремленій и даже, наоборотъ, имѣлъ нѣсколько случаевъ проявить какъ будто опредѣленно-отрицательное отношеніе къ планамъ отмѣны крѣпостного права. Однажды онъ отказался передать отцу представленный ему проектъ подготовительныхъ мѣръ къ освобожденію крестьянъ. Одинъ изъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу при Николаѣ I, въ которомъ какъ разъ участвовалъ Александръ Николаевичъ, высказался противъ предоставленія крѣ-

постнымъ крестьянамъ права выкупаться на волю при продажѣ съ аукціона имѣній, въ которыхъ они поселены.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ воцареніе Александра II было встрѣчено на первыхъ порахъ радостными надеждами крѣпостниковъ на то, что все останется по-старому; а друзья освобожденія, напротивъ того, питали тогда въ душѣ самыя тяжелыя опасенія относительно будущности крестьянскаго вопроса. Любопытный отголосокъ такихъ опасеній находимъ, напр., въ не такъ давно опубликованныхъ проф. Корсаковымъ письмахъ Кавелина къ Н. А. Милютину. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Кавелинъ напоминаетъ своему корреспонденту, какъ оба они тревожились въ 1855 г. мыслью о томъ, что со смертью Николая Павловича погаснутъ послѣднія надежды на приближеніе отмѣны крѣпостного права.

И вотъ почему такое усиленное общественное вниманіе вызвали къ себѣ первыя правительственныя мѣры новаго царствованія: отставка министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова, котораго—безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній—считали противникомъ дворянскихъ интересовъ, и циркуляръ преемника Бибикова Ланского, въ которомъ, между прочимъ, стояли слова: „всемилостивѣйшій государь повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. Въ этихъ фактахъ одни съ чувствомъ ликованія, другіе съ глубокою скорбью усматривали предуказаніе на общій характеръ политики по крестьянскому вопросу въ начинающееся царствованіе.

А между тѣмъ въ это время Александръ Николаевичъ уже принялъ твердое рѣшеніе приступить къ крестьянской реформѣ тотчасъ по окончаніи войны.

Вскрытая войной картина глубокаго развала всѣхъ сторонъ государственнаго порядка въ связи съ все усиливающимся броженіемъ крѣпостной массы склонила государя къ этому рѣшенію вопреки его предшествующимъ предубѣжденіямъ.

Повидимому, съ самаго же начала въ его мысляхъ намѣтился и тотъ стратегическій пріемъ, при помощи котораго было рѣшено сдвинуть, наконецъ, крестьянскій вопросъ съ мертвой точки.

Въ предшествующее царствованіе всѣ попытки правительства приступить къ реформѣ останавливались передъ опасеніями раздражить дворянство, эту „опору престола“. И вотъ, съ воцареніемъ Александра Николаевича въ высшихъ правящихъ сферахъ выдвигается мысль вызвать первоначальный починъ въ постановкѣ реформы на очередь изъ среды самого дворянства, такъ чтобы ходъ всего дѣла получилъ такой видъ, какъ будто императорское правительство, приступая къ реформѣ, лишь идетъ навстрѣчу стремленіямъ самаго первенствующаго сословія.

Но прежде всякихъ другихъ мѣръ и шаговъ необходимо было громко и безповоротно провозгласить самую неотложность реформы, чтобы положить конецъ для всѣхъ тягостной неопредѣленности. Подготовительная разработка крестьянскаго вопроса слишкомъ долго вращалась въ области секретныхъ совѣщаній, и общественное мнѣніе слишкомъ привыкло къ тому, что изъ всѣхъ этихъ секретныхъ совѣщаній ровно ничего не выходитъ. Необходимо было открытое заявленіе съ высоты престола о предстоящей реформѣ, чтобы для всѣхъ стало ясно, что періодъ колебаній кончился и дѣло вступаетъ въ новую и уже послѣднюю фазу. Александръ Николаевичъ чутко уловилъ

необходимость такого шага и по собственному почину, неожиданно для всѣхъ окружающихъ, обрѣзалъ канаты, привязывавшіе государственный корабль къ крѣпостной старинѣ. 30-го марта 1856 года, принимая въ Москвѣ представителей мѣстнаго дворянства, государь обратился къ нимъ съ достопамятною рѣчью, съ момента произнесенія которой и надлежитъ начинать исторію реформы 19 февраля 1861 года. „Я узналъ, господа, — сказалъ государь, — что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это сейчасъ. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу. Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія“.

Послѣ этой рѣчи государя ни у кого уже не могло оставаться сомнѣнія въ томъ, что дни крѣпостного права сочтены и что окончательная отмѣна его составитъ ближайшую заботу правительства. Цѣль была указана ясно и опредѣленно и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ положенъ конецъ всякимъ колебаніямъ по основному вопросу: быть или не быть реформѣ.

Таково было первое, богатое послѣдствіями, проявленіе личной иниціативы императора Александра Николаевича въ исторіи крестьянской реформы.

Въ ожиданіи отклика на сказанныя государемъ слова со стороны самого дворянства въ Петербургѣ былъ

открытъ новый секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Какъ извѣстно, работы этого комитета пошли весьма вяло и не обѣщали сколько-нибудь плодотворныхъ результатовъ. Повидимому, государь и не возлагалъ на дѣятельность комитета серьезныхъ надеждъ. Комитетъ былъ образованъ лишь для того, чтобы сообщить крестьянскому дѣлу какое-нибудь, хотя бы только видимое, движенiе. Но истинные расчеты государя попрежнему сосредоточивались на томъ, чтобы вызвать починъ изъ среды дворянъ. Дворяне не спѣшили съ оправданiемъ этихъ надеждъ государя и ихъ начали осторожно и вѣжливо подталкивать путемъ всякаго рода довѣрительныхъ, конфиденцiальныхъ переговоровъ и увѣщанiй. Такъ, во время коронацiи Александра II въ августѣ 1856 г. Ланской велъ въ этомъ духѣ бесѣды съ дворянами, съѣхавшимися въ Москву со всей Россiи, а затѣмъ виленскому генералъ-губернатору Назимову было поручено воздѣйствовать въ томъ же смыслѣ на дворянъ литовскихъ губернiй. Миссiя Назимова увѣнчалась удачей, и въ концѣ октября 1857 г. онъ привезъ въ Петербургъ адресъ на Высочайшее имя дворянъ трехъ сѣверо-западныхъ губернiй — Виленской, Гродненской и Ковенской — съ изъявленiемъ желанiя дать свободу крестьянамъ, однако безъ надѣленiя ихъ землей. Этотъ адресъ литовскихъ дворянъ былъ какъ разъ той самой точкой опоры, на которой правительство стремилось основать свои дѣйствiя, приступая къ разработкѣ реформы. Важно было не содержанiе того плана освобожденiя, который предлагали литовскiе дворяне,—планъ этотъ можно было и видоизмѣнить,—важно было то, что именно изъ среды самого дворянства раздалось предложенiе уничтожить крѣпостное право.

Впрочемъ, секретный комитетъ, на обсужденіе котораго былъ переданъ адресъ литовскихъ дворянъ, обнаружилъ готовность на принятіе предлагаемаго литовскими дворянами *безземельнаго* освобожденія. Но тутъ императоръ Александръ Николаевичъ вторично проявилъ личный починъ, заявивъ, что на такое рѣшеніе вопроса онъ согласиться не можетъ. Правда, идея превращенія освобождаемыхъ крестьянъ въ земельныхъ собственниковъ посредствомъ выкупа полевого надѣла была еще совершенно чужда въ это время сознанію высшихъ правящихъ сферъ. Но въ распоряженіи секретнаго комитета имѣлась уже записка Левшина, въ которой хотя и не было намѣчено выкупа полевыхъ надѣловъ въ собственность крестьянъ, однако признавалось необходимымъ установить земельное обезпеченіе освобождаемыхъ крестьянъ, только въ иной формѣ: путемъ предоставленія крестьянамъ въ собственность за извѣстный выкупъ усадебной осѣдлости и отведенія имъ полевыхъ надѣловъ не въ собственность, а въ пользованіе за опредѣленныя повинности. На этой-то „левшинской“ программѣ и основался государь при обсужденіи отвѣта на адресъ литовскихъ дворянъ въ противовѣсъ стремленіямъ большинства секретнаго комитета къ совершенно безземельному освобожденію. Въ такомъ именно смыслѣ и былъ въ концѣ-концовъ составленъ Высочайшій рескриптъ на имя Назимова, подписанный государемъ 20 ноября 1857 года.

Послѣ приведенной выше рѣчи Александра II московскимъ дворянамъ этотъ рескриптъ составилъ второй чрезвычайно важный поворотный пунктъ въ ходѣ крестьянскаго дѣла. То былъ первый офиціальный актъ, въ которомъ правительство открыто объявляло свою

програму предстоящей реформы. Эта программа была еще очень неполна и несовершенна; впослѣдствіи, по указаніямъ людей, непосредственно знакомыхъ съ условіями и требованіями жизни, правительство раздвинуло рамки этой первоначальной программы, включивъ въ нее также и выкупъ крестьянами въ собственность полевого надѣла. Но для своего момента и „левшинская“ программа, воспроизведенная въ рескриптѣ 20 ноября, являлась побѣдой крестьянскихъ интересовъ въ томъ смыслѣ, что она устраняла собою то совершенно безземельное освобожденіе, къ которому тяготѣло большинство секретнаго комитета. И опять-таки именно рѣшимость государя окончательно склонила столь колебавшіеся тогда вѣсы крестьянскаго дѣла въ эту, сравнительно болѣе благопріятную для крестьянскихъ интересовъ, сторону.

Но рескриптъ 20 ноября имѣлъ еще и другое важное значеніе въ ходѣ крестьянскаго дѣла. Онъ не только намѣчалъ первоначальныя общія основы предстоящаго преобразованія. Заключая въ себѣ согласіе государя на просьбу литовскихъ дворянъ образовать мѣстные комитеты для выработки проекта реформы, этотъ рескриптъ являлся, такимъ образомъ, косвеннымъ приглашеніемъ по адресу дворянъ всѣхъ другихъ губерній Имперіи къ такимъ же ходатайствамъ относительно образованія мѣстныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Послѣ московской рѣчи государя это былъ вторичный и въ еще болѣе конкретной формѣ выраженный призывъ дворянству къ проявленію почина въ отказѣ отъ крѣпостного права. Однако эта роль могла быть выполнена рескриптомъ лишь при условіи его повсемѣстнаго обнародованія. Между тѣмъ первоначально не предполагалось оглашать рескрипта

Назимову во всеобщее свѣдѣніе, а на препроводительномъ при рескриптѣ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ стояла даже надпись: „секретно". И въ третій разъ Александръ Николаевичъ лично предпринялъ шагъ, послужившій рѣшительнымъ толчкомъ для дальнѣйшаго движенія дѣла. Черезъ два дня послѣ подписанія рескрипта Назимову государю представлялся воронежскій губернаторъ Синельниковъ, и государь подробно разсказалъ ему объ адресѣ литовскихъ дворянъ и о послѣдовавшемъ отвѣтѣ на этотъ адресъ и затѣмъ прибавилъ: „я рѣшился дѣло привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь". Для Синельникова сообщеніе государя явилось полнымъ сюрпризомъ, и, пораженный, онъ тотчасъ послѣ Высочайшей аудіенціи бросился къ Ланскому съ вопросомъ, что все это значитъ и слѣдуетъ ли ожидать по этому дѣлу какихъ-либо дальнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій. „Получите, получите", шутливо отвѣчалъ Ланской, и дѣйствительно 24 ноября изъ Петербурга уже полетѣлъ во всѣ концы Имперіи къ начальникамъ губерній и предводителямъ дворянства циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, къ которому „для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство вашей губерніи изъявило подобное желаніе", прилагались копіи рескрипта Назимову.

Есть извѣстіе, что гр. Орловъ сдѣлалъ попытку добиться отмѣны распоряженія о повсемѣстной разсылкѣ рескрипта и дѣйствительно получилъ согласіе государя на пріостановку этой разсылки, но, къ счастью, друзья освобожденія не дремали, и Ланской, побуждаемый Милютинымъ, успѣлъ уже сдать на почту всѣ экземпляры рескрипта, прежде чѣмъ имъ было получено официальное увѣдомленіе объ отмѣнѣ этой мѣры.

9-го декабря государь принялъ дворянскихъ предводителей Петербургской губерніи и при этомъ случаѣ еще разъ категорически подтвердилъ свой взглядъ на неотложность реформы.

„Я привыкъ надѣяться на все дворянство,—сказалъ между прочимъ государь,—знаю, что много будетъ труда, но я надѣюсь на васъ и поручаю вамъ это дѣло. Надѣюсь, что вы примете въ немъ искреннее участіе и обратите вниманіе ваше на классъ людей, заслуживающій, чтобы положеніе его было правильно обезпечено. Нельзя было медлить долѣе, должно было заняться теперь же этимъ предметомъ, не откладывая его въ даль. Моя непремѣнная воля, чтобы это было исполнено".

Такъ дѣйствовалъ государь, приступая къ великой реформѣ. Рядомъ рѣшительныхъ шаговъ онъ выдвинулъ вопросъ о реформѣ на поприще практической разработки и взамѣнъ прежняго обсужденія этого вопроса въ бюрократическихъ секретныхъ комитетахъ призвалъ къ непосредственному участію въ такомъ обсужденіи само дворянство.

Прошло полгода. По всей Россіи кипѣла лихорадочная, страстная работа. Повсюду уже засѣдали губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, трудившіеся надъ составленіемъ проектовъ Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ каждомъ комитетѣ шла упорная борьба партій, выражавшихъ собою разнообразные интересы дворянъ различныхъ мѣстностей и разнообразные планы соціально-экономическаго переустройства Россіи. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ эта партійная борьба принимала такой обостренный характеръ, что для ея умиротворенія требовалось вмѣшательство центральной власти.

А пока въ глубинѣ Россіи развертывалась эта борьба,

въ Петербургѣ у ступеней трона партія сановныхъ крѣпостниковъ, съ грустью взиравшая на успѣхи освободительныхъ начинаній, старалась сбить государя съ позиціи высокаго безпристрастія, старалась запугать его мнимыми опасностями. Говорили о грозящихъ Россіи массовыхъ крестьянскихъ волненіяхъ, чуть ли не о соціальной революціи, которая должна вспыхнуть съ отмѣною крѣпостного права. Плодомъ этихъ опасеній явился составленный Ростовцевымъ проектъ учрежденія по всей Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями. Подобныя внушенія не оставались безъ вліянія на чувства государя, какъ это видно изъ его собственноручныхъ помѣтокъ на докладѣ Ланского, въ которомъ содержалась энергическая критика ростовцевскаго проекта. Государь положительно испещрилъ докладъ Ланского своими замѣчаніями, характерно рисующими ту тревогу, которая была поселена въ его душѣ запугиваніями сановныхъ крѣпостниковъ. Въ докладѣ говорилось, что народъ вполнѣ сочувствуетъ намѣреніямъ правительства и спокойно будетъ ожидать утвержденія Положенія, а государь замѣчалъ: „дай Богъ! Но этой увѣренности по всему, до меня доходящему, я не имѣю“. Въ докладѣ развивалась та мысль, что введеніе генералъ-губернаторовъ будетъ принято народомъ какъ знакъ недовѣрія къ нему, и это въ свою очередь породитъ въ народѣ чувство недовѣрія къ правительству. Государь написалъ противъ этого мѣста доклада: „въ этомъ я вовсе не согласенъ, ибо мы не должны отъ себя скрывать, что Россія входитъ въ новую, еще не бывалую эру, и потому на будущее преступно было бы правительству смотрѣть, такъ сказать, сложа руки. Такъ, мы должны быть готовыми ко всему и въ этомъ

случаѣ предусмотрительность должна успокоить, а не тревожить. Эти всѣ опасенія возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т.-е. ниспроверженія законнаго порядка". Рядъ послѣдующихъ замѣчаній государя, проникнутыхъ тѣмъ же характеромъ, заключался такимъ общимъ отзывомъ относительно всего доклада: „Я прочелъ все съ большимъ вниманіемъ и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня весьма грустное впечатлѣніе. Она вѣрно составлена не вами, а кѣмъ-нибудь изъ директоровъ департаментовъ или канцелярій [1]), которымъ предполагаемое новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе, которымъ они привыкли пользоваться и часто употреблять во зло".

Приведенныя замѣчанія государя, проникнутыя недовѣріемъ къ искренности изложенныхъ въ докладѣ Ланского соображеній, ясно показываютъ, какъ настойчиво проводила свое вліяніе на государя охранительная партія. Государь не могъ вполнѣ противостоять усиліямъ этой партіи и временами склонялся на ея внушенія. Но то были лишь частичныя колебанія. Глубокое убѣжденіе государя въ необходимости и неотложности задуманнаго дѣла въ концѣ-концовъ превозмогло надъ этими колебаніями. Государь не принялъ отъ Ланского прошенія объ отставкѣ, которое тотъ предъявилъ тотчасъ послѣ полученія отмѣтокъ государя на его докладѣ, а проектъ объ учрежденіи генералъ-губернаторовъ такъ и не получилъ дальнѣйшаго движенія.

---

[1]) Какъ извѣстно, составилъ докладъ В. А. Арцымовичъ, повидимому, при участіи Н. А. Милютина.

Вскорѣ послѣ описаннаго эпизода, въ августѣ и сентябрѣ 1858 г., Александръ Николаевичъ предпринялъ поѣздку по различнымъ губерніямъ. Эта поѣздка получила политическое значеніе благодаря тому, что государь всюду обращался къ представителямъ мѣстнаго дворянства съ рѣчами, въ которыхъ прямо касался работъ дворянскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Эти рѣчи явились новымъ актомъ личной инициативы государя въ крестьянскомъ дѣлѣ и новымъ доказательствомъ того, какъ пристально слѣдилъ государь за всѣми подробностями въ ходѣ реформы. И въ этихъ рѣчахъ мы уже не находимъ слѣдовъ какихъ-либо колебаній между противоборствовавшими теченіями; напротивъ, ясно и опредѣленно сказывается въ нихъ стремленіе государя направить ходъ реформы по такой линіи, которая привела бы къ возможно болѣе удовлетворительному разрѣшенію вопроса. Ободрить тѣхъ, кто боролся въ комитетахъ за болѣе широкую постановку реформы, и ввести въ границы притязанія крѣпостниковъ — такова была очевидная цѣль всѣхъ этихъ рѣчей.

Въ Твери и Костромѣ государь обратился къ представителямъ дворянства съ милостивыми словами благодарности. Тверской комитетъ отличался вообще отзывчивымъ отношеніемъ къ порученному ему дѣлу; извѣстно, что этотъ комитетъ, руководимый Унковскимъ, обнаружилъ впослѣдствіи наибольшее рвеніе въ смыслѣ расширенія первоначально намѣченныхъ рамокъ реформы, настаивая на выкупѣ полевыхъ надѣловъ. И государь нашелъ нужнымъ особенно оттѣнить свою удовлетворенность дѣятельностью тверского комитета. „Господа, — сказалъ онъ здѣсь, — я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность твер-

скому дворянству, которое уже неоднократно доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны при составленіи ополченія, и мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ. Обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобы было безобидно и для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ, поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ". Сообщивъ затѣмъ о томъ, что въ Петербургъ будутъ вызваны депутаты отъ комитетовъ для разсмотрѣнія Положеній въ главномъ комитетѣ, государь въ заключеніе сказалъ: „въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя; наши цѣли однѣ — общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе; убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, а не препятствовать". Тѣмъ же тономъ звучала рѣчь государя, обращенная и къ костромскимъ дворянамъ. Это былъ какъ бы легкій варіантъ тверской рѣчи съ повтореніемъ тѣхъ же мыслей. Но совершенно иначе построены были обращенія государя къ дворянамъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ и

Москвѣ. Въ нижегородскомъ комитетѣ только что передъ тѣмъ разыгрались рѣзкія столкновенія между большинствомъ и меньшинствомъ, вызванныя усиліями большинства ввести въ проектъ Положенія выкупъ личной свободы крестьянина. Эти столкновенія обострились настолько, что для ихъ умиротворенія потребовалось вмѣшательство министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго комитета. И государь вставилъ въ свое обращеніе къ нижегородскимъ дворянамъ прямой намекъ на эти обстоятельства. Припомнивъ съ благодарностью, что нижегородское дворянство первое отозвалось на призывъ къ образованію мѣстныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, государь продолжалъ: „вы знаете цѣль мою: общее благо; ваше дѣло — согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общей пользой. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ. Это жаль, устраните ихъ; я надѣюсь на васъ; надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ". Затѣмъ, упомянувъ по обыкновенію о предстоящемъ вызовѣ депутатовъ въ Петербургъ, государь закончилъ: „я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы мнѣ еще разъ докажете вашу любовь и преданность и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ нижегородское дворянство отличалось". Итакъ, упрекъ, сдѣланный государемъ нижегородскому комитету, былъ все-таки смягченъ выраженіями довѣрія по адресу всего вообще нижегородскаго дворянства. Но еще строже заговорилъ государь во Владимірѣ и Москвѣ. Во Владимірѣ вниманіе государя обратилъ на себя поступокъ одного владимірскаго дворянина, насильственно пере-

селившаго своихъ крестьянъ въ Сибирь. Государь выразилъ по этому поводу свое неудовольствіе и строгимъ тономъ прибавилъ: „надѣюсь, что слова мои не останутся втуне“. Въ Москвѣ государь нашелъ еще болѣе поводовъ для выраженія неудовольствія. Въ московскомъ дворянствѣ сильна была партія крупныхъ сановныхъ помѣщиковъ, проявлявшихъ въ крестьянскомъ вопросѣ явно крѣпостническія тенденціи. Москва запоздала съ образованіемъ мѣстнаго комитета по крестьянскому дѣлу, а когда комитетъ образовался и начались его работы, то въ постановленіяхъ комитета были приведены положенія, явно разорительныя для крестьянъ. И московская рѣчь государя уже вся сплошь носила характеръ горькаго упрека. „Мнѣ, господа, пріятно,—сказалъ государь,—когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда вслѣдствіе вызова Петербургской и литовскихъ губерній были даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ

нихъ никакъ не отступлю". Затѣмъ государь изложилъ основныя положенія рескриптовъ и въ заключеніе сказалъ: „я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобъ оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ все, что могу; дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышалъ, что комитетъ много уже сдѣлалъ; я читалъ извлеченіе изъ его занятій; многое мнѣ кажется хорошо; одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не одни строенія, но и всю землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобъ я могъ стоять за васъ. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность".

Укорительный характеръ этой рѣчи еще сильнѣе былъ оттѣненъ тѣми благодарностями и похвалами, съ которыми государь обратился затѣмъ къ дворянамъ въ Смоленскѣ и особенно въ Вильнѣ, гдѣ государь сказалъ, между прочимъ, дворянамъ: „вы первые показали примѣръ, и вся Имперія за вами послѣдовала".

Всѣ эти рѣчи и своимъ общимъ содержаніемъ, и своими знаменательными оттѣнками не могли не оказать немаловажнаго воздѣйствія на теченіе работъ по реформѣ. Крестьянская реформа вызвана потребностями общаго блага; содѣйствіе ея осуществленію является поэтому патріотической обязанностью дворянства, какъ передового сословія; реформа можетъ и должна быть выполнена на почвѣ взаимнаго соглашенія частныхъ интересовъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго

сословій—таковы были основныя положенія обращеній государя къ дворянамъ тверскимъ, костромскимъ, нижегородскимъ, смоленскимъ и виленскимъ. А во Владимірѣ и Москвѣ государь опредѣленно осудилъ стремленія, подсказанныя соображеніями узко-сословнаго эгоизма. Рѣчи государя благотворно освѣжили общественную атмосферу, пропитанную колебаніями и недоумѣніями, которыя питались противорѣчивыми отголосками столичной партійной борьбы. Эти рѣчи давали точку опоры для тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые боролись за проведеніе реформы на возможно болѣе широкихъ началахъ.

Самъ Александръ Николаевичъ по мѣрѣ развитія работъ по реформѣ обнаружилъ готовность къ дальнѣйшему расширенію первоначально установленныхъ для нея рамокъ. Мысль о предоставленіи крестьянамъ полевыхъ надѣловъ въ собственность посредствомъ выкупа сначала считалась несбыточной, и государь раздѣлялъ это воззрѣніе. Однако нѣкоторые губернскіе комитеты начали настойчиво выдвигать эту мысль, а затѣмъ въ ея пользу горячо высказался Ростовцевъ, послѣ того какъ онъ внимательно вдумался въ сущность предстоящей реформы. Письма Ростовцева къ государю по этому вопросу произвели на Александра Николаевича сильное впечатлѣніе. Систематическія извлеченія изъ писемъ Ростовцева были внесены на разсмотрѣніе главнаго комитета и разсматривались тамъ въ рядѣ засѣданій. Государь живо интересовался этими засѣданіями и все время велъ ихъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ. И съ этого времени государь сталъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землей посредствомъ добровольнаго выкупа земельныхъ надѣловъ.

Когда пришла пора приступить къ выработкѣ общаго для всей Имперіи проекта Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, государь внялъ убѣжденіямъ тѣхъ, кто опасался порученія этого дѣла прямо главному комитету, большинство членовъ котораго и самъ предсѣдатель кн. Орловъ вовсе не были проникнуты сочувствіемъ къ задачамъ реформы. Государь согласился образовать для этой цѣли при главномъ комитетѣ особыя „редакціонныя комиссіи“ подъ предсѣдательствомъ человѣка, который пользовался его наибольшимъ довѣріемъ,—Якова Ростовцева. И когда редакціонныя комиссіи начали свою дѣятельность и тамъ подъ руководительствомъ Милютина и при поддержкѣ Ростовцева сложилось большинство, расположенное къ проведенію реформы на болѣе широкихъ началахъ, нежели того желали многіе губернскіе комитеты, государь примкнулъ къ воззрѣніямъ большинства редакціонныхъ комиссій и во многихъ важныхъ случаяхъ оказывалъ этому большинству свою могущественную поддержку. Такъ, въ самомъ началѣ работы редакціонныхъ комиссій въ ихъ средѣ произошло рѣзкое столкновеніе между большинствомъ и членами гр. Шуваловымъ и кн. Паскевичемъ, которые высказались противъ освобожденія крестьянъ съ землей. Государь положилъ конецъ этому инциденту, написавъ на докладной запискѣ Паскевича, что превращеніе крестьянъ въ земельныхъ собственниковъ онъ считаетъ „существеннымъ условіемъ, отъ котораго онъ ни подъ какимъ видомъ не отойдетъ“.

Между тѣмъ работы редакціонныхъ комиссій вызвали страшное негодованіе многихъ дворянъ, которые считали, что комиссіи рѣшили „ограбить“ дворянство, чрезмѣрно склоняя вѣсы реформы въ пользу крестьян-

скихъ интересовъ. Общественныя страсти разгорались все сильнѣе и достигли наибольшаго напряженія, когда въ Петербургъ прибыла первая партія депутатовъ отъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ. Депутаты съ страстной запальчивостью обрушились на выработанные редакціонными комиссіями проекты, обзывали членовъ комиссій „шайкой бюрократовъ-якобинцевъ“, задумавшихъ отнять у дворянства всякое значеніе, и составили на имя государя рядъ адресовъ, въ которыхъ на первый планъ выдвигалась просьба распустить редакціонныя комиссіи и предоставить окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса собору выборныхъ дворянскихъ представителей.

Въ виду быстраго развитія этихъ событій государю все чаще приходилось выступать съ заявленіями своихъ личныхъ мнѣній по поводу различныхъ сторонъ крестьянскаго дѣла. При всѣхъ такихъ выступленіяхъ и на пріемѣ депутатовъ, и въ рѣчахъ, сказанныхъ по разнымъ случаямъ представителямъ дворянъ различныхъ губерній, государь неизмѣнно взывалъ къ взаимному соглашенію противоположныхъ теченій и каждый разъ повторялъ, что дѣло должно быть окончено „къ общей взаимной пользѣ обѣихъ сторонъ“. Впрочемъ, на ряду съ этими примирительными и согласительными призывами государь далъ очень энергическій отпоръ притязаніямъ депутатовъ перваго призыва на замѣну редакціонныхъ комиссій „дворянскимъ соборомъ“. Камергеръ Безобразовъ, подавшій государю весьма безтолково составленную записку, въ которой, на ряду съ обвиненіями бюрократіи въ конституціонныхъ замыслахъ, доказывалась необходимость созыва совѣщательнаго дворянскаго представительства на томъ основаніи, что „собраніе выборныхъ есть при-

родный элементъ самодержавія", былъ высланъ изъ Петербурга, а поданную имъ записку государь испещрилъ гнѣвными замѣчаніями: „вздоръ", „хороши софизмы", „непомѣрная наглость" и т. д. Прочіе депутаты, подписавшіе адресы на имя государя, получили выговоры и замѣчанія. Неудовольствіе, вызванное въ государѣ заявленіями депутатовъ перваго призыва, было глубоко и сильно. Государь усмотрѣлъ въ этихъ заявлѐніяхъ тенденцію къ измѣненію государственнаго строя Россіи, къ введенію въ Россіи „олигархическаго правленія". Эта тенденція вызвала со стороны государя самое рѣзкое осужденіе. Послѣдствіемъ описаннаго эпизода было принятіе ряда репрессивныхъ мѣръ, которыя били дальше цѣли. Очереднымъ дворянскимъ собраніямъ было запрещено вовсе касаться крестьянскаго вопроса, а такъ какъ это запрещеніе въ сущности нарушало законныя права дворянскихъ собраній, то на этой почвѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ разыгрались конфликты, жертвами которыхъ явились такіе достойнѣйшіе представители передовой интеллигенціи, какъ Унковскій, Европеусъ, Головачевъ.

Какъ бы то ни было, редакціонныя комиссіи въ своей защитѣ крестьянскихъ интересовъ при выработкѣ проекта Положенія находили сильную поддержку со стороны государя, чему немало содѣйствовало постоянное посредничество между комиссіями и государемъ предсѣдателя комиссій, человѣка близкаго къ государю и въ то же время солидарнаго съ большинствомъ комиссій,—Якова Ивановича Ростовцева.

И вотъ, въ тотъ моментъ, когда борьба партій достигла наибольшаго ожесточенія и нападки крѣпостниковъ на редакціонныя комиссіи приняли наиболѣе обостренный характеръ, Ростовцева не стало. 6 фев-

раля 1860 г. Ростовцевъ послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни скончался. Государь присутствовалъ при агоніи Ростовцева и выслушалъ его предсмертныя, едва слышнымъ голосомъ произнесенныя, слова: „Государь, не бойтесь!“

Теперь открывался трудный вопросъ: кѣмъ замѣстить Ростовцева на посту предсѣдателя редакціонныхъ комиссій? Государь долго обдумывалъ этотъ вопросъ и сдѣлалъ свой выборъ, повидимому, тщательно взвѣсивъ всю сложность даннаго момента. Въ виду сильнаго раздраженія на дѣятельность редакціонныхъ комиссій, обнаруженнаго защитниками дворянскихъ преимуществъ, государь считалъ нужнымъ сдѣлать видимую уступку дворянской партіи, нисколько не отступая въ то же время отъ своего сочувственнаго отношенія къ проектамъ редакціонныхъ комиссій. Онъ рѣшилъ замѣстить Ростовцева человѣкомъ, который одинаково былъ извѣстенъ какъ крѣпостническими воззрѣніями, такъ и готовностью исполнять какія угодно приказанія свыше вопреки собственнымъ убѣжденіямъ. То былъ министръ юстиціи гр. Панинъ. Это назначеніе оживило надежды крѣпостниковъ и возбудило удручающую тревогу среди передовыхъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій. Но, ввѣряя Панину этотъ отвѣтственный постъ, государь поставилъ ему условіе: „вести все такъ, какъ было до него“, а одному изъ членовъ комиссій — Семенову — государемъ было сказано: „я прошу тебя успокоить своихъ товарищей... Я не только не допущу никакого измѣненія въ составѣ комиссій, но и обезпечу вамъ составленіе проекта согласно мнѣнію большинства, безъ всякаго препятствія со стороны предсѣдателя комиссій. Васъ, сотрудниковъ покойнаго Якова Ивановича, прошу

окончить дѣло въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ мы его вели доселѣ".

Какъ бы въ противовѣсъ назначенію Панина вскорѣ состоялось другое: предсѣдательство въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу было передано вмѣсто заболѣвшаго кн. Орлова, всѣ симпатіи котораго были на сторонѣ крѣпостного права, великому князю Константину Николаевичу, неизмѣнному и горячему стороннику крестьянской реформы.

10-го октября 1860 г. проекты, составленные редакціонными комиссіями, поступили на разсмотрѣніе главнаго комитета. Государь предоставилъ главному комитету полную свободу дѣйствій, замкнувшись въ строго нейтральной, выжидательной позиціи. „Императоръ,—писалъ хорошо освѣдомленный Головнинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ за это время,—остается безмолвнымъ и безстрастнымъ и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній Его Величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе императоромъ всего этого дѣла дѣлаетъ ему величайшую честь".

Зато, когда главный комитетъ закончилъ свои занятія, государь, лично закрывая его засѣданія, произнесъ рѣчь съ твердымъ выраженіемъ своей воли. Лестно отозвавшись о трудахъ редакціонныхъ комиссій, государь заявилъ, что теперь, послѣ того, какъ имъ была предоставлена полная свобода выраженію разнообразныхъ мнѣній въ комитетѣ, онъ болѣе не допуститъ никакихъ проволочекъ и назначаетъ послѣднимъ срокомъ завершенія всего дѣла 15 февраля 1861 г. „Этого,—сказалъ государь,—я желаю, требую, повелѣваю".

28-го января 1861 г. началось обсужденіе проекта

Положенія въ государственномъ совѣтѣ. Государь лично открылъ это обсужденіе обширной рѣчью. Прежде всего государь повторилъ свое желаніе, чтобы Положеніе окончательно было обсуждено къ половинѣ февраля и могло быть обнародовано къ открытію полевыхъ работъ. Затѣмъ государь выразилъ похвалу „тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ“, засвидѣтельствовавъ „передъ потомствомъ“, что приступъ къ реформѣ совершился „по вызову самого дворянства“, и указалъ на необходимость при окончательномъ обсужденіи законопроекта согласить возможно меньшія пожертвованія со стороны дворянъ съ дѣйствительнымъ—„не на бумагѣ, а на дѣлѣ“—улучшеніемъ крестьянскаго быта. Далѣе государь представилъ общій обзоръ подготовительныхъ къ реформѣ работъ и въ заключеніе выразилъ требованіе, чтобы члены государственнаго совѣта, „отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники“.

17-го февраля занятія совѣта были закончены. 19-го февраля проектъ манифеста и указа сенату былъ доставленъ въ Зимній дворецъ. Удаливъ всѣхъ изъ своего кабинета, „наединѣ съ своею совѣстью“ государь подписалъ манифестъ, возвѣщавшій, по счастливому выраженію одного писателя, милліонамъ живыхъ мертвецовъ день воскресенія.

Въ одномъ изъ докладовъ, представленныхъ государю министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ еще въ самомъ началѣ преобразовательныхъ работъ, весьма удачно было выражено, какого образа дѣйствій над-

лежитъ держаться правительству въ періодъ разработки реформы: „надо дѣйствовать,—говорилось въ докладѣ,—осторожно, но постоянно, не смущаясь возгласами ни пылкихъ любителей новизны, ни упорныхъ поклонниковъ старины". Соображая всѣ приведенные выше факты, мы въ правѣ, думается мнѣ, придти къ тому заключенію, что императоръ Александръ Николаевичъ близко подошелъ къ этому идеалу въ своихъ дѣйствіяхъ по крестьянской реформѣ, и если и выдавались моменты, когда возгласы упорныхъ поклонниковъ старины наводили тѣнь смущенія на его душу, то все же онъ съ истиннымъ достоинствомъ провелъ дѣло крестьянской реформы мимо тѣхъ мелей, у которыхъ оно могло надолго задержаться, и тѣхъ подводныхъ камней, о которые оно могло совершенно разбиться.

Если искусство править состоитъ въ умѣніи вѣрно опредѣлять назрѣвшія потребности эпохи, открывать свободный выходъ таящимся въ обществѣ жизнеспособнымъ и плодотворнымъ стремленіямъ, съ высоты безпристрастія умиротворять взаимно враждебныя партіи силою разумныхъ соглашеній, то нельзя не признать, что императоръ Александръ Николаевичъ вѣрно понялъ сущность своего призванія въ достопамятные 1855—1861 годы своего царствованія.

А. Кизеветтеръ.

Основныя теченія правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы.

Въ Московскомъ государствѣ и въ Россійской имперіи при Петрѣ Великомъ, пока шла борьба за формированіе и сохраненіе государственной территоріи, напрягавшая до крайности всѣ силы населенія и поглощавшая безъ остатка всѣ средства страны,—борьба, подъ вліяніемъ которой и сложился соціальный и политическій строй русскаго народа,—конечно, не могла и возникнуть мысль о неправомѣрности крѣпостного права, какъ таковаго. Тогда могли лишь возникать, и то только въ отдѣльныхъ, весьма рѣдкихъ умахъ того времени, мысли о желательности болѣе человѣчнаго обращенія господъ со своими крѣпостными во имя требованія христіанской вѣры. Мысль о ненормальности и неправомѣрности крѣпостного права могла явиться и получить ходъ лишь въ концѣ XVIII вѣка, когда окончательно сложилось и окрѣпло огромное тѣло русскаго государства, когда достаточно упрочились его внѣшняя безопасность и могущество, когда совершенно измѣнилась организація его военной силы и когда, наконецъ, и правительство и руководящіе круги общества могли сосредоточить свои помыслы и заботы на вопросахъ внутренняго устроенія и улучшенія народной и государственной жизни. Съ этого времени въ Россіи начинается новая эпоха,—эпоха раскрѣпощенія сословій и ослабленія деспотизма центральной власти. Этотъ новый процессъ, начавшійся въ концѣ XVIII вѣка, необходимо долженъ былъ, рано или поздно, привести и къ великимъ реформамъ Александра II, и къ великимъ событіямъ нашего времени.

Ускоренію этого процесса чрезвычайно способствовало пріобщеніе Россіи въ XVIII вѣкѣ къ западно-европейскому просвѣщенію, а въ XIX вѣкѣ тѣ великія международныя потрясенія, которыя произошли въ началѣ этого вѣка и которыя въ свою очередь уско-

рилп развитіе различныхъ экономическихъ факторовъ, создавшихъ опредѣленныя формы для развитія и исхода совершавшагося въ Россіи соціально-политическаго процесса.

Въ царствованіе Екатерины II вопросъ о ненормальности и неправомѣрности крѣпостного права впервые получилъ опредѣленную формулировку, которая преемственно передавалась лучшими и наиболѣе просвѣщенными умами русскаго общества отъ поколѣнія къ поколѣнію: отъ Радищева черезъ Николая Тургенева и другихъ декабристовъ къ передовымъ кругамъ русской интеллигенціи 40-хъ годовъ и отъ нихъ къ дѣятелямъ эпохи освобожденія.

При Александрѣ I, еще до исхода наполеоновскихъ войнъ, на западныхъ окраинахъ русскаго государства начинаютъ созрѣвать тѣ экономическія условія, которыя дѣлаютъ формы крѣпостного хозяйства невыгодными для самихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ. Уплотненіе населенія, ростъ городовъ, близость значительныхъ рынковъ, необходимость интенсификаціи сельскаго хозяйства создаютъ въ Остзейскомъ краѣ, а отчасти и въ сосѣднихъ литовскихъ губерніяхъ для мѣстныхъ землевладѣльцевъ условія, при которыхъ крѣпостное право становится явно невыгоднымъ, особенно въ виду тѣхъ стѣсненій и ограниченій помѣщичьяго произвола, которыя налагаются государственной властью подъ вліяніемъ идейныхъ требованій новаго времени. Послѣ первыхъ рѣшительныхъ мѣръ ограниченія помѣщичьяго произвола, принятыхъ Александромъ (въ 1804 и 1805 гг.) въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ, среди помѣщиковъ Остзейскаго края развивается сильное движеніе къ полному, но безземельному освобожденію крестьянъ, что и удается имъ провести въ 1816—1819 гг. Это движеніе вызываетъ страхъ и негодованіе помѣщиковъ въ малонаселенныхъ, некультурныхъ и отдаленныхъ отъ рынковъ центральныхъ и особенно восточныхъ русскихъ губерніяхъ (какъ, напр., въ Пензѣ при Сперанскомъ или въ Симбирскѣ во время пребыванія тамъ Н. Тургенева въ 1818 г.); но оно тогда же передается сосѣднимъ литовскимъ и бѣлорусскимъ помѣщикамъ, и въ Динабургскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, образуется съ разрѣшенія правительства дворянскій комитетъ (въ 1819 г.) для выработки условій ликвидаціи крѣпостного права. Послѣ наполеоновскихъ войнъ населеніе Россіи, испытавшее на себѣ дѣйствіе континентальной системы, смѣнявшихся противорѣчивыхъ таможенныхъ тарифовъ, безцеремонныхъ и безпорядочныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, полнаго разстройства всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, и перенесшее ужасающее разореніе и разгромъ во время нашествія Наполеона въ 1812 г., а затѣмъ увидѣвшее отечество свое на верху славы, при чемъ многочисленные представители рус-

скаго общества, пройдя всю Европу изъ конца въ конецъ, непосредственно познакомились съ порядкомъ и условіями жизни наиболѣе цивилизованныхъ странъ и съ идеями возрожденія въ Германіи,—населеніе это не могло уже примириться съ возвращеніемъ къ прежнимъ условіямъ своего быта. Къ тому же устои этого быта значительно расшатались. На положеніи помѣщичьихъ хозяйствъ расходы и разореніе, вызванные наполеоновскими войнами, отразились особенно сильно. Послѣ наполеоновскаго погрома многія помѣщичьи хозяйства не могли уже вынести неурожаевъ, случившихся въ Россіи (особенно въ западной ея части) въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Между тѣмъ личныя потребности помѣщиковъ, послѣ близкаго знакомства съ европейскою жизнью, росли и осложнялись; параллельно съ этимъ увеличивалась чрезвычайно быстро и та задолженность, начало которой относится къ періоду, слѣдовавшему за наполеоновскими войнами. Въ это же самое время населеніе, ростъ котораго затормозился было періодомъ войнъ и связанныхъ съ ними эпидемій, стало значительно прибывать, что ощущалось замѣтнѣе всего въ центральныхъ черноземныхъ и безъ того уже сравнительно густо населенныхъ губерніяхъ. Стала и здѣсь ощущаться необходимость интенсификаціи хозяйства, стали и здѣсь помѣщики тяготиться лишними ртами, которыхъ было некуда пристроить и которыхъ нельзя было совершенно исчерпать даже усиленнымъ переводомъ крестьянъ въ дворовые, сильно практиковавшимся въ это время. Въ результатѣ и въ русскихъ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ среди помѣщиковъ стало пробиваться сознаніе *выгодности* для нихъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, при условіи сохраненія всей земли въ ихъ обладаніи. Съ другой стороны, хозяйственныя затрудненія и плохое состояніе помѣщичьихъ бюджетовъ отражались весьма замѣтно на положеніи крѣпостныхъ, которое естественно становилось все хуже, а это въ свою очередь обостряло взаимныя отношенія между крѣпостными крестьянами и ихъ господами и вело къ постояннымъ волненіямъ крестьянъ и учащавшимся случаямъ самовольныхъ расправъ съ наиболѣе жестокими помѣщиками и управляющими имѣній. Настроеніе крѣпостного крестьянства становилось все безпокойнѣе, и призракъ пугачевщины тревожилъ одинаково и помѣщиковъ и правительство.

Въ царствованіе Николая Павловича въ Россіи пришлось усмирить силою власти болѣе 500 крестьянскихъ волненій. Естественно, что правительство признавало крестьянскій вопросъ достаточно назрѣвшимъ и дѣятельно, хотя и неумѣло, старалось подготовить его грядущее разрѣшеніе мирнымъ путемъ. Однако подготовительныя мѣры правительства, обсуждавшіяся въ рядѣ негласныхъ комитетовъ,

привели въ 40-хъ годахъ къ болѣе или менѣе существеннымъ ограниченіямъ помѣщичьяго произвола *лишь въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ,* гдѣ Николай Павловичъ не считалъ нужнымъ особенно церемониться съ мѣстнымъ дворянствомъ, обнаружившимъ свою враждебность къ русскому правительству, и гдѣ, съ другой стороны, антагонизмъ между крестьянствомъ и дворянствомъ дошелъ до крайняго предѣла и грозилъ такою же рѣзней, какая произошла въ 1846 г. въ сосѣдней Галиціи. Съ помѣщиками коренныхъ русскихъ губерній императоръ Николай и его «начальникъ штаба по крестьянской части» генералъ Киселевъ, а отчасти и министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій лишь издалека заводили рѣчь о необходимости подумать серьезно о неизбѣжномъ въ будущемъ ограниченіи помѣщичьяго произвола. Въ 1842 г. былъ изданъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, которымъ правительство думало указать дворянству желательный съ правительственной точки зрѣнія путь къ постепенному улаженію крѣпостного вопроса, а когда дворянство не поняло этого намека или нашло для себя неудобнымъ ему послѣдовать, то Николай Павловичъ вошелъ въ непосредственные переговоры съ дворянствомъ двухъ губерній — Смоленской и Тульской — о возможныхъ мѣрахъ къ постепенной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. При этихъ переговорахъ обнаружилось, что для дворянства вопросъ этотъ не былъ въ сущности ни новъ, ни неясенъ и что въ средѣ его уже созрѣли довольно опредѣленные планы его разрѣшенія,—планы, разнившіеся между собой, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ различія въ интересахъ дворянства и въ его экономическомъ положеніи въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ черноземныхъ—съ одной стороны, и въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ — съ другой. Тульскіе дворяне-помѣщики черноземной и относительно густо населенной губерніи обнаружили склонность къ освобожденію крестьянъ безъ земли или съ ничтожнымъ надѣломъ за небольшой сравнительно выкупъ; наоборотъ, въ средѣ смоленскихъ помѣщиковъ, гдѣ земля имѣла ничтожную цѣнность и гдѣ цѣнилось главнымъ образомъ личное крѣпостное право, право на полученіе болѣе или менѣе значительныхъ оброковъ со своихъ крѣпостныхъ, созрѣлъ весьма обдуманно и толково составленный проектъ освобожденія крестьянъ съ значительнымъ земельнымъ надѣломъ, но подъ условіемъ хорошаго единовременнаго денежнаго выкупа при помощи особой кредитной операціи (проектъ А. А. Вонлярлярскаго, см. «Крестьянскій вопросъ въ Россіи» В. И. Семевскаго, т. II, стр. 170). Какъ тѣ, такъ и другіе помѣщики не шли лишь навстрѣчу *правительственнымъ* предположеніямъ, клонившимся къ переводу крестьянъ въ обязанные крѣпкіе землѣ без-

срочные арендаторы, платящіе помѣщикамъ опредѣленные оброки или отбывающіе барщину въ ихъ имѣніяхъ, съ значительнымъ притомъ ограниченіемъ помѣщичьяго произвола.

Какъ ни секретно велись эти переговоры, слухи о нихъ проникли въ столичные литературные круги, среди которыхъ оживились тогда надежды на движеніе воды въ крестьянскомъ вопросѣ, что видно изъ нѣкоторыхъ статей «Отечественныхъ Записокъ» и изъ переписки Бѣлинскаго съ Анненковымъ.

Но пока шли эти переговоры, разразилась февральская революція 1848 г. въ Парижѣ, затѣмъ мартовскіе дни въ Берлинѣ и Вѣнѣ, и императоръ Николай, увидѣвшій въ этомъ угрозу незыблемости самодержавной власти и въ Россіи, рѣшительно повернулъ въ сторону реакціи и прекратилъ всякіе разговоры о какихъ бы то ни было реформахъ. «Крестьянскій вопросъ лопнулъ», по выраженію Киселева, и о немъ строжайше запрещены были всякіе толки и даже намеки въ печати. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ и опытныхъ государственныхъ людей того времени, гр. С. С. Уваровъ, очень опредѣленно формулировалъ тогда въ частномъ разговорѣ съ извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ связь крестьянскаго вопроса съ тогдашними политическими опасеніями.

«Вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи, — сказалъ гр. Уваровъ Погодину. — Это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и у другого одно историческое начало; *законность ихъ одинакова*...»

«... Крѣпостное право существуетъ, каково бы ни было, и нарушеніе его повлечетъ за собою неудовольствіе дворянскаго сословія, *которое будетъ искать себѣ вознагражденіе гдѣ-нибудь, а искать негдѣ, кромѣ области самодержавія*»...

Погодинъ до того былъ пораженъ этой замѣчательной формулировкой, что хотя и позволилъ себѣ, «опомнившись», какъ онъ выражается, сдѣлать, записывая этотъ разговоръ, нѣкоторыя свои примѣчанія, однако же къ заключенію Уварова онъ приписалъ только слово «аминь», а въ заключеніи выражена была мысль, что въ виду великой сложности и трудности этого вопроса, *связаннаго съ интересами Церкви (!) и престола,* его слѣдуетъ отложить надолго: одно просвѣщеніе можетъ-де приготовить разрѣшеніе этого вопроса «наилучшимъ образомъ». Гофмаршалъ наслѣдника прямо написалъ тогда по порученію цесаревича одному изъ представителей тульскихъ дворянъ, что государь-императоръ находитъ неумѣстнымъ въ данное время всякое обсужденіе этого вопроса; и самъ императоръ Николай при пріемѣ депутаціи петер-

бургскаго дворянства въ мартѣ 1848 г. не менѣе категорически отрекся отъ своихъ прежнихъ плановъ и видовъ по крестьянскому вопросу.

Такимъ образомъ въ движеніи этого дѣла произошла на нѣсколько лѣтъ заминка, которая однакожъ не могла остановить внутренняго развитія процесса русской жизни и можетъ быть повліяла лишь на характеръ развязки, наступившей вслѣдъ за севастопольской катастрофой. Впрочемъ, вынужденное молчаніе по этому вопросу всей подцензурной русской печати не могло остановить свободнаго пера Герцена, которому и принадлежитъ честь формулировки передового общественнаго мнѣнія въ концѣ царствованія Николая. Уже въ 1853 г., обращаясь къ русскому дворянству (въ статьѣ «Юрьевъ день! Юрьевъ день!» Заграничн. изд. т. V, стр. 301—309, изд. Павленкова, т. V, стр. 326—329), онъ писалъ: «Взвѣсьте, что вамъ выгоднѣе, — освобожденіе крестьянъ съ землею и *съ вашимъ участіемъ,* или борьба противъ освобожденія *съ участіемъ правительства?* Взвѣсьте, что выгоднѣе, — начать собою новую, свободную Русь и полюбовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами, или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой. Если есть только будущность Руси и міру славянскому, *крестьяне будутъ свободны*»... «И вы, и я — писалъ онъ тамъ же, — мы чувствуемъ и знаемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо»... Дальше онъ говорилъ, что если крестьянъ не освободятъ дворяне, то освободитъ царь или пугачевщина.

Въ рѣчи, произнесенной въ Лондонѣ въ 1854 г. въ годовщину февральской революціи на международномъ собраніи, Герценъ сказалъ о крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи, что «дворяне были бы рады отпустить крестьянъ на волю, оставивъ за собой всѣ земли»... Однако «теперь и правительство и дворянство поняли, что *мужику нужна земля.* Опыты свести крестьянъ на самомалѣйшую долю земли были сдѣланы и не удались»...

«Какъ раздѣлить земли, указываетъ, — продолжаетъ онъ, — самое положеніе дѣлъ и духъ народа. Мужикъ хочетъ себѣ лишь мірскую землю, лишь ту, которую онъ оросилъ потомъ лица своего, которую пріобрѣлъ святымъ *правомъ работы;* болѣе онъ не требуетъ. Мужикъ русскій не вѣритъ, чтобы мірская земля могла принадлежать иному, нежели міру. Онъ скорѣе вѣритъ, что онъ самъ принадлежитъ землѣ, нежели что землю можно отнять у міра. Это чрезвычайно важно»... (сочиненія, т. V, стр. 348).

Итакъ, освобожденіе крестьянъ со всей той землей, которой они пользуются при крѣпостномъ правѣ, — таково послѣднее слово

передовой общественной мысли въ самомъ концѣ николаевскаго царствованія. Лучше, если это освобожденіе послѣдуетъ по инициативѣ самого дворянства, нежели по приказу правительства или путемъ пугачевщины.

Съ началомъ русско-турецкой войны въ 1853 году общественное мнѣніе въ Россіи, совершенно было заглохшее послѣ 1848 г., стало вновь понемногу пробуждаться и дерзать обнаруживаться, сначала робко и скромно, а затѣмъ все свободнѣе и смѣлѣе. При полной невозможности высказать его печатно, оно стало проявляться въ формѣ рукописныхъ записокъ и писемъ, переписывавшихся и передававшихся изъ рукъ въ руки безъ всякой спеціальной организаціи и даже безъ предварительнаго уговора. «Правительство, — вспоминаетъ въ своихъ «запискахъ» объ этомъ времени одинъ изъ представителей тогдашнихъ славянофиловъ А. И. Кошелевъ, — занятое военными приготовленіями и дѣйствіями, менѣе обращало вниманіе на дѣла внутренняго управленія. Казалось, что изъ томительной и мрачной темницы мы какъ будто выходимъ если не на свѣтъ Божій, то по крайней мѣрѣ въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ»...

Ранѣе другихъ и съ наибольшей силою, а по нѣкоторымъ вопросамъ и съ наибольшей рѣзкостью выступилъ въ это время со своими рукописными записками и письмами извѣстный историкъ, профессоръ и публицистъ (издатель «Москвитянина») М. П. Погодинъ — человѣкъ, не пользовавшійся полнымъ довѣріемъ даже со стороны своихъ ближайшихъ единомышленниковъ и сотрудниковъ, но произведшій въ тотъ моментъ своими политическими письмами огромное впечатлѣніе на всѣ круги общества, а также и на правящія сферы. Однако же мѣры, предлагавшіяся Погодинымъ, по крестьянскому вопросу, особенно въ первыхъ его письмахъ, были чрезвычайно скромны и далеко отставали отъ програмы, формулированной въ 1853—54 гг. Герценомъ, хотя Погодинъ и признавалъ всю важность этого вопроса.

Предлагая пустить въ ходъ самыя радикальныя средства для борьбы съ внѣшними врагами вплоть до освобожденія Польши, Венгріи, Италіи, не говоря о балканскихъ славянахъ, и убѣждая (въ маѣ 1855 г.) Александра Николаевича созвать Земскую Думу въ Россіи, возстановить конституцію 1815 г. въ Польшѣ и т. п., въ отношеніи крѣпостного права даже въ письмѣ отъ 3 января 1856 г. Погодинъ предлагалъ лишь слѣдующія мѣры: объявить «твердое *намѣреніе* освободить постепенно крестьянъ, опредѣляя ежегодно извѣстную сумму изъ государственныхъ доходовъ для вы-

купа ихъ по жребію, или въ награду за хорошее поведеніе, по вѣрнымъ свидѣтельствамъ міра, «что» успокоитъ крестьянъ надолго, возбудитъ дѣятельность, дастъ силы для терпѣнія, утишитъ поднятые безъ толку толки, *а исполниться оно можетъ въ неопредѣленное время (!),* безъ малѣйшаго ущерба дворянству, по полюбовнымъ соглашеніямъ. Дайте право пріобрѣтать землю, кому угодно, съ обязанными крестьянами, что вдругъ освободитъ ихъ множество»... Вотъ и все.

Въ любопытной запискѣ «Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи», присланной Герцену въ 1855 г. и напечатанной въ 1856 г. въ I книжкѣ «Голосовъ изъ Россіи» (стр. 67 и слѣд.), — запискѣ, приписывавшейся и, повидимому, и дѣйствительно принадлежавшей Грановскому, въ высшей степени замѣчательной по вѣрности и объективности критики николаевскаго царствованія, — по отношенію къ крестьянскому вопросу авторъ считалъ нужнымъ сдѣлать лишь слѣдующее осторожное заявленіе: «Мы не говоримъ, чтобъ русское крестьянство тотчасъ же освободить; но воспитывать мало-по-малу къ неизбѣжному освобожденію — того настоятельно требуетъ благоразуміе. Умалчиваемъ о высшихъ требованіяхъ»... А между тѣмъ эта записка оканчивалась такимъ страстнымъ призывомъ къ правительству: «Простору намъ, простору! Того только и ждемъ мы, всѣ мы, отъ крестьянина до вельможи, какъ изсохшая земля жаждетъ живительнаго дождя. Мы всѣ простираемъ руки къ престолу и молимъ: простору намъ, державный царь! Наши члены онѣмѣли; мы отвыкли дышать свободно. Просторъ намъ нуженъ, какъ воздухъ, какъ хлѣбъ, какъ свѣтъ Божій! Онъ нуженъ для каждаго изъ насъ, нуженъ для всей Россіи, для ея процвѣтанія внутри, для ея огражденія и крѣпости извнѣ».

Этотъ призывъ къ правительству сопровождался призывомъ къ обществу и въ особенности къ молодому поколѣнію, отъ котораго авторъ требовалъ избѣгать «опрометчивости, несбыточныхъ желаній и цѣлей», утверждая, что время радикализма «прошло даже для Западной Европы», и приглашалъ его «окружить престолъ любовію» и поддерживать молодого царя въ его благихъ начинаніяхъ. Записка эта вполнѣ гармонировала съ тѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ къ заграничнымъ памфлетамъ и рѣчамъ Герцена, которое Грановскій, при всей любви и дружбѣ къ нему, довольно рѣзко высказывалъ въ послѣднихъ предсмертныхъ письмахъ своихъ къ Кавелину и А. Станкевичу.

При столь же рѣшительномъ осужденіи предшествовавшаго царствованія, также осторожно и умѣренно обсуждалъ мѣры къ ликвидаціи крѣпостного права и Ю. Ф. Самаринъ, хотя и ставилъ

въ своей запискѣ рѣшеніе крестьянскаго вопроса краеугольнымъ камнемъ внутренней политики всеобщаго обновленія общественнаго и административнаго строя Россіи. Свою записку Самаринъ началъ составлять еще въ 1854 г. и затѣмъ представилъ ее правительству и пустилъ въ оборотъ лишь въ 1856 г., т.-е. уже при Александрѣ II, въ значительно переработанномъ видѣ. Но и тутъ онъ считалъ неизбѣжнымъ осторожное и постепенное рѣшеніе вопроса, примыкая его къ мѣропріятіямъ предшествующаго царствованія и ставя въ связь съ закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ, при чемъ онъ хлопоталъ въ особенности объ обезпеченіи крестьянъ землей за опредѣленныя повинности. Такова же была записка, написанная нѣсколько позже кн. В. А. Черкасскимъ (въ 1856 г.).

Изъ всѣхъ записокъ, составленныхъ въ первый годъ по воцареніи Александра, лишь записка К. Д. Кавелина (первая часть ея была составлена въ 1855 г.) примыкала къ герценовской программѣ полнаго освобожденія крестьянъ съ землей при помощи выкупной операціи.

Въ современной печати, хотя она и была освобождена отъ того гнета, который ей приходилось испытывать послѣ 1848 г. подъ ферулой извѣстнаго Бутурлинскаго комитета, хотя съ 1856 г. расширена была нѣсколько программа «Современника» и разрѣшены были новые журналы «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда,— однако же крестьянскій вопросъ оставался еще подъ полнымъ запретомъ и крѣпостного права не дозволялось касаться вплоть до конца 1857 года даже намеками (К. С. Аксаковъ за такой намекъ въ «Молвѣ» получилъ въ 1857 г. внушительное увѣщаніе отъ Вяземскаго).

Пробудившееся русское общество обнаруживало въ то время необыкновенное единодушіе въ отношеніи ближайшихъ практическихъ проблемъ русской жизни, выставляя на первыхъ порахъ чрезвычайно скромныя программы и desiderata и относясь съ чрезвычайнымъ довѣріемъ и оптимизмомъ къ намѣреніямъ только что вступившаго на престолъ молодого царя. Чернышевскій, констатируя свое единомысліе въ этомъ отношеніи съ «Русской Бесѣдой» славянофиловъ, писалъ въ это время: «согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ только рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та и другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро кѣмъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ вы-

сказано болѣе здоровое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же».

«*Въ самомъ дълъ чего хотимъ мы всъ? — увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дъятельности; проложенія желъзныхъ дорогъ; разумнаго распредъленія экономическихъ силъ и т. д...*» Подъ «разумнымъ распредѣленіемъ экономическихъ силъ» разумѣлось, конечно, упраздненіе крѣпостного права.

Приведя эту въ высшей степени скромную программу и утверждая, что и во взглядахъ на существенныя нужды и задачи науки въ тотъ моментъ не было практически-важной разницы между славянофилами и «Современникомъ», Чернышевскій ставилъ вопросъ: въ чемъ же несогласіе между нами (т.-е. передовыми западниками) и славянофилами? и отвѣчалъ: «въ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время служить достаточнымъ основаніемъ для разъединенія здравомыслящихъ людей. Это вопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложенія къ жизни, — вопросы, ведя споръ о которыхъ (насколько у насъ возможенъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединенныхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины».

Неудивительно при такомъ взглядѣ «Современника» на задачи момента, что и Грановскій остался такъ недоволенъ въ 1855 г. вышедшей еще при его жизни и привезенной въ Москву докторомъ Пикулинымъ первой книжкой «Полярной Звѣзды» Герцена. Онъ былъ недоволенъ не практической программой, выставленной Герценомъ,—ибо эта программа, при всей относительной ея радикальности и прямолинейности, въ сущности была очень близка программѣ всѣхъ передовыхъ кружковъ тогдашней русской интеллигенціи,—а тѣмъ непримиримымъ тономъ, съ которымъ Герценъ говорилъ о Николаѣ и тѣми соціалистическими и радикальными статьями на общеевропейскія темы, которыя признавались столь чуждыми очереднымъ русскимъ вопросамъ, а въ то же время могли вырыть пропасть между радикальной заграничной печатью и русской передовой интеллигенціей, которая въ тотъ моментъ не желала быть въ оппозиціи, даже лойяльной, новому прогрессивному правительству. Этимъ объясняются и тѣ нападки на Герцена, которыя въ довольно рѣзкой формѣ были выражены въ письмѣ, напечатанномъ въ первой книжкѣ «Голосовъ изъ Россіи», подписанномъ «Русскій либералъ», при которомъ присланы были первыя статьи

и рукописныя записки, принадлежавшія перу таких людей, какъ Грановскій, Кавелинъ и др. и напечатанныя Герценомъ въ первыхъ трехъ книжкахъ «Голосовъ изъ Россіи», а частью и ненапечатанныя вовсе.

Въ этомъ письмѣ, изъ всѣхъ статей, напечатанныхъ Герценомъ въ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды», выражалось сочувствіе лишь письму Герцена къ Александру II, которое понравилось московскимъ либераламъ и по тону и по содержанію. Въ этомъ письмѣ выражена была та практическая программа Герцена,—говоря нынѣшнимъ языкомъ, та его программа minimum, — которой онъ остался вѣренъ и черезъ два года, приступая къ изданію «Колокола». Эта программа кратко формулировала слѣдующія требованія:

Освобожденіе слова—отъ цензуры.

Освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ.

Освобожденіе податного состоянія—отъ побоевъ.

Эта программа по существу не особенно разнилась отъ той, которую выставилъ въ своемъ строгомъ письмѣ къ Герцену и самъ умѣренный «Русскій либералъ». Въ письмѣ этомъ «Либералъ» писалъ между прочимъ: «у насъ теперь все пришло въ движеніе: все, что есть порядочнаго въ обществѣ, устремило взоры и вниманіе на исправленіе внутренней нашей порчи, на улучшеніе законовъ, на искорененіе злоупотребленій. *Мы думаемъ объ томъ, какъ бы освободить крестьянъ безъ потрясенія всего общественнаго организма, мы мечтаемъ о введеніи свободы совѣсти въ государствѣ, объ отмѣненіи или по крайней мѣрѣ объ ослабленіи цензуры...*» По существу, при всей скромности выраженій, это было недалеко отъ вышеприведенной программы Герцена, а по формѣ очень напоминаетъ то, что писалъ въ «Современникѣ» въ слѣдующемъ 1856 г. Чернышевскій...

Такимъ образомъ русскіе либералы—умѣренные и будущіе (и бывшіе) радикалы, славянофилы и западники, однимъ словомъ, всѣ просвѣщенные люди, стремившіеся въ тотъ моментъ къ обновленію обветшалаго строя родной страны, и даже самъ Герценъ, свободно печатавшій свои мысли на лондонскомъ станкѣ, объединились на одной и той же практической программѣ, при чемъ русскихъ публицистовъ и прогрессивныхъ общественныхъ дѣятелей того времени объединяло еще и общее радужное, оптимистическое настроеніе и полное довѣріе къ императору Александру II. Только въ этомъ послѣднемъ отношеніи Герценъ не сходился съ большинствомъ либераловъ и выказывалъ больше требовательности и нетерпѣнія.

Между тѣмъ самъ Александръ II, несмотря на такое, казалось бы, благопріятное для него общественное настроеніе, повидимому

не чувствовалъ подъ собою вполнѣ твердой почвы. Отчасти это происходило отъ того, что ближайшая къ нему придворная среда и высшія правительственныя сферы, хотя и сознавали послѣ крымской кампаніи неудовлетворительность существующаго порядка вещей и необходимость коренныхъ преобразованій, далеко не были однако же охвачены тѣмъ энтузіазмомъ къ преобразованіямъ, которымъ охвачено было все прогрессивное мыслящее общество. Съ другой стороны—и это было, быть можетъ, еще важнѣе—самъ императоръ Александръ ни по характеру, ни по воспитанію своему отнюдь не былъ преобразователемъ. Хотя Жуковскій и пытался когда-то направить его воспитаніе такимъ образомъ, чтобы онъ видѣлъ въ подданныхъ своихъ не только команду и не считалъ отечества своего за казарму, однако же Жуковскому трудно было преодолѣть вліяніе императора Николая и всей придворной плацъ-парадной обстановки, въ которой съ дѣтства росъ и развивался его воспитанникъ. Въ зрѣломъ возрастѣ, пріобщенный къ дѣламъ управленія съ сороковыхъ годовъ, Александръ Николаевичъ отнюдь не показывалъ неудовлетворенности тѣми порядками, которые были заведены его отцомъ, и иногда находилъ даже преждевременными и тѣ скромные шаги къ обузданію помѣщичьяго произвола, которые болѣе обсуждались, нежели предпринимались въ царствованіе императора Николая. Во всякомъ случаѣ лицамъ приближеннымъ хорошо было извѣстно, что послѣ 1848 г. онъ вполнѣ сочувствовалъ всѣмъ реакціоннымъ мѣрамъ Николая Павловича и во внѣшней политикѣ и во внутренней. Извѣстны были также дворянскія и аристократическія тенденціи, проявленныя Александромъ Николаевичемъ въ секретныхъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу въ 1849—1853 годахъ, и его ссора съ Бибиковымъ изъ-за стремленія спасти помѣщиковъ Сѣверо-западнаго края отъ распространенія на ихъ имѣнія бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ 1852 года. Все это давало основаніе лицамъ, окружавшимъ Александра Николаевича, не считать особенно серьезнымъ и искреннимъ то реформаторское и либеральное настроеніе, которое онъ обнаружилъ тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ. Самъ Александръ Николаевичъ, несомнѣнно понялъ однако жъ, что прежняя николаевская система существовать долѣе не можетъ, что въ Россіи требуется глубокое обновленіе всего ея соціальнаго строя и покоящейся на немъ правительственной системы, и каковы бы ни были его привычныя симпатіи и наклонности, онъ твердо рѣшился пойти по тому реформаторскому пути, который одинъ могъ вывести страну изъ кризиса. На этомъ пути прежде всего лежалъ глубоко назрѣвшій и чрезвычайно обострившійся крестьянскій вопросъ, который прихо-

дилось рѣшить быстро и радикально во что бы то ни стало. И хотя у императора Александра не было еще никакого опредѣленнаго плана рѣшенія этого вопроса, неизбѣжность и неотложность ликвидаціи крѣпостного права представлялась и ему несомнѣнной. Съ наибольшей силой и искренностью это настроеніе выразилось въ знаменитой рѣчи его московскому дворянству, которую онъ сказалъ по приглашенію реакціонера и крѣпостника Закревскаго, московскаго генерала-губернатора, просившаго государя успокоить дворянство, взволнованное слухами о предстоящихъ преобразованіяхъ послѣ манифеста о мирѣ, въ которомъ возвѣщалось объ этихъ реформахъ въ красивыхъ, хотя и не совсѣмъ опредѣленныхъ фразахъ. Ни Закревскій, ни даже вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской никакъ не ожидали, конечно, чтобы Александръ сказалъ встревоженному дворянству тѣ знаменитыя слова, которыя у него вырвались и которыя впервые самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердили основательность носившихся въ обществѣ слуховъ о замышляемыхъ правительствомъ преобразованіяхъ. Рѣчь эта, начатая тономъ успокоенія, окончилась неожиданными и роковыми для дворянства словами, взволновавшими еще болѣе и сторонниковъ и враговъ преобразованій: «Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу». Это были почти тѣ же слова, какими пытался воздѣйствовать на дворянство Герценъ въ 1854 г. въ заграничной брошюрѣ. Но теперь они были сказаны открыто въ Москвѣ государемъ, который въ заключеніе прибавилъ: «Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія».

Сказавъ эти слова, взять ихъ обратно было уже невозможно. И Ланской, который незадолго передъ тѣмъ увѣрялъ дворянство въ циркулярѣ, разосланномъ предводителямъ, что государь императоръ повелѣлъ ему «ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству», долженъ былъ принять спѣшныя мѣры къ организаціи подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ. Ланской сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что собственные его взгляды были на сторонѣ эмансипаціи. Несмотря, впрочемъ, на категоричность московской рѣчи, образованный черезъ девять мѣсяцевъ послѣ нея секретный комитетъ изъ высшихъ сановниковъ работалъ вяло и многимъ изъ нихъ, повидимому, все еще не чужда была мысль, что дѣло все-таки не далеко уйдетъ и на этотъ разъ. Въ публикѣ, въ это время нетерпѣливо ожидавшей движенія воды въ крестьянскомъ вопросѣ, все болѣе и болѣе укоренялось

убѣжденіе, что молодой императоръ исполненъ либеральныхъ и доброжелательныхъ стремленій, но что окружающіе его придворные и сановники не помогаютъ, а мѣшаютъ осуществленію его благихъ намѣреній. Сановники же хорошо помнили прежніе его взгляды и убѣжденія и потому плохо вѣрили въ искренность и прочность его освободительныхъ намѣреній и вслѣдствіе этого не спѣшили проявлять въ этомъ дѣлѣ особенной ревности. Къ тому же многіе изъ нихъ и по существу были завзятыми крѣпостниками и реакціонерами. Александръ тѣмъ не менѣе не хотѣлъ съ ними разставаться. Ему тѣмъ труднѣе было замѣнить ихъ новыми людьми, что ко всякому новому человѣку не изъ привычной ему придворной среды онъ склоненъ былъ относиться подозрительно и съ предубѣжденіемъ, особенно, когда такой человѣкъ имѣлъ уже репутацію либерала по убѣжденіямъ, или *краснаго*, какъ аттестовали подобныхъ людей придворные реакціонеры. Эта черта долго мѣшала ему воспользоваться талантами такого человѣка, какъ Николай Милютинъ, и она же заставила его и въ данномъ случаѣ искать ближайшаго исполнителя своихъ предначертаній по крестьянскому дѣлу среди своихъ старыхъ сотрудниковъ и сослуживцевъ.

Выборъ его остановился на Ростовцевѣ, его ближайшемъ помощникѣ по завѣдыванію военно-учебными заведеніями. Выборъ оказался, къ счастію, на этотъ разъ удачнымъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что Ростовцевъ искренно увлекся этой новой для него миссіей и понялъ ея чрезвычайную важность; но такъ какъ онъ былъ совершенно не знакомъ съ дѣломъ, то дѣло при его содѣйствіи могло двинуться не раньше, чѣмъ онъ постепенно съ нимъ ознакомился, по крайней мѣрѣ теоретически, путемъ чтенія многочисленныхъ проектовъ и записокъ по крестьянскому дѣлу, доставленныхъ правительству въ рукописяхъ или напечатанныхъ за границей.

Послѣ московской рѣчи министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской разсчитывалъ сперва, что все дѣло будетъ вестись при его посредствѣ и онъ дѣятельно принялся при помощи своего товарища А. И. Левшина подготовлять необходимыя для рѣшенія вопроса данныя и собирать расиространенные въ публикѣ и представленные правительству проекты. Онъ понималъ, что приниматься за рѣшеніе этого вопроса безъ опредѣленнаго плана чрезвычайно рискованно, но самъ обдуманнаго и вполнѣ усвоеннаго плана реформы не имѣлъ, какъ не имѣлъ его и ближайшій его помощникъ Левшинъ. Лишь въ концѣ 1856 г. передъ самымъ открытіемъ негласнаго комитета онъ высказался противъ всякихъ кредитныхъ операцій и противъ выкупа земли для крестьянъ при содѣйствіи госу-

дарства и за постепенную отмѣну крѣпостного права съ сохраненіемъ для крестьянъ ихъ осѣдлости и съ предоставленіемъ имъ самимъ заботиться о пріобрѣтеніи земельнаго надѣла отъ помѣщиковъ.

Императоръ Александръ не спѣшилъ принимать какихъ бы то ни было опредѣленныхъ мѣръ, разсчитывая дождаться иниціативы самого помѣстнаго дворянства, которому и послѣ московской рѣчи дѣлались въ этомъ смыслѣ различные указанія и намеки. Такъ лѣтомъ 1856 г., получивъ письмо отъ своей тетки вел. кн. Елены Павловны, въ которомъ она просила, собираясь приступить къ устройству своихъ крестьянъ въ имѣніи Карловкѣ, Полтавской губерніи, указать ей общія начала, на которыхъ помѣщики могутъ приступить къ такому преобразованію, Александръ отвѣчалъ, что онъ не можетъ указать нынѣ же общихъ основаній въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ, въ виду трудности и сложности вопроса, преднамѣренно не спѣшитъ «начертаніемъ общихъ законоположеній», выжидая, «чтобы благомыслящіе владѣльцы населенныхъ имѣній сами высказались, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ на началахъ для обѣихъ сторонъ неотяготительныхъ и человѣколюбивыхъ»... Но дворянство въ свою очередь упорно отклоняло отъ себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, ссылаясь на то, что оно не знаетъ намѣреній правительства относительно предѣловъ и способовъ реформы, а само не умѣетъ придумать...

Ю. Ф. Самаринъ въ одной запискѣ, составленной имъ для вел. кн. Елены Павловны, утверждалъ, что «дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства...»

Изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ правительство нашло исходъ лишь при помощи дворянства литовскихъ губерній, передъ которымъ былъ вновь поставленъ вопросъ о введеніи инвентарныхъ правилъ, при чемъ ему предоставлено было обсудить этотъ вопросъ, не стѣсняясь прежними инструкціями и распоряженіями. Опасаясь введенія обязательныхъ инвентарей, стѣсняющихъ помѣщичій произволъ и въ то же время не развязывающихъ ихъ съ крестьянами, литовскіе помѣщики рѣшились ходатайствовать передъ правительствомъ о безземельномъ освобожденіи ихъ крестьянъ и тѣмъ дали ему возможность, опираясь на это ходатайство, сильно подвинуть крестьянскій вопросъ къ разрѣшенію.

Къ этому времени въ рукахъ правительства скопилось не менѣе сотни проектовъ ликвидаціи крѣпостного права, которые были составлены почти всѣ различными представителями дворянской ин-

теллигенціи. Эти проекты тщательно разбирались и изучались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ главнымъ образомъ Левшинымъ, въ секретномъ комитетѣ—преимущественно Ростовцевымъ. Къ осени 1857 г. всѣ члены секретнаго комитета и самъ Александръ Николаевичъ, при посредствѣ Ланского и Ростовцева, могли уже до нѣкоторой степени разобраться среди тѣхъ главныхъ теченій дворянской мысли, которыя формулировались въ этихъ проектахъ.

Эти теченія могли быть сгруппированы въ три главныхъ группы. Къ первой изъ нихъ, представленной немногими проектами, но къ которой зато принадлежали очень многіе дворяне - помѣщики въ западныхъ и въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, можно причислить всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ въ то время за *немедленное и полное, но безземельное освобожденіе крестьянъ безъ всякихъ съ ними условій*. Въ правительственной средѣ эти взгляды поддерживались однимъ лишь кн. П. П. Гагаринымъ, защищавшимъ ихъ съ большимъ упорствомъ, но не встрѣчавшимъ поддержки (по крайней мѣрѣ открытой) среди членовъ секретнаго комитета. Ко второй группѣ — также немногочисленной по числу представленныхъ проектовъ и вербовавшей себѣ приверженцевъ главнымъ образомъ лишь среди помѣщиковъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній, но зато весьма популярной среди передовой столичной интеллигенціи,— слѣдуетъ отнести тѣ проекты, записки и заграничныя статьи, въ которыхъ проводилась мысль о необходимости *немедленнаго и полнаго освобожденія крестьянъ, но непремѣнно съ землей, притомъ по возможности съ сохраненіемъ за ними приблизительно тѣхъ именно надѣловъ, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, за опредѣленный денежный выкупъ,* при чемъ довольно разнообразно вычисляемыя суммы этого выкупа предполагалось выплатить помѣщикамъ единовременно при помощи особыхъ кредитныхъ операцій, организованныхъ при содѣйствіи правительства, и затѣмъ разсрочить уплату ихъ правительству крестьянами на болѣе или менѣе значительное число лѣтъ. Въ правительственной средѣ въ тотъ моментъ этого рода проекты считались наиболѣе опасными и радикальными, и въ составѣ главнаго комитета не было ни одного ихъ приверженца. Наконецъ къ третьей, наиболѣе значительной по числу представленныхъ проектовъ, но и наиболѣе неопредѣленной и, такъ сказать, разношерстной по ихъ содержанію группѣ принадлежали всѣ тѣ проекты и записки, которые признавали немедленное и полное освобожденіе крестьянъ невозможнымъ и рекомендовали взамѣнъ того *разнообразныя переходныя мѣры постепеннаго ослабленія и ограниченія помѣщичьей власти съ сохраненіемъ крѣпости крестьянъ землѣ на*

весь переходный періодъ и съ предоставленіемъ имъ различныхъ способовъ пріобрѣтенія земли отъ помѣщиковъ при помощи добровольныхъ соглашеній съ ними. Исходъ изъ этого переходнаго періода однимъ представлялся въ видѣ окончательнаго безземельнаго освобожденія или съ одними усадьбами; другимъ, напротивъ, въ видѣ освобожденія съ земельнымъ надѣломъ, подлежащимъ въ концѣ-концовъ выкупу. Въ правительственной средѣ большинство склонялось къ различнымъ проектамъ этой третьей группы, при чемъ и Ростовцевъ, и Ланской, и самъ императоръ Александръ признавали желательнымъ исходомъ изъ переходнаго періода укрѣпленіе за освобожденными крестьянами земельныхъ надѣловъ въ болѣе или менѣе достаточномъ размѣрѣ. Того же мнѣнія придерживался и вел. кн. Константинъ Николаевичъ, назначенный лѣтомъ 1857 г. въ составъ негласнаго комитета для побужденія его къ болѣе энергичной работѣ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ то время страхъ передъ грандіозными финансовыми операціями, сопряженными по необходимости со всѣми выкупными проектами, распространенъ былъ не въ одной только правительственной средѣ. Его раздѣляли и такіе просвѣщенные и убѣжденные защитники реальныхъ крестьянскихъ интересовъ, какимъ былъ, напримѣръ, Ю. Ф. Самаринъ.

Наиболѣе опредѣленное и вмѣстѣ наиболѣе обстоятельное изложеніе радикальнаго и немедленнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса въ видѣ полнаго освобожденія крестьянъ съ землей при помощи выкупа мы находимъ въ тотъ моментъ въ проектѣ Кошелева, представленномъ правительству въ началѣ 1857 года. Изъ числа другихъ проектовъ, находившихся въ рукахъ правительства до изданія рескрипта 20 ноября 1857 г., проектъ Кошелева, помимо своей относительной радикальности, выдѣлялся еще яснымъ пониманіемъ существенной разницы въ положеніи дѣла съ одной стороны въ оброчныхъ, а съ другой—въ барщинныхъ имѣніяхъ, съ одной стороны въ промышленныхъ нечерноземныхъ и съ другой—въ земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ. Проектъ этотъ былъ изложенъ въ четырехъ запискахъ, напечатанныхъ впослѣдствіи въ приложеніи къ изданнымъ за границей запискамъ А. И. Кошелева. Въ первой изъ этихъ записокъ онъ съ замѣчательной выпуклостью изображалъ неотложность радикальнаго разрѣшенія вопроса.

Главныя причины, требовавшія немедленнаго уничтоженія крѣпостного права, онъ сводилъ къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) сознательное недовольство крестьянъ помѣщиками, выражавшееся въ учащавшихся случаяхъ насилій и убійствъ помѣщиковъ крестьянами, 2) нетерпѣливое и настойчивое ожиданіе ими манифеста о воль-

ности, 3) обѣднѣніе помѣщичьихъ крестьянъ и непомѣрное обремененіе ихъ повинностями, 4) ослабленіе увѣренности помѣщиковъ въ справедливости ихъ правъ на владѣніе людьми и ослабленія вслѣдствіе этого дисциплины, 5) попытки многихъ помѣщиковъ, въ виду неминуемости освобожденія крестьянъ, переселенія ихъ на безплодныя земли и разоренія вслѣдствіе этого ихъ хозяйствъ, 6) возможность повторенія пугачевщины при первомъ непріятельскомъ вторженіи внутрь страны и подъ вліяніемъ воздѣйствія раскольниковъ, число которыхъ постоянно увеличивается, 7) необходимость интенсификаціи хозяйства, возможной лишь съ приложеніемъ вольнаго труда, и 8) необходимость увеличенія числа вольныхъ работниковъ для нуждъ развивающейся заводской и фабричной промышленности.

Во второй запискѣ Кошелевъ давалъ весьма дѣльную критику различныхъ палліативныхъ проектовъ, примыкавшихъ къ закону объ обязанныхъ крестьянахъ, къ числу которыхъ принадлежали и проекты его друзей Самарина и Черкасскаго. Здѣсь же онъ намѣчалъ свой планъ реформы и затѣмъ подробнѣе развивалъ его съ указаніемъ необходимыхъ практическихъ мѣръ и съ цифровыми расчетами—въ запискѣ третьей. Кошелевъ находилъ, что крестьяне должны быть освобождены «единовременно вездѣ», «вполнѣ и безусловно», безъ всякихъ переходовъ отъ меньшей свободы къ большей, непремѣнно съ землею, притомъ съ такимъ количествомъ ея, чтобы они могли существовать «безнуждно». Практически онъ полагалъ, что слѣдуетъ исходитъ при опредѣленіи нужнаго количества земли изъ существовавшихъ тогда надѣловъ: по его мнѣнію, «предоставленіе крестьянамъ во владѣніе того количества угодій, какое находилось у нихъ въ то время въ пользованіи, есть предположеніе самое справедливое, самое безопасное и ближе всѣхъ ведущее къ скорѣйшему окончанію дѣла». Далѣе онъ требовалъ, чтобы крестьяне были освобождены и надѣлены землей «мірскими обществами, а не лично и семейно».

Помѣщики должны были, по его мнѣнію, получить вознагражденіе или за земли, переходящія отъ нихъ въ мірскую собственность, или за оброкъ, котораго они лишатся. Въ этой части своей записки, обсуждая вопросъ, за что именно помѣщики должны получить вознагражденіе при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, Кошелевъ обнаруживалъ то близкое знакомство съ положеніемъ помѣщичьихъ хозяйствъ въ разныхъ мѣстностяхъ, которое здѣсь было особенно необходимо и важно. Онъ указывалъ, что «возмездіе за освобождаемыхъ людей, совершенно необходимое, по его мнѣнію, въ промышленномъ краѣ Россіи, было бы вовсе излишне въ хлѣ-

бородныхъ губерніяхъ», потому что «плата за землю, отходящую отъ помѣщиковъ, вполнѣ вознаградила бы ихъ въ послѣдней мѣстности и была бы ничтожнымъ, разорительнымъ для нихъ вознагражденіемъ въ первомъ краю». «При покупкѣ хлѣбороднаго имѣнія,—объяснялъ Кошелевъ,—мы обращаемъ особое вниманіе на количество и качество земли и по большей части даемъ за землю тѣмъ высшую цѣну, чѣмъ менѣе при ней душъ; слѣдовательно, люди не составляютъ въ этомъ случаѣ предмета, который самъ по себѣ имѣлъ бы цѣнность. Напротивъ того, при покупкѣ имѣнія въ промышленныхъ мѣстностяхъ мы преимущественно смотримъ на оброкъ, платимый крестьянами, и на ихъ добывку, часто вовсе не зависящіе отъ угодій, которыя находятся у нихъ въ пользованіи; земля же поступаетъ какъ необходимая придача къ людямъ. Слѣдовательно,—какъ основательно заключалъ Кошелевъ,—и вознагражденіе должно быть двоякое: или за землю, или за людей, т.-е. за платимый ими оброкъ; но вознагражденіе за то и за другое вмѣстѣ было бы излишнимъ обогащеніемъ помѣщиковъ и чрезмѣрнымъ отягощеніемъ крестьянъ». Поэтому Кошелевъ предлагалъ барщинныя имѣнія оцѣнить по цѣнности земли, а оброчныя—по безнедоимочно платимому ими оброку.

Для полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній онъ предлагалъ установить 12-тилѣтній періодъ, причемъ въ первые три года должны быть оцѣнены всѣ дворянскія имѣнія особыми комитетами. Онъ предполагалъ, что въ это время послѣдуютъ первыя добровольныя сдѣлки о выкупѣ между помѣщиками и крестьянами. Въ слѣдующіе три года помѣщикамъ также предоставляется прекращать крѣпостныя отношенія по добровольнымъ сдѣлкамъ съ крестьянами; въ слѣдующее затѣмъ трехлѣтіе должны быть назначены особые посредники для содѣйствія къ заключенію сдѣлокъ—изъ числа дворянъ, уже освободившихъ своихъ собственныхъ крестьянъ. Наконецъ въ четвертое трехлѣтіе слѣдуетъ предоставить посредникамъ заключать сдѣлки съ крестьянами уже безъ участія самихъ владѣльцевъ имѣній; при несогласіи же крестьянъ на условія, выработанныя для даннаго имѣнія посредниками, дѣло должно поступать на рѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Договоры, заключаемые между помѣщиками и крестьянами, должны были по плану Кошелева удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) въ собственность крестьянъ должны были по возможности поступать угодья въ томъ количествѣ, въ какомъ они у нихъ ранѣе находились въ пользованіи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ими владѣли. Допускались, впрочемъ, обмѣнъ чрезполосныхъ угодій и отрѣзка излишнихъ количествъ земли, превышающихъ «дѣйствитель-

ныя потребности крестьянъ»; 2) сумма стоимости отводимыхъ крестьянамъ угодій не должна была превышать извѣстной нормы—примѣрно 100 руб. на душу; 3) земля должна была поступить въ общественную собственность крестьянъ, которые отвѣчали за исправность платежей круговою порукою. При неисправности крестьянъ Кошелевъ предлагалъ примѣнять къ нимъ весьма тяжелую мѣру—принудительное переселеніе въ Сибирь цѣлыми обществами.

Одновременно съ обнародованіемъ основного закона объ отмѣнѣ крѣпостного права Кошелевъ считалъ необходимымъ принять рядъ сопутствующихъ распоряженій, направленныхъ частью къ охранѣ крестьянскихъ интересовъ, частью къ побужденію дворянъ энергичнѣе приступать къ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Онъ предлагалъ: 1) запретить переводъ крестьянъ въ дворовые; 2) постановить, что всѣ «мѣсячники», т.-е. крестьяне, не имѣющіе земли и получающіе свое содержаніе отъ помѣщика, должны или быть надѣлены землей съ двухлѣтнею льготою отъ барщинныхъ работъ на обзаведеніе, или получить немедленно безвозмездно свободу съ семействами; 3) воспретить продажу крестьянъ на своз безъ земли и даже переселеніе ихъ изъ одного имѣнія въ другое; 4) воспретить со дня изданія указа всякія измѣненія въ существующемъ надѣлѣ до учиненія сдѣлокъ съ крестьянами; 5) пріостановить залогъ и перезалогъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ «до учиненія сдѣлокъ» и, наконецъ, 6) объявить, что никакія льготы въ уплатѣ процентовъ не будутъ допущены помѣщикамъ, не воспользовавшимся способами, предоставленными отъ правительства къ уничтоженію крѣпостного состоянія въ ихъ имѣніяхъ.

Въ отношеніи дворовыхъ Кошелевъ предполагалъ установить не простое безвозмездное увольненіе, а рекомендовалъ принять цѣлую градацію по возрастамъ, при чемъ безвозмездное увольненіе предполагалось лишь для мужчинъ не моложе 40 лѣтъ и женщинъ не моложе 35, а также мальчиковъ не старше 11 лѣтъ и дѣвочекъ не старше 13. При отпускѣ калѣкъ, чахоточныхъ и стариковъ старше 60 лѣтъ помѣщики обязывались вносить въ пользу того общества, куда отпускаемый приписывался, по 150 р., а за женщинъ въ половинномъ размѣрѣ.

Что касается финансовой стороны ликвидаціоннаго плана Кошелева, то онъ бралъ при расчетахъ за исходный пунктъ общее число крѣпостныхъ по 9-й ревизіи—10.074.060 душъ м. п., при чемъ предполагалъ, по имѣвшимся у него даннымъ, что половина изъ нихъ на барщинѣ, а другая—на оброкѣ. Въ барщинныхъ имѣніяхъ онъ считалъ по $2^1/_2$ души на тягло и полагалъ на тягло земли, примѣняясь къ обычному по его даннымъ надѣлу при крѣ-

постномъ правѣ, отъ $1^1/_2$ до 2 дес. пахотной земли въ полѣ, въ среднемъ по $1^3/_4$ дес. въ полѣ или $5^1/_4$ дес. въ трехъ поляхъ и сверхъ того считалъ по 1 дес. на тягло лугу и по $^3/_4$ дес. усадебной земли (съ коноплянникомъ, выгонами и пр.); итого около 7 десятинъ на тягло. Цѣнность земель въ хлѣбородныхъ губерніяхъ колебалась въ то время отъ 5—50 руб. за десятину, въ большей части черноземныхъ губерній отъ 20 до 36 руб. Принимая поэтому въ среднемъ по 28 руб. за десятину, Кошелевъ высчитывалъ стоимость всего тягловаго участка въ 196 руб. (28×7) или, округляя эту цифру, принималъ 200 р. на тягло или 80 р. на душу. Это онъ считалъ среднею цѣною, а maximum допускалъ въ 250 руб. на тягло или 100 р. на душу. При этомъ онъ, разумѣется, предупреждалъ, что не выдаетъ эти цифры за нормы, а прибѣгаетъ къ нимъ для того лишь, чтобы сдѣлать *приблизительный* подсчетъ. Въ многоземельныхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ заволжскихъ онъ полагалъ надѣлъ не менѣе 15 дес. на тягло, но зато тамъ и стоимость земли была гораздо ниже (8—15 руб. за десятину) и такимъ образомъ крестьянамъ и тамъ пришлось бы платить одинаковый съ центральными губерніями выкупной платежъ. Для промышленныхъ оброчныхъ имѣній Кошелевъ дѣлалъ совершенно иной расчетъ. Онъ выводилъ здѣсь стоимость тягла или души изъ цѣны оброка. Оброчные крестьяне платили по его свѣдѣніямъ оброкъ отъ 6 до 50 р. въ годъ съ тягла; обыкновенно же оброкъ колебался между 12 и 20 руб., почему въ среднемъ онъ принималъ его равнымъ 16 руб. Считая въ оброчныхъ имѣніяхъ лишь по 2 души на тягло, онъ выводилъ средній оброкъ на душу—8 руб. въ годъ и капитализируя его изъ 6%, оцѣнивалъ каждую муж. душу въ 133 р. 33 к. Эту цифру онъ признавалъ вѣрною, но соотвѣтствующій размѣръ платежей считалъ для крестьянъ отяготительнымъ и потому предполагалъ его понизить, допуская въ оброчныхъ имѣніяхъ отрѣзку угодій изъ мірского владѣнія. Вообще онъ считалъ, что для вѣрности всей операціи не слѣдуетъ нигдѣ назначать выкупа за душу съ земельнымъ надѣломъ выше 100 руб. Высчитавъ такимъ образомъ средній размѣръ выкупа для барщинныхъ имѣній въ 80 р. и для оброчныхъ—въ 100 руб., Кошелевъ принималъ приблизительную среднюю цифру выкупа съ души для Россіи—90 р., что составляло съ 10 мил. душъ 900 мил. руб. Изъ этой суммы онъ вычиталъ часть лежавшихъ на имѣніяхъ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ, а именно 450 мил. руб., и у него такимъ образомъ выходило, что для выкупа всѣхъ 10 мил. душъ потребуется до 450 мил. руб. Самый выкупъ, т.-е. уплату помѣщикамъ денегъ или облигацій, онъ полагалъ возмож-

нымъ произвести соотвѣтственно вышеизложенному плану реформы въ 12 лѣтъ.

Проектъ Кошелева является изъ числа проектовъ и записокъ по крестьянскому дѣлу, представленныхъ правительству до опубликованія рескрипта 20 ноября 1857 г., наиболѣе радикальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно отчетливѣе другихъ представлявшимъ историческій смыслъ переживаемаго момента, почему я и счелъ необходимымъ изложить его здѣсь возможно подробнѣе. Когда Кошелевъ читалъ его передъ отправкой въ Петербургъ своимъ друзьямъ Самарину и Черкасскому, то оба они были поражены его радикализмомъ и Самарину казалось даже, что его не слѣдуетъ отправлять, такъ какъ онъ можетъ испугать правительство и заставить его попятиться. Но кн. Черкасскій, самъ составившій за годъ передъ тѣмъ проектъ еще болѣе умѣренный, нежели самаринскій, теперь уже думалъ иначе и сказалъ Кошелеву: «Нѣтъ, отправьте ихъ непремѣнно. Хотя ваши записки дѣйствительно радикальны, но не бѣда—изъ большого можно убавить и все-таки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать!»

И дѣйствительно, несмотря на полное молчаніе печати по крестьянскому вопросу за это время, онъ сдѣлалъ въ умахъ тогдашняго общества значительные успѣхи. Теперь уже не только Герценъ былъ рѣшительно недоволенъ бездѣйствіемъ правительства,—его умѣренные корреспонденты въ «Голосахъ изъ Россіи» тоже сдѣлались значительно радикальнѣе, чего нельзя не замѣтить, сравнивая статьи, напечатанныя во 2-й книжкѣ, съ тѣми, которыя были напечатаны въ 1-й.

Погодинъ, который такъ осторожно и умѣренно затрогивалъ крестьянскій вопросъ въ своихъ «политическихъ письмахъ» 1855 г., въ мартѣ 1857 года уже отмѣчаетъ въ своемъ «дневникѣ»: «прочелъ проектъ Самарина. Запоздало. Объ обязанныхъ крестьянахъ толковать уже нечего, а надо рѣшать дѣло наотрѣзъ».

Въ главномъ комитетѣ проектъ Кошелева произвелъ однако же, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, впечатлѣніе черезчуръ радикальнаго и понравился, повидимому, одному лишь Ростовцеву. Правительство въ это время продолжало еще питать суевѣрный страхъ ко всѣмъ проектамъ, требовавшимъ единовременнаго выкупа крестьянъ съ землей и грозившимъ вовлечь казну въ финансовыя предпріятія, для нея, какъ казалось тогдашнимъ «государственнымъ людямъ», чрезвычайно опасныя. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшину даже рескриптъ 20 ноября 1857 г. казался въ тотъ моментъ такимъ «salto mortale», отъ котораго—по его выраженію—все государственное управленіе могло пойти

вверхъ дномъ» (!), хотя въ сущности въ основу этого рескрипта положенъ былъ имъ же составленный докладъ 26 іюля 1857 г. По плану Левшина вся земля должна была оставаться попрежнему собственностью помѣщиковъ, но крестьянамъ предполагалось отдѣлить необходимую для нихъ часть земли въ постоянное пользованіе за повинности. Сами крестьяне должны были быть освобождены безвозмездно; но, чтобы спасти отъ разоренія помѣщиковъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній, въ которыхъ земля составляла лишь ничтожную часть цѣнности имѣній, а цѣнились главнымъ образомъ оброки, получаемые отъ промысловъ крѣпостныхъ крестьянъ, Левшинъ придумалъ особую уловку, — уловку, которая впослѣдствіи пользовалась большой популярностью въ дворянскихъ комитетахъ нечерноземныхъ губерній. Онъ предложилъ дать помѣщикамъ промышленныхъ имѣній вознагражденіе за лишеніе права располагать трудомъ и промыслами крѣпостныхъ крестьянъ въ скрытой формѣ, подъ видомъ возвышенной оцѣнки усадебъ, въ виду чего и предложено было усадьбы выдѣлить изъ остальнаго надѣла и укрѣпить ихъ въ собственность крестьянъ за опредѣленный денежный выкупъ; а чтобы разница въ оцѣнкѣ усадебъ въ промышленныхъ губерніяхъ и въ хлѣбородныхъ чѣмъ-нибудь мотивировалась, предполагалось размѣръ усадебъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ довести до minimum'а, оставивъ крестьянамъ лишь дворы съ надворными постройками, которыя въ этихъ губерніяхъ были по большей части очень плохи и не имѣли цѣны. Соотвѣтственно этому проектировались даже и неодинаковые сроки для выкупа усадебъ въ разныхъ губерніяхъ — отъ 10 до 15 лѣтъ.

Эти начала въ значительной мѣрѣ перешли и въ рескриптъ 20 ноября 1857 года.

Программа реформы, на которой въ тотъ моментъ остановилось правительство, заключалась въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ этого рескрипта, даннаго въ отвѣтъ на ходатайство литовскихъ дворянъ о беземельномъ освобожденіи крестьянъ: 1) «помѣщикамъ сохраняется *право собственности* на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ *пользованіе* крестьянамъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику»; 2) «крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція», и 3) «при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и кре-

стьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ повинностей и земскихъ сборовъ».

Изданіе рескрипта 20 ноября 1857 г., за которымъ послѣдовало въ теченіе ближайшаго полугодія открытіе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ для выработки мѣстныхъ проектовъ крестьянской реформы, явилось настоящею эрою въ движеніи крестьянскаго вопроса и послужило мощнымъ толчкомъ къ сформированію и развитію различныхъ теченій общественной мысли въ связи съ обсужденіемъ реформы. Оно явилось событіемъ такой огромной важности не столько по содержанію объявленной въ рескриптѣ правительственной программы, которая многихъ при ближайшемъ разсмотрѣніи не удовлетворила и въ которой правительству вскорѣ пришлось сдѣлать важныя измѣненія въ сторону ея радикализаціи, сколько по тому обстоятельству, что рескриптъ былъ *опубликованъ* и что съ его опубликованіемъ вопросъ былъ вынесенъ на гласное всенародное обсужденіе. Фактъ этотъ имѣлъ огромное значеніе и для исхода самого вопроса, и для развитія русскаго общества и русской общественной мысли въ ближайшемъ будущемъ. Теперь уже остановить ходъ дѣла или возвратить его вспять для правительства стало невозможно. Это значеніе опубликованія рескрипта хорошо понимали и придворные крѣпостники съ кн. Орловымъ во главѣ, которые всячески пытались убѣдить Александра не разсылать по губерніямъ и не опубликовывать рескрипта, и преданные реформѣ дѣятели, какъ Николай Милютинъ, который убѣдилъ Ланского дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ чрезвычайной быстротой, совершенно не свойственной бюрократіи, но здѣсь оказавшейся въ высшей степени спасительной и умѣстной. Съ другой стороны, въ губернскихъ комитетахъ при свободномъ и всестороннемъ обсужденіи вопроса вскрылись и заговорили всѣ общіе и мѣстные интересы дворянства, которые вызвали рѣзкіе споры и страстную борьбу и послужили къ образованію опредѣленныхъ направленій и партій въ дворянской средѣ. Наконецъ гласное обсужденіе вопроса въ печати тотчасъ же повело и здѣсь къ возникновенію различныхъ партій и направленій, при чемъ тѣ стѣсненія свободнаго обсужденія вопроса, къ которымъ вскорѣ прибѣгло правительство, испугавшееся слишкомъ быстраго движенія общественной мысли и несогласія ея съ правительственной программой, послужили лишь къ обостренію отношеній и къ усиленію оппозиціоннаго духа, почти совершенно не проявлявшагося въ обществѣ въ первые три года новаго царствованія.

Люди, проникнутые наиболѣе консервативнымъ и реакціоннымъ

духомъ, послѣ неудачъ Крымской войны и съ началомъ новаго курса растерялись и притаились. Почти никто не рѣшался открыто возвышать голосъ противъ замышлявшейся и уже начинавшейся реформы. Правда, закоренѣлые крѣпостники въ придворной средѣ пытались время отъ времени пускать въ ходъ запугиванiе государя возможностью и даже неизбѣжностью развитiя въ Россiи вмѣстѣ съ крестьянской реформой всеобщаго броженiя и революцiонныхъ идей. Съ этого цѣлью составлена была и пущена въ ходъ анонимная записка, въ которой доказывалось, что въ предпринятой реформѣ «таится глубоко задуманный планъ демократической революцiи», и министерству внутреннихъ дѣлъ пришлось подробно опровергать историческiя и статистическiя данныя, на которыхъ построена была эта записка; но даже въ главномъ комитетѣ эта записка не произвела впечатлѣнiя и оставлена была безъ вниманiя. Единственный опредѣленный противникъ какой бы то ни было реформы крѣпостныхъ отношенiй, рѣшившiйся выступить печатно съ доказательствами ненужности реформы, былъ Н. А. Безобразовъ, магистръ законовѣдѣнiя, напечатавшiй довольно курьезную брошюру въ Берлинѣ, въ которой доказывалъ, что все, что требуется въ настоящее время для всеобщаго успокоенiя и упорядоченiя отношенiй между дворянствомъ и подвластнымъ ему населенiемъ, — это чисто кодификацiонныя измѣненiя въ расположенiи статей законовъ, опредѣляющихъ и регулирующихъ поземельную собственность и крѣпостное право. Замѣчательно, впрочемъ, что и эта брошюра была напечатана въ Берлинѣ всего въ ста номерованныхъ экземплярахъ, при чемъ авторъ обязалъ типографiю особымъ договоромъ, тотчасъ же по напечатанiи ихъ, разобрать наборъ и подъ страхомъ судебной отвѣтственности не распространять напечатаннаго. Эти мѣры не помѣшали однако же доставленiю экземпляра этой брошюры въ «Колоколъ» и затѣмъ въ «Русскiй Вѣстникъ», гдѣ она и была разобрана и безпощадно осмѣяна по достоинству въ статьяхъ Н. П. Огарева («Колоколъ», № 15) и Вл. П. Безобразова (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» дважды). Самые своекорыстные приверженцы помѣщичьихъ интересовъ повидимому поняли въ тотъ моментъ, что отстаивать крѣпостные порядки безусловно уже невозможно, и, понявъ это, рѣшили сосредоточить свои усилiя на томъ, чтобы при совершающейся перестройкѣ лишь оберечь и удовлетворить дворянскiе интересы какъ можно полнѣе.

Поэтому и въ губернскихъ комитетахъ, и въ повременной печати люди подобныхъ, «плантаторскихъ», вожделѣнiй, какъ тогда выражались, отнюдь не показывали себя сторонниками существовавшаго крѣпостного строя, а старались лишь при выработкѣ положе-

ній, по возможности не выходя изъ рамокъ объявленной правительствомъ программы, выторговать для своего сословія какъ можно больше матеріальныхъ и нематеріальныхъ выгодъ и преимуществъ.

Въ завязавшейся въ дворянскихъ комитетахъ борьбѣ тотчасъ же выяснилось, что выгоды эти въ разныхъ губерніяхъ отнюдь не одинаковы. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій интересы помѣщиковъ разныхъ губерній разнились между собой приблизительно въ томъ направленіи, какъ это указывалъ Кошелевъ въ приведенной выше запискѣ. Въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ главный интересъ помѣщиковъ заключался въ томъ, чтобы при ликвидаціи крѣпостного права получить въ возможно большемъ размѣрѣ вознагражденіе за утрату оброковъ, получавшихся здѣсь главнымъ образомъ не отъ земли, а отъ промысловъ крѣпостныхъ крестьянъ, частью мѣстныхъ, частью отхожихъ.

Въ черноземныхъ густонаселенныхъ губерніяхъ главный интересъ помѣщиковъ заключался въ томъ, чтобы сохранить въ своемъ владѣніи всю землю, при чемъ крѣпостныя души здѣсь не только не цѣнились, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже считались обузою. Однако, какъ здѣсь, такъ еще болѣе въ малонаселенныхъ, но плодородныхъ степныхъ губерніяхъ признавалось желательнымъ ликвидировать прежній строй *постепенно,* съ сохраненіемъ на нѣкоторое время барщины и на болѣе продолжительный срокъ прикрѣпленія населенія къ землѣ, чтобы вдругъ не лишиться рабочей силы. Въ связи съ этимъ здѣсь очень важнымъ считалось сохранить на все это время въ рукахъ помѣщиковъ сильную вотчинную власть, а на будущее время сосредоточить главнымъ образомъ въ ихъ рукахъ мѣстное уѣздное и губернское хозяйственное управленіе и судъ. Эти комитеты очень склонны были къ принятію переходнаго срочнообязаннаго періода съ тѣмъ, чтобы конечнымъ исходомъ изъ него считать полное освобожденіе крестьянъ *безъ земли.* Наиболѣе корыстные не считали, впрочемъ, невозможнымъ и при этихъ условіяхъ получить еще нѣкоторый выкупъ за личное освобожденіе крестьянъ и почти всѣ—за дворовыхъ. Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики особенно ясно сознавали необходимость интенсификаціи хозяйства, затруднявшейся крѣпостнымъ правомъ, при чемъ здѣсь еще сильно стѣснялась свобода распоряженій помѣщика инвентарными правилами, почти всѣ помѣщики стремились также къ безземельному освобожденію крестьянъ. Въ Петербургской и отчасти Псковской губерніяхъ, сосѣднихъ съ Остзейскимъ краемъ, но значительно рѣже населенныхъ и гдѣ помѣщики поэтому гораздо меньше цѣнили землю, но непремѣнно желали сохранить и упрочить за собой въ мѣстной жизни особое значеніе и власть феодальнаго ха-

рактера, возникло среди нихъ особое характерное стремленіе къ укрѣпленію на будущее время того порядка, который предполагался рескриптами 20 ноября и 5 декабря 1857 г. на время срочно-обязаннаго періода. Здѣсь вожаки помѣщичьей партіи—Платоновъ, гр. Шуваловы и др.—согласны были замѣнить личное крѣпостное право прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, которую соглашались выдѣлить имъ въ достаточномъ размѣрѣ въ постоянное ихъ пользованіе, но подъ условіемъ сохраненія и развитія вотчинныхъ правъ дворянства, которому они хотѣли бы сообщить чисто феодальное значеніе и въ мѣстномъ судѣ и управленіи, и въ мѣстной жизни вообще.

Таковы были господствующія теченія мысли въ дворянской средѣ, обнаружившіяся въ губернскихъ комитетахъ.

Однако и при наличности этихъ господствующихъ теченій, обусловленныхъ мѣстными естественными и бытовыми условіями, въ каждомъ губернскомъ комитетѣ все же образовывались партіи, однѣ—настроенныя болѣе сильно въ сторону защиты общихъ и мѣстныхъ помѣщичьихъ выгодъ и преимуществъ, другія—болѣе склонныя къ уступкамъ въ пользу крестьянъ и гуманныхъ требованій вѣка. Въ большинствѣ губернскихъ комитетовъ эти послѣднія были численно очень слабы и составляли обыкновенно ничтожное меньшинство, что не мѣшало, впрочемъ, и остальнымъ членамъ комитетовъ постоянно настаивать на благородствѣ и даже великодушіи своихъ предложеній и чрезвычайно чутко относиться къ тѣмъ осужденіямъ, которыя высказывались по поводу дворянскихъ проектовъ въ печати и обществѣ. Во многихъ губернскихъ комитетахъ между представителями большинства и меньшинства происходили рѣзкіе споры, кончавшіеся иногда бурными сценами и даже скандалами, вызывавшими вмѣшательство правительства. Хотя засѣданія комитетовъ были непубличны, однако же нѣкоторые изъ нихъ печатали и литографировали свои журналы, и они проникали такимъ образомъ въ публику, да и вообще трудно было сохранить втайнѣ все происходившее въ стѣнахъ комитетовъ при напряженномъ вниманіи общества, чутко и нетерпѣливо прислушивавшагося ко всему, что касалось хода великой реформы, которая по общему сознанію должна была пересоздать всѣ условія жизни въ Россіи. Непубличность засѣданій комитетовъ вела лишь къ тому, что слухи о всемъ тамъ происходившемъ сплошь и рядомъ распространялись въ обществѣ въ искаженномъ видѣ и часто въ неправильномъ освѣщеніи.

Передовые люди интеллигенціи и передовые органы столичной печати желали, конечно, возможно полной и радикальной рефор-

мы, при чемъ, какъ уже было указано, общественное настроенiе съ теченiемъ времени становилось все нетерпѣливѣе и радикальнѣе. Рескриптъ 20 ноября 1857 г. изданъ былъ въ тотъ моментъ, когда въ обществѣ стали утрачиваться мало-по-малу надежды, возлагавшiяся на правительство, и когда первоначальное оптимистическое настроенiе, охватившее при воцаренiи Александра II передовые круги общества, стало смѣняться скептическимъ отношенiемъ къ правительству, при чемъ слышались уже и оппозицiонныя нотки. Чѣмъ менѣе сохранялось въ это время въ умахъ мыслящихъ людей надеждъ на правительство, тѣмъ сильнѣе было впечатлѣнiе отъ неожиданно опубликованныхъ въ серединѣ декабря 1857 г. рескриптовъ. Опубликованiе рескриптовъ вызвало одинаково восторженное настроенiе во всѣхъ передовыхъ кругахъ общества и во всѣхъ органахъ печати, которымъ впервые дозволено было на этотъ разъ открыто заговорить о крестьянской реформѣ. Съ одинаковымъ энтузiазмомъ и съ одинаковой неподдѣльной радостью привѣтствовали Александра II и представители высшей интеллигенцiи обѣихъ столицъ, собравшiеся на извѣстномъ обѣдѣ, устроенномъ въ Москвѣ Кавелинымъ, Погодинымъ и Катковымъ, и Чернышевскiй въ «Современникѣ», и И. С. Аксаковъ въ извѣстномъ своемъ стихотворенiи, напечатанномъ въ «Русской Бесѣдѣ»; и Катковъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и Герценъ въ «Колоколѣ» въ извѣстной статьѣ своей «Черезъ три года» («Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»).

Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ это восторженное настроенiе смѣнилось съ одной стороны серьезной критикой, а съ другой—прискорбными стѣсненiями печати. Уже въ апрѣлѣ 1858 г. въ «Колоколѣ» (№ 13) помѣщенъ строгiй разборъ рескриптовъ въ письмѣ неизвѣстнаго, которому издатели выразили полное свое сочувствiе, а въ маѣ помѣщена уже критическая замѣтка самого Огарева, составленная въ томъ же тонѣ. Съ другой стороны, въ Петербургѣ придворнымъ реакцiонерамъ удалось склонить императора Александра къ карательнымъ и запретительнымъ мѣрамъ по цензурному вѣдомству изъ-за продолженiя той самой статьи въ «Современникѣ», въ началѣ которой были помѣщены восторженные отзывы о рескриптахъ 20 ноября и 5 декабря 1857 г., а во второй части приводился въ выпискахъ всѣмъ хорошо извѣстный и давно ходившiй по рукамъ проектъ Кавелина, написанный въ 1855—1856 годахъ. Проектъ этотъ, о которомъ мы уже упоминали, не согласовался съ правительственной программой, ибо предлагалъ полное освобожденiе крестьянъ съ существующими земельными надѣлами при помощи выкупа, тогда какъ правительство отвергало выкупъ надѣловъ, какъ общую финансовую мѣру, и въ основанiе работъ губернскихъ

комитетовъ положило признаніе необходимости переходнаго срочно-обязаннаго положенія. Поэтому попечителю петербургскаго учебнаго округа кн. Щербатову, разрѣшившему печатаніе кавелинскаго проекта, былъ сдѣланъ выговоръ, Кавелинъ былъ отставленъ отъ должности преподавателя исторіи наслѣднику, а по цензурному вѣдомству сдѣлано распоряженіе не пропускать въ печати статей по крестьянскому вопросу, несогласныхъ съ правительственной программой.

Между тѣмъ періодическая печать, обрадованная дозволеніемъ обсужденія крестьянскаго вопроса, приготовилась посвятить ему лучшія свои силы. *Чернышевскій* въ «Современникѣ» рѣшилъ специализироваться на этомъ вопросѣ, передавъ завѣдываніе критическимъ отдѣломъ всецѣло въ руки Добролюбова, *Катковъ* въ «Русскомъ Вѣстникѣ» открылъ особый отдѣлъ, посвященный крестьянскому вопросу, «Отечественныя Записки» заручились сотрудничествомъ такого знатока крестьянскаго дѣла, какъ *Я. А. Соловьевъ,* въ «Библіотекѣ для чтенія» появились обстоятельныя статьи *Ф. Г. Тернера,* издатель славянофильской «Русской Бесѣды» *А. И. Кошелевъ* (авторъ вышеприведеннаго проекта) рѣшилъ издавать особый журналъ, всецѣло посвященный крестьянскому вопросу—«Сельское Благоустройство»; наконецъ въ Москвѣ же приступилъ къ изданію спеціальнаго журнала, посвященнаго тому же вопросу—«Журнала Землевладѣльцевъ»—*А. Д. Желтухинъ,* выступавшій съ проектомъ ликвидаціи крѣпостного права еще въ сороковыхъ годахъ, а теперь стоявшій на точкѣ зрѣнія помѣщиковъ черноземныхъ губерній.

Непріятный инцидентъ съ кавелинскимъ проектомъ и послѣдовавшія цензурныя строгости, вызвавшія вскорѣ въ Москвѣ отставку либеральнаго и благожелательнаго цензора Н. Ф. Крузе, породили много горечи и разочарованій въ литературной средѣ и несомнѣнно повліяли на обостреніе отношенія передовой интеллигенціи къ правительству. Кавелинскій инцидентъ вызвалъ цѣлый рядъ враждебныхъ правительству статей и замѣтокъ «Колокола», гдѣ были напечатаны и относящіеся сюда секретные циркуляры по цензурѣ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго. При первыхъ слухахъ о циркулярѣ, запретившемъ касаться въ печати вопросовъ о выкупѣ и о вотчинной власти, Катковъ закрылъ въ своемъ журналѣ отдѣлъ, посвященный крестьянскому вопросу, а Кошелевъ хотѣлъ прекратить изданіе только что основаннаго «Сельскаго Благоустройства». Когда же состоялось въ самомъ концѣ 1858 года увольненіе Крузе въ отставку, то въ Москвѣ, по иниціативѣ Каткова и въ пику правительству, тотчасъ же состоялась подписка въ пользу Крузе, давшая 50 тыс. рублей. Такъ начинала складываться оппозиція въ обществѣ противъ правительства Александра II.

Впрочемъ, отношеніе цензуры вскорѣ смягчилось, и русскіе журналы получили въ томъ же году возможность вновь начать обсужденіе крестьянскаго вопроса, хотя и съ соблюденіемъ различныхъ предосторожностей въ отношеніи формы изложенія своихъ взглядовъ. Повидимому, здѣсь не безъ вліянія на измѣненіе правительственныхъ распоряженій былъ и «Колоколъ» Герцена, который на ряду съ массой рѣзкихъ выходокъ по адресу правительственныхъ лицъ и колкихъ летучихъ замѣтокъ, эпиграммъ и разоблаченій, напечаталъ въ № 19 отъ 15 іюля весьма дѣльный и серьезный разборъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій и по цензурному вѣдомству и по крестьянскому дѣлу. Статья эта (подъ заглавіемъ «Программа для занятій губернскихъ комитетовъ») начиналась слѣдующими краснорѣчивыми строками: «По мѣрѣ того, какъ стѣсняется у насъ дома уступленная было на время благоразумная свобода печати и густая толпа чиновнаго люда старается плотнѣе заслонить государя отъ вліянія доброжелательнаго его правленію общественнаго слоя, *журналъ нашъ растетъ въ своемъ значеніи и пріобрѣтаетъ большую для Россіи важность, внезапно, единымъ дѣйствіемъ правительственной ошибки, становясь исключительнымъ органомъ независимой общественной мысли въ Россіи*»... «А между тѣмъ,—сказано было нѣсколькими строками ниже,—недосказанное обществомъ вслухъ литературное слово, само по себѣ безвредное и нерѣдко даже положительно полезное, подъ вліяніемъ незаслуженнаго внѣшняго давленія, разлагается и ядовитымъ сокомъ падаетъ на благороднѣйшіе жизненные органы общества или ищетъ себѣ иного исхода и находитъ себѣ гласное выраженіе на заграничномъ станкѣ». Эти слова могли показаться правительству тѣмъ болѣе убѣдительнымъ урокомъ, что «Колоколъ» Герцена дѣйствительно пріобрѣталъ съ каждымъ днемъ все большее и большее распространеніе и вліяніе. Для правительства не оставалось иного исхода, какъ, сознавъ сдѣланную ошибку, взять назадъ свои распоряженія о недопущеніи въ печати обсужденія такихъ коренныхъ вопросовъ крестьянской реформы, какъ вопросы о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ въ собственность крестьянъ и объ упраздненіи вотчинной власти помѣщиковъ. Оно тѣмъ охотнѣе могло сдѣлать эту уступку, что его собственныя убѣжденія въ необходимости и спасительности переходнаго срочно-обязаннаго положенія, какъ мы увидимъ ниже, въ тотъ моментъ сильно поколебались.

Въ сущности еще до запретительныхъ циркуляровъ Ковалевскаго не одинъ «Современникъ», а всѣ передовые, вліятельные органы печати успѣли опредѣленно высказать свой взглядъ на крестьянскую реформу и у всѣхъ у нихъ этотъ взглядъ мало чѣмъ

отличался отъ взгляда «Современника», въ основѣ котораго лежала тогда кавелинская записка и который признавалъ желательнымъ и необходимымъ исходомъ крестьянской реформы полное освобожденіе крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ, который долженъ быть выкупленъ у помѣщиковъ при содѣйствіи государственной казны и кредитныхъ операцій, при чемъ и вотчинная власть помѣщиковъ должна была быть совершенно упразднена. Наиболѣе вліятельными журналами въ то время, кромѣ «Современника», были: «Русскій Вѣстникъ» въ Москвѣ и «Русская Бесѣда» — тамъ же. «Русскій Вѣстникъ», издававшійся съ 1856 г. Катковымъ и Леонтьевымъ, былъ органомъ московскихъ западниковъ-либераловъ, группировавшихся въ прежнее время около Грановскаго. Въ 1856 г. отъ «Р. В.» откололась, впрочемъ, небольшая группа съ Чичеринымъ и Евгеніемъ Коршемъ во главѣ, уклонившаяся отъ программы Каткова по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней политики въ сторону болѣе умѣренную и консервативную и основавшая свой журналъ «Атеней», который, впрочемъ, просуществовалъ всего годъ и по крестьянскому вопросу былъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» солидаренъ.

«Русская Бесѣда», издававшаяся Кошелевымъ также съ 1856 г., была органомъ московскихъ славянофиловъ, въ то время еще весьма богатыхъ литературными силами, и объединяла около себя Хомякова, троихъ Аксаковыхъ, Юрія Самарина, кн. Черкасскаго (не принимавшаго, впрочемъ, вполнѣ славянофильскаго ученія) и др. Правда, офиціальнымъ редакторомъ «Русской Бесѣды» былъ квасной патріотъ Тертій Филипповъ и къ ней же примыкали такіе консерваторы-націоналисты, не принадлежавшіе къ славянофильской школѣ, какъ В. В. Григорьевъ и Никита Крыловъ, которые своими статьями вызывали уже противъ себя рѣзкія нападки со стороны петербургскихъ и московскихъ западниковъ (Кавелина, Каткова и Чернышевскаго). Но въ основанномъ въ 1858 г. Кошелевымъ спеціально для обсужденія крестьянскаго вопроса «Сельскомъ Благоустройствѣ», руководящая роль принадлежала ему и Самарину и къ этому журналу и «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» — постоянно споривщій съ нимъ по вопросу объ общинномъ землевладѣніи — относились съ гораздо бо́льшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, нежели къ «Русской Бесѣдѣ».

Въ Петербургѣ на ряду съ «Современникомъ» продолжали свое существованіе и «Отечественныя Записки» Краевскаго, издававшіяся въ то время подъ редакціей Дудышкина, но онѣ влачили довольно жалкое существованіе и не имѣли вполнѣ опредѣленной физіономіи. По крестьянскому вопросу, кромѣ статей Я. А. Соловьева «о по-

земельной собственности», въ нихъ не было ничего, сколько-нибудь выдающагося.

«Библіотека для чтенія», перешедшая въ это время подъ редакцію А. В. Дружинина, одного изъ старыхъ сотрудниквоъ «Современника», стремившагося сдѣлать изъ нея умѣренно- и просвѣщенно-консервативный журналъ въ духѣ англійскаго торизма, также не имѣла тогда большого вліянія. Въ ней велъ въ 1858 г. обозрѣніе крестьянскаго дѣла весьма благожелательный къ успѣху реформы, хотя и умѣренный по своимъ взглядамъ, публицистъ Ф. Г. Тернеръ, высказывавшійся за освобожденіе крестьянъ съ землей и за превращеніе ихъ въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ.

Сторонникомъ крупнаго землевладѣнія и фермерскаго хозяйства, сочувствовавшимъ освобожденію крестьянъ, но безъ земли, былъ издававшійся въ Петербургѣ ученымъ экономистомъ манчестерской школы проф. Ив. Вас. Вернадскимъ спеціальный журналъ «Экономическій указатель», съ которымъ велъ рѣзкую полемику Чернышевскій еще съ 1857 г. Къ этому журналу многими своими статьями примыкалъ основанный, какъ уже сказано, въ 1858 г. А. Д. Желтухинымъ «Журналъ Землевладѣльцевъ», хотя слѣдуетъ оговориться, что въ сущности журналъ этотъ не имѣлъ опредѣленнаго направленія и печаталъ на ряду со статьями аграріевъ, или, какъ ихъ тогда называли, «плантаторовъ», и статьи помѣщиковъ, стремившихся добросовѣстно разрѣшить вопросъ безъ обиды для крестьянъ въ рамкахъ рескриптовъ 1857 г. Однако главными сотрудниками этого журнала являлись все же помѣщики черноземныхъ губерній, стоявшіе или за безземельное освобожденіе крестьянъ, или за освобожденіе ихъ съ ничтожнымъ надѣломъ.

Правительственная точка зрѣнія на крестьянскій вопросъ и правительственная программа, выраженная въ рескриптахъ, развивались въ «Земледѣльческой газетѣ», въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ» и въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ».

Изъ газетъ, выходившихъ въ то время, изрѣдка печатали статьи по крестьянскому вопросу «Московскія Вѣдомости», «Петербургскія Вѣдомости» и «Листокъ для всѣхъ» Изъ провинціальныхъ органовъ печати, тогда еще весьма малочисленныхъ, печаталъ интересныя статьи, касавшіяся главнымъ образомъ южныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, «Одесскій Вѣстникъ».

Изъ всѣхъ этихъ журналовъ для образованія общественнаго мнѣнія въ широкой публикѣ имѣли больше всего значенія: «Современникъ», около котораго группировались тогда лучшія литературныя силы и въ которомъ тогда еще уживались подъ редакціей

Панаева и Некрасова Чернышевскій и Добролюбовъ съ Тургеневымъ, Кавелинымъ и съ другими либералами сороковыхъ годовъ,— и «Русскій Вѣстникъ» Каткова, прекрасно издававшійся и редактировавшійся въ либерально-демократическомъ духѣ.

Въ помѣщичьей средѣ и среди членовъ губернскихъ комитетовъ наибольшимъ вліяніемъ пользовались, конечно, «Сельское Благоустройство» и «Журналъ Землевладѣльцевъ», можно сказать спеціально для нихъ издававшіеся. Впрочемъ, и «Русскій Вѣстникъ» имѣлъ значительное вліяніе въ средѣ помѣщиковъ нечерноземныхъ промышленныхъ губерній. Еще до изданія запретительныхъ циркуляровъ Ковалевскаго Катковъ, какъ уже упомянуто, успѣлъ открыть въ немъ «Крестьянскій отдѣлъ» и въ рядѣ очень ясно и хорошо составленныхъ замѣтокъ «отъ редакціи» выяснить свою точку зрѣнія на крестьянскій вопросъ, близко примыкавшую по существу къ точкѣ зрѣнія прогрессивныхъ помѣщиковъ промышленныхъ губерній. «Русскій Вѣстникъ» опредѣленно высказался за полное освобожденіе крестьянъ съ землей въ размѣрѣ ихъ фактическаго землепользованія при помощи общей кредитной выкупной операціи, при чемъ онъ отчетливо указалъ на необходимость вознаградить помѣщиковъ не только за землю, но и за потерю того дохода, который они имѣли въ оброчныхъ имѣніяхъ отъ промысловъ и заработковъ крестьянъ. Та же точка зрѣнія была подчеркнута въ рядѣ статей и замѣтокъ публициста «Русскаго Вѣстника» В. П. Безобразова, который самъ былъ помѣщикомъ Тверской губерніи, и, наконецъ, развита съ особенной обстоятельностью въ письмѣ А. А. Головачева, напечатанномъ въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Головачевъ былъ одинъ изъ выдающихся членовъ тверского комитета и въ своемъ письмѣ проводилъ тѣ же самые взгляды, которые проводилъ вмѣстѣ съ Унковскимъ въ комитетѣ и въ запискѣ, представленной правительству, которую Унковскій составилъ при его участіи. Въ іюлѣ Катковъ напечаталъ статью «о гласности въ крестьянскомъ вопросѣ», которая являлась прекраснымъ дополненіемъ къ вышеуказанной статьѣ «Колокола». Когда же запрещеніе съ вопросовъ о выкупѣ и вотчинной власти было снято, «Русскій Вѣстникъ» продолжалъ выдерживать въ открытомъ опять «крестьянскомъ отдѣлѣ» прежнюю свою точку зрѣнія, особенно въ возобновившихся замѣткахъ «отъ редакціи» и въ статьяхъ Владиміра Безобразова.

По вопросу административнаго устройства крестьянъ «Русскій Вѣстникъ» стоялъ на правовѣрной либеральной точкѣ зрѣнія и рѣзко напалъ на «Сельское Благоустройство», когда въ немъ была напечатана статья кн. Черкасскаго «Нѣкоторыя общія черты буду-

щаго сельскаго управленія», въ которой допускалось на время переходнаго періода тѣлесное наказаніе.

Довольно близкую къ «Русскому Вѣстнику» позицію въ своихъ положительныхъ проектахъ, принадлежавшихъ главнымъ образомъ Огареву, занималъ въ 1858 г. и «Колоколъ» Герцена. Нельзя однако же не признать, что разработка крестьянскаго вопроса Огаревымъ была довольно слаба. Въ своихъ проектахъ онъ не отличалъ нечерноземныхъ губерній отъ черноземныхъ и предполагалъ произвести вездѣ однообразный выкупъ, назначая по 70 руб. за душу съ земельнымъ надѣломъ, на томъ основаніи, что столько приблизительно давалъ опекунскій совѣтъ въ ссуду помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній. При этомъ онъ полагалъ всю операцію произвести при помощи того же опекунскаго совѣта, который выдалъ бы помѣщикамъ векселя на соотвѣтствующую сумму, какъ бы принимая ихъ имѣнія въ залогъ. Крестьяне должны были бы погасить эту ссуду разсроченными взносами въ 37-милѣтній срокъ, а помѣщики получили бы въ вознагражденіе эти векселя, которые, какъ Огаревъ предполагалъ, могли бы обращаться на рынкѣ, какъ деньги, не принося, впрочемъ, своимъ владѣльцамъ никакой ренты. Критикомъ этого проекта выступилъ на страницахъ же «Колокола» Н. И. Тургеневъ (въ статьяхъ безъ подписи, помѣщенныхъ въ 18 и 39 листахъ «Колокола»), отвергавшій возможность выкупа вообще и предлагавшій вмѣсто того безвозмездное освобожденіе крестьянъ съ третьей частью существовавшаго у нихъ надѣла (не свыше 3 дес. на тягло).

Значеніе «Колокола» заключалось, конечно, не въ огаревскихъ проектахъ, а въ той неустанной обличительной работѣ, которая, при всѣхъ неизбѣжныхъ промахахъ и иногда невѣрныхъ нападкахъ на отдѣльныя лица, не давала успокоиться и заснуть и, тревожа ежеминутно правительство и возбуждая вниманіе общества, несомнѣнно являлась однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ общественнаго движенія того времени. Къ сожалѣнію, въ редакцію «Колокола» не попадали подлинные журналы губернскихъ комитетовъ, за исключеніемъ журналовъ одного лишь московскаго комитета, который былъ однимъ изъ наименѣе прогрессивныхъ. О работахъ остальныхъ комитетовъ получались только отрывочныя и не всегда вѣрныя данныя, въ которыхъ редакторы не могли разобраться. Такъ, напримѣръ, печатая записку Унковскаго, «Колоколъ» противопоставлялъ ее «безконечно грязному проекту тверского комитета», тогда какъ въ дѣйствительности она-то и легла въ основу работъ этого комитета и проектъ большинства тверского комитета совершенно соотвѣтствовалъ взглядамъ Унковскаго и являлся

ихъ полнымъ и точнымъ развитіемъ, отнюдь не будучи «грязнымъ».

Что касается «Современника», то на его направленіи дѣйствіе цензурныхъ запретительныхъ циркуляровъ 1858 г. и слухи о своекорыстныхъ постановленіяхъ многихъ губернскихъ комитетовъ отразились особенно сильно. Когда въ концѣ 1858 г. обсужденіе крестьянской реформы сдѣлалось опять возможнымъ, то Чернышевскій заговорилъ совсѣмъ уже не тѣмъ языкомъ, которымъ онъ писалъ свои первыя статьи объ этомъ предметѣ въ началѣ того же 1858 г. послѣ изданія рескриптовъ. Теперь онъ обрушился на постановленія губернскихъ комитетовъ съ рѣзкой критикой и сталъ проводить свою собственную программу реформы, гораздо болѣе радикальную, нежели та, которая отстаивалась другими передовыми журналами и рукописными проектами, обращавшимися въ публикѣ и представленными правительству. Онъ требовалъ не только полнаго и немедленнаго освобожденія крестьянъ съ землей, при чемъ существовавшіе надѣлы считалъ за minimum, требующій во многихъ мѣстахъ прирѣзки, а не отрѣзки, какъ проектировали всѣ комитеты; не только требовалъ выкупа обязательнаго для обѣихъ сторонъ при содѣйствіи правительства, но при этомъ выводилъ (въ статьѣ «Труденъ ли выкупъ земли?») такія нормы вознагражденія помѣщиковъ, которыя могли казаться для нихъ не только разорительными, но и совершенно неуравнительными. Основываясь на данныхъ статистическаго описанія Кіевской губерніи Д. П. Журавскаго (относившихся къ сороковымъ годамъ) для хлѣбородныхъ губерній и на данныхъ ститистики Смоленской губерніи Я. А. Соловьева—для губерній нечерноземныхъ,—онъ выводилъ для первыхъ за полный душевой надѣлъ вознагражденіе въ 49 руб., а для вторыхъ—въ 29 руб., основываясь на томъ, что за освобожденіе личности крестьянъ вознагражденія не полагается, въ чемъ могъ сослаться на разъясненіе самого правительства. Впрочемъ, въ видѣ уступки онъ полагалъ въ концѣ-концовъ возможнымъ помириться на оцѣнкѣ выкупаемаго душевого надѣла въ 75 рублей, близко подходя такимъ образомъ къ цифрѣ Огарева.

Статьи Чернышевскаго не могли, конечно, оказать вліяніе на работы губернскихъ комитетовъ, прежде всего потому, что онѣ появились тогда, когда большая часть комитетовъ уже заканчивала свои занятія. Но если бы онѣ появились и раньше, едва ли онѣ могли бы подѣйствовать даже на тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые были настроены наиболѣе радикально и великодушно. Чернышевскій оперировалъ слишкомъ отвлеченными соображеніями и слишкомъ далекъ былъ отъ дѣйствительнаго сель-

скаго быта тогдашней Россіи для того, чтобы произвести своими статьями впечатлѣніе на самихъ сельскихъ обывателей, на людей практики, на представителей провинціальнаго дворянства, работавшихъ въ губернскихъ комитетахъ. Едва ли онъ и имѣлъ ихъ въ виду. «Современникъ» работалъ для широкой публики, общественное мнѣніе которой онъ стремился организовать и настроить какъ можно радикальнѣе. Его статьи важны поэтому не по ихъ практическому вліянію на ходъ реформы, а какъ показатель роста радикальнаго и оппозиціоннаго духа въ Россіи, совершавшагося параллельно разработкѣ крестьянской реформы. Нападеніе на вялость и неустойчивость дворянскаго либерализма, на безпочвенность безличныхъ обличеній и звучныхъ либеральныхъ фразъ съ такою рѣзкостью стало въ это время проявляться на страницахъ «Современника», особенно въ статьяхъ Добролюбова, не касавшихся непосредственно крестьянской реформы, что повело съ одной стороны къ внутреннему разладу и расколу среди сотрудниковъ этого журнала, и съ другой—заставило даже Герцена протестовать противъ этого тона (въ статьяхъ «Very Dangerous» и «Лишніе люди и желчевики»).

Совсѣмъ въ иномъ тонѣ велся въ теченіе всего 1858 г. кошелевскій журналъ «Сельское Благоустройство», несмотря на то, что и ему очень часто приходилось изнемогать подъ давленіемъ цензуры. «Приступая къ новому великому, самому значительному дѣлу нашей новѣйшей исторіи,—сказано было въ извѣщеніи «отъ издателя» въ 1-й его книжкѣ,—къ такому дѣлу, которое должно обновить насъ, пересоздать наши частныя и общественныя отношенія и устройства,—къ дѣлу, могущему и имѣющему исцѣлить нашъ бытъ отъ язвъ, такъ сильно истощающихъ лучшіе соки Русской земли, все болѣе нами чувствуемыхъ и глубже сознаваемыхъ,—мы должны вполнѣ проникнуться убѣжденіемъ, что такая животворная задача разрѣшается лишь въ духѣ мира и любви къ ближнимъ». Призывая всѣхъ благомыслящихъ людей къ «общему сужденію», славянофильскій органъ повторялъ въ заключеніе: «не разъ уже сказанное правило, давно принятое обществами, *ранѣе насъ выступившими на историческое поприще: общее дѣло всего народа есть частное дѣло каждаго изъ его членовъ*».

Этотъ примирительный тонъ былъ выдержанъ «Сельскимъ Благоустройствомъ» до конца года, когда оно, наконецъ, закрылось, не выдержавъ долѣе тяжелаго гнета цензуры. Главными руководителями этого журнала являлись Кошелевъ, Самаринъ и кн. Черкасскій. Изъ нихъ первый проводилъ въ очень осторожной формѣ въ цѣломъ рядѣ статей о различныхъ сторонахъ реформы тѣ самые

взгляды, которые онъ опредѣленно и ярко выразилъ въ запискѣ своей, представленной правительству въ 1857 году. Юрій Самаринъ, будучи самымъ талантливымъ публицистомъ славянофильской школы, занялъ въ этомъ журналѣ своими замѣчательными статьями (вполнѣ одобрявшимися и «Современникомъ») центральное мѣсто. Насколько Кошелевъ раздробилъ свой проектъ и ослабилъ изъ предосторожности свои мысли, настолько Самаринъ въ первыхъ же статьяхъ, напечатанныхъ въ «Благоустройствѣ», продвинулъ впередъ тѣ идеи, которыя онъ осторожно и нерѣшительно высказывалъ въ запискѣ своей 1856 года. Здѣсь онъ опредѣленно высказываетъ, что крестьяне имѣютъ *историческое право на ту землю, которую занимаютъ*, гдѣ вѣнцомъ реформы и заключеніемъ всего дѣла долженъ быть выкупъ повинностей, притомъ выкупъ для помѣщиковъ обязательный. Но при всемъ томъ онъ находилъ, что этотъ исходъ не можетъ быть достигнутъ немедленно, и доказывалъ, что при данныхъ условіяхъ переходное положеніе необходимо и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, и для правительства. На его упорство въ защитѣ имъ этого взгляда, конечно, не могло не имѣть вліянія то обстоятельство, что самъ онъ былъ помѣщикомъ степной, тогда еще весьма малонаселенной, Самарской губерніи, гдѣ немедленное прекращеніе барщины грозило помѣщикамъ разореніемъ. Помимо этихъ статей, несомнѣнно имѣвшихъ большое вліяніе на людей разныхъ взглядовъ и убѣжденій какъ въ помѣщичьей, такъ и въ правительственной средѣ, Самаринъ помѣстилъ рядъ другихъ статей и замѣтокъ, среди которыхъ не маловажное значеніе имѣли его статьи по исторіи крестьянской реформы въ Пруссіи, написанныя съ большимъ знаніемъ дѣла.

Кн. Черкасскій напечаталъ въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» большую и очень содержательную статью о будущемъ административномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ. Въ статьѣ этой онъ явился тогда піонеромъ въ той области, которую стремился освѣтить, и его статьѣ выразили въ тотъ моментъ полное свое сочувствіе многія лица и даже А. М. Унковскій, который впослѣдствіи въ этой области далеко ушелъ впередъ отъ перспективъ будущаго сельскаго устройства и самоуправленія, намѣчавшихся впервые Черкасскимъ. Но въ статьѣ этой было одно мѣсто, навлекшее и на автора и на журналъ, помѣстившій статью, цѣлый рядъ весьма непріятныхъ нападокъ и въ «Колоколѣ», и въ «Современникѣ», и особенно рѣзкихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это былъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которыя Черкасскій считалъ возможнымъ удержать на время срочно-обязаннаго періода. Подъ давленіемъ этихъ нападокъ Черкасскій печатно отказался отъ своей мысли, но

впослѣдствіи онъ къ ней возвратился и въ редакціонныхъ комиссіяхъ поддерживалъ ее въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ вмѣстѣ съ Самаринымъ и Милютинымъ.

Таковы были главныя теченія общественной мысли по крестьянскому вопросу въ 1858 году — въ печати. Нельзя не видѣть, что въ общемъ они свидѣтельствовали о радикализаціи взглядовъ на задачи реформы, при чемъ общее мнѣніе все болѣе и болѣе высказывалось за полное освобожденіе крестьянъ съ землей при помощи выкупа. Въ эту же сторону стало склоняться съ средины 1858 г. и само правительство. Ростовцевъ, отдыхавшій и лѣчившійся лѣтомъ 1858 г. за границей, написалъ въ концѣ лѣта свои извѣстныя четыре письма къ императору Александру, по которымъ можно прослѣдить, какъ колебался и мѣнялся его взглядъ на основные вопросы реформы подъ вліяніемъ прочитанныхъ за границей и на свободѣ обдуманныхъ выкупныхъ проектовъ, въ числѣ которыхъ были, на ряду съ кошелевскими записками и съ проектами, напечатанными въ «Колоколѣ» и въ «Голосахъ изъ Россіи» (особенно въ т. V), и проекты, составленные дѣловыми людьми — иностранными банкирами (Френкелемъ и Гомбергомъ), особенно импонировавшіе Ростовцеву. Съ Гомбергомъ Ростовцевъ даже лично видѣлся въ Парижѣ. По возвращеніи въ Россію Ростовцевъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія объ этомъ предметѣ съ государемъ съ участіемъ и Ланского, значительно подготовленнаго къ воспріятію новыхъ идей Милютинымъ. Въ результатѣ этихъ совѣщаній рѣшено было новые взгляды Ростовцева обсудить въ главномъ комитетѣ и ввести соотвѣтственные имъ коррективы въ правительственную программу реформы. Взгляды эти клонились къ признанію различныхъ неудобствъ и даже опасностей срочно-обязаннаго положенія, когда крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, нелегко будетъ заставить исполнять ихъ повинности въ пользу помѣщиковъ; съ другой стороны, Ростовцевъ признавалъ теперь, что изъ срочно-обязаннаго положенія не можетъ быть другого исхода, кромѣ выкупа крестьянами земельныхъ надѣловъ въ собственность. И то, и другое признаніе въ корнѣ подрывали позеновскую программу, регулировавшую работы губернскихъ комитетовъ. Ростовцевъ и раньше признавалъ очевидныя трудности переходнаго состоянія, но раньше въ главномъ комитетѣ господствовалъ взглядъ, что всѣ затрудненія и опасности этого періода могутъ быть предупреждены и устранены при помощи усиленія полицейской власти на мѣстахъ. И для этой цѣли выдвинутъ былъ въ томъ же 1858 г. проектъ учрежденія

повсюду временныхъ генералъ-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ съ чрезвычайными полномочіями. Этотъ проектъ, приписывавшійся одними самому Ростовцеву, другими Буткову, былъ рѣшительно раскритикованъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который представилъ противъ него записку, прекрасно составленную калужскимъ губернаторомъ Арцимовичемъ и долго приписывавшуюся Милютину. Записка эта вызвала гнѣвъ императора Александра, но Ростовцевъ понялъ несообразность предлагаемыхъ полицейскихъ мѣръ и уже въ первыхъ письмахъ изъ Вильдбада писалъ, что для того, чтобы сильная власть на мѣстахъ ни на минуту не колебалась, онъ признаетъ самымъ надежнымъ средствомъ—сосредоточить ее въ рукахъ крестьянскаго міра и его избранныхъ. При этомъ онъ настаивалъ на ограниченіи вотчинной власти помѣщика, указывая, что «помѣщикъ не долженъ имѣть и во время срочно-обязаннаго періода отношеній къ отдѣльнымъ крестьянамъ, а лишь къ міру, а въ случаяхъ недоразумѣній съ этимъ послѣднимъ долженъ обращаться къ мирнымъ судьямъ — тогдашнему прототипу мировыхъ посредниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростовцевъ высказывался опредѣленно и противъ тѣлесныхъ наказаній, находя, что упоминаніе о нихъ будетъ «пятномъ» на освобожденіи.

Таково было настроеніе высшихъ правящихъ сферъ, когда въ октябрѣ 1858 г. въ Петербургъ явился Унковскій съ тремя другими членами тверского комитета, привезя съ собой ультиматумъ, который большинство тверского комитета рѣшилось поставить правительству. Программа, данная въ руководство губернскимъ комитетамъ въ апрѣлѣ 1858 года, ставила ихъ дѣятельность въ очень опредѣленныя рамки, хитро намѣченныя ловкимъ «плантаторомъ» Позеномъ, авторомъ этой программы. По смыслу программы комитеты должны были выработать своей проектъ только для срочнообязаннаго періода, притомъ строго придерживаясь началъ, указанныхъ въ рескриптахъ и частью въ самой этой программѣ. Тверской комитетъ, стоявшій на точкѣ зрѣнія Унковскаго и желавшій выработать *выкупной* проектъ, попробовалъ сперва обойти программу и признать за усадьбу, подлежащую выкупу, весь земельный надѣлъ со всѣми угодьями. Но недальновидное и консервативно-настроенное меньшинство комитета подало протестъ, и министерство потребовало буквальнаго выполненія требованій программы. Тогда большинство комитета отправило въ Петербургъ къ Ростовцеву и Ланскому депутацію съ Унковскимъ во главѣ, которая заявила правительству, что если оно желаетъ имѣть проектъ тверского дворянства, то таковой можетъ быть составленъ только на началахъ выкупа и радикальной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній безъ всякаго срочно-

обязаннаго періода, а въ противномъ случаѣ пусть прикажутъ составить проектъ чиновникамъ, которые напишутъ все, что имъ будетъ приказано. Этотъ ультиматумъ пришелъ какъ разъ во́-время. Ростовцевъ и Ланской настояли въ главномъ комитетѣ, чтобы тверскому губернскому комитету было разрѣшено вмѣстѣ съ проектомъ срочно-обязаннаго положенія составить и выкупной проектъ. Первая брешь въ позеновской программѣ была такимъ образомъ пробита. Впослѣдствіи, по ходатайству калужскаго комитета, ему также разрѣшено было составить выкупной проектъ, и разрѣшеніе это (въ мартѣ 1859 г.) было сообщено и другимъ 16 комитетамъ, не закончившимъ еще къ тому времени своихъ работъ.

Извлеченія изъ писемъ Ростовцева были между тѣмъ разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ и послужили основаніемъ для двухъ весьма важныхъ журналовъ его, утвержденныхъ императоромъ Александромъ 26 октября и 4 декабря 1858 г. Эти журналы вмѣстѣ съ новыми двумя записками Ростовцева, напечатанными съ высочайшаго соизволенія для членовъ комитета подъ названіемъ «ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса» и «дополненія» къ этой статьѣ (14 февраля и 8 апрѣля 1859 г.), послужили основнымъ руководствомъ для работъ редакціонныхъ комиссій, образованныхъ въ мартѣ 1859 г. при главномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, для разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ и составленія окончательныхъ проектовъ положеній для крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

Здѣсь небезынтересно отмѣтить, что когда экземпляры «извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ писемъ» Ростовцева, въ которыхъ онъ впервые сталъ отставать отъ прежней программы, и его записка «ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса», въ который онъ уже твердо стоялъ на почвѣ выкупа крестьянскихъ надѣловъ и даже предлагалъ собственный проектъ таковаго, были доставлены въ редакцію «Колокола», то Огаревъ, завѣдывавшій обозрѣніемъ хода крестьянской реформы и предубѣжденный противъ Ростовцева не менѣе Герцена, никакъ не могъ сразу дать надлежащую оцѣнку этимъ замѣчательнымъ документамъ. Огарева путало еще и то обстоятельство, что онъ получилъ эти документы въ порядкѣ обратномъ времени ихъ составленія. Между тѣмъ въ первыхъ двухъ письмахъ своихъ изъ Вильдбада Ростовцевъ стоялъ еще всецѣло на почвѣ рескриптовъ и упоминалъ, въ числѣ мѣръ охраны общественнаго спокойствія во время срочно-обязаннаго положенія, о временныхъ генералъ-губернаторахъ, хотя и съ видимой тенденціей какъ-нибудь сократить ихъ будущую власть и предупредить злоупотребленія ею. Огаревъ никакъ не могъ помирить этого «извле-

ченія» съ вполнѣ симпатичными ему взглядами, изложенными во второй запискѣ, и высказалъ даже предположеніе, что если вторая записка является дѣйствительнымъ выраженіемъ новой программы правительства, то первая издана, вѣроятно, для отвода глазъ помѣщикамъ и реакціонной партіи, которой правительство сильно побаивалось, по его предположенію. Въ то же время по адресу Ростовцева при этомъ вновь высказаны были различныя обидныя для него предположенія. Все это вызвало одного изъ корреспондентовъ «Колокола», человѣка видимо хорошо освѣдомленнаго объ истинномъ положеніи дѣлъ, прислать въ «Колоколъ» длинное укорительное письмо съ упреками за пристрастное и несправедливое отношеніе къ Ростовцеву и съ разъясненіемъ истиннаго смысла важныхъ документовъ, напечатанныхъ въ «Колоколѣ». Письмо это вмѣстѣ съ благодарностью и извиненіемъ Огарева было цѣликомъ напечатано въ 46-мъ листѣ «Колокола» отъ 22 іюня 1859 г. подъ заглавіемъ «Отвѣтъ на статью *Крестьянскій вопросъ и Ростовцевъ*». Въ сопровождавшей это письмо замѣткѣ Огарева между прочимъ было сказано: «Мы считали, что до идеи выкупа правительство болѣе стояло на степени чувства народнаго освобожденія; только съ идеей выкупа начинается сознательное дѣло, дѣйствительная развязка, первый шагъ къ устройству свободныхъ сельскихъ общинъ»... Онъ умолялъ присылать ему свѣдѣнія о ходѣ «выкупного» вопроса, который онъ называлъ «самымъ важнымъ русскимъ вопросомъ».

Новая правительственная программа, поставленная передъ редакціонными комиссіями въ первыхъ же ихъ засѣданіяхъ, такъ была формулирована ихъ лѣтописцемъ Н. П. Семеновымъ:

1. Освободить крестьянъ съ землей.

2. Конечною развязкой освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ.

3. Оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4. Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе.

5. Барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ 3 года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6. Дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Программа эта принята была вполнѣ сочувственно комиссіями, составленными частью изъ чиновниковъ прогрессивнаго образа мыслей, частью изъ экспертовъ-помѣщиковъ, обратившихъ своими работами

по крестьянскому вопросу на себя вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Она и легла въ основу работъ комиссій. Въ числѣ членовъ-экспертовъ редакціонныхъ коммиссій были однако же и представители вотчинно-феодальной точки зрѣнія петербургскаго дворянства—гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ—и представители «плантаторскихъ» взглядовъ помѣщиковъ черноземныхъ губерній—Позенъ и Апраксинъ. Съ ними пришлось вступить въ борьбу, которая сопровождалась довольно рѣзкими конфликтами, и самому Ростовцеву, и той дѣятельной и прогрессивной группѣ—Милютину, Самарину, Черкасскому и Соловьеву,—которая получила вскорѣ на направленіе дѣлъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ преобладающее вліяніе. Идеи этой вліятельной группы, въ тотъ моментъ почти совпадавшія съ настроеніемъ Ростовцева и съ новой правительственной програмой, близко подходили къ тѣмъ взглядамъ, которые высказывались Самаринымъ на страницахъ «Сельскаго Благоустройства», но довольно существенно разнились отъ взглядовъ тверского дворянскаго комитета, хотя изъ работъ этого послѣдняго они коечто и заимствовали. Заимствовали они главнымъ образомъ систему градацій при разложеніи выведенныхъ ими нормъ оброка на десятины надѣла, а разнились отъ тверского комитета главнымъ образомъ по вопросамъ о выкупѣ и административномъ устройствѣ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что хотя и Ростовцевъ, и солидарная съ нимъ группа Милютина признали, что нормальнымъ исходомъ изъ переходнаго срочно-обязаннаго положенія можетъ быть только освобожденіе крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ съ сохраненіемъ всего или большей части земельнаго надѣла при помощи выкупа, они признавали, что выкупъ этотъ, т.-е. условія, на которыхъ могутъ состояться выкупныя сдѣлки въ каждомъ имѣніи,—могутъ быть только добровольными, притомъ (въ отличіе отъ ранѣе выраженнаго Самаринымъ взгляда)—добровольными съ обѣихъ сторонъ. Унковскій и съ нимъ большинство тверского комитета считали напротивъ, что развязать крестьянъ съ помѣщиками безобидно для обѣихъ сторонъ можетъ только обязательный выкупъ, при которомъ возможно съ одной стороны немедленное сообщеніе крестьянамъ всей полноты гражданскихъ и имущественныхъ правъ, а съ другой стороны при которомъ и помѣщику можетъ быть гарантировано немедленное и безубыточное для него вознагражденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно желая полнаго уничтоженія всѣхъ слѣдовъ крѣпостного права, тверской комитетъ требовалъ такого устройства мѣстнаго хозяйственнаго и общественнаго управленія, при которомъ освобожденные отъ крѣпостного права крестьяне, соединенные въ одно сословіе съ крестьянами казенными и удѣльными, были бы

въ то же время освобождены и отъ всякой чиновничьей ферулы и опеки, которая легко могла обратиться для нихъ въ противномъ случаѣ въ новую крѣпостную зависимость отъ чиновничьяго произвола на мѣсто помѣщичьяго. Они желали поэтому, чтобы всѣ отнынѣ свободные сельскіе обыватели всѣхъ сословій были соединены въ самоуправляющіяся волости, которыя были бы притомъ поставлены въ прямую связь съ мѣстнымъ несословнымъ же уѣзднымъ и губернскимъ самоуправленіемъ, котораго они требовали въ своемъ проектѣ.

Наоборотъ, редакціонныя комиссіи, руководимыя группой Милютина, опасались прежде всего сохраненія и даже развитія вотчинной юрисдикціи помѣщиковъ, противъ чего имъ пришлось выдержать сильную борьбу съ настроенными въ пользу сохраненія прерогативъ помѣщичьей вотчинной власти Позеномъ, Апраксинымъ, Шуваловымъ и другими членами комиссій, примкнувшими къ этимъ послѣднимъ, и потому они старались такъ организовать будущее общественное управленіе и административное устройство помѣщичьихъ крестьянъ, чтобы оберечь ихъ отъ всякаго вліянія помѣщиковъ. Такъ какъ они при этомъ не разсматривали вопроса о будущемъ мѣстномъ уѣздномъ и губернскомъ самоуправленіи, а между тѣмъ проектированное ими крестьянское самоуправленіе необходимо было такъ или иначе связать съ общими правительственными органами на мѣстахъ, то они и связали его съ различными административными и полицейскими властями, незамѣтно превративъ выборные органы будущаго крестьянскаго самоуправленія въ низшихъ подчиненныхъ уѣздной администраціи полицейскихъ агентовъ, нарушивъ тѣмъ самымъ самый принципъ самоуправленія, принятый ими такъ охотно и несомнѣнно вполнѣ искренно.

Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что наиболѣе проницательный изъ членовъ милютинской группы и гораздо лучше Милютина знавшій мѣстную жизнь и крестьянскій бытъ, Ю. Ф. Самаринъ по этому вопросу рѣшительно разошелся съ своими единомышленниками и протестовалъ противъ принятыхъ ими рѣшеній. Рѣшенія редакціонной комиссіи по этому отдѣлу вызвали тогда же рѣзкую критику и со стороны другихъ членовъ славянофильской партіи— Хомякова и К. Аксакова, а позднѣе и со стороны А. И. Кошелева.

Въ работахъ своихъ, стоя на точкѣ зрѣнія новой правительственной программы, редакціонныя комиссіи вообще не считались и не могли считаться съ мнѣніями дворянства, выраженными въ проектахъ губернскихъ комитетовъ, нетолько въ виду ихъ неизбѣжной односторонности, но и въ виду того также, что комитеты работали на основаніяхъ прежней программы. Понятно поэтому,

что дворянство, слѣдившее съ напряженнымъ вниманіемъ за дѣятельностью комиссій, труды которыхъ печатались и разсылались въ 3000 экземплярахъ, не могло быть ею довольно. Это недовольство сказалось самымъ рѣшительнымъ образомъ въ критикѣ на проекты редакціонныхъ комиссій со стороны депутатовъ губернскихъ комитетовъ, которые вызваны были для обзора этихъ проектовъ въ два срока. Острота критики еще болѣе увеличилась вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, которыя были приняты правительствомъ (главнымъ образомъ по инпціативѣ Милютина) къ ограниченію степени вліянія и дѣйствительнаго участія депутатовъ въ окончательномъ рѣшеніи вопроса. Извѣстно, что вопреки своимъ ожиданіямъ, основаннымъ на рѣчахъ самого императора Александра во время путешествія его по внутреннимъ губерніямъ въ 1858 г., депутаты были низведены составленной для нихъ инструкціей на степень простыхъ экспертовъ, не получившихъ даже правильнаго совѣщательнаго участія въ рѣшеніи вопроса не только въ главномъ комитетѣ, чего они добивались, но и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Составленныя ими замѣчанія на труды редакціонныхъ комиссій носятъ яркіе и рѣзкіе слѣды тѣхъ настроеній и взглядовъ, къ которымъ раздѣлившееся на партіи дворянство пришло въ это время.

Большая часть депутатовъ 1-го приглашенія были настроены въ общемъ весьма либерально и, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, отнюдь не были ни явными, ни тайными крѣпостниками. Большая часть изъ нихъ принадлежала къ комитетамъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній и даже среди представителей черноземныхъ или получерноземныхъ губерній были такіе продуманные и сознательные либералы, какъ Кошелевъ или кн. С. В. Волконскій, съ которымъ дѣйствовалъ здѣсь рука объ руку и представитель рязанскаго большинства Ѳ. С. Офросимовъ. Во всякомъ случаѣ депутаты эти высказывались не только за освобожденіе крестьянъ, но и за надѣленіе ихъ землей; но почти всѣ они были *противъ отвода надѣловъ въ безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности.* Они не безъ основанія опасались, что исправное отбываніе барщины безъ удержанія прежней помѣщичьей власти окажется на практикѣ невозможнымъ, установленіе же постоянныхъ оброковъ безъ права переоброчки они признавали несправедливымъ нарушеніемъ правъ собственности помѣщиковъ, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на землю. Многіе изъ нихъ требовали обязательнаго единовременнаго выкупа при помощи особой кредитной операціи. Очень немногіе предпочитали систему вѣчно-наслѣдственнаго пользованія съ отводомъ «Bauerland'a», но съ правомъ періодической переоброчки (петербургскіе и при-

мыкавшіе къ нимъ псковскіе), и лишь нѣсколько человѣкъ (съ Позеномъ полтавскимъ и кн. Ив. Гагаринымъ воронежскимъ представителями во главѣ) выразили стремленіе къ удержанію всей земли въ распоряженіи помѣщиковъ по истеченіи срочно-обязаннаго періода.

Многіе депутаты возражали также противъ проектированныхъ комиссіями нормъ земельныхъ надѣловъ, ссылаясь на то, что комиссіи произвольно устранили изъ расчета всѣ имѣнія менѣе 100 душъ, въ которыхъ надѣлъ при крѣпостномъ правѣ отводился гораздо ограниченнѣе, нежели въ крупныхъ имѣніяхъ, и что онѣ приняли безъ всякой скидки цифры надѣловъ въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ иногда вся земля отдавалась въ распоряженіе крестьянъ. Эти повышенныя, по ихъ мнѣнію, нормы надѣловъ они въ особенности потому считали для помѣщиковъ разорительными, что по проекту комиссій нормальные оброки назначены были лишь за высшую норму надѣла и, слѣдовательно, во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существующій надѣлъ окажется ниже высшаго, повинности должны были быть понижены. Они не обращали вниманія при этомъ на принятую комиссіями систему градаціи (заимствованную у тверского комитета), которая чрезвычайно ослабляла размѣры этого пониженія.

Изъ депутатовъ промышленныхъ губерній особенно сильно отстаивали свои повышенныя нормы оброковъ депутаты Ярославской губерніи.

Единодушнѣе и рѣзче всего депутаты 1-го приглашенія обрушились на проектъ административнаго устройства крестьянъ. Имъ было тѣмъ удобнѣе нападать на этотъ проектъ, что имъ не приходилось при этомъ обращаться къ защитѣ вотчинной власти помѣщиковъ. Многіе изъ нихъ сами охотно становились въ этомъ вопросѣ на либеральную и демократическую почву. Такъ по поводу проектируемой отмѣны помѣщичьей власти Кошелевъ писалъ въ своемъ отзывѣ: «Конечно, не плачъ по ней подниму я здѣсь, нѣтъ! *Вѣчная память,* которую мы ей теперь поемъ, налагаетъ на насъ обязанность de mortuis aut bene, aut nihil», а потому онъ избираетъ послѣднее. Но его занимаетъ вопросъ: къ кому же эта власть перейдетъ? «Сельскія общества получатъ часть ея, относящуюся до хозяйственнаго устройства и до первоначальныхъ полицейскихъ и судебныхъ дѣйствій; но остальная затѣмъ часть, та, которая и этой, такъ сказать домашней, даетъ жизнь и значеніе, въ чьи руки она поступитъ? Неужели къ чиновникамъ?» Противъ этого онъ протестовалъ всѣми силами.

Съ особенной яркостью точка зрѣнія Кошелева на этотъ предметъ выражена была въ одномъ письмѣ его къ Ю. Ф. Самарину

отъ 1 февраля 1860 г. (напечат. въ «Матер. для біографіи кн. Черкасскаго», т. I, ч. 2, стр. 140). «Мы видимъ,—писалъ онъ тамъ между прочимъ,—въ вашемъ многосложномъ мелочномъ и безусловно опредѣлительномъ предположеніи исчадіе бюрократизма, имѣющее окончательно убить народную жизнь и мѣстное значеніе землевладѣльцевъ и замѣнить оныя регламентаризмомъ и усиленіемъ для всѣхъ ненавистнаго чиновничества. Мы знаемъ коротко нѣкоторыхъ изъ васъ и убѣждены, что вы не менѣе нашего гнушаетесь этими язвами и никакъ не желаете ихъ еще болѣе растравить въ отечествѣ нашемъ, но не можемъ же мы не вѣрить своимъ глазамъ, своимъ ушамъ и своему разсудку»... «Называйте насъ, какъ хотите,—писалъ онъ тамъ же:—дворянствомъ или иначе какъ, но насъ безнаказанно нельзя стереть съ лица земли. Въ насъ заключается элементъ порядка и преуспѣванія; мы всегда должны принимать преимущественное участіе въ управленіи, а наше просвѣщеніе имѣетъ опредѣлять степень просвѣщенія Россіи въ отношеніи къ остальному человѣчеству. Правительство можетъ теперь окончательно превратить насъ въ чиновниковъ; но этимъ оно насъ убьетъ, себя изуродуетъ, а крестьянство изъ одной крѣпостной зависимости переведетъ въ другую. Мы всѣ за самодержавіе, ибо признаемъ его необходимость для Россіи, но мы всѣ также противъ бюрократіи, ибо считаемъ ее злѣйшимъ врагомъ Россіи и самого правительства. Самодержавіе — внѣ области борьбы; въ схваткѣ теперь — бюрократія и земля»...

Ю. Ф. Самаринъ, который былъ менѣе другихъ отвѣтственъ за проектъ административнаго устройства, противъ котораго онъ возражалъ, какъ мы упоминали, въ комиссіяхъ, писалъ по поводу этихъ схватокъ Черкасскому (отъ 6 февраля 1860 г., напечатано тамъ же, стр. 143): «Я никакъ не могъ растолковать, что законодательная работа никогда не должна быть разсматриваема, какъ символъ вѣры, а всегда имѣетъ характеръ сдѣлки между чаемою будущностью и всѣми условіями настоящаго. Этого не вмѣщаютъ. Мы двое, т.-е. именно вы и я, одинаково коротко знаемъ требованія обѣихъ сторонъ; по нашему исключительному положенію, мы видимъ всю правду и всю односторонность обѣихъ партій; но именно потому-то мы никогда не удовлетворимъ ни той, ни другой. Всѣ будутъ противъ насъ: il faut s'y faire».

Любопытно отмѣтить, что много лѣтъ спустя (уже въ началѣ 70-хъ годовъ) Кошелевъ, вспоминая всѣ эти столкновенія въ своихъ заграничныхъ «запискахъ», писалъ между прочимъ: «Вообще настроеніе общества, особенно въ Петербургѣ, было крайне враждебно успѣхамъ освобожденія крѣпостныхъ людей. А потому спа-

сибо ред. комиссіямъ, что онѣ, видя, откуда всего сильнѣе и рѣзче идетъ неодобреніе составленныхъ ими проектовъ, и опасаясь полнаго крушенія этого дѣла, предпочли не исправлять своего далеко не совершеннаго труда, чѣмъ затянуть дѣло освобожденія крѣпостныхъ людей и тѣмъ помочь противникамъ его въ изуродованіи или даже въ полномъ его устраненіи, или, что всего чаще и хуже бываетъ, въ нулификаціи его, т.-е. въ превращеніи его въ ничто, посредствомъ изданія закона неопредѣленнаго и ничего положительнаго не постановляющаго»...

Изъ депутатовъ 1-го приглашенія самую основательную критику волостного устройства, проектированнаго комиссіями, представилъ тверской депутатъ А. М. Унковскій. Главный недостатокъ этого проекта онъ видѣлъ въ томъ, что волости предполагалось образовать изъ однихъ лишь бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, совершенно обособленныхъ отъ прочихъ сословій и отъ крестьянъ другихъ категорій. Что такія волости не могутъ служить своей цѣли, т.-е. быть единицами мѣстнаго сельскаго самоуправленія, это доказывалъ въ глазахъ Унковскаго опытъ волостей и сельскихъ обществъ у государственныхъ крестьянъ. Эти волости, писалъ Унковскій, «будутъ не болѣе не менѣе, какъ массы, механически и насильственно связанныя внѣшнею силою. Что будутъ обсуждать они на своихъ собраніяхъ? Свои общіе интересы? Но они не имѣютъ общихъ отдѣльныхъ интересовъ, такихъ, которые не были бы неразрывно связаны съ интересами прочихъ жителей мѣстности»... «Съ другой стороны, какая надобность и какая польза отдѣлять крестьянъ отъ высшихъ просвѣщенныхъ сословій? Вѣдь это значитъ отнимать у мѣстныхъ обществъ весь разумъ, всю способность пользоваться своими правами»...

«Это разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ и къ разрушенію всякаго понятія о самоуправленіи общества»...

Но этимъ Унковскій не ограничился: въ своемъ отзывѣ на проектъ административнаго отдѣленія онъ представилъ подробный разборъ и рѣзкую критику всей существовавшей тогда системы управленія. Онъ предлагалъ упразднить всѣ существовавшіе тогда вѣдомства, присутственныя мѣста, канцеляріи и сословные суды и замѣнить все это широкой и послѣдовательно проведенной системой самоуправленія и общимъ для всѣхъ сословій судомъ присяжныхъ. Для обузданія же чиновничьяго произвола и злоупотребленій онъ требовалъ отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ не по распоряженію ихъ начальствъ, а по жалобамъ частныхъ лицъ.

Депутаты перваго приглашенія не ограничились однако пред-

ставленіемъ своихъ замѣчаній на проекты редакціонныхъ комиссій. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга (въ октябрѣ 1859 г.) они рѣшились ходатайствовать еще разъ, чтобы имъ было предоставлено представить свои замѣчанія на окончательный проектъ редакціонныхъ комиссій, когда онъ будетъ готовъ,—главному комитету. Они составили объ этомъ адресъ на высочайшее имя, но при подписи его возникли несогласія относительно его редакціи и въ концѣ-концовъ депутаты раздѣлились на три группы. Восемнадцать человѣкъ подали адресъ съ ходатайствомъ о допущеніи ихъ къ разсмотрѣнію окончательныхъ трудовъ редакціонныхъ комиссій. Симбирскій депутатъ Шидловскій представилъ адресъ въ олигархическомъ духѣ, а пять депутатовъ (2 ярославскихъ, 2 харьковскихъ и тверской—Унковскій) изложили въ своемъ адресѣ вмѣстѣ съ жалобой на направленіе работъ редакціонныхъ комиссій и взглядъ свой на необходимыя преобразованія въ судебномъ и административномъ строѣ страны.

Въ то же время (въ срединѣ октября 1859 г.) подалъ государю записку не принадлежавшій къ составу депутатовъ одинъ изъ представителей фрондирующихъ группъ высшаго петербургскаго дворянства камергеръ М. А. Безобразовъ (родной братъ Н. Безобразова, автора упомянутой выше берлинской брошюры). Записка эта гораздо сильнѣе и ярче, чѣмъ адресъ Шидловскаго, выражала оппозиціонно-олигархическія требованія части придворной аристократіи. Утверждая въ этой запискѣ, что при вызовѣ депутатовъ царская воля была искажена злонамѣренной бюрократіей, и стараясь представить дворянство самой надежной и прочной опорой престола, Безобразовъ требовалъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ было «обуздано» и чтобы представители дворянскихъ комитетовъ были приглашены не въ редакціонныя комиссіи, а въ главный комитетъ для обсужденія нужныхъ мѣръ и опредѣленія «законнымъ образомъ» размѣра необходимыхъ пожертвованій дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ возстановленія стариннаго права земли посылать своихъ представителей для совѣщательнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Въ стремленіи своемъ очернить ненавистное ему министерство внутреннихъ дѣлъ Безобразовъ не останавливался передъ самыми неблаговидными намеками и клеветами, имѣвшими въ сущности значеніе доноса, и обвинялъ въ неблагонадежности не только журналы и литературу, но и цензуру и чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и членовъ редакціонныхъ комиссій; онъ обвинялъ даже правительственныя учрежденія въ сообществѣ съ «заграничными памфлетистами» и увѣрялъ, что корень крамолы «глубоко зарытъ въ замыслахъ иностранныхъ», наконецъ, тутъ же

онъ бросалъ тѣнь и на нѣкоторыхъ изъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ, называя ихъ «сочинителями конституцій по образцамъ запада» и очевидно вовсе не желая быть съ ними смѣшаннымъ.

Дерзкій тонъ безобразовской записки чрезвычайно разсердилъ императора Александра, который не только исчертилъ ее всю самыми гнѣвными отмѣтками, но и приказалъ выслать Безобразова изъ Петербурга съ воспрещеніемъ ему жительства въ столицахъ и съ исключеніемъ его изъ придворнаго званія. Гнѣвъ Александра не миновалъ и депутатовъ, подавшихъ адресы, и имъ сдѣланы были по высочайшему повелѣнію формальные выговоры черезъ губернаторовъ. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ воспретилъ дворянскимъ очереднымъ собраніямъ, происходившимъ во многихъ губерніяхъ въ декабрѣ 1859 г., касаться крестьянскаго вопроса, что чрезвычайно раздражило дворянство и вызвало рядъ адресовъ и заявленій оппозиціоннаго характера, въ числѣ которыхъ былъ признанъ особенно крамольнымъ адресъ тверского собранія, несмотря на то, что въ немъ дворянское собраніе, хотя и твердо, но въ сущности совершенно лойяльно и въ почтительной формѣ отстаивало свои права отъ неправильныхъ распоряженій правительства, тѣмъ не менѣе немедленно послѣдовало высочайшее повелѣніе объ удаленіи Унковскаго отъ должности губернскаго предводителя, послѣ чего онъ былъ арестованъ и высланъ вмѣстѣ съ главнымъ инициаторомъ адреса Европеусомъ въ восточныя губерніи. Это были первыя административныя кары, обрушившіяся на представителей дворянства въ царствованіе Александра II.

Между тѣмъ Ростовцеву не удалось довести до конца работу редакціонныхъ комиссій. Онъ умеръ 6 февраля 1860 г. послѣ длительной и тяжелой болѣзни, вызванной переутомленіемъ и чрезмѣрнымъ напряженіемъ нервовъ. На его мѣсто назначенъ былъ гр. Панинъ, являвшійся въ глазахъ общества и придворныхъ круговъ однимъ изъ самыхъ упорныхъ сторонниковъ стараго строя. Это назначеніе принято было всѣми за сигналъ къ реакціи въ дѣлѣ крестьянской реформы. Герценъ привѣтствовалъ его рѣзкой статьей съ угрозами по адресу императора Александра II. Многіе члены редакціонныхъ комиссій съ Милютинымъ во главѣ собирались выйти изъ ихъ состава. Все это вскорѣ оказалось ложной тревогой, такъ какъ Панинъ получилъ назначеніе подъ условіемъ ничего не измѣнять въ направленіи дѣла, данномъ Ростовцевымъ; Ростовцевъ же успѣлъ передъ смертью составить записку, врученную затѣмъ по его желанію императору Александру, въ которой онъ въ ясныхъ и категорически выраженныхъ чертахъ формулировалъ тѣ выводы, къ какимъ пришли редакціонныя комиссіи передъ при-

бытіемъ въ Петербургъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ второй очереди. Эта записка получила наименованіе политическаго завѣщанія Ростовцева и подъ этимъ названіемъ была напечатана въ томъ же 1860 г. въ «Голосахъ изъ Россіи». Списокъ съ нея врученъ былъ по приказанію Александра гр. Панину для его руководства. Въ этой запискѣ Ростовцевъ остается при той же программѣ, съ которой онъ выступилъ въ первыхъ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій. Упоминая кратко о нападкахъ депутатовъ перваго приглашенія на труды редакціонныхъ комиссій, онъ твердо отстаиваетъ положенія комиссій, въ томъ числѣ и отводъ крестьянамъ надѣловъ въ *безсрочное* пользованіе до выкупа, который остается добровольнымъ, и признаетъ возможность одной лишь уступки требованіямъ депутатовъ,—именно допущенія переоброчки черезъ 20 лѣтъ, если къ тому времени останутся имѣнія, не перешедшія на выкупъ.

Депутаты второго приглашенія, какъ разъ въ этотъ моментъ явившіеся въ Петербургъ, окрыленные надеждами на возможный поворотъ всего дѣла съ замѣной Ростовцева Панинымъ, сильно ошиблись въ своихъ расчетахъ. Императоръ Александръ очевидно твердо рѣшилъ остановиться на запискѣ Ростовцева, какъ на программѣ, изъ которой не слѣдуетъ уже дѣлать никакихъ уступокъ ни въ какую сторону. Единственная уступка, которая была сдѣлана согласно его желанію въ 3-мъ періодѣ работъ редакціонныхъ комиссій, соотвѣтственно предположенію Ростовцева, состояла въ допущеніи пореоброчки черезъ 20 лѣтъ, при чемъ Милютинъ, соглашаясь въ комиссіяхъ на эту переоброчку, тогда же предсказалъ вполнѣ правильно, что въ дѣйствительности она навѣрное не будетъ допущена. И дѣйствительно, когда въ 1881 г. пришелъ этотъ срокъ, то правительство, какъ извѣстно, рѣшилось вмѣсто того произвести обязательный выкупъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оставались еще временно-обязанные крестьяне.

Депутаты второго приглашенія были по большей части отъ комитетовъ черноземныхъ и западныхъ губерній. Они держались довольно сплоченно и стремились весьма упорно къ безземельному освобожденію крестьянъ и къ сохраненію вотчинной власти помѣщиковъ въ возможно большихъ размѣрахъ, отнюдь не раздѣляя (за очень ничтожными исключеніями) либеральныхъ и демократическихъ взглядовъ депутатовъ перваго приглашенія. Редакціонныя комиссіи многіе изъ нихъ обвиняли прямо въ республиканскихъ, соціалистическихъ и даже коммунистическихъ стремленіяхъ. Ихъ замѣчанія однако имѣли еще менѣе значенія для исхода реформы, нежели замѣчанія депутатовъ перваго приглашенія. Разъѣхались

они безъ подачи какихъ-либо адресовъ и, конечно, по характеру своихъ домогательствъ не могли вызвать сочувствія къ себѣ ни со стороны общества, ни со стороны наиболѣе вліятельныхъ органовъ печати.

Гр. Панинъ въ третьемъ періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій сдѣлалъ попытку поколебать заключенія комиссій въ одномъ существенномъ пунктѣ. Онъ доказывалъ недопустимость термина «безсрочное» пользованіе, но послѣ рѣзкихъ схватокъ съ Милютинымъ и его группой, несмотря на поддержку Желтухина и нѣкоторыхъ другихъ настроенныхъ «по-плантаторски» членовъ комиссій, не могъ добиться желательныхъ ему результатовъ и долженъ былъ удовольствоваться замѣной лишь слова «безсрочное» словомъ «постоянное» пользованіе, что вовсе не измѣняло положеніе дѣла.

Въ главномъ комитетѣ больше всего подвергались нападенію нормы надѣловъ, установленныя комиссіями, и великому князю Константину Николаевичу удалось отстоять ихъ лишь съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными уступками Панину по отдѣльнымъ мѣстностямъ, послѣ чего образовалось большинство, согласившееся на утвержденіе проектовъ комиссій съ этими исправленіями.

Въ государственномъ совѣтѣ, послѣ энергической рѣчи императора Александра, настаивавшаго на быстромъ окончаніи дѣла и требовавшаго отъ членовъ совѣта, чтобы они рѣшали его не какъ помѣщики, а какъ «сановники, облеченные его довѣріемъ», положенія были разсмотрѣны и одобрены безъ значительныхъ измѣненій. Самымъ существеннымъ было введенное въ нихъ по предложенію кн. П. П. Гагарина правило, которымъ помѣщикамъ предоставлялось замѣнять съ согласія крестьянъ слѣдующій имъ по положенію надѣлъ безвозмездной уступкой $^1/_4$ высшаго нормальнаго или указнаго надѣла съ усадьбой въ томъ числѣ. Этотъ четвертной надѣлъ, которымъ крестьяне соблазнились потомъ во многихъ мѣстахъ, получилъ впослѣдствіи характерное наименованіе «сиротскаго» или «нищенскаго».

Предсмертная записка Ростовцева, напечатанная, какъ уже было упомянуто, въ «Голосахъ изъ Россіи», помѣщена была въ VIII книжкѣ рядомъ съ анонимнымъ «проектомъ дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ», который могъ принадлежать, какъ я предполагаю по нѣкоторымъ соображеніямъ, Н. А. Серно-Соловьевичу,— одному изъ лицъ, принимавшихъ горячее, хотя и не видное участіе въ разныхъ стадіяхъ разработки крестьянской реформы, а въ тотъ моментъ бывшему сотрудникомъ «Современника» и близкимъ Чернышевскому человѣкомъ. Проектъ этотъ содержитъ обстоятельный,

но не рѣзкій разборъ проекта редакціонныхъ комиссій и самъ стоитъ па почвѣ обязательнаго выкупа, предлагая для его осуществленія рядъ оригинальныхъ и остроумныхъ финансовыхъ мѣръ. Въ то же время онъ стремится установить связь радикальной крестьянской реформы съ цѣлымъ рядомъ другихъ государственныхъ преобразованій. «Для Россіи,—сказано въ заключеніи этой любопытной записки, помѣченной 15 іюня 1860 г.,—наступила одпа изъ тѣхъ великихъ, но вмѣстѣ страшныхъ эпохъ,—когда старый порядокъ готовъ рухнуть: всѣ его основы уже подкопаны; мысль—у насъ точно такъ же, какъ въ цѣлой Европѣ—стремится впередъ, поддерживаемая двойнымъ могуществомъ пара и электричества: этой силы не удержатъ ни штыки, ни картечь.

Весь вопросъ въ томъ: сумѣетъ ли настоящее правительство повести Россію путемъ мирнымъ, предугадывая потребности времени, само уступая пароду свои привилегіи; или же оно будетъ упорствовать на томъ пути, которымъ идетъ теперь, который ведетъ народъ къ совершенію реформъ путемъ насильственнымъ?

Къ счастію Россіи, рубежомъ между старымъ порядкомъ и новымъ легъ крестьянскій вопросъ. Способъ разрѣшенія его даетъ тонъ и цвѣтъ всему остальному.

Во всякомъ случаѣ люди, искренно желающіе успѣха *мирнымъ* путемъ, добросовѣстно исполнили свой долгъ. Они отыскивали всевозможные способы предупреждать правительство, пренебрегая изъ любви къ Россіи собственною опасностью: многіе уже пострадали за это. Пренебрегая этими предостереженіями, правительство оставляетъ за собою всю отвѣтственность за всѣ могущія произойти несчастія.

Въ заключеніе,—пишетъ авторъ,—перечислимъ главнѣйшія требованія общественнаго мнѣнія, требованія—не только вполнѣ законныя, но и крайне умѣренныя, потому что имп давно уже пользуются всѣ сколько-нибудь образованныя государства.

1. Освобожденіе крестьянъ съ землею.

2. Равенство всѣхъ передъ судомъ и закономъ.

3. Совершенное отдѣленіе судебной власти отъ административной; гласность судопроизводства; судъ присяжныхъ.

4. Преобразованіе полицейскаго управленія.

5. Отвѣтственность всѣхъ органовъ управленія, начиная съ министровъ.

6. Право повѣрки надъ сбираніемъ и расходованіемъ платимыхъ народомъ въ казну денегъ.

7. Право контроля надъ изданіемъ новыхъ законовъ.

8. Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

9. Свобода печати.

10. Отмѣна выкупной монополіи и измѣненіе законовъ, стѣсняющихъ торговлю, промышленность и народный трудъ.

11. Отмѣна гражданскихъ чиновъ.

12. Полная амнистія всѣхъ страдающихъ за политическія убѣжденія.

Одиннадцать послѣднихъ пунктовъ естественное слѣдствіе перваго—отмѣны крѣпостного права. Говоря иностранными словами, это конституція; по-нашему — это правильное государственное устройство»...

Печатая этотъ проектъ рядомъ съ ростовцевскимъ «завѣщаніемъ», издатели «Голосовъ изъ Россіи» требуютъ, чтобы сами члены редакціонныхъ комиссій выразили предпочтеніе первому изъ нихъ. Но при этомъ они впервые отдаютъ справедливость и Ростовцеву. «Приходитъ время,—сказано въ предисловіи, подписанномъ Огаревымъ,—исторической оцѣнки значенія Ростовцева и его комиссій. Мы жалѣемъ о ихъ промахахъ, о частомъ непониманіи русскихъ потребностей, о ненужныхъ уступкахъ въ пользу *безсильныхъ* корыстей дворянства, о бюрократическихъ стремленіяхъ по-своему состряпывать жизнь народную и, говоря о самоуправленіи, все подчинять управительству; но мы отдадимъ имъ и должную справедливость. *Ростовцевъ умеръ, отстоявъ за народомъ право на землю и поставивъ вопросъ объ освобожденіи такъ, что его вспять уже не поворотишь.* Пусть же имя, записанное въ исторіи русской свободы по черному и по бѣлому,—добромъ помянется въ великодушной памяти народной!»

Когда вышелъ наконецъ манифестъ 19 февраля 1861 года и положенія, выработанныя редакціонными комиссіями, были опубликованы, въ качествѣ закона, хотя и съ нѣкоторыми урѣзками надѣльныхъ нормъ, Герценъ опять привѣтствовалъ императора Александра II въ своемъ «Колоколѣ» именемъ «Освободителя», подобно тому, какъ за три года передъ тѣмъ онъ привѣтствовалъ его статьей: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Но въ самой Россіи настроеніе передовыхъ общественныхъ группъ и оппозиціонныхъ фракцій дворянства—либерально-демократической и конституціонно-олигархической—ко времени опубликованія манифеста и положеній 19 февраля обострилось до крайности. Печати критика объявленной реформы была запрещена. Поэтому въ «Современникѣ» по случаю объявленія воли не было сказано ни слова. Вскорѣ обнаружились симптомы революціоннаго броженія. Но описаніе этихъ настроеній и борьбы съ ними правительства не входятъ въ рамки этой статьи.

А. Корниловъ.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.

L'oncle pourrait être regardé comme le précurseur du neveu.
(*Leroy-Beaulieu*, Un homme d'état russe, 103.)

Гр. П. Д. Киселевъ—яркій и замѣтный дѣятель первой половины XIX вѣка, но историческій обликъ его доселѣ остается не вполнѣ яснымъ. Его дѣятельность продолжалась очень долго: онъ началъ ее семнадцати лѣтъ; блестящія дарованія очень рано доставили ему высокое и вліятельное положеніе; умеръ онъ 84 лѣтъ, прослуживъ безъ малаго 70. Киселевъ видѣлъ «дней Александровыхъ прекрасное начало», принималъ участіе въ войнѣ 1812—14 гг., прошелъ Аракчеевщину, былъ другомъ декабристовъ, пять лѣтъ управлялъ Молдавіей и Валахіей, провелъ единственную реформу царствованія Николая I—устройство быта государственныхъ крестьянъ—, почти 20 лѣтъ стоялъ во главѣ созданнаго имъ министерства государственныхъ имуществъ, кончилъ службу посломъ при дворѣ Наполеона III и умеръ добровольнымъ полуизгнанникомъ на чужбинѣ всего за 9 лѣтъ до смерти Александра II. Много эпохъ пережилъ онъ, приспособляясь къ нимъ, умѣя въ одно и то же время сохранять свое достоинство и убѣжденія и оставаться придворнымъ генераломъ, рѣдкаго, правда, въ его время типа, напоминавшаго вельможъ Екатерининскаго времени. То, что удалось въ жизни Киселеву, удавалось немногимъ русскимъ дѣятелямъ; но его исключительная жизненная удача, соединенная съ рѣдкимъ долголѣтіемъ и очень различнымъ отношеніемъ современниковъ къ его дѣяніямъ, сообщила облику его отмѣченную выше неопредѣленность, съ которою онъ и перешелъ въ исторію. Изобразить дѣятельность Киселева, примѣняясь къ одной какой-нибудь эпохѣ, нельзя, и невольно характеристика ея, болѣе чѣмъ всякая другая, должна пріобрѣсти біографическій характеръ.

Будущій графъ Киселевъ родился въ Москвѣ 8 января 1788 г. на углу Тверской и Брюсовскаго переулка, въ домѣ, еще съ 50-хъ

годовъ XVIII столѣтія принадлежавшемъ семьѣ Киселевыхъ [1]). Дѣтскіе годы далеки отъ расцвѣта дѣятельности, но сѣмена будущаго развитія падаютъ въ душу человѣка именно въ эти годы. Къ удивленію, о дѣтствѣ Киселева, протекшемъ въ дворянской Москвѣ 90-хъ годовъ XVIII вѣка, мы знаемъ очень мало.

Семья Киселевыхъ давно осѣла въ Москвѣ. Дѣдъ Павла Дмитріевича, подполковникъ Иванъ Алексѣевичъ, въ половинѣ столѣтія былъ московскимъ губернаторскимъ товарищемъ, т.-е. занималъ довольно видное мѣсто по администраціи. Его сынъ, Дмитрій Ивановичъ, служилъ по дворцовому вѣдомству и въ началѣ XIX вѣка былъ помощникомъ начальника оружейной палаты, а потомъ и главноприсутствующимъ въ ней [2]). На рубежѣ столѣтій Москва, говоря словами П. А. Вяземскаго, была «истинной столицей литературы и удовольствій общежитія образованнаго; памятники блестящаго двора Екатерины доживали свой вѣкъ въ тихой пристани и придавали московскому обществу какую-то историческую физіогномію, равно какъ и кремлевскія стѣны придаютъ ее самому городу. Многіе открытые домы, куда съѣзжались на хлѣбосольство хозяевъ, образованныхъ и достаточныхъ, собесѣдники умные, женщины любезныя и просвѣщенные путешественники, доставлявшіе людямъ, чуждымъ честолюбія и удаленнымъ отъ дѣлъ, пріятныя наслажденія утонченнаго общежитія, признаки несомнительные и плоды образованности зрѣлой» [3]). Среди этого дворянскаго эдема семейство Киселевыхъ занимало не первое, но во всякомъ случаѣ приличное мѣсто. И по происхожденію отъ старинныхъ московскихъ служилыхъ людей, и по служебному положенію и по родственнымъ связямъ—Д. И. Киселевъ былъ женатъ на княжнѣ П. П. Урусовой—Киселевы принадлежали къ лучшему дворянскому кругу столицы. Едва ли они могли держать открытый столъ, чѣмъ такъ славилась старая Москва; средства ихъ никогда не были большими, а къ концу жизни Д. И. Киселева и вовсе разстроились: на 915 душахъ лежало до 270.000 руб. долгу. «Имѣнія почти нѣтъ, семья большая», пишетъ по поводу смерти Дмитрія Ивановича А. Я. Булгаковъ [4]). Тѣмъ не менѣе, у Киселевыхъ часто собирались гости, много играли въ карты, велись вѣроятно и бесѣды, если вспомнить, что ихъ посѣщали такіе люди, какъ И. И Дмитріевъ и Н. М. Карамзинъ, жившіе тогда въ

[1]) „Русскій Архивъ“, 1878, I, 279. [2]) Біографіи кавалергардовъ, 1801—1826 гг., 144; *Заблоцкій-Десятовскій*, Графъ Киселевъ и его время, I, 2. [3]) Сочиненія, т. I, 117. [4]) Письма А. Я. Булгакова, московскаго почтъ-директора къ брату К. Я., петербургскому почтъ-директору. „Р. Архивъ“ 1900 г., III, 364. *Заблоцкій*, III, 431. Самъ П. Д. Киселевъ также не оставилъ большого состоянія.

Москвѣ [1]). Мы не знаемъ, какихъ взглядовъ на общественныя дѣла и политику держались въ домѣ Киселевыхъ, но дружеская близость Дмитрія Ивановича съ Ростопчинымъ [2]) указываетъ скорѣе на консервативное направленіе. Съ другой стороны, стойкій и непоколебимый интересъ, обнаруженный позднѣе Павломъ Дмитріевичемъ къ меньшей братіи—крестьянамъ, интересъ, столь ярко освѣтившій жизнь сына Елизаветы Дмитріевны Киселевой, Н. А. Милютина [3]), не служитъ ли доказательствомъ того, что любовь къ народу и желаніе пойти навстрѣчу его нуждамъ были семейными традиціями? За это говоритъ и еще одно обстоятельство. Радѣвшій всю жизнь о пользѣ мужика П. Д. Киселевъ съ 17 лѣтъ былъ военнымъ. И при жизни, и послѣ его кончины заботы по управленію имѣніемъ лежали на младшемъ братѣ отца Сергѣѣ Дмитріевичѣ. Деревню П. Д. Киселевъ могъ узнать и полюбить только въ годы дѣтства и отрочества. Біографы Киселева въ одинъ голосъ говорятъ о сильномъ и благотворномъ вліяніи Прасковьи Петровны Киселевой на всю семью; быть можетъ, именно ей обязанъ былъ будущій устроитель быта государственныхъ крестьянъ первымъ пробужденіемъ интереса къ народу. Любовь къ матери и благоговѣйное отношеніе къ ея памяти Киселевъ сохранялъ всю свою жизнь. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ обращался къ ея совѣту и благословенію. Въ 1864 году, на восьмомъ десяткѣ, живя на покоѣ въ Парижѣ, онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «я хотѣлъ говѣть на страстной недѣлѣ въ память обѣщанія, даннаго матери при отъѣздѣ изъ Москвы въ 1806 г. на службу въ кавалергарды. Я исполнялъ это обѣщаніе по мѣрѣ возможности во время кампаній... я никогда не упускалъ случая исполнять этотъ долгъ совѣсти и очень доволенъ собою, потому что ничто не удовлетворяетъ такъ потребности моего сердца, какъ воспоминанія дѣтства, подкрѣпленныя обѣтомъ, даннымъ святой женщинѣ, отъ которой я получилъ жизнь и которую оплакиваю еще донынѣ» [4]). Учился Киселевъ дома, и ученіе это, руководимое неизбѣжнымъ гувернеромъ-французомъ, было, кажется, очень поверхностнымъ; по крайней мѣрѣ самъ онъ позднѣе не разъ сознавалъ недостаточность полученнаго образованія и говорилъ, что ему понадобилось много труда и «много безсонныхъ ночей, чтобъ изъ свѣтскаго полотера сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ» [5]). Отъ ученія подъ руководствомъ французскаго гувернера осталось лишь одно:

---

[1]) „Р. Архивъ", 1867 г., 988. [2]) „Р. Архивъ", 1863 г., 881—893. [3]) „Р. Архивъ", 1863 г., 888; тамъ же 1900 г., II, 469. Изъ писемъ А. Я. Булгакова видно, что самъ П. Д. способствовалъ браку сестры, на который сначала не соглашались родители. ([4] *Заблоцкій* III, 355; I, 273, 279. [5]) Воспоминанія Басаргина. *Бартеневъ*, XIX-й вѣкъ I, 67.

прекрасное знаніе французскаго языка; имъ Киселевъ владѣлъ въ совершенствѣ; на французскомъ языкѣ написанъ его дневникъ и значительная часть его переписки.

Началъ службу П. Д. Киселевъ въ январѣ 1805 года сначала юнкеромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ при московскомъ ея архивѣ и возможно, что еще здѣсь онъ познакомился съ М. Ѳ. Орловымъ, также начавшимъ свою дѣятельность въ качествѣ «архивнаго юноши»; потомъ, послѣ недолгаго пребыванія въ канцеляріи генералъ-интенданта, мы видимъ его уже корнетомъ кавалергардскаго полка; съ этого времени для молодого человѣка началась новая школа,— школа жизни, школа военной и придворной науки. Шесть мѣсяцевъ послѣ его вступленія въ полкъ, въ январѣ 1807 года, кавалергарды отправились на войну; получивъ боевое крещеніе въ походѣ, ознаменованномъ Фридландскимъ пораженіемъ и Тильзитскимъ миромъ, Киселевъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ и оставался до войны 1812 года. Объ этихъ годахъ его жизни мы знаемъ почти такъ же мало, какъ и о его московскомъ дѣтствѣ. Хотя Киселевъ и отличался даромъ слова, но о себѣ онъ не любилъ разсказывать болѣе чѣмъ нужно. «Не стоитъ говорить о моей службѣ въ младшихъ чинахъ» писалъ онъ позднѣе.—«Я былъ кавалергардскимъ офицеромъ болѣе 10 лѣтъ; я участвовалъ съ полкомъ въ прусской кампаніи 1807 и въ кампаніи 1812 года вплоть до оставленія Москвы; я всегда пользовался дружбой и уваженіемъ моихъ товарищей и разстался съ ними съ сожалѣніемъ» [1]). Такъ коротко охарактеризовалъ онъ первые годы своей службы, хотя именно въ эти годы слагался и опредѣлялся его душевный складъ. Киселевъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ такое время, когда интересъ къ общественнымъ дѣламъ и вопросамъ внутренней политики еще не былъ окончательно оттѣсненъ на задній планъ внѣшними событіями: уже при немъ взошла и померкла яркая звѣзда Сперанскаго; но молодость, служба въ самомъ блестящемъ гвардейскомъ полку, постоянное участіе въ празднествахъ и увеселеніяхъ брали свое, и тяжелые вопросы народной жизни и государственнаго строительства едва ли могли привлечь вниманіе молодого офицера. Да и тѣ люди старшаго возраста, съ которыми судьба свела его въ самомъ началѣ его петербургской службы—А. С. Шишковъ, М. С. Перекусихина (къ нимъ ему были даны рекомендательныя письма изъ Москвы [2])—едва ли могли пробудить въ немъ интересъ къ государственнымъ реформамъ. Большинство изъ этихъ лицъ не имѣли въ это время и особеннаго вліянія, и юношѣ Киселеву пришлось въ значительной мѣрѣ самому

---

[1]) *Заблоцкій*, IV, 2 (автобіографическая записка 1825—26 гг.). [2]) *Заблоцкій*, I, 3.

пробивать себѣ дорогу. Насколько можно судить, онъ не потерялся; красивый, умный, честолюбивый, Киселевъ быстро вошелъ въ среду придворнаго барства, въ которую бросила его судьба, и не сдѣлавъ ложнаго шага, не заблудившись въ закоулкахъ большого свѣта, онъ быстро приблизился къ большой государственной дорогѣ, съ которой потомъ не сходилъ уже всю жизнь. Результаты не замедлили сказаться: лѣтомъ 1812 г. Киселевъ, еще не покинувшій полка, былъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Орловымъ своимъ человѣкомъ въ императорской главной квартирѣ [1]).

Въ годы своей петербургской службы Киселевъ не терялъ связей съ родной Москвой. А. Я. Булгаковъ, пріѣхавъ въ январѣ 1809 въ Петербургъ, писалъ отцу въ Москву: «встрѣтили мы многихъ гвардіи офицеровъ, ѣдущихъ въ Москву, въ отпускъ, между прочимъ Левашева и Киселева кавалергардскихъ. Я спросилъ, на веселіе ли они ѣдутъ? Какое веселіе, отвѣчали они, мы отъ своихъ не отдохнули еще: у насъ удовольствій и ученій поверхъ головы» [2]). Въ эту поѣздку Киселевъ познакомился съ кн. П. А. Вяземскимъ; завязавшіяся между ними дружескія отношенія, продолжавшіяся много лѣтъ, хорошо видны изъ другого письма, написаннаго Вяземскимъ 22 марта того же года вдогонку вернувшемуся въ Петербургъ Киселеву: «Вы видите хорошо, мой любезный Киселевъ, что я не заставляю себѣ напоминать о дѣлѣ, исполненіе котораго мнѣ пріятно. Я приложу еще болѣе стараній, если увижу, что мои письма доставляютъ вамъ столько же удовольствія, какъ мнѣ. Итакъ, я тороплюсь заложить основу перепискѣ, которая мнѣ невыразимо пріятна. Короткое время, проведенное съ вами вмѣстѣ, привязало меня къ вамъ необычайно и заставляетъ меня жалѣть о томъ, что я васъ не зналъ раньше... Ну скажите же, любезнѣйшій другъ, какъ вы доѣхали, что вы подѣлываете со времени вашего возвращенія... Что до меня касается, то у насъ все по-старому... Шумное веселье покинуло Москву, началась страстная недѣля (semaine des peurs) и большая часть общества готовится обжираться» [3]).

Плоды свѣтской и придворной науки, пройденной Киселевымъ въ Петербургѣ, ясно видны по замѣткамъ, веденнымъ имъ во время Вѣнскаго конгресса, куда онъ попалъ въ числѣ очень немногихъ избранныхъ въ свитѣ государя. Это первый случай, когда мы можемъ наблюдать поступки и мысли самого Киселева; нельзя не отдать должнаго уму, выдержкѣ и наблюдательности молодого человѣка и его умѣнію давать оцѣнку людямъ; мѣткая, живая харак-

---

[1]) „Р. Архивъ", 1873 г. I, 427, записки гр. Граббе. [2]) „Р. Архивъ", 1899, I, 546.
[3]) „Р. Старина", 1896, № 12.

теристика нѣкоторыхъ лицъ вѣнскаго двора, напримѣръ эрцгерцога Карла, малоудачливаго противника Наполеона, прямо замѣчательна[1]). Императоръ Александръ I зналъ Киселева еще до войны, но приблизилъ его къ себѣ во время заграничнаго похода. Адъютантство при Милорадовичѣ, которымъ самъ Киселевъ былъ очень недоволенъ, было, повидимому, дорогой къ сближенію съ государемъ. 2 апрѣля 1814 г. Киселевъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ; его военное и придворное положеніе было упрочено. Какія отношенія связывали Александра съ тою группою молодыхъ военныхъ, которые составляли свиту его въ первые годы послѣ заграничныхъ походовъ? Это не была дружба; друзей у Александра не было ни ранѣе, ни въ это время, но вѣнценосный мистификаторъ вѣроятно смотрѣлъ на своихъ молодыхъ адъютантовъ—Киселева, братьевъ М. Ѳ. и А. Ѳ. Орловыхъ, кн. А. С. Меншикова,—какъ на людей, передъ которыми онъ могъ развивать всѣ свои мечты и планы безъ опасенія встрѣтить противорѣчіе или натолкнуться на вопросъ о ихъ осуществленіи [2]). Служба при «неразгаданномъ сфинксѣ» должна была окончательно выработать изъ Киселева искуснаго дипломата, а быстрое возвышеніе еще недавно никому неизвѣстнаго молодого офицера создало ему его первыхъ враговъ. Послѣднее обстоятельство уже ясно сказывалось во время его отвѣтственныхъ командировокъ въ южную армію, въ цѣляхъ ревизіи, и въ первые годы его службы въ качествѣ начальника штаба этой арміи [3]). Однако расположеніе къ Киселеву Александра, который не разъ говорилъ, что у него, кромѣ его, императора, никакой другой протекціи нѣтъ, остается неизмѣннымъ до послѣднихъ дней жизни государя. Онъ отзывается о Киселевѣ какъ о честномъ и правдивомъ офицерѣ и поручаетъ А. Ѳ. Орлову во время ревизіи Киселевымъ интендантскихъ порядковъ второй арміи передать ему свой поклонъ и увѣрить его въ царской дружбѣ и довѣріи. «Киселевъ—добрый малый; это человѣкъ, который предпочитаетъ интересы, ему ввѣренные, непріятностямъ, имъ получаемымъ. Онъ держитъ себя выше ихъ, онъ прежде всего преданъ своему дѣлу, и онъ правъ!» [4]). И позднѣе Александръ не разъ говорилъ «о рѣдкой откровенности» Киселева и о своемъ къ нему уваженіи.

Уже въ эти молодые годы внѣшній обликъ Киселева значительно отличается отъ истиннаго его характера. Въ 1818 г. Меншиковъ писалъ ему: «ты себѣ надѣлалъ много враговъ, что и

---

[1]) *Заблоцкій*, I, 13—15. [2]) *Семевскій*, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, 79; Александръ I и его приближенные. „Р. Старина“, 1903, № 1, 26; *Заблоцкій*, I, 30—31. [3]) *Заблоцкій*, I, 24—27, 42, 43, 70. [4]) *Заблоцкій*, I, 27 44.

правда. На твой счетъ распускаютъ, что ты надменный и чванишься, что при осмотрѣ Васильчикова бригады зазнался неприлично въ присутствіи Беннигсена (начальника 2-й арміи). Твоя осанка и запальчивость вѣроятно подали поводъ къ этимъ слухамъ. Прошу остерегаться. Римскіе нравы не для нашего вѣка. Хотя пилюли глотаютъ и нынѣ, но съ позолотою,—правило, которое ты недовольно соблюдаешь при подчиваніи» [1]). Лица, знавшія Киселева не по служебнымъ отношеніямъ, гдѣ только и могли проявляться черты характера, указываемыя Меншиковымъ, но встрѣчавшіяся съ нимъ какъ съ человѣкомъ одного круга, не имѣли конечно повода упрекать его въ надменности и запальчивости. Однако, слишкомъ быстрая карьера молодого генерала заставляла многихъ видѣть въ немъ прежде всего искуснаго царедворца и въ лучшемъ случаѣ любезнаго свѣтскаго человѣка; отзывъ Пушкина, кажется, не близко знавшаго Киселева, можетъ служить здѣсь яркимъ примѣромъ [2]). Сюда же примыкаетъ и отзывъ Дениса Давыдова, считавшаго Киселева человѣкомъ «умнымъ и отмѣнно любезнымъ», но и только [3]).

На самомъ дѣлѣ духовный обликъ генерала Киселева былъ нѣсколько иной. Отъ природы вспыльчивый и горячій, онъ при этомъ былъ человѣкомъ съ очень развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства и гордости въ благородномъ смыслѣ слова. Честное отношеніе къ службѣ онъ считалъ своимъ долгомъ и дѣйствительно честно относился къ своимъ обязанностямъ и тогда, и позднѣе, во всю свою долгую дѣятельность. Съ достоинствомъ и благородствомъ умѣлъ онъ ограждать себя отъ людей, стремившихся стать поперекъ его дороги, и съ полною, кажется, справедливостью говорилъ о себѣ, что онъ «терпѣніемъ хвастаться не можетъ и дерзостей сносить молчаливо не умѣетъ» [4]). Какъ умный и гордый человѣкъ, онъ умѣлъ охранять свое достоинство и въ сношеніяхъ съ высокими лицами. Александръ спросилъ его какъ-то: почему онъ, будучи небогатъ, не попроситъ у него никогда аренды или денегъ? «Я знаю, что вы охотно

---

1) *Заблоцкій*, I, 43.

2)
На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ.
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ!
За шумнымъ медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его!
Но онъ придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего...

3) Записки Д. Давыдова. Лондонъ, 1863 г., стр. 43. 4) *Заблоцкій*, I, 298.

даете, государь,—отвѣчалъ Киселевъ,—но не уважаете тѣхъ, кто принимаетъ отъ васъ. Мнѣ же уваженіе ваше дороже денегъ». «Отвѣтъ прекрасный, но и придворный. Надобно сказать, впрочемъ, что Киселевъ былъ ловокъ и зналъ хорошо характеръ покойнаго императора», добавляетъ сообщающій объ этомъ разговорѣ Басаргинъ[1]). Это, конечно, такъ; но не всякій придворный сумѣлъ бы устоять противъ искушенія принять аренду; этимъ и отличался Киселевъ отъ обыкновенныхъ царедворцевъ, что личныя отношенія къ государямъ, которымъ онъ служилъ, онъ ставилъ выше матеріальныхъ благъ, какія онъ могъ получить отъ нихъ. И въ другихъ, болѣе серьезныхъ случаяхъ, чѣмъ только что описанный, Киселевъ умѣлъ сохранять самостоятельность сужденій, граничившую со смѣлостью, и можетъ быть эта во̀-время обнаруживаемая смѣлость и обезпечивала ему неизмѣнное расположеніе не только Александра I, но и гораздо болѣе тяжелаго въ личныхъ сношеніяхъ Николая I. У Александра въ послѣдніе годы было два любимыхъ дѣтища: военныя поселенія и Аракчеевъ; высказаться противъ первыхъ или наступить на ногу второму было поступкомъ, который не проходилъ даромъ. Киселевъ и въ этой опасной области оставался независимымъ и не терялъ своего достоинства. «Въ Тульчинѣ, за обѣдомъ и бывши въ очень хорошемъ расположеніи духа послѣ очень удачнаго смотра, императоръ обратился къ генералу Киселеву съ вопросомъ, примиряется ли онъ, наконецъ, съ военными поселеніями. Киселевъ отвѣчалъ, что его обязанность вѣрить, что военныя поселенія принесутъ пользу, потому что Е. И. В. это угодно, но что самъ онъ тутъ рѣшительно ничего не понимаетъ» [2]). Въ Вознесенскѣ, въ 1823 году, «услышавъ отъ государя, какъ онъ остался доволенъ 2-й арміей, и, вѣроятно, будучи этимъ недоволенъ, Аракчеевъ, когда государь ушелъ въ кабинетъ, обратился къ Киселеву при многолюдномъ собраніи: «Мнѣ разсказывалъ государь, какъ вы угодили ему, Павелъ Дмитріевичъ; онъ такъ доволенъ вами, что я бы желалъ поучиться у вашего превосходительства, какъ угодить Его Величеству. Позвольте мнѣ пріѣхать для этого во вторую армію; даже не худо было бъ, если бы ваше п-во взяли меня на время къ себѣ въ адъютанты»... Взоры всѣхъ обратились на Киселева. Тотъ безъ замѣшательства отвѣтилъ: «Милости просимъ, графъ; я очень буду радъ, если вы найдете во 2-й арміи что-нибудь такое, что можно примѣнить къ военнымъ поселеніямъ. Что же касается до того, чтобъ взять васъ въ адъютанты, то извините меня, послѣ этого вы, конечно, захотите сдѣлать и меня своимъ адъютан-

---

[1]) XIX вѣкъ, I, 85. [2]) Записки И. Д. Якушкина, 15 (Лондонъ, 1862 г.).

томъ, а я этого не желаю». Аракчеевъ закусилъ губу и отошелъ» [1]).

Что касается личнаго благородства Киселева въ отношеніяхъ къ равнымъ и младшимъ, то объ этомъ свидѣтельствуютъ даже такіе люди, которымъ далеко не все нравилось въ его дѣятельности: сошлемся на отзывъ генерала Сабанѣева, далеко не дружелюбно смотрѣвшаго на Киселева въ первое время службы послѣдняго въ южной арміи [2]). Трудолюбіе, гуманность Киселева, его самостоятельность передъ сильными, вниманіе и доступность къ низшимъ, подтверждаются и новѣйшимъ историкомъ 2-й арміи [3]). Въ заключеніе приведемъ служебную аттестацію, данную Киселевымъ самому себѣ въ годы службы въ южной арміи: «г.-м. Киселевъ, начальникъ штаба 2-й арміи. Безъ прежнихъ заслугъ и потому безъ права на мѣсто, имъ занимаемое, съ умомъ, а еще болѣе съ самолюбіемъ, отчего полезенъ быть можетъ. Честенъ и собою для пользы готовъ жертвовать, но при неудовольствіи малѣйшемъ пожертвуетъ всѣмъ для удовлетворенія честолюбія своего» [4]).

Вмѣстѣ съ нѣкоторыми, правда очень немногими, изъ своихъ сверстниковъ Киселевъ, какимъ мы его знаемъ до 1825 г., принадлежитъ къ особому новому типу военныхъ, создавшемуся во время войны 1812—14 гг. «Чрезвычайныя событія 1812 г., славное изгнаніе французовъ изъ Россіи, послѣдовавшія затѣмъ кампаніи и взятіе Парижа, — все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ. Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоинства и возвышенной любви къ отечеству бóльшая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратилась въ 1815 г. въ Петербургъ. Въ походахъ наши молодые офицеры ознакомились съ европейской цивилизаціей, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ; рабство, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство» [5]). Такъ описываетъ декабристъ Фонвизинъ настроеніе среды, изъ которой вышли политическіе протестанты 20-хъ годовъ. Киселевъ не принадлежалъ къ нимъ, но и онъ, и братья Орловы, и гр. М. С. Воронцовъ, и даже, можетъ быть, отчасти А. А. Закревскій

[1]) Воспоминанія Басаргина. XIX вѣкъ, I, 84; *Шильдеръ*, Александръ I, IV, 286. [2]) Сборникъ Русск. Ист. Об., т. 73, 575. [3]) *Епанчинъ*, Очеркъ похода 1829 г. въ Европ. Турціи, т. I, 107. [4]) „Р. Старина", 1890 г., № 1, 122. [5]) *М. Фонвизинъ*, Обозрѣніе проявленій полит. жизни въ Россіи. Биб. декабристовъ, вып. IV, 86, 87.

принадлежали къ небольшой группѣ военныхъ, уже далеко шагнувшихъ по пути жизненнаго и служебнаго успѣха, съ глазъ которыхъ, однако, во время заграничныхъ походовъ также спала завѣса, окутывавшая ихъ взгляды на русскую жизнь. Родись они нѣсколькими годами позднѣе, они можетъ быть попали бы въ число героевъ 14 декабря; но всѣ они были дѣтьми 80-хъ годовъ XVIII столѣтія; способные и удачливые, они уже успѣли пріобрѣсти слишкомъ высокое служебное положеніе, чтобы сойти съ пути успѣха и благополучія, но они были слишкомъ молоды, и не настолько безпринципны, чтобы вслѣдъ за Александромъ и Аракчеевымъ броситься безъ оглядки въ реакцію. Сохраняя свое служебное и придворное положеніе, они не порывали съ радикально настроенной молодежью; составляя маленькую группу либеральныхъ генераловъ, особнякомъ стоявшую среди тупыхъ фронтовиковъ, заполнявшихъ постепенно высшія мѣста въ арміи, они понемногу отходили отъ государя разочарованные, какъ и всѣ, кто сталкивался въ жизни съ Александромъ. Съ постепеннымъ ростомъ реакціи и фавора Аракчеева признаки недовольства молодыхъ генераловъ становятся все болѣе замѣтными. Въ числѣ недовольныхъ слышатся не только голоса Киселева, А. Ѳ. Орлова, Закревскаго, но даже и кн. П. М. Волконскаго. Изъ нововведеній, касавшихся войска, особенно возмущали Киселева и его постояннаго корреспондента Закревскаго парадоманія и новые учебные пріемы [1]). Въ извѣстной исторіи увольненія М. Ѳ. Орлова отъ командованія дивизіею Киселевъ стоитъ на сторонѣ своего стараго пріятеля, вмѣстѣ съ которымъ разсуждалъ о введеніи ланкастерскихъ школъ въ арміи; онъ пространно развиваетъ свои мысли Закревскому и если въ чемъ готовъ упрекнуть Орлова, такъ только въ легкомысліи [2]). Знаменитая семеновская исторія вызываетъ глубокое сожалѣніе обоихъ корреспондентовъ: «причина всему единственно строгость полковника Шварца и неумѣніе обращаться съ солдатами», пишетъ Закревскій Витгенштейну; «побочныхъ причинъ, кромѣ Шварца, никакихъ», повторяетъ онъ свою мысль въ письмѣ Киселеву [3]), и не видно, чтобы Киселевъ что-либо возражалъ. Въ 1825 г. недовольство Киселева возрастаетъ: 1 ноября, за 3 недѣли до смерти Александра I, онъ пишетъ Закревскому: «Я продолжаю жить въ Тульчинѣ и часъ отъ часу скучнѣе, занимаюсь много, по привычкѣ, но признаюсь, что

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. 78, 144; *Заблоцкій*, I, 120, 165, 236; *Семевскій*, ор. с., 118; *Львъ*, Дореформенная армія, „Вѣстникъ всемір. исторіи", 1901 г., № 11, стр. 107—109; Записки Завалишина, I, 194—195. [2]) Сб. Р. И. О., т. 78, 90—93; *Семевскій*, op. cit., 123, 428. [3]) *Заблоцкій*, I, 126; *Семевскій*, op. cit., 130; Сб. Р. И. О., т. 78, 233.

душа охладѣла, потому что, кажется, принято обезохочивать людей усерднѣйшихъ... я оглупѣлъ отъ безмолвія, ибо, кромѣ фронтовиковъ и писцовъ, никого не вижу» [1]).

Киселевъ либералъ и не врагъ реформъ; онъ недоволенъ существующими въ верховномъ управленіи и въ арміи порядками. Въ арміи, начальникомъ штаба которой онъ состоитъ, служатъ Пестель и другіе видные члены тайнаго общества. Крестьянскій вопросъ интересуетъ одинаково и Киселева и будущихъ декабристовъ. Что успѣлъ сдѣлать къ тому времени Киселевъ по крестьянскому вопросу и каковы были взаимныя отношенія членовъ тайнаго общества и начальника штаба арміи?—вотъ вопросы, которые сами собою становятся на очередь.

Первое извѣстное намъ проявленіе интереса къ крестьянскому дѣлу со стороны Киселева—это записка, по собственному его свидѣтельству, представленная государю 27 августа 1876 г. въ Москвѣ [2]). Записка начиналась основною посылкою: «гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія». Не забудемъ, что Киселевъ принадлежалъ къ поколѣнію, воспитанному на чтеніи произведеній XVIII вѣка; можетъ быть, впрочемъ, въ запискѣ молодого флигель-адъютанта слышатся отголоски преобразовательныхъ плановъ Сперанскаго, которые были, навѣрно, болѣе извѣстны петербургскому обществу 10-хъ годовъ, нежели многимъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Записка представляетъ большой интересъ для позднѣйшей дѣятельности Киселева; она уже намѣчаетъ направленія, по которымъ пошелъ ея авторъ въ годы наибольшаго своего вліянія: отношенія крестьянъ къ владѣльцу земли должны быть опредѣлены закономъ; крестьяне, при переходѣ въ новыя условія жизни, не лишаются пользованія тою землей, которую они обрабатываютъ; безземельные рабы, дворовые, должны исчезнуть, государственныя земли должны служить для разселенія малоземельныхъ. Всѣ, однако, мѣры въ пользу крестьянъ должны, согласно господствовавшимъ въ то время взглядамъ, приводиться въ исполненіе «постепенно». Когда и почему проснулось въ блестящемъ флигель-адъютантѣ сочувствіе къ обиженнымъ младшимъ братьямъ? Записка написана въ тѣ годы, когда императоръ вновь обнаружилъ платоническій интересъ къ судьбѣ крестьянъ и любилъ высказывать это въ бесѣдахъ съ окружающими. Мысли вслухъ государя вызвали составленіе цѣлаго ряда проектовъ, одинъ изъ которыхъ связывается даже съ именемъ «безъ лести преданнаго» Аракчеева. Киселевъ, подавая свою записку, могъ

---

1) Сб. Р. И. О., т. 78, 144; *Заблоцкій*, I, 239. 2) *Заблоцкій*, IV, 197—199; *Шильдеръ*, IV, 40.

думать, что дѣлаетъ пріятное императору, но видѣть въ его поступкѣ одну лишь придворную лесть мы не имѣемъ права: противъ этого говоритъ вся его послѣдующая упорная и многолѣтняя дѣятельность на пользу крестьянъ. Этимъ, однако, вопросъ не разъясняется; мы уже видѣли, что непосредственно сблизиться съ народомъ Киселевъ не могъ; его дѣятельность протекала вдали отъ крестьянскаго міра; своихъ крѣпостныхъ у него не было; вліяніе матери и традиціи семьи возможны, но не выходятъ за предѣлы гипотезы. Остается еще одна возможность, также, однако, не подтверждаемая опредѣленными свидѣтельствами, что Киселевъ пришелъ къ крестьянскому вопросу подъ вліяніемъ тѣхъ же просвѣтительныхъ идей, которыя привели къ нему многихъ русскихъ людей его поколѣнія и создали тайныя общества, гдѣ у Киселева было такъ много близкихъ людей.

Значительное число участниковъ декабрьскаго возстанія вышли изъ тѣхъ войскъ, которыя совершили заграничные походы и потомъ оставались во Франціи подъ начальствомъ Воронцова. Два раза, въ Бріеннѣ въ 1814 и въ Реймсѣ въ 1815 г., Киселеву пришлось исполнять отвѣтственныя порученія по разбору жалобъ на русскія войска, и оба раза онъ съ большимъ тактомъ и съ честью для русской арміи улаживалъ недоразумѣнія [1]). Это могло привлечь къ нему симпатіи многихъ; старыя гвардейскія связи и нѣкоторая общность взглядовъ сдѣлали остальное. Еще въ Петербургѣ въ 1815—18 гг. между Киселевымъ и другими молодыми свитскими генералами съ одной стороны и гвардейской молодежью съ другой нѣтъ пропасти; съ переходомъ Киселева во 2-ую армію, въ составъ которой вошелъ и бывшій корпусъ Воронцова, общеніе между нимъ и лучшими представителями офицерства стало еще тѣснѣе.

Фигура Пестеля стоитъ головою выше всѣхъ участниковъ заговора 1825 года. Когда Киселевъ пріѣхалъ въ южную армію, Пестель былъ адъютантомъ командующаго арміей гр. Витгенштейна и, какъ ходили слухи, «все изъ него дѣлалъ», такъ что друзья новаго начальника штаба предупреждали его и совѣтовали «взять свои мѣры» противъ Пестеля, который не пользовался расположеніемъ и самого государя, а предшественника Киселева, генерала Рудзевича «держалъ въ точномъ подданствѣ» [2]). Какъ сложились отношенія между этими безспорно выдающимися честолюбивыми и знавшими себѣ цѣну людьми, къ тому же почти ровесниками (Пестель ро-

---

[1]) *Заблоцкій*, I, 12, 17. [2]) Сб. Р. И. О., т. 78, 52, 195; *Заблоцкій*, I, 93; *Павловъ-Сильванскій*, П. И. Пестель (въ Очеркахъ по рус. ист. XVIII—XIX в., 214); *Семевскій*, op. cit., 501.

дился 24 іюня 1793 г.)? Переписка Киселева съ его другомъ Закревскимъ и свидѣтельства самого Пестеля и другихъ декабристовъ позволяютъ достаточно выяснить эти отношенія. Киселевъ пріѣхалъ съ нѣкоторымъ, повидимому, предубѣжденіемъ противъ властнаго и вліятельнаго адъютанта Витгенштейна,—предубѣжденіемъ, которое въ немъ поддерживали нѣкоторое время изъ Петербурга [1]). Но Киселевъ съ самаго начала отдавалъ должное уму и дарованіямъ Пестеля. «Изъ всего здѣшняго синклита,—пишетъ онъ Закревскому 13 іюля 1819 г.,—онъ одинъ и совершенно одинъ, могущій съ пользою быть употребленъ, малый умный, со свѣдѣніями и до сихъ поръ ведетъ себя отлично хорошо... Пестель такого свойства, что всякое мѣсто займетъ съ пользою... Я личностей не знаю и забываю до пріѣзда моего дѣйствіе, о которомъ извѣстился; но отдавая справедливость способностямъ его, я полагаю служить тѣмъ государю» [2]). Однако въ позднѣйшихъ письмахъ къ Закревскому все же сквозитъ нѣкоторое недовѣріе къ Пестелю: «приласкай ѣдущаго съ графомъ (Витгенштейномъ) адъютанта. Я ему надѣлъ узду и такъ ловко, что онъ привыкъ и повинуется»; тѣмъ не менѣе способности Пестеля продолжаютъ находить высокую оцѣнку: «конь выѣзженъ отлично, но онъ съ головою и къ дѣлу очень способенъ, по слѣдствіямъ онъ работалъ хотя съ излишней злостью, но всегда съ умомъ» [3]). Еще позднѣе Киселевъ, видимо, нѣсколько сближается съ Пестелемъ, по крайней мѣрѣ наружно. «До меня доходятъ слухи,—писалъ Закревскій въ сентябрѣ 1820 г.,—что ты свободное время проводишь большею частью съ Пестелемъ. И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно?» [4]). Басаргинъ говоритъ, что Киселевъ «съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля» [5]). Самымъ назначеніемъ на должность командира Вятскаго полка Пестель, кажется, считалъ себя обязаннымъ Киселеву [6]). Изъ писемъ его къ начальнику штаба арміи видно, что и онъ отдавалъ должное Киселеву и цѣнилъ хорошія съ нимъ отношенія. Пестель писалъ ему въ январѣ 1820 г. изъ Петербурга, что будетъ польщенъ всякимъ порученіемъ своего начальника «въ особенности по сему предмету» (дѣло шло о подборѣ книгъ и картъ въ виду возможной войны съ Турціей) [7]). Годъ спустя изъ служебной командировки въ связи съ неудачнымъ движеніемъ Ипсиланти онъ опять пишетъ Киселеву: «Я желаю, чтобы вы были до-

[1]) Сб. Р. И. О., т. 78, 195, 199, 200. [2]) Сб. Р. И. О., т. 78, 17. [3]) Письмо отъ 13 ноября 1819 г. Сб. Р. И. О., т. 78, 449. [4]) Сб. Р. И. О., т. 78, 232. [5]) XIX в., I, 71; *Семевскій*, op. cit., 501. [6]) *Заблоцкій*, I, 93; *Павловъ-Сильванскій*, op. cit., 215. [7]) *Заблоцкій*, I, 208.

вольны тѣмъ, какъ я стараюсь исполнить ваше порученіе. Ваше одобреніе такъ много значитъ для меня, что съ избыткомъ вознаграждаетъ меня за все утомленіе, которое я испыталъ» [1]). Въ общемъ, насколько можно судить, взаимныя отношенія Киселева и Пестеля, внѣшне хорошія, никогда не были очень близкими и искренними; скорѣе это были отношенія людей, которые могутъ въ каждую минуту сдѣлаться соперниками, а можетъ быть и врагами; на скрытое ихъ соперничество указывали при допросахъ и нѣкоторые изъ декабристовъ [2]).

Гораздо болѣе тѣсныя связи соединяли Киселева съ другими членами тайнаго общества—Бурцевымъ, Лунинымъ, Басаргинымъ. «Киселевъ, какъ умный человѣкъ и умѣющій цѣнить людей, не могъ не уважать всю эту молодежь и многихъ изъ нихъ любилъ и кромѣ какъ по службѣ никогда не былъ съ ними начальникомъ» [3]). Какъ далеко зашли эти отношенія? И. Д. Якушкинъ говоритъ совершенно опредѣленно, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Послѣ дѣла В. Ѳ. Раевскаго ген. Сабанѣевъ отправилъ въ штабъ арміи списокъ всѣхъ тульчинскихъ членовъ. «Киселевъ призвалъ къ себѣ Бурцева, который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подалъ ему бумагу и приказалъ по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ былъ очень удивленъ, нашедши между листами данной ему бумаги списокъ Тульчинскихъ членовъ; Бурцевъ сжегъ списокъ, и тѣмъ дѣло кончилось». Якушкинъ идетъ и далѣе, увѣряя, что «нѣкоторые отрывки «Русской Правды» Пестель даже читалъ Киселеву, который высказывалъ при этомъ свои замѣчанія» [4]). Трудно, конечно, судить объ истинномъ характерѣ отношеній генерала Киселева къ тайному обществу; въ позднѣйшіе годы ему приходилось скорѣе молчать о нихъ; вѣроятнѣе всего предположить, что Киселевъ, въ душѣ сочувствовавшій нѣкоторымъ идеямъ военной молодежи, смотрѣлъ на многое сквозь пальцы и, устроивъ въ арміи особую секретную полицію [5]), не пользовался ею, не получая категорическихъ предписаній свыше. По убѣжденіямъ его можно было бы назвать «умѣреннымъ декабристомъ», но ни одинъ изъ декабристовъ не считаетъ его своимъ, а Пестель, кажется, считалъ даже необходимымъ прежде всего арестовать Киселева для обезпеченія успѣха возстанія [6]). Не надо забывать также, что члены тайнаго общества были лучшими

---

[1]) *Заблоцкій*, IV, 15. [2]) *Довнаръ-Запольскій*, Мемуары декабристовъ, 29. [3]) Записки Якушкина, 45. [4]) Записки Якушкина, 45, 46. [5]) *Заблоцкій*, I, 157; *Семевскій*, op. cit., 190. [6]) *Довнаръ-Запольскій*, Мемуары декабристовъ, 285, Показанія Бобрищева-Пушкина.

и ревностнѣйшими офицерами и что дѣйствовать противъ нихъ значило разстраивать всю службу въ южной арміи.

Близость генерала Киселева къ членамъ тайнаго общества еще до 1825 года успѣла создать ему репутацію опаснаго либерала[1]), а въ первые дни новаго царствованія едва не стоила ему всей карьеры. Имя Киселева стояло въ спискѣ заговорщиковъ, найденномъ въ бумагахъ Александра I послѣ его смерти; самъ Александръ подозрѣвалъ его въ сношеніяхъ съ тайными обществами[2]). Въ анонимномъ доносѣ, писанномъ въ 1825 г., о Киселевѣ говорилось, что «общій голосъ винитъ его въ бездѣйствіи и въ совершенной безпечности, бывшихъ поводомъ къ свободнымъ съѣздамъ и совѣщаніямъ преступниковъ черезъ толь долгое время, въ городкѣ весьма необширномъ... Тайное ободреніе чрезъ пожатіе руки и явная хула всему свыше непримѣтнымъ образомъ увлекло къ преступленію всѣхъ его адъютантовъ, не за тѣломъ, но за душою его стремившихся»[3]). Старая дворянская Москва открыто обвиняла Киселева: «Боже мой! сколько копій ломалъ я за Киселева,— пишетъ А. Я. Булгаковъ брату 7 февраля 1826 г.—Есть ослы, кои думаютъ, что и онъ — та особа неблагодарная, осыпанная милостями государя покойнаго. Да ежели это онъ, такъ какъ же онъ не арестованъ»[4])? Киселева не подвергали аресту, но о немъ, такъ же какъ и о другихъ лицахъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи заговору, напр. Сперанскомъ и Мордвиновѣ, было произведено особое секретное слѣдствіе, оставшееся чуть ли не тайною для самихъ заинтересованныхъ лицъ, но въ результатѣ котораго мысли о сочувствіи всѣхъ означенныхъ лицъ заговорщикамъ были самимъ слѣдователемъ признаны «болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ»[5]). Киселеву не пришлось, въ общемъ, дрожать за свою шкуру, но тяжело было человѣку, знавшему до тѣхъ поръ лишь удачи, выслушивать нравоученія, которыми награждалъ его ведшій слѣдствіе во второй арміи А. И. Чернышевъ[6]); еще тяжелѣе было ѣхать въ Петербургъ, куда посылалъ его гр. Витгенштейнъ. «Любезный другъ,—говорилъ Киселевъ Басаргину, еще остававшемуся на свободѣ,— не знаю, до какой степени ты замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; помочь я тебѣ ничѣмъ не могу, не знаю даже, какъ я самъ буду встрѣченъ въ Петербургѣ» [7]).

Пріемъ новаго императора не былъ такимъ, какой желалъ встрѣтить Киселевъ. Если Николай Павловичъ и не видѣлъ въ немъ заговорщика, то считалъ его за легкомысленнаго и недостойнаго

[1]) *Вигель*, Записки, часть 6, 110, 116. [2]) Біограф. словарь, П. Д. Киселевъ, 708; *Шильдеръ*, Александръ I, IV, 330. [3]) „Р. Старина“, 1881 г. № 1, 189. [4]) „Р. Архивъ“, 1901 г., II, 364. [5]) Записки сенатора Боровкова. „Р. Старина“, 1898 г. № 11, 348; *Семевскій* op. cit., 495. [6]) *Заблоцкій*, I, 244. [7]) XIX-й вѣкъ, I, 91

довѣрія человѣка. 17 декабря 1826 г. Киселевъ отправилъ письмо Дибичу, въ которомъ говорилъ о грусти своей при видѣ того, какъ «на армію, достойную довѣрія и за которую онъ отвѣчаетъ своею головою, падаетъ подозрѣніе благодаря нѣсколькимъ безчестнымъ мечтателямъ». Письмо было передано Дибичемъ Николаю, который по поводу его сообщалъ цесаревичу Константину: «я пересылаю вамъ два письма гр. Витгенштейна и генерала Киселева къ Дибичу; я прочелъ ихъ нѣсколько разъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, но вижу въ нихъ однѣ лишь фразы и много легкомыслія. Они написаны до событій, которыя, вѣроятно, раскроютъ имъ глаза» [1]).

Киселевъ напрасно добивался расположенія новаго государя; хотя онъ и не получилъ отставки, о которой просилъ, тѣмъ не менѣе, какъ говоритъ его осторожный біографъ, «онъ замѣчалъ въ обращеніи съ нимъ государя слѣды его неудовольствія» [2]). Оставалось смириться; 11 февраля 1826 г. Киселевъ выѣхалъ изъ Петербурга, не уволенный и не обласканный, потерявъ близость къ государю и двору, къ которой привыкъ и которой дорожилъ.

1826 и 1827 годы—время пріостановки въ развитіи служебной дѣятельности Киселева; но для его дѣятельности, какъ поборника крестьянскаго освобожденія, они не лишены значенія. Въ запискѣ, составленной въ 1826 г. по поводу крестьянскихъ волненій въ Кіевской губерніи, онъ говоритъ, что быстрымъ успокоеніемъ крестьянъ Провидѣніе явно указываетъ правительству на необходимость тщательнаго разсмотрѣнія причинъ, возбуждающихъ мятежный духъ въ крестьянахъ. «Не дозволяя себѣ входить въ подробное изложеніе всѣхъ статей, могущихъ служить отвѣтомъ сему предложенію, я вкратцѣ изъясню мое мнѣніе, какъ лицо постороннее, близъ 10 лѣтъ здѣсь (въ Кіевской губ.) проживающее, и какъ помѣщикъ, другой годъ управляющій имѣніемъ жены моей» [3]). Недолгіе годы скоро разладившейся семейной жизни дали будущему преобразователю быта государственныхъ крестьянъ возможность непосредственно соприкасаться съ мужицкимъ міромъ, а это прикосновеніе приводило къ мыслямъ о причинахъ крестьянскихъ волненій и о лучшихъ способахъ ихъ искорененія.

Превращеніе потерявшаго свое положеніе при дворѣ начальника штаба 2-й арміи въ начальника штаба императора Николая I по крестьянской части началось во время турецкой войны. Первымъ шагомъ къ сближенію была распорядительность и храбрость

---

[1]) *Заблоцкій*, I, 242; Сб. Р. И. О., т. 131, 17, 23. [2]) *Заблоцкій*, I, 250. [3]) *Заблоцкій*, II, 206.

Киселева при переходѣ войскъ черезъ Дунай 27 мая 1828 г.; послѣ высадки войскъ на турецкомъ берегу, «когда мокрый и покрытый грязью Киселевъ возвратился къ императору, Николай закричалъ издали: «Я знаю твои новости; ты первый перешелъ и показалъ дорогу другимъ».—Нѣтъ,—отвѣчалъ Киселевъ,—«это наши 4 казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ». Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ». Вторымъ рѣшающимъ моментомъ были сраженія вокругъ Шумлы въ іюнѣ того же года, гдѣ Киселеву не разъ приходилось принимать личное участіе въ бояхъ. «1 іюля Николай Павловичъ привелъ Киселева въ свою палатку, обнялъ его, благодарилъ и пожаловалъ ему осыпанную бриллiантами шпагу». Въ августѣ, возвращаясь въ Петербургъ, онъ писалъ съ дороги Дибичу: «кланяйтесь Киселеву, я очень радъ, что вы имъ довольны; я его очень люблю» [1]). Это уже далеко отъ упрековъ въ легкомысліи, высказанныхъ въ 1826 г. Что вызвало такую перемѣну? Что оцѣнилъ Николай I въ Киселевѣ? Вѣроятно, государя привлекли несомнѣнныя дарованія и умъ, которые такъ выгодно отличали Киселева отъ большинства командного состава арміи; въ Киселевѣ же можно навѣрно предположить честолюбивое стремленіе выйти изъ тѣни и стать поближе къ солнцу, раздающему милости и отличія. Для высшихъ начальниковъ арміи военныя дѣйствія 1828 г. осложнялись дипломатической кампаніей; армія боролась съ турками, а въ самой арміи шла борьба между номинальнымъ главнокомандующимъ гр. Витгенштейномъ, начальникомъ штаба котораго былъ Киселевъ, и восходящимъ петербургскимъ свѣтиломъ — Дибичемъ. Ловкость и умъ Киселева помогли ему и здѣсь; съ назначеніемъ Дибича главнокомандующимъ онъ получилъ кавалерійскій корпусъ, а въ сентябрѣ 1829 г. былъ назначенъ полномочнымъ правителемъ Молдавіи и Валахіи, гдѣ и оставался цѣлыхъ 5 лѣтъ, обнаруживъ на ряду съ талантами администратора громадныя дипломатическія способности, пригодившіяся ему и позднѣе, въ Парижѣ. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя очень немногія черты его управленія. Какъ только Киселевъ сталъ во главѣ страны, гдѣ положеніе крестьянъ было столь же плачевно, какъ и на его родинѣ, онъ немедленно сдѣлалъ все, что могъ, для ихъ облегченія. Органическій регламентъ княжествъ призналъ за крестьянами личную свободу и право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому; помѣщики должны были снабжать крестьянъ достаточнымъ

1) *Заблоцкій,* I, 277, 279, 288; переписка имп. Николая I съ Дибичемъ. „Р. Старина“ 1880 г., I, 765—770.

количествомъ земли за установленныя закономъ повинности, лишаясь права выселять ихъ, если крестьяне исправно выполняли лежавшія на нихъ обязанности; кромѣ того, были вовсе уничтожены безземельные сельскіе батраки, находившіеся почти въ полномъ рабствѣ у землевладѣльцевъ-бояръ. Необходимо однако замѣтить, что практическое значеніе этой великой реформы уменьшалось незнакомствомъ Киселева съ мѣстными экономическими условіями и неудачной редакціей соотвѣтственныхъ статей регламента [1]).

9 мая 1834 г., покинувъ княжества послѣ сдѣланнаго ему графомъ Нессельроде намека, что онъ желаетъ продолженія оккупаціи изъ личныхъ видовъ, Киселевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ императоромъ. Въ срединѣ 30-хъ годовъ, въ связи съ наступившимъ внѣшнимъ миромъ, Николай I обнаруживалъ особый интересъ къ крестьянскому дѣлу, столь мало подвинутому комитетомъ 1826 г. «Меня въ особенности заинтересовало одно мѣсто твоего отчета по управленію княжествами,—сказалъ онъ Киселеву—это то, въ которомъ ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда-нибудь; я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ» [2]). Въ слѣдующемъ году, уже будучи членомъ государственнаго совѣта, онъ вошелъ въ составъ комитета «по изысканію средствъ объ улучшеніи состоянія крестьянъ», а весною 1836 г., съ учрежденіемъ V отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, Киселевъ получилъ въ свои руки дѣло устройства быта государственныхъ крестьянъ, какъ бы выдѣленное изъ общаго крестьянскаго вопроса.

Сближеніе съ императоромъ Николаемъ завершилось; передъ Киселевымъ открывалось широкое поприще для дѣла, которому онъ посвятилъ много думъ, къ которому уже успѣлъ приложить руки, управляя Молдавіей и Валахіей. Но работа его была не легка. Киселевъ вернулся на житье въ Петербургъ почти послѣ 20-лѣтняго отсутствія. И время и общество успѣли перемѣниться. Группа молодыхъ Александровскихъ генераловъ, къ которой когда-то принадлежалъ Киселевъ, давно распалась: Закревскій былъ не у дѣлъ, Алексѣй Орловъ, который въ молодыхъ годахъ

«...сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)

---

[1]) *Заблоцкій*, I, 336; Біографическій словарь, 710. [2]) *Заблоцкій*, II, 2; *Lacroix*, Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, VI, 369—372.

Любезность, разумъ просвѣщенный»,
и «не безславилъ сгоряча
Свою воинственную руку,
Презрѣнной палкой палача»,

уже успѣлъ въ 30-хъ годахъ заявить себя рѣшительнымъ противникомъ всякихъ реформъ, а позднѣе даже открыто порицалъ дѣятельность Киселева; личныя отношенія, однако, между ними не порывались[1]). Гораздо дальше пошелъ Меншиковъ, рѣзко и навсегда разошедшійся со старымъ пріятелемъ въ 1841 изъ-за различія во взглядахъ именно на крестьянское дѣло[2]) М. Ѳ. Орловъ жилъ въ Москвѣ, въ отставкѣ; старыя связи держались крѣпко; въ свои проѣзды черезъ Москву Киселевъ, какъ видно изъ его дневника, часто и много видѣлся съ Орловымъ; но опальный генералъ ничѣмъ не могъ вліять на дѣятельность министра, да скоро, въ 1842 г., и умеръ. Болѣе далекій по старымъ служебнымъ отношеніямъ, по близкій Киселеву по образу мыслей, гр. М. С. Воронцовъ (жена Киселева говорила, «что они созданы, чтобъ понимать другъ друга»[3]), былъ далеко и вліяніе его за предѣлами его новороссійскаго, а потомъ кавказскаго вице-королевства не было особенно большимъ; однако прекрасныя отношенія, завязавшіяся между ними еще въ 10-годахъ, продолжались неизмѣнно до кончины Воронцова въ 1856 г.: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ихъ переписка[4]). Старѣющій, но все еще красивый и блестящій генералъ-адъютантъ, особнякомъ стоявшій въ правительственной средѣ, безъ друзей въ Петербургѣ, независимый въ мнѣніяхъ, острый и рѣзкій подчасъ на языкъ, Киселевъ занялъ одинокое положеніе и одинокимъ оставался до конца своей петербургской дѣятельности. И въ 40-хъ годахъ въ столицѣ, какъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ въ южной арміи, далеко не всѣмъ ясенъ былъ обликъ министра государственныхъ имуществъ. Вѣроятно, душевному одиночеству, соединенному съ чувствомъ человѣка, почти всѣмъ обязаннаго самому себѣ, слѣдуетъ приписать его наружную холодность, заставлявшую многихъ считать его высокомѣрнымъ и бездушнымъ эгоистомъ. Таково мнѣніе о немъ нѣкоторыхъ подчиненныхъ, напр. В. А. Инсарскаго, который, впрочемъ, самъ признаетъ, что еще до образованія V отдѣленія «Киселевъ, таинственный и неизвѣстный, принялъ для насъ, небольшихъ чиновниковъ, значеніе антихриста, который разоритъ

---

[1]) *Заблоцкій*, II, 154, III, 436. [2]) *Заблоцкій*, II, 291—293; *Семевскій*, Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в., II, 43—46. [3]) Архивъ князя Воронцова, XXXVIII, 278. [4]) Архивъ кн. Воронцова, XXXVIII.

департаментъ государственныхъ имуществъ и съѣстъ всѣхъ насъ»[1]); таково же приблизительно и мнѣніе очень не любившаго Киселева блестящаго представителя столичной бюрократіи барона М. А. Корфа; мнѣніе это нашло себѣ откликъ позднѣе и въ ученой литературѣ[2]). Зато какъ удивлялись такіе люди, когда изъ-за холодной маски неожиданно показывались лучшія стороны души Киселева. Какъ поразила, напримѣръ, Корфа благородная рѣшимость Киселева объяснить Николаю Павловичу, что въ безпорядочности и опискахъ доклада по министерству государственныхъ имуществъ, за что уже было наложено взысканіе на Корфа и другихъ лицъ, былъ виноватъ одинъ онъ, Киселевъ[3]). Люди, ближе соприкасавшіеся съ Киселевымъ хотя бы только въ служебномъ отношеніи, обыкновенно относились къ нему гораздо лучше. Укажемъ на отзывъ о немъ его директора департамента, Брадке, отдававшаго дань его благонамѣреннымъ стремленіямъ къ народной пользѣ и его личному благородству, несмотря на бывшія между нимъ и министромъ столкновенія[4]); или же на мнѣніе сенатора К. Н. Лебедева, долго служившаго подъ его начальствомъ[5]). Отмѣтимъ еще одну черту, которую едва ли замѣчали въ блестящемъ и остроумномъ генералѣ его свѣтскіе собесѣдники, — тоску и грусть его, которую онъ не находилъ нужнымъ прятать отъ дѣлавшихъ ему доклады чиновниковъ[6]). Были наконецъ и такіе, правда немногіе, люди, которыхъ Киселевъ допускалъ въ свой внутренній міръ и передъ которыми совершенно снималъ привычную маску; эти люди становились его горячими поклонниками и искренними друзьями; примѣромъ можетъ служить его сотрудникъ и позднѣе біографъ Заблоцкій-Десятовскій; вотъ характеристика, данная имъ уже на склонѣ жизни его другу и бывшему начальнику: «съ П. Д. Киселевымъ я находился въ сношеніяхъ съ 1837 г., и чѣмъ болѣе эти отношенія продолжались, тѣмъ болѣе укрѣплялась моя связь съ нимъ. Въ Киселевѣ была особая способность привязывать къ себѣ тѣхъ, кого онъ приближалъ къ себѣ; но эта привязанность рождалась сама собою, ибо онъ не былъ щедръ на льстивыя слова»[7]).

Прочное и устойчивое положеніе, сохранявшееся Киселевымъ въ теченіе 20 лѣтъ, несмотря на отсутствіе друзей и единомышленниковъ въ средѣ высшей бюрократіи, зависѣло почти исключи-

---

[1]) Воспоминанія Инсарскаго. „Р. Архивъ", 1873 г., 528; „Р. Старина", 1894, № 1 и 2.
[2]) Записки Корфа; „Р. Старина", 1899, 1900; *Заблоцкій-Десятовскій*, III, 427—431; Отчетъ о 25 присужденіи наградъ гр. Уварова, рецензія Энгельмана на сочиненіе Заблоцкаго-Десятовскаго. [3]) *Заблоцкій*, II, 65. [4]) „Р. Архивъ", 1873, I, 291. [5]) Воспоминанія Лебедева, „Р. Архивъ", 1893, I, 367, 1900, III, 250. [6]) Воспом. Малышева, „Ист. Вѣстникъ", 1885, XX, 655. [7]) „Р. Стар.", 1882 г., № 2, 515.

тельно отъ той личной близости, какая установилась между нимъ и императоромъ Николаемъ. Николай цѣнилъ въ Киселевѣ умъ и энергію, которыми императоръ не былъ избалованъ вокругъ себя, и приблизилъ его къ себѣ за то, что чуть ли не съ нимъ однимъ онъ могъ говорить откровенно о крестьянскомъ вопросѣ, который— это кажется несомнѣнно—сильно и искренно интересовалъ его въ первыя 20 лѣтъ царствованія. Убѣжденный сторонникъ освобожденія, Киселевъ относился къ мыслямъ императора съ сочувствіемъ, а не встрѣчалъ ихъ принужденной улыбкой или участливымъ напоминаніемъ объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ крестьянской волей.

Съ другой стороны, умный царедворецъ умѣлъ, какъ немногіе, ладить съ тяжелымъ повелителемъ, соединяя умѣнье угождать ему такъ, что Николай былъ убѣжденъ, что Киселевъ былъ только исполнителемъ его воли, съ независимостью, на какую едва ли многіе были въ то время способны. «Николаю никто такъ смѣло не говорилъ истины, потому что при своемъ тонкомъ умѣ Киселевъ зналъ, когда и что слѣдовало говорить» [1]). «Я настаиваю на его честности (loyauté), потому что я никогда не видѣла, чтобы онъ колебался высказать свою мысль даже тогда, когда эта мысль была непріятной», говоритъ о Киселевѣ лицо, близкое къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, едва ли не Э. Ѳ. Раденъ, «и я знаю, что онъ говорилъ императору Николаю правду безъ прикрасъ. Онъ даже говорилъ, что Николаю I легко было говорить правду, потому что государь, будучи самъ очень честенъ, понималъ честность (honnêteté) въ другихъ. У графа Киселева былъ очень тонкій умъ; онъ не проповѣдывалъ никогда и стеколъ не билъ: съ удивительнымъ тактомъ выбиралъ онъ время и тогда уже не останавливался на полусловѣ, а говорилъ все до конца» [2]). Доказательствомъ того же свойства Киселева можетъ служить письмо его къ государю, написанное за нѣсколько дней до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, въ которомъ нареченный министръ, подтверждая свое убѣжденіе въ пользѣ проектированныхъ имъ мѣръ, откровенно указывалъ на препятствіе къ ихъ проведенію и на грядущее недовольство многихъ [3]). Приведемъ еще одинъ фактъ: въ 1837 г., послѣ смерти фельдмаршала Сакена, императоръ въ разговорѣ сказалъ, что 1-я армія, которой командовалъ покойный, была однимъ изъ гнѣздъ заговора 1825 г.; Киселевъ не побоялся отвѣтить напоминаніемъ о прошлыхъ заслугахъ фельдмаршала [4]).

Двадцатилѣтіе 1836—1856 гг.—золотая пора государственной

---

[1]) В. К. *Николай Михайловичъ*, Русскіе портреты, II, № 167. [2]) *Заблоцкій*, IV, 348; III, 445. [3]) *Заблоцкій*, II, 65. [4]) *Lacroix*, VII, 349--350.

дѣятельности Киселева; въ этотъ періодъ предтечу дѣятелей реформы 19 февраля можно наблюдать во весь ростъ. Роль его двоякая. Императоръ Николай I, рѣзкій и рѣшительный во всемъ, былъ робокъ въ одномъ: сочувствуя идеѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, онъ опасался идти противъ интересовъ дворянства и чиновничества и боязливо топтался на мѣстѣ, пережевывая крестьянскій вопросъ въ секретныхъ комитетахъ. Со второй половины 30-хъ годовъ Киселевъ дѣлается постояннымъ членомъ всѣхъ такихъ комитетовъ. Но робкій, когда дѣло шло о дворянской собственности, Николай вновь становился самимъ собою въ вопросѣ о государственныхъ или, какъ тогда говорили, казенныхъ крестьянахъ. Не стѣсняемый ничѣмъ, Николай преобразовалъ управленіе государственными крестьянами; это была единственная реформа его царствованія, и осуществилъ ее Киселевъ. Остановимся прежде всего на этой сторонѣ его дѣятельности.

Вопросъ объ учрежденіи особаго вѣдомства для управленія государственными крестьянами былъ поднятъ еще до появленія Киселева въ Петербургѣ; основы организаціи, данной Киселевымъ крестьянству, также не были оригинальными: это было лишь упорядоченіе той волостной общины, которая существовала изъ глубины вѣковъ, получила одинъ разъ въ нашей исторіи, при царѣ Иванѣ IV, государственное значеніе, не разъ регламентировалась уставными грамотами частныхъ вотчинниковъ и была признана, наконецъ, законами 1797 года объ устройствѣ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Принципы, на которыхъ должна была основываться жизнь государственныхъ крестьянъ, Киселевъ опредѣлялъ такъ: «управленіе государственными крестьянами должно быть сообразно съ настоящею степенью гражданскаго и нравственнаго ихъ быта, «вести ихъ къ благосостоянію путемъ ближайшаго непосредственнаго попечительства» [1]). Исходя изъ принципа попечительства, Киселевъ и построилъ сложную систему бюрократическихъ учрежденій, совершенно окутавшихъ крестьянскую общину. Мелочную «попечительную» регламентацію, напоминающую отдѣльными чертами золотую пору раціонализма и просвѣщеннаго абсолютизма, мы, конечно, не можемъ считать за идеалъ реформы. Что же послѣ этого было оригинальнаго и положительнаго въ реформѣ Киселева и дѣятельности его какъ министра?

Таковы были другіе принципы, положенные имъ въ основу своей дѣятельности: прежде всего — благо крестьянъ. Господствовавшій до него взглядъ на крестьянъ какъ на источникъ фискаль-

[1]) *Заблоцкій*, II, 53.

наго дохода онъ отрицалъ и словомъ и дѣломъ. Киселевъ искренно любилъ крестьянъ, хотя и особой, кабинетной, можетъ быть, любовью. Всѣ мѣры, принятыя имъ, крупныя и мелкія, организація крестьянъ, покупка имѣній въ казну, переселеніе малоземельныхъ на свободные участки, о чемъ онъ мечталъ еще въ 1816 г., разведеніе картофеля, даже самый принципъ попечительства, были продиктованы этою любовью; и попечительство во имя блага послѣ беззастѣнчивой эксплоатаціи было большимъ шагомъ впередъ, придавшимъ мѣрамъ Киселева характеръ истинной реформы. Второй принципъ Киселева—законность и гуманность; «дѣйствія министерства въ отношеніи попечительства надъ государственными крестьянами прежде всего должны основываться на строгомъ соблюденіи законности», говорилъ онъ въ отчетѣ за 1842 г.; онъ повторялъ эту мысль и въ позднѣйшихъ отчетахъ и, поскольку отъ него зависѣло, проводилъ ее и на дѣлѣ.

Тою же любовью къ крестьянскому дѣлу и убѣжденіемъ, высказаннымъ еще въ 1816 г., что «гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія», проникнута и дѣятельность Киселева какъ члена секретныхъ комитетовъ. Въ этой области особенно ярко сказывается вѣрность Киселева тѣмъ взглядамъ, какихъ онъ держался въ молодости. Проводя въ 1816 г. мысль о желательности постепеннаго освобожденія крестьянъ, онъ и въ 40-хъ годахъ, главнымъ образомъ въ извѣстной своей запискѣ 1840 г. [1]), отстаиваетъ ту же мысль, предлагая лишь, чтобы правительство всячески содѣйствовало ея осуществленію. Не его вина, если предложенный имъ проектъ усиліями другихъ членовъ комитета и стараніями государственнаго совѣта превратился въ скромный по содержанію и по практическимъ послѣдствіямъ законъ 8 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. И въ позднѣйшихъ комитетахъ Киселевъ остается постояннымъ поборникомъ улучшенія быта крѣпостныхъ, возбуждая вопросъ о пересмотрѣ законовъ о крестьянской собственности, защищая интересы балтійскихъ крестьянъ [2]), способствуя проведенію закона 1847 г. о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга и защищая этотъ законъ отъ нападокъ, начавшихся тотчасъ же вслѣдъ за его опубликованіемъ. Даже послѣ 1848 г., когда вопросъ о крестьянахъ, по собственному его выраженію, «лопнулъ» [3]) и Николай изъ страха передъ революціей окончательно охладѣлъ къ крестьянамъ, Киселевъ попрежнему остается главнымъ дѣятелемъ по крестьянской

---

[1]) *Заблоцкій*, II, 243—247; *Семевскій*, Крест. вопросъ, II, 33—42. [2]) „Русскій Архивъ", 1869 г. 1358—59. [3]) *Барсуковъ*, Жизнь и Труды Погодина, IX, 315.

части, энергично занимается дѣлами своего вѣдомства, обсуждаетъ введеніе инвентарей въ юго-западномъ краѣ и принимаетъ участіе въ послѣднемъ секретномъ комитетѣ 1854 г.

Въ письмѣ къ императору наканунѣ назначенія министромъ Киселевъ, кстати сказать, вскорѣ пожалованный графскимъ титуломъ, не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ государя предстоявшихъ ему непріятностей и нареканій. «Въ дѣлѣ, на меня возложенномъ,—говорилъ онъ, — сливаются столь различные и сложные интересы, что непріязненность должна быть почти общая. Отдѣленіе важной части отъ министерства финансовъ противопоставляетъ новому учрежденію всѣхъ, которые вліяли на источники государственнаго богатства. Присоединеніе къ новому управленію нѣкоторыхъ частей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ также не оскорбить честолюбія многихъ. Нельзя не ожидать отъ властей губернскихъ еще большаго неблагорасположенія къ установленіямъ, долженствующимъ лишить выгодъ, донынѣ въ удѣлъ ихъ безотчетно оставленныхъ. Въ самомъ сословіи поселянъ первое впечатлѣніе будетъ невыгодно: люди сіи почтутъ стѣснительнымъ для себя всякое дѣйствіе попечительной власти. Обращаясь къ массѣ помѣщиковъ, слѣдуетъ опасаться, что и ихъ интересы тѣсно связаны съ общимъ неустройствомъ по управленію государственными имуществами. Участвующіе въ откупахъ начинаютъ питать негодованіе къ новому управленію, какъ противопоставляемому незаконно пріобрѣтаемымъ ими выгодамъ» [1]). Дѣйствительность не обманула ожиданій министра; рѣдко чья дѣятельность подвергалась такимъ нападкамъ и вызывала столь различныя оцѣнки. Въ 40-хъ годахъ критика мѣропріятій Киселева раздавалась повсюду. Глумленіе надъ министромъ государственныхъ имуществъ было обычнымъ занятіемъ столичныхъ остроcлововъ въ родѣ великаго князя Михаила Павловича или князя Меншикова. Киселева не понимали его старые пріятели: такъ, кн. П. А. Вяземскій въ 1845 году подъ вліяніемъ чтенія новой книги Баранта о французской революціи занесъ въ свою записную книжку слѣдующія любопытныя строки: «M-r de Calonne былъ человѣкомъ, блестящее и свободное краснорѣчіе котораго покоряло какъ все тогдашнее пустое и вѣтреное общество, такъ и людей болѣе серьезныхъ; но у него не было ни положительныхъ знаній, ни практическаго знакомства съ дѣлами. Онъ принадлежалъ весь цѣликомъ къ той эпохѣ увлеченій, рѣзкихъ мнѣній, довольства самимъ собою и недальновидности. Не похожъ ли портретъ на Киселева?» [2]). Недовѣріемъ къ Киселеву проникнуты

---

[1]) *Заблоцкій*, II, 62, 63. [2]) *Вяземскій*, Сочиненія, IX, 217.

и московскіе кружки, средоточіе лучшихъ силъ тогдашней русской умственной жизни. Въ срединѣ 40-хъ годовъ А. С. Хомяковъ писалъ А. В. Веневитинову: «казна нигдѣ не хочетъ подать хорошаго примѣра. Киселевъ гонится за дрянью подъ видомъ казеннаго интереса, а истиннаго добра не хочетъ сдѣлать нигдѣ» [1]).Порицали Киселева и русскіе эмигранты; вотъ отзывъ о немъ И. Головина: «графъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ — одинъ изъ вождей русской оппозиціи, вождь либеральной партіи, стремящейся къ преобразованію; но эта оппозиція и этотъ либерализмъ существуютъ только лишь по имени, а стремленіе къ реформамъ лишено всякой планомѣрности. Киселева считаютъ самымъ опаснымъ врагомъ императора, потому что всѣ принимаемыя имъ мѣры неизбѣжно приводятъ къ всеобщему недовольству и, повидимому, должны вызвать революцію» [2]). Наконецъ, мѣры Киселева дѣйствительно не встрѣчали сочувствія даже среди тѣхъ, для кого онѣ были предназначены; достаточно вспомнить картофельные бунты. Интересно, что тѣ же усилія распространить культуру картофеля возбуждали противъ министра негодованіе петербургскаго свѣта: одна изъ его представительницъ, princesse nocturne, А. И. Голицына, большая патріотка, предприняла противъ него цѣлый походъ, считая это нововведеніе посягательствомъ на русскую національность [3]). О заурядныхъ представителяхъ дворянско-бюрократической среды и говорить нечего; еще въ 50-хъ годахъ нѣкій кн. Голицынъ увѣрялъ, что управленіе государственными имуществами несовмѣстимо съ монархическимъ строемъ, потому что въ немъ есть республиканскія начала, а именно: общественное устройство и мірскіе суды [4]).

Порицанія дѣятельности Киселева неслись отовсюду; основныя причины этого понималъ онъ и самъ; это ясно видно изъ приведеннаго выше письма его къ государю; его одиночество и злой языкъ ухудшали дѣло. Общія причины нападокъ на Киселева хорошо резюмировалъ въ своемъ разговорѣ съ Александромъ II Д. П. Хрущовъ, бывшій уже послѣ Киселева товарищемъ министра государственныхъ имуществъ: «жалобы на гр. Киселева, — говорилъ онъ, — происходятъ отъ 3 причинъ: во-первыхъ, отъ зависти къ нему, во-вторыхъ, отъ естественной враждебности помѣщиковъ, откупщиковъ и разныхъ другихъ сословій, въ-третьихъ, отъ незнанія внутренняго устройства управленія тѣми людьми, которымъ наименѣе это простительно и которые, между тѣмъ, судятъ и рядятъ» [5]).

---

[1]) *Барсуковъ,* VI, 275—276. [2]) *Golovine,* La Russie sous Nicolas I, 227. [3]) Остафьевскій Архивъ, I, 463. [4]) *Заблоцкій,* II, 174. [5]) *Заблоцкій,* II, 174.

Словами Головина укажемъ еще одну, четвертую, причину: крѣпостники не могли простить Киселеву того, что у него лично не было крѣпостныхъ [1]).

Что ставили въ вину Киселеву его многочисленные антагонисты, громадное большинство которыхъ, къ слову сказать, все же не сомнѣвалось въ личной честности министра? Упреки и обличенія были направлены частью противъ его личности, частью противъ его дѣятельности. Первые сводились къ жалобамъ на его самоувѣренность, высокомѣріе и надменность; онѣ исходили отъ нелюбимыхъ родственниковъ, среди которыхъ онъ былъ извѣстенъ подъ кличкою «дяди пьедестала» [2]), отъ нѣкоторыхъ политическихъ недруговъ, въ родѣ Корфа, и отъ нѣкоторыхъ, преимущественно низшихъ, чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ. Такого рода жалобы шли издавна; мы видѣли, и чѣмъ онѣ объясняются, и какое имъ слѣдуетъ придавать значеніе. Впрочемъ, министерскіе чиновники, ворчавшіе на Киселева, послѣ назначенія министромъ М. Н. Муравьева быстро научились цѣнить своего прежняго начальника [3]). Обвиненія, направленныя противъ дѣятельности Киселева, исходили изъ двухъ противоположныхъ источниковъ и были противоположны по существу: крѣпостники видѣли въ немъ революціонера и врага государя, передовые московскіе кружки, сочувствовавшіе народу и стремившіеся къ нему приблизиться, видѣли въ Киселевѣ только петербургскаго бюрократа, чуждаго народу, не знавшаго его и всею своею дѣятельностью разрушавшаго коренныя основы его быта. Такое сужденіе исходило одинаково и отъ славянофиловъ и отъ радикаловъ; послѣдніе долго держались его и позднѣе, уже послѣ эмиграціи Герцена [4]). Эта противоположность оцѣнки и одинаковая страстность въ нападкахъ лучше всего показываетъ, что Киселевъ былъ чужой и той и другой сторонѣ. Сочувствіе самого Киселева меньшой братіи было, вѣроятно, столь же сильнымъ и искреннимъ, какъ чувства московскихъ мыслящихъ кружковъ; но взгляды его на освобожденіе никогда не носили и тѣни радикализма. Киселевъ былъ и оставался вѣрнымъ слугою своего государя, но только слугою, имѣвшимъ извѣстныя убѣжденія. Онъ былъ представителемъ старшаго поколѣнія молодежи 10-хъ годовъ XIX вѣка, который далъ въ своей жизни то, что могли бы дать въ зрѣломъ возрастѣ лучшіе изъ декабристовъ, если бы жизнь ихъ пошла нормальнымъ путемъ.

---

[1]) *Golovine*, op. cit., 227. [2]) „Русская Старина", 1892, № 5, 226—229; „Ист. Вѣстникъ", 1893, № 9, 547, № 10, 43. [3]) „Русская Старина", 1905, № 6, 610. [4]) „Колоколъ", 1 апр. 1858 г.

Киселевъ относился довольно спокойно къ обвиненіямъ, которыя на него возводились. Чувство превосходства надъ окружающими и убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла помогали ему хладнокровно относиться къ нападкамъ, которымъ онъ подвергался. «А мнѣ что за дѣло,—отвѣтилъ онъ барону М. А. Корфу, предупреждавшему его о готовившейся противъ него интригѣ.—Я убѣжденъ, что добросовѣстно работаю для общаго дѣла и милость государя меня поддерживаетъ. Если же врагамъ моимъ удастся меня ея лишить, то это будетъ больно моему сердцу, но и только... оставить службу нѣсколько ранѣе или позже мнѣ все равно. Но пока я тутъ, я не перестану дѣйствовать по моему убѣжденію, не страшась непріязни и гоненій» [1]).

И Киселевъ былъ правъ, потому что результаты его дѣятельности оправдываютъ его вполнѣ. Правда, за его реформой нельзя не признать до извѣстной степени бюрократическаго характера, правда и то, что «управленіе государственными имуществами, созданное гр. Киселевымъ, было знаменито своимъ какъ казнокрадствомъ, такъ и взяточничествомъ» [2]). Но вѣдь въ этомъ виноватъ не Киселевъ: чиновники крали не потому, что это поощрялось въ новомъ вѣдомствѣ, но потому, что казнокрадство было общей болѣзнью. Благожелательное попеченіе о нуждахъ крестьянъ, планомѣрная организація управленія, надѣленіе землею нуждающихся, устройство хлѣбныхъ магазиновъ, уничтоженіе однодворческихъ крѣпостныхъ и половниковъ русскаго сѣвера сдѣлали свое дѣло; благосостояніе государственныхъ крестьянъ повысилось и даже фискальные интересы, пренебреженіемъ которыхъ такъ корили Киселева, оказались не въ проигрышѣ: за время управленія гр. Киселева податной окладъ, положенный на государственныхъ крестьянъ, возросъ на 20%, а недоимки уменьшились вдвое. Но Киселевъ сдѣлалъ и другое. Введя бюрократическое управленіе въ высшихъ инстанціяхъ для попеченія о народѣ, онъ для самой народной жизни сохранилъ и упрочилъ ея старинныя и привычныя формы, которыя «послужили потомъ образцомъ для организаціи и тѣхъ сельскихъ обществъ, которыя составились изъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ помѣщичьей власти. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы организація государственныхъ крестьянъ была признана въ 1857—61 гг. неудовлетворительною, то помѣщичья партія не допустила бы учрежденія ея у бывшихъ крѣпостныхъ. Помѣщики хорошо знаютъ, что у «міра» ни купить, ни отобрать ничего нельзя... понималъ это и гр. Киселевъ, хотя

---

1) *Заблоцкій*, II, 155. 2) Историч. очерки Россіи, со времени крым. войны до заключенія берлинскаго договора (Лейпцигъ, 1878), I, 37.

въ его время еще не было крестьянской реформы, и сохранилъ за крестьянами общинное владѣніе». «Киселевъ не сталъ ломать народную жизнь по преднамѣренной программѣ, но утвердилъ ее на обычномъ правѣ землевладѣнія и выборнаго самоуправленія, испортивъ, разумѣется, послѣднее подчиненіемъ подъ власть казеннаго представительства». Такъ говорили о немъ уже по окончаніи его практической дѣятельности тѣ самые эмигранты-народники, которые ранѣе были склонны видѣть въ немъ только бюрократа [1]). Менѣе значительна и менѣе удачна была дѣятельность гр. Киселева въ вопросѣ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. Но одинъ въ полѣ не воинъ; здѣсь на немъ не лежитъ вины, особенно если вспомнить, что вся небольшая польза, которую принесли секретные комитеты, тѣсно связана съ его именемъ. Почти одинъ среди офиціальнаго Петербурга несъ Киселевъ на своихъ плечахъ крестьянское дѣло и не уронилъ своей ноши въ самое глухое время реакціи, усилившейся послѣ 1848 года; эту ношу у него вырвали въ 1856 году передъ самой зарей освобожденія.

Первые мѣсяцы царствованія Александра II были временемъ всеобщихъ ожиданій и оживленныхъ разговоровъ о будущемъ. Тяжелая война, сознаніе, что рушится вся Николаевская твердыня, приводили къ мысли, что реформы нужны, что онѣ неизбѣжны. Единственнымъ реформаторомъ Николаевскаго времени былъ Киселевъ, и понятно, что взоры многихъ обращались на него. Въ послѣдніе годы Николая однимъ изъ самыхъ пріятныхъ уголковъ Петербурга, откуда не были совсѣмъ изгнаны разговоры о нужныхъ для Россіи усовершенствованіяхъ, былъ дворецъ великой княгини Елены Павловны; Киселевъ, вмѣстѣ съ С. С. Уваровымъ, М. А. Корфомъ и другими, сдѣлался однимъ изъ первыхъ посѣтителей [2]) вечеровъ великой княгини, еще недавно стоявшей вдали отъ политики, но на склонѣ лѣтъ превращавшейся въ крупнаго общественнаго дѣятеля. Крестьянская реформа была на очереди уже давно и даже молодое поколѣніе связывало имя Киселева съ ея дальнѣйшимъ осуществленіемъ. Въ январѣ 1856 г. Кавелинъ, только что написавшій записку по крестьянскому вопросу, ходившую по рукамъ въ Петербургѣ, писалъ Погодину, не сомнѣваясь, повидимому, что Киселевъ приложитъ свою руку къ дѣлу освобожденія: «Киселевъ, старый боецъ, и его сторонники смотрятъ на дѣло односторонне и бюрократически: имъ бы все хотѣлось сдѣлать дѣло безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ; но этимъ только испор-

---

[1]) Историческіе очерки Россіи, I, 64; „Колоколъ“, 1860 г., 1 сент. [2]) „Русская Старина“, 1909, № 3, 504—506, 514. Восп. кн. Д. Оболенскаго.

тишь вопросъ, потому что владѣльцы станутъ грудью за свои права, т.-е. за свой карманъ» [1]).

Вотъ въ этотъ-то моментъ всеобщаго напряженнаго ожиданія преобразованій вообще и освобожденія крестьянъ въ частности гр. Киселевъ неожиданно для самого себя былъ назначенъ посломъ при Наполеонѣ III. Такое внезапное устраненіе отъ большого и нужнаго дѣла человѣка, казалось бы, къ нему предназначеннаго, не представляетъ ничего удивительнаго для царствованія Александра II. Имена Н. А. Милютина, С. И. Заруднаго тому порукой. Киселевъ былъ лишь первымъ, кому пришлось испытать эту участь. Что вызвало назначеніе Киселева въ Парижъ и устраненіе его отъ грядущей реформы? Конечно, его всѣми признанный умъ, тактъ и дипломатическія способности, доказанныя еще во время управленія дунайскими княжествами, имѣли здѣсь свою долю вліянія; къ Наполеону III, въ то время вершителю судебъ Европы, нельзя было послать перваго встрѣчнаго. Но, кажется, не одни эти качества были причипою отъѣзда Киселева изъ Петербурга. Новый государь, подавленный при жизни отца тяжелой и властной фигурой послѣдняго, обнаруживалъ теперь желаніе освободиться отъ тѣхъ, кто при жизни Николая пользовался наибольшимъ вліяніемъ. «Слухи о паденіи разныхъ министровъ продолжаются,—записалъ въ 1856 г. въ своемъ дневникѣ П. А. Валуевъ.—Недавно появилась карикатура, представляющая montagne russe, съ которой съѣхалъ, уже растерявъ свои доспѣхи, Бибиковъ, Клейнмихель съѣзжаетъ, но въ каскѣ и шинели, благополучно; наверху Панинъ уже сидитъ въ санкахъ и приглашаетъ Брока ѣхать вмѣстѣ; Брокъ отворачивается и отмахивается. Между тѣмъ Киселевъ, закутавшись въ шинель, быстро уходитъ въ сторону» [2]). Бибиковъ палъ жертвою личной антипатіи Александра; Клейнмихель—въ угоду общественному мнѣнію; очень возможно, что новый государь также не забылъ и своихъ разногласій съ Киселевымъ въ крестьянскихъ комитетахъ второй половины 40-хъ годовъ, гдѣ наслѣдникъ престола, въ качествѣ оплота крѣпостниковъ, почти всегда держался противоположныхъ съ Киселевымъ взглядовъ [3]). Есть и еще мнѣніе, не лишенное правдоподобія: «повидимому, не случайно столь видный эмансипаторъ, какъ гр. П. Д. Киселевъ, именно въ это время былъ назначенъ посломъ въ Парижъ. Можно предположить, что это назначеніе состоялось не безъ вліянія сильной придворной партіи изъ противниковъ освобожденія крестьянъ» [4]). Какъ бы то ни было, но «ум-

[1]) *Барсуковъ*, XIV, 242. [2]) „Русская Старина“, 1891, № 5, 343. [3]) *Семевскій*, Крест. вопросъ, II, гл. V, VI, VII. *Заблоцкій*, II, 306, 311, 315—316. [4]) *Барсуковъ*, XV, 462.

ной и честной личности гр. Киселева не суждено было играть важной роли при реформахъ новаго императора»[1]). На свое отстраненіе отъ любимаго дѣла Киселевъ смотрѣлъ какъ на тяжелое горе, а можетъ быть и какъ на обиду. Въ своемъ дневникѣ послѣ перваго разговора съ государемъ о назначеніи посломъ, 1 іюля 1856 г., онъ говоритъ, перечисливъ всѣ доводы, какіе онъ приводилъ противъ Александра: «за всѣмъ этимъ я вышелъ изъ кабинета государя посломъ въ Парижъ: минута горестная и тяжелая для сердца и разсудка»[2]). Много позднѣе, разсуждая о судьбѣ Н. А. Милютина, онъ пишетъ подъ 11 октября 1861 г.: «Онъ работалъ съ ревностью и примѣрнымъ самоотверженіемъ. Его задача была слишкомъ тяжела для него; я это испыталъ первый на себѣ и благословляю судьбу, избавившую меня (противъ моей воли) отъ окончанія этой тяжелой работы, которая, однако, должна была принадлежать мнѣ»[3]).

Вскорѣ послѣ отъѣзда Киселева оживилось крестьянское дѣло, и тогда лучшимъ борцамъ за освобожденіе стало ясно значеніе всей прежней дѣятельности Николаевскаго министра государственныхъ имуществъ. Правда, «мы не связываемъ дѣла реформы 19 февраля съ именемъ гр. Киселева»[4]), но правдивую оцѣнку всего сдѣланнаго имъ далъ герой реформы Н. А. Милютинъ въ письмѣ къ своему, «далеко не зараженному непотизмомъ дядѣ»[5]) отъ 4 марта 1858 г.: «здѣсь всѣ мысли, всѣ заботы поглощаются великимъ вопросомъ, который такъ неожиданно возбудили въ Россіи. Теперь для самыхъ близорукихъ проясняется 18-лѣтняя дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ»[6]). Значеніемъ, какое проводники крестьянской реформы придавали прежней дѣятельности гр. Киселева, опредѣляется участіе русскаго посла въ Парижѣ въ великомъ дѣлѣ обновленія родины. Киселевъ далеко, онъ ушелъ отъ водоворота русской жизни, но онъ знатокъ крестьянскаго дѣла, онъ экспертъ, къ которому идутъ всѣ: члены царствующаго дома — потому, что для нихъ онъ старый привычный членъ придворнаго общества; сановники старшаго поколѣнія — потому, что за нимъ стоитъ авторитетъ долгой и блестящей службы; молодые дѣятели реформы — потому, что видятъ въ немъ искренняго поборника освобожденія, въ теченіе долгаго времени бывшаго чуть ли не единственнымъ работникомъ этого дѣла. Въ 1857 г. императоръ вытребовалъ его въ Киссингенъ, гдѣ лѣчился, и здѣсь, помимо бесѣдъ о внѣшней

---

[1]) Ист. очерки Россіи, I, 61. [2]) *Заблоцкій*, III, 6. [3]) *Заблоцкій*, II, 355. [4]) Энгельманъ, Рецензія на соч. Заблоцкаго, 61, X. [5]) „Русская Старина" 1899, № 1, 54, Зап. М. А. Милютиной; *Leroy-Beaulieu*, Un homme d'état russe, 8, *Заблоцкій*, III, 440. [6]) *Заблоцкій*, II, 343.

политикѣ, не разъ говорилъ съ нимъ о крестьянскомъ дѣлѣ, требовалъ заключенія Киселева о представленныхъ ему запискахъ и заявилъ послу поневолѣ, что «онъ болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился, но никого не имѣетъ, кто бы помогъ ему въ этомъ важномъ дѣлѣ»[1]). Глядя, какъ вяло шло дѣло въ главномъ комитетѣ, у нѣкоторыхъ членовъ царской семьи являлась мысль, что оживить дѣло могъ бы только Киселевъ. На вечерѣ у великой княгини Елены Павловны императрица Марія Александровна сказала въ разговорѣ съ гр. Бобринскимъ и Н. А. Милютинымъ: «изъ всѣхъ сановниковъ одинъ только гр. Киселевъ изучилъ этотъ вопросъ и искренно желалъ его разрѣшенія» [2]). Члены царствующаго дома, наиболѣе сочувствовавшіе освобожденію, великій князь Константинъ и великая княгиня Елена Павловна, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Киселевымъ. Константинъ Николаевичъ пересылалъ ему на заключеніе различные документы и записки, между прочимъ извѣстный проектъ Позена [3]). Съ Еленой Павловной Киселевъ видѣлся въ каждую поѣздку ее за границу. Ростовцевъ считалъ гр. Киселева въ числѣ лицъ, наиболѣе способныхъ дѣйствовать на пользу крестьянскаго дѣла, хотя въ качествѣ кандидата на постъ предсѣдателя главнаго комитета онъ представлялся ему слишкомъ старымъ[4]). 10 марта 1858 г. Ю. Ѳ. Самаринъ, отправляя первый № «Сельскаго Благоустройства», предназначенный для Киселева, проситъ своего корреспондента передать графу, что «издатели подносятъ ему свое изданіе не ради достоинства онаго, а потому, что въ убѣжденіяхъ всей Россіи имя графа Киселева связано съ идеею, которой они служатъ» [5]). Въ годъ наибольшаго напряженія крестьянскаго вопроса Н. А. Милютинъ постоянно пишетъ Киселеву: «истерзанный сдѣланными ошибками, потерею времени и неизвѣстностью, куда поступятъ губернскіе проекты для окончательной разработки въ общую законодательную форму», онъ ему же изливаетъ свою душу [6]).

Было бы ошибкою думать, что старый графъ только откликался на запросы тѣхъ, кто велъ крестьянское дѣло въ Россіи. Его письма и дневникъ за эти годы краснорѣчиво говорятъ, какъ сильно самъ онъ интересовался вопросомъ объ освобожденіи. «Его высочество генералъ-адмиралъ былъ правъ, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ, — писалъ онъ въ октябрѣ 1857 г., — что и въ отдаленіи отъ отечества я не остался равнодушнымъ къ

[1]) *Заблоцкій,* II, 331; *Татищевъ,* Имп. Александръ II, т. I, 283. [2]) Зап. А. Я. Соловьева, „Русская Стар.“, 1882, № 10, 140; тѣ же слова въ Зап. М. А. Милютиной, „Русская Старина“, 1899, 1,53. [3]) *Заблоцкій,* II, 333—340, 349—351; „Русск. Старина“, 1897, № 10, 28. [4]) *Барсуковъ,* XVII, 165; *Семеновъ,* Освобожденіе крестьянъ, II, 627, 635. [5]) *Заблоцкій,* II, 344. [6]) „Русская старина“, 1881, № 7; 1879 г. № 2, 270.

великимъ вопросамъ Россіи»[1]). Изъ его различныхъ замѣтокъ по крестьянскому дѣлу выясняется и его собственная программа разрѣшенія наболѣвшаго вопроса. «Я всегда полагалъ и нынѣ полагаю, что крестьянская земля должна оставаться (съ вознагражденіемъ помѣщиковъ) въ полной и неотъемлемой собственности крестьянъ. Это условіе я почиталъ важнѣйшимъ при освобожденіи крестьянъ; оно составляетъ главное ручательство въ спокойномъ достиженіи цѣли... Освобожденіе 22 милліоновъ людей обоего пола не можетъ исполниться безъ пожертвованій; а какъ участвующіе въ семъ дѣлѣ суть крестьяне, помѣщики и правительство, то всѣ должны содѣйствовать благому предпріятію»[2]). Еще за мѣсяцъ до знаменитаго рескрипта Назимову онъ пишетъ великому князю, что земли крестьянъ должны быть выкуплены; на той же мысли о выкупѣ онъ настаиваетъ и позднѣе. Чрезвычайно интересенъ его отзывъ о журналѣ секретнаго комитета 19 авг. 1857 г., рекомендовавшаго и «осторожность и благоразуміе» съ раздѣленіемъ дѣйствій по освобожденію на 3 періода: приготовительный, переходный и окончательный. Киселевъ замѣтилъ: «Комитетъ полагаетъ необходимымъ смягчить теперь же крѣпостное положеніе, не прекращая настоящихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и не ослабляя власти сихъ послѣднихъ. Въ этомъ предположеніи заключаются два противоположныхъ основанія, которыя слѣдуетъ ясно и положительно опредѣлить... Собрать свѣдѣнія для второго періода весьма полезно, но при семъ не должно полагать, чтобы изъ сего могъ составиться законъ общій и ненарушимый. Подобныя узаконенія не составляются a priori. Дайте дѣлу первоначальный ходъ,—время довершитъ остальное лучше всякой человѣческой мудрости. Откладывать на неопредѣленное время рѣшеніе сего важнаго дѣла подъ предлогомъ собранія свѣдѣній, данныхъ и фактовъ неудобно и опасно. Для постановленія общихъ правилъ увольненія не нужно собирать частныя подробныя свѣдѣнія; этимъ отдалится разрѣшеніе дѣла на многіе годы, а между тѣмъ негодованіе однихъ и нетерпѣніе другихъ могутъ возродить новыя обстоятельства, которыя ниспровергнутъ все сдѣланное»[3]). Собственные взгляды имѣлъ Киселевъ и на тѣ временныя отношенія, которыя должны установиться между помѣщиками и крестьянами до полнаго освобожденія послѣднихъ. По его мнѣнію, съ прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній крестьяне должны пользоваться гражданскими правами наравнѣ съ государственными крестьянами. «Я не вижу неудобства нынѣ же да-

---

[1]) *Заблоцкій*, II, 339; IV, 264. [2]) *Заблоцкій*, II, 335, IV, 264. [3]) *Заблоцкій*, II, 338—339.

ровать эти права». «Ссылка крестьянъ въ Сибирь должна допускаться только по суду, а не по собственному произволу». Впредь до окончательнаго освобожденія помѣщикъ сохраняетъ вліяніе на сельскій судъ и отвѣтственность за податную исправность крестьянъ; «впослѣдствіи справедливо уволить помѣщиковъ отъ этой обязанности». Жалобы крестьянъ на помѣщиковъ должны быть допущены немедленно, такъ какъ «безъ сего крѣпостное право нисколько не измѣнится». Должны быть немедленно изданы законы, облегчающіе выкупъ крестьянъ на волю и сокращеніе числа дворовыхъ [1]).

Приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ далеко и послѣдовательно шелъ Киселевъ въ вопросѣ объ освобожденіи въ то время, когда въ Петербургѣ дѣло не подвинулось еще ни на шагъ. Несмотря на преклонный возрастъ, авторъ записки 1840 г. эволюціонировалъ все далѣе; его мысли, свободно и убѣжденно высказанныя въ 1857 г., но годами выношенныя ранѣе, показываютъ, что въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ далеко не былъ только исполнителемъ воли Николая I, какъ его хотѣли иногда представить [2]). Это убѣжденный человѣкъ, способный къ самостоятельной дѣятельности, шедшій гораздо дальше самого Николая, но считавшій долгомъ по чувству дисциплины сообразоваться съ волей государя, а въ безвременье, послѣ 1848 года, считавшій, быть можетъ, нужнымъ и изъ житейскихъ соображеній сократить свои реформаторскія стремленія.

Задержки и препоны, которыми такъ богата подготовка крестьянскаго освобожденія, выводившія изъ себя сторонниковъ реформы, находили откликъ и въ Киселевѣ, но, далекій отъ мѣста дѣйствія, онъ не поддавался впечатлѣніямъ минуты и не падалъ духомъ въ самыя критическія минуты, отвѣчая словами одобренія на отчаянныя письма Н. А. Милютина: «молю Бога объ успѣхѣ предпринятаго и прошу Его даровать настойчивость тѣмъ, кто трудится надъ этимъ святымъ дѣломъ. Я такъ старъ и такъ немощенъ, что не увижу результата этого великаго и славнаго дѣла, но я хотѣлъ бы знать, что оно продолжается и идетъ неустанно къ той цѣли, которая рано или поздно будетъ достигнута,—да не прогнѣваются тѣ, кто разсчитываетъ на утомленіе работниковъ» [3]).

Опубликованіе манифеста 19 февраля пробудило въ старомъ бойцѣ живѣйшую радость, которой онъ тотчасъ подѣлился съ главными виновниками реформы. Самое положеніе 19 февраля онъ въ

---

1) *Заблоцкій*, IV, 265—267. 2) *Энгельманъ*, Рецензія на соч. Заблоцкаго, 89.
3) „Русская Старина“, 1899, № 2, 271 (Зап. М. А. Милютиной).

общемъ одобрялъ, но задачу обновленія Россіи онъ не считалъ законченной актомъ освобожденія. Въ своихъ разговорахъ съ Наполеономъ и императрицей Евгеніей онъ высказывалъ мысль, что начатыя реформы составляютъ лишь «вѣхи новой фазы, въ которую вступаетъ Россія, что работа предстоитъ столь же великая, какъ и трудная, что надо взяться за нее мужественно и приготовиться встрѣтить множество разочарованій и помѣхъ, для преодолѣнія которыхъ требуется все постоянство и энергія преобразователя». Внушало Киселеву серьезныя опасенія и самое осуществленіе крестьянской реформы: «я страшусь,—пишетъ онъ великому князю Константину, — за періодъ исполненія, которое можетъ исказить добрыя начала; новое дѣло требуетъ новыхъ и могучихъ работниковъ изъ преданнаго дѣлу молодого поколѣнія» [1]).

Съ завершеніемъ крестьянской реформы гр. Киселевъ совершенно отходитъ отъ внутреннихъ дѣлъ Россіи и слѣдитъ за другими преобразованіями 60-хъ годовъ уже только какъ внимательный и просвѣщенный наблюдатель, радующійся каждому новому шагу родной страны по пути прогресса. «Указы 17 апрѣля о совершенной почти отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній», пишетъ онъ въ дневникѣ за 1863 годъ,—доставили мнѣ величайшее удовлетвореніе послѣ моей неудачи по этому предмету въ теченіе 20 лѣтъ при императорѣ Николаѣ». Еще позднѣе, въ 1868 г., записывая свой разговоръ съ посѣтившимъ его Д. А. Милютинымъ, старый, восьмидесятилѣтній воинъ высказываетъ непоколебимое убѣжденіе въ необходимости отмѣны рекрутскихъ наборовъ и введенія всеобщей воинской повинности [2]).

Великое дѣло, которому Киселевъ отдалъ лучшія силы жизни, закончилось въ 1861 г.; въ слѣдующемъ году онъ оставилъ должность посла и этимъ завершилъ свое служеніе родинѣ, увѣренный въ томъ, что «новая эпоха мирной и умственной славы Россіи не далека отъ насъ» [3]). Отставка посла не была вполнѣ добровольной: несогласія съ Горчаковымъ во взглядахъ на отношенія къ Франціи оказали въ этомъ дѣлѣ больше вліяніе, чѣмъ преклонные годы Киселева, но старость и утомленіе онъ еще ранѣе выставлялъ причинами своего отказа отъ предложеннаго ему поста предсѣдателя государственнаго совѣта. Онъ самъ былъ уже не въ силахъ занимать это высшее въ имперіи мѣсто, а «гордая самостоятельность парижскаго посла никогда бы не допустила», чтобъ за него дѣйствовало подставное лицо [4]). Умъ графа продолжалъ

---

[1]) *Заблоцкій*, III, 32, II, 350. [2]) *Заблоцкій*, III, 346, 411. [3]) *Заблоцкій*, III, 323. [4]) Дневникъ В. А. Муханова, 1858 г. „Русск. Архивъ“, 1896, III, 175.

еще служить ему попрежнему, но годы брали свое; уже въ 1859 г. онъ писалъ Константину Николаевичу: «вамъ угодно было обратить вниманіе па состояніе моего здоровья—оно идетъ ровнымъ шагомъ; на восьмомъ десяткѣ требованія въ семъ отношеніи должны быть скромны, а я на упадокъ силъ роптать не смѣю, но разумѣю и покоряюсь, яко съ нами Богъ» [1]). 10 лѣтъ спустя, по поводу посѣщенія его тѣмъ же великимъ княземъ Киселевъ, записалъ: «эта минута напомнила мнѣ прошедшее, когда я былъ еще человѣкомъ; теперь же я едва тѣнь его» [2]).

Послѣдніе годы жизни Киселевъ прожилъ въ Парижѣ, выѣхавъ изъ него на продолжительный срокъ только во время франко-прусской войны и коммуны. Онъ не вернулся доживать свой вѣкъ на родину, вѣроятно, потому что не хотѣлъ жить «тѣнью человѣка» въ Петербургѣ, гдѣ когда-то занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ и потому что въ эти годы не имѣлъ ни одного близкаго человѣка во всей громадной Россіи. Одинокій старикъ остался жить въ Парижѣ просто потому, что привыкъ къ столицѣ Франціи и что доживать жизнь ему было все равно гдѣ. Только мѣсто вѣчнаго покоя онъ избралъ близъ отца, матери и брата—въ Донскомъ монастырѣ, въ родной Москвѣ, куда прахъ его возвратился 67 лѣтъ послѣ того, какъ, полный надеждъ, онъ уѣхалъ изъ нея на службу въ кавалергардскій полкъ. Долгой была служба графа Киселева Россіи, но эта была честная служба; подобно своему племяннику, Н. А. Милютину, онъ можетъ «спать безмятежно, съ покойною совѣстью», ибо у власти и вдали отъ нея, съ сильными міра и со слабыми, съ друзьями и врагами онъ во всю свою долгую жизнь умѣлъ, какъ немногіе русскіе государственные дѣятели, сохранять достоинство человѣка и гражданина.

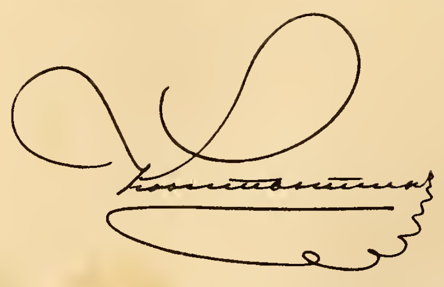
Ю. В. Готье.

---

1) *Заблоцкій*, IV, 257. 2) *Заблоцкій*, III, 416.

Фотот. П. Павлова

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Въ ряду государственныхъ дѣятелей, неразрывно связавшихъ свое имя съ великимъ дѣломъ обновленія Россіи при императорѣ Александрѣ II, выдающееся мѣсто безспорно принадлежитъ великому князю Константину Николаевичу. Самъ императоръ Александръ II призналъ его своимъ «первымъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ». Это значеніе признается за нимъ и всѣми современниками его — какъ сотрудниками и сочувствовавшими ему людьми, такъ и противниками и врагами его политики. Великій князь помогалъ проводить и другія важныя реформы—судебную, земскую, финансовую и военную, высшаго образованія, выступая здѣсь не только съ сочувствіемъ и поддержкою, но подчасъ и съ своею вѣдомственною иниціативою. Вмѣстѣ съ другими прогрессивными дѣятелями шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ онъ мечталъ и объ увѣнчаніи обновляемаго государственнаго зданія Россіи введеніемъ начатковъ представительнаго строя... Короче сказать: не было такихъ либеральныхъ начинаній, которымъ бы не сочувствовалъ и не содѣйствовалъ великій князь Константинъ, идя всегда впереди своего мнительнаго и нерѣшительнаго брата и часто увлекая его за собою. Генералъ-адмиралъ былъ смѣлымъ пловцомъ не только по Балтійскому, но и по житейскому морю, и во все царствованіе своего брата строилъ не только новые корабли, верфи и заводы, но и новыя учрежденія, новые внутренніе порядки и законы.

Великій князь совсѣмъ не готовился къ такой широкой и разносторонней государственной дѣятельности. Съ ранняго дѣтства онъ посвященъ былъ спеціальному дѣлу—морскому. Онъ родился (9 сентября 1827 года) въ самый разгаръ хлопотъ о возрожденіи русскаго флота, заботъ и думъ о томъ, «какъ извлечь наши морскія силы изъ того забвенія и ничтожества, въ которомъ онѣ прозябали въ послѣднее время предшествовавшаго царствованія». Этимъ вопросомъ занятъ былъ учрежденный еще 31 декабря 1825 года особый комитетъ; надъ нимъ трудился и самъ императоръ Николай

Павловичъ, вырабатывавшій основанія реформы морского министерства.[1]). То было время, когда хлопотали объ образованіи моряковъ, учреждали (29 января 1827 года) офицерскій классъ при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ для усовершенствованія новопроизведенныхъ офицеровъ «въ высшихъ частяхъ наукъ, къ морской службѣ потребныхъ», приглашали для преподаванія этихъ наукъ знаменитыхъ математиковъ и физиковъ — Буняковскаго, Остроградскаго, Ленца и др. Эта «морская полоса» опредѣлила и участь явившагося тогда на свѣтъ великаго князя Константина. Императоръ-отецъ рѣшился посвятить его флоту, создать изъ него вождя и организатора морскихъ силъ Россіи, преемника себѣ и продолжателя по этой части. Когда ему еще не было четырехъ лѣтъ, императоръ назначилъ его генералъ-адмираломъ и шефомъ гвардейскаго экипажа (22 августа 1831 г.) [2]).

Сообразно съ этимъ назначеніемъ велось и все воспитаніе и образованіе великаго князя. Воспитаніе было поручено суровому и ученому моряку Ѳедору Петровичу Литке, настоящему «морскому волку», который совершилъ уже три кругосвѣтныхъ плаванія, побывалъ не разъ въ сѣверныхъ моряхъ, составилъ карту береговъ Новой Земли, Берингова моря и лежащихъ на немъ острововъ и т. д. Съ раннихъ лѣтъ великаго князя стали упражнять не только въ наукахъ, «къ морской службѣ потребныхъ», но и въ практикѣ мореплаванія [3]). Уже восьмилѣтнимъ мальчикомъ въ чинѣ мичмана онъ совершилъ первое морское плаваніе на военномъ суднѣ «Геркулесъ». Когда ему исполнилось 17 лѣтъ, онъ былъ назначенъ уже командиромъ брига «Улиссъ», на которомъ и крейсировалъ около Красной Горки. Въ томъ же году онъ совершилъ первое большое плаваніе изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Слѣдующій 1845 годъ весь былъ посвященъ морскимъ экспедиціямъ: отправившись изъ Николаева, великій князь проѣхалъ морями вдоль всей Европы. Въ 1847 году великій князь уже въ чинѣ капитана 1-го ранга командовалъ фрегатомъ «Паллада», на которомъ совершилъ двѣ морскихъ экспедиціи въ этомъ и слѣдующемъ году. Общее образованіе великаго князя ограничивалось самымъ необходимымъ — языками, русскою и всеобщею исторіею, статистикою и законовѣдѣніемъ. Послѣднія науки преподавалъ великому князю статсъ-секретарь баронъ М. А. Корфъ. Но императоръ Николай рекомендовалъ Корфу «долго не останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ», находя,

---

[1]) *Н. Шильдеръ*, Императоръ Николай I, т. II, стр. 64, 66, 113, прим. 77.
[2]) „Русская Старина“ 1892 г., февраль, стр. VI, VII. [3]) *В. П. Безобразовъ*, Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке, стр. I — XVIII (приложеніе 2-е къ LVII тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ).

что «лучшая теорія права—добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимой отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ религію» [1]).

Но и спеціальная, хорошо поставленная школа, очевидно, можетъ сдѣлать не меньше, чѣмъ общеобразовательная. Великій князь Константинъ Николаевичъ изъ школы ученаго моряка вышелъ не только знающимъ свое дѣло, но и развитымъ юношею, съ привычкою къ серьезному и упорному труду, съ умѣньемъ работать, въ наименьшее время достигать наибольшихъ результатовъ. И отецъ, и воспитатель остались очень довольны его успѣхами, обнаруженными имъ на окончательномъ экзаменѣ. Литке писалъ по этому поводу: «успѣхи, оказанные великимъ княземъ по всѣмъ предметамъ, которые, конечно, въ значительной степени должны быть отнесены насчетъ необыкновенныхъ его способностей, доказываютъ, что когда вниманіе учителя посвящено нераздѣльно одному ученику, то четырехъ полныхъ часовъ занятій учителя съ учениками совершенно достаточно». Одною изъ самыхъ положительныхъ сторонъ въ образованіи великаго князя было то, что пріобрѣтаемыя теоретическія познанія ему приходилось постоянно прилагать къ дѣлу. Это должно было воспитать въ немъ уваженіе къ наукѣ и знанію, вѣру въ ихъ силу, въ просвѣщеніе вообще. Въ общемъ все-таки приходится признать, что великій князь изъ школы Литке вышелъ не столько широко образованнымъ, сколько умственно сильнымъ человѣкомъ. Но эта сила ума замѣнила ему въ дальнѣйшемъ общее образованіе. Благодаря ей великій князь оказался способнымъ учиться на самомъ дѣлѣ, которое на него возлагалось, брать уроки отъ самой жизни и слѣдовать ея указаніямъ. Взирая на окружающую дѣйствительность безъ всякихъ предвзятыхъ идей, великій князь при всемъ томъ оказался въ состояніи замѣчать въ ней то, что неясно было для другихъ, доходить до корней и первопричинъ существующихъ золъ и нестроеній.

Повидимому, гораздо ранѣе своего брата великій князь созналъ одну изъ этихъ первопричинъ—крѣпостное право. Уже въ апрѣлѣ 1855 года въ разговорѣ объ инвентаряхъ, вводившихся въ Юго-западномъ краѣ, великій князь говорилъ: «вѣдь это подготовляетъ волю; дай Богъ кончить войну, а потомъ начнемъ другое дѣло». Великій князь уже въ 1856 году былъ извѣстенъ какъ убѣжденный сторонникъ отмѣны крѣпостного права. Въ немъ уже видѣли твердую нравственную опору, способную «придать съ самаго

---

[1]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв., стр. 305—308.

начала твердость идеямъ и убѣжденіямъ, еще столь колеблющимся» (изъ письма Н. А. Милютина къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ). Въ литературѣ ставился вопросъ о духовныхъ вліяніяхъ на великаго князя, подготовившихъ изъ него прогрессивнаго дѣятеля Александровскаго царствованія. Указывали на вліяніе Жуковскаго, который въ своихъ письмахъ внушалъ великому князю, что «ничего не можетъ быть выше на землѣ, какъ царь или сынъ царя, достойный имени человѣка», что «движеніе — святое дѣло: все въ Божьемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не должно стоять», и т. д. Указывали затѣмъ на вліяніе великой княгини Елены Павловны, на дружбу съ просвѣщеннымъ и либеральнымъ А. В. Головнинымъ [1]). Не отрицая возможныхъ вліяній на великаго князя со стороны отдѣльныхъ лицъ, приходится все-таки признать въ Константинѣ Николаевичѣ либерала-самородка по преимуществу, доходившаго до извѣстныхъ истинъ собственнымъ умомъ и опытомъ. Либерализмъ великаго князя былъ чуждъ всякой сантиментальности и навѣяннаго извнѣ идеализма, производилъ всегда впечатлѣніе органически и самостоятельно развивавшагося убѣжденія.

Въ этомъ отношеніи великаго князя какъ нельзя лучше характеризуетъ письмо его, которое онъ написалъ князю А. И. Барятинскому въ 1857 году, въ то самое время, когда началъ работать по крестьянскому дѣлу. Въ это время онъ управлялъ уже морскимъ вѣдомствомъ на правахъ министра. На долю его выпала тяжелая и отвѣтственная задача возсозданія русскаго флота послѣ крымскаго погрома и притомъ въ такое время, когда техническія изобрѣтенія и усовершенствованія въ области кораблестроенія быстро слѣдовали одно за другимъ, когда суда съ винтовыми двигателями замѣняли колесные пароходы, желѣзныя и обшитыя броней суда— деревянныя. Кое-что наспѣхъ великому князю удалось сдѣлать по этой части еще во время войны и отчасти непосредственно по окончаніи ея. Но побывавъ въ 1857 году за границею и ознакомившись съ гигантскими флотами Англіи и Франціи, великій князь писалъ Барятинскому: «Я теперь не что иное, какъ генералъ-адмиралъ безъ флота... Мнѣ предоставлено довѣріемъ государя создать Россіи флотъ, ибо у насъ нѣтъ флота». Но констатировавъ это, великій князь вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ: «Состояніе нашихъ финансовъ, которое въ высшей степени затруднительно, побуждаетъ неотлагательно сократить по всѣмъ вѣдомствамъ всѣ расходы, безъ которыхъ можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными

---

[1]) *Джаншіевъ,* Эпоха великихъ реформъ, изд. 10-е, стр. 623—624; *Павловъ-Сильванскій,* op. cit., стр. 309.

надеждами на будущее, для того чтобы выйти изъ настоящаго положенія. Положеніе это становится тѣмъ важнѣе, что теперь явились съ новою силою и требуютъ скорѣйшаго рѣшенія другіе важные жизненные вопросы внутренней администраціи нашей, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобы народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу, чтобы приказанія правительства исполнялись и чтобы высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣзаконнымъ средствамъ. Въ то же время необходимо изыскать новые и притомъ колоссальные источники народнаго богатства, дабы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ другими государствами: ибо мы не можемъ долѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и что притомъ бѣднѣе не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи». По всѣмъ этимъ соображеніямъ великій князь ставитъ себѣ и своему корреспонденту такую жизненную задачу: «первая обязанность наша должна состоять въ томъ, чтобы отбросить всякое личное славолюбіе и сказать, что наша жизнь должна пройти въ скромномъ, неблестящемъ трудѣ, не въ подвигахъ, которые могли бы въ настоящемъ возвысить наше имя, но въ работѣ для будущаго, чтобы дѣти наши получили плоды съ той земли, которую мы, при благословеніи Божіемъ, можемъ вспахать, удобрить и засѣять. Посему не о морскихъ побѣдахъ и не о завоеваніяхъ на Кавказѣ и сопредѣльныхъ странахъ слѣдуетъ думать, не о созданіи вдругъ большого числа судовъ при большихъ пожертвованіяхъ и не о содержаніи на Кавказѣ многочисленной арміи, на которую мы рѣшительно не имѣемъ достаточныхъ средствъ, но о томъ, чтобы безпрерывными плаваніями небольшого числа хорошихъ судовъ приготовить цѣлое поколѣніе будущихъ опытныхъ и страстныхъ моряковъ, и о томъ, чтобы усовершенствованіемъ внутренняго управленія вводить на Кавказѣ порядокъ и довольство, не издерживая на то большихъ суммъ» [1]. Въ этомъ письмѣ начертана чуть не вся программа будущей государственной дѣятельности великаго князя. Но на чемъ она построена? Не на какихъ-либо теоретическихъ, книжныхъ предпосылкахъ, а на простыхъ жизненныхъ наблюденіяхъ надъ печальнымъ внутреннимъ состояніемъ Россіи, ея экономическою и культурною отсталостью. Органичностью взглядовъ великаго князя въ связи съ его пылкимъ темпераментомъ, который не преодолѣло даже суровое воспитаніе Литке,

[1] „Русскій Архивъ", 1889 г., кн. 1, стр. 130, 131.

объясняется и та настойчивость и напористость, съ которыми онъ добивался осуществленія того, что считалъ полезнымъ и правильнымъ.

Первымъ либеральнымъ шагомъ великаго князя былъ, какъ извѣстно, знаменитый приказъ его, изданный немедленно по вступленіи въ управленіе морскимъ министерствомъ, противъ лжи, укоренившейся во всѣхъ офиціальныхъ отчетахъ и рапортахъ. На эту офиціальную ложь, какъ на одну изъ причинъ постигшаго Россію краха, было указано въ появившейся тогда запискѣ Валуева «Дума русскаго». «Взгляните на годовые отчеты,—писалъ Валуевъ,—вездѣ сдѣлано всевозможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно должный порядокъ; взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды, и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль». Великій князь со всею этою офиціальною ложью успѣлъ уже достаточно ознакомиться, состоя въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія членомъ адмиралтействъ-совѣта и помощникомъ начальника морского штаба, управлявшаго тогда по положенію морскимъ министерствомъ. Выписавъ въ своемъ приказѣ «правдивыя слова» Валуева, великій князь категорически потребовалъ отъ подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ, чтобы они въ своихъ отчетахъ представляли «не похвалу, а истину, и въ особенности глубоко обдуманное изложеніе недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ» [1]). Этотъ приказъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе и сильно не понравился министрамъ и всѣмъ подающимъ отчеты [2]). Независимо отъ этого приказа великій князь въ особой циркулярной запискѣ изъявилъ желаніе видѣть въ «Морскомъ Сборникѣ» «рядъ нравственно-философическихъ разсужденій, написанныхъ весьма смѣло и сильно, доступнымъ для каждаго языкомъ, съ цѣлью, съ одной стороны, опорочить тѣ недостатки, которые мы принуждены сознавать между морскими офицерами и чиновниками, и которые должны быть заклеймены общественнымъ осмѣяніемъ, а съ другой стороны — указать и растолковать, какъ слѣдуетъ понимать нѣкоторые предметы и отношенія». За подобныя статьи, «которыя были бы написаны съ талантомъ и произвели нравственное впечатлѣніе», великій князь обѣщался вознаграждать «самымъ щедрымъ образомъ» [3]). Но такъ какъ дѣятельность великаго князя скоро вышла изъ тѣсныхъ ра-

---

1) „Русская Старина" 1891 г., май, стр. 395. 2) Записки и дневникъ Никитенка, т. 1, стр. 467, 468. Спб., 1904 г. 3) „Русская Старина" 1891 г., май, стр. 360.

мокъ морского вѣдомства, то и «Морской Сборникъ» получилъ гораздо большее значеніе, явился органомъ исправленія нравовъ и понятій не одного только морского, но и всѣхъ вѣдомствъ вообще. Такъ, въ немъ печатались знаменитые «Вопросы жизни» Пирогова, за нѣсколько лѣтъ до судебной реформы обсуждалось подробно французское судебное устройство и т. д. «Морской Сборникъ» по импульсу и подъ санкціею великаго князя Константина превратился въ живой органъ, разрабатывавшій самые существенные и жгучіе общественные вопросы, и получилъ огромную популярность и широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ. Авторитетный починъ великаго князя оживилъ и независимые органы печати. «Газеты наши,—писалъ въ своемъ дневникѣ П. А. Валуевъ,—живутъ только перепечатками изъ «Морского Сборника» [1]). «Современникъ» и другіе журналы въ Петербургѣ, «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда» въ Москвѣ поспѣшили воспользоваться даннымъ свыше поощреніемъ и разрѣшеніемъ и принялись обсуждать ставшіе на очередь вопросы русской жизни. Въ настоящее время достаточно уже разъяснено, что эти вопросы обсуждались въ печати слишкомъ отвлеченно и что русская публицистика этого времени оказала сравнительно малое вліяніе на предпринятыя тогда реформы по существу. Но во всякомъ случаѣ, вливая въ общественное сознаніе гуманныя воззрѣнія, возстановляя «забытые принципы», русская публицистика создавала общественную атмосферу, благопріятную для проведенія реформъ, для осуществленія ихъ въ жизни. Великому князю Константину принадлежитъ большая заслуга въ этомъ дѣлѣ: онъ первый вспрыснулъ живою водою русскую публицистику, дремавшую такъ долго въ заколдованномъ николаевскимъ режимомъ русскомъ царствѣ.

Но это было только начало, прелюдія къ главной роли, которую пришлось сыграть великому князю Константину Николаевичу въ великихъ реформахъ своего брата и прежде всего въ ликвидаціи крѣпостного права.

30 марта 1856 года, послѣ сомнѣній и колебаній, произнесено было наконецъ императоромъ Александромъ II великое слово «уничтоженія крѣпостного права». Принимая въ Москвѣ мѣстныхъ предводителей дворянства и успокаивая ихъ относительно распространенія слуховъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, государь заявилъ: «Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того

---

[1]) „Русская Старина“, 1891 г., май, стр. 341.

времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу. Прошу васъ обдумать, какъ бы удобнѣе привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія». Итакъ, провозглашено было уничтоженіе крѣпостного права сверху, но вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что правительство не имѣетъ готовыхъ способовъ къ осуществленію этого дѣла; не было опредѣлено также, когда же это должно произойти. По этой части ни у самого государя, ни у окружавшихъ его дѣльцовъ не было никакихъ готовыхъ мнѣній. Самое большее, до чего доходила тогда мысль сторонниковъ реформъ, это было убѣжденіе, что, начавъ дѣло освобожденія, «нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро идти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины, а прежде всего надо начертать планъ постепенныхъ дѣйствій правительства, въ руководство поставленнымъ отъ него властямъ» [1]). Такъ представлялъ государю вновь назначенный имъ министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской. Но среди близкихъ къ государю лицъ было немало и такихъ, которыя не прочь были пріостановиться и какъ можно подольше оттянуть начинающуюся ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Бывшій членъ редакціонныхъ комиссій П. П. Семеновъ, характеризуя этотъ моментъ въ исторіи освобожденія, говоритъ: «Недовѣрчиво и, можно сказать, несочувственно къ предстоявшему и еще совершенно невыяснившемуся великому дѣлу относилось большинство сановниковъ какъ присутствовавшихъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и непосредственно окружавшихъ государя» [2]). Все это и не замедлило отразиться на первоначальномъ ходѣ крестьянской реформы.

Только черезъ девять мѣсяцевъ послѣ рѣчи государя въ Москвѣ приступлено было къ обсужденію крестьянскаго вопроса, да и то по импульсу извнѣ. Великая княгиня Елена Павловна обратилась съ запросомъ относительно основаній, на которыхъ она могла бы устроить бытъ принадлежащихъ ей крѣпостныхъ въ Полтавской губерніи; кромѣ того представлено было довольно много проектовъ частными лицами. Поэтому по докладу Ланского рѣшено было составить негласный комитетъ по образцу тѣхъ, которые засѣдали при императорѣ Николаѣ. Комитетъ открылся 3 января 1857 года. Хотя всѣ члены его, за исключеніемъ князя Гагарина, признали своевременнымъ заняться крестьянскимъ дѣломъ, но особой охоты и ревности при этомъ не обнаружили. Прежде всего, несмотря на

[1]) Записки сенатора Я. А. Соловьева „Русская, Старина" 1881 г., февраль, стр. 228, 229. [2]) „Русская Старина" 1892 г., мартъ, стр. 813.

свою малочисленность (десять лицъ), они нашли невозможнымъ разсматривать въ общемъ присутствіи матеріалы по крестьянскому дѣлу и поспѣшили свалить эту работу на особую комиссію изъ генералъ-адъютанта Ростовцева, барона Корфа и кн. Гагарина. Ростовцевъ и баронъ Корфъ въ свою очередь пытались отдѣлаться отъ возложенной на нихъ тяготы, стали даже отказываться отъ участія въ комитетѣ, ссылаясь—первый на совершенное свое незнаніе крестьянскаго быта, а второй на то, что, не имѣя помѣстій въ русскихъ губерніяхъ, онъ не можетъ судить о ихъ нуждахъ. Только категорически выраженная воля государя заставила ихъ остаться членами комитета и исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Ростовцевъ, Корфъ и кн. Гагаринъ занялись разсмотрѣніемъ переданныхъ имъ проектовъ освобожденія, коихъ набралось болѣе ста. Въ этомъ разсмотрѣніи прошла почти вся зима 1857 года. Когда же они представили наконецъ всѣ работы и заключенія, то между ними обнаружилось такое разногласіе во взглядахъ, что ничего общаго нельзя было составить, и потому вмѣсто одной были внесены въ общее присутствіе комитета три записки. «Комитетъ,—пишетъ современникъ (Д. П. Хрущевъ, авторъ изданныхъ въ 1860 году «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія»),—не зналъ, что дѣлать, да и большой охоты не имѣлъ спѣшить, а потому положилъ передать записки трехъ членовъ прочимъ членамъ для прочтенія и соображенія, съ тѣмъ, чтобы когда всѣ члены прочтутъ, то вновь собраться и разсудить». Они не удосужились сдѣлать этого до самаго отъѣзда государя за границу, весною 1857 года. «Во время отсутствія государя,—пишетъ этотъ же современникъ,—комитетъ почти ничего не дѣлалъ или занимался второстепенными вопросами, относящимися болѣе до ограниченія нѣкоторыхъ изъ существующихъ правъ помѣщиковъ» [1]). Видимо, комитетъ старался перегнуть вопросъ въ сторону «улучшенія быта», а не освобожденія крестьянъ.

Между тѣмъ во время пребыванія за границею императоръ Александръ II подвергся новому приливу рѣшимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ. По ходившимъ въ это время слухамъ, на него повліяли бесѣды съ прусскимъ королемъ, великою княгинею Еленою Павловною, извѣстнымъ барономъ Гакстгаузеномъ, много знавшимъ и писавшимъ о Россіи, и нѣкоторыми другими лицами. Недовольный бездѣйствіемъ комитета Александръ поспѣшилъ по-

---

[1]) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II, т. I, стр. 121—127. Берлинъ, 1860.

садить въ него своего энергичнаго брата Константина Николаевича [1]).

Константинъ Николаевичъ вступалъ въ комитетъ съ однимъ только сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ и большею, чѣмъ у брата, рѣшимостью во что бы то ни стало это сдѣлать. Эту рѣшимость онъ проявилъ въ томъ, что еще прежде открытія негласнаго комитета по крестьянскому дѣлу онъ у себя въ вѣдомствѣ учредилъ комитетъ для разработки вопроса объ отпускѣ на волю охтенскихъ крестьянъ, приписанныхъ къ петербургскому адмиралтейству. Въ этомъ отношеніи онъ опередилъ своего брата—императора, но такъ же, какъ и Александръ II, онъ не выработалъ еще себѣ опредѣленныхъ мнѣній о томъ, на какихъ основаніяхъ должно быть произведено освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ быта. Поэтому въ комитетѣ онъ примкнулъ къ той программѣ, которая была внесена Ланскимъ еще 26 іюля, и съ жаромъ сталъ защищать ее, какъ наилучшую. Въ комитетѣ подъ его вліяніемъ сталъ было слагаться такой планъ дѣйствій. Предполагалось дать на имя министра внутреннихъ дѣлъ рескриптъ съ выраженіемъ рѣшительной воли государя покончить крестьянское дѣло, но при содѣйствіи и участіи дворянства, и съ точнымъ указаніемъ началъ, на которыхъ правительство считаетъ возможнымъ и справедливымъ устроить крестьянское дѣло; одновременно съ тѣмъ особымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ пригласить предводителей дворянства обсудить и развить эти начала въ частныхъ совѣщаніяхъ съ опытнѣйшими помѣщиками въ теченіе извѣстнаго срока. Главныя начала приняты слѣдующія: 1) крестьяне освобождаются черезъ десять лѣтъ послѣ изданія новаго положенія; 2) въ теченіе этого переходнаго времени они получаютъ усадебную землю, огородъ, коноплянникъ и выгонъ въ полную личную собственность, съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ помѣщикамъ, которое должно быть опредѣлено положеніемъ (въ это вознагражденіе предполагалось ввести замаскированно и выкупъ личности крестьянъ); 3) въ теченіе этого же переходнаго времени часть пахотной земли помѣщика оставляется во временномъ владѣніи крестьянъ на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены положеніемъ, т.-е. за оброкъ или барщину, а по прошествіи 10 лѣтъ вся пахотная земля отходитъ уже въ распоряженіе помѣщика, и крестьяне могутъ пользоваться ею по добровольнымъ условіямъ съ помѣщикомъ. По обсужденіи лучшаго способа примѣненія этихъ началъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ предводители должны были представить свои соображенія министру внутреннихъ дѣлъ. Министръ

[1]) Записки Соловьева, „Русская Старина“ 1881, февраль, стр. 240—241.

долженъ былъ изъ всѣхъ нихъ составить новое положеніе и внести его въ государственный совѣтъ для обсужденія и утвержденія государя [1]). Эта программа содержала крайне неудовлетворительное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, ибо, давая крестьянамъ волю, она оставляла ихъ въ экономической зависимости отъ помѣщиковъ. За неимѣніемъ лучшей великій князь Константинъ горячо отстаивалъ и эту программу. Но крѣпостники, свернувъ вопросъ на время и условія осуществленія этой программы, сумѣли и на этотъ разъ затормозить дѣло. Послѣ бурныхъ засѣданій 14, 17 и 18 августа комитетъ принялъ такой неопредѣленный планъ дѣйствій, который какъ будто бы и разсчитанъ былъ на то, чтобы только затемнить дѣло и отложить его осуществленіе въ долгій ящикъ. Комитетъ постановилъ: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ производить съ должною осторожностью и постепенностью и для сего исполненіе его раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, недостающихъ у комитета и безъ которыхъ невозможно составить предположенія на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ сношенія съ мѣстными властями и опытными, по его усмотрѣнію, помѣщиками, но безъ огласки. Комитетъ призналъ, что назначеніе какого-либо срока министру внутреннихъ дѣлъ для собиранія и представленія данныхъ можетъ стѣснить министра, а потому предоставлялъ исполненіе этого порученія его полному усмотрѣнію. Въ первомъ же періодѣ долженъ быть изданъ указъ о дозволеніи доворянамъ отпускать крестьянъ ихъ на волю цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ, по добровольному взаимному соглашенію съ утвержденія правительства, для чего подготовить проекты условій. Затѣмъ въ томъ же періодѣ рѣшено было представить въ государственный совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ предположено было составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Въ третьемъ періодѣ предполагалось уже окончательное устройство помѣщичьихъ крестьянъ [2]). Такимъ образомъ,— говоритъ Хрущевъ, «правительство въ сущности откладывало рѣшеніе крестьянскаго вопроса на неопредѣленное время, т.-е. до полученія какихъ-то многочисленныхъ свѣдѣній, на собраніе коихъ даже не назначалось срока» [3]). Но государь былъ радъ тому,

[1]) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія, т. I, стр. 128—130.
[2]) Тамъ же, стр. 131, 132. [3]) Тамъ же, стр. 133.

что положено было хоть какое-нибудь начало дѣлу, и на журналѣ комитета начерталъ: «Исполнить. Относительно же разногласія раздѣляю мнѣнія большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желанному результату. Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса» [1]). Но ожиданія императора расходились съ желаніями комитетскаго большинства. «Послѣ утвержденія журнала 18 августа,—пишетъ А. И. Левшинъ,—многіе изъ участниковъ въ составленіи его ласкали себя надеждою, что дѣло уснетъ [2]).

Такъ неудаченъ былъ первый дебютъ великаго князя Константина Николаевича въ крестьянскомъ вопросѣ. Но нѣтъ худа безъ добра. Неудача оказалась полезною въ томъ отношеніи, что близко познакомила великаго князя съ настроеніемъ сановныхъ дѣльцовъ, окружавшихъ престолъ, и заставила его искать другихъ путей въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса помимо секретныхъ комитетовъ изъ высшихъ сановниковъ государства. Благопріятный къ тому случай скоро представился.

Въ концѣ октября 1857 года пріѣхалъ въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ съ докладомъ о результатахъ своихъ переговоровъ съ литовскими дворянами по вопросу объ упраздненіи крѣпостного права (ему поручено было это дѣло еще въ 1856 году, послѣ коронаціи). Литовскіе дворяне соглашались освободить своихъ крестьянъ, но безъ земли. Въ комитетѣ три субботы подъ рядъ обсуждали заявленіе литовскихъ дворянъ, но не приходили ни къ какимъ заключеніямъ. Императоръ, недовольный какъ самымъ заявленіемъ литовскихъ дворянъ по существу, такъ и медленностью комитета, приказалъ Ланскому въ три дня составить проектъ рескрипта Назимову, при чемъ положить въ основу его начала, содержащіяся въ его запискѣ, поданной въ комитетъ 26 іюля. «О журналѣ 18 августа,—пишетъ Д. П. Хрущевъ [3]),—какъ будто забыли. Какая-то невѣдомая, таинственная сила толкала дѣло въ другую сторону, на новые невѣдомые пути». Такъ появился знаменитый рескриптъ 20 ноября 1857 года, въ которомъ предписывалось литовскимъ дворянамъ въ особыхъ комитетахъ приступить къ составленію проекта освобожденія крестьянъ съ предоставленіемъ имъ усадебной осѣдлости въ собственность

---

[1]) На зарѣ крестьянской свободы, „Русская Старина“ 1897, декабрь, стр. 451. [2]) Достопамятныя минуты моей жизни, „Русскій Архивъ“ 1885, № 8, стр. 523. [3]) „Русская Старина“, 1881, февраль, стр. 233, 234, прим.

за выкупъ и опредѣленнаго количества земли въ пользованіе «для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ». «Но таинственныя силы, присутствовавшія при составленіи и подписаніи рескрипта на имя генералъ-адъютанта Назимова,—пишетъ тотъ же современникъ,—не остановились на этомъ первомъ шагѣ. Вдругъ родилась мысль сообщить объ этомъ событіи во всѣ губерніи для свѣдѣнія и возбужденія дворянства. Кажется, мысль эта принадлежитъ великому князю Константину Николаевичу. Многіе изъ членовъ не соглашались, совѣтовали идти постепенно, выждать результатовъ виленскаго рескрипта. Но таинственная сила превозмогла, и рѣшено написать циркуляръ» [1]). Рескриптъ Назимову и сопровождавшее его секретное отношеніе Ланского были напечатаны и 24 ноября были разосланы губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства «для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе». Разсылка копій рескрипта Назимову отрѣзала уже всякіе пути къ отступленію въ крестьянскомъ дѣлѣ. Жребій былъ дѣйствительно брошенъ! «Подписывая циркуляръ 24 ноября, вспомнили, что петербургское дворянство когда-то (еще въ 1851 году) хотѣло опредѣлить повинности крестьянъ» [2]). И вотъ какъ бы въ отвѣтъ на это ходатайство 6 декабря посланы были и петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву Высочайшій рескриптъ и отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, аналогичное съ циркуляромъ и отношеніемъ Назимову. Копіи съ рескрипта Игнатьеву и съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ были также разосланы во всѣ губерніи 8 декабря.

Такъ крестьянскій вопросъ вступалъ въ новый фазисъ гласнаго обсужденія съ участіемъ общественныхъ силъ. Великій князь всѣми мѣрами старался толкнуть дѣло именно на этотъ путь. «Когда получены были,—говоритъ П. П. Семеновъ,—ходатайства объ учрежденіи комитетовъ изъ многихъ губерній, пылкій и преданный всею душой дѣлу освобожденія крестьянъ великій князь настаивалъ на томъ, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дворянство еще медлило своими ходатайствами, комитеты были учреждены и безъ этого ходатайства... Послѣ весьма горячихъ споровъ предложеніе великаго князя принято не было, но, уступая настойчиво выраженному имъ мнѣнію, комитетъ согласился на преданіе всему дѣлу, и въ особенности министерскимъ циркулярамъ, полной гласности, и это удостоилось Высочайшаго утвержденія. Непосредственнымъ результа-

---

[1]) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи, т. I, стр. 154. [2]) Тамъ же, стр. 156.

томъ этой гласности было переименованіе секретнаго комитета въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу въ январѣ 1858 года и полученіе до 1-го мая того же года заявленій дворянствъ всѣхъ губерній о желаніи ихъ приступить къ освобожденію крестьянъ» [1]). По настоянію великаго князя обсужденіе крестьянскаго дѣла разрѣшено было и всѣмъ безъ исключенія журналамъ [2]). Великое негодованіе и ненависть обрушились послѣ этого на царскаго брата со стороны всѣхъ придворныхъ крѣпостниковъ, увидавшихъ теперь, что освобожденіе крестьянъ не за горами. По адресу великаго князя пущенъ былъ цѣлый рядъ сплетенъ и инсинуацій, которыя отравили ему существованіе. Между прочимъ распространили слухъ, что будто предложеніе великаго князя объ учрежденіи комитетовъ даже въ тѣхъ губерніяхъ, откуда не послѣдовало просьбъ объ этомъ, облечено было великимъ княземъ въ обидную для дворянства форму. «Единогласныя удостовѣренія С. С. Ланского и К. В. Чевкина, поддерживавшихъ мнѣніе великаго князя,—говоритъ П. П. Семеновъ—гр. Д. Н. Блудова и І. И. Ростовцева, бывшаго въ этомъ именно случаѣ самымъ рѣшительнымъ его противникомъ, категорически свидѣтельствуютъ, что великимъ княземъ никогда приписываемыя ему слова произнесены не были» [3]). Сплетни и инсинуаціи довели было великаго князя до того, что въ своихъ бесѣдахъ съ А. В. Головнинымъ передъ отъѣздомъ за границу великій князь выражалъ намѣреніе бросить всѣ дѣла и остаться только морскимъ министромъ. Въ октябрѣ 1858 года Головнинъ писалъ князю Барятинскому: «Передъ его отъѣздомъ мы имѣли съ нимъ частые и долгіе споры. Онъ крайне обезкураженъ и разбитъ всѣмъ тѣмъ, что здѣсь говорили противъ него, и не хочетъ болѣе заниматься общими государственными дѣлами, какъ, напр., финансовыми въ качествѣ перваго члена финансоваго комитета, освобожденіемъ крестьянъ, какъ членъ комитета по этому важному дѣлу, системою, которою слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніи раскольниковъ, какъ членъ раскольничьяго комитета, и т. д.». Головнинъ умолялъ князя Барятинскаго, какъ близкаго друга Константина Николаевича, «поднять бодрость великаго князя и увѣрить его, что императору недостаточны только одни его труды какъ адмирала». «Государь,—писалъ Головнинъ,—назначилъ его членомъ совѣта министровъ и различныхъ комитетовъ. Необходимо, чтобы онъ показалъ себя достойнымъ столь высокаго довѣрія, не продлилъ бы очень своего отсутствія и возвращался бы какъ можно скорѣе занять мѣсто,

---

[1]) „Русская Старина“ 1892, мартъ, стр. 815. 815. [2]) „Русскій Архивъ“ 1885, № 8, стр. 540 (свидѣтельство Левшина). [3]) „Русская Старина“ 1892, мартъ, № 815, 816.

назначенное ему августѣйшею волею брата, который его любитъ и уважаетъ. Интриганы преувеличили слухи всеобщаго неудовольствія противъ него. Нужно пренебречь этою молвою и продолжать идти своею дорогою» [1]). Головнинъ опасался, что отсутствіе великаго князя остановитъ «ходъ административныхъ улучшеній въ Петербургѣ», и это опасеніе раздѣляли съ нимъ и многіе другіе сторонники реформъ. Это опасеніе показываетъ, какое огромное вліяніе оказывалъ великій князь на ходъ крестьянскаго дѣла.

Тревога Головнина оказалась напрасною. Вскорѣ же онъ получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что императоръ твердо шествуетъ по пути прогресса и въ отсутствіе брата не мѣняетъ системы, хотя въ общемъ дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ того желали бы многіе» [2]). И самъ Константинъ Николаевичъ по возвращеніи въ Петербургъ съ прежнимъ рвеніемъ принялся работать по крестьянскому дѣлу. Въ то время съ легкой руки Я. И. Ростовцева вырабатывались уже иныя основанія для будущаго устройства крестьянъ, чѣмъ тѣ, которыя были опубликованы въ рескриптахъ 20 ноября и 5 декабря 1857 года. Выдвинуты были вопросы о надѣленіи крестьянъ пахотною землею и объ устройствѣ ихъ мірского управленія независимо отъ вотчинной власти помѣщика. Великій князь, нѣкогда примкнувшій къ программѣ Ланского, теперь сталъ на сторону программы Ростовцева, болѣе удовлетворительно рѣшавшей крестьянскій вопросъ [3]). Послѣ слабой попытки установленія новыхъ началъ въ засѣданіи комитета 26 октября Ланской и Ростовцевъ внесли нѣкоторыя предположенія по этому вопросу, а великому князю удалось достигнуть ихъ соглашенія и сліянія въ оживленномъ засѣданіи 4-го декабря 1858 года. Выработаны были 12 положеній, которыя и должны были служить руководящими началами при составленіи положенія о крестьянахъ [4]). Такъ и въ этомъ новомъ и чрезвычайно важномъ поворотѣ крестьянскаго вопроса великому князю Константину Николаевичу принадлежала значительная роль. Не онъ внесъ улучшенія въ постановку крестьянскаго вопроса, но онъ легче и скорѣе другихъ усвоилъ эти улучшенія, обнялъ ихъ своимъ умомъ и двинулъ ихъ къ осуществленію своимъ тактомъ и волею.

Съ открытіемъ въ мартѣ 1859 года редакціонныхъ комиссій дѣятельность главнаго комитета почти прекратилась. Но великій князь не терялъ времени. Съ неослабнымъ вліяніемъ слѣдилъ онъ

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1889, кн. 1, стр. 337. [2]) Тамъ же стр. 338. [3]) Свидѣтельство Я. И. Ростовцева. *Н. П. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, т. II, стр. 630. [4]) „Русская Старина“ 1892, мартъ, стр. 817. *Н. П. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, т. I, стр. 81, 82.

за ходомъ работъ комиссій, за постепеннымъ развитіемъ законопроекта, «при дѣятельномъ содѣйствіи А. В. Головнина, который, будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ большинства выдающихся членовъ комиссій, всегда зналъ, что въ нихъ происходитъ, и служилъ, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ С. М. Жуковскимъ, живою связью между великимъ княземъ и комиссіями». О всѣхъ опасностяхъ, тревогахъ и затрудненіяхъ сообщалось великому князю, и отъ него приходили одобренія, обѣщанія защиты, совѣты и предостереженія [1]). Даже находясь за границей, великій князь обмѣнивался письмами съ Ростовцевымъ, который частнымъ образомъ докладывалъ эти письма своимъ сотрудникамъ, считая ихъ какъ бы достояніемъ комиссій [2]). Такимъ образомъ великій князь былъ какъ бы негласнымъ членомъ комиссій. Этимъ объясняютъ тотъ фактъ, что когда въ самый разгаръ этихъ работъ умеръ предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ, «многіе, по словамъ П. П. Семенова, полагали, что на великаго князя будетъ возложено это предсѣдательство». Эти ожиданія не оправдались лишь потому, что государь зналъ на этотъ счетъ мнѣніе умиравшаго Ростовцева, который «возлагалъ всѣ свои надежды на великаго князя Константина Николаевича, какъ на желаннаго предсѣдателя главнаго комитета, но находилъ невозможнымъ назначеніе его предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, такъ какъ такое назначеніе обрушило бы на голову члена императорской фамиліи всѣ тѣ чувства вражды, злобы и всѣ тѣ клеветы и нареканія», которыя падали на самого Ростовцева. Но и въ своей негласной роли великій князь удержалъ авторитетное и руководящее положеніе. Новый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій графъ Викторъ Николаевичъ Панинъ, назначеніе котораго, по свидѣтельству Никитенка,—«поразило какъ громомъ всѣхъ друзей свободы и улучшеній» и непомѣрно обрадовало крѣпостниковъ, счелъ своимъ первымъ долгомъ явиться къ великому князю Константину, «какъ къ государственному мужу, особенно занимавшемуся крестьянскимъ вопросомъ», и засвидѣтельствовать ему, что хотя у него, Панина, и есть свои убѣжденія на этотъ счетъ, «свое политическое credo, но по долгу вѣрноподданнической присяги онъ считаетъ долгомъ приводить въ исполненіе взгляды государя» [3]). Все, значитъ, зависѣло отъ него, чтобы эти взгляды,—а это были взгляды Я. И. Ростовцева,—не измѣнились. Великій князь взялъ на себя заботу объ этомъ, и потому, когда

---

1) Свидѣтельство П. П. Семенова въ „Русской Старинѣ" 1892, мартъ, стр. 817.
2) *Н. П. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, т. I, стр. 238. 3) „Русская Старина" 1891, октябрь, стр. 149, 150 (Дневникъ П. А. Валуева).

многіе члены редакціонныхъ комиссій послѣ назначенія предсѣдателемъ Панина хотѣли уходить, великій князь черезъ Петра Семенова просилъ ихъ не дѣлать этого, «такъ какъ государь очень твердъ въ своемъ намѣреніи довести трудъ до конца и очень хорошо знаетъ, въ чемъ сущность дѣла» [1]). Это было не простое удостовѣреніе факта, но и завѣреніе относительно будущаго, извѣстное нравственное обязательство великаго князя передъ членами комиссій.

Великій князь свято исполнилъ это обязательство. Когда выработанное редакціонными комиссіями положеніе о крестьянахъ поступило 10 октября 1860 года въ главный комитетъ, великій князь, назначенный его предсѣдателемъ на мѣсто разбитаго параличомъ кн. А. Ѳ. Орлова, поставилъ себѣ задачею провести проекты редакціонныхъ комиссій по возможности безъ всякихъ измѣненій. Дѣло это было чрезвычайно трудное. По самому главному вопросу—поземельному устройству крестьянъ мнѣнія въ комитетѣ раздѣлились. За проектъ редакціонныхъ комиссій, кромѣ великаго князя, стояло только три члена: С. С. Ланской, К. В. Чевкинъ и гр. Д. Н. Блудовъ. Меньшинство изъ трехъ членовъ съ министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевымъ во главѣ не соглашалось на предоставленіе крестьянамъ надѣловъ въ проектированныхъ комиссіями нормахъ и предлагало—опредѣленіе указныхъ надѣловъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ, а также повинностей за нихъ, да и вообще установленіе всѣхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами предоставить губернскимъ учрежденіямъ. Еще дальше шло мнѣніе двухъ членовъ, кн. П. П. Гагарина и В. Ѳ. Адлерберга, которые, устраняя уже весь проектъ редакціонныхъ комиссій, для улучшенія быта крестьянъ допускали только предоставленіе имъ дарственнаго надѣла въ размѣрѣ не болѣе одной десятины на душу. Наконецъ, графъ Панинъ, принимая проектъ редакціонныхъ комиссій, расходился съ нимъ на нѣкоторыхъ пунктахъ высокой важности, между прочимъ на цифрахъ высшихъ надѣловъ и въ вопросѣ о вотчинной полиціи помѣщиковъ, которую онъ предлагалъ сохранить [2]). Великій князь, основательно изучившій законопроектъ комиссій и всѣ мотивы, которыми руководились его составители, энергично выступилъ на его защиту. Горячо и ясно онъ доказывалъ, что при осуществленіи предположеній М. Н. Муравьева у крестьянъ будетъ отобрана большая половина обезпечивавшихъ ихъ бытъ при крѣпостномъ правѣ надѣловъ; при осуществленіи предложенія князя

---

1) *Н. П. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, т. II, стр. 694, 695.
2) *Н. П. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, т. III, ч. 2, стр. 763.

Гагарина и В. Ѳ. Адлерберга крестьяне лишатся трехъ четвертей этихъ надѣловъ и такимъ образомъ бытъ ихъ не будетъ улучшенъ; при осуществленіи предположеній гр. Панина у крестьянъ отойдетъ треть ихъ надѣловъ. Но всѣ три меньшинства остались при своихъ мнѣніяхъ. Была опасность, что всѣ эти три мнѣнія соединятся въ одно большинство. Въ этомъ направленіи работалъ М. Н. Муравьевъ, пользуясь сильною непріязнью графа Панина и кн. Гагарина къ редакціоннымъ комиссіямъ [1]). Тогда государь поручилъ великому князю, не насилуя убѣжденій графа Панина, уговорить его присоединиться къ большинству, образовавшемуся вокругъ предсѣдателя. Полагая, что изъ членовъ редакціонныхъ комиссій больше другихъ могъ убѣдить графа Петръ Семеновъ, великій князь пригласилъ ихъ обоихъ на совѣщаніе, продолжавшееся цѣлый вечеръ 11 декабря. Графъ Панинъ согласился присоединиться къ большинству, если ему будутъ сдѣланы нѣкоторыя уступки въ размѣрахъ высшихъ надѣловъ. Уступки были сдѣланы въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ на другой день у самого Панина, и такимъ путемъ обезпечено было большинство въ пять лицъ [2]). Эти хлопоты о составленіи большинства очень характерны: онѣ показываютъ, что государь Александръ II все еще продолжалъ питать решпектъ къ сановнымъ поборникамъ крѣпостной стороны, все еще побаивался черезчуръ огорчить ихъ и стремился провести реформу какъ будто бы черезъ ихъ посредство и съ ихъ добровольнаго согласія. Тутъ дѣйствовала своего рода неписанная конституція, и императоръ также боялся нарушать ее, какъ и писаные законы. Послѣ присоединенія Панина къ большинству отпалъ отъ кн. Гагарина и также присоединился къ большинству В. Ѳ. Адлербергъ. Законопроектъ редакціонныхъ комиссій былъ принятъ въ главномъ комитетѣ и 14 января 1861 года внесенъ въ государственный совѣтъ.

Въ государственномъ совѣтѣ благопріятное рѣшеніе подготовила необыкновенно твердая и опредѣленная рѣчь Александра II, заявившаго въ засѣданіи 28 января 1861 года, что онъ не отступитъ ни въ какомъ случаѣ ни отъ одного изъ тѣхъ положеній, которыя были изложены въ посмертной запискѣ Я. И. Ростовцева и которыя составляютъ все существо труда редакціонныхъ комиссій [3]). Самъ по себѣ мнительный и нерѣшительный Александръ II по временамъ, когда его раздражала оппозиція, обнаруживалъ твер-

---

[1]) „Русская Старина" 1892, мартъ, стр. 819, 820. [2]) *Н. П. Семеновъ*, „Освобожденіе крестьянъ, т. III, ч. 2, стр. 763—773. [3]) „Русская Старина" 1880 г., февраль, стр. 375—379.

дость и упорство въ своихъ взглядахъ. Его рѣчь вызвали и подготовили ходившіе въ то время слухи о томъ, что въ государственномъ совѣтѣ уже составилась большая, изъ 55-ти членовъ, оппозиція законопроекту [1]). Однако и тутъ великому князю пришлось употребить нѣкоторыя усилія, чтобы привести дѣло къ благополучному концу, пришлось пойти на нѣкоторые компромиссы. Самою существенною уступкою было принятіе предложенія кн. П. П. Гагарина о даровомъ четвертномъ надѣлѣ. На основаніи этого постановленія помѣщикамъ предоставлено было право оканчивать по добровольному соглашенію съ крестьянами всякія обязательныя съ ними отношенія предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность безвозмездно четвертой части высшаго или въ степныхъ мѣстностяхъ указного надѣла, опредѣленнаго въ положеніяхъ. Такъ проектъ редакціонныхъ комиссій сдѣлался положеніемъ 19 февраля 1861 года.

Императоръ Александръ II оцѣнилъ по достоинству ту роль, которую сыгралъ при этомъ его братъ Константинъ Николаевичъ. Въ достопамятный день 19 февраля 1861 года онъ обратился къ великому князю съ теплымъ рескриптомъ, въ которомъ по влеченію сердца и по долгу изъявлялъ ему «живѣйшую и глубокую признательность» за точное, скорое и вполнѣ его волѣ и ожиданіямъ соотвѣтствующее окончаніе дѣла освобожденія крестьянъ. «Глубоко, тщательно, — гласилъ рескриптъ, — изучивъ все, относящееся къ важнымъ, разнообразнымъ вопросамъ, долженствовавшимъ возникнуть при обсужденіи какъ сихъ предначертанныхъ уже, такъ и могущихъ служить къ ихъ усовершенствованію мѣръ, вы съ пламеннымъ ко благу общему усердіемъ посвящали ежедневно трудамъ въ главномъ комитетѣ всѣ ваши усилія и все ваше время». — Въ этомъ заявленіи нѣтъ обычнаго въ такихъ случаяхъ преувеличенія. То же самое въ одинъ голосъ говорятъ всѣ сотрудники великаго князя и свидѣтели его дѣятельности. «Да, это былъ труженикъ государственный, — говоритъ одинъ изъ нихъ, М. И. Семевскій, — труженикъ замѣчательныхъ способностей, дѣятель, всею душою желавшій пользы и блага горячо любимой имъ Россіи».

Такимъ же труженикомъ оставался великій князь и въ дальнѣйшей своей государственной дѣятельности. «Есть множество свидѣтелей, — говоритъ М. И. Семевскій, — того непрерывнаго, большого и упорнаго труда, каковой несъ на себѣ въ государственномъ совѣтѣ великій князь Константинъ Николаевичъ: каждое, сколько-нибудь важное, дѣло изучаемо было имъ лично, нерѣдко безъ посредства

---

[1]) *Н. П. Семеновъ,* Освобожденіе крестьянъ, т. III, ч. 2, стр. 770.

докладчика; занимая председательское мѣсто,—было ли то въ главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія, въ главномъ присутствіи по воинской повинности или, наконецъ, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, — великій князь всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія со всѣмъ съ тѣмъ, что подлежало обсужденію и рѣшенію. Въ началѣ своего служенія на посту предсѣдателя государственнаго совѣта пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто проявлялись, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія, быстро усваивая суть обсуждавшихся докладовъ, личнымъ разъясненіемъ разсѣивая возникавшіе вопросы и недоумѣнія, сглаживая оттѣнки разномыслія и превосходно приводя собраніе къ единогласнымъ рѣшеніямъ. Память великаго князя была поразительна: весьма часто бывало, напр., въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, что великій князь, остановивъ докладчика, продолжалъ докладъ самъ и съ поразительною ясностью излагалъ самыя запутанныя подробности какого-либо спорнаго дѣла. Видя иногда утомленіе въ лицѣ августѣйшаго предсѣдателя, мы спрашивали близкихъ къ нему о причинахъ и узнавали, что наканунѣ, до глубокой ночи, его высочество читалъ дѣла, предназначенныя къ докладу, изучалъ ихъ, при чемъ зачастую справлялся въ нѣкоторыхъ книгахъ его обширной библіотеки» [1]).

Крестьянская реформа была, конечно, самымъ крупнымъ по своему значенію дѣломъ, въ которомъ принималъ участіе великій князь и коему онъ своимъ участіемъ оказалъ великія услуги. Но такія же услуги оказаны имъ и другимъ реформамъ Александра II, и прежде всего судебной.

Если въ дѣлѣ крестьянской реформы Константинъ Николаевичъ только предупредилъ брата, ранѣе его составилъ комитетъ по вопросу объ отпускѣ на волю крестьянъ морского вѣдомства, ранѣе его освободилъ этихъ крестьянъ (охтенскіе крестьяне были освобождены 10 апр. 1858 года), то въ дѣлѣ судебныхъ преобразованій великій князь явился уже до извѣстной степени иниціаторомъ. Но и тутъ его иниціатива чужда была вліянія готовыхъ идей; онъ созналъ зло прежде, чѣмъ зналъ, какъ его устранить, за идеями пошелъ въ Европу уже тогда, когда приступилъ къ улучшеніямъ. Вступивъ въ управленіе морскимъ министерствомъ, великій князь столкнулся съ волокитою и жестокостью, отличавшими дореформенное правосудіе. Поэтому уже въ 1855 году при аудиторіат-

---

[1]) „Русская Старина“ 1892, февраль, III, IV.

скомъ департаментѣ была образована особая комиссія для переработки правилъ о наблюденіи за скорѣйшимъ рѣшеніемъ дѣлъ и объ отчетности въ ихъ производствѣ. По представленію морского министерства состоялся рядъ высочайшихъ повелѣній (9 марта 1855 года, 4 іюня и 5 октября 1856 г., 5 мая 1858 года), коими опредѣлялось, что «лица, состоящія подъ слѣдствіемъ и судомъ, доколѣ не будутъ обвинены, не суть еще преступники и посему могутъ быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности; во всякомъ случаѣ обращеніе съ ними должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ». Но отдѣльными мѣропріятіями нельзя было, конечно, улучшить въ скорости морское судопроизводство. Поэтому въ іюлѣ 1857 года великій князь образовалъ при аудиторіатскомъ департаментѣ морского министерства особый комитетъ для составленія проекта морского суднаго устава на новыхъ, современныхъ началахъ. Для ознакомленія съ этими началами и собранія матеріаловъ за границею генералъ-аудиторъ флота П. Н. Глѣбовъ былъ командированъ во Францію. Результатомъ этой командировки былъ составленный Глѣбовымъ проектъ устава морского судоустройства и судопроизводства, въ основу которыхъ были положены дѣйствительно новыя начала: самостоятельность судей, состязательный устный процессъ, гласность уголовнаго процесса и обезпеченіе защиты обвиняемаго. Проектъ былъ напечатанъ въ 1860 году и тотчасъ же разосланъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, судебнымъ чинамъ, юристамъ, профессорамъ университетовъ. Въ слѣдующемъ году морское министерство напечатало уже два тома «отзывовъ и замѣчаній разныхъ лицъ на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ». Значеніе этого шага великаго князя было огромное. Своимъ проектомъ онъ смѣло поставилъ на очередь общую судебную реформу. Уже въ нѣкоторыхъ изъ присланныхъ отзывовъ предрекалось, что введеніе его въ дѣйствіе повлечетъ за собою коренное преобразованіе всего судоустройства и судопроизводства какъ военнаго, такъ и гражданскаго. Дѣйствительность превзошла ожиданія въ томъ смыслѣ, что проектъ оказалъ свое дѣйствіе даже раньше своего осуществленія. Къ государственной канцеляріи были прикомандированы выдающіеся юристы, которые выработали «основныя начала или положенія» для новаго судоустройства и судопроизводства, удостоившіяся 29 сентября 1862 года Высочайшаго утвержденія. Это тѣ самыя начала, которыя легли въ основаніе судебныхъ уставовъ 1864 года, одинаковыя съ началами, которыми былъ проникнутъ и проектъ морского министерства 1860 г. Самъ великій князь Константинъ Николаевичъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1880 года констатировалъ, что проектъ военно-морского

судебнаго устава 1860 года много содѣйствовалъ принятію рѣшенія подвергнуть все наше судопроизводство и судоустройство коренному преобразованію [1]).

Еще прежде, чѣмъ введенъ былъ новый судъ, 17 апрѣля 1863 года состоялась отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Константинъ Николаевичъ и въ этомъ дѣлѣ сыгралъ не послѣднюю роль. Онъ уже давно заявилъ себя противникомъ тѣлесныхъ наказаній. Его органъ «Морской Сборникъ» съ половины 50-хъ годовъ выступилъ противъ розогъ, шпицрутеновъ и кошекъ; самъ великій князь въ 1860 году издалъ строгій приказъ, запрещавшій морскимъ офицерамъ собственноручныя расправы съ матросами. Поэтому, когда кп. Н. А. Орловъ въ мартѣ 1861 года представилъ государю записку объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, великій князь въ своемъ письменномъ отзывѣ горячо поддержалъ князя Орлова и своею авторитетною аргументаціею сильно содѣйствовалъ проведенію гуманнаго закона, находившаго себѣ, однако, такихъ сильныхъ противниковъ, какъ митрополитъ Филаретъ.—Не безъ содѣйствія великаго князя Константина Николаевича измѣнилось и положеніе печати. По его распоряженію, явившемуся для своего времени смѣлымъ нововведеніемъ, въ «Морскомъ Сборникѣ» уже съ 1853 года стали публиковаться правительственныя распоряженія по морскому вѣдомству, донесенія о плаваніяхъ, извлеченія изъ годовыхъ отчетовъ и ревизій. Въ концѣ 50-хъ годовъ великій князь допустилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» гласное обсужденіе проектовъ преобразованій, задуманныхъ морскимъ министерствомъ, а затѣмъ и проектовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Выше было уже указано, что по настоянію великаго князя разрѣшено было обсуждать крестьянскую реформу всѣмъ журналамъ. «Гласное обсужденіе», «страхъ общественнаго порицанія» Константинъ Николаевичъ считалъ полезными для государственнаго дѣла и всѣхъ состоящихъ па государственной службѣ лицъ. Все это несомнѣнно подготовило почву для новаго законодательства о печати, которое осуществилось 6 апрѣля 1865 года, когда великій князь былъ уже предсѣдателемъ государственнаго совѣта.—Состоя въ этомъ званіи, а также предсѣдателемъ особаго присутствія по предварительному разсмотрѣнію устава о воинской повинности, великій князь явился поборникомъ положеннаго въ основу его принципа всеобщей воинской повинности «безъ различія званій и состояній». Его участіе въ

[1]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, op. cit., стр. 317—321. [2]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв., стр. 321, 322; *Джаншіевъ*, Эпоха великихъ реформъ, стр. 205—208.

этомъ дѣлѣ признано было государемъ, который благодарилъ его за теплое участіе въ этомъ дѣлѣ. Такое же теплое участіе проявлялъ великій князь и къ реформамъ земской и городской, хотя и не принималъ въ нихъ прямого участія, и ко всѣмъ другимъ прогрессивнымъ мѣропріятіямъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ [1]). Къ нему льнули поэтому всѣ либералы государственнаго совѣта и министерствъ, у него искали сочувствія и поддержки, и онъ сталъ какъ бы ихъ вождемъ, около котораго они группировались, подъ стягомъ котораго шли на бой.

Дѣятельность великаго князя протекала при сочувствіи не только либеральной бюрократіи, но и значительной части тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые привлекались къ разработкѣ реформъ крестьянской, судебной, земской и городовой. Неудивительно поэтому, что великій князь являлся поборникомъ постояннаго организованнаго союза между бюрократіей и обществомъ въ лицѣ его представителей въ дѣлѣ разработки законовъ и важнѣйшихъ мѣропріятій. Въ самый разгаръ реакціи, послѣ отклоненія извѣстнаго адреса московскаго дворянства, просившаго государя «довершить основанное имъ государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству» (адресъ былъ представленъ 11 января 1865 года), повидимому, уже послѣ каракозовскаго выстрѣла, великій князь Константинъ Николаевичъ входилъ къ государю съ представленіями въ такомъ же родѣ, какъ и въ адресѣ московскаго дворянства, и подавалъ ему объ этомъ докладную записку. Въ то время представленіе великаго князя не имѣло успѣха [2]). Но Александръ Николаевичъ вспомнилъ о немъ въ началѣ 1880 года, когда во всей силѣ обнаружились результаты отчужденія правительства отъ общества, когда правительство изнемогало въ борьбѣ съ революціоннымъ терроромъ. По желанію государя, представленіе великаго князя, измѣненное согласно съ новымъ состояніемъ русскаго законодательства, было обсуждаемо въ особомъ совѣщаніи 22, 23, 25 и 30 января и вновь было отклонено [3]). Изъ записки, написанной великимъ княземъ вскорѣ послѣ этихъ засѣданій въ цѣляхъ развитія его взгляда и опроверженія выслушанныхъ имъ возраженій, видно, какими побужденіями и соображеніями руководился великій князь въ своемъ представленіи и какъ онъ хотѣлъ организовать единеніе между правительствомъ и

---

[1]) *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, op. cit., стр. 322—324, 364, 365. [2]) *П. Щеголевъ*, Изъ исторіи конституціонныхъ вѣяній 1879—1881 г. „Былое“, 1906, № 12, стр. 263.
[3]) Тамъ же, стр. 268—271.

обществомъ въ дѣлѣ государственнаго строительства. Великій князь констатируетъ, что, не говоря уже о безумныхъ мечтаніяхъ людей крайнихъ, помышляющихъ о совершенномъ переворотѣ государственнаго нашего строя или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи самодержавія, у большинства мыслящихъ лицъ, умѣренныхъ и преданныхъ правительству, преобладаетъ одна и та же мысль: «до государя правда не доходитъ; администрація и бюрократія нами завладѣли; чиновничество стоитъ неодолимою стѣною между государемъ и его Россіею; государь окруженъ опричниками» и т. п. «Въ сѣтованіи этомъ, — заявляетъ великій князь, — обнаруживается то истинно серьезное желаніе, которое можетъ и должно быть удовлетворено». Но какъ это сдѣлать? По мнѣнію великаго князя, въ данномъ случаѣ «заботливое примѣненіе и дальнѣйшее развитіе добрыхъ началъ, существующихъ уже въ отечественномъ законодательствѣ, должно быть безусловно предпочитаемо заимствованію иностраннаго, не всегда соотвѣтствующаго нашимъ потребностямъ». Такимъ путемъ представляется возможнымъ «достигнуть желаемой цѣли безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ самодержавія». Этихъ добрыхъ началъ въ нашемъ законодательствѣ великій князь находилъ три: во-первыхъ, право заявленія своихъ нуждъ, данное сначала дворянству, а затѣмъ распространенное на земскія собранія и городскія думы; во-вторыхъ, предоставляемое дворянству право выбирать депутатовъ отъ каждаго уѣзда для объясненія правительству ходатайствъ дворянства, въ-третьихъ, право, предоставляемое департаментомъ государственнаго совѣта приглашать къ совѣщанію и лицъ постороннихъ, отъ коихъ по существу дѣла можно ожидать полезныхъ объясненій. Исходя изъ этихъ началъ и признавая необходимымъ нѣсколько развить ихъ, придавъ имъ значеніе болѣе общее, Константинъ Николаевичъ предложилъ «воспользоваться ими для созыва, по мѣрѣ надобности, при государственномъ совѣтѣ совѣщательнаго собранія изъ экспертовъ или гласныхъ, особо избираемыхъ для сего губернскими земскими собраніями и городскими думами наиболѣе значительныхъ городовъ». Собранію этому онъ предлагалъ поручить «предварительное разсмотрѣніе законодательныхъ предположеній, требующихъ ближайшаго соображенія съ мѣстными потребностями, а также предварительное обсужденіе ходатайствъ земскихъ и дворянскихъ собраній и городскихъ думъ». Великій князь разработалъ свое предложеніе и въ подробностяхъ, опредѣливъ составъ «совѣщательнаго собранія гласныхъ», порядокъ ихъ избранія, компетенцію и порядокъ дѣлопроизводства. Одна изъ статей его проекта гласила, что «въ гласные не могутъ быть избираемы лица, состоящія на службѣ по опредѣленію отъ правитель-

ства, а равно присяжные повѣренные, ихъ помощники и повѣренные по судебнымъ дѣламъ». Эта статья была результатомъ тѣхъ замѣчаній, которыя были сдѣланы (наслѣдникомъ-цесаревичемъ) на записку великаго князя въ январскихъ засѣданіяхъ. «Весьма вѣроятно,—говорили великому князю,—что избранія въ гласные будутъ домогаться—и въ дѣйствительности нерѣдко достигать—не одни люди серьезные, знающіе потребности своей мѣстности, а на ряду съ ними и пустые болтуны, преимущественно адвокаты, которые будутъ заботиться не столько о пользѣ общей, сколько о пріобрѣтеніи себѣ популярности, возвышенія или иной выгоды». Принимая это во вниманіе, великій князь исключилъ изъ своего проекта всякую публичность въ засѣданіяхъ «совѣщательнаго собранія гласныхъ» [1]).

Не будемъ оцѣнивать проекта великаго князя съ высоты современныхъ конституціонныхъ теорій: съ точки зрѣнія этихъ теорій онъ, конечно, не выдержитъ критики. Укажемъ только на то, что и въ этомъ проектѣ великій князь выступаетъ съ тѣми же чертами либерала-самородка и самоучки, съ какими онъ является въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ предшественникомъ его былъ, какъ извѣстно, П. А. Валуевъ, еще въ 1863 году подававшій государю записку съ аналогичнымъ проектомъ. Мысль Валуева въ свое время понравилась великому князю; но принявъ ее въ принципѣ, онъ развилъ ее и обработалъ уже по-своему, и притомъ такъ, что въ обработкѣ великаго князя она уже не нравилась Валуеву. Въ засѣданіи 23 января Валуевъ «по поводу руссицизмовъ» великаго князя напомнилъ ему о вѣчахъ, о соборахъ, о боярской думѣ и сказалъ, «что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая русскія начала только со временъ Екатерины или кодификаціи графа Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія европейскія и общечеловѣческія начала». «Это относилось къ тому,—замѣчаетъ Валуевъ,—что онъ русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ, никогда не примѣнявшихся статьяхъ свода законовъ о выборѣ депутатовъ на случай и проч.» [2]). Вся государственная дѣятельность великаго князя показываетъ однако, что онъ вовсе не игнорировалъ общеевропейскихъ и общечеловѣческихъ началъ, но какъ практическій политикъ по преимуществу, учившійся на самомъ дѣлѣ и чуждый всякаго доктринерства, онъ стремился къ достиженію того, что въ данный моментъ было

---

[1]) *К. Л. Берманьскій*, „Конституціонные“ проекты царствованія Александра II. „Вѣстникъ Права“ 1905 г., № 9, стр. 270—284. [2]) „Былое“ 1906 г., № 12, стр. 269, 270.

достижимо по условіямъ русской жизни. Мысль великаго князя едва было не воплотилась въ извѣстной «конституціи» Лорисъ-Меликова, уже утвержденной государемъ 17 февраля 1881 года и предназначенной къ опубликованію.

Злодѣяніе 1-го марта воспрепятствовало введенію въ жизнь этой «конституціи». Вмѣстѣ съ этимъ кончилась и государственная дѣятельность великаго князя. 13 іюля 1881 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи его отъ управленія флотомъ и морскимъ вѣдомствомъ, отъ должностей предсѣдателя государственнаго совѣта, главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, особаго присутствія о воинской повинности, съ оставленіемъ въ званіяхъ генералъ-адмирала и генералъ-адъютанта. Система великаго князя Константина была признана негодною, а къ новой системѣ онъ самъ, повидимому, не возымѣлъ симпатій... Въ удаленіи отъ дѣлъ проживалъ онъ въ своемъ имѣніи Ореанда въ Крыму. Здѣсь въ 1888 году его поразилъ тяжкій недугъ; скончался онъ въ Павловскѣ въ ночь съ 12 на 13 января 1892 года. Тогдашніе либералы и консерваторы близко сошлись въ оцѣнкѣ личности и дѣяній великаго князя, признавъ его «крупнымъ дѣятелемъ великой эпохи реформъ», «преданнымъ, даровитымъ сотрудникомъ его царственнаго брата», способствовавшимъ преобразованіямъ «своимъ трудомъ и инициативой», «однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей преобразовательной эпохи, становившимся нерѣдко во главѣ движенія государственной жизни». И либералы, и консерваторы одинаково признали, что «въ исторіи нашего отечества почившему великому князю Константину Николаевичу будетъ принадлежать не одна свѣтлая и почетная страница», что его имя «незабвенно и нераздѣльно соединено въ народной памяти съ священнымъ именемъ царя, брата его, уже занесеннымъ въ скрижали историческихъ тружениковъ земли русской» [1]). Это единодушіе историческаго суда является гарантіею справедливости его приговора...

М. Любавскій.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1892, февраль, стр. 851, 852; „Русскій Вѣстникъ“ 1892, февраль, стр. 351.

ФОТОТ П ПАВЛОВА

Великая княгиня Елена Павловна.

Съ именемъ великой княгини Елены Павловны связано представленіе о горячей поборницѣ освобожденія крестьянъ, много способствовавшей личнымъ вліяніемъ успѣху реформы. Ея дѣятельность не могла выразиться въ непосредственномъ участіи въ разработкѣ самаго вопроса; этому мѣшало ея положеніе, какъ женщины и какъ великой княгини. Ей приходилось ограничиваться сферой тѣхъ неуловимыхъ частныхъ вліяній и отношеній, которыя не поддаются точному опредѣленію, но часто бываютъ рѣшающими. Въ этомъ своеобразномъ кругу дѣятельности вел. княгиня могла дѣлать и дѣлала очень многое, что ускользало отъ глазъ сторонняго наблюдателя. Тѣмъ не менѣе, образъ умной, энергичной, слегка хлопотливой и никогда неунывающей защитницы реформы въ яркихъ и опредѣленныхъ чертахъ выдѣляется среди семьи и двора Александра II.

16-тилѣтняя виртембергская принцесса Фредерика-Шарлотта-Марія [1]), нареченная невѣста вел. князя Михаила Павловича, прибыла въ Гатчину въ первыхъ числахъ октября 1823 г. Это былъ почти ребенокъ, свѣжій, изящный и хрупкій. «Личико у нея премилое,—писалъ о ней дочери Нелединскій-Мелецкій,—и такимъ, конечно, всякому покажется, потому что имѣетъ черты правильныя, свѣжесть розана, взглядъ живой, видъ ласковый; ростомъ она невелика и еще не совсѣмъ сложилась. Однимъ словомъ, очень пріятно на нее смотрѣть и слышать ея непринужденный разговоръ» [2]). Воспитанная въ одномъ изъ парижскихъ пансіоновъ и до тѣхъ поръ жившая въ тиши маленькаго нѣмецкаго двора, молодая принцесса была мало избалована, «и свѣтъ ей такъ мало знакомъ, что театръ въ первый разъ въ жизни увидала» она въ Петербургѣ, и эта скромная дѣвочка сразу попадала «къ такому пышному двору, каковъ нашъ», въ круговоротъ блестящей и безнравственной придворной жизни [3]). Дворъ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія отличался

---

[1]) Она была дочерью брата виртембергскаго короля. [2]) „Русская Старина“ 1882 г., № 3. [3]) Ibid.

весельемъ и пустотою. Императрица-мать, Марія Ѳеодоровна, еще недавно державшая крѣпко въ рукахъ бразды семейнаго порядка и придворнаго этикета, подъ старость дала надъ собою волю младшему поколѣнію великихъ князей. «Она до такой степени ослабла,—писала имп. Елизавета Алексѣевна,—что молодой дворъ, ея дѣти заставляютъ ее продѣлывать такія вещи и вести такой образъ жизни, какіе раньше, какихъ-нибудь 15 лѣтъ тому назадъ, она сама первая осуждала... Теперь балуютъ молодыхъ великихъ князей и княгинь. Императрица-мать все теперь позволяетъ, находитъ все допустимымъ, что раньше запрещалось, подвергалось порицанію и осужденію». Сама она переживала вторую молодость; веселилась, какъ ребенокъ, на придворныхъ балахъ и спектакляхъ, окружила себя молоденькими офицерами и барышнями, и это сообщало ея двору въ Павловскѣ «тонъ, который шокировалъ всѣхъ, кто не принималъ участія въ подобномъ образѣ жизни» [1]). На «обидную пустоту» придворной жизни жаловалась императрица Елизавета Алексѣевна. «Въ обществѣ, которое составляетъ этотъ дворъ,—писала она матери,—нѣтъ ничего ни для ума, ни для души, и когда человѣкъ осужденъ вращаться въ этомъ кругу, скрывая горе въ сердцѣ, это своего рода адъ» [2]). Жизнь вертѣлась вокругъ любовныхъ интригъ, служебныхъ происковъ и домогательствъ. И въ эту обстановку пустоты и легкомыслія была закинута 16-тилѣтняя дѣвушка. Послѣ перваго свиданія съ ней императрица Елизавета писала гр. Строгановой: «Я познакомилась въ Гатчинѣ съ моей будущей невѣсткой... Это интересный и привѣтливый ребенокъ. Дай Богъ, чтобы она осталась такой, какова она сейчасъ. Это обычный припѣвъ единодушнымъ похваламъ, которыя она заслуженно вызвала среди сливокъ общества, собравшихся въ Гатчинѣ. Я не встрѣтила никого, кто бы не кончалъ фразы словами: только бы ее не испортили»... [3]) «Она обратила на себя единодушное вниманіе, какъ феноменъ нѣкій,—пишетъ о пріѣздѣ будущей великой княгини Михайловскій-Данилевскій,—и сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ; не знаю, какова будетъ впослѣдствіи ея судьба въ Россіи, но во время пріѣзда въ наше отечество зависть и злословіе, избравшія предпочтительно свое пребываніе при дворахъ, умолкли» [4]). Въ этотъ міръ печали и соблазновъ великая княгиня вступала неопытной и робкой дѣвочкой, безпомощной, запуганной, трогательно непритязательной (anspruchlos). Она со страхомъ искала

---

[1]) Импер. Елизавета Алексѣевна (изд. вел. кн. Михаила Ник.), III, 309, 281, 214. [2]) Ibid., III, 214. [3]) Ibid., III, 578. [4]) *Кони*, Вел. кн. Елена Павловна (въ Сборникѣ: „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“, подъ ред. Венгерова, 1903).

поддержки среди чужихъ людей. Бракъ ее пугалъ. Женихъ относился къ ней болѣе чѣмъ холодно [1]). Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ тяжелый человѣкъ. «Бѣдное образованіе», которое онъ получилъ, давало себя чувствовать; его претензіи на остроуміе бывали иногда тягостны для окружающихъ. Строгій, взыскательный по службѣ, даже грубый, онъ однимъ своимъ видомъ наводилъ страхъ на всѣхъ. Не очень пріятный въ обращеніи, со всѣми манерами невоспитаннаго холостяка, это былъ далеко не привлекательный супругъ для бѣдной Елены Павловны. Въ глубинѣ души онъ былъ въ сущности добрый человѣкъ, гораздо добрѣе Николая, но плохое воспитаніе, которое получили оба великіе князя, въ немъ дополнялось преклоненіемъ передъ старшимъ братомъ Константиномъ. Послѣдній послѣ брака съ польской дворянкой сдѣлался заклятымъ врагомъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ, былъ поэтому очень противъ брака Михаила и вліялъ на него въ этомъ направленіи. Отсюда холодность Михаила къ Еленѣ Павловнѣ [2]). Когда онъ былъ боленъ, Марія Θеодоровна возила къ нему невѣсту противъ ея желанія; это стѣсняло ее; женихъ принималъ ее очень дурно [3]). Неудивительно, что свадьба, имѣвшая мѣсто 9-го февраля 1824 г., сопровождалась самыми плохими предчувствіями и предсказаніями среди близкихъ родственниковъ жениха, хорошо его знавшихъ [4]). Отношенія великаго князя къ супругѣ были холодныя и сдержанныя: онъ примирился съ бракомъ и «простилъ ей, что она была выбрана ему въ жены, тѣмъ дѣло и кончилось» [5]). Всѣ ея качества, «кажется, не оцѣнены ея мужемъ,—писала въ февралѣ 1824 г. императрица Елизавета;—надо надѣяться, что при настойчивости съ ея стороны время измѣнитъ эти грустныя отношенія» [6]). Онъ ею явно пренебрегалъ. «У великаго князя столько военныхъ занятій, что ему приходится проводить всѣ утра внѣ дома», сообщала она же въ апрѣлѣ. По вечерамъ новобрачная сидѣла одна, съ трудомъ привыкая къ своему одиночеству. Такое положеніе тянулось очень долго. Поведеніе Михаила Павловича шокировало даже его братьевъ. «Положеніе (Елены Павловны),—писалъ въ 1828 г. Константинъ Павловичъ, — позорно и оскорбительно для женскаго самолюбія и для той деликатности, которая, вообще, особенно свойственна женщинамъ. Это—потерянная женщина, если ложное положеніе, въ которомъ она находится, не измѣнится». Это «плачевное положеніе» доводило великую княгиню до полнаго упадка духомъ,

---

[1]) Имп. Елизавета Алексѣевна, III, 269, 273, 276. [2]) Имп. Елиз. Алекс., III, 281. [3]) Ibid., 278. [4]) Письмо Конст. Павловича императору отъ 21 мая 1828 г. и письмо императора отъ 16 мая 1828 г. (въ Сборн. Рус. Ист. Общества, т. 131). [5]) Имп. Елиз. Алекс., III, 281. [6]) Ibid., 295, 294.

«она временами почти граничила съ отчаяніемъ». «Я не предвижу возможнаго улучшенія,—писалъ въ томъ же году Николай Павловичъ,—такъ какъ я не предвижу какого-либо конца, пока причины существуютъ и должны существовать благодаря природному характеру лицъ; это очень прискорбно» [1]).

Таковы были условія, въ которыя попала великая княгиня. Ей предстояло завоевать себѣ мѣсто и въ семьѣ, и въ дворцовой обстановкѣ. По пріѣздѣ въ Россію судьба столкнула ее съ женщиной, примѣръ которой долженъ былъ быть для нея очень грустенъ и очень страшенъ, которая при тѣхъ же обстоятельствахъ не сумѣла выбиться изъ-подъ гнета условій. Это была императрица Елизавета Алексѣевна. Безумно преданная Александру, вмѣстѣ съ тѣмъ чуждая ему и всему тому кругу, въ которомъ ей суждено было жить, она влачила печальное существованіе одиночества среди дворцоваго многолюдства и нравственнаго безразличія среди чуждыхъ ей интересовъ. Она тщетно рвалась къ иной жизни не умѣя ни поставить себя прочно въ образовавшихся условіяхъ, ни создать для себя ту обстановку, о которой она мечтала. «Если бы только я могла покинуть дворъ,—писала она,—все было бы иначе, я бы нашла развлеченіе въ другомъ родѣ общества» [2]). Не чувствуя въ себѣ достаточно силъ для борьбы и не умѣя жить общей жизнью съ окружающими, больная и одинокая, она томилась во дворцѣ своего супруга, пассивно выполняя то, что она называла своей «службой въ Россіи».

Характеръ великой княгини былъ иной. Несмотря на свою молодость, она сразу поразила окружающихъ сознательнымъ отношеніемъ и хладнокровіемъ. «У ней настолько установившееся сужденіе,—писала императрица Елизавета,—столько разсудительности, что забываешь, что ей всего 17 лѣтъ» [3]). Уже тогда проявлялся ея «деликатный тактъ», который такъ характеризовалъ ее впослѣдствіи, уже тогда она казалась всегда «предусмотрительной въ своемъ благоразуміи» [4]). Съ самаго момента пріѣзда въ Россію чувствуется во всѣхъ ея поступкахъ, во всѣхъ ея словахъ извѣстная продуманность, даже извѣстный расчетъ. Первая фраза, которая была произнесена ею по поводу переговоровъ о бракѣ, полна граціознаго кокетства и разсчитана на извѣстный эффектъ: «Remerciez sa Majesté Impériale de ce qu'elle daigne écrire à un enfant», отвѣчала она, тогда

---

1) Переписка императора Николая съ Константиномъ Павловичемъ въ 131 т. Сборн. Рус. Ист. Общ. (Письма цесаревича отъ 5 и 21 мая 1828 мая и письмо императора отъ 16 мая 1828). 2) Имп. Елиз. Алекс., 214. 3) Имп. Елиз. Алекс., III, 259. 4) Ibid, 295, 312.

15-тилѣтняя дѣвочка, русскому посланнику Бенкендорфу [1]). Она засѣла за изученіе своей новой родины, за русскій словарь и грамматику, самоучкой изучила русскій языкъ, прочла исторію Карамзина въ подлинникѣ, и, хотя до конца жизни плохо владѣла русскимъ языкомъ [2]), но уже съ первыхъ своихъ выступленій въ петербургскомъ свѣтѣ могла объясняться съ тѣми изъ придворныхъ, которые не умѣли говорить на иностранныхъ языкахъ. Подобно Екатеринѣ Великой, она хотѣла быть въ Россіи русской. «Я чувствую, что вступаю на родную почву», сказала она кому-то у себя въ каретѣ, когда на границѣ ее привѣтствовали казаки [3]). Позднѣе она будетъ учить русскихъ дѣвушекъ «говорить о Россіи съ русскимъ чувствомъ» [4]) и сама будетъ гордиться подвигами національныхъ героевъ [5]). Вступивъ на русскую почву, она съ тѣмъ искусствомъ, которое отчасти сближало ее съ той же Екатериной, съ громаднымъ самообладаніемъ и ловкостью размѣряла каждый шагъ и каждое слово. «На границѣ казачья команда при встрѣчѣ закричала ура. Спасибо ребята, сказываютъ, она отвѣчала... Сказавши казакамъ спасибо, полковнику казачьему: пожалуйста, прикажите имъ прокричать, мнѣ это любо. Разсудите, какъ казаки дернули, какъ узнали, что полюбилось», пишетъ Нелединскій-Мелецкій дочери. Пріѣхавъ въ Гатчину, она сразу сумѣла понравиться придворному обществу, сумѣла подойти къ каждому въ отдѣльности. Уже при первомъ своемъ публичномъ появленіи въ Гатчинѣ она выказала весь свой тактъ и всю свою ловкость. «Значительныя имена всѣ у нея были затвержены и, ни разу не замѣшавшись, всякому все кстати сказала. Подводятъ къ ней П. В. Кутузова, лишь его назвали: «Vous portez un beau nom, Monsieur». Это была тема слѣдовавшихъ нѣсколькихъ словъ о его службѣ подъ фельдмаршаломъ его имени... Татищеву Алексѣю Ивановичу, о которомъ ей сказали, что онъ никакого, кромѣ русскаго, языка не знаетъ: Я очень сожалѣю, что много съ вами по-русски говорить не могу... Карамзину она сказала: Votre ouvrage m'est connu, Monsieur, et ne croyez pas, que j'en ai lu seulement la traduction, je l'ai lu aussi en russe» [6]). Щербатову, генералъ-адъютанту, лишь его назвали, заговорила объ его экспедиціи, кажется, при Гданскѣ, и все это тотчасъ, не задумавшись, однако не опрометью, а скромно». Всѣ эти фразы были

---

[1]) *Кони*, op. cit. „Поблагодарите Его Величество за то, что онъ соизволилъ обратиться съ письмомъ къ ребенку". [2]) *Никитенко*, Дневникъ, I, 392. [3]) „Рус. Стар." 1882 г., № 3. [4]) *Никитенко*, I, 392. [5]) Письма Ю. Ѳ. Самарина къ баронессѣ Раденъ (Сент. 1864). [6]) „Рус. Стар." 1882 г. № 3. („Вы носите славное имя"—„Ваше сочиненіе мнѣ извѣстно, и не думайте, чтобъ я читала его только въ переводѣ, я читала его также по-русски).

обдуманы заранѣе, что было замѣчено современниками. Когда будущей великой княгинѣ представили кн. Голицина—«ministre des cultes et des lumières», она сказала ему: «Je vous ai bien de l'obligation pour la promptitude, avec laquelle j'ai été servie à chaque poste» [1]). «Это меня всего болѣе удивило,—говоритъ Нелединскій-Мелецкій,—видите ли, какъ она все подробно взвѣсила и обдумала? Довольно бы затвердить, что кн. Голицинъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, нѣтъ, она узнала, что почты его вѣдомства». Все это показывало незаурядныя способности и сильный характеръ. «Умница рѣдкая,—пишетъ онъ же,—всѣ въ этомъ согласны, но, говорятъ, кромѣ ума, она имѣетъ самый зрѣлый разсудокъ, и были примѣры рѣшительной ея твердости и въ 16 лѣтъ... Это просто чудесно» [2]). Черты, отмѣченныя здѣсь, отмѣчаетъ также въ своей перепискѣ императрица Елизавета: «Для своего мужа и для свѣта у ней надъ собой необыкновенное самообладаніе: любезна, предупредительна, мила, даже покорна»... [3]) Благодаря своей ловкости, она умѣла производить извѣстное впечатлѣніе. «Всѣхъ она безъ изъятія плѣнила», пишетъ тотъ же Нелединскій-Мелецкій.

Уже первые шаги вел. кн. Елены Павловны въ новой для нея средѣ петербургскаго двора сразу показали, что въ ея лицѣ въ императорскую семью вступала женщина недюжинныхъ способностей.

Великая княгиня въ теченіе своего долголѣтняго пребыванія въ Россіи выступаетъ съ очень опредѣленными, можно сказать, законченными чертами характера. Съ перваго появленія ея въ Гатчинѣ почти вплоть до момента ея смерти въ 1872 г. она представляется въ однихъ и тѣхъ же сильныхъ очертаніяхъ, производитъ одно и то же чарующее впечатлѣніе. Въ ея характерѣ капризно сочетались два, казалось бы, непримиримыхъ свойства: живость и впечатлительность горячей натуры съ холодной разсудительностью и практическимъ чутьемъ. Если пылкость темперамента въ значительной степени обусловливалась ея природной нервностью, то тяжелая обстановка домашней жизни сперва въ семьѣ отца, а затѣмъ въ семьѣ императора Николая и тотъ принципъ существованія не ради себя, а ради извѣстныхъ условій, который вырабатывался въ бѣдныхъ княжескихъ домахъ Германіи, пріучили ее къ самообладанію и обдуманности во всѣхъ поступкахъ. Ея природная нервность выражалась во всемъ: въ тѣхъ «maux de nerfs», отъ которыхъ она лѣчилась уже въ 1827 г. и которыми она такъ часто страдала въ наиболѣе бурный періодъ своей

---

[1]) Ib. „Министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія“— „Я вамъ очень обязана за ту быстроту, съ которой меня обслуживала почта“. [2]) Ib. [3]) Имп. Ел. Ал., III, 214.

дѣятельности [1]), въ той мнительности, которую въ ней отмѣчала во время болѣзни имп. Елизавета Алексѣевна [2]), во всѣхъ ея жестахъ и движеніяхъ. Отсюда эта характерная для вел. княгини стремительность походки [3]) и то необычайное оживленіе, съ которымъ она говорила, сопровождая слова «воодушевленнымъ жестомъ и непритворнымъ блескомъ глазъ» [4]); въ пылу спора (а она любила спорить) она повышала голосъ, возражала горячо, прерывая своего собесѣдника и не давая ему договаривать [5]); волнуясь, она не находила себѣ мѣста, ходила нервно взадъ и впередъ [6]). Она быстро разстраивалась и легко плакала не только отъ огорченія, но и отъ умиленія и отъ восторга [7]). Природная нервность отражалась на характерѣ вел. княгини раздражительностью и легкой возбуждаемостью («nature irritable», говоритъ про нее Елизавета Алексѣевна, «facile à s'agiter») [8]), которыя могли дѣлать ее, особенно во время болѣзней, довольно тяжелой для окружающихъ [9]), но когда она чувствовала себя здоровой, она всегда умѣла брать себя во-время въ руки. Съ другой стороны, какъ всѣ нервные люди, она была склонна къ жалости, и всякій разъ, когда при ней говорили о нуждѣ и о печальномъ положеніи даже незнакомыхъ ей лицъ, она тотчасъ же хотѣла оказать помощь; но и въ личную частную благотворительность она вносила «чувство обязанности и благоразумной сдержанности», ту практическую смѣтку, которая позволила Оболенскому остроумно сказать объ ея «умномъ сердцѣ» [10]).

Этой же нервностью обусловливалась живость характера великой княгини и ея впечатлительность: «вся она,—по выраженію Побѣдоносцева [11]),—исполнена была жизнью и мыслью; она повсюду искала и принимала живыя впечатлѣнія». Потребность въ яркихъ впечатлѣніяхъ выражалась въ Еленѣ Павловнѣ въ той страсти къ внѣшнему блеску и къ роскоши, которую отмѣчали ея современники. Она издерживала свои доходы широко и щедро, и дворъ ея былъ, по выраженію Киселева, устроенъ во всѣхъ подробностяхъ по-цар-

---

[1]) Переписка Николая I съ вел. кн. Константиномъ (Сб. Рус. Ист. Общ., т. 131, письма императора отъ 27 октября 1827 г. и 8 марта 1828 г.) Мат. для біогр. кн. Черк. (сост. *кн. Трубецкая*), II, 138, 154. [2]) Имп. Елиз. Алекс., III, 419. [3]) Зап. Блудовой въ „Р. Арх." 1878, № 38. [4]) Восп. Оболенскаго. („Руск. Стар." 1909, № 3). [5]) Имп. Елиз. Ал., III, 409. Записки Инсарск. („Русс. Ст." 1907, № 1). Мат. для біогр. кн. Черк., II, 33. [6]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 106. [7]) Зап. Блудовой („Рус. Арх." 1878, № 3). Имп. Елиз. Ал. III, 294. Мат. для біогр. кн. Черк., II, 138, 148. Восп. о Еленѣ Павл. въ „Рус. Арх." 1881, № 3. [8]) Имп. Елиз. Ал. III, 304, 306. [9]) Переп. имп. Николая съ в. кн. Константиномъ Павловичемъ въ Сб. Русск. Ист. Общ. 131. [10]) Восп. Блудовой (въ „Русск. Архивѣ" 1870). Восп. Оболенскаго („Руск. Стар." 1909, № 5). [11]) *Побѣдоносцевъ*, Вѣчная память.

ски [1]), она одѣвалась и принимала съ ослѣпительной пышностью. Она любила празднества съ ихъ блескомъ и пестротою, находила удовольствіе въ сутолокѣ нарядной толпы [2]). Уже немолодой — сорокалѣтней—женщиной она съ увлеченіемъ танцовала на придворныхъ балахъ [3]). Она до страсти любила музыку; ея дворъ былъ всегда пріютомъ иностранныхъ и русскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ; въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Ниццѣ, въ Карлсбадѣ, гдѣ бы она ни была, ея пребываніе сопровождалось концертами и музыкальными вечерами [4]). Эта же впечатлительность объясняетъ необыкновенную разносторонность интересовъ вел. княгини: «все ее интересовало, она всѣхъ знала, все понимала, всему сочувствовала» [5]). Не было такого предмета, въ который бы она при случаѣ не попыталась вникнуть. Строгій умъ Елены Павловны и планомѣрность ея мышленія придавали этимъ иногда, казалось бы, мимолетнымъ интересамъ характеръ серьезныхъ занятій. Она очень рано проявляетъ интересъ къ чтенію, и имп. Елизавета Алексѣевна удивляется тому, какъ она среди развлеченій двора находила время для книгъ. Она слѣдила за новинками русской литературы; была большой поклонницей таланта Гоголя; ея вниманіе привлекали споры славянофиловъ съ западниками, господствовавшіе въ литературѣ 40-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не лишена была вкуса къ научнымъ занятіямъ, въ чемъ, можетъ быть, нужно искать вліяніе Кювье, съ дочерью котораго въ дѣтствѣ она была дружна. По выраженію Одоевскаго, она вѣчно училась чему-нибудь [6]). Ее занимали географическія открытія, и она много читала по этому предмету. Лоде и Петерсонъ читали ей лекціи по лѣсоводству и агрономіи, что невольно вызывало изумленіе ея охотѣ «заниматься этой сушью» [7]). При посѣщеніи глазной больницы въ 1829 г. она удивила Дивова тѣмъ интересомъ, съ которымъ она отнеслась къ описанію разныхъ видовъ глазныхъ заболѣваній [8]). Своими познаніями въ финансахъ и въ организаціи судопроизводства она поражала даже опытныхъ чиновниковъ [9]); своими вопросами по богословію она ставила втупикъ самыхъ образованныхъ іерарховъ, какимъ былъ пр. Иннокентій [10]). При невольномъ

---

[1]) *Заблоцкій-Десятовскій*, Гр. Киселевъ и его время, III (Дневникъ Киселева, 2 окт. 1863); ср. у *Шильдера* отзывъ Александры Ѳеодоровны. (I, 610) Зап. Блудовой въ „Рус. Арх.“ 1878. [2]) См., напр., записки Милютиной („Рус. Стар.“ 1899, № 1). [3]) *En Russie il y a un demi-siecle*, 49. [4]) Зап. Рубинштейна („Рус. Стар.“ 1889 № 11). Зап. Невѣдомской (ib.1906 № 12). Зап. Абазы (ib. 1909, № 11). Воспом. о вел. кн. Ел. Пав. (въ „Рус. Арх.“ 1881 № 3). *Aus der Peterburg. Gesellschaf.* (Leipzig 1874). [5]) Зап. Оболенск. („Рус. Стар.“ 1909, № 3). [6]) Зап. Инсар. („Рус. Ст.“ 1907, № 1). [7]) Зап. Инсарскаго („Рус. Стар.“ 1907, № 1). [8]) Дневникъ Дивова („Рус. Стар.“ 1893, № 12). [9]) Зап. Инсарскаго („Рус. Стар.“ 1907, № 1). Восп. Обол. („Рус. Ст.“ 1909, № 3). [10]) *Заблоцкій-Десятовскій*, loc. cit.

досугѣ, которымъ она пользовалась, вел. княгиня имѣла возможность все время пополнять свои энциклопедическія познанія. Она черпала свѣдѣнія не только изъ книгъ, но и изъ разговоровъ, всегда искала общества ученыхъ и въ Москвѣ, вращаясь въ профессорскихъ кругахъ, вызывала тѣмъ неудовольствіе свѣтскихъ дамъ, обществомъ которыхъ пренебрегала [1]). Ея разностороннее образованіе придавало особый интересъ ея разговору. Еще 17-лѣтней дѣвочкой она поражала императрицу Елизавету умѣньемъ «поддерживать серьезный разговоръ и находить въ немъ удовольствіе» [2]); Кюстинъ восхваляетъ «l'interêt de sa conversation». Своимъ широкимъ и всеобъемлющимъ образованіемъ вел. княгиня съ успѣхомъ пользовалась въ сношеніяхъ съ людьми, и оно помогало ей въ томъ искусствѣ, которымъ она такъ отличалась,— въ искусствѣ дѣйствовать на нихъ и подчинять ихъ своему вліянію. Ея умѣнье «сказать каждому по приличности» сразу обратило на нее вниманіе петербургскаго двора [3]). Она знала, съ кѣмъ о чемъ и какъ говорить: съ іерархами она бесѣдовала о церковныхъ вопросахъ, съ чиновниками, мнившими себя финансовыми свѣтилами—о финансахъ, съ героемъ Карса — о Хивѣ и о завоеваніи Индіи, съ молодежью—о своемъ сочувствіи новымъ вѣяньямъ, съ мужемъ—о солдатахъ [4]). При этомъ съ женскимъ тактомъ она умѣла, по выраженію Мусина-Пушкина, вести разговоръ, настолько приспособленный къ уровню познаній собесѣдника, что давала ему возможность высказать ихъ съ самой лучшей стороны [5]), умѣла, говоря словами Побѣдоносцева, «приблизить къ себѣ всякаго, всякаго она поднимала на свою высоту» [6]). «Съ каждымъ умѣла она найти предметъ разговора,—говоритъ кн. Оболенскій,—и притомъ съ такимъ тактомъ находила всегда живую струнку своего собесѣдника, что тотъ невольно выносилъ самое отрадное впечатлѣніе и горделиво относилъ оказанное ему вниманіе личному своему достоинству. Этой чисто-женской способностью, какъ будто мимоходомъ, намекнуть, что онъ ею замѣченъ, обладала вел. княгиня въ высшей степени. Она знала силу лести на сердце человѣческое, но умѣла настолько очистить ее отъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ, что возбуждала словами своими только одно неуловимое чувство довольства, возвышающее человѣка въ собственныхъ его глазахъ; побѣжденный этимъ чувствомъ, онъ сразу подчинялся ея обаянію и освобождался отъ всѣхъ стѣсненій застѣнчивости или осторожности», и многіе изъ самыхъ пустыхъ ея собесѣдниковъ уходили отъ нея, какъ Инсарскій,

---

1) *Барсуковъ,* Жизнь и труды Погодина, XIV, 114. 2) Имп. Елиз., III, 295. 3) „Рус. Стар." 1882, № 3. 4) Восп. Обол., Зап. Муравьева („Рус. Арх." 1894 №№ 8 и 9) *Заблоцкій-Дес.*, loc cit. 5) „Рус. Стар." 1882, № 3. 6) *Побѣдоносцевъ*, Вѣчная Память.

съ чувствомъ «величайшаго самодовольства, потому что предъ лицомъ такой замѣчательной женщины говорилъ много и хорошо». Она умѣла заставлять высказываться и быть откровенными, завлекала вопросами и своимъ воодушевленьемъ. «Я невольно забылъ, что бесѣдую съ вел. княгиней,—пишетъ Оболенскій объ одномъ изъ своихъ первыхъ свиданій съ нею:—на приглашеніе ея говорить все, что было на душѣ, иногда заходилъ слишкомъ далеко и, очнувшись, я останавливался, но она просила продолжать и не стѣсняться говорить все, какъ думаю» [1]). Иной разгорячившійся собесѣдникъ могъ опомниться лишь на лѣстницѣ ея дворца [2]). «Да скажи откровенно,—писалъ Кавелинъ одному пріятелю въ Петербургъ,—какъ подѣйствовали наши профессора на вел. княгиню, и не показались ли ей мои отзывы о лицахъ и вещахъ черезчуръ откровенными» [3]). Понятно, какое впечатлѣніе производила вел. княгиня, сочетая свѣтскую ловкость разговора съ нѣкоторой нервностью тона. Самая манера ея говорить, «милое движеніе губъ» плѣняли собесѣдниковъ [4]). «Дала бы эта рука мнѣ знакъ броситься въ огонь или въ воду, ни минуты не остановился бы я исполнить ея повелѣніе», говоритъ кн. Оболенскій [5]). Разсудочный и холодный Кошелевъ резюмировалъ иначе свои впечатлѣнія: «Не могу не сказать, что она... поразила меня своимъ умомъ и ловкостью и тѣмъ произвела на меня самое большое и для нея выгодное впечатлѣніе» [6]). Это умѣніе подойти въ разговорѣ къ человѣку, польстить его самолюбію вел. княгиня усиливала своей нѣсколько претенціозный предупредительностью, своей изысканной любезностью. Такое сочетаніе разсудочности и ума съ горячностью и пыломъ давало въ руки вел. княгини сильное оружіе въ отношеніяхъ къ людямъ. То же сочетаніе этихъ разнорѣчивыхъ свойствъ мы видимъ во всей общественной дѣятельности вел. княгини. Она имѣла свойство увлекаться, бросалась въ дѣло съ характернымъ для нея «acharnement pour le bien» [7]), не знала и не хотѣла знать препятствій, вѣрила и всегда хотѣла вѣрить въ успѣхъ. Но бурные порывы своей энергичной натуры она умѣла подчинять разсудку и тому безконечному чувству спокойствія и самоувѣренности (de calme et d'aplomb), которое въ ней, 15-лѣтней дѣвочкѣ, замѣчалъ Александръ I [8]). «Взглядъ ея на дѣла былъ истинно государственный», говоритъ про нее Кошелевъ [9]). Это сочетаніе сильнаго ума съ живостью и способностью увлекаться прекрасно отмѣтила гр. Блудова

---

[1]) Восп. Оболенск. („Рус. Стар." 1909, № 3). Записки Инсар. („Рус. Ст." 1907, № 1). [2]) Впечатл. Мяснова, у *Семевскаго,* [3]) *Барсуковъ,* XIV, 114 (Крест. Дѣло, II). [4]) Записки Инсарскаго („Рус. Стар." 1906, № 5). [5]) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909, № 3). [6]) Записки (Крест. вопрос., т. II) стр. 121. [7]) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909, № 5). [8]) *Шильдеръ,* Николай I, I, 148. [9]) Записки Кошелева, стр. 116.

въ одномъ изъ своихъ писемъ: «у нея умъ мужской и душа женская» [1]). Такова была вел. княгиня. Ея умъ, способности, образованіе, ея искусство различать людей и имѣть съ ними дѣло давали широкій просторъ ея честолюбію; она была властолюбива, вѣрила въ свои силы (иностранцы отмѣчали властность ея осанки и взгляда) [2]). Долгое время она не находила почвы для проявленія своей энергіи и способностей. Самое положеніе ея, какъ супруги Михаила Павловича, ставило ее въ зависимое положеніе, оттѣсняло ее на второй планъ и не позволяло развернуться всѣмъ ея блестящимъ дарованіямъ.

Михаилъ Павловичъ сознательно устранилъ себя отъ участія въ дѣлахъ. Онъ испытывалъ всю неловкость своего положенія царскаго брата, которое было особенно неудобно въ обстоятельствахъ, сложившихся при смерти Александра I, и изъ этой неловкости находилъ выходъ въ роли перваго слуги своего царственнаго брата. «Могу только въ одномъ тебя увѣрить, что покуда я живъ и во мнѣ хоть малѣйшая сила, онѣ (т.-е. жизнь и сила) будутъ посвящены служить тебѣ вѣрой и правдой», писалъ онъ императору въ 1837 году [3]). Всей своей жизнью онъ и являлъ подданнымъ Николая «примѣръ, указаніе... служить до послѣдняго истощенія силъ, не ослабѣвать въ усердіи и дѣятельности» [4]). Онъ и научился цѣнить себя исключительно съ точки зрѣнія своей служебной годности. «Разъ я слышалъ на одномъ балу,—пишетъ Головинъ,—какъ онъ сказалъ съ сожалѣніемъ: «всѣ мои товарищи обогнали меня по службѣ». По отношенію къ государю онъ выработалъ себѣ опредѣленный тонъ низкопоклонства. «Это величайшій царедворецъ въ Россіи; въ обществѣ можно всегда видѣть, какъ онъ, согнувшись въ три погибели, разговариваетъ съ братомъ съ показной почтительностью» [5]). Съ своей стороны Николай не считалъ нужнымъ привлекать младшаго брата къ участію въ государственныхъ дѣлахъ; быть можетъ, самая случайность восшествія его на престолъ заставляла его держать себя государемъ въ собственной семьѣ. Съ внѣшней стороны Михаилъ Павловичъ былъ осыпанъ знаками Высочайшаго довѣрія: онъ предсѣдательствовалъ во всевозможныхъ комитетахъ, ежегодно назначался судьею на маневрахъ, носилъ званіе фельдцейгмейстера, исполнялъ обязанности начальника военныхъ учебныхъ заведеній и пр. Но ни одна изъ этихъ должностей не имѣла серьезнаго значенія. Дѣйствительное вліяніе великаго князя не простиралось дальше вопросовъ военной формы и покроя солдатскаго

[1]) *Барсуковъ*, op. cit. XIV, 114. [2]) „Рус. Стар.“ 1875, II. [3]) „Рус. Стар.“ 1902, № 5. [4]) *Барсуковъ*, op. cit. X, 282. [5]) *Golovine*, La Russie sous Nicolas I. Ср. Письма Михаила въ „Рус. Стар.“ loc. cit.

платья [1]). Когда у него была просьба къ императору, то ему приходилось дѣйствовать черезъ третьихъ лицъ. Отъ императора онъ не разъ выслушивалъ обидные для его самолюбія выговоры въ самой рѣзкой формѣ [2]). Устраняемый отъ серьезнаго дѣла, никогда не употребляемый на что-нибудь дѣльное, онъ влачилъ безсмысленное существованіе «въ какомъ-то ненужномъ недосугѣ, въ какой-то безцѣльной суетѣ», убивая время въ присутствіи на однообразныхъ празднествахъ, въ ученіи солдатъ и кадетъ, въ головокружительныхъ объѣздахъ армейскихъ полковъ. Великій князь былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять всей «тертой пустоты» своего существованія [3]). Онъ не былъ достаточно образованъ и развитъ, слишкомъ втянулся въ установившіяся формы жизни и слишкомъ привыкъ къ зависимости, чтобы пытаться углубить установившійся порядокъ существованія или искать утѣшенія въ духовныхъ интересахъ. Разочарованный «blasirt» [4]), систематически устраняя себя отъ дѣлъ, онъ, по словамъ его супруги, впослѣдствіи скорбѣлъ объ этомъ, но не могъ вернуть утраченнаго [5]). Временами у него происходили даже нелады съ братомъ. Тогда онъ уѣзжалъ въ Москву или за границу, дѣлалъ видъ, что веселится, и искалъ популярности среди знати и офицеровъ. Императоръ упрекалъ его за то, что онъ держится слишкомъ за панибрата съ низшими, но рѣзкихъ размолвокъ не происходило [6]). Даже въ частныхъ и личныхъ отношеніяхъ онъ чувствовалъ свою полную зависимость; онъ не могъ принимать, кого хотѣлъ, за его сношеніями съ посторонними наблюдали [7]). Въ круговоротѣ придворной жизни великій князь, словомъ, оправдывалъ слова одного иностраннаго наблюдателя: «Въ Россіи всѣ, женщины, дѣти, слуги, родственники, фавориты, всѣ слѣдуютъ за императорскимъ вихремъ, улыбаясь до смерти; чѣмъ ближе человѣкъ находится къ этому свѣтилу всѣхъ помысловъ, тѣмъ больше онъ невольникъ» [8]).

При такихъ условіяхъ великая княгиня Елена Павловна не могла выдвинуться изъ тѣхъ рамокъ, которыя создавало ей офиціальное положеніе ея супруга. Она однообразно вращалась въ утомительномъ круговоротѣ придворной жизни: «вечеромъ празднества, какія можно видѣть только въ Россіи, утромъ придворныя привѣт-

[1]) Aus der Peterb. Gesellschaft (1874). Ср. Переписку императора съ Конст. Павл. въ Рус. Ист. Сб., т. 131. [2]) *Golovine*, op. cit. [3]) *Герценъ*, письмо къ имп. Маріи Алекс. въ „Колоколѣ“ (1 ноября 1858 г.). [4]) Aus der Peterb. Gesellsch. [5]) Воспоминанія кн. Оболенскаго (въ „Рус. Стар.“, 1909, № 3). [6]) *Golovine*, op. cit. О его пребываніи въ Москвѣ и фамильярныхъ отношеніяхъ съ подчиненными см. Письма Булгакова („Рус. Арх.“, 1906, № 5) и Записки Бутурлина („Рус. Арх“. 1897, № 12). [7]) Записки Н. Муравьева („Рус. Арх.“ 1895 № 5). [8]) Aus der Peterb. Gesellsch.

ствія, церемоніи, пріемы или военные парады»...[1]) Выдающимся моментомъ являлся смотръ войскамъ на Царицыномъ лугу, а лѣтомъ маневры у Краснаго Села. Елена Павловна тяготилась такимъ существованіемъ. Въ разговорахъ съ близкими людьми она «съ негодованіемъ отзывалась о пустотѣ и мелочности интересовъ придворной жизни»[2]). Н. Н. Муравьеву она откровенно говорила (въ 1834 г.), «что занятія и родъ жизни здѣсь (въ Петербургѣ) не могли нравиться порядочному человѣку, привыкшему къ дѣятельности и къ путнымъ занятіямъ, и не совѣтовала (ему) дѣлать какія-либо усилія надъ собою, дабы примкнуть къ сему роду жизни, ибо отъ онаго теряются всѣ способности ума и души». «Кто хочетъ не наблюдать, долженъ ѣхать прочь отсюда», сказала она ему. «Между разговорами она сказала ему, что не постигаетъ, какимъ образомъ здѣсь должностные люди умѣли при разсѣянностяхъ еще заниматься дѣломъ»[3]). Къ тому же она не сочувствовала общему направленію внутренней политики императора Николая, особенно послѣднихъ лѣтъ. Въ семейномъ кругу она не обладала той долею вліянія, на которую давали ей право ея выдающіяся способности. Она была слишкомъ умна, чтобы не видѣть своего превосходства надъ мужемъ. Ихъ вкусы, ихъ взгляды во всемъ разнились. Духовные запросы великой княгини не могли встрѣтить сочувствія у Михаила Павловича, который «ничего ни письменнаго, ни печатнаго съ малолѣтства не любилъ» [4]), который изъ музыкальныхъ инструментовъ понималъ только барабанъ и презиралъ занятія искусствами [5]). Съ своей стороны великая княгиня, по обязанностямъ своего сана принужденная интересоваться военными занятіями своего супруга, не чувствовала къ нимъ никакого интереса, и въ публикѣ повторяли ея остроту «о философскомъ камнѣ военной выправки и игры носка», за призракомъ которыхъ тщетно гонялся великій князь [6]). Между ними невольно возникало взаимное отчужденіе; вел. князь избѣгалъ ея [7]), и какъ ни старалась вел. княгиня подлаживаться подъ вкусы своего супруга, но, когда дѣло доходило до принципіальныхъ вопросовъ, она не всегда умѣла сдержаться и по своей горячности даже при постороннихъ выражала свою досаду и прекращала разговоръ, выходя вонъ изъ комнаты. Взаимному отчужденію супруговъ способствовалъ пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на вел. князя Я. И. Ростовцевъ. Все это понятно создавало много раздраженія и много горечи въ душѣ вел. княгини [8]). Такимъ обра-

---

[1]) Ibid. [2]) Восп. Оболенск. („Рус. Стар.“ № 3). [3]) Зап. Муравьева („Рус. Арх“. 1894 № 8). [4]) Записки Вигеля. [5]) Записки Жемчужникова (въ „Вѣстн. Евр.“ 1900). [6]) Записки Бутурлина („Рус. Арх.“ 1897 № 12). [7]) Записки Н. Муравьева („Рус. Арх.“ 1894 № 8). [8]) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар.“ 1909 № 3).

зомъ, лишенная возможности при условіяхъ, сложившихся въ семьѣ Николая Павловича, проявить въ широкихъ размѣрахъ свои способности и жажду дѣятельности, она и въ собственномъ семейномъ кругу не занимала того мѣста, на какое имѣла право разсчитывать. «Умъ ея и дарованія, — писалъ про нее Н. Муравьевъ въ 1833 году,—высказываются въ каждой ея рѣчи, но ей, кажется, не даютъ настоящей цѣны» [1]). Дѣйствительно, при дворѣ цѣнили ея умственныя качества и ея широкій кругъ знаній, лишь поскольку это было необходимо для извѣстнаго блеска и для представительства. На нее возлагалась обязанность и честь «faire les honneurs de la litterature à la cour de l'Empereur de Nicolas» [2]). «Елена—это ученый нашей семьи (le savant de notre famille),—говорилъ про нее Николай графу Киселеву:—я къ ней отсылаю европейскихъ путешественниковъ; въ послѣдній разъ это былъ Кюстинъ, который завелъ со мною разговоръ объ исторіи православной церкви, я тотчасъ отправилъ его къ Еленѣ, которая разскажетъ ему болѣе, чѣмъ онъ самъ знаетъ» [3]). Закинутые въ Петербургъ иностранцы прославляли ее: «Cette princesse si belle, si spirituelle est celebre en Europe par la grâce de ses manières et l'interêt de sa conversation» [4]). Эта слава умной женщины (femme d'esprit) [5]) не могла удовлетворить горячую натуру вел. княгини. Не находя исхода своему честолюбію, она тратила свой вынужденный досугъ на то, чтобы блистать въ дворцовыхъ кругахъ. Ея туалеты затмевали всѣ прочіе, ея праздники и маскарады «на роскошныхъ лѣстницахъ Михайловскаго дворца» не только отличались ослѣпительной роскошью и вкусомъ, но и кипѣли «необыкновенной оживленностью и веселостью, которыя умѣла вдохнуть хозяйка-фениксъ» [6]). «На каждомъ празднествѣ, которое даетъ вел. княгиня Елена Павловна, — писалъ Кюстинъ, — она сочиняетъ, какъ мнѣ говорили, что-нибудь необычайное, я ничего не видалъ столь великолѣпнаго и лучше организованнаго». Самъ Николай Павловичъ восхищался въ этомъ отношеніи ея искусствомъ. Но среди всего этого блеска сама вел. княгиня не чувствовала себя удовлетворенной. Вынужденное бездѣйствіе ее томило: «Elle est distinguée»,—писалъ про нее одинъ иностранецъ,— mais elle a l'air de s'ennuyer» [7]). На ней тяжело отзывалось отсутствіе простора для ея широкихъ интересовъ, необходимость тянуться

---

[1]) Записки Н. Муравьева („Рус. Арх.“ 1894, № 8). [2]) *Кюстинъ.* [3]) *Заблоцкій-Десятовскій*, Гр. Киселевъ и его время, loc. cit. [4]) *Кюстинъ*, „Эта княгиня, столь прекрасная, столь умная, славится въ Европѣ изяществомъ манеръ и интересомъ разговора“. [5]) *Golovine*, op. cit. [6]) Записки Корфа („Рус. Стар.“ 1899, № 11). Афиша маскарада 2 февр. 1844 въ „Рус. Арх.“ 1884, № 5. [7]) *Кюстинъ*, „Она полна достоинства, но имѣетъ видъ скучающій“.

за дворцовой жизнью, жить чужими интересами и для посторонних взглядовъ. Ей приходилось все время играть роль,—роль супруги царскаго брата [1]). Она поэтому казалась «moins naturelle et plus contrainte, que les autres femmes de la famille impériale» [2]). Она не хотѣла ставить себя на равную ногу съ придворной толпой, сохраняя сознаніе своего сана, хотя безъ всякой сухости («elle garde son rang sans roideur aucune») [3]). При дворѣ ея не долюбливали. Въ императорской семьѣ она стояла особнякомъ. Съ императрицей у нея существовалъ какой-то чисто женскій антагонизмъ, котораго она не скрывала; ея умъ, вкусъ, умѣніе одѣться и вообще показать себя навлекали на нее со стороны императрицы извѣстную долю зависти, которая выражалась въ мелкихъ семейныхъ дрязгахъ. Если вѣрить злымъ языкамъ, дѣло доходило до того, что таможенные чиновники рылись на границѣ въ ея сундукахъ, отчего заграничные туалеты ея пріѣзжали помятыми [4]). Съ своей стороны она нѣсколько будировала, стояла немного въ оппозиціи къ двору. Она любила въ разговорѣ съ посторонними подчеркнуть, что критически относится къ направленію, господствующему въ высшихъ сферахъ, съ негодованіемъ отзывалась объ отсутствіи всякаго желанія узнать и понять нужды края, объ общемъ равнодушіи и пустомъ, безжизненномъ формализмѣ, губящемъ все [5]), и выражала свое благорасположеніе къ опальнымъ вельможамъ въ родѣ А. П. Ермолова или Н. Н. Муравьева [6]). Ея ѣдкія остроты и нѣсколько кричащія фразы повторялись въ извѣстныхъ кругахъ Петербурга. Она любила говорить противъ деспотизма и слегка афишировать свои демократическіе принципы: въ 1848 г., въ самый разгаръ реакціи, она находила возможнымъ съ горячностью проповѣдывать: «Il n'y a pas d'aussi peu monarchique que le despotisme; l'Empereur est democrate sans s'en douter» [7]). Въ широкой публикѣ о ней, впрочемъ, доходили только какіе-то неопредѣленные слухи, про нее знали лишь какъ про «женщину болѣзненную, своенравную» [8]).

Женщина властная, «личность дѣловая и способная принять участіе въ какомъ угодно государственномъ дѣлѣ» [9]), Елена Павловна не хотѣла и не могла отказаться отъ извѣстнаго вліянія на

---

[1]) Записки Н. Муравьева, (loc. cit.) [2]) *Кюстинъ*, „Менѣе естественной и болѣе натянутой, чѣмъ прочія дамы изъ императорской семьи". [3]) *Заблоцкій-Десятовск.*, III, loc. cit. [4]) *Colovine*, op. cit. Ср. въ Записк. Н. Муравьева, loc. cit. [5]) Восп. Оболенскаго („Рус. Ст." 1909, № 3). [6]) Зап. Муравьева, loc. cit. [7]) Дневникъ Валуева (въ „Рус. Стар." 1891 г., № 4). „Ничто такъ не противорѣчитъ монархическому принципу, какъ деспотизмъ; императоръ, самъ того не подозрѣвая, — демократъ". [8]) Восп. Оболенскаго („Рус. Ст." 1909, № 3). [9]) Записки Инсарскаго („Рус. Стар.", 1906 г. № 5).

ходъ дѣлъ при дворѣ, ее раздражало пассивное устраненіе ея мужа отъ государственной жизни, и въ этомъ отношеніи она достигла того, что съ нею при дворѣ считались болѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ прочихъ членовъ императорской семьи. Николай Павловичъ уважалъ въ ней умную и тактичную женщину. Она, такимъ образомъ, пріобрѣла извѣстную долю вліянія. Ея мужъ нерѣдко пользовался ея посредничествомъ передъ императоромъ [1]). На безлюдьѣ, характеризующемъ безцвѣтное царствованіе Николая, она, будучи принуждена вращаться въ тѣсномъ кругу чиновной знати, искала общества тѣхъ сановниковъ и генераловъ, которые хоть нѣсколько выдѣлялись изъ общей среды сравнительной независимостью сужденій или образованіемъ. У нея мы встрѣчаемъ послѣднихъ представителей Александровской эпохи съ ихъ своеобразнымъ либерализмомъ благовоспитанныхъ, но честныхъ царедворцевъ: гр. П. Д. Киселева, гр. Блудова, и на ряду съ ними чиновниковъ если не либеральныхъ, то во всякомъ случаѣ выдѣлявшихся своимъ образованіемъ, какъ гр. Уваровъ или кн. Горчаковъ, любителей-художниковъ изъ высшаго круга, какъ гр. Матвѣй Віельгорскій [2]). Въ этомъ кругу образованныхъ сановниковъ вел. княгиня Елена Павловна слѣдила за ходомъ государственныхъ дѣлъ, интересовалась университетской жизнью [3]), реформой городской думы [4]), крестьянскимъ вопросомъ въ той мѣрѣ, въ какой этотъ вопросъ ставился въ правительственныхъ кругахъ того времени. Впослѣдствіи она изумляла молодыхъ чиновниковъ своимъ знакомствомъ съ русскими учрежденіями [5]). Особенный интересъ она проявляла одно время къ вопросамъ церковнаго характера [6]). Раздвинуть свое общество за предѣлы этого узкаго круга немногочисленной придворной интеллигенціи было вел. княгинѣ почти невозможно: за ея посѣтителями, какъ и за посѣтителями Михаила Павловича, былъ установленъ строгій контроль [7]). Между тѣмъ по своему характеру она была женщина широкаго круга; въ ней несомнѣнно была жива общественная жилка, которая не позволяла ей замкнуться въ томъ тѣсномъ обществѣ, которое ей было навязано придворнымъ бытомъ. «Маленькій кругъ, coterie,— говорила она графинѣ А. Д. Блудовой, тогда молодой дѣвушкѣ, причиняетъ большой вредъ; онъ суживаетъ горизонтъ, онъ развиваетъ предразсудки, вмѣсто твердости онъ внушаетъ упрямство. Для сердца нужно держаться друзей, но для ума нуженъ элементъ новизны, нужно противорѣчіе, нужно знать, что дѣлается внѣ вашего

---

1) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909 № 3). 2) Ibid. 3) Мат. для біогр. кн. Черкасск., II 26. 4) Записки М. А. Милютиной („Рус. Стар." 1899 № 1). 5) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909 № 3). 6) См. выше отзывъ имп. Николая. 7) Зап. Н. Муравьева („Рус. Арх." 1895 № 3).

дома»[1]). Когда вел. княгиня уѣзжала изъ Петербурга въ Москву лѣчиться минеральными водами, на югъ или за границу, она на время мѣняла обстановку петербургскаго двора на болѣе широкую и непринужденную жизнь, и тутъ проявлялась вся общительность ея характера. Она любила Москву, гдѣ у ней на Остоженкѣ, на живописныхъ тогда берегахъ Москвы рѣки, былъ собственный дворецъ съ дивнымъ видомъ по направленію къ Воробьевымъ горамъ[2]); въ Москвѣ она очень веселилась, бывала запросто въ частныхъ домахъ, гдѣ для нея устраивались вечеринки и концерты[3]). Точно такъ же въ Крыму, въ Мисхорѣ, она, вдали отъ двора, могла организовать свою жизнь по-своему: принимала большое общество, устраивала танцовальные вечера, ставила подъ собственнымъ наблюденіемъ живыя картины, придавая всему тонъ, полный радушія, лишенный всякой офиціальности[4]). Лишь очень поздно и постепенно удалось вел. княгинѣ и въ Петербургѣ образовать вокругъ себя общество, которое бы соотвѣтствовало ея вкусамъ.

Сороковые годы были тяжелыми годами для Елены Павловны. Въ 1845 году умерла дочь ея, Елизавета, а въ слѣдующемъ году— другая дочь, Марія. Изъ пятерыхъ дѣтей у ней оставалась одна— вел. княжна Екатерина Михайловна, и къ ней были обращены всѣ заботы матери. Екатерина Михайловна входила въ тотъ возрастъ, когда принято молодымъ дѣвушкамъ появляться въ обществѣ, но слабое здоровье вел. княгини не позволяло ей самой вывозить дочь на вечера и дѣлать у себя пріемы. Желаніе доставить развлеченіе дочери открыло ей постепенно возможность создать собственный кружокъ. Въ Михайловскомъ дворцѣ, сперва на квартирѣ княгини Одоевской, а позднѣе у своей гофмейстерины княжны Львовой, она собирала молодежь и сама являлась съ дочерью въ качествѣ гостьи. Такъ получили свое начало вечера «подъ фирмою кн. Львовой», впослѣдствіи развившіеся въ тотъ блестящій салонъ, который игралъ одно время выдающуюся роль въ жизни Петербурга. Но и тутъ долгое время кругъ знакомыхъ, приглашаемыхъ запросто къ кн. Львовой, былъ очень ограниченный. Изъ молодыхъ людей, не принадлежавшихъ ко двору въ тѣсномъ смыслѣ слова, здѣсь появляются первоначально родственники близкихъ къ вел. княгинѣ лицъ: кн. Оболенскій, товарищъ брата кн. Львовой, и Н. А. Милютинъ, племянникъ Киселева. Кн. Оболенскій въ своихъ

---

[1]) Восп. А. Д. Блудовой въ „Рус. Арх.“ 1878 г. № 3. [2]) На Остоженкѣ, на мѣстѣ, занимаемомъ въ настоящее время лицеемъ цесар. Николая, въ саду котораго сохранились службы дворца. [3]) Письма Булгакова („Рус. Арх.“ 1906 № 5). Зап. Муравьева („Рус. Арх.“, 1894, № 9). [4]) Зап. Щербинина („Рус. Арх.“ 1876).

запискахъ о вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ вспоминаетъ о своемъ первомъ приглашеніи въ Михайловскій дворецъ: «Въ одно прекрасное утро, въ концѣ зимы 1847 года, получаю я отъ кн. Львовой записку съ приглашеніемъ на вечерній чай и съ предупрежденіемъ, что у нея будетъ вел. княгиня Елена Павловна. Не имѣвъ до сего времени доступа ни въ какой дворецъ, я въ особенности не ожидалъ никогда переступить порогъ Михайловскаго дворца, въ которомъ жилъ тогда великій князь Михаилъ Павловичъ, наводившій страхъ и ужасъ на всю военную молодежь, а въ глазахъ насъ, штатскихъ, представлявшійся чѣмъ-то прямо звѣремъ... Въ опредѣленный часъ я явился въ Михайловскій дворецъ на квартиру къ кн. Львовой. Тутъ я былъ встрѣченъ привѣтливой хозяйкой, которая объявила мнѣ, что вел. княгиня сойдетъ къ ней съ вел. княжной Екатериной Михайловной, и просила меня не смущаться явленіемъ сихъ царственныхъ особъ, потому что онѣ очень любезны и просты въ обращеніи. Дѣйствительно, скоро вошли въ гостиную обѣ вел. княгини... Елена Павловна сѣла за особый чайный столикъ, къ которому и меня пригласила сѣсть, а Екатерина Михайловна заняла мѣсто у другого чайнаго стола съ фрейлинами и приглашенными дѣвицами. Съ первыхъ же словъ вел. княгиня поразила меня и простотой своего обращенія и живостью своего разговора. Она объявила мнѣ, что знаетъ, что я служу въ Гражданской Палатѣ, что прежде я служилъ въ Казани и Тулѣ, сдѣлала нѣсколько дѣльныхъ вопросовъ о ходѣ дѣлъ въ Гражданской Палатѣ... Понятно, робость скоро во мнѣ исчезла, и я отвѣчалъ вел. княгинѣ съ желаніемъ дать ей почувствовать, что отношусь къ нашему судебному порядку критически. Бесѣда наша скоро была прервана начавшимися «petits jeux», куда и я былъ позванъ» [1]).

Почти одновременно съ Оболенскимъ въ салонъ кн. Львовой является и будущій дѣятель крестьянской реформы Н. А. Милютинъ. Великой княгинѣ онъ былъ представленъ лѣтомъ 1846 г., когда она заинтересовалась со словъ гр. Киселева реформой городового положенія и просила его привезти къ ней его племянника, принимавшаго дѣятельное участіе въ разработкѣ проекта [2]). Долгое время Оболенскій и Милютинъ были единственными представителями непридворной молодежи на вечерахъ у кн. Львовой. Эти вечера уже съ зимы 1847—48 гг. превратились въ опредѣленные «четверги» [3]). На нихъ появлялся иногда самъ вел. князь Михаилъ Павловичъ «съ сигарой во рту и съ громадной собакой», какъ его видѣлъ здѣсь

---

[1]) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909 № 3). [2]) Зап. Милютиной („Рус. Стар." 1899 № 1). [3]) Восп. Обол. („Рус. Стар." 1909 № 3).

Рубинштейнъ незадолго до его смерти, шутилъ и острилъ, затѣмъ садился за партію въ шахматы съ одной изъ дамъ [1]). Вечера у кн. Львовой дали, такимъ образомъ, возможность вел. княгинѣ нѣсколько выйти изъ тѣхъ рамокъ, въ которыя она была поставлена. Здѣсь впервые она столкнулась съ тѣми, кто сами себя называли «представителями молодого поколѣнія». Она находила удовольствіе втягивать своихъ собесѣдниковъ въ разговоры «самаго животрепещущаго свойства», любила вовлекать молодыхъ людей въ споры со стариками. «Нерѣдко—говоритъ Оболенскій,—я служилъ, какъ представитель молодого поколѣнія, оселкомъ, надъ которымъ вел. княгиня пробовала современное достоинство высказанныхъ идей». Гости княжны Львовой являлись для нея единственнымъ средствомъ общенія съ внѣшнимъ міромъ. При жизни Михаила Павловича она, впрочемъ, не могла развернуться; до самой его кончины она была крайне стѣснена въ приглашеніи лицъ, не имѣющихъ права пріѣзда ко двору. Къ тому же присутствіе вел. князя стѣсняло и гостей, которые не безъ страха встрѣчали его даже на улицѣ, и самое вел. княгиню, которую раздражалъ тонъ его разговора [2]).

Большую перемѣну въ судьбѣ Елены Павловны произвела внезапная смерть великаго князя Михаила Павловича въ 1849 году. Тѣ ограниченія, которыя налагалъ на нее до сихъ поръ ея офиціальный санъ, теперь въ значительной степени отпадали. Она была гораздо болѣе свободна и въ выборѣ общества, и въ образѣ жизни. Михайловскій дворецъ преобразился. Послѣ кончины вел. князя онъ сдѣлался средоточіемъ всего интеллигентнаго общества: «все именитое и выдающееся въ обществѣ» съѣзжалось теперь, главнымъ образомъ, къ вел. княгинѣ, тѣмъ болѣе что болѣзнь императрицы не позволяла послѣдней дѣлать пріемы. Кругъ лицъ, приглашаемыхъ на эти вечера, со смерти Михаила Павловича все болѣе расширялся. Здѣсь встрѣчался сановный Петербургъ съ разночиннической толпой лицъ изъ непридворной интеллигенціи, это разнообразіе нравилось вел. княгинѣ и льстило, кажется, ея самолюбію. Она любила называть свои вечера «морганатическими» (soirees morganatiques). Эти вечера не имѣли еще того политическаго значенія, которое они пріобрѣли позднѣе, но среди высшаго петербургскаго общества они «представляли собою явленіе небывалое». «Непринужденное, веселое и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то радушное настроеніе» господствовало на нихъ [3]). Среди гостей появлялся

---

[1]) Зап. Рубинштейна („Рус. Стар." 1889 № 11) и Восп. Оболенскаго [2]) Восп. кн. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909 № 3). [3]) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909, № 3). Записки Рубинштейна („Рус. Стар." 1889 № 11).

императоръ Николай Павловичъ, который просиживалъ иной разъ цѣлый вечеръ у рояля, возлѣ Рубинштейна, насвистывая подъ его музыку [1]). Императоръ тосковалъ послѣ смерти брата, которая произвела на него сильное впечатлѣніе, онъ сразу посѣдѣлъ, сдѣлался скученъ; съ этихъ поръ пропала его грубоватая шутливость; наоборотъ, стала проявляться старческая утомляемость [2]). Естественнымъ образомъ вдова любимаго брата теперь вызывала съ его стороны глубокую симпатію, которая, кажется, постепенно крѣпла и складывалась въ искреннія отношенія съ обѣихъ сторонъ. Императоръ ежедневно навѣщалъ вел. княгиню, охотно съ ней совѣтовался и дорожилъ ея мнѣніемъ [3]). Такимъ образомъ незамѣтно для себя Елена Павловна пріобрѣтала политическое значеніе. Это у нея на одномъ изъ раутовъ зародилась Крымская война, у нея близъ камина произошелъ между императоромъ Николаемъ и представителемъ Англіи историческій разговоръ, который вызвалъ войну 1855—56 гг. [4]). Начавшаяся война открыла извѣстный просторъ для жажды дѣятельности, присущей вел. княгинѣ. Она со свойственной ей энергіей и дѣловитостью принялась за организацію врачебной помощи посредствомъ особыхъ отрядовъ сестеръ милосердія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Императоръ былъ нѣсколько предубѣжденъ противъ идеи сестеръ милосердія: его шокировала мысль о присутствіи женщинъ въ лагеряхъ; но вел. княгиня добилась разрѣшенія сдѣлать опытъ. Тогда закипѣла работа, Михайловскій дворецъ былъ превращенъ въ мастерскую бѣлья и въ складъ врачебныхъ матеріаловъ; вел. княгиня привлекла къ дѣлу лучшія медицинскія силы (достаточно назвать Н. И. Пирогова); преодолѣвъ главное препятствіе въ несочувствіи императора, она дѣйствовала въ открытую: «не только какъ вел. княгинѣ, ей какъ женщинѣ снисходительно уступали даже тѣ, кому дико казалось затѣваемое ею нововведеніе» [5]).

Послѣ первыхъ неудачъ русскихъ на Дунаѣ «вскрылась, по словамъ Оболенскаго, полная несостоятельность Россіи въ военномъ, финансовомъ, политическомъ и административномъ отношеніяхъ». Всѣ высшіе представители власти пришли «въ какое-то оцѣпенѣніе». Старыя сложившіяся условія административнаго быта были расшатаны, старыя силы оказывались несостоятельными, а новыя только формировались среди всеобщаго «хаоса», выплывали новыя второстепенные дѣятели. Вел. княгиня Елена Павловна при-

---

[1]) Зап. Рубинштейна („Рус. Стар.“ 1889, № 11). [2]) Aus der Peterb. Gesellschaft. [3]) Восп. Обол. („Рус. Стар.“ 1909, № 3). *Побѣдоносцевъ*, Вѣчная Память. [4]) Зап. Рубинштейна („Рус. Стар.“ 1889, № 11) и Восп. Оболенскаго. („Рус. Стар.“ 1909, № 3). [5]) Восп. Оболенскаго, Восп. Блудовой, „Вѣчная Память“ *Побѣдоносцева* и др.

сматривалась къ общему броженію. Она явно стремилась не упустить изъ рукъ наступившихъ условій. Она слѣдитъ за общественнымъ настроеніемъ, пытается въ это время вовлечь въ кругъ политическихъ интересовъ, если не безхарактернаго и пассивнаго цесаревича, то его супругу, скромную и застѣнчивую Марію Александровну. До нея доходили и отчасти для нея спеціально составлялись записки по самымъ разнообразнымъ предметамъ, эти записки она пропагандировала въ сферахъ. Близкимъ къ вел. княгинѣ лицамъ казалось, что она начинаетъ соединять у себя всѣ тѣ новые центры, которые слагались на развалинахъ Николаевской администраціи [1]).

Среди всеобщей растерянности въ высшихъ сферахъ, смутнаго броженія и полнаго внутренняго разлада умеръ императоръ Николай. Смерть его поразила какъ громомъ современниковъ, свыкшихся съ тѣми формами, въ которыя сложилась русская жизнь въ теченіе двадцатилѣтняго царствованія сѣвернаго колосса. Чувство «ужаса», охватившее въ первую минуту общество, смѣнилось затѣмъ извѣстнымъ чувствомъ облегченія, смутнымъ чаяніемъ чего-то лучшаго.

«Какое-то неопредѣленное чувство надежды и сомнѣнія» охватило не только общество, но и высшія сферы. Великая княгиня вдругъ воскресаетъ. Тотъ моментъ, котораго она безсознательно дожидалась въ теченіе долгихъ лѣтъ, наступалъ. Въ умершемъ императорѣ она теряла «искренняго любящаго ее друга и современника», но вмѣстѣ съ тѣмъ, пока онъ былъ живъ, ей было невозможно выйти изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя ставило ее создавшееся еще при покойномъ Михаилѣ Павловичѣ положеніе уважаемой невѣстки государя [2]). Теперь «подъ милостивымъ скипетромъ почтительнаго племянника» [3]) открывался просторъ для ея честолюбивыхъ помысловъ. Теперь она была старшимъ членомъ семьи, и это давало ей значительный авторитетъ. Не успѣлъ скончаться Николай Павловичъ, на слѣдующій день послѣ его смерти она вызываетъ къ себѣ Оболенскаго, въ то время служившаго въ морскомъ вѣдомствѣ, чтобы чрезъ его посредство побудить къ дѣятельности вел. кн. Константина; изъ длиннаго разговора ея собесѣдникъ вывелъ заключеніе, что она твердо рѣшилась пріобрѣсти вліяніе съ цѣлью по возможности парализовать вліяніе лицъ, которыхъ она считала въ особенности вредными [4]). Происшедшую перемѣну въ вел. княгинѣ отмѣтилъ и тонкій, хотя осторожный, наблюдатель, московскій митрополитъ Филаретъ, кото-

---

[1]) *Барсуковъ*, op. cit. XII, 524, XIII, 78. Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909, № 3). [2]) Восп. Обол. („Рус. Стар." 1909, № 8). [3]) Aus der Pet. Gesellsch. [4]) Восп. Обол. („Рус. Стар." 1909 № 3).

рый писалъ про вел. княгиню приблизительно въ описываемое время, что она всегда отличалась любознательностью, «нынѣ и предпріимчивостью» [1]). Она не упускала теперь случая являться на придворныхъ торжествахъ и показывать себя рядомъ съ императорской четой. Въ августѣ 1855 года она присутствовала на коронаціи въ Москвѣ, гдѣ она произвела превосходное впечатлѣніе. Она была въ то время еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ, кипѣла энергіей и порывами, которые сдерживала такъ долго въ душѣ. Моложавая для своихъ 50 лѣтъ, красивая, все еще кокетливая, она на торжествѣ коронаціи выдѣлялась попрежнему своей внѣшностью и убранствомъ. «Бриліантовая повязка и падающія съ нея жемчужныя нити,— писала ея фрейлина баронесса Раденъ,—удивительно идутъ къ пушистымъ русымъ локонамъ и розовому оттѣнку нѣжной кожи великой княгини. Откуда берутся у нея эта молодость и эта свѣжесть?» [2]). «Что особенно замѣчательно,—писалъ нѣсколько лѣтъ позднѣе Инсарскій,—при ея лѣтахъ она была очаровательна, какъ женщина» [3]). Среди молодого поколѣнія членовъ императорской семьи она стояла попрежнему одинокой. Ни съ кѣмъ изъ нихъ она не была въ особенно близкихъ отношеніяхъ; они относились къ ней какъ «къ умной, своенравной тетушкѣ, живущей въ мірѣ, для нихъ чуждомъ». Единственное лицо, съ которымъ еще при Николаѣ она сблизилась, былъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Великая княгиня уже при организаціи врачебной помощи въ Крыму должна была войти въ сношенія съ морскимъ вѣдомствомъ и встрѣтила въ вел. князѣ и его сотрудникахъ полную поддержку. Такимъ образомъ очень рано создалась тѣсная связь Михайловскаго дворца съ морскимъ вѣдомствомъ. Смерть Николая Павловича выдвигала впередъ фигуру Константина Николаевича. Его либеральныя тенденціи, его выдающіяся дарованія, его мнимыя права на престолъ и предполагаемые замыслы дѣлали его предметомъ вниманія и даже безпокойства. Великая княгиня мечтала использовать его положеніе. Чрезъ посредство Оболенскаго и косвенно черезъ Головнина она старалась вовлечь его глубже въ государственныя дѣла.

Первые дни новаго царствованія не ознаменовались ничѣмъ особеннымъ, если не считать указовъ о перемѣнѣ формъ обмундированія. Дѣла въ Крыму шли хуже и хуже. Въ обществѣ уже открыто выражалось негодованіе. Какая-то безпомощная растерянность господствовала въ правительственныхъ сферахъ. Общественному мнѣнію были пожертвованы выдающіеся сановники минувшаго цар-

---

[1]) „Рус. Арх.“ 1906, III, 214. [2]) *Кони*, op. cit. [3]) Зап. Инсарск. („Рус. Стар.“ 1906, № 5).

ствованія, съ именами которыхъ было связано представленіе о непопулярныхъ мѣрахъ императора Николая, но на ряду съ этимъ явнымъ фаворомъ пользовался вновь назначенный членъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, генералъ Ростовцевъ, бывшій наперсникъ вел. князя Михаила Павловича и вліятельный сотрудникъ императора Николая. Къ концу Крымской кампаніи чувствовалась неизбѣжность существенныхъ реформъ, «всѣ самые важные вопросы носились, такъ сказать, въ воздухѣ». Среди всей этой неопредѣленности плановъ и намѣреній выдѣляются два центра, вокругъ которыхъ сплочиваются тѣ лица, которыя ясно сознавали необходимость преобразованія,—морское министерство и салонъ вел. княгини. По мѣрѣ того, какъ все болѣе выясняется неизбѣжность реформъ, салонъ великой княгини пріобрѣтаетъ новыя, болѣе яркія черты; онъ дѣлается ареной обсужденія возникающихъ вопросовъ. Великая княгиня пристально слѣдила за общественнымъ движеніемъ. Къ ней обращались со всевозможными предположеніями, разсчитывая на ея вліяніе; черезъ ея руки переходило безчисленное количество всевозможныхъ записокъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: о финансовыхъ реформахъ, о судебныхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ, о преобразованіи арміи, даже проекты желѣзныхъ дорогъ и пр. и пр. У кн. Оболенскаго набралось за это время два ящика, полные записками по этимъ вопросамъ. Вел. княгиня имѣла терпѣніе не только принимать, но читать эти записки [1]).

Первый и наиболѣе существенный изъ назрѣвшихъ вопросовъ былъ, конечно, вопросъ крестьянскій. Необходимость покончить съ крѣпостнымъ правомъ чувствовалась очень ясно во всѣхъ кругахъ общества. Сознаніе неизбѣжности крестьянской реформы было живо въ императорской семьѣ. Тѣмъ не менѣе, въ высшемъ правительствѣ воззрѣнія по этому вопросу не отличались опредѣленностью. Сами слова государя давали поводъ для всевозможныхъ сужденій, и, чѣмъ выше было общественное положеніе лицъ, тѣмъ неопредѣленнѣе были ихъ взгляды. Въ кругахъ, близкихъ къ императору, на весь крестьянскій вопросъ, по мѣткому выраженію Кавелина, «смотрятъ литературно, т.-е. съ точки зрѣнія общихъ мѣстъ, подъ которыми мирно будутъ уживаться гр. Киселевъ съ Муравьевымъ и кн. Гагаринъ съ Кошелевымъ». Здѣсь еще въ 1857 году налицо лишь «честное сочувствіе къ самому дѣлу», но «опредѣленной мысли объ этомъ предметѣ нѣтъ» [2]). Весь вопросъ представлялся смутно въ по-

---

[1]) Восп. Обол. („Рус. Стар." 1909 № 3). Aus der Peterb. Gesellschaft. [2]) *Кавелинъ*, Собр. сочин. (изд. Глаголева) II, 1169, 1159.

нятіяхъ царственныхъ особъ, на него глядѣли, какъ на вопросъ модный, «современный», по выраженію вел. князя Константина Николаевича. Члены императорской семьи относились къ нему съ различнымъ участіемъ. Вел. кн. Марія Николаевна была противъ, какъ говорили въ обществѣ, и опасались, что это можетъ повредить дѣлу по ея вліянію. Къ началу 1856 года императрица и Константинъ Николаевичъ «не произнеслись еще никакъ, но оба сильно интересуются вопросомъ». Смутно представляется въ первыя минуты и дальнѣйшій ходъ вопроса; въ концѣ 1856 года при дворѣ говорятъ о намѣреніи императора созвать нѣсколькихъ «магнатовъ» и предложить имъ вопросъ о крестьянской реформѣ [1]).

Сравнительно болѣе сознательно смотрѣла на предстоящую работу одна великая княгиня. Уже въ началѣ 1856 г. въ Москвѣ было извѣстно, что она «стоитъ горой за это дѣло». Подъ вліяніемъ многочисленныхъ записокъ по крестьянскому вопросу, она даже отдавала себѣ отчетъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ реформы, сознавая, напримѣръ, «что безъ вознагражденія владѣльцевъ дѣло не обойдется» [2]). Она давно уже, судя по всему, интересовалась вопросомъ. Впослѣдствіи, во время работъ по крестьянской реформѣ, она говорила императрицѣ: «Я всегда думала объ эмансипаціи» [3]). Какъ владѣтельница крупныхъ имѣній въ Полтавской губерніи (она сама любила не безъ аффектаціи называть себя полтавской помѣщицей) [4]) и близъ Ораніенбаума, она входила въ нужды и въ жизнь своихъ крестьянъ. Въ сороковыхъ годахъ она проявляла въ разговорахъ «такую обширность свѣдѣній объ вѣрованіяхъ и предразсудкахъ нашего народа, что едва ли деревенскія барыни-хозяйки имѣютъ столько свѣдѣній о бытѣ народномъ и въ такой подробности» [5]). Въ запискахъ современниковъ попадаются указанія, рисующія вел. княгиню съ чертами чрезвычайно заботливой по отношенію къ ея крестьянамъ хозяйки. Въ 1833 г., когда въ Малороссіи былъ неурожай, она, напримѣръ, дѣятельно заботилась о снабженіи крестьянъ ея имѣній продовольствіемъ [6]). Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ ее интересовалъ, несомнѣнно, еще при Николаѣ. Есть основанія полагать, что гр. Киселевъ сообщалъ ей весь ходъ работъ по этому вопросу; по крайней мѣрѣ, въ 1853 г., когда Гакстгаузенъ представлялся ей, она посовѣтовала ему обратиться къ гр. Киселеву и познакомиться съ запиской Заблоцкаго-Десятовскаго «Историческій обзоръ состоянія крестьянъ или крѣпостного права»,

---

[1]) Восп. Обол. („Рус. Стар.“ 1909. № 3). *Барсуковъ*, op. cit. XIV, 213. [2]) *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, XIV, 213. (Письмо Кавелина). [3]) Матер. къ біогр. кн. Черкасскаго, II, 103. [4]) „Русскій Архивъ“ 1884, № 2, стр. 315. [5]) *Семевскій*, Крест. вопросъ, т. II (Зап. Мяснова). [6]) „Русскій Архивъ“ 1884, № 2, стр. 314—315.

составленной по предписанію Киселева [1]). Когда группа тульскихъ дворянъ въ 1847 году составляла проектъ освобожденія крестьянъ, то Елена Павловна не только была освѣдомлена, но даже пожелала познакомиться съ однимъ изъ авторовъ проекта—Мясновымъ, когда онъ былъ въ Петербургѣ, и удостоила его «милостивой и откровенной бесѣды болѣе двухъ часовъ» [2]). Все это показываетъ, что великая княгиня во всякомъ случаѣ уже въ 40-хъ годахъ слѣдила за крестьянскимъ вопросомъ. Еще ближе поставило ее къ нему знакомство съ той литературой записокъ и проектовъ, о которыхъ сказано выше. Общей темой большинства изъ нихъ было указаніе на необходимость отмѣны крѣпостного права. Всѣ эти записки читались вел. княгиней, и на многихъ изъ нихъ сохранились отмѣтки, сдѣланныя ея рукой [3]). Особенное вліяніе оказали на ея кругозоръ записка полтавскаго помѣщика В. В. Тарновскаго, а также статья и яркая записка проф. К. Д. Кавелина. Этимъ объясняется, что въ то время, какъ прочіе члены императорской семьи медлили высказаться по «современному» вопросу, не имѣя о немъ никакого опредѣленнаго мнѣнія, Елена Павловна уже составила себѣ нѣкоторое представленіе о дѣлѣ.

Ея горячій темпераментъ, преизбытокъ энергіи, а больше всего, можетъ быть, кипучее честолюбіе заставляли ее взять дѣло въ свои руки. Со свойственной ей рѣшительностью она задумала средство сдвинуть съ мѣста интересовавшій ее вопросъ. Въ Полтавской губ. у нея было громадное имѣніе, состоявшее изъ 12 селеній, подъ общимъ названіемъ Карловки, имѣвшее при 9.090 кв. дес. земли населеніе въ 7.392 мужчины и 7.625 женщинъ [4]). Великая княгиня задумала освободить населеніе Карловки. Тутъ несомнѣнно играло роль желаніе получить извѣстный пріоритетъ въ вопросѣ, который волновалъ русское общество. Никакого опредѣленнаго плана и предположеній у ней не было, когда, приблизительно уже въ мартѣ 1856 г., она сообщила императору свое намѣреніе показать на своихъ владѣніяхъ Полтавской губ. примѣръ добровольнаго освобожденія крестьянъ частнымъ владѣльцемъ. Императоръ изъ словесныхъ заявленій вел. княгини вынесъ тоже довольно неопредѣленное впечатлѣніе, а именно, что она хочетъ «что-то у себя попробовать въ Карловкѣ» [5]), и дѣйствительно, въ первые моменты мы имѣемъ дѣло съ попыткой создать какой-то опытъ. Любопытно, что намѣреніе вел. княгини не бы-

---

[1]) *Семевскій,* Крест. вопросъ, II. [2]) Ibidem. [3]) *Кони,* op. cit. [4]) „La Cloche" *Герцена,* 1860, іюнь, и *Кони,* op. cit. [5]) Записки Оболенскаго. („Рус. Стар." 1909 № 4).

звало среди окружавшихъ ее лицъ особеннаго восторга. Та поспѣшность и отсутствіе плана, съ которыми она бросилась за дѣло, заставляли призадуматься наиболѣе горячихъ сторонниковъ эмансипаціи. Когда въ интимномъ кругу приближенныхъ ей лицъ сдѣлалось извѣстно ея намѣреніе подать императору спеціальную записку по этому вопросу, гр. Киселевъ первый отговаривалъ ее отъ этой мысли [1]). Милютинъ, къ которому она обратилась съ просьбой составить такую записку, отвѣчалъ, «что теткѣ государя не слѣдуетъ довольствоваться подачею примѣра личнаго великодушія; если она желаетъ взять на себя въ этомъ дѣлѣ иниціативу, то ей слѣдуетъ въ запискѣ попробовать изложить общія основанія, на которыхъ возможно было бы выпустить крестьянъ на волю, но т. к. вопросъ этотъ еще не выясненъ въ законодательной работѣ, то онъ совѣтовалъ пока повременить» [2]). Впослѣдствіи, въ письмѣ отъ 19 октября 1856 г., излагалъ онъ ей свои затрудненія: «Я былъ бы счастливъ—писалъ онъ—оправдать высокое довѣріе, коимъ ваше императорское высочество соблаговолило меня почтить; но чѣмъ глубже я вникаю въ важность моихъ обязанностей, тѣмъ болѣе я чувствую недостаточность моихъ средствъ; чтобы не ошибиться въ оцѣнкѣ и въ сужденіяхъ по современнымъ вопросамъ, надо имѣть положительныя данныя, которыхъ у меня совершенно нѣтъ. Въ моемъ одинокомъ положеніи я едва знаю почву, на которой надо дѣйствовать, и чтобы высказаться по вопросу, столь важному и деликатному, я долженъ преисполниться мыслью о свойственной вашему высочеству благожелательности» [3]). Говорила вел. княгиня о намѣреніи своемъ подать эту записку и другому своему довѣренному лицу, кн. Оболенскому, и онъ тоже ее отговаривалъ: «Мнѣ казалось,—говоритъ онъ,—что поднимать такой важный вопросъ второпяхъ, наканунѣ отъѣзда, по меньшей мѣрѣ неблагоразумно... Я боялся, что вопросъ безтолково поднятый не произвелъ бы напрасной тревоги и въ концѣ-концовъ не компрометировалъ бы вел. княгини» [4]). Но, когда выяснилась непоколебимая рѣшимость вел. княгини, лица, съ которыми она совѣтовалась, задумали использовать ея намѣренія въ цѣляхъ подготовки матеріаловъ, необходимыхъ для разработки общаго вопроса и для выработки самаго плана возможной реформы. Тутъ они встрѣтились опять съ непониманіемъ сущности вопроса и съ нетерпѣливымъ характеромъ вел. княгини. Для нея освобожденіе Карловки было актомъ личной благотворительности, который въ значительной степени льстилъ ея

---

[1]) Ibid. [2]) („Рус. Стар." 1897 № 10). [3]) *Leroy-Beaulieu* („Revue des Deux Mondes" 1880, 1-er octobre). [4]) Записки Оболенскаго („Рус. Стар." 1909 № 4).

повышенному самолюбію; она уже истребовала отъ своего управляющаго барона Энгельгарта соображенія по вопросу о Карловкѣ— «Какъ много стоило Николаю Алексѣевичу,—пишетъ въ своихъ запискахъ М. А. Милютина [1]),—въ самомъ началѣ убѣдить вел. княгиню не ограничиваться однимъ поспѣшнымъ примѣромъ великодушія, не отпускать своихъ крестьянъ на волю однимъ подчеркомъ пера, какъ ей сперва хотѣлось, но, опредѣливъ ихъ поземельное устройство, воспользоваться случаемъ, чтобы предложить правительству нѣкоторыя основныя мѣры, которыя могли бы со временемъ войти въ общую программу реформы—словомъ, вывести крестьянскій вопросъ изъ области мечтаній и благородныхъ фантазій, потомъ изъ сферъ канцелярскихъ тайнъ на тотъ честный, прямой, незыблемый законодательный путь».

Такимъ образомъ, первоначальная мысль вел. княгини, казавшаяся ей самой столь простой и легко разрѣшимой, усложнялась постепенно, и ей былъ приданъ болѣе общій характеръ. Первоначальный проектъ, составленный управляющимъ барономъ Энгельгартомъ, рѣшено было попытаться распространить на всю Полтавскую и смежныя губерніи. Въ этихъ цѣляхъ Милютинымъ былъ выработанъ «планъ дѣйствій для освобожденія въ Полтавской и смежныхъ губерніяхъ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами того пожелаютъ». Предполагалось при участіи трехъ или четырехъ мѣстныхъ помѣщиковъ выработать проектъ общихъ основаній, на которыхъ могло бы совершиться добровольное освобожденіе владѣльцами ихъ крестьянъ; проектъ этотъ долженъ былъ быть представленъ на одобреніе государя; затѣмъ имѣлось въ виду въ Карловкѣ созвать подъ руководствомъ вел. княгини совѣщаніе «благонамѣренныхъ» помѣщиковъ для согласованія частныхъ проектовъ съ общими основаніями, одобренными государемъ, устраненія изъ нихъ неправильностей въ оцѣнкѣ отчуждаемой земли, вредныхъ или невыгодныхъ для крестьянъ условій и предположеній, нарушающихъ права казны и частныхъ лицъ; проекты затѣмъ должны были идти на Высочайшее утвержденіе; для приведенія ихъ въ дѣйствіе и для устраненія недоразумѣній между владѣльцами и крестьянами имѣлось въ виду учрежденіе особыхъ «попечителей» изъ числа лицъ, принимавшихъ участіе въ разработкѣ дѣла. Какъ видно, планъ далеко не представлялъ изъ себя чего-либо очень опредѣленнаго. Въ основѣ его лежала идея «совѣщанія съ магнатами», о которомъ въ это время вообще поговаривали при дворѣ. При отсутствіи обязательности участія въ дѣлѣ для помѣщиковъ все значеніе предполагаемыхъ

---

1) „Русск. Стар.“ 1899 № 2.

мѣръ было исключительно нравственное. Это понимали авторы записки, которые предполагали издать собраніе актовъ освобожденія «для примѣра и руководства»; кромѣ того, актъ освобожденія, приведенный въ исполненіе, долженъ былъ присоединиться въ герольдіи къ актамъ того дворянскаго рода, котораго достоинство возвышается такимъ «подвигомъ». Въ мартѣ 1856 г. вел. княгиня представила планъ на утвержденіе государя и получила предварительное согласіе на его осуществленіе. По ея порученію, Милютинъ снова составилъ обширную записку объ «устройствѣ отношеній между помѣщиками и крестьянами», въ которой уже вполнѣ опредѣленно проводился принципъ полнаго освобожденія крестьянъ съ надѣломъ посредствомъ выкупной операціи со стороны правительства и намѣчалась организація комитета изъ вліятельныхъ помѣщиковъ Полтавской губерніи [1]). Такимъ образомъ изъ неопредѣленныхъ представленій о совѣщаніи съ магнатами выросталъ проектъ губернскихъ комитетовъ. Записка Милютина была представлена государю вел. княгиней вскорѣ послѣ коронаціи, 7 октября 1856 г., и вызвала извѣстное недоумѣніе. Вмѣсто акта личной благотворительности предъ глазами государя лежала программа общегосударственнаго разрѣшенія вопроса. Онъ отнесся поэтому довольно сухо къ проекту. «По пріѣздѣ моемъ—писала вел. княгиня Милютину (11 октября 1856 г.)—зашла рѣчь о запискѣ; прежде всего мнѣ замѣтили, что она не заключаетъ, какъ ожидали, обстоятельно выработаннаго проекта о томъ, какимъ образомъ я предполагала устроить Карловку, и что было бы желательно для того, чтобы имѣть возможность сослаться впослѣдствіи на этотъ примѣръ и руководствоваться имъ по отношенію къ другимъ помѣщикамъ. Я замѣтила, что въ запискѣ изложены общіе взгляды и нѣкоторыя частныя предложенія и что предложенія такого рода, какъ заключать договоры и взимать оброкъ въ видѣ поземельнаго налога, а не подушной подати, заключаютъ въ себѣ принципы первостепенной важности, которые могутъ быть значительно развиты и которые я не могу высказывать иначе, какъ получивъ на то Высочайшее соизволеніе; было рѣшено, что мнѣ будетъ приказано черезъ министра внутреннихъ дѣлъ созвать собраніе помѣщиковъ Полтавской губ., готовыхъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ... Затѣмъ меня спросили, кѣмъ написана записка, на что я отвѣчала, что она редактировалась у меня по основамъ, выработаннымъ въ Москвѣ». Вел. княгиня со свойственнымъ ей оптимизмомъ вынесла самое отрадное впечатлѣніе отъ этого разговора: «мнѣ кажется, дѣло налажи-

---

[1]) *Кони*, op. cit. *Leroy-Beaulieu* („Rev. des Deux Mondes“ 1880, 1-er octobre).

вается,—говоритъ она въ томъ же письмѣ,—хотя оно еще не обсуждалось во всей совокупности...» [1]) Однако самое важное не было достигнуто: императоръ опредѣленно не высказался по существу вопросовъ и уклонился отъ обсужденія общихъ началъ освобожденія. Такимъ образомъ, то, чего добивался Милютинъ, о чемъ онъ училъ говорить вел. княгиню—Высочайшей санкціи общимъ началамъ—не было достигнуто. 26 октября послѣдовалъ отвѣтъ государя велик. княгинѣ. Въ немъ выражалась ей благодарность за человѣколюбивое намѣреніе дать свободу своимъ крестьянамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на невозможность въ данный моментъ дать положительныя указанія общихъ основаній для руководства. Въ итогѣ было выражено согласіе на образованіе негласнаго совѣщанія изъ помѣщиковъ Полтавской и смежныхъ губерній подъ покровительствомъ вел. княгини и была высказана въ общихъ выраженіяхъ увѣренность, что они, руководимые проницательнымъ умомъ вел. княгини, произведутъ трудъ полезный, который, будучи основанъ на справедливости, послужитъ для многихъ другихъ помѣщиковъ примѣромъ, а правительству облегченіемъ въ его стремленіи разрѣшить крестьянскій вопросъ. Вел. княгиня частнымъ образомъ пробовала использовать данное ей разрѣшеніе и входила въ сношенія съ однимъ изъ виднѣйшихъ землевладѣльцевъ Полтавской губ., княземъ Кочубеемъ, предлагая ему учредить общество изъ крупныхъ и мелкихъ образованныхъ и благомыслящихъ помѣщиковъ Полтавской губ. для обсужденія и опредѣленія мѣръ, наилучшимъ образомъ ведущихъ къ намѣченной ею цѣли, и прося его принять въ этомъ обществѣ званіе вице-президента; сама она выражала готовность быть предсѣдательницей общества. Впрочемъ, скорый отъѣздъ за границу прекратилъ дальнѣйшіе шаги вел. княгини. Такимъ образомъ, опасенія друзей вел. княгини до извѣстной степени сбылись. Затѣянный «второпяхъ, наканунѣ отъѣзда за границу», грандіозный замыселъ, имѣвшій въ виду ускорить дѣло реформы, свелся на нѣчто, очень похожее на общество Н. И. Тургенева [2]).

Слухъ объ эмансипаціонной затѣѣ вел. княгини распространился, конечно, очень быстро въ обществѣ, объ ея намѣреніи «весь Петербургъ заговорилъ» [3]). Въ придворныхъ кругахъ на проектъ вел. княгини очень долго смотрѣли именно какъ на дѣло личной благотворительности, видѣли въ немъ лишь новый примѣръ готовности съ ея стороны «дѣлать пожертвованія для великихъ и благород-

---

[1]) Зап. Милютиной („Рус. Стар.“ 1899 г. № 2). [2]) *Кони*, op. cit. [3]) „Рус. Стар.“ 1897, № 10.

ныхъ цѣлей»; въ самой императорской семьѣ «съ участіемъ» смотрѣли на предпріятіе вел. княгини, но далеко не постигали всего его значенія [1]). Гораздо болѣе вѣрную оцѣнку нашелъ замыселъ вел. княгини среди крупныхъ помѣщиковъ. Кн. Долгоруковъ говорилъ Кавелину прямо: «это дѣло всѣхъ насъ крайне близко касается»; въ этомъ кругу заранѣе были нерасположены къ проекту вел. княгини, и это нерасположеніе переносилось на самое вел. княгиню [2]). Карловская эмансипація, конечно, не сама по себѣ имѣла значеніе въ ходѣ работъ по крестьянской реформѣ; какъ частный вопросъ, она потонула въ общемъ вопросѣ, и записки и проекты, выработанные въ связи съ нею, потерялись въ досье Главнаго комитета. Тѣмъ не менѣе она сыграла крупную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и въ этомъ отношеніи не ошибался кн. Долгоруковъ. Проектъ вел. княгини далъ возможность встрѣтиться спеціалистамъ и лицамъ, интересовавшимся дѣломъ, и обсудить вопросы, возникавшіе въ связи съ дѣломъ, задуманнымъ вел. княгиней. Карловскій проектъ послужилъ матеріаломъ, на которомъ вчернѣ были выработаны общіе принципы, впослѣдствіи легшіе въ основаніе реформы. Вел. княгиня имѣла возможность привлечь къ работамъ по проекту самыя разнообразныя силы. Уже въ декабрѣ 1856 г. въ совѣщаніяхъ по настоящему вопросу принимаетъ участіе проф. Кавелинъ, авторъ одной изъ лучшихъ записокъ по крестьянскому вопросу. Когда вел. княгиня вскорѣ послѣ подачи октябрьской записки уѣхала за границу для лѣченія, она вызвала его къ себѣ въ Вильдбадъ; сюда же пріѣхали по ея приглашенію тѣ лица, которыхъ она считала спеціалистами по крестьянскому вопросу; это были на первомъ планѣ люди, съ которыми еще при Николаѣ приходилось вел. княгинѣ бесѣдовать по этому предмету: гр. Киселевъ и бар. Гакстгаузенъ, затѣмъ въ согласіи съ первоначальнымъ проектомъ нѣкоторые помѣщики Полтавской и Кіевской губ.—Абаза, Капнистъ и Тарновскій. Въ Римѣ зимою 1857 г. вел. княгиня познакомилась съ кн. Черкасскимъ, имя котораго, можетъ быть, было ей извѣстно по его участію въ тульскомъ проектѣ 1847 г. [3]). Сохранились двѣ записки о новомъ положеніи крестьянскаго вопроса, а также замѣтки на карловскій проектъ, которыя онъ въ это время составилъ для вел. княгини. Кн. Оболенскій съ своей стороны переслалъ ей изъ Петербурга ходившую въ то время по рукамъ записку Самарина [4]). Такимъ

---

[1]) *Кавелинъ*, Сочин. т. II, 1159, 1170. [2]) Ibid. 1158. [3]) Мат. для біогр. Черкасскаго, т. I, 93, 96 (Записки Черкасскаго въ прилож. стр. 67, 89). [4]) Зап. Оболенскаго („Рус. Стар.“ 1909, № 4).

образомъ, вел. княгиня постепенно объединяла вокругъ себя будущихъ наиболѣе дѣятельныхъ работниковъ редакціонныхъ комиссій. Въ связи съ карловскимъ проектомъ въ ея рукахъ и въ рукахъ ея сотрудниковъ собирался значительный матеріалъ по крестьянскому вопросу: для вел. княгини Гакстгаузенъ писалъ проектъ организаціи особыхъ союзовъ (Vereine) и руководительныхъ комитетовъ (Leitende Comités) изъ помѣщиковъ для разработки основъ добровольнаго освобожденія [1]); въ мартѣ 1858 г. кн. Черкасскій представилъ ей свой «финансовый планъ, примѣнимый къ освобожденію земледѣльческаго класса» въ видѣ проекта «Banques hypothécaires provinciales» [2]). По заказу вел. княгини составленъ былъ очеркъ освобожденія крѣпостныхъ въ Австріи [3]). Если подвести итоги работѣ, производившейся вокругъ вел. княгини въ теченіе 1857 г., то значеніе этой работы выяснится вполнѣ. Въ Вильдбадѣ въ сущности были намѣчены и твердо установлены не только основанія будущей реформы, но и планъ проведенія ея въ жизнь: освобожденіе съ землею посредствомъ выкупной операціи, крестьянское самоуправленіе на общинномъ началѣ, поземельное обложеніе, организація губернскихъ комитетовъ для предварительной разработки вопросовъ, учрежденіе мировыхъ посредниковъ — всѣ эти вопросы были не только намѣчены, но и разработаны на совѣщаніяхъ по вопросу о Карловкѣ. Насколько важно было среди общаго состоянія неопредѣленности разработать и установить общія основанія, это прекрасно понимали противники реформы, слѣдившіе не безъ страха за ходомъ работъ по карловскому проекту. Въ августѣ 1857 г. кн. Долгоруковъ встрѣтился съ Кавелинымъ; не вытерпѣла его душа, сталъ разспрашивать, что и какъ рѣшено объ имѣніи вел. княгини: полную свободу она полагаетъ дать мужикамъ или только улучшить ихъ положеніе?—Полную.—И съ землей?—Съ землей.—Какъ же они будутъ выплачивать? Банку и работами? Не будетъ ли сложно?—Едва ли, впрочемъ, вел. княгиня совѣтовалась съ помѣщиками тамошними, гдѣ ея имѣніе, и они одобрили, и потомъ все еще провѣрится на мѣстѣ, потому что вел. княгиня дѣйствуетъ крайне осторожно [4]).

Въ то время какъ за границей обсуждались основанія добровольнаго освобожденія, въ Петербургѣ вопросъ получилъ болѣе опредѣленный оборотъ. Когда вел. княгиня осенью 1858 г. возвратилась въ Петербургъ, она сразу попала въ круговоротъ работы и связанной съ нею борьбы интересовъ и партій. Оставаться въ сто-

---

[1]) *Кони*, opus cit. [2]) Матер. для біогр. кн. Черкасскаго, кн. I (Прил. стр. 126—27). [3]) Ibid., 99, 104, 263. [4]) *Кавелинъ*, Сочиненія, т. II, 1157—1158.

ронѣ при разрѣшеніи вопроса, въ которомъ она считала себя едва ли не однимъ изъ иниціаторовъ, не соотвѣтствовало характеру Елены Павловны. Съ обычной властностью и нѣсколько шумливой рѣшительностью она вмѣшалась въ дѣло. Во главѣ работъ по крестьянскому вопросу стоялъ Я. И. Ростовцевъ, тотъ самый Ростовцевъ, съ именемъ котораго у вел. княгини было связано много тяжелыхъ воспоминаній. Она ему не довѣряла и съ самаго начала опасалась его вреднаго вліянія, но теперь, задумавъ пріобрѣсти вліяніе на ходъ разработки крестьянской реформы, она, жертвуя личнымъ самолюбіемъ, переломила въ себѣ нерасположеніе къ фавориту своего покойнаго мужа и пустила въ ходъ все свое умѣніе обращаться съ людьми, «всѣ силы своего очарованія», «всю силу своего обаятельнаго ума» [1]), чтобы побѣдить въ немъ самомъ то чувство нерасположенія, которое взаимно питалъ онъ къ ней еще со времени своей службы при Михаилѣ Павловичѣ. Со свойственной ей ловкостью она сумѣла очаровать предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, сперва примирила его съ собою, затѣмъ совершенно привлекла его къ себѣ, умѣя во́-время оказать ему ту нравственную поддержку, въ которой онъ нерѣдко нуждался [2]). Старикъ растаялъ; къ ней хаживалъ онъ повѣрять свои опасенія и сомнѣнія, жаловаться на трудность своего положенія. Завладѣвъ его довѣріемъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшила собрать вокругъ него тѣ силы, съ которыми она сблизилась при изученіи карловскаго вопроса. Въ число лицъ, приглашенныхъ въ комиссіи, вошли и Милютинъ, и кн. Черкасскій, и Самаринъ, и Тарновскій,—словомъ, большинство тѣхъ, кто работалъ вмѣстѣ съ великой княгиней. Когда, такимъ образомъ, общее руководство дѣломъ въ комиссіяхъ попало въ руки лицъ, которымъ она вѣрила и которыхъ она знала, великая княгиня вполнѣ связала свою дѣятельность съ ихъ работами и посвятила свое вліяніе и свои силы на то, чтобы поддерживать идеи, создававшіяся внутри комиссій.

Находясь лично въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ наиболѣе виднымъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, она окружала ихъ предупредительной заботливостью, стараясь создать имъ благопріятныя условія для работы. Она гостепріимно открывала для нихъ двери своего дворца. У нея почти все время своего пре-

---

[1]) Зап. *Милютиной* („Рус. Стар." 1899, № 2). Восп. Обол. („Рус. Стар." 1909. № 4). [2]) 31 іюля 1859. „Rostovzeff a été fort remonté dans un moment, où il avait besoin d'être soutenu, par la gracieuse lettre, que Votre Altesse Imperiale a bien voulu lui adresser". (Мат. для біогр. кн. Черк. II).

бывания въ Петербургѣ жилъ кн. Черкасскій [1]); когда въ августѣ 1859 г. серьезно захворалъ Самаринъ, она изъ Остенде дала распоряженіе, чтобы его тоже перевезли въ ея дворецъ [2]). Милютину она оказывала негласно денежную поддержку, отъ которой онъ, впрочемъ, упорно отказывался [3]) и всегда необычайно сердечно относилась къ нему [4]). Для засѣданій редакціонныхъ комиссій она дала помѣщеніе въ своемъ дворцѣ на Елагинскомъ островѣ [5]) и внимательно, во всѣхъ деталяхъ слѣдила все время за ходомъ ихъ работъ [6]). Проводя часть года за границей, она оттуда черезъ посредство баронессы Раденъ все время требуетъ свѣдѣній. «Вопросъ о полиціи,—пишетъ, напримѣръ, бар. Раденъ кн. Черкасской въ іюнѣ 1860 г. изъ Ниццы,—чрезвычайно интересуетъ вел. княгиню; она съ нетерпѣніемъ ждетъ окончательнаго результата.... Кто предсѣдательствуетъ въ хозяйственномъ отдѣлѣ вмѣсто Милютина? Не жалѣйте подробностей, прошу васъ, всѣ онѣ будутъ приняты съ удовольствіемъ и съ благодарностью» [7]). «Ради Бога, держите насъ въ курсѣ всего происходящаго,—писала она ей же въ другомъ письмѣ,—вы не повѣрите, какую услугу вы тѣмъ оказываете и какое удовольствіе доставляете великой княгинѣ» [8]). У великой княгини постоянно въ рукахъ всѣ труды—журналы и доклады комиссій. Когда она ѣздила за границу, ихъ ей туда пересылали. «Я читаю очень внимательно труды комиссій,—писала она кн. Черкасской изъ Остенде въ іюлѣ 1859 г.,—они, по-моему, составлены съ умомъ и въ духѣ справедливости» [9]). Всѣ болѣе или менѣе интересные матеріалы по крестьянскому вопросу ей немедленно сообщаются. Тотчасъ послѣ смерти Ростовцева она получаетъ копію съ его предсмертной записки [10]). Ей извѣстны даже всѣ памфлеты, направленные противъ редакціонныхъ комиссій, въ родѣ записки Безобразова или Платера фонъ Зиберга [11]).

Съ своей стороны вел. княгиня сообщала членамъ комиссій всѣ свѣдѣнія, которыя до нея доходили и могли быть имъ полезны.

---

[1]) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 67, 70. [2]) Ibid II, 74. [3]) Вос. Тернера („Рус. Стар." 1909, № 11). Дневникъ Валуева („Рус. Стар." 1891, № 10). [4]) Письмо вел. княгини—княгинѣ Черкасской 7/19 авг. 1859 г. (Мат. для біогр. кн. Черк. II). [5]) Матер. для біогр. кн. Черкасскаго, II, 27, 58. [6]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 24—25, 27, 58, 60, 61, 69, 70. [7]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 179. [8]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 58. Ср. тамъ же стр. 177 и 179. Письма кн. Черкасской съ разсказомъ о событіяхъ см. тамъ же на стр. 59—61, 173—176, 180—181, 182—183. Для нея составилъ, между прочимъ, кн. Черкасскій спеціальную записку съ критикой проекта Муравьева и Долгорукова (217). [9]) Ibid. II, 62. Ср. въ письмѣ бар. Раденъ: „M-me la Grande Duchesse a cru plus d'une fois retrouver l'initiative du prince dans les bulletins, qu' on lui envoie" (64). Ср. тамъ же, 53. [10]) *Барсуковъ*, XVII, 169—170. [11]) Мат. для біогр. кн. Черкасск., II, 109, 110.

Такъ, напримѣръ, въ октябрѣ 1858 г. изъ Гатчины, гдѣ она гостила, отъ ея имени Абаза писалъ Милютину: «Мнѣ поручаютъ васъ предупредить, что письма Ростовцева (въ то время взаимныя отношенія еще не выяснились) будутъ поставлены на обсужденіе въ совѣтѣ министровъ въ четвергъ, послѣ завтра, и что необходимо было бы протестовать противъ нѣкоторыхъ пунктовъ» [1]).

Такимъ образомъ вокругъ вел. княгини стягивались закулисныя нити предварительной работы по крестьянскому вопросу. «Острова» фактически сдѣлались генеральной квартирой—«quartier général»—редакціонныхъ комиссій, и вокругъ вел. княгини сплотился «священный полкъ» (le bataillon sacré) [2]) защитниковъ реформы. Дворецъ великой княгини, по выраженію Побѣдоносцева, «сталъ центромъ, въ которомъ приватно разрабатывался планъ желанной реформы, къ которому собирались люди ума и воли, издавна ее замышлявшіе и теперь подготовлявшіе ее» [3]). Эта роль вел. княгини не укрывалась и отъ современниковъ. Въ иностранныхъ газетахъ открыто писали, что «члены редакціонной комиссіи собираются въ ея гостиной, толкуютъ при ней и подъ ея предсѣдательствомъ, и подъ ея вліяніемъ разрѣшаются трудные вопросы» [4]). Въ петербургскомъ обществѣ очень скоро стало извѣстно, что вел. княгиня «раздѣляла взгляды редакціонной комиссіи и поддерживала ея членовъ своимъ вліяніемъ при дворѣ» [5]).

Увлеченіе вел. княгини работами редакціонныхъ комиссій вызываетъ невольно одинъ существенный вопросъ: насколько Елена Павловна сознательно относилась къ этимъ работамъ. У нѣкоторыхъ изъ современниковъ сложилось представленіе, что въ вопросахъ внутренней политики «взгляды этой высокой особы были слишкомъ шатки, чтобъ она могла оказывать вліяніе» [6]). По отношенію къ крестьянскому вопросу это не вполнѣ справедливо. Мы видѣли, что вел. княгиня прошла значительный стажъ обученія, прежде чѣмъ въ концѣ 1858 года стала принимать косвенное участіе въ разработкѣ крестьянскаго вопроса комиссіями. Въ 40-хъ годахъ она является намъ съ чертами умной, но не особенно освѣдомленной наблюдательницы, которая внимательно собираетъ всѣ факты, имѣющіе отношеніе къ интересующему ее вопросу; позднѣе, въ началѣ 1856 года, она сама выступаетъ съ очень неопредѣленнымъ филантропическимъ планомъ освобожденія собственныхъ крестьянъ; къ концу этого года для нея выясняется необходимость установить основанія будущаго общегосударственнаго освобожденія, вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что

---

[1]) Записки М. А. Милютиной („Рус. Стар.“ 1899 № 2). [2]) Письмо бар. Раденъ въ Мат. для біогр. кн. Черк. (II, 58). [3]) *Побѣдоносцевъ,* Вѣчная Память. [4]) Напр., въ „Indépendence Bélge“ въ 1859 г. (Мат. для біогр. кн. Черк. II, 110). [5]) Воспом. Тернера („Русск. Старина“ 1909, № 11). [6]) Aus der Peterb. Gesellsch.

задачи, стоящія на очереди, далеко не такъ легко разрѣшаются какъ ей казалось, когда въ мартѣ она трубила о своемъ «человѣколюбивомъ намѣреніи». Слѣдовавшіе затѣмъ полтора года усиленныхъ работъ по карловскому проекту, сопровождавшіеся обсужденіемъ всѣхъ деталей вопроса со спеціалистами, практически знакомыми съ дѣломъ, въ значительной степени углубили и расширили интересъ вел. княгини и ввели ее въ область тѣхъ практическихъ подробностей, къ которымъ, впрочемъ, съ самаго начала она имѣла извѣстную склонность. Такимъ образомъ, къ концу 1858 года у вел. княгини была уже готовая программа по крестьянскому дѣлу, было свое мнѣніе по всѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ, затрогиваемымъ въ совѣщаніяхъ редакціонныхъ комиссій. Въ своихъ возрѣніяхъ на крестьянскій вопросъ Елена Павловна исходила главнымъ образомъ изъ соображеній двухъ родовъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ тому сочетанію темперамента съ практичностью, которое такъ характерно въ ней: изъ соображеній моральнаго свойства и государственной выгоды. Она говорила впослѣдствіи, что принимала участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ «изъ желанія имъ добра» [1]). Князю Бисмарку она въ пылу спора сказала какъ-то, что «долгое злоупотребленіе крестьянскимъ трудомъ болѣе чѣмъ оправдываетъ нѣкоторыя жертвы со стороны дворянства», но тутъ же она прибавляла, «что это въ интересахъ самого дворянства» [2]). Говоря объ освобожденіи крестьянъ, она всегда имѣла въ виду освобожденіе съ землею. Для нея было общимъ мѣстомъ то, что «необходимо дать крестьянамъ землю, что безъ этого имъ причинятъ только вредъ, что подъ громкими фразами о немедленномъ предоставленіи личной свободы скрывается желаніе ничего не дать крестьянамъ» [3]). Поэтому по карловскому проекту за крестьянами сохранялось право пользованія бывшими у нихъ надѣлами (по $11^1/_2$ дес. на тягло), которые по сравненію съ позднѣйшими надѣлами являются значительными, съ уплатой 2 руб. въ годъ за десятину [4]). Но уже въ началѣ 1856 г., по словамъ Кавелина, «ея вѣрный и практическій тактъ указываетъ ей ясно, что безъ вознагражденія владѣльцевъ дѣло не пойдетъ» [5]). Выкупъ по умѣреннымъ цѣнамъ (rachat raisonnable) и при этомъ выкупъ необязательный является въ глазахъ вел. княгини однимъ изъ коренныхъ условій реформы. Въ мартѣ 1859 г. Абаза писалъ кн. Черкасскому по ея порученію: «Ея высочество раздѣляетъ вашу мысль, что добровольный выкупъ

---

[1]) *Порфирій,* Книга бытія моего, VIII. (5 апр. 1862 г.) [2]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 33. [3]) Ibid., 31. [4]) „La Cloche“ *Герцена,* 1860, іюнь. [5]) *Барсуковъ,* op. cit. XIV, 213.

является единственнымъ окончательнымъ разрѣшеніемъ великаго дѣла; несмотря на весьма сильную оппозицію и на многочисленныя финансовыя трудности, мѣра эта, къ счастью, еще не отвергнута совершенно». Въ томъ же письмѣ изложенъ собственный планъ вел. княгини, касающійся выкупной операціи. Она не вполнѣ раздѣляла мысль кн. Черкасскаго, изложенную имъ въ особой запискѣ, объ организаціи мѣстныхъ банковъ и настаивала на общей операціи. «Ея высочество полагаетъ,—писалъ Абаза,—что мѣстные банки представляютъ рядъ серьезныхъ затрудненій, тогда какъ общая операція, устраняя крупные расходы на администрацію и давая больше однообразія процентнымъ бумагамъ, выпускаемымъ въ обращеніе исключительно государствомъ, является предпочтительнѣе» [1]). Изъ другихъ вопросовъ, которыми, судя по дошедшимъ до насъ обрывочнымъ свѣдѣніямъ, интересовалась вел. княгиня, можно отмѣтить вопросъ о наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Она писала кн. Черкасской изъ Остенде въ іюлѣ 1859 г.: «Попросите вашего мужа обратить вниманіе на необходимость регулировать въ будущемъ отношенія къ наемнымъ сельскохозяйственнымъ рабочимъ: это вопросъ довольно деликатный въ настоящую минуту, когда всякая регламентація можетъ ихъ напугать и повредить добровольному заключенію обязательствъ; съ другой стороны, нужно имѣть увѣренность, что рабочій не уйдетъ отъ васъ со дня на день» [2]). Что касается вопроса объ устройствѣ сельскаго населенія послѣ освобожденія, то здѣсь Елена Павловна была горячей сторонницей общины. Еще въ 1857 г. она съ Гакстгаузеномъ занималась изученіемъ особенностей общиннаго устройства въ Россіи и другихъ славянскихъ земляхъ [3]). Карловскій проектъ устанавливалъ общинное управленіе въ освобожденныхъ селеніяхъ: каждое изъ нихъ должно было имѣть свой мірской сходъ, выборныхъ старосту, десятниковъ и сборщиковъ; сходъ опредѣлялъ повинности каждаго по отношенію къ помѣщику и къ правительству, при чемъ вводилась круговая порука; предвидѣлась возможность выкупа крестьянской земли общиной [4]). Будучи убѣжденной сторонницей общины, вел. княгиня, тѣмъ не менѣе, избѣжала тѣхъ крайностей, въ которыя впадали нѣкоторые изъ славянофиловъ. Такъ, она не соглашалась съ Кошелевымъ по вопросу о переходѣ изъ одной общины въ другую, находя, что тяжелые платежи, которыми онъ предполагалъ «стѣснить свободу передвиженія, свелись бы къ лич-

---

[1]) Прилож. № 12 къ книгѣ II Мат. для біогр. кн. Черк. (подлинникъ на французскомъ яз.) [2]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 61 — 62 (подлин. на франц. яз.) [3]) Воспом. Оболенскаго. („Рус. Стар." 1909 № 4). [4]) „La Cloche" 1860 іюнь.

ному выкупу». «Признавая, что нужно подчинить переходъ извѣстнымъ условіямъ... и обставить серьезными гарантіями», она въ принципѣ была чрезвычайно противъ платежей и, живя въ Остенде, очень волновалась о томъ, какъ этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ комиссіяхъ [1]. Любопытной подробностью въ сужденіяхъ Елены Павловны по крестьянскому вопросу является то сравнительно значительное вліяніе, которое она предоставляетъ вотчинной власти помѣщика (autorité patrimoniale). Разсуждая о договорахъ съ вольнонаемными рабочими, она считаетъ полезнымъ, «чтобы помѣщикъ за небольшіе проступки имѣлъ право наказывать наемныхъ рабочихъ; примѣнять это право—прибавляетъ она—ему придется съ умѣренностью, такъ какъ договоры по найму будутъ плохо заключаться у несправедливаго помѣщика» [2]. Въ зависимости отъ такого взгляда въ карловскомъ проектѣ мірское самоуправленіе оставалось подъ контролемъ и надзоромъ вотчинной власти. Эта уступка дворянскимъ понятіямъ вызвала упреки по адресу вел. княгини въ «Колоколѣ», гдѣ указывалось на внутреннее противорѣчіе въ понятіи самоуправленія, подчиненнаго помѣщику [3]. Такимъ образомъ изъ немногихъ случайныхъ указаній, которыя могутъ быть найдены, видно, что вел. княгиня вырабатывала себѣ опредѣленныя мнѣнья по цѣлому ряду вопросовъ, выдвинутыхъ крестьянской реформой. Она не всегда сходится во мнѣніяхъ со своими сотрудниками; нерѣдко сомостоятельно возбуждаетъ тотъ или иной вопросъ и во всякомъ случаѣ далеко не пассивно относится ко взглядамъ, высказываемымъ кругомъ нея. Не подлежитъ сомнѣнію, что исходные свои взгляды на освобожденіе крестьянъ она почерпнула главнымъ образомъ изъ записки К. Д. Кавелина, что въ дальнѣйшемъ сужденія ея складывались подъ вліяніемъ разговоровъ въ кругу ея ближайшихъ друзей и трудовъ редакціонныхъ комиссій. Во всякомъ случаѣ у нея была опредѣленная программа по крестьянскому вопросу, и, если она въ общихъ очертаніяхъ совпадала съ программой членовъ редакціонныхъ комиссій, то это было вполнѣ естественно, такъ какъ она выработалась въ одномъ и томъ же горнилѣ. Въ общественномъ дѣлѣ, гдѣ перекрещиваются взгляды, мысли, воззрѣнія, гдѣ вопросы вырастаютъ сами собой и разрѣшаются путемъ неуловимыхъ сочетаній идей, подобное взаимодѣйствіе мнѣній неизбѣжно. Самый фактъ, что вел. княгиня категорично примкнула къ извѣстной программѣ, давалъ ей въ руки знамя, во имя котораго она могла дѣйствовать съ особенной энергіей. Ея независимое положеніе давало ей болѣе

[1] Мат. для біогр. кн. Черк., II, 64—65. [2] Ibid., 62. [3] „La Cloche“, 1860, іюнь.

чѣмъ кому-либо изъ другихъ членовъ императорскаго дома возможность всецѣло отдаваться дѣлу, шумѣть и хлопотать, не взирая ни на что. Она входила въ интересовавшее ее дѣло съ силой и увлеченіемъ, поразительными для ея лѣтъ. Подъ обаяніемъ политической дѣятельности она забывала свой возрастъ и свои недуги. «Можно даже сказать,—говоритъ Оболенскій [1],—что возбужденное состояніе и заботливое настроеніе ея нравственныхъ силъ въ постоянной борьбѣ для достиженія цѣли укрѣпляли ея физическія силы, и я никогда не видалъ ея столь бодрою и здоровою, какъ въ этотъ періодъ времени». Она вносила въ дѣло всю пылкость своего кипучаго темперамента. Ея друзья даже опасались ея горячности: «Много стоило Николаю Алексѣевичу (Милютину)—разсказываетъ М. А. Милютина [2])—умѣрять живость темперамента впечатлительной и дѣятельной натуры августѣйшей своей покровительницы, нелегко примирявшейся съ замедленіями, компромиссами, недобросовѣстностью. Глубоко уважая умъ и дарованія вел. княгини, онъ, однако, цѣлыхъ пять лѣтъ опасался, чтобъ она какъ-нибудь неосторожностью не повредила успѣху всего дѣла». Дѣло должно было кипѣть въ ея рукахъ. Препятствія только возбуждали ее: она оживлялась, начинала быстро ходить, возмущалась бездѣятельностью всѣхъ: «Il n'y a pas d'hommes ici,—говорила она,—il n'y en a pas un seul, sur qui on puisse compter, mais ce sont des chiffons; j'irai à Gatchina, j'irai absolument, quoique je sois malade!» [3]). Противорѣчія ее выводили изъ себя. Это узналъ Бисмаркъ, когда разъ у нея за обѣдомъ сталъ высказываться противъ освобожденія крестьянъ, ссылаясь на печальный примѣръ Пруссіи; вел. княгиня возражала ему съ такой горячностью, что онъ испугался и нѣсколько разъ потомъ говорилъ: «Она на меня разсердились» [4]). На неудачи она реагировала очень сильно, плакала, падала духомъ, какъ, напримѣръ, при назначеніи Панина [5]). Наоборотъ, быстро ободрялась, веселѣла и одушевлялась при незначительныхъ намекахъ на успѣхъ. Она вообще склонна была къ оптимизму и всегда вносила въ дѣло нотку бодрости и вѣру въ лучшее будущее. Она никогда не сомнѣвалась въ успѣхѣ реформы. Когда захворалъ Ростовцевъ и самыя мрачныя предчувствія безпокоили членовъ комиссій, она сказала въ разговорѣ кн. Черкасской, что Ростовцевъ, какъ Моисей, не увидитъ обѣтованной земли. «La verrons nous, Madame?» замѣтила кн. Черкасская. «Pour-

---

[1]) Воспоминанія („Рус. Стар." 1909, № 4). [2]) Записки Милютиной („Рус. Стар." 1899, № 2). [3]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 106. „Здѣсь нѣтъ людей, нѣтъ никого, на кого бы можно было разсчитывать, это—тряпки... Я поѣду въ Гатчино... Я обязательно поѣду, хотя я больна!" [4]) Ibid. 34. [5]) Ibid. 148.

quoi pas?» возразила она съ живостью [1]). Эта увѣренность увидѣть когда-нибудь «обѣтованную землю» звучитъ во всей дѣятельности вел. княгини. Въ концѣ-концовъ ея сотрудники высоко цѣнили то увлеченіе, съ которымъ высокая покровительница защищала ихъ дѣло. «Нельзя не уважать, не благодарить вел. княгиню—писала кн. Черкасская въ своемъ дневникѣ—за горячность, съ которой она относится ко всему преобразованію, за упорство, съ которымъ она старается его подвинуть, за ея искреннее желаніе добра и за полное презрѣніе къ тѣмъ интригамъ, которыя ее окружаютъ и въ которыя ее стараются впутать» [2]).

Говоря о горячей поддержкѣ, которую вел. княгиня со всѣмъ пыломъ своего неугомоннаго характера оказывала редакціоннымъ комиссіямъ, приходится коснуться вопроса, въ чемъ выражалась эта поддержка и насколько она была сильна. Условія, въ которыхъ шла дѣятельность Елены Павловны, чрезвычайно затрудняютъ правильную оцѣнку значенія этой дѣятельности. Она, по своему положенію, не могла принимать непосредственнаго участія въ работѣ; болѣе того, она даже не всегда могла быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, которыя велись въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ необыкновенной торопливостью. Обо всѣхъ возникавшихъ недоразумѣніяхъ она узнавала лишь черезъ третьи руки, даже не всегда отъ членовъ комиссій, нерѣдко черезъ Абазу, шурина Милютина, которому многое разсказывалось именно въ расчетѣ, что это дойдетъ до вел. княгини [3]). При такихъ условіяхъ чрезвычайно трудно уловить и размѣры и самое содержаніе того участія, которое Елена Павловна принимала въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Не видно, чтобы вліяніе ея когда-либо простиралось настолько далеко, чтобы воздѣйствовать на замѣщенія важнѣйшихъ постовъ. Если не считать назначенія Милютина на незавидную должность временно исполняющаго обязанности товарища министра, ни одно крупное назначеніе за это время не было произведено согласно ея желаніямъ, хотя она всегда мечтала о вліяніи въ этой сферѣ [4]). Это и дало поводъ утверждать, что всѣ розсказни о ея политическомъ вліяніи вымышлены. Съ другой стороны мы, однако, имѣемъ яркіе примѣры того рѣшительнаго воздѣйствія, которое она оказывала на высшія сферы по цѣлому ряду очередныхъ вопросовъ, иногда большой важности. Достаточно сказать, что благодаря ей уже одобренная и утвержденная государемъ инструкція генералъ-губернаторамъ была послана за границу на просмотръ Ростовцеву и въ сущности отмѣнена [5]). Ея «могущественному по-

[1]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 129. „Увидимъ ли мы ее, сударыня?"—„Почему бы нѣтъ?" [2]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 129. [3]) Ibid, 90. [4]) Ibid, II, 33. [5]) Крестьянское Дѣло („Рус. Стар." 1885, № 9).

кровительству» приписывали постоянно друзья реформы свои успѣхи. «Всѣ, кто узналъ о скоромъ возвращенiи вашего высочества,—писалъ ей кн. Черкасскiй въ апрѣлѣ 1859 г.—радуются этому... всѣ убѣждены въ благотворномъ влiянiи, которое ваше присутствiе можетъ оказать» [1]). Не случайно называли ее въ своемъ кругу сторонники реформы своею «матерью-благодѣтельницею» [2]). Еще болѣе подтверждаетъ фактъ ея влiянiя та ненависть, которую она заслужила въ кругу сановной знати.

Влiянiе вел. княгини было совершенно особаго свойства. Это было влiянiе полунамековъ, во́-время сказанныхъ словъ, во́-время сдѣланныхъ умолчанiй,—то влiянiе, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе оно поддается учету. Оно выражалось въ направленiи къ опредѣленной цѣли всѣхъ тѣхъ случайностей, которыми полна жизнь, въ заранѣе обдуманныхъ улыбкахъ, во взглядахъ, въ движенiи бровей, еле уловимыхъ для непосвященныхъ въ закулисныя тайны двора. Вокругъ нея сплеталось представленiе о женщинѣ, могущей очень многое, къ слову которой прислушивается вся императорская семья и раздражительности характера которой нѣсколько побаиваются сильные мiра, и это дѣлало особенно знаменательнымъ въ ея рѣчахъ и поступкахъ то, что у простыхъ смертныхъ проходитъ незамѣченнымъ. Ея знанiе людей, ея привычка лавировать среди разнородныхъ интересовъ, долгое время лежавшая на ней обязанность играть роль—«говорить двумя языками» [3]), продолжительная школа придворнаго искусства давали ей возможность пользоваться авторитетомъ влiятельной и капризной женщины. Тутъ былъ широкiй просторъ и для природной ловкости Елены Павловны, и для выработаннаго годами умѣнiя обращаться съ людьми. Она не стѣснялась въ средствахъ, откладывая даже личныя чувства щепетительности и самолюбiя. «Я не понимаю соображенiй столь невысокаго свойства (mesquines),—говорила она,—когда дѣло идетъ о томъ, чтобы принести пользу и воспользоваться случаемъ, который, можетъ быть, никогда не воротится... Я, по крайней мѣрѣ, готова отложить всякое самолюбiе, только бы удалось» [4]). Она знала силу женскаго влiянiя: «женщина—по ея словамъ—можетъ сдѣлать больше, чѣмъ мужчина» [5]); и она пускала въ ходъ всю свою очаровательность, когда нужно было привлечь на свою сторону Ростовцева. Она, впрочемъ, умѣла играть одинаково успѣшно на всѣхъ струнахъ человѣческаго сердца: и въ отношенiи къ тому

---

[1]) Мат. для бiогр. кн. Черк., II, 235, 75. [2]) Ibid., 87. Записки Милютиной („Рус. Стар.“ 1899 № 3) [3]) Отзывъ Погодина у *Барсукова* (ор. cit. XVI, 114). [4]) Мат. для бiогр. кн. Черк., II., 33, 104. [5]) Ibid., 26—27.

же Ростовцеву она умѣла во-время задѣть самолюбіе николаевскаго генерала, когда дразнила его, повторяя слухи, будто Позенъ будетъ помыкать всѣми дѣлами въ комитетѣ [1]). Поразительное чутье, тонкое знаніе характеровъ проявляетъ она въ сношеніяхъ съ лицами, имѣющими значеніе въ дѣлѣ реформы. Труднѣе всего и отвѣтственнѣе были, конечно, ея сношенія съ государемъ. Она отлично знала, что императоръ, какъ всѣ слабовольные люди, былъ очень ревнивъ къ своей власти (jaloux de son pouvoir, по ея выраженію) и не выносилъ непосредственнаго вліянія, что съ нимъ, слѣдовательно, надо, говоря ея словами, «поступать очень осторожно», такъ, чтобы онъ не почувствовалъ, что на него хотятъ оказать давленіе. Она умѣла навести разговоръ, не ставя навязчивыхъ вопросовъ, и незамѣтно его направлять. Государь разсказывалъ, напримѣръ, про представленіе ему депутатовъ. Великой княгинѣ хотѣлось спросить, что онъ имъ сказалъ, но не рѣшилась и только сказала: «Hé bien, qu'est-ce qu'ils vous ont dit?» Онъ отвѣчалъ: «Qu'est-ce qu'ils ont pu me dire! C'est moi qui leur ai dit, que je leur ai donné des instructione et qu'il fallait se garder d'en sortir» [2]). Незамѣтно она умѣла вѣ-время ловко ввернуть нужное словечко и притомъ въ такой формѣ, что трудно было угадать умыселъ. Осенью 1859 г. произошелъ рядъ столкновеній между съѣхавшимися депутатами и редакціонными комиссіями; великая княгиня, едва вернувшись изъ-за границы, полетѣла въ Царское Село, «притворяясь, конечно, что ничего не знаетъ, но государь самъ съ нею заговорилъ о дѣлѣ и о депутатахъ. Великая княгиня сказала, что она не понимаетъ, чѣмъ они могутъ быть недовольны, что она читала всѣ доклады и что ей кажется, что интересы помѣщиковъ, насколько возможно, выгорожены и что они не имѣютъ никакого права жаловаться. На это государь ей отвѣтилъ, что онъ съ нею совершенно согласенъ» [3]). Когда нужно было, она умѣла умно польстить самолюбію императора. Въ маѣ 1859 г. передъ отъѣздомъ за границу она имѣла очень пріятный разговоръ съ государемъ и «воспользовалась случаемъ поручить комитетъ его милостивому вниманію, сказавъ, что онъ долженъ поддержать его противъ недоброжелательства, которое обнаруживается къ его стремленіямъ, и что вообще онъ долженъ попрежнему быть защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ, оставаясь—добавляла она очень тонко — однако справедливымъ по отношенію къ дворянству» [4]). Она знала страхъ императора передъ демократіей и

[1]) Зап. Милютиной („Рус. Стар." 1899, № 3). [2]) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 153. „Ну, что же они вамъ сказали?" — „Что они могли мнѣ сказать? Это я имъ сказалъ, что мною имъ даны руководящія основанія, и, что они должны ихъ держаться". [3]) Ib. II, 87. [4]) Зап. Милютиной („Рус. Стар." 1899, № 3).

его привязанность къ дворянскому сословію, отсюда эта осторожность, боязнь «пугать слишкомъ либеральными формами», постоянныя оговорки, которыя, впрочемъ, не измѣняли дѣла. Позднѣе она учила Милютина, какъ говорить съ нимъ по этому опасному вопросу. «Если вы увидите императора и онъ заговоритъ съ вами о дворянствѣ,—писала она ему,—вамъ слѣдовало бы ему сказать, что вы вовсе не противъ дворянства, но что вамъ горько и совѣстно, что ваше сословіе (caste) такъ мало отвѣчаетъ тому, чѣмъ оно должно бы быть» [1]. Прямо, и то съ большой осторожностью великая княгиня дѣйствовала, лишь опираясь на авторитетъ Ростовцева. Послѣ его смерти она пользовалась его именемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ она показывала ему лежавшую у ней на столѣ записку Ростовцева; онъ сказалъ: «C'est très bien écrit»; она отвѣтила: «Mais il faut, que celà soit bien defendu».—«Certainement», отвѣчалъ онъ. Впослѣдствіи она часто напоминала ему объ этой запискѣ [2].

Помимо государя, она такъ же сознательно дѣйствовала по отношенію къ другимъ лицамъ императорской семьи. Одно время императрица подчинялась ея вліянію. Зная средство производить впечатлѣніе на такіе характеры, какой представляла Марія Александровна, она дѣйствовала на нее силой авторитета собственнаго и чужого. «Я говорила императрицѣ,—разсказывала она,—насколько я нахожу труды комиссіи интересными и какъ хорошо они ведутся; я говорила ей, что показывала эти труды нѣсколькимъ лицамъ, и что они ихъ очень хвалили» [3]. Для вліянія на императрицу необходимо было содѣйствіе пользовавшейся ея довѣріемъ Тютчевой; это не было упущено изъ вида великой княгиней. «Надо всячески сблизиться съ Тютчевой, у нея хорошія намѣренія, но многаго она не знаетъ и многое не такъ ей передается»... «Надо чаще видѣться съ Тютчевой, — говорила она другой разъ, — et répéter tout bêtement, mais aussi souvent que possible, qu'il faut donner de la terre au paysans» [4]. Точно такъ же для воздѣйствія на великаго князя Константина она хотѣла использовать вліяніе его довѣреннаго А. В. Головнина. «Головнинъ a une immense influence sur le Grand Duc,—говорила она:— il s'agit donc de le voir, de se concerter avec lui, de ne pas agir separémment et de tâcher de le mettre dans de bons rapports avec tous les autres. Tâchez d'agir toujours de concert avec lui, de ne

---

1) Письмо 29 апрѣля 1861 г. (у *Leroy-Beaulieu*, въ „Rev. des Deux Mondes“ 1880, 1 oct.) 2) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 149. „Прекрасно написано“.—„Но это надо будетъ защитить“.—„Конечно“. 3) Ibid., 104. 4) Ibid. II, 27, 31, 104. „Какъ можно чаще, повторять безъ всякихъ ухищреній, что надо дать землю крестьянамъ“.

jamais employer l'influence du Grand Duc sans vous avoir préalablement concerté avec lui; c'est très important» [1]).

Въ столкновеніяхъ съ людьми, не сочувствовавшими реформѣ, она умѣла всегда выдержать властный тонъ и при случаѣ прикрыться именемъ государя. Разъ въ разговорѣ съ ней кн. Долгоруковъ высказалъ сочувствіе партіи Шувалова и сожалѣніе, что изъ комитета исключенъ аристократическій элементъ; она отвѣтила ему очень находчиво и, между прочимъ, сказала, что эти господа выходятъ изъ комитета не по случаю того вопроса, который стоитъ теперь на очереди и относительно котораго съ ними пытались придти къ соглашенію, но что они являются противниками тѣхъ принциповъ, которые были одобрены самимъ императоромъ. Кн. Долгоруковъ долженъ былъ замолчать [2]).

Своимъ опытомъ великая княгиня дѣлилась со своими сотрудниками и учила ихъ придворной тактикѣ; по выраженію Оболенскаго, она «указывала непосвященнымъ во всѣ таинства придворной жизни всѣ пути къ достиженію извѣстныхъ цѣлей» [3]). Она убѣждала ихъ слѣдовать ея примѣру и откладывать въ сторону самолюбіе: «l'amour propre et toute autre velléité pécheresse,— писала она: — doit aller se perdre dans cet unique et grand devoir» [4]). Она проповѣдывала необходимость сплотиться во имя общей цѣли, стараться, «чтобы было единство во всѣхъ соображеніяхъ и во всемъ, что должно доходить и дѣйствовать на государя». «Si vous ne vous conservez pas unis,— говорила она:— on tirera sur vous comme sur des bêtes fauves de tous les cotés et vous ne parviendrez à rien» [5]).

Со свойственнымъ ей чувствомъ такта она убѣждала Милютина, котораго вокругъ нея считали слишкомъ погрязшимъ въ бюрократическую пыль, больше вращаться въ свѣтѣ, упрекая его въ томъ, что онъ, устраняясь изъ общества, самъ способствуетъ распространію о немъ ложныхъ мнѣній; «надо показывать себя, — говорила она,—показывать, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ» [6]). Наоборотъ, въ лицѣ кн. Черкасскаго она нападала на аристократическую щепетительность или, вѣрнѣе, гордость дѣятелей изъ помѣ-

[1]) Мат. для біогр. кн. Черк., 26 - 27. „Головнинъ имѣетъ громадное вліяніе на великаго князя,—говорила она:—поэтому надо съ нимъ видѣться, совѣщаться съ нимъ, не дѣйствовать отдѣльно (отъ него) и стараться втянуть его въ хорошія отношенія со всѣми прочими. Старайтесь дѣйствовать съ нимъ сообща, никогда не дѣйствуйте на великаго князя иначе, какъ по предварительному совѣту съ нимъ,—это очень важно". [2]) Зап. Милютиной („Рус. Ст." 1899 № 3). [3]) Воспоминанія Оболенскаго („Руск. Стар." 1909 № 4). [4]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 62. „Самолюбіе и всякое иное грѣховное помышленіе должны теряться въ этомъ единомъ и великомъ долгѣ. [5]) Ibid., 26. „Если вы не объединитесь, то васъ перестрѣляютъ, какъ дикихъ звѣрей, и вы ничего не достигнете". [6]) *Leroy-Beaulieu* („Rev. des Deux Mondes" 1880, 1 oct).

щиковъ, гнушавшихся государственной службы во вредъ дѣлу. «Il faut que ces Messieurs comprennent, — говорила она кн. Черкасской,—que s'ils ne parviennent pas à remplir les places importantes, ces places seront occupées par d'autres et par des gens dangereux. Il faut agir avec unité et tâcher d'entrer dans les affaires» [1]).

Ареной, на которой со всей яркостью могли проявиться тактическіе таланты великой княгини и которая вмѣстѣ съ тѣмъ являлась могущественнымъ средствомъ для распространенія симпатичныхъ ей идей, явился ея салонъ, который возникъ на почвѣ «морганатическихъ» вечеровъ. Великая княгиня любила общество. Ея широкіе вкусы, ея свѣтскій блескъ, ея умѣніе весело и открыто жить, дѣлали Михайловскій дворецъ притягательнымъ центромъ для всего Петербурга. Въ тѣ годы Елена Павловна «царила, по общему признанію, въ петербургскомъ обществѣ», и съ ея дворомъ «ни одна вел. княгиня не рѣшалась впослѣдствіи войти въ соревнованіе» [2]). Ея «soirées morganatiques» по четвергамъ, по-старому у кн. Львовой и подъ фирмой кн. Львовой, объединяли представителей самыхъ разнообразныхъ круговъ. «На вечерахъ великой княгини—писалъ Побѣдоносцевъ [3])—встрѣчались государственные люди съ учеными, литераторами, художниками». «Ея домъ былъ средоточіемъ [4])—пишетъ другой современникъ—всѣхъ мало-мальски интересныхъ людей столицы. Не считаясь съ измѣнчивымъ настроеніемъ большого двора, Елена Павловна открывала доступъ въ свой гостепріимный домъ всѣмъ, кто выдавался умомъ и образованіемъ и не былъ слишкомъ скомпрометированъ». Это умѣніе вел. княгини «собирать въ своихъ петербургскихъ вечерахъ все выдающееся умомъ, образованіемъ и талантами—ученыхъ, писателей, даровитыхъ людей государственной службы» [5])—сообщали ея собраніямъ необычайный блескъ. Присутствіе выдающихся писателей, И. С. Тургенева, кн. Вяземскаго, кн. Одоевскаго, Тютчева, придавало имъ иногда легкій тонъ литературныхъ вечеровъ: здѣсь Маркевичъ читалъ «Бѣжинъ лугъ», министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій, вернувшись съ обѣда, даннаго кн. Барятинскому, декламировалъ стихи Вяземскаго въ честь кавказскаго героя [6]); здѣсь въ день пятидесятилѣтія писательской дѣятельности самого Вяземскаго, въ мартѣ 1861 г., государь за ужиномъ поднялъ бокалъ за здоровье

---

[1]) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 33. „Надо, чтобы они поняли, что если имъ не удастся занять важныя должности, всѣ онѣ будутъ заняты другими, и притомъ опасными личностями. Надо дѣйствовать сообща и стараться войти въ дѣла". [2]) „Рус. Стар." 1909 № 4. [3]) *Побѣдоносцевъ*, Вѣчная Память. [4]) Aus der Peterb. Gesellsch. [5]) Отзывъ И. Аксакова въ предисловіи къ „Письмамъ Самарина къ бар. Раденъ". [6]) Дневникъ кн. Черкасской въ Мат. для біогр. кн. Черк., II.

русскаго поэта [1]). Здѣсь обсуждались литературныя новинки, статьи Чернышевскаго и Чичерина въ «Современникѣ»; здѣсь къ ужасу почтенной кн. Львовой, тщетно затыкавшей уши, Оболенскій вслухъ читалъ статьи изъ революціоннаго «Колокола» [2]). Здѣсь появлялись молодыя начинающія ученыя силы, какъ Борисъ Чичеринъ и Дмитріевъ, только что достигшіе университетской степени [3]). Въ пестрой толпѣ литераторовъ, ученыхъ, путешественниковъ и femmes du monde появлялись представители дипломатическаго міра: кн. Бисмаркъ, Монтебелло, Альвенслебенъ; многіе «изъ сильныхъ міра сего»: «беззаботно улыбающійся министръ внутреннихъ дѣлъ, едва передвигающій ноги гр. Блудовъ, сильно покачивающійся на своихъ атлетическихъ ногахъ кн. Орловъ, нескладный видомъ, духомъ и дѣяніями гр. Панинъ» [4]), и на ряду съ ними «корифеи партіи національно-демократической»—Самаринъ, Кавелинъ, Аксаковъ, точно такъ же, какъ представители курляндской знати, Бревернъ, гр. Кайзерлингъ, ф.-Эттингенъ, извѣстный естественникъ ф.-Беръ, «либералы-западники» изъ круговъ, близкихъ къ великому князю Константину,—Головнинъ, фонъ-Рейтернъ, и, конечно, выдающіеся члены редакціонныхъ комиссій и дѣятели министерства внутреннихъ дѣлъ, Милютинъ съ братомъ, Черкасскій, Тарновскій, Галаганъ... [5]). Сама вел. княгиня выходила къ гостямъ, когда собраніе было уже въ полномъ разгарѣ, часовъ въ 10, и, пользуясь своимъ положеніемъ мнимой гостьи, садилась въ сторонку и подзывала къ себѣ лицъ, съ которыми желала поговорить, предоставляя княжнѣ Львовой заботу занимать «les gros bonnets», а баронессѣ Раденъ блистать своимъ умомъ и свѣтскимъ образованіемъ за чайнымъ столомъ [6]). «Женскій умъ» вел. княгини, тонкій и образованный, придавалъ собраніямъ особую прелесть. «Собранія, бывшія въ ея гостиныхъ,—говоритъ Побѣдоносцевъ,—надолго останутся въ памяти у всѣхъ, кто ищетъ въ бесѣдѣ свѣтлаго праздничнаго возбужденія мысли, отрезвленія отъ будничной жизни» [7]). Свободный тонъ общества поражалъ людей, привыкшихъ къ придворному быту. Вечера разнообразились съ изумительнымъ и тонкимъ мастерствомъ, изобличавшимъ не только богатство воображенія, но и нѣсколько избалованный вкусъ. Концерты, спектакли, живыя картины, фокусы,—все это вел. княгиня умѣла обставить съ самымъ изысканнымъ изяществомъ; она имѣла возможность привлекать лучшія артистическія силы

---

[1]) *Барсуковъ*, XVIII, 325. [2]) Дневникъ кн. Черкасской (въ Матеріалахъ кн. II.) [3]) *Заблоцкій-Десятовскій*, Графъ Киселевъ и его время, IV (Прилож. № 80). [4]) Дневникъ Валуева, 24 ноября 1859 („Рус. Стар.“ 1891 № 8). [5]) Aus der Pet. Gesellsch. [6]) Зап. Назимовой („Рус. Арх.“ 1899 № 10). [7]) *Побѣдоносцевъ*, Вѣчная Память.

того времени: у нея на музыкальныхъ вечеринкахъ выступали: Рубинштейнъ, Вьетанъ, Невѣдомская, Штуббе, пѣвцы-итальянцы: Delcassini, Calzolari, Bosio. Для молодежи были танцы, игры въ горѣлки, petits-jeux, шарады, и на первомъ планѣ модная въ то время игра въ secretaire; любители сидѣли за карточными столами и за шахматами. Иногда вечернія собранія принимали болѣе грандіозный характеръ: давались балы, маскарады; залы утопали въ зелени и въ цвѣтахъ, горѣли разноцвѣтными фонарями, превращенныя въ пестрыя бесѣдки, въ цвѣточныхъ нишахъ которыхъ разыгрывались аллегри; импровизированные жрецы предсказывали будущее; бывало «безумно весело»: «танцовали до упаду; маски гуляли; итальянцы пѣли въ итальянской гостиной; царь веселился»; государь любилъ вечернія собранія у Елены Павловны съ ихъ своеобразнымъ весельемъ, съ ихъ блескомъ и разнообразіемъ, и часто на нихъ бывалъ; онъ самъ говорилъ, что съ дѣтства такъ не веселился, какъ у вел. княгини. Не будучи любителемъ музыки, онъ просиживалъ музыкальную часть вечера за картами, а затѣмъ выходилъ смотрѣть на petits-jeux и хохоталъ отъ души, наблюдая за горѣлками. Бывали также на четвергахъ обѣ императрицы и другіе члены царской семьи; бывалъ наслѣдникъ Николай Александровичъ, участвовалъ въ «petits-jeux» и бывалъ очень оживленъ, по крайней мѣрѣ, въ отсутствіе отца, котораго онъ побаивался[1]).

Присутствіе на вечерахъ лицъ, принадлежавшихъ къ императорской семьѣ и къ большому двору, и дѣятелей различныхъ партій, встрѣча представителей правительства съ людьми, не принадлежащими непосредственно къ ихъ кругу, особенно приглашеніе видныхъ работниковъ по крестьянскому вопросу,—все это придавало извѣстный политическій характеръ вечерамъ вел. княгини, заслоняя свѣтскія развлеченія общественными интересами дня. Здѣсь передавались политическія новости, здѣсь велись интересные разговоры «о положеніи нынѣшнихъ дѣлъ». Политическіе интересы преобладали: «мужчины бесѣдовали съ ожесточеніемъ, и дамамъ приходилось предаваться нѣсколько искусственному восхищенію музыкой». Здѣсь обсуждались вопросы назначеній, волновавшіе чиновничьи круги; здѣсь Валуевъ ловилъ еженедѣльно слухи, «что государь имѣетъ (его) въ виду для какого-то высшаго назначенія»

---

[1]) Воспом. Оболенскаго; Дневникъ Валуева („Рус. Стар." 1891 № 8, 10). Дневникъ кн. Черкасской (въ Матеріалахъ, кн. II). Записки М. А. Милютиной („Рус. Стар." 1899 № 1). [2]) Дневникъ Валуева („Рус. Ст." 1891 № 10). Дневникъ кн. Черкасской (во II кн. Матеріаловъ).

и жадно прислушивался къ многообѣщающимъ намекамъ Ланского [1]). Здѣсь, «enfant terrible» салона, Самаринъ доказывалъ съ ожесточеніемъ курляндской знати необходимость руссификаціи Балтійскаго края, а нѣмецкимъ дипломатамъ—неизбѣжность войны съ Пруссіей [2]). Здѣсь члены императорской семьи разспрашивали, иногда довольно откровенно, о дѣйствіяхъ и направленіи министровъ у чиновниковъ имъ подчиненныхъ; здѣсь они встрѣчались съ лицами, которыхъ до тѣхъ поръ не знали или избѣгали; такъ, императрица на балу у вел. княгини заговорила впервые съ Ростовцевымъ, котораго до тѣхъ поръ очень не любила; на одномъ изъ этихъ вечеровъ былъ ей представленъ Милютинъ; въ салонѣ вел. княгини, наконецъ, императоръ видался и разговаривалъ съ членами редакціонныхъ комиссій. Здѣсь во-время сказанное слово оказывало услуги или губило людей [3]); здѣсь встрѣчались нужныя другъ другу лица; такъ, на вечерѣ у вел. княгини Милютинъ сошелся съ гр. Бобринскимъ, авторомъ записки о выкупѣ, авторитетомъ котораго ему нужно было воспользоваться; тутъ же былъ онъ представленъ кн. Горчакову и говорилъ съ нимъ о городовомъ положеніи, противъ котораго была настроена въ то время бюрократическая среда.

Въ этотъ кругъ политическаго общества вел. княгиня вводила такимъ образомъ своихъ сотрудниковъ по крестьянскому вопросу и на своихъ вечерахъ открывала имъ возможность «sur terrain neutre» встрѣчаться съ вліятельными лицами изъ правительственныхъ круговъ. «Съ изумительнымъ искусствомъ — говоритъ Оболенскій [4])— умѣла она группировать гостей такъ, чтобы вызвать государя и царицу на вниманіе и на разговоръ съ личностями, для нихъ нерѣдко чуждыми и противъ которыхъ они были предубѣждены; при этомъ все это дѣлалось незамѣтно для непосвященныхъ въ тайны глазъ и безъ утомленія государя». Встрѣчи устраивались намѣренно и съ обдуманной цѣлью; это было хорошо извѣстно, и вел. князь Константинъ нѣсколько иронично даже отзывался объ этой манерѣ «знакомиться на вечерахъ». Когда, напримѣръ, послѣ смерти Ростовцева, настроеніе членовъ комиссій было подавленное, то вел. княгиня очень хлопотала, чтобъ устроить вечеръ, на которомъ государь могъ бы еще разъ встрѣтиться съ ними; ей говорили, что это ни къ чему не поведетъ, однако вечеръ былъ данъ, и замыселъ увѣнчался успѣхомъ [5]). Эти встрѣчи были необходимы главнымъ образомъ послѣ

---

[1]) Дневникъ Валуева („Рус. Стар." 1891 №№ 8, 10). [2]) *Самаринъ*, Письма къ бар. Раденъ. Восп. Тернера („Рус. Стар." 1899 № 11). [3]) Дневникъ Валуева („Рус. Стар." 1891 №№ 4, 8). [4]) Воспоминанія. Обол. („Рус. Стар." 1909 № 4.) [5]) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 163.

неудачъ, для того, чтобы пріободрить падавшихъ духомъ дѣятелей реформы, а еще болѣе, чтобы приподнять въ глазахъ чиновничьяго круга ихъ пошатнувшійся авторитетъ. Такъ, встрѣча Милютина съ императрицей въ 1858 г. была организована послѣ извѣстнаго думскаго инцидента, вызвавшаго о немъ рѣзкій отзывъ императора, и милостивыя слова государыни должны были въ обществѣ ослабить впечатлѣніе отъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ о немъ говорилъ ея супругъ [1]). Точно такъ же въ февралѣ 1860 г., когда Панинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій и можно было опасаться устраненія отъ дѣлъ лицъ, работавшихъ до сихъ поръ по крестьянскому вопросу, имѣлъ мѣсто въ салонѣ вел. княгини продолжительный разговоръ императора съ Милютинымъ, который имѣлъ цѣлью показать, что онъ разсчитываетъ на его дальнѣйшее содѣйствіе въ работахъ [2]). Когда въ апрѣлѣ разногласія между Панинымъ и членами комиссій дошли до того, что заговорили о ихъ закрытіи, вел. княгиня, какъ сказано выше, спеціально организовала встрѣчу государя съ членами комиссій (16 апрѣля). Императоръ заговорилъ съ Милютинымъ о дѣлахъ частнаго характера, потомъ отвелъ его въ сторону и сталъ вполголоса говорить о послѣднихъ несогласіяхъ Панина съ членами комиссій, выражая свое согласіе со взглядами послѣднихъ; потомъ онъ разговаривалъ о томъ же съ Галаганомъ.

При всей случайности и нерѣдко безсодержательности значеніе такихъ встрѣчъ и разговоровъ было слишкомъ ясно по себѣ. Не даромъ вел. княгиня такъ радовалась, когда ей удавалось вовлечь императора въ разговоръ съ нужнымъ человѣкомъ. Въ такихъ случаяхъ къ ней подлетала m-elle Эйлеръ или баронесса Раденъ и потихоньку говорила: «Sa Majesté parle au prince» или «cherche M. Milutine» [3]), и Елена Павловна не скрывала своего торжества, бросая ликующіе взгляды въ сторону разговаривающихъ. Такіе разговоры производили сильное впечатлѣніе на гостей, которые переглядывались, посматривая въ двери, и на самихъ участниковъ, которые долго толковали потомъ о словахъ царя и на нихъ строили свои надежды; но, быть можетъ, лучше всего оцѣнивали значеніе этихъ встрѣчъ и разговоровъ противники реформы; не даромъ разъ, во время продолжительной бесѣды императора съ Милютинымъ, Тимашевъ не выдержалъ и злобно поздравилъ Самарина [4]). Мухановъ отлично

[1]) Записки Милютиной („Рус. Стр.“ 1889, № 1). *Leroy-Beaulieu* („Revue des Deux Mondes“ 1880 1-er octobre). [2]) Письмо Милютина Ланскому 25 февр. 1860 г. (у *Leroy-Beaulieu*). [3]) „Его Величество разговариваетъ съ княземъ“ или „ищетъ Милютина“. (Мат. для біогр. кн. Черк. II, 127). [4]) Записки Милютиной („Рус. Стар.“ 1899, № 1). Дневникъ Черкасской (во II кн. Матеріаловъ).

взвѣсилъ политическій смыслъ того, что происходило въ салонахъ Елены Павловны: «нѣкоторые изъ нихъ (сторонниковъ освобожденія) проникли въ семейство императорское [1]),—говоритъ онъ,—легкій имѣютъ туда доступъ и свободно говорятъ о настоящемъ вопросѣ. Не только не пользуются симъ преимуществомъ тѣ, кто не раздѣляетъ ихъ мнѣнія, но съ ними постоянно уклоняются отъ разговоровъ».

Это содѣйствіе, которое Елена Павловна оказывала дѣятелямъ реформы, и просторъ, который представляли ея салоны для распространенія идей редакціонныхъ комиссій, не могли не навлечь на на вел. княгиню много озлобленія со стороны лицъ, которыя не сочувствовали ея взглядамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ были безсильны противъ ея высокаго положенія. «У вел. княгини—писалъ Киселевъ—много противниковъ въ петербургскомъ обществѣ; причина этому—превосходство ея ума и обращенія» [2]). Дѣйствительно, рѣдко кто въ тѣхъ сферахъ, къ которымъ принадлежала вел. княгиня, когда-либо возбуждалъ столько жгучей и откровенной ненависти, какъ она, и нельзя не поразиться, какъ лица, вращавшіяся въ кругу, гдѣ вошло въ обычай восторженное преклоненіе или, по крайней мѣрѣ, условная почтительность передъ членами императорской семьи, позволяли себѣ дерзко держать себя по отношенію къ Еленѣ Павловнѣ. Очевидно были задѣты классовые интересы, и тутъ отступали на второй планъ и придворныя традиціи, и требованія свѣтскихъ приличій. Кн. Орловъ, докладывая государю о поведеніи владѣтельницы Михайловскаго дворца, прямо говорилъ ему: «я терпѣть не могу того, что происходитъ въ этомъ домѣ» [3]). Еленѣ Павловнѣ не могли простить ея вмѣшательства въ дѣла, то, что она вышла за предѣлы, разрѣшенные женщинѣ и вел. княгинѣ. «Всѣми она признана мастерицей устраивать праздники—говорили про нее—и плѣнять своимъ умомъ; если бы эта умная женщина не мѣшалась въ государственныя дѣла, она, конечно, была бы украшеніемъ нашего двора» [4]). Эту необычную для вел. княгини дѣятельность любили объяснять побужденіями невысокаго свойства. «(Она) окружаетъ себя передовыми людьми,—замѣчаетъ Мухановъ [5]),—помѣстила одного изъ нихъ, а именно кн. Черкасскаго, у себя и суетно добивается, чтобъ ее прославляли въ иностранной печати». Дальше уже открывался широкій просторъ для интригъ и сплетенъ. Пускались въ ходъ всевозможныя пружины, чтобъ поссорить вел. княгиню съ государемъ и государыней, распускали самые нелѣпые слухи о «неблагонадежныхъ людяхъ», которыми она себя окружаетъ. «Не-

---

[1]) *Барсуковъ*, XVII, 108—109. [2]) *Забл.-Десят.*, т. III. (Дневникъ Киселева, 11 окт. 1863). [3]) *Барсуковъ*, loc. cit. [4]) *Кони*, op. cit. [5]) *Барсуковъ*, loc. cit.

давно одинъ изъ нихъ,—пишетъ тотъ же Мухановъ [1]),—пользующійся особенно благосклоннымъ расположеніемъ вел. княгини Елены Павловны, сказалъ съ удовольствіемъ, что черезъ 3 года ничего не останется на мѣстѣ». Не ограничиваясь намеками на политическую неблагонадежность друзей вел. княгини, сочиняли и распространяли сплетни объ отношеніяхъ самой вел. княгини къ одному изъ нихъ, Милютину [2]). И въ повседневныхъ отношеніяхъ старались подчеркнуть оппозиціонное отношеніе къ вел. княгинѣ. Многіе изъ министровъ не упускали случая въ мелочахъ «подсолить» вліятельной теткѣ государя [3]). Въ кругу лицъ, недовольныхъ реформой, эта оппозиція принимала характеръ довольно безсмысленныхъ демонстрацій, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали дамы этого круга. Въ день именинъ вел. княжны Екатерины Михайловны, напримѣръ, демонстративно отсутствовали гр. Шувалова и кн. Паскевичъ, въ связи съ инцидентомъ съ ихъ мужьями въ комитетѣ. Вел. княгиня была слишкомъ женщиной, чтобъ обойти молчаніемъ эту безтактность, черезъ кн. Львову у нихъ было запрошено объясненіе ихъ отсутствія [4]). Впрочемъ, этой мелкой оппозиціи, выражавшейся въ свѣтскихъ колкостяхъ, нельзя иридавать слишкомъ серьезнаго значенія. Вел. княгиня слишкомъ хорошо знала ту среду, изъ которой она выходила, чтобы считаться съ нею. Тутъ выступало все ея умѣніе вò-время улыбнуться и вò-время выразить неудовольствіе. Всякое желаніе «подсолить вел. княгинѣ» пропадало при любезномъ приглашеніи проѣхаться съ нею въ экстренномъ поѣздѣ [5]); къ тому же при ея горячности всегда можно нарваться на рѣзкую отповѣдь съ ея стороны. Тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ нельзя было пренебрегать этой оппозиціей. Она несомѣнно стремилась отдалить государя отъ его властной и во многихъ отношеніяхъ неудобной тетки; и среди противниковъ послѣдней были талантливые люди, умѣвшіе вліять на Александра. Великую княгиню тревожили не столько личныя нападки, сколько интриги, направленныя противъ дѣла, «которыя всюду окружали государя» [6]).

Эти опасенія особенно сильно завладѣли вел. княгиней, когда въ февралѣ 1860 г. умеръ Ростовцевъ, съ которымъ она дѣлила и свои хлопоты, и свое вліяніе на царя, и она осталась одинокой въ предстоявшей борьбѣ съ интригами. Смерть Ростовцева застала врасплохъ кругъ ея сотрудниковъ и была тяжелымъ ударомъ для нихъ. Судя по всему, вел. княгиня пустила въ ходъ всѣ свои связи,

[1]) Ibid. [2]) *Lerou-Beaulieu* („Rev. des Deux Mondes“ 1880, 1 oct.) [3]) Дневникъ Валуева („Рус. Стар.“ 1891, № 10.) [4]) Дневникъ Валуева (29 ноября 1859 г.), въ „Рус. Стар.“ 1891, № 10. [5]) Тамъ же, (11 мая 1860 г.) [6]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 106.

чтобы на освободившееся мѣсто предсѣдателя редакціонныхъ комиссій выдвинуть болѣе или менѣе допустимую кандидатуру; изъ круговъ, близкихъ къ ней, возникла мысль поставить во главѣ комиссій Ланского; затѣмъ упорно стали называть постояннаго посѣтителя ея салона—Муравьева-Апостола [1]). Назначеніе Панина было неожиданностью и тяжелымъ пораженіемъ для вел. княгини. Это назначеніе ее очень огорчило, она даже плакала съ досады. Въ пылу раздраженія она высказала и самому императору свое удивленіе назначенію Панина и сомнѣнія, будетъ ли онъ съ пользою служить дѣлу, которому онъ не сочувствуетъ. Завѣренія императора, что у Панина нѣтъ иныхъ убѣжденій, кромѣ воли государя, конечно, мало могли успокоить вел. княгиню и окружавшихъ ее лицъ. Въ ея кругу предвидѣли большую реакцію и возобновленіе тѣхъ строгостей, отъ которыхъ начинали отвыкать. Смерть Ростовцева подѣйствовала сильно и на самого императора; въ его лицѣ сходилъ въ могилу человѣкъ, который съ самыхъ первыхъ опытовъ въ управленіи былъ его руководителемъ. Съ его смертью императоръ почувствовалъ вокругъ себя, по его собственнымъ словамъ, большую пустоту, и чувствомъ нравственнаго одиночества объяснили то выраженіе озабоченности и грусти, которое замѣчали на его лицѣ. Въ такомъ настроеніи онъ находилъ сочувствіе въ одной вел. княгинѣ, добрыя отношенія которой къ Ростовцеву были ему хорошо извѣстны; въ прочихъ членахъ семейства онъ этого сочувствія не находилъ. Поэтому естественно было ему идти дѣлиться горемъ къ ней; въ самый день кончины Ростовцева онъ былъ у нея, много плакалъ и говорилъ объ умеремъ. «Je vous remercie de comprendre ma douleur», писалъ онъ вскорѣ затѣмъ. Вел. княгиня понимала не только его горе, но и то чувство одиночества, на которое онъ жаловался. «Pauvre homme!—говорила она,—comme il m'a fait de la peine... ne pouvoir compter sur personne». Все это сближало вел. княгиню съ императоромъ и давало ей возможность попрежнему влiять на дѣла [2]).

1860-й годъ прошелъ въ мелкой борьбѣ комиссій съ новымъ предсѣдателемъ; великая княгиня принимала въ этихъ столкновеніяхъ обычное участіе, ѣздила, хлопотала, устраивала встрѣчи, волновалась. Къ октябрю работы комиссій были закончены и переходили въ Главный комитетъ. Компенсаціей до извѣстной степени за Панина явилось назначеніе вел. князя Константина предсѣдателемъ Главнаго комитета. 8 октября, по ея порученію, бар. Раденъ сообщала уже Милютину радостную вѣсть: «Мнѣ поручено сооб-

---

[1]) Мат. для біогр. кн. Черк. 147. Записки Милютиной. [2]) Дневникъ кн. Черкасской (въ Матеріалахъ, II, 138, 152).

щить вамъ пріятную новость, которую пока держатъ въ тайнѣ,— вел. князь Константинъ назначенъ предсѣдателемъ Главнаго комитета; по возвращеніи императоръ самъ будетъ въ немъ предсѣдательствовать» [1]).

Работы по крестьянскому вопросу приходили, такимъ образомъ, къ концу. До послѣдней минуты, однако, вел. княгиня продолжала волноваться и ждать новыхъ осложненій. Чуть не наканунѣ подписанія манифеста, 13 февраля 1861 г., она писала Милютину, отражая страхи, которые волновали дворецъ: «Je crois devoir vous prévenir, que les gens de ma maison ont répété, que s'il n'y avait rien pour le 19—la чернь viendrait devant le palais demander une solution. Il faudrait faire attention à ce bavardage: une demonstration serait funeste»[2]). Опубликованіе манифеста держалось въ глубокой тайнѣ. Только наканунѣ «великаго дня» императоръ предупредилъ вел. княгиню. Рано утромъ, 5 марта, Елена Павловна позвала баронессу Раденъ; она была взволнована, счастлива; ея мысли обращались часто къ ея сотрудникамъ и къ продолжительной тяжелой работѣ, «которой она посвятила все свое сердце». Вел. княгиня присутствовала у обѣдни въ Зимнемъ дворцѣ; тамъ же былъ императоръ и другіе члены императорской семьи. Не желая разстраивать семейнаго обѣда Милютина, вел. княгиня позвала обѣдать гр. Блудова, Ланского и Головина; обѣдъ былъ по-истинѣ веселый [3]). Съ обычнымъ своимъ вдумчивымъ тактомъ она вспомнила въ этотъ день и о старѣйшемъ своемъ собесѣдникѣ по вопросу, разрѣшенному манифестомъ 19 февраля,—о старикѣ Киселевѣ; въ этотъ же день она телеграммой извѣстила его о прочтеніи манифеста въ церквахъ [4]). Въ противоположность болѣе чѣмъ холодному отношенію большого двора, окружающіе вел. княгиню раздѣляли ея повышенное настроеніе. Это было какое-то ликованіе. Бар. Раденъ была въ восторгѣ. «Привѣтствую васъ во имя свободы, дорогая княгиня,— писала она кн. Черкасской:—со вчерашняго дня 23 милліона рабовъ стали свободны. Не будемъ говорить объ ограниченіяхъ, препятствіяхъ и разочарованіяхъ, неразлучныхъ со всеобъемлющей соціальной реформой — принципъ свободы провозглашенъ, и первая статья Положенія съ ея великолѣпнымъ *навсегда* будетъ въ исторіи ореоломъ короны нашего государя». «Милая княгиня, поздравимте другъ

---

1) *Leroy-Beaulieu* („Revue des Deux Mondes" 1880, 1 octobre). 2) *Leroy-Beaulieu* („Rev. des Deux Mondes" 1880, 1 oct.) „Я чувствую себя обязанной предупредить васъ, что среди моей дворни повторяютъ, что если ничего не будетъ къ 19-му, то чернь придетъ къ дворцу требовать разрѣшенія вопроса. Слѣдовало бы обратить вниманіе на эту болтовню: демонстрація можетъ все погубить. 3) Письмо бар. Раденъ къ кн. Черкасской. (Мат. для біогр. кн. Черк. II, Прил. 85—86. 4) *Заблоцкій-Десятовскій*, op. cit. III, 223

друга!—писала ей же кн. Львова:—совершилось давно желанное и жданное благо» [1]) Кн. Черкасскій, съ своей стороны, писалъ вел. княгинѣ изъ Тульской губерніи: «Сегодня утромъ было возвѣщено счастливое событіе, которое покроетъ славою царствованіе е. в. императора и удовлетворяетъ желаніямъ вашего высочества; мнѣ невозможно, мнѣ особенно, не обратиться въ этотъ мигъ мысленно къ могущественному покровительству, которымъ мы постоянно были обязаны вашей добротѣ среди самыхъ разнообразныхъ кризисовъ» [2]). Вел. княгиня отвѣчала Черкасскому интереснымъ письмомъ: «Nos pensées se sont rencontrées. Moi aussi je les ai rapportées vers vous en ce moment solonnel, qui nous a tous delivré—gouvernement, noblesse et peuple de la chaîne pesante, que le servage imposait à tous ces titres divers» [3]).

Шагъ, предпринятый правительствомъ, слишкомъ рѣзко порывалъ съ прошлымъ, чтобъ не вызвать непосредственно за собою реакціи. Дѣло было сдѣлано, и реакція поэтому выражалась теперь въ непріязненныхъ проявленіяхъ по отношенію къ лицамъ, способствовавшимъ проведенію реформы. Казалось, правительство, издавъ манифестъ и отрѣзавъ себѣ пути къ отступленію, само испугалось этого шага и вымещало свою досаду на отдѣльныхъ дѣятеляхъ реформы. Торжество и ликованіе въ Михайловскомъ дворцѣ смѣнились подавленнымъ настроеніемъ. Первымъ ударомъ для самолюбія ближайшихъ сотрудниковъ Елены Павловны было награжденіе ихъ, какъ чиновниковъ, орденами за совершенные труды. Вел. княгиня пыталась избавить ихъ отъ этого позора. Она писала Милютину еще 16 февраля, увѣдомляя его объ ожидаемой непріятности: «Сообщите объ этомъ Ланскому, чтобы онъ предотвратилъ ударъ; слѣдовало бы вò-время предупредить вел. князя Константина» [4]). Но удара предотвратить не удалось. Затѣмъ послѣдовала смѣна министровъ, пользовавшихся благоволеніемъ вел. княгини: Ланской уступилъ мѣсто ловкому, но бездарному Валуеву, человѣку, вышедшему изъ школы Мих. Муравьева и отъ души нерасположенному къ вел. княгинѣ; Милютина сдѣлали сенаторомъ и дали ему отпускъ на неопредѣленный срокъ. «Ахъ, какъ печаленъ праздникъ Пасхи для нѣкоторыхъ изъ насъ въ Петербургѣ!—писала бар. Раденъ Самарину (24 апрѣля 1861) [5]).—Внезапное назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) Мат. для біогр. кн. Черк. II (Прилож. 87—88). [2]) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 235. [3]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 237. „Наши мысли встрѣтились. Я тоже направила ихъ къ Вамъ въ эту торжественную минуту, которая насъ всѣхъ освободила — правительство, дворянство и народъ отъ тяжкой цѣпи, которую крѣпостное право налагало на всѣхъ“. [4]) *Leroy-Beaulieu*, „Rev. des Deux Mondes“ 1880, 15 oct). [5]) Письма Самарина къ бар. Раденъ.

меня сравнительно мало волнуетъ; не могу того же сказать объ отставкѣ Милютина, которая меня чрезвычайно огорчаетъ. Ему необходимъ отдыхъ, ему необходимъ досугъ для путешествія даже съ точки зрѣнія его политическаго развитія, но манера, съ какой все это было сдѣлано, это удаленіе въ Сенатъ, откуда римскій народъ когда-нибудь долженъ будетъ призвать его обратно, и это изгнаніе послѣ безраздѣльныхъ, полныхъ и безкорыстныхъ многолѣтнихъ жертвъ — это жестоко, и мы, его друзья, чувствуемъ это вдвойнѣ, за него и за себя». Баронесса Раденъ лишь отражала настроеніе всѣхъ лицъ, окружавшихъ Елену Павловну. «Михайловскій дворецъ—по выраженію М. А. Милютиной—не то что огорченъ, а какъ-то озабоченъ и притихъ [1]). «Вел. княгиня—писалъ въ маѣ Милютинъ Самарину—опечалена и хвораетъ» [2]). Она торопилась уѣхать за границу.

Время «славной борьбы», работы, волненій и надеждъ миновало. Наступала пора осуществленія тѣхъ идей, вокругъ которыхъ хлопотала владѣтельница Михайловскаго дворца, съ неизбѣжными разочарованьями, съ будничными деталями. Вел. княгиня не закрывала глазъ на трудность проведенія въ жизнь реформы. «Дай Богъ,— писала она Черкасскому въ апрѣлѣ 1861 г.,—чтобъ великое дѣло, которое государь сумѣлъ съ безпримѣрною твердостью и искусствомъ довести до успѣшнаго окончанія, осуществилось такъ же удачно во всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія. Вотъ моя забота въ настоящее время. Эти два года, необходимые для измѣненія экономическаго положенія помѣщика, создадутъ и уже создаютъ затрудненія — этого слѣдовало ожидать; исполнители закона во всѣхъ отрасляхъ заставятъ многаго желать. Однако я льщу себя надеждой, что истина пробьется къ свѣту и измѣненіе въ бытѣ приведетъ къ просвѣщенію умовъ, что дастъ правительству въ будущемъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ дѣятелей. Надежды, какъ видите, составляютъ во мнѣ противовѣсъ сомнѣніямъ, отъ которыхъ я тѣмъ не менѣе не могу вполнѣ отрѣшиться при видѣ несостоятельности большинства людей, призванныхъ къ выполненію дѣла, которому они не сочувствуютъ» [3]). Попрежнему вел. княгиня наблюдала за ходомъ всѣхъ работъ по крестьянскому вопросу, и ея корреспонденты, «зная интересъ, который она всегда проявляла къ великому дѣлу, и громадное участіе, которое она въ немъ принимала», не скупились на подробности. Сама она безпрестанно справлялась о ходѣ дѣлъ: «Comment la question de l'emancipation se developpe-t-elle

1) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 271. 2) *Leroy-Beaulieu*, „Rev. des Deux Mondes" 880, 15 oct.). 3) Мат. для біогр. кн. Черк. II, 237.

chez vous et dans l'interieur,—писала она, напримѣръ, кн. Черкасскому въ іюнѣ 1862 г. изъ Бадена:—le Дополненіе au выкупъ satisfait-il les idées, croyez-vous, que la cession du quart du высшій надѣлъ soit adopté par beaucoup de propriétaires et accepté volontiers par les paysans?»[1]). Среди «хаоса» и «confusion des idées», которые она наблюдала въ правительствѣ, она продолжала выяснять вопросы и побуждать своихъ бывшихъ сотрудниковъ къ работѣ; въ мартѣ 1862 г. она писала гр. Киселеву, прося его повлiять на Милютина: «Я очень хотѣла бы, чтобы Милютинъ употребилъ время на изученіе вопросовъ, связанныхъ съ выкупомъ, который въ принципѣ принятъ. Теперь ищутъ средствъ ввести его въ жизнь... Пускай онъ подумаетъ, пускай поищетъ, пускай находитъ!» [2]) Вел. княгиня всегда чувствовала какую-то особенную нѣжность къ крестьянскому вопросу. О своемъ «горячемъ участіи въ дѣлѣ освобожденія нашихъ крестьянъ» любила она впослѣдствіи говорить въ интимныхъ бесѣдахъ [3]). Она дала средства на изданіе подготовительныхъ трудовъ по крестьянскому вопросу [4]). Задумавъ въ 1866 г. составить календарь для народа, она просила Самарина составить для него «историческій очеркъ крѣпостного состоянія по его возникновенію и вліянію на народный бытъ; а затѣмъ объ освобожденіи крестьянъ и о значеніи этой перемѣны въ народной жизни». «Подумайте—писала Самарину отъ ея имени бар. Раденъ [5])—о важности, которую пріобрѣтаетъ исторія освобожденія, и вліяніи, которое должна имѣть великая реформа на жизнь народа». Къ своимъ сотрудникамъ она до конца жизни сохранила самыя теплыя отношенія, особенно къ Милютину, всѣ дальнѣйшіе жизненные шаги котораго она наблюдала съ трогательной заботливостью вплоть до того момента, когда она навѣщала его наканунѣ смерти [6]).

Другія очередныя реформы 60-хъ годовъ, судя по всему, гораздо менѣе привлекали вниманіе Елены Павловны. Впрочемъ, при живости своего темперамента она не могла не вникать въ сущность всѣхъ вопросовъ, а по привычкѣ не могла не вмѣшиваться въ ихъ разрѣшеніе. Все ее интересовало, обо всемъ она горячилась, принимая, по выраженію Никитенки, «живое участіе во всѣхъ разумно-свободныхъ явленіяхъ нашего времени» [7]).

---

[1]) Мат. для біогр. кн. Черк., II, 398. Ср. у *Leroy-Beaulieu* („Rev. des Deux Mondes" 1880, 15 oct.). („Какъ развивается вопросъ освобожденія у васъ и во внутреннихъ губерніяхъ; удовлетворяетъ ли дополненіе къ выкупу; полагаете ли вы, что уступка четверти высшаго надѣла будетъ принята многими помѣщиками и встрѣтитъ сочувствіе среди крестьянъ?") [2]) *Leroy-Beaulieu*. [3]) *Порфирій*, Книга бытія моего, VIII (5 апрѣля 1862 г.) [4]) *Кавелинъ*, II, 1228. [5]) Письмо Самарина къ бар. Раденъ 26 апрѣля 1866. [6]) *Leroy-Beaulieu* („Revue des Deux Mondes" 1880. т. 41 и 42). Дневникъ Никитенки, II, 313. [7]) Дневникъ Никитенки, II, 474.

Реформа суда, облегченіе цензурныхъ условій, земская реформа,— словомъ, всѣ либеральныя начинанія 60-хъ годовъ встрѣчали въ ней энергичную поддержку. Тѣмъ не менѣе кульминаціоннымъ пунктомъ ея общественной дѣятельности является 19 февраля. Съ тѣхъ поръ ея роль въ дѣлахъ идетъ быстро на убыль.

Вслѣдъ за судебной реформой и реформой печати обнаруживаются признаки реакціи. Какъ и раньше, реакція прежде всего съ особенной яркостью обнаружилась въ отношеніи къ лицамъ, принимавшимъ участіе въ реформѣ. «Защитники реформъ,— говоритъ кн. Оболенскій, самъ принадлежавшій къ кругу этихъ лицъ,—уже обнародованныхъ и вошедшихъ въ законъ, заклейменные названіемъ красныхъ, подвергнуты были или явному гоненію, или опалѣ». Устраненные отъ дѣлъ, заподозрѣнные въ неблагонадежности, они, привыкнувъ «въ періодъ лихорадочной дѣятельности» къ «живымъ и возбуждающимъ ощущеніямъ труда и борьбы» на поприщѣ государственныхъ вопросовъ, теперь томились бездѣйствіемъ, ища занятій въ болѣе узкой сферѣ, въ земствахъ, въ судѣ или въ частныхъ предпріятіяхъ. Опалу своихъ друзей и сотрудниковъ раздѣлила и вел. княгиня. Расположеніе къ ней государя постепенно ослабло, она утрачивала свое политическое значеніе [1]). Подобно прочимъ приверженцамъ реформъ, она была принуждена устраниться отъ дѣлъ; болѣе того, для многихъ изъ ея друзей былъ закрытъ доступъ въ ея дворецъ [2]). Лишенная возможности при своемъ высокомъ санѣ принимать участіе въ тѣхъ занятіяхъ, которыя оставались еще открытыми для частныхъ лицъ, она живѣе другихъ должна была почувствовать «нѣкоторую пустоту отъ отсутствія волновавшихъ ее интересовъ». Не могли удовлетворить ея честолюбія, ея жажды дѣятельности ни литературныя затѣи, въ родѣ изданія Православнаго календаря, ни работа на поприщѣ благотворительности, ни покровительство искусствамъ. Въ качествѣ «высокой покровительницы» она и здѣсь была лишена возможности оказывать реальное вліяніе на ходъ дѣлъ; поэтому участіе въ музыкальномъ обществѣ и въ организаціи консерваторіи, при ея властолюбіи, давало лишь поводъ къ непріятностямъ и столкновеніямъ, не доставляя ей никакого удовлетворенія. Все это дѣйствовало на нее раздражительно, тѣмъ болѣе, что годы и болѣзни давали себя знать. «Тщетно искала она живыхъ впечатлѣній въ сферѣ неполитической,— пишетъ объ ея послѣднихъ годахъ кн. Оболенскій:—слабѣющія фи-

---

1) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар.“ 1909, № 5). 2) Письмо Самарина къ бар. Раденъ 20 ноября 1868. Ср. письмо Елены Павловны къ Милютину отъ 11 мая 1812 (у *Leroy-Beaulieu* въ „Revue des Deux Mondes“ 1880, 1 novembre).

зическія силы лишали ее возможности принимать участіе въ прежнихъ многолюдныхъ собраніяхъ» [1]). «Съ сокрушеніемъ замѣчали,— пишетъ ея нѣмецкій біографъ,—въ послѣдніе годы, что Елена Павловна вслѣдствіе болѣзненности все болѣе и болѣе удалялась отъ общества, пока, наконецъ, почти совершенно не замкнулась въ обществѣ своихъ дамъ и лейбъ-доктора» [2]). «Замѣтна была даже въ ней—глухо замѣчаетъ Оболенскій—желаніе искать новыхъ впечатлѣній между людьми другой общественной среды, въ занятіяхъ другими интересами, забыть современность въ искусственномъ созданіи себѣ новыхъ идеаловъ. Всѣ подобные признаки надвигающейся старости измѣнили всѣ нормальныя условія прежней полной энергіи и изящной обстановки жизни вел. княгини».

Чѣмъ-то очень грустнымъ вѣетъ отъ послѣдняго «четверга» великой княгини. «Благодаря принцу Оранскому,—пишетъ бар. Раденъ Самарину въ апрѣлѣ 1871 г.,—Михайловскій дворецъ снова сдѣлался такимъ же свѣтскимъ, какимъ онъ былъ 10 лѣтъ тому назадъ. Воскресили вновь «четвергъ» со спектаклемъ и съ ужиномъ... Это былъ настоящій ацтекъ, выродившійся потомокъ царской расы! Кромѣ внѣшности, все на немъ отсутствовало: вѣяніе идей, благородство интересовъ, блескъ остроумія, друзья прежнихъ лѣтъ! Вѣдь не могли же меня развлечь разговоры г. Валуева или любезности гр. Петра Шувалова» [3]). Великая княгиня угасала и нравственно и физически. Сквозь болѣзненную усталость еще видна была ея прежняя живость. «Еще прекрасная, но блѣдная, какъ будто надломленная, подходила она къ намъ въ пріемной, опираясь на руку фрейлины,—описываетъ гр. Блудова послѣднее ея свиданіе съ великой княгиней незадолго до ея смерти;—она, которая никогда не нуждалась въ такой помощи, которая, бывало, свѣжая и веселая, какъ бы окрыленная своимъ живымъ умомъ, переходила отъ одного къ другому изъ собранныхъ у нея гостей съ улыбкой и привѣтливыми словами для каждаго! Улыбка была еще на блѣдномъ лицѣ и слова привѣта на устахъ, но утомленные глаза и слабая походка непохожи были на нее и болѣзненно поражали сердце» [4]). 9 января 1873 г. ея не стало. «Ея смерть почти во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества,—писалъ вскорѣ послѣ ея кончины ея нѣмецкій біографъ,—произвела сильное и глубокое впечатлѣніе, и врядъ ли въ скоромъ времени заполнится пробѣлъ, который она причинила» [5]).

Некрологи восхваляли вел. княгиню за ея щедрость въ дѣлахъ

---

[1]) Восп. Оболенскаго („Рус. Стар." 1909 № 5). [2]) Aus der Peterb. Gesellsch. [3]) *Самаринъ*, Письма къ бар. Раденъ, 159. [4]) Зап. гр. Блудовой („Рус. Арх." 1878, № 3). *Побѣдоносцевъ*, Вѣчная Память. [5]) Aus der Peterb. Gesellsch.

благотворительности, за ея тонкій вкусъ и покровительство искусствамъ. Однако ея друзья не рѣшились обмолвиться ни однимъ словомъ объ ея участіи въ «великомъ дѣлѣ»; самые краснорѣчивые изъ нихъ молчаливо останавливались передъ тѣмъ моментомъ въ жизни вел. княгини, который и ей самой, и имъ всегда казался самымъ знаменательнымъ и дорогимъ. Въ этомъ было что-то глубоко-печальное [1]). Тѣмъ теплѣе отзывались о вел. княгинѣ въ своихъ частныхъ письмахъ лица, имѣвшія случай съ ней работать: «Au fond d'une province hostile,—писалъ Самаринъ, получивъ извѣстіе объ ея кончинѣ;—j'honorerai la mémoire de la Grande Duchesse, en pratiquant dans l'obscurité ce qu'elle m'a fait connaitre dans une sphère plus vaste et plus éclatante» [2]).

Личность вел. кн. Елены Павловны уже при жизни встрѣтила достойную оцѣнку какъ въ глубокомъ уваженіи, которымъ ее окружали одни, такъ и въ жгучей ненависти, которую она вызывала въ другихъ. Вокругъ ея имени уже при жизни сплетались легенды, нераздѣльныя съ выдающейся общественной дѣятельностью, говорили, что она обладаетъ даромъ прозорливости и что она предсказывала государю петербургскіе пожары [3]). Самые опытные въ придворныхъ привычкахъ чиновники съ трепетомъ переступали порогъ Михайловскаго дворца: «Тутъ уже надо было держать ухо востро! Кто не знаетъ, что такое у насъ на Руси вел. кн. Елена Павловна,—писалъ о своемъ представленіи ей Инсарскій.—Помоги Господи выбраться по добру по здорову!» [4]). Таково было то впечатлѣніе, которое производило въ широкихъ кругахъ имя этой женщины, отъ которой привыкли всего ожидать, настолько, что вѣрили въ ея революціонные замыслы и въ сношенія съ Герценомъ и эмигрантами [5]).

С. Бахрушинъ.

---

[1]) См. некрологи въ сочин. *Кавелина*, т. II, 1226—1228, въ Восп. кн. Оболенскаго въ „Рус. Стар.“ 1909, № 5, (написанный имъ для „Голоса“) и въ сборникѣ *Побѣдоносцева* Вѣчная Память. [2]) Письмо Самарина бар. Раденъ отъ 17 марта 1873. „Въ глуши враждебной провинціи я буду чтить память вел. княгини, проводя въ неизвѣстности тѣ идеи, съ которыми она познакомила меня на болѣе блестящемъ“ поприщѣ“. [3]) *Порфирій*, Книга бытія моего VIII, (30 мая 1862). [4]) „Рус. Стар.“ 1907, № 1. [5]) Aus der Peterb. Gesellsch.

ФОТОТ П. ПАВЛОВА

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

Въ лѣтописяхъ освободительной реформы 19 февраля 1861 г. Константину Дмитріевичу Кавелину, по справедливости, принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ на ряду съ такими выдающимися поборниками и дѣятелями реформы, какими были тогда Н. А. Милютинъ, Я. И. Ростовцевъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ, кн. В. А. Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ и др. Правда, участіе К. Д. Кавелина въ подготовкѣ дѣла крестьянской «эмансипаціи» не было такъ замѣтно, какъ участіе вышеназванныхъ ея офиціальныхъ руководителей, тѣмъ не менѣе вліяніе его на ходъ преобразованія было, внѣ всякаго сомнѣнія, очень значительно и только по внѣшнимъ условіямъ оставалось какъ бы въ тѣни. По существу Кавелина съ достаточнымъ основаніемъ можно было бы назвать *идеологомъ* и *вдохновителемъ* крестьянской реформы въ ея практической постановкѣ и окончательной реализаціи. И дѣйствительно, на долю Кавелина выпала отвѣтственная роль идейнаго руководителя и теоретика крестьянскаго «освобожденія» въ тѣхъ его конкретныхъ формахъ, въ какія, въ концѣ-концовъ, вылился историческій актъ 19-го февраля. Именно, Кавелину суждено было стать глашатаемъ тѣхъ коренныхъ *началъ* реформы 1861 г., которыя постепенно выявлялись въ процессѣ ея подготовки и въ результатѣ легли въ ея основаніе. И хотя Кавелину не нашлось мѣста ни въ одномъ изъ «комитетовъ» или какой-либо изъ многочисленныхъ «комиссій», гдѣ вершились тогда судьбы «святого дѣла», тѣмъ не менѣе его голосъ оказался настолько сильнымъ и убѣдительнымъ, что и безъ формальныхъ полномочій гарантировалъ автору замѣчательной «Записки объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи» авторитетное и направляющее вліяніе на великую реформу. Воздѣйствіе Кавелина на дѣло реформы 1861 г. носило такимъ образомъ тотъ «келейный» характеръ, который вообще былъ столь типиченъ для всей исторіи вопроса объ отмѣнѣ «крѣпостного» состоянія. Атмосфера страха и полной растерянности въ сознаніи роковой

неизбѣжности грядущаго переворота, совершенно подавлявшая правительственныя сферы въ 40—50 гг. XIX столѣтія, создавала тогда особенно благопріятныя условія для подобнаго рода «келейныхъ» вліяній. Превративъ великое дѣло отмѣны крѣпостного рабства въ «секретъ» имперской бюрократіи и двора и отстранивъ всякое гласное вмѣшательство общества и общественнаго мнѣнія въ дѣло реформы, правительство, однако, вынуждено было съ тѣмъ большей чуткостью и жадностью прислушиваться ко всякому «постороннему» голосу, чѣмъ яснѣе сознавало оно свою собственную полнѣйшую безпомощность и неподготовленность въ столь «опасномъ» начинаніи. Этимъ и объясняется то усердіе, съ какимъ правительства имп. Николая I и Александра II собирали нелегальную рукописную литературу по крестьянскому вопросу, секретно интервьюируя тѣхъ или иныхъ общественныхъ или государственныхъ дѣятелей и нерѣдко выражая свое «Высочайшее благоволеніе» авторамъ разнаго рода «записокъ» и «писемъ», циркулировавшихъ тогда въ столичныхъ салонахъ, придворныхъ кругахъ и въ широкой публикѣ. Такимъ путемъ опальная общественная мысль приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ правительствомъ реформы... Благодаря указаннымъ совершенно исключительнымъ условіямъ, среди которыхъ почти до самаго конца 50-хъ гг. подготовлялось рѣшеніе вопроса «объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», Кавелину и удалось, въ качествѣ «частнаго» лица, не только установить направляющую директиву реформы, но и сдѣлаться ея фактическимъ участникомъ, навсегда связавъ свое благородное имя съ историческимъ днемъ 19-го февраля. Участіе Кавелина въ подготовкѣ освободительнаго акта носило, такимъ образомъ, *скрытый* характеръ: дѣйствовали другіе, вліялъ и направлялъ онъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ далеко не все въ дѣятельности Кавелина на пользу «общаго дѣла» поддается точному учету и можетъ быть выяснено съ достаточной полнотой и отчетливостью...

Однако въ этомъ своеобразномъ отлученіи Кавелина отъ прямого и открытаго участія въ томъ самомъ дѣлѣ, которому онъ самоотверженно посвятилъ свои лучшія силы и которое—по его собственному признанію—«опредѣлило его жизнь и судьбу» [1]), не было ничего случайнаго или неожиданнаго. Кавелинъ очень удачно символизировалъ только всю ненормальность положенія русскаго общества въ первой половинѣ XIX столѣтія, когда общественная жизнь была совершенно подавлена и мучительно билась въ реакціонныхъ колодкахъ. Полицейскій режимъ эпохи, зародившейся подъ

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, т. II, стр. 5.

знакомъ 14-го декабря, водворяя въ русской жизни покой кладбища, въ равной мѣрѣ загонялъ тогда въ *подполье* какъ общество съ его неудовлетворенной жаждой дѣятельности на «благо народа», такъ и правительство съ его безплодными и безсильными преобразовательными попытками и планами. «Секретные комитеты» и интимные общественные «салоны» — вотъ куда бѣжала въ тѣ дни русская жизнь, напуганная своей собственной тѣнью, вотъ гдѣ совершалось тогда таинство русской исторіи, вотъ гдѣ зрѣли, въ сгущенной атмосферѣ взаимнаго недовѣрія и отчужденности, великія событія грядущей «эпохи реформъ» съ ея трагическимъ финаломъ. И эти два своеобразные міра—законспирированная отъ общества власть и общество скрывшееся внутрь себя отъ власти—сообщались между собой лишь потайными ходами, такъ сказать, конфиденціально, сохраняя притомъ внѣшній видъ и положеніе совершенной взаимной изолированности.

Таковы именно и были тѣ пути и средства, которыми подвигался К. Д. Кавелинъ къ намѣченной имъ цѣли, проходя шагъ за шагомъ богатую и вмѣстѣ съ тѣмъ суровую школу жизни своего времени.

Переживъ еще въ юныхъ годахъ неотразимое вліяніе своего домашняго наставника В. Г. Бѣлинскаго [1]), К. Д. Кавелинъ получилъ затѣмъ свое первое крещеніе въ общественную жизнь въ извѣстномъ салонѣ А. П. Елагиной [2]), гдѣ судьба впервые свела его съ лучшими представителями русскаго общества 30—40 гг., бр. Кирѣевскими, Аксаковыми, Ю. Самаринымъ, А. Герценомъ, Н. Огаревымъ и многими другими. Но, начавъ свое общественное воспитаніе подъ гостепріимнымъ кровомъ дома Елагиныхъ, Кавелинъ послѣдовательно прошелъ затѣмъ одинъ за другимъ знаменитые «салоны» и «кружки» Москвы и Петербурга — П. Чаадаева, А. Хомякова, В. Бѣлинскаго, А. Герцена и Т. Грановскаго, вел. кн. Елены Павловны [3]), завершивъ столь блестящее поприще созданіемъ своего собственнаго Кавелинскаго салона, гдѣ вокругъ радушнаго хозяина, обладавшаго рѣдкимъ даромъ «маркиза de Lethorière»—все примирять и всѣхъ объединять [4]), собиралось довольно своеобразное общество людей самыхъ различныхъ «направленій» и положеній. Здѣсь можно было встрѣтить С. Соловьева, К. Побѣдоносцева, Б. Чичерина, И. Тургенева, Н. Милютина, бр. Гротъ, М. Драгомирова, Г. Даниловича, А. Заблоцкаго-Десятовскаго и иныхъ

[1]) *Д. А. Корсаковъ*, К. Д. Кавелинъ, стр. 445—447. („Вѣстникъ Европы", т. III, 1886 г.). [2]) Ibid., стр. 450—454. [3]) „Вѣстникъ Европы" 1886 г., т. III, стр. 488—491; т. IV, стр. 22, 24 — 27, 541 — 544. [4]) „Вѣстн. Евр." 1886 г., т. III, стр. 465, 468—469, 471—473 и сл.

столь же видныхъ лицъ [1]). Кругъ вліяній, черезъ которыя прошелъ такимъ образомъ Кавелинъ, былъ достаточно разнообразенъ и широкъ, но зато и сфера его собственнаго личнаго вліянія на поприщѣ общественнаго служенія была не менѣе широка и разнообразна. Его университетскія, литературныя, чиновныя и, наконецъ, придворныя связи и отношенія вполнѣ обезпечивали необходимую силу его вліянію, хотя мы и должны замѣтить, что источникомъ этой силы фактически являлось вовсе не то или иное занимаемое Кавелинымъ офиціальное «положеніе» въ чиновной іерархіи, а единственно его *личность*. Собственно служебная «карьера» Кавелина никогда не была ему по душѣ, и онъ навсегда сохранилъ глубоко отрицательное отношеніе къ русской «бюрократіи» вообще и «блистательной карьерѣ по министерствамъ» въ особенности [2]). Въ тѣхъ не рѣдкихъ случаяхъ, когда по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ Кавелину приходилось сворачивать съ «своей дороги», т.-е. академическаго пути, служа то подъ начальствомъ Н. Милютина, то «подъ командой Ростовцева», «Яшки Ростовцева», какъ выражался Кавелинъ [3]), онъ всегда тяготился своимъ положеніемъ, и, если все же дорожилъ своими бюрократическими *связями*, то не во имя самой «службы», а потому, что благодаря имъ онъ имѣлъ возможность сблизиться съ цѣлымъ рядомъ видныхъ государственныхъ дѣятелей и такимъ путемъ вліять на ходъ крестьянской реформы, т.-е. за предѣлами того офиціальнаго «вѣдомства», къ которому былъ случайно причисленъ. Мы сказали бы даже, что «служебное» положеніе являлось скорѣй помѣхой Кавелину въ дѣлѣ его общественнаго служенія. Въ этомъ смыслѣ особенно поучителенъ эпизодъ приглашенія Кавелина въ наставники къ цесаревичу Николаю Александровичу въ 1857 г. [4]). Самъ Кавелинъ придавалъ очень серьезное значеніе возложенной на него высокой миссіи, такъ что временно подался было даже искушенію мечты о предстоящей ему «политической дѣятельности», тѣмъ болѣе, что ему извѣстно было черезъ баронессу Раденъ о благосклонномъ отношеніи государя къ его «Запискѣ» по вопросу объ эмансипаціи [5]). Однако, еще прежде чѣмъ послѣдовало офиціальное назначеніе Кавелина на столь важный постъ, среди придворной клики начались уже усиленныя интриги, направленныя противъ него, какъ «отчаяннаго либерала» и «краснаго» [6]). Вліяніе этихъ интригъ не замедлило обнаружиться съ

---

1) Ibid., т. IV, стр. 30. 2) „Вѣст. Евр.“ 1886 г., т. III, стр. 465, 468—469, 471—473 и мн. др. 3) Ibid., т. IV, стр. 30. Н. О. К. Воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ, стр. 583—584 („Истор. Вѣстникъ“ 1906 г. XI). 4) Ibid., т. IV, стр. 540. 5) Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. I, стр. XXIV. 6) „Вѣст. Евр.“ т. IV, стр. 547, 549. Ср. также Воспоминанія Ѳ. А. Оома, стр. 248 („Рус. Архивъ“ 1896 г. № 6).

достаточной выразительностью уже при первомъ свиданіи Кавелина съ императрицею Маріей Александровной при представленіи его послѣдней по случаю только что состоявшагося его назначенія въ наставники наслѣдника. «Скажите,—обратилась государыня къ Кавелину,—отчего вы пользуетесь репутаціей самаго отчаяннаго либерала, который желаетъ прогресса во что бы то ни стало?» [1]). Уже въ этой прелюдіи, несмотря на личное расположеніе императрицы къ Кавелину, ясно сказалась скрытая угроза мечтамъ «краснаго» профессора. И дѣйствительно, «придворная гниль» — какъ выразился самъ Кавелинъ—довольно скоро добилась того, что онъ былъ «выданъ ей головой», т.-е. вынужденъ былъ подать въ отставку и покинуть дворецъ. Либеральный профессоръ оказался такимъ образомъ при дворѣ «не ко двору». Любопытно, что та самая «Записка объ освобожденіи крестьянъ», которая ранѣе—въ рукописи—удостоилась высочайшаго одобренія, теперь, съ появленіемъ ея въ печати въ журналѣ Н. Чернышевскаго, хотя и въ извлеченіяхъ и помимо воли ея автора, послужила послѣднимъ толчкомъ къ развязкѣ и «паденію» Кавелина, послѣ чего—по его собственному признанію—онъ вновь и уже окончательно погрузился «въ ту же почетную и почтенную неизвѣстность, изъ которой случайно вышелъ» было на короткій срокъ. Ликвидировавъ вопросъ о своей политической карьерѣ, Кавелинъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ рѣдкимъ достоинствомъ покончилъ разъ и навсегда всѣ счеты съ правительствомъ, отклонивъ и предложенную ему пенсію и чинъ, а позднѣе и знакъ отличія за ученыя заслуги (въ 1862 г.). При этомъ Кавелинъ съ гордостью и чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія могъ вспоминать въ 1885 г. о своемъ дебютѣ при дворѣ и его послѣдствіяхъ: «послѣ,—говорилъ онъ,—со мной не разъ заигрывали, но я не дался въ ловушку и остался въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находился, не поступившись ни на іоту. Они могли раздавить мою служебную карьеру, но унизить мою личную честь я имъ не далъ» [2]). По существу отставка Кавелина только развязывала ему руки. Устранивъ его съ высокаго поста, придворная камарилья оставила его въ покоѣ, направивъ свои клеветы и интриги на тѣхъ, кто, подобно, напр., Н. Милютину, «уцѣлѣвъ какимъ-то чудомъ» [3]), продолжалъ служить дѣлу освобожденія. Личная неудача поэтому нимало не обезкураживала Кавелина, тѣмъ болѣе что связи, которыми онъ дорожилъ, вовсе не постра-

[1]) Ibid., стр. 555 — 556. [2]) Собр. соч., т. II, стр. 5. См. также „Вѣст. Евр." 1886 г., т. IV, стр. 562 — 3. [3]) Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту, стр. 389 („Рус. Стар." т. 97).

дали отъ всѣхъ этихъ событій и онъ продолжалъ съ успѣхомъ трудиться на пользу того великаго дѣла, которое, дѣйствительно, было дѣломъ его жизни. Въ указанномъ смыслѣ враги Кавелина ничего не могли у него отнять, тогда какъ сами они безъ него, безъ его знаній и помощи, никоимъ образомъ обойтись не могли. Въ самомъ дѣлѣ, сколько уже лѣтъ билось правительство надъ вѣковой задачей ликвидаціи крѣпостного права, истощая свою изобрѣтательность на «сизифову работу» секретныхъ комитетовъ, и все же оно не находило никакого выхода изъ «порочнаго круга» мертворожденныхъ начинаній, а между тѣмъ Кавелинъ уже въ 1855 году имѣлъ готовый «планъ» реформы, такъ что съ полнымъ правомъ могъ говорить: «мы имѣемъ рѣшеніе этой задачи» [1]). И онъ, дѣйствительно, имѣлъ его.

И рѣшеніе, предложенное Кавелинымъ, какъ авторомъ «Записки» 55 г., отнюдь не было скороспѣлымъ отвѣтомъ по существу проблемы. «Отвѣтъ» Кавелина являлся, дѣйствительно, *итогомъ* его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ *синтезомъ* всей предшествовавшей работы въ томъ же направленіи русской общественной мысли, которая уже со временъ Радищева вынашивала въ себѣ аболюціонистскую идею. Не фразой поэтому звучали слова Кавелина въ его извѣстной отповѣди проф. Чичерину на страницахъ «Колокола», когда онъ писалъ: «нашъ трудъ надъ вопросомъ реформы начинается съ тѣхъ поръ, какъ мы помнимъ себя, а не съ тѣхъ поръ, какъ разбудилъ васъ голосъ царя» [2]). Мысль о «крѣпостномъ» народѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень рано начинаетъ безпокоить Кавелина, и уже при первыхъ своихъ выступленіяхъ въ университетѣ талантливый молодой ученый и профессоръ собираетъ вокругъ себя кружокъ студентовъ, посвящая значительную долю своихъ воскресныхъ бесѣдъ съ ними вопросу о крѣпостномъ правѣ. Достойно вниманія, что среди посѣтителей этого кружка и слушателей Кавелина находился тогда и А. М. Унковскій, позднѣе одинъ изъ видныхъ дѣятелей реформы 1861 г. Изъ числа тѣхъ же слушателей К. Д. Кавелина — какъ указано было въ свое время еще Н. П. Колюпановымъ [3]) — впослѣдствіи вышло не мало и другихъ полезныхъ дѣятелей реформы, заявившихъ себя какъ по работѣ въ губернскихъ комитетахъ, такъ и «въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва». Но, пробуждая общественную совѣсть въ молодыхъ сердцахъ, Кавелинъ вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя контрабандой, стремился вызвать также и живой интересъ въ обществѣ къ крестьянскому вопросу. Съ этой цѣлью съ

---

[1]) Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, Женева, 1892 г., стр. 40. [2]) Ibid., стр. 40. [3]) „Русскія Вѣдомости“ 1885 г., № 123.

конца 40-хъ гг. онъ вступаетъ въ члены «Императорскаго русскаго географическаго общества», гдѣ и принимаетъ дѣятельное участіе въ разработкѣ вопросовъ крестьянскаго быта, опубликовывая одновременно рядъ цѣнныхъ изслѣдованій въ указанной области. Нѣсколько позднѣе онъ принимаетъ на себя должность непремѣннаго секретаря «Вольнаго экономическаго общества», гдѣ тогда также, подъ видомъ пропаганды основъ «раціональнаго сельскаго хозяйства», велась агитація противъ крѣпостного строя. Но самая блестящая пора служенія Кавелина реформѣ, безспорно, относится къ срединѣ и второй половинѣ 50-хъ годовъ, послѣ того какъ ему пришлось— послѣ смерти матери въ 1853 г. — принять въ свои руки управленіе, перешедшимъ къ нему по наслѣдству, имѣніемъ въ Самарской губерніи и благодаря этому ближе ознакомиться съ положеніемъ крѣпостныхъ. Въ это, именно, время Кавелинъ - помѣщикъ и приступилъ сначала къ составленію проектовъ улучшенія быта своихъ собственныхъ крѣпостныхъ, а затѣмъ и написанію своей знаменитой «Записки объ освобожденіи крестьянъ»[1]). Со второй половины 50-хъ гг. Кавелинъ, дѣйствительно, всецѣло отдается дѣлу «эмансипаціи» и развиваетъ въ указанномъ смыслѣ необычайную энергію, то выполняя черезъ посредство А. В. Головнина порученія вел. кн. Константина Николаевича (составленіе второй записки), то содѣйствуя выработкѣ «Положенія» для карловскихъ крестьянъ вел. кн. Елены Павловны, то воздѣйствуя непосредственно на Н. Милютина, Ю. Самарина и др. Благодаря столь напряженной и широкой дѣятельности К. Д. Кавелинъ сразу оказался какъ бы въ центрѣ подготовительныхъ къ реформѣ работъ и всего вообще преобразовательнаго движенія, занявъ положеніе *посредника* между правительствомъ и обществомъ съ одной стороны и различными общественными теченіями—съ другой. Онъ сознательно принялъ на себя роль «примирителя», задавшись цѣлью «пріискать *среднія мѣры* для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчивыхъ интересовъ»[2]), задѣтыхъ и возмущенныхъ реформой. И, кажется, трудно было бы найти для этой роли болѣе подходящаго человѣка, чѣмъ Кавелинъ, человѣка, обладавшаго особой способностью сглаживать принципіальныя разногласія и умѣвшаго въ одно и то же время поддерживать близкія и даже дружескія отношенія и съ западниками, и со славянофилами, и съ эмигрантомъ А. Герценомъ и Михайловскимъ дворцомъ. Стремясь всѣхъ объединить во имя «общаго» дѣла и твердо вѣруя въ гармонію общественныхъ интересовъ[3]), Кавелинъ прежде

[1]) Собр. соч., т. I, стр. XVIII. [2]) Собр. соч., т. II, стр. 1182. [3]) ibid., стр. 71, 627.

всего въ своихъ «запискахъ» пытался убѣдить какъ правительство, такъ, въ особенности, и дворянство въ совершенной необходимости и очевидной «выгодѣ» для всѣхъ отмѣны крѣпостного состоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей рѣчи 1857 г. онъ призывалъ всѣхъ честно ступить на путь, указанный «державнымъ Миротворителемъ», и отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ правительству реформы [1]). Одновременно на своихъ воскресныхъ журъ-фиксахъ, во имя того же «всеобщаго разумнаго соглашенія разрозненнаго», онъ дѣлалъ попытки привести въ непосредственный контактъ, на почвѣ крестьянскаго вопроса, людей самаго разнороднаго образа мыслей, принадлежавшихъ какъ къ общественнымъ, такъ и бюрократическимъ сферамъ. При этомъ онъ усиленно пропагандировалъ тотъ взглядъ, что «время теперь такое, что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и оставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ»[2]). Понятно, что при такомъ настроеніи его особенно долженъ былъ радовать успѣхъ его «Записки» 1855 г., которая — по его собственнымъ словамъ — «по примирительному своему характеру» была принята «весьма хорошо... даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками» [3]). И эти «примирительныя» тенденціи шли у Кавелина такъ далеко, что онъ одновременно, напр., протягивалъ свою руку союзника и А. Герцену, и М. Погодину, при чемъ первому онъ предлагалъ, отказавшись отъ «строго-исключительнаго направленія» и «принципіальной» критики, создать за границей новый органъ печати, «но органъ... непремѣнно умѣренный, который черезъ это получилъ бы возможность входить во всѣ интересы, служить органомъ для всѣхъ мнѣній» [4]); второго же — приглашалъ стать «звеномъ замиренія» среди враждующихъ между собою общественныхъ направленій. При этомъ и того и другого Кавелинъ пытался убѣдить, что разногласія, раздѣляющія всѣхъ троихъ, какъ и большинство русскаго общества, по существу, являются просто или «недоразумѣніемъ» [5]), или же разногласіями «не въ цѣляхъ и въ основаніяхъ, а скорѣе въ средствахъ, которыя ведутъ къ цѣлямъ» [6]).

Въ этой примирительной политикѣ Кавелина, несомнѣнно, и заключается главный секретъ его широкаго вліянія на ходъ освободительной реформы. Сознательно сторонясь какихъ бы то ни было «крайностей» и острой постановки вопросовъ, уже въ 24 года

---

[1]) Ibid., стр. 1181 — 1183. [2]) *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIV, стр. 201. Ср. „Вѣст. Евр." т. VI, стр. 167. [3]) Барсуковъ, op. cit., стр. 214. [4]) Письма къ А. И. Герцену, стр. 5—6. [5]) *Н. Барсуковъ*, ibid., стр. 202. [6]) Письма, стр. 4, 9 и 77.

распростившійся со всякими «иллюзіями» и поставившій «спокойную и холодную разсудительность» на мѣсто «возвышеннаго энтузіазма»[1]), Кавелинъ довольно рано обратился въ того «благомыслящаго» человѣка, который обладалъ рѣдкой способностью стирать углы какъ въ личныхъ отношеніяхъ, такъ и въ сферѣ общественной и идейной борьбы. Типичный *эклектикъ* по своему міросозерцанію и въ своихъ научныхъ трудахъ, «западникъ» съ глубокой славянофильской закваской, либералъ и въ то же время консерваторъ [2]), Кавелинъ и въ дѣлѣ реформы выступаетъ передъ нами со всѣми своими отличительными признаками «миротворителя».

Въ его дѣловитыхъ и умныхъ «запискахъ», составленныхъ въ «государственныхъ» видахъ и практическихъ цѣляхъ, мы не найдемъ поэтому ни всесторонняго освѣщенія предмета, ни широко обоснованныхъ выводовъ, ни яркихъ красокъ, ни воодушевленія, это — блестящія «докладныя» записки, составленныя съ опредѣленною цѣлью *повліять* съ одной стороны на правительство, съ другой — на дворянство въ интересахъ скорѣйшаго осуществленія реформы. Авторъ ихъ отлично знаетъ, кому, на что и какъ слѣдуетъ возражать, онъ «въ курсѣ дѣла». Вовлеченный во всѣ перипетіи реформы, посвященный въ ея тайну и интриги, Кавелинъ подходитъ къ своей задачѣ прежде всего въ качествѣ реальнаго политика, и мы сказали бы — человѣка слишкомъ освѣдомленнаго въ указанномъ смыслѣ и потому весьма склоннаго придавать преувеличенное значеніе тѣмъ треніямъ, которыя приходилось ему наблюдать въ тѣсномъ кругу немногихъ удостоенныхъ «довѣрія» и заинтересованныхъ лицъ. Но въ этой близости Кавелина къ тѣмъ сферамъ, гдѣ вершились тогда судьбы реформы, заключалась не только сила, но и значительная опасность его положенія. Ему коротко была извѣстна интимная сторона дѣла преобразованія, такъ что, будучи невольно захваченъ всѣми тревогами, связанными съ хорошо извѣстной ему «государственной тайной», онъ легко могъ утратить перспективныя точки зрѣнія при оцѣнкѣ наблюдаемыхъ имъ событій и обнаружить слабость тамъ, гдѣ она не могла быть оправдана самымъ существомъ дѣла. И дѣйствительно, не чувствуя энтузіазма вѣры, Кавелинъ, подавленный впечатлѣніями момента, склоненъ былъ впадать въ отчаяніе и, предаваясь преувеличеннымъ страхамъ за судьбу реформы, готовъ былъ нерѣдко отступать тамъ, гдѣ, оста-

---

[1]) „Вѣст. Евр.“ 1886 г. т. III, стр. 477, 479, 484. [2]) Собр. соч. К. Д. Кавелина, т. I, стр. XVI—XVII, XXV, XXVII, XXVIII. Ср. „Русс. Стар.“ т. 97, стр. 398, 396; Письма, стр. 48, 52, 57, 59, 79. „Истор. Вѣст.“ 1910 г., XI, стр. 557.

ваясь послѣдовательнымъ, онъ не долженъ былъ идти ни на какіе компромиссы. Вотъ почему въ своихъ «запискахъ» 50-хъ гг. Кавелинъ такъ охотно шелъ на уступки, односторонне фиксируя свое вниманіе на тѣхъ вопросахъ, которые съ его наблюдательнаго пункта особенно рѣзко бросались въ глаза. При такихъ условіяхъ примирительно настроенный Кавелинъ менѣе всего являлся доктринеромъ и не былъ склоненъ особенно настаивать на неприкосновенности «принциповъ», заявляя, что «лучше что-нибудь, чѣмъ ничего».[1]) Поэтому же въ своихъ преобразовательныхъ планахъ онъ стремился прежде всего учесть тѣ *возможности*, которыя при данныхъ конъюнктурахъ представлялись ему наиболѣе достижимыми, отодвигая такимъ образомъ на заднiй планъ свои pia desideria. Но подвигаясь такимъ путемъ, Кавелинъ, очевидно, могъ легко изъ вдохновителя и инструктора реформы превратиться въ жертву преходящихъ обстоятельствъ и санкціонировать своимъ вѣскимъ словомъ такія положенія, которыя являлись серьезной угрозой «началамъ», имъ же самимъ провозглашеннымъ. Мы не будемъ удивляться поэтому, что «среднія мѣры», предложенныя Кавелинымъ въ качествѣ «законнаго» и «справедливаго» рѣшенія контраверзной проблемы, въ существѣ своемъ, почти цѣликомъ вошли въ офиціальную программу реформы 1861 г. и путь, начертанный въ планѣ Кавелина 1855 г., совпалъ съ тѣмъ путемъ, которымъ — въ условіяхъ историческаго момента — пошла освободительная реформа 19 февраля. Однако, если въ означенномъ фактѣ мы въ правѣ видѣть ясное доказательство дѣйствительнаго вліянія Кавелина на ходъ преобразованія, то, съ другой стороны, мы должны признать, что сила этого вліянія, въ свою очередь, являлась не столько результатомъ творческаго воздѣйствія Кавелина на судьбы реформы, сколько послѣдствіемъ неотразимаго вліянія окружающихъ обстоятельствъ на него самого. Увлеченный по теченію потокомъ историческихъ событій, Кавелинъ, въ концѣ-концовъ, только формулировалъ, съ присущимъ ему талантомъ и здравымъ смысломъ, тѣ основные принципы реформы «освобожденія крестьянъ въ Россіи», которые какъ бы сами собой складывались въ процессѣ борьбы своекорыстныхъ интересовъ заинтересованныхъ сторонъ. Съ этой точки зрѣнія становится совершенно понятнымъ, почему планъ реформы, составленный Кавелинымъ въ 1855 г., съ такимъ успѣхомъ былъ реализованъ 19 февраля, и почему на этомъ планѣ лежитъ та же печать vitii seculi, какъ и на самой реформѣ. Торжество началъ, выставленныхъ Кавелинымъ въ его знаменитой «Запискѣ», было куплено такимъ образомъ —

---

[1]) Соб. соч. т. II, стр. 76. „Истор. Вѣст.“ 1910 г., XI, стр. 577.

какъ увидимъ ниже — довольно дорогою цѣною и въ этомъ смыслѣ автору «Записки» приходится принять на себя долю отвѣтственности за тѣ результаты реформы, въ которыхъ впослѣдствіи ему пришлось такъ горько разочароваться...

По своему содержанію «Записка» Кавелина далеко не отличалась оригинальностью и новизною своихъ положеній, изъ которыхъ каждое въ тѣхъ или иныхъ варіантахъ высказывалось неоднократно задолго еще до него. Сила его «Записки» заключалась поэтому вовсе не въ ея новаторствѣ, а въ томъ, что авторъ ея мастерски и сжато а, главное, какъ нельзя болѣе *во-время* сумѣлъ формулировать тѣ основные идеи и принципы, которые успѣли уже получить достаточно широкое распространеніе не только въ общественныхъ, но и въ правительственныхъ сферахъ и даже нашли уже извѣстное признаніе въ законодательной практикѣ первой половины XIX вѣка. Кромѣ того, важна была и та комбинація сочетанія идей, какую мы встрѣчаемъ въ «Запискѣ» Кавелина, гдѣ авторъ съ большимъ искусствомъ связывалъ воедино «виды» правительства съ «выгодами» дворянства, пользы государственныя съ пользами народными. Давъ могучій толчокъ своимъ выступленіемъ дѣлу реформы и въ то же время вѣрно угадавъ ея направляющую тенденцію, Кавелинъ сознательно послѣдовалъ послѣдней, заранѣе обезпечивъ такимъ путемъ успѣхъ своему проекту. Ближайшее знакомство съ самой «Запиской» подтвердитъ это наше общее заключеніе о ней.

Обширная «Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи», составленная Кавелинымъ въ 1855 г. и въ томъ же году дополненная авторомъ новыми соображеніями, открывается, какъ извѣстно, общей характеристикой понятія «крѣпостного права», которое Кавелинъ понималъ очень широко, различая, такъ сказать, два вида крѣпостного состоянія — крѣпостное право «государственное» и «частное» [1]). Первое — по его словамъ — простирало свое дѣйствіе на всѣхъ вообще государственныхъ, казенныхъ крестьянъ, «приписанныхъ къ разнымъ вѣдомствамъ», а также рекрутъ и кантонистовъ, второе — распространялось на крестьянъ помѣщичьихъ. Выясняя характерныя особенности состоянія каждаго изъ названныхъ разрядовъ крѣпостныхъ, авторъ, однако, лишь вскользь упоминалъ объ историческихъ причинахъ образованія и основаніяхъ крестьянской крѣпости, глухо говоря о «временахъ невѣжества и варварства», «настоятельной государственной потребности» и, наконецъ, объ «отсутствіи всякихъ идей о справедливости и правѣ» въ ту отда-

[1]) Собр. соч., т. II, стр. 7—14.

ленную эпоху, когда впервые складывалось крѣпостное право [1]). Разумѣется, отъ историка-юриста мы въ правѣ были бы ожидать болѣе серьезныхъ указаній въ данномъ случаѣ, но Кавелинъ смотрѣлъ на дѣло совершенно иначе. Онъ подошелъ на этотъ разъ къ своей задачѣ вовсе не какъ изслѣдователь, а главнымъ образомъ и даже исключительно какъ политикъ и общественный дѣятель, хотя и нельзя отрицать, что историческая точка зрѣнія могла бы, конечно, сослужить свою службу автору «Записки» и въ его спеціальныхъ интересахъ. Но, какъ бы то ни было, преслѣдуя чисто *практическія* цѣли, Кавелинъ спѣшилъ перейти къ обсужденію вопроса по существу, скромно заявляя, что то, что онъ имѣетъ сказать, «не удивитъ никого новизною» [2]). И дѣйствительно, обращаясь къ критикѣ такъ называемаго государственнаго крѣпостного права, Кавелинъ — въ тѣсномъ согласіи съ духомъ своего времени и завѣтами либеральной политической экономіи — прежде всего рѣшительно осудилъ систему «казеннаго» хозяйства, положительно высказавшись въ пользу передачи всѣхъ казенныхъ промысловъ, заводовъ, фабрикъ и проч. въ «частныя руки» «частной промышленности» [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усиленно защищалъ и другую столь же широко распространенную тогда «истину», что «вольная работа по договору во всѣхъ отношеніяхъ лучше подневольной и даровой» [4]). По всѣмъ этимъ соображеніямъ авторъ и приходилъ въ заключеніе къ тому категорическому выводу, что уничтоженіе государственнаго крѣпостного права и хозяйства «настоятельно требуютъ и благо государства, и выгоды народа и польза правительства» [5]). Но главные удары своей критики авторъ «Записки» направилъ противъ «крѣпостного права владѣльцевъ», доказывая одновременно и крайнюю разорительность этого права какъ для помѣщиковъ, такъ и для ихъ крестьянъ, и развращающее вліяніе крѣпостного строя на тѣхъ и другихъ и, наконецъ, скрытую въ немъ политическую опасность для государства [6]). Въ этой главной части своей «Записки» Кавелинъ и сконцентрировалъ важнѣйшія свои возраженія противъ крѣпостного права въ его цѣломъ. Итогъ получился хотя и не новый, но достаточно сильный. «Россія—по признанію автора — осуждена окаменѣть» и пребывать въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока «крѣпостное право будетъ составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это *гордіевъ узелъ*, къ которому сходятся всѣ наши общественныя язвы». «Крѣпостное право,—заявляетъ Кавелинъ въ другомъ мѣстѣ той же «За-

---

1) Ibid., стр. 14, 23. 2) Ibid., стр. 17. 3) Ibid., стр. 15, 19. 4) Ibid., стр. 16—17. 5) Ibid., стр. 34. 6) Ibid., стр. 25—32.

писки»,—есть камень преткновенія для всякаго успѣха и развитія въ Россіи» [1]). Поэтому никакія поправки и «мѣры полицейскія»—по мнѣнію автора—уже не могутъ помочь дѣлу; зло должно быть вырвано съ корнемъ.

Высказываясь такимъ образомъ за полную отмѣну крѣпостного права, Кавелинъ вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ тутъ же свои разсужденія требованіемъ политики «открытыхъ дверей» въ крестьянской реформѣ, осуждая «таинственный образъ дѣйствія» правительства, которое—по его словамъ—«хотѣло произвести важнѣйшую въ Россіи реформу секретно, не приготовивъ общественнаго мнѣнія» [2]). Однако, что касается послѣдняго вопроса, то нельзя сказать, чтобы Кавелинъ сохранилъ полную послѣдовательность въ своемъ взглядѣ на роль начала «гласности» при проведеніи реформы. Ему также передались тѣ страхи передъ массою крѣпостного народа, которые такъ долго гипнотизировали призракомъ соціальной революціи правительство реформы. Вотъ почему, высказываясь въ пользу «гласности», Кавелинъ въ то же время говорилъ, что реформу слѣдовало бы «*нечувствительнымъ* образомъ подготовлять... постепенными законодательными и административными мѣрами», какъ будто весь опытъ прошлаго не достаточно еще выяснилъ всю безполезность подобнаго рода, дѣйствительно, «нечувствительныхъ» для народа подготовительныхъ мѣропріятій, стоившихъ такихъ отчаянныхъ усилій и борьбы правительству и ничего не давшихъ крѣпостной массѣ. Позднѣе въ другой своей запискѣ, относящейся къ 1857 г., Кавелинъ еще дальше пошелъ въ развитіи того же начала «секрета», особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходила о крестьянахъ. Онъ предлагалъ, напр., правительству войти, такъ сказать, въ тайное соглашеніе насчетъ реформы съ дворянствомъ. «Гражданскимъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства,—писалъ онъ,—надлежало бы сообщить въ *секретныхъ* циркулярахъ для объявленія *дворянамъ*, именемъ государя, о твердомъ намѣреніи правительства упразднить крѣпостное право» [3]). Какъ извѣстно, этимъ именно путемъ и пошло правительство съ того момента, какъ только оно рѣшило, наконецъ, покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Еще любопытнѣе другіе случаи, когда Кавелинъ изъ боязни, «чтобы не возбудить излишнихъ притязаній крестьянъ», поддерживалъ практику «секретныхъ» инструкцій и въ другихъ отношеніяхъ [4]). Но особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ данномъ пунктѣ то мѣсто въ «Мысляхъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія», гдѣ авторъ—

---

[1]) Ibid., стр. 33—34. [2]) Ibid., стр. 38—39; Письма, стр. 39. [3]) Ibid., стр. 95. [4]) Ibid., стр. 98.

admirabile dictu — предлагаетъ, чтобы «распоряженіе о выдачѣ крестьянамъ ссудъ на выкупъ» было «сдѣлано *секретно и держалось въ тайнѣ отъ крестьянъ*» (!), такъ какъ иначе мѣра эта — по словамъ Кавелина — грозила бы превратиться въ «общее правило» [1]). Подобнаго рода сужденія тѣмъ болѣе вызываютъ недоумѣніе, что въ отношеніи къ другой «заинтересованной» группѣ, дворянству, у Кавелина не было никакихъ «секретовъ» и онъ, не опасаясь съ этой стороны никакихъ «излишнихъ притязаній», безъ всякихъ колебаній готовъ былъ отдать и, дѣйствительно, отдавалъ судьбы реформы въ руки тѣхъ самыхъ «владѣльцевъ», въ безкорыстіе которыхъ онъ и самъ далеко не безусловно вѣрилъ. Какъ увидимъ далѣе, это были вовсе не единственные случаи, когда Кавелинъ рѣшительно становился на сторону дворянства, принимая подъ свою защиту его сословные интересы и выгоды. Такова была, впрочемъ, общая руководящая тенденція того «средняго» пути, по которому шелъ авторъ «Записки», — тенденція, особенно ярко сказавшаяся въ положительной части его плана реформы.

Обращаясь теперь къ этой послѣдней части «Записки», мы должны констатировать прежде всего, что авторъ ея смѣло и убѣдительно высказался за *полное* освобожденіе крестьянъ *съ земельнымъ надѣломъ при единовременномъ выкупѣ* у помѣщиковъ сразу *всей земли, которая находилась въ пользованіи крестьянъ еще при крѣпостномъ состояніи*. При этомъ Кавелинъ прямо заявлялъ, что «*правительство* ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться на увольненіе крестьянъ безъ земли» [2]). По существу авторъ, дѣйствительно, имѣлъ всѣ основанія говорить въ данномъ случаѣ какъ бы отъ лица самого правительства. Послѣднее, въ самомъ дѣлѣ, давно уже стояло на точкѣ зрѣнія освобожденія *съ землею,* не допуская мысли объ «увольненіи» крѣпостныхъ безъ того, чтобы такъ или иначе они не были обезпечены землей. Несомнѣнно, уже на этомъ основаніи былъ базированъ законъ 1803 г. о такъ называемыхъ «вольныхъ хлѣбопашцахъ»; та же идея руководила правительствомъ и при публикаціи закона 2 апрѣля 1842 г. объ «обязанныхъ крестьянахъ», хотя по силѣ этого указа крестьяне и не получали правъ собственности на отводимыя имъ по договору земли [3]). Тѣ же тенденціи сказались и въ законахъ 1841 и 1847 гг. [4]). Достойно замѣчанія также, что уже въ 1842 г., устами имп. Николая I, имперское правительство офиціально осудило безземельное освобожденіе остзейскихъ крестьянъ, положи-

---

[1]) Ibid., стр. 100. [2]) Ibid., стр. 42, 43, 45, 72—73. [3]) Пол. Собр. Зак. № 20620, 2-ое П. С. З. № 15462. [4]) 2-ое П. С. З. №№ 14152, 21689.

тельно подчеркнувъ противоположное пачало въ законѣ 42 г. [1]). При такихъ условіяхъ становится совершенно понятнымъ, почему означенный принципъ не подлежалъ по существу оспариванію и въ редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ онъ прямо былъ отнесенъ къ числу «высочайше указанныхъ началъ» [2]) и гдѣ пренія сосредоточились, главнымъ образомъ, на вопросѣ о *нормѣ* надѣловъ.

Но отстаивая самый принципъ «освобожденія *съ землей*», Кавелинъ имѣлъ на своей сторонѣ не только правительственную традицію, но и общественное мнѣніе, явно сложившееся уже къ 40-ымъ гг. въ пользу того же требованія [3]). Такимъ образомъ Кавелину и въ настоящемъ случаѣ пришлось только развивать готовыя уже положенія, высказанныя до него съ достаточной ясностью и опредѣленностью. Однако, несмотря на весь «радикализмъ» автора въ данномъ вопросѣ, обычныя колебанія и готовность къ отступленію не покидали его даже и на этотъ разъ, хотя онъ самъ придавалъ первенствующее значеніе проблемѣ земельнаго устройства освобожденныхъ крестьянъ. Такъ, говоря о «переходныхъ мѣрахъ» и желая «всячески содѣйствовать добровольнымъ сдѣлкамъ между владѣльцами и ихъ крѣпостными», Кавелинъ соглашался уже допустить «выпускъ послѣднихъ на волю съ землею и *безъ земли*» [4]). Авторъ вспоминалъ даже при этомъ съ видимымъ сочувствіемъ «исполненный любви и христіанскаго милосердія обычай», господствовавшій на «Руси съ незапамятныхъ временъ», отпускать крѣпостныхъ на волю «по душѣ», въ порядкѣ завѣщательномъ [5]). Но, не довольствуясь указаннымъ совѣтомъ, Кавелинъ рекомендовалъ, сверхъ того, еще и слѣдующія мѣры: 1) пересмотрѣть дѣйствующее законодательство съ тѣмъ, чтобы, устранивъ изъ соотвѣтствующихъ законовъ всѣ излишнія «формальности», *облегчить* «освобожденіе крѣпостныхъ съ землею и *безъ земли*» [6]), 2) образовать особые капиталы «для выкупа крѣпостныхъ съ землею и *безъ земли*» [7]) и 3) «выкупить всѣхъ однодворческихъ крестьянъ *безъ земли*», т.-е. такъ, чтобы «не нарушить матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ» [8]). Уже изъ этихъ примѣровъ мы можемъ видѣть, какъ далеко готовъ былъ идти Кавелинъ по пути компромиссовъ, побуждаемый къ тому съ одной стороны искреннимъ и безкорыстнымъ стремленіемъ во что бы то ни стало подвинуть реформу по пути ея реальнаго осуществленія, съ другой — озабоченный непремѣннымъ желаніемъ примирить «владѣльческіе»

---

[1]) *А. Заблоцкій-Десятовскій*, Гр. П. Д. Киселевъ и его время, т. II, стр. 256. [2]) „Рус. Стар." т. 97, стр. 579. [3]) *В. Семевскій*, Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. II, стр. 537 — 538. [4]) Ibid., стр. 58. [5]) Ibid., стр. 58 — 59. [6]) Ibid., стр. 59. [7]) Ibid., стр. 60. [8]) Ibid., стр. 61.

интересы съ эмансипаціей. Однако, каковы бы ни были мотивы, руководившіе Кавелинымъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что цѣною подобнаго рода уступокъ онъ рисковалъ по существу погубить реформу въ самыхъ ея основаніяхъ. Опасность была тѣмъ болѣе велика, что, поступаясь такъ легко самыми насущными интересами крестьянства, авторъ «Записки» одновременно обнаруживалъ рѣдкое вниманіе и предупредительность во всемъ, что касалось выгодъ «высшаго первенствующаго сословія въ имперіи», т.-е. дворянства. Увлекая дворянъ перспективой грядущаго «возрожденія» [1]), Кавелинъ призывалъ этихъ—по его словамъ—«лучшихъ, достойнѣйшихъ *представителей* народа», дѣятельно взять въ свои руки реформу и содѣйствовать «освобожденію». Но практичный авторъ апеллировалъ при этомъ не къ чувству чести и справедливости «душевладѣльцевъ» во имя «правъ человѣка», а къ ихъ *сословному* сознанію и *владѣльческимъ* интересамъ. Съ этой цѣлью онъ стремится, дѣйствительно, наилучшимъ образомъ оградить помѣщичье хозяйство отъ грозящихъ ему потрясеній при переходѣ на новое положеніе. Такъ, говоря о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ *единовременную* уплату помѣщикамъ всей выкупной суммы и при этомъ безъ зачета долговъ и ссудъ, лежавшихъ на ихъ земляхъ. «Если вся выкупная сумма,—говорилъ Кавелинъ,—не будетъ уплачена» немедленно помѣщикамъ, то «при всеобщей бѣдности и разореніи нашего дворянства ему неоткуда будетъ взять капиталовъ» [2]). Что же касается самаго вопроса о томъ, что должно было подлежать выкупу, то въ данномъ пунктѣ авторъ «Записки» шелъ такъ далеко по пути защиты дворянскихъ «выгодъ», что въ концѣ-концовъ оказался значительно позади даже тѣхъ официальныхъ началъ, которыя были положены въ основу «Положенія» 19 февраля. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что наше имперское законодательство еще съ начала XIX ст. стало прямо на точку зрѣнія дарственнаго *личнаго* раскрѣпощенія крестьянъ, молчаливо признавъ означенное начало въ актахъ 1803 и 1842 гг., Кавелинъ открыто выступилъ на защиту принципа не только выкупа земельнаго надѣла, но и *личной свободы* крѣпостныхъ. «Выплата» помѣщикамъ «денегъ за одну землю, не принимая въ расчетъ крѣпостныхъ людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна», читаемъ мы въ «Запискѣ» 1855 г. «Несправедлива—потому что крѣпостные составляютъ *такую же собственность* владѣльцевъ, какъ и земля; неуравнительна—потому что въ нѣко-

[1]) Ibid., стр. 109, 128—129. [2]) Ibid., стр. 47.

торыхъ губерніяхъ, преимущественно густо населенныхъ и земледѣльческихъ, земля имѣетъ большую цѣнность, а крѣпостные почти никакой» [1]). По тѣмъ же соображеніямъ Кавелинъ высказался и за выкупъ «дворовыхъ людей» [2]). «Итакъ—резюмировалъ авторъ свою мысль—владѣльцевъ слѣдуетъ вознаградить за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ *самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ:* оцѣнить крѣпостныхъ съ слѣдующею имъ землею по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ... и затѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія» [3]). Аргументація автора, повидимому, оказалась настолько убѣдительной, что, несмотря на то, что формально актъ 19 февраля провозглашалъ личное освобожденіе крѣпостныхъ безвозмезднымъ, фактически мысль Кавелина нашла свое осуществленіе, хотя въ скрытомъ видѣ, въ преувеличенныхъ оцѣнкахъ выкупныхъ платежей за земли, особенно, промышленнаго района Россіи. Несомнѣнно, тѣ же стремленія къ защитѣ «матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ» побудили автора «Записки» усиленно настаивать и на передачѣ государственныхъ доходныхъ статей въ руки «частной промышленности» [4]), а также во второй, дополнительной, части той же «Записки» высказаться, ради обезпеченія «владѣльцамъ нужныхъ для нихъ рабочихъ рукъ», за установленіе закономъ, «на извѣстный срокъ», временно-обязаннаго состоянія бывшихъ крѣпостныхъ, возложивъ на нихъ опредѣленныя «работы, повинности и службы» въ пользу ихъ помѣщиковъ [5]). Какъ извѣстно, созданныя по плану Кавелина [6]), редакціонныя комиссіи и въ данномъ случаѣ пошли за авторомъ «Записки»... Любопытно, что то же стремленіе Кавелина—возможно «справедливѣе» отнестись къ интересамъ дворянства—заставило его и въ вопросѣ о способахъ опредѣленія количества земли, подлежащей выкупу, и размѣровъ выкупной суммы по «безпристрастной оцѣнкѣ» высказаться за такой составъ мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, при которомъ половина ея членовъ должна была состоять «по выбору изъ мѣстныхъ владѣльцевъ», половина же изъ лицъ «по назначенію правительства» [7]). Что же касается «грубаго, невѣжественнаго большинства», т.-е. крестьянъ, то они рѣшительно устранялись Кавелинымъ отъ всякаго участія въ этомъ столь близкомъ для нихъ дѣлѣ [8]). Въ послѣднемъ отношеніи авторъ «Записки» 55 г. обнаружилъ вообще очевидную тенденцію, при рѣзкомъ отрицательномъ отношеніи къ

---

[1]) Ibid., стр., 46—47. [2]) Ibid., стр. 78. [3]) Ibid., стр. 48. [4]) Ibid., стр. 14—15, 19. [5]) Ibid., стр. 77. [6]) Ibid., стр. 103—106. [7]) Ibid., стр. 48—49. [8]) Ibid., стр. 66.

«непросвѣщеннымъ массамъ», «черни», обезпечить дворянскому сословію преобладающее вліяніе на мѣстахъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Онъ прямо заявлялъ даже, что «ключъ къ лучшему порядку дѣлъ въ Россіи» находится «въ рукахъ провинціальнаго нашего дворянства» [1]). Съ этой цѣлью онъ пытался также намѣтить и ту роль, какую, по его убѣжденію, суждено было сыграть россійскому дворянству въ новой Россіи. Провозгласивъ «вопреки всѣмъ теоріямъ» *естественный законъ* общественнаго неравенства [2]), Кавелинъ категорически высказался въ своей «Запискѣ» въ томъ смыслѣ, что «во всѣхъ отношеніяхъ было бы удобнѣе (?) управлять народомъ посредствомъ высшаго класса, который, по своему положенію между верховною властью и низшими слоями общества, могъ бы служить наилучшимъ *представителемъ всенародныхъ пользъ* и ходатаемъ за нихъ» [3]). Такимъ «высшимъ классомъ» Кавелинъ, конечно, призналъ дворянъ, «классъ самый просвѣщенный, самый зажиточный и самый сильный». Это-то «просвѣщенное и зажиточное меньшинство» и предлагалъ онъ призвать вновь къ власти въ качествѣ «естественныхъ» печальниковъ и начальниковъ меньшей братіи. Онъ «вполнѣ соглашался» при этомъ съ тѣмъ мнѣніемъ, «что сохраненіе (теперешняго) положенія и роли дворянства въ Россіи есть дѣло *государственной* важности», ибо—какъ говорилъ онъ—нельзя не раздѣлять убѣжденія, что власть и вліяніе «въ государствѣ всегда должны принадлежать не толпѣ, а образованнѣйшему и зажиточнѣйшему сословію» [4]). Высказываясь въ указанномъ смыслѣ, авторъ думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть и другой своей цѣли—ослабить вліяніе «бюрократіи», въ которой онъ видѣлъ только «необходимый плодъ взаимной вражды и недовѣрія сословій» [5]),—вражды, обреченной—какъ казалось ему—на исчезновеніе съ момента реформы. Съ отмѣной крѣпостного состоянія, по мысли Кавелина, «ложныя, ненормальныя отношенія» между дворянствомъ и крестьянами необходимо должны будутъ смѣниться «довѣріемъ и любовью», такъ что, въ концѣ-концовъ, народъ самъ призналъ бы «въ дворянствѣ своего естественнаго, достойнаго довѣрія представителя, потому что, имѣя одни и тѣ же (!) интересы съ простымъ народомъ, дворянство будетъ имѣть всѣ способы защищать ихъ для себя и вмѣстѣ для черни». Авторъ до того вѣрилъ при этомъ въ гармонію общественныхъ интересовъ, что онъ думалъ даже, что Россія при

[1]) Ibid., стр. 160. [2]) Ibid., стр. 67, 111—114. [3]) Ibid., стр. 66—67, 69—72. См. также статью Кавелина „Дворянство и освобожденіе крестьянъ". [4]) Ibid., стр. 66—67. [5]) Ibid., стр. 68—69.

всѣхъ указанныхъ условіяхъ сумѣетъ «правильнѣе», чѣмъ иные народы, разрѣшить «вопросъ объ аристократіи и демократіи», избѣжавъ въ то же время «междоусобій, терзающихъ Европу» [1]. Онъ полагалъ, что на почвѣ реформы въ дворянствѣ «разовьется сословный духъ», а черезъ него въ обществѣ утвердится то «консервативное аристократическое начало, котораго недостатокъ—какъ ему казалось—такъ ощутителенъ во всѣхъ отношеніяхъ» [2].

Всѣ эти и подобныя имъ разсужденія автора временами ставили его въ положеніе какъ бы тенденціознаго защитника дворянскихъ интересовъ, вызывая въ читателѣ тѣмъ большее недоумѣніе, что въ своихъ «Запискахъ» Кавелинъ почти совсѣмъ не затрогивалъ вопроса о тѣхъ выгодахъ, какія желательно было бы предоставить «крѣпостнымъ» въ ихъ *новомъ* положеніи. Въ чемъ должны были заключаться необходимыя *гарантіи* свободы и хозяйственнаго преуспѣянія новаго крестьянства, эта проблема была обойдена Кавелинымъ, какъ осталось невыясненнымъ, что разумѣлъ онъ подъ «дикими мечтаніями о вольности» крѣпостного крестьянства [3]. Во всякомъ случаѣ то, что находимъ мы, напр., у Кавелина въ «Запискѣ» по вопросу объ общинномъ устройствѣ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, лишь косвеннымъ образомъ можетъ быть приведено въ связь съ интересами самого крестьянства. На общину Кавелинъ скорѣе смотрѣлъ здѣсь съ государственной, политической точки зрѣнія, какъ на предохранительное средство противъ развитія въ Россію революціоннаго «пролетаріата», потрясшаго—по его мнѣнію — западный міръ. Онъ высказывалъ поэтому сожалѣніе, что «многіе помѣщики» до сихъ поръ у насъ «еще не понимаютъ» того, что община—это «самый могущественный *органъ* правительства» [4]. Поэтому, констатируя съ грустью разложеніе общины и указывая прямо, что «у насъ массы народа рвутся не къ общинному землевладѣнію, а къ личной собственности» [5], Кавелинъ настаивалъ на принудительномъ введеніи «общиннаго устройства». Обезпечивъ «неимущимъ» элементамъ «хотя черный и черствый, но все же какой-нибудь и притомъ свой кусокъ хлѣба», община, по словамъ Кавелина, спасетъ Россію отъ опаснаго для общественной экономіи «перевѣса людей бездомныхъ» [6]. Такимъ образомъ въ общинѣ Кавелина привлекала прежде всего ея «охранительная», какъ выражался онъ, функція.

Чтобы закончить нашъ обзоръ преобразовательнаго плана Кавелина, намъ остается лишь упомянуть о его взглядахъ по вопросу

---

[1] Ibid., стр. 70—73. [2] Ibid., стр. 70, 93. [3] Ibid., стр. 52, 54. [4] Ibid, стр. 97, 128. [5] Письма, стр. 4,58. [6] Собр. соч., т. II, стр. 183—186.

о способахъ самаго проведенія реформы. Какъ и въ иныхъ отношеніяхъ, такъ и здѣсь Кавелинъ также далеко не сохранилъ своихъ первоначальныхъ позицій и въ процессѣ отступленія готовъ былъ почти отказаться отъ принципіальныхъ своихъ точекъ зрѣнія, полагая, что «мудрость состоитъ въ умѣніи довольствоваться малымъ». Первоначально, повидимому, Кавелинъ представлялъ себѣ реформу, какъ единый актъ. Въ письмахъ къ Герцену, напр., онъ прямо заявлялъ, что реформа должна быть произведена сразу: «вдругъ, именно вдругъ должна быть совершена реформа. Этого требуютъ обстоятельства, а главнымъ образомъ такая реформа—самая разумная, самая правильная» [1]). Однако въ своей «Запискѣ», въ гл. VI, онъ ставитъ уже прямой вопросъ, «благоразумно ли начать вдругъ, разомъ, выкупъ крѣпостныхъ на всемъ пространствѣ государства?» И такъ какъ «освобожденіе» и «выкупъ» Кавелинъ необходимо соединилъ въ *одинъ актъ*, то при невозможности для правительства сразу выплатить такое «огромное количество серебра и золота» [2]), какое должны были получить помѣщики за ихъ земли, онъ и высказался, какъ бы возвращаясь къ мысли товар. мин. внутр. дѣлъ Левшина, за постепенное освобожденіе крестьянъ въ видѣ «опыта», начавъ пока «хоть съ одной какой-нибудь губерніи по западной нашей границѣ». Авторъ полагалъ при этомъ съ достаточной дозой наивности, что благодаря подобнымъ «опытамъ» владѣльцы убѣдились бы воочію въ «благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ освобожденія» для нихъ самихъ и реформа пошла бы тогда ускореннымъ темпомъ къ своей окончательной развязкѣ. Параллельно съ выкупной операціей Кавелинъ вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчалъ далѣе и цѣлый рядъ «разныхъ косвенныхъ мѣръ и полумѣръ», которыя, «не касаясь существа крѣпостного права», должны были содѣйствовать постепенной его ликвидаціи [3]). Въ ряду этихъ «полумѣръ», по мысли автора, должны были занять одно изъ видныхъ мѣстъ «добровольныя сдѣлки между помѣщиками и ихъ крѣпостными» [4]), а также «въ извѣстныхъ предѣлахъ» гласное обсужденіе реформы въ печати и собраніяхъ [5]). Опасаясь за судьбу реформы, Кавелинъ готовъ былъ даже совсѣмъ отказаться отъ «вынудительнаго выкупа» и ограничиться только «однѣми косвенными мѣрами»: «пусть же,—говорилъ онъ,—лучше упраздненіе крѣпостного права подвигается впередъ медленно, чѣмъ не двигается вовсе, какъ теперь» [6]). Но если въ первой своей «Запискѣ» 1855 г. и особенно въ дополнительной ея части Кавелинъ началъ уже отступленіе почти

---

[1]) Письма, стр. 39. [2]) Ibid., стр. 51—52, 73. [3]) Ibid., стр. 55—56. [4]) Ibid., стр. 58. [5]) Ibid., стр. 62—64. [6]) Ibid., стр. 76.

со всѣхъ своихъ позицій, то въ «Запискѣ» 1857 г. это отступленіе его превращается уже почти въ полную капитуляцію передъ «правительственными сферами». Та ненормальная атмосфера какой-то паники, среди которой происходила подготовка реформы въ правительственномъ подпольѣ, гдѣ особенно боялись прямого, открытаго перваго шага, очевидно, производила на Кавелина впечатлѣніе такой безнадежности, что въ своихъ «Мысляхъ», отбросивъ всѣ упованія на близкую перемѣну, онъ заговорилъ уже о необходимости «рядомъ переходныхъ мѣръ», «исподволь» подготовлять «окончательную развязку» [1]). Авторъ подчеркивалъ при этомъ съ первыхъ же словъ трудность и сложность «вопроса о крѣпостномъ правѣ» въ Россіи, находя, что дѣло его ликвидаціи у насъ обстоитъ «совсѣмъ иначе», чѣмъ это было, напр., въ остальной Европѣ. Въ качествѣ ближайшей мѣры «переходнаго» характера Кавелинъ въ первую очередь предлагаетъ теперь не что иное, какъ «приведеніе крѣпостного права въ его законныя и справедливыя (?) границы» путемъ исключенія изъ него всего «носящаго печать *личнаго рабства*» [2]). По странной ироніи судьбы Кавелинъ, такимъ образомъ, вмѣсто отмѣны крѣпостного состоянія предлагалъ на этотъ разъ его узаконеніе, пуская притомъ въ оборотъ крайне опасную мысль о какомъ-то «справедливомъ» крѣпостномъ правѣ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ онъ уже и не заикался о *принудительномъ* выкупѣ, хотя бы и постепенномъ. Въ качествѣ «самой благонадежной переходной мѣры», несмотря на печальный и поучительный опытъ указовъ 1803 и 1842 гг., онъ провозглашалъ теперь, какъ панацею, «добровольныя сдѣлки и соглашенія владѣльцевъ съ ихъ крѣпостными» [3]). Роль же правительства ограничивалась при этомъ лишь заявленіемъ «въ публичномъ актѣ» о своемъ «расположеніи къ дѣлу освобожденія», пересмотромъ—въ цѣляхъ устраненія «безполезныхъ формальностей»—актовъ 1803 и 1842 г. и вразумленіемъ крестьянъ насчетъ неприкосновенности «правъ собственности владѣльцевъ надъ ихъ имѣніями» [4]), съ угрозой, что всякое неисполненіе обязательствъ со стороны вышедшихъ по договору на свободу крестьянъ повлечетъ за собой возвращеніе «снова въ крѣпостное состояніе» [5])! Въ заключеніе Кавелинъ выражалъ твердую увѣренность, что при такихъ условіяхъ «въ глазахъ низшихъ классовъ упраздненіе крѣпостного права получитъ размѣры гражданскаго договора» и все устроится къ лучшему: «добудь денегъ, выкупись—и будешь свободенъ,—вотъ мысль, которую

---

[1]) Ibid., стр. 89. [2]) Ibid., стр. 92. [3]) Ibid., стр. 93. [4]) Ibid., стр. 93 — 94. [5]) Ibid., стр. 95.

какъ разъ пойметъ нашъ умный, смѣтливый простой народъ» [1]). Столь же оптимистически смотрѣлъ теперь Кавелинъ и на отношеніе помѣщиковъ къ системѣ «добровольныхъ контрактовъ». По его убѣжденію, большинство владѣльцевъ въ теченіе извѣстнаго срока безусловно успѣло бы sua sponte ликвидировать крѣпостныя связи. Правительству же пришлось бы вторгнуться съ своей принудительной властью лишь въ отношенія тѣхъ помѣщиковъ и крѣпостныхъ, которые бы не успѣли къ назначенному времени покончить «добровольно» старыхъ порядковъ [2]). Таково было послѣднее слово Кавелина почти наканунѣ самой реформы.

Какъ мы только что видѣли, чѣмъ ближе дѣло подходило къ своей окончательной «развязкѣ», тѣмъ дальше уходилъ Кавелинъ отъ тѣхъ основныхъ требованій, которыя начерталъ онъ первоначально на своемъ знамени. Разгадка этого своеобразнаго явленія лежитъ, очевидно, въ томъ, что Кавелинъ всѣ свои надежды въ дѣлѣ реформы возлагалъ единственно на правительство, ожидая всего «сверху». Не вѣря въ творческія силы народа, принципіально разойдясь съ «радикальнымъ» обществомъ, онъ, въ концѣ-концовъ, направилъ всѣ свои усилія на тѣ сферы, отъ которыхъ, казалось, всего болѣе зависѣла судьба реформы. Но подавленный всей закулисной обстановкой и тѣми треніями, при какихъ совершалось тогда движеніе преобразованія въ тѣсномъ кругу придворныхъ интригановъ, дѣльцовъ и дѣятелей реформы, онъ невольно терялъ твердую почву подъ своими ногами и, переоцѣнивая силу этихъ треній, въ то же время не могъ съ достаточной глубиной и ясностью оцѣнить истинныхъ движущихъ силъ освободительной эпохи. Тѣ, подчасъ мнимыя препятствія, которыя встрѣчала на своемъ пути освободительная реформа въ процессѣ ея «секретнаго» образованія, вызывали со стороны Кавелина вмѣсто настойчивости и готовности бороться глухое отчаяніе и уступки. На иллюзію безнадежности онъ реагировалъ все въ томъ же «примирительномъ» духѣ, умѣряя свои требованія ad minimum. Несомнѣнно, означенныя впечатлѣнія въ значительной мѣрѣ вліяли на Кавелина еще и въ томъ смыслѣ, что вынуждали его особенно бережно и внимательно относиться къ «владѣльческимъ» интересамъ дворянства, такъ что получалось даже впечатлѣніе, будто авторъ историческихъ «Записокъ» принялъ на себя спеціальную миссію защиты дворянскихъ «выгодъ». Происходило же это въ значительной мѣрѣ потому, что Кавелинъ въ своихъ «Запискахъ» выступалъ въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы въ роли дипломата. Желая парализовать дворянскую крѣпостническую

---

1) Ibid., стр. 101. 2) Ibid., стр. 102.

оппозицію, онъ усиленно стремился убѣдить дворянство въ томъ, что «эмансипація» несетъ ему, какъ сословію, неисчислимыя выгоды. Онъ настойчиво развивалъ поэтому ту мысль, что «русскому дворянству можетъ предстоять счастливая будущность и блестящая роль» впереди, если оно сумѣетъ только понять свое новое призваніе въ новыхъ условіяхъ [1]). Развитію этой мысли авторъ посвятилъ даже нѣсколько позднѣе спеціальную статью подъ заголовкомъ «Дворянство и освобожденіе крестьянъ». Понятно, что при такой постановкѣ проблемы вопросъ о послѣдствіяхъ реформы для крестьянъ самъ собою отходилъ на задній планъ и всѣ разсужденія Кавелина пріобрѣтали тотъ специфическій оттѣнокъ, который такъ непріятно поражалъ современниковъ въ его «Запискахъ» и послужилъ, наконецъ, поводомъ къ разрыву съ нимъ А. Герцена.

Но, конечно, не эти привходящія, такъ сказать, тактическія соображенія и впечатлѣнія опредѣляли въ основѣ позицію, занятую Кавелинымъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Направляющая роль, во всякомъ случаѣ, должна быть отведена здѣсь *общему міросозерцанію* автора «Записокъ». Было бы поэтому большой ошибкой подходить къ оцѣнкѣ взглядовъ Кавелина въ данномъ отношеніи съ точки зрѣнія господствующихъ идей нашего времени. Чтобы понять Кавелина, мы должны подойти къ нему, сохраняя историческую перспективу.

Переживъ вліяніе двухъ направляющихъ умственныхъ движеній 40-хъ гг.—западничества и славянофильства—коснувшись, можно сказать, самыхъ полярныхъ точекъ идейныхъ переживаній эпохи, Кавелинъ въ концѣ-концовъ довольно своеобразно примирилъ въ себѣ самыя противорѣчивыя теченія своего времени. Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній у него сложилась глубокая вѣра въ совершенное своеобразіе и самобытность національныхъ основъ русской жизни. Настойчиво поддерживая ту мысль, что историческое развитіе русскаго народа «не похоже ни на какую другую исторію» [2]), онъ предуказывалъ Россіи свой собственный путь и въ ея будущемъ. «Мы—не Европа», это положеніе Кавелинъ любилъ повторять въ сотняхъ варіантовъ [3]). И онъ, дѣйствительно, старался при всякомъ удобномъ случаѣ выставить коренное различіе этихъ двухъ міровъ. Подчеркивая «земледѣльческій» характеръ Россіи [4]), онъ послѣдовательно отрицалъ всякое значеніе у насъ за промышленнымъ и рабочимъ классами и, не видя «средняго сословія», съ особенной силой выдвигалъ поэтому роль дворянства, какъ вла-

---

[1]) Ibid., стр. 109, 126, 128—129, 156. [2]) Собр. соч., т. I, стр. 7. [3]) Собр. соч., т. II, стр. 21. [4]) Ibid., стр. 128—129.

дѣльческаго и «образованнѣйшаго» класса въ русскомъ обществѣ [1]). Отворачиваясь при этомъ съ непріязнью отъ западнаго капитализма, конституціонализма и особенно соціализма съ его «необузданными теоріями равенства» [2]), Кавелинъ, въ конечномъ итогѣ, создалъ свою собственную политическую доктрину съ яркимъ славянофильскимъ оттѣнкомъ, рѣшительно отвергнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ «проторенные уже въ Европѣ пути къ политической свободѣ» [3]). Самодержавіе, дворянство и «мужикъ» съ его вѣрой въ «русскаго царя» [4])—вотъ тѣ основанія, на которыхъ думалъ Кавелинъ возвести новое зданіе пореформенной Россіи. По существу это была запоздалая реставрація традиціоннаго идеала государства просвѣщеннаго абсолютизма,—реставрація, покоившаяся на вѣрѣ въ возможность сочетанія началъ неограниченнаго самодержавія съ «общимъ благомъ», гласностью и широкой мѣстной автономіей. На послѣднюю авторъ смотрѣлъ даже какъ на необходимую школу для постепенной подготовки русскаго общества и народа къ воспріятію настоящихъ «политическихъ гарантій», конечно, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ [5]).

При такихъ условіяхъ насъ не должна удивлять та горячность, съ какой возставалъ Кавелинъ противъ опасной «игры въ конституцію». «Русскій Богъ,—писалъ онъ съ чувствомъ видимаго удовлетворенія въ своихъ «Политическихъ призракахъ»,—избавилъ насъ отъ конституціонной лжи ограниченія царской власти!» [6]) И это чувство признательности къ «русскому Богу» въ Кавелинѣ было совершенно понятно. Дѣло въ томъ, что съ его точки зрѣнія ограниченіе власти царя въ то время было бы возможно только въ пользу единственнаго вліятельнаго и «просвѣщеннаго» сословія, т.-е. дворянства, такъ какъ другія сословія, какъ утверждалъ онъ, у насъ еще не сложились, народъ же не доросъ до политическаго самосознанія [7]). Однако подобнаго рода ограниченіе царской власти, по мнѣнію автора, сообщивъ ей опасный односословный «феодальный» характеръ, только исказило бы ея «истинную» природу. Монархъ утратилъ бы тогда свое исконное значеніе «посредника, верховнаго третейскаго судьи общественныхъ интересовъ, справедливаго мѣрила притязаній всѣхъ классовъ» [8]), а вмѣстѣ съ тѣмъ произошло бы и полное разстройство равновѣсія соціальныхъ силъ. Такимъ образомъ Кавелинъ, въ концѣ-концовъ, и приходилъ къ тому характерному заключенію, что только самодержавная власть

[1]) Ibid., стр. 128—129, 140, 154, 400. [2]) Ibid, стр. 112, 114, 128, 160. „Вѣст. Евр.“ 1887, т. I, стр. 633. [3]) „Русская Старина“ т. 97, стр. 390. [4]) Собр. соч., т. II, стр. 35—36, 54, 68. [5]) Ibid., стр. 138. Письма, стр. 48, 52. [6]) Ibid., стр. 945, 939, 942. [7]) Ibid., стр. 138, 140—142; Письма, стр. 59. [8]) Собр. соч., т. II, стр. 68.

можетъ осуществить въ Россіи высокую идею «общаго блага». «Русскій царь,—резюмировалъ онъ свой выводъ,—не дворянинъ, не купецъ, не военный, не крестьянинъ: онъ выше всѣхъ сословій» [1]).

Отстаивая столь энергически принципъ самодержавія, Кавелинъ, однако, не хотѣлъ умалять той руководящей роли дворянскаго сословія, которая, по его убѣжденію, во всякомъ случаѣ должна была принадлежать этой «соли земли» въ «мужицкомъ царствѣ» россійской имперіи. Горячо защищая свою любимую мысль, что общественное неравенство и соціальное господство наиболѣе просвѣщенныхъ, сильныхъ и богатыхъ есть «законъ природы», Кавелинъ естественно вывелъ отсюда, какъ норму, необходимость, съ отмѣною крѣпостного права, предоставить дворянству руководящее положеніе въ общественномъ управленіи, какъ «высшему сословію». Русское «дворянство,—говорилъ онъ,—приготовлено всѣмъ—и исторіей, и образованіемъ, и матеріальнымъ положеніемъ—быть такимъ высшимъ, руководящимъ сословіемъ» [1]). Съ присущимъ ему оптимизмомъ, базированномъ на теоріи гармоніи общественныхъ интересовъ, авторъ «Записки» 55 г. поддерживалъ при этомъ ту мысль, что съ паденіемъ рабства рухнетъ также и та стѣна, которая раздѣляла до тѣхъ поръ другъ отъ друга дворянъ-помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во взаимныхъ отношеніяхъ той и другой стороны водворится «совѣтъ да любовь». Но пока этого еще не произошло, Кавелинъ понятнымъ образомъ возлагалъ всѣ свои надежды въ дѣлѣ грядущей реформы на ту *нейтральную* власть правительства, которая, какъ казалось ему, одна могла развязать «гордіевъ узелъ» крѣпостныхъ отношеній, чуждая своекорыстія крѣпостниковъ и «крайнихъ» теорій, господствовавшихъ въ обществѣ.

Но идеалистическія выкладки Кавелина оказались, въ концѣ-концовъ, сплошнымъ недоразумѣніемъ. Мечты о счастливомъ «мужицкомъ царствѣ» во главѣ съ «самодержавнымъ» царемъ и поставленнымъ на стражѣ «всенародныхъ пользъ» дворянствомъ обнаружили всю свою утопичность уже вскорѣ послѣ великаго дня 19-го февраля. Убѣдившись въ полномъ крушеніи своихъ надеждъ, Кавелинъ долженъ былъ съ чувствомъ глубокаго разочарованія признать, что крестьянская реформа привела «совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, на какія всѣ разсчитывали» и болѣе другихъ, конечно, авторъ «Записки объ освобожденіи крестьянъ». «И мы тогда,—писалъ онъ въ 1881 г.,—принадлежали» къ

---

[1]) Ibid., стр. 156.

числу «добродушныхъ, непрактическихъ идеалистовъ..., мечтали о томъ, что владѣльцы воспользуются отмѣной крѣпостного права для установленія иныхъ отношеній къ сельскому населенію, чѣмъ прежде; что они горячо примутся за поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня новыхъ гражданъ... Въ дѣйствительности же случилось то, чему по состоянію нашей культуры, конечно, и *слѣдовало быть*», т.-е. общее разореніе и усиленіе соціальной розни [1]). Но къ подобнымъ выводамъ Кавелинъ пришелъ спустя 20 лѣтъ послѣ реформы. Въ 50-хъ же годахъ, какъ мы имѣли возможность убѣдиться, ему далеко не казалось, что такъ именно все и должно совершиться. Наоборотъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствуя тогда тому, чему и «слѣдовало быть», онъ былъ искренно убѣжденъ, что закладываетъ прочный фундаментъ того «небывалаго въ мірѣ» общественнаго зданія [2]), которое, въ противовѣсъ Западу, должно было не только спасти Россію отъ «голоднаго пролетаріата», «соціальной революціи» и «конституціи», но и утвердить *всеобщее блаженство на началахъ естественнаго «неравенства»*. Такъ утопистъ Кавелинъ оказался, въ дѣйствительности, политикомъ-реалистомъ, а реальный политикъ, авторъ «Записокъ» по крестьянскому вопросу, — утопистомъ-идеологомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ проектахъ крестьянской реформы, какъ уже было отмѣчено, Кавелинъ рѣшительно сталъ на сторону интересовъ «владѣльцевъ», дворянства. Но онъ разумѣлъ подъ этимъ послѣднимъ не то *историческое* дворянство, которое вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ ликвидировало и самого себя, какъ сословіе и соціальную силу, инстинктивно сопротивляясь «благодѣтельной» реформѣ, а созданное его благожелательной фантазіей попечительное сословіе землевладѣльцевъ, «естественныхъ представителей» народа. Въ результатѣ подобнаго рода тенденцій Кавелинъ вводилъ въ свои освободительные проекты такія положенія и начала, которыя, какъ мы видѣли, шли во вредъ дѣлу, содѣйствуя тому, что въ концѣ-концовъ интересы «мужиковъ» были принесены въ жертву интересамъ «зажиточнаго меньшинства».

Дѣлая героическія усилія, чтобы во всякомъ случаѣ продвинуть реформу по пути ея завершенія, рискуя ради этого серьезными уступками по существу дѣла, Кавелинъ не сумѣлъ, однако, оцѣнить въ достаточной мѣрѣ значенія подобнаго рода тактическихъ, какъ казалось ему, отступленій, такъ какъ мысль его неизмѣнно продолжала вращаться въ замкнутомъ кругу сильно устарѣвшихъ уже

---

1) Ibid., т. II, стр. 395, 397, 648, 649, 656. 2) Ср. „Вѣст. Евр." т. V, стр. 745—746.

соціально-политическихъ идеаловъ, носившихъ на себѣ характерную печать эпохи, породившей ихъ. Не будучи въ состояніи при такихъ условіяхъ понять и въ достойной степени оцѣнить значеніе нарождавшихся тогда новыхъ общественныхъ силъ и политическихъ идей, расшатавшихъ въ корнѣ старый порядокъ и подготовившихъ въ результатѣ и самую реформу, Кавелинъ не угадалъ поэтому грядущей роли животворящихъ новыхъ факторовъ и въ рѣшительный моментъ со страхомъ, сердечной болью и недовѣріемъ отвергнулся отъ Россіи будущаго, поплатившись за это впослѣдствіи тяжелымъ разочарованіемъ въ сознаніи своей роковой ошибки, въ которой, однако, онъ имѣлъ мужество открыто покаяться. Но если Кавелинъ ошибался, то этимъ нисколько не умаляется его несомнѣнная заслуга въ дѣлѣ «эмансипаціи», горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ которой онъ всегда оставался. Его смѣлая иниціатива, съ которой онъ такъ во-время выступилъ въ глухую пору подготовки «освобожденія», проложившая первые пути, поставившая первыя руководящія вѣхи въ дѣлѣ реальнаго осуществленія реформы, составляетъ его незабвенную и крупную заслугу передъ родиной. И если, колеблющійся, самъ онъ готовъ былъ даже въ рѣшительный моментъ на отступленіе, то его идеи, наоборотъ, какъ бы опередивъ своего творца, вошли почти цѣликомъ, какъ прочное достояніе, въ историческій актъ 19-го февраля. Въ послѣднемъ смыслѣ мы можемъ положительно утверждать, что если мечтамъ Кавелина о «политической дѣятельности» и не суждено было увѣнчаться успѣхомъ, то его освободительные принципы, напротивъ, несомнѣнно сдѣлали свою «политическую карьеру». И каковы бы ни были ошибки и увлеченія Кавелина въ «святомъ дѣлѣ» 19-го февраля, безкорыстный подвигъ его жизни навсегда будетъ вписанъ яркими буквами въ лѣтописи освободительной эпохи.

Б. И. Сыромятниковъ.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Въ числѣ сотрудниковъ императора Александра II по освобожденію крестьянъ Якову Ивановичу Ростовцеву по степени вліянія, оказаннаго имъ на рѣшеніе крестьянскаго вопроса, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Если главнѣйшимъ моментомъ въ ходѣ реформы была дѣятельность редакціонныхъ комиссій, составившихъ Положеніе о крестьянахъ, которое 19 февраля 1861 г. получило силу закона, то въ значительной мѣрѣ Ростовцеву комиссіи обязаны и самымъ своимъ возникновеніемъ, и тѣмъ положеніемъ, которое было ими занято въ разработкѣ вопроса. Его участіе въ комиссіяхъ прервалось на самой серединѣ ихъ труда. Но движеніе, сообщенное имъ работѣ комиссій, было настолько сильно и направленіе, ей данное, настолько опредѣленно, что замедлить ее или уклонить отъ принятаго пути было невозможно, несмотря даже на то, что руководство комиссіями послѣ Ростовцева перешло къ человѣку, очень далеко расходившемуся съ нимъ во взглядахъ.

По своему происхожденію и общественному положенію Ростовцевъ, одинаково далекій какъ отъ помѣщичьихъ, такъ и отъ крестьянскихъ интересовъ, могъ играть въ крестьянской реформѣ безпристрастную роль. Онъ не владѣлъ ни крѣпостными людьми, ни землею. Другіе участники освобожденія, вышедшіе изъ помѣщичьяго класса, сами крупные и мелкіе землевладѣльцы, прежде чѣмъ выступить дѣятелями крестьянской реформы, должны были пережить внутреннюю, личную реформу, порвать съ унаслѣдованными отъ дѣдовъ и прадѣдовъ крѣпостническими традиціями, отрѣшиться отъ понятій и взглядовъ той среды, къ которой принадлежали, переломить привычки, привитыя воспитаніемъ. Ростовцевъ вышелъ на поприще реформатора совершенно свободнымъ, несвязаннымъ ни наслѣдственными преданіями, ни средой, ни привычками. Его дворянство было очень недавнимъ. Онъ былъ купеческаго происхожденія и по родственнымъ отношеніямъ былъ связанъ гораздо болѣе съ коммерческимъ, чѣмъ съ аристократическимъ міромъ. Дворянское достоинство было пріобрѣтено по службѣ только

Фотот п. павлова

его отцомъ, директоромъ народныхъ училищъ петербургской губерніи. Мать его происходила изъ петербургской коммерческой фамиліи Кусовыхъ, а родная сестра была замужемъ за купцомъ первой гильдіи Сапожниковымъ. Если вообще вѣрно то положеніе, что коммерческіе классы общества отличаются прогрессивнымъ, тогда какъ землевладѣльческіе консервативнымъ характеромъ, то на характерѣ Ростовцева сказалось его происхожденіе. Съ ранней молодости и до конца дней его натурѣ свойственно прогрессивное направленіе; онъ не замыкается въ традиціонныя рамки и во всѣ виды своей дѣятельности вноситъ, можетъ быть, и не особенно широкіе, но все же новые и свѣжіе взгляды.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ родился 28 декабря 1803 г. Изъ пажескаго корпуса, куда онъ могъ попасть благодаря чину отца, онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гвардію. Въ то время, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ русской военной средѣ, въ особенности въ гвардіи, подъ вліяніемъ знакомства съ западноевропейской жизнью, литературой, политическими идеями и учрежденіями, которому способствовали заграничные походы, сталъ появляться типъ просвѣщеннаго, интеллигентнаго, либерально настроеннаго офицера, свѣтлымъ пятномъ выдѣлявшійся на темномъ фонѣ аракчеевщины среди фронтовиковъ и Скалозубовъ, всецѣло ушедшихъ въ службу и вахтъ-парады, безъ всякаго остатка для какихъ-либо общечеловѣческихъ чувствъ и интересовъ. Ростовцева можно отнести къ этому новому типу. Служба не поглотила всей его личности и не сдѣлала его равнодушнымъ ко всему остальному на свѣтѣ. Онъ много читаетъ, увлекается литературой и самъ пишетъ стихи и трагедіи, гдѣ выводитъ идеальные, возвышенные образы въ томъ приподнятомъ тонѣ, который такъ цѣнило поколѣніе, зачитывавшееся въ юности Шиллеромъ. Въ поэзіи Ростовцева звучитъ также патріотическая нота, такъ напоминающая стиль Карамзина времени его Исторіи Государства Россійскаго. Въ 1825 г. Ростовцевъ работаетъ надъ трагедіей «Князь Пожарскій», герой которой долженъ представить собою идеалъ высокой и чистой любви къ отечеству.

На развитіе кругозора Ростовцева должны были оказать воздѣйствіе тѣ просвѣщенные люди, съ которыми онъ сблизился на первыхъ шагахъ службы, потому что знакомство съ такими людьми не могло пройти безслѣдно. Тотчасъ же по выходѣ изъ корпуса въ 1822 г. Ростовцевъ познакомился съ однимъ изъ виднѣйшихъ будущихъ декабристовъ кн. Е. П. Оболенскимъ. Въ апрѣлѣ 1825 г. Ростовцевъ былъ назначенъ адъютантомъ въ тотъ же штабъ гвардейской пѣхоты, въ которомъ служилъ и Оболенскій. Они сбли-

зились; оба жили въ одномъ домѣ, гдѣ помѣщался штабъ, и видались по нѣсколько разъ въ день. Черезъ Оболенскаго Ростовцевъ познакомился съ Рылѣевымъ. Предметомъ бесѣдъ были литературныя и философскія темы. Рылѣевъ увлекался поэзіей, Оболенскій былъ горячимъ приверженцемъ философіи Шеллинга. Обсуждались также политическіе вопросы и строились политическіе идеалы. Рылѣевъ, какъ разсказываетъ Ростовцевъ, выступалъ убѣжденнымъ республиканцемъ; Оболенскій колебался между республикой и конституціонной монархіей. Декабрьское событіе 1825 г. разорвало эти связи.

Позже многочисленные враги Ростовцева, не прощавшіе ему освобожденія крестьянъ, кололи ему глаза измѣной и доносомъ на декабристовъ. Эти же обвиненія повторялъ въ своемъ «Колоколѣ» и Герценъ, по какому-то странному недоразумѣнію считавшій Ростовцева только наружно либеральнымъ, на самомъ же дѣлѣ ревностнымъ членомъ «Чернаго Кабинета», какъ въ «Колоколѣ» назывался Главный Комитетъ, вмѣстѣ съ Орловымъ, Панинымъ и Муравьевымъ противодѣйствующимъ всему образованному въ Россіи, новымъ Аракчеевымъ и врагомъ государева плана освобожденія крестьянъ. Клевета раздула и исказила дѣло. Ростовцевъ не былъ ближайшимъ образомъ освѣдомленъ декабристами ни вообще объ ихъ политическомъ планѣ, ни въ частности о заговорѣ. При первомъ же намекѣ Оболенскаго на вступленіе въ тайное общество въ концѣ ноября 1825 г. Ростовцевъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, сразу охладившимъ къ нему Оболенскаго и заставившимъ послѣдняго увеличить по отношенію къ Ростовцеву свою скрытность.

Только въ началѣ декабря по тѣмъ таинственнымъ переговорамъ, которые велъ Оболенскій съ Рылѣевымъ и Трубецкимъ, прося при этомъ Ростовцева удалиться изъ комнаты, по тому многолюдному собранію офицеровъ, которое онъ засталъ разъ у Оболенскаго, и по тому смущенію, съ которымъ его встрѣтило это собраніе, Ростовцевъ сталъ понимать, что предпринимается что-то неладное. Зная ненависть Оболенскаго къ великому князю Николаю Павловичу, онъ могъ догадываться, что затѣвается заговоръ противъ великаго князя въ томъ случаѣ, если онъ попытается вступить на престолъ на мѣсто отказывавшагося Константина. Мысль о томъ, что отечество въ опасности, охватила Ростовцева, а юношеское воображеніе — ему вѣдь было тогда всего 22 года — рисовало ему кровавыя междоусобія и гибель раздираемой Россіи, отъ которой, пользуясь смутой, отдѣляются Грузія, Бессарабія, Польша, Литва и Финляндія, которую Европа вычеркиваетъ изъ списка европейскихъ державъ, причисляя ее къ державамъ азіатскимъ. И вотъ

у него созрѣла мысль разстроить заговоръ, предупредивъ обѣ стороны: и заговорщиковъ, и великаго князя. Геройская роль спасителя отечества въ родѣ тѣхъ, которыхъ онъ хотѣлъ изобразить въ своей трагедіи, не даетъ Ростовцеву покоя. Ему приходится уже не писать, а переживать самому трагедію, не на сценѣ, а въ дѣйствительности осуществить тотъ образъ, который онъ пытался создать, — это ли не соблазнительная перспектива! Разговоръ его 10 декабря съ Оболенскимъ такъ и просится на страницу такой трагедіи. «Евгеній, Евгеній!—восклицаетъ Ростовцевъ,—ты лицемѣришь! Что-то мрачное тяготитъ тебя; но я спасу тебя противъ твоей воли, выполню обязанность добраго гражданина и сего же дня предувѣдомлю Николая Павловича о возмущеніи... я исполню долгъ свой; ежели погибну, то погибну одинъ». Тщетно искавъ случая гдѣ-либо встрѣтиться съ великимъ княземъ, Ростовцевъ 12 декабря вечеромъ проникъ въ Зимній дворецъ и подалъ Николаю Павловичу письмо, въ которомъ предупреждалъ его, что при новой присягѣ можетъ вспыхнуть возмущеніе, горячо просилъ не вступать на престолъ и умолялъ его убѣдить Константина принять корону. Если же рѣшеніе Константина Павловича окажется непоколебимымъ, то пусть онъ явится въ Петербургъ и всенародно на площади провозгласитъ брата императоромъ. Великій князь, прочитавъ письмо, велѣлъ позвать Ростовцева и заявилъ ему откровенно о своемъ безповоротномъ рѣшеніи вступить на престолъ, такъ какъ всѣ мѣры, принятыя, чтобы отговорить Константина взять свое отреченіе обратно, не имѣли успѣха. «Ни убѣжденія матушки—говорилъ великій князь,—ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекается. Въ приватномъ письмѣ проклинаетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ, и прислалъ мнѣ съ Михаиломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ довольно». Никого изъ участниковъ заговора Ростовцевъ не назвалъ, потому что не зналъ ихъ, не имѣя точныхъ доказательствъ самаго существованія заговора и только догадываясь о немъ. Николай Павловичъ точнѣе Ростовцева былъ освѣдомленъ о заговорѣ и принялъ уже свои мѣры, а наивная просьба не царствовать была запоздалой, такъ какъ рѣшеніе вступить на престолъ было уже имъ принято. 13-го декабря Ростовцевъ, записавъ свой разговоръ съ великимъ княземъ и взявъ копію поданнаго ему письма, отправился къ Оболенскому, у котораго засталъ и Рылѣева, вручилъ имъ эти документы и сказалъ, что былъ у великаго князя, что всѣ мѣры противъ возмущенія будутъ приняты и всякій ихъ замыселъ будетъ тщетнымъ. Оболенскій сталъ упрекать Ростовцева въ измѣнѣ дружбѣ. Но Рылѣевъ бросился къ нему на шею и сказалъ: «Нѣтъ, Обо-

ленскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей. Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности; но какое право имѣлъ ты быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнью, идя къ великому князю, вновь жертвуетъ жизнью, придя къ намъ; ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка». «Оболенскій обнялъ меня,—вспоминаетъ Ростовцевъ,—и сказалъ:—Да, я его обнимаю и желалъ бы задушить въ моихъ объятіяхъ».

Объ этихъ происшествіяхъ Ростовцевъ разсказываетъ въ запискѣ, составленной имъ вскорѣ же послѣ событій 14 декабря 1825 г., подъ заглавіемъ «Отрывокъ изъ моей жизни 1825 и 1826 годовъ» [1]). Она написана въ виду будущаго суда исторіи, о которомъ Ростовцевъ всю жизнь имѣлъ самое высокое представленіе и надежда на безпристрастіе котораго была его главнымъ утѣшеніемъ въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ сталъ подвергаться особенно многочисленнымъ, рѣзкимъ и неосновательнымъ обвиненіямъ и клеветамъ и когда онъ, благодаря занимаемому имъ положенію, лишенъ былъ возможности защищаться. Тонъ записки отражаетъ приподнятое, восторженное настроеніе автора, одушевленнаго вѣрою въ свою высокую роль спасителя отечества. Приведенная выше сантиментальная сцена прощанія съ Оболенскимъ и Рылѣевымъ можетъ намъ показаться до театральности эффектной, совсѣмъ страницей изъ Шиллера. Но приподнятость тона и возвышенная форма выраженія чувствъ не должны уменьшать нашей вѣры въ ихъ искренность и благородство. Такая форма выраженія была свойственна молодежи 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка. Припомнимъ, что это были времена, когда Герценъ съ Огаревымъ давали другъ другу свою торжественную клятву на Воробьевыхъ горахъ. Перечитайте интимную переписку того же Герцена съ невѣстой; она поражаетъ насъ приподнятостью тона, но кто же усомнится въ ея искренности? Воодушевленіе молодежи того времени проявлялось въ иныхъ формахъ, не въ такихъ реально-прозаическихъ, какъ въ наши дни.

Что Ростовцевъ правдиво изобразилъ въ своемъ разсказѣ свое участіе въ декабрьскихъ событіяхъ 1825 г., это подтверждаетъ его значительно болѣе поздняя, относящаяся къ 1858—59 гг., переписка съ стариннымъ другомъ Е. П. Оболенскимъ, въ 1856 г. возвращеннымъ изъ ссылки и поселившимся въ Калугѣ. Знаки уваженія, которыми полно письмо къ нему Оболенскаго отъ 1 января 1859 г., свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ въ 1825 г. дѣйствовалъ открыто и изъ честныхъ побужденій. Оболенскій рѣ-

---

[1]) „Русск. Арх.“ 1873, I, 459.

шительно протестуетъ противъ обвиненій Герцена. «Принимаюсь за перо,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—чтобы сказать тебѣ нѣсколько задушевныхъ словъ. Во-первыхъ, скажу тебѣ, что если бы при первомъ появленіи статьи Герцена я имѣлъ возможность написать тебѣ въ отношеніи 14 декабря то, что я знаю о твоихъ дѣйствіяхъ и о томъ, что и мною и тобою сохранено въ свѣжей памяти, я бы это исполнилъ, какъ долгъ и какъ обязанность честнаго человѣка обличить клевету и ложь» [1]). И въ самомъ дѣлѣ поступокъ Ростовцева въ 1825 г. не имѣетъ ничего общаго съ доносомъ. Онъ предупредилъ декабристовъ о своемъ намѣреніи увѣдомить Николая Павловича объ опасности и затѣмъ имъ же сообщилъ свое письмо къ великому князю и разговоръ съ нимъ. Великаго князя онъ только въ общихъ выраженіяхъ предостерегалъ о возмущеніи, не указывая лицъ, и все содержаніе письма и разговора заключалось въ искренней просьбѣ не вступать на престолъ. Ростовцевъ поступалъ въ этомъ случаѣ по совѣсти, долгу и присягѣ, какъ онъ ихъ понималъ, воодушевленный носившейся передъ нимъ идеей спасенія отечества и воображая себя его спасителемъ. Изъ своего поступка онъ не стремился извлечь никакихъ личныхъ выгодъ, и когда Николай Павловичъ предложилъ ему поселиться во дворцѣ, поблизости къ нему, Ростовцевъ наотрѣзъ отказался. О его поступкѣ можно сказать развѣ только, что, предприпятый въ порывѣ увлеченія, онъ былъ излишнимъ. Николаю Павловичу готовящійся заговоръ былъ и безъ того извѣстенъ, а просьба не царствовать, съ которою Ростовцевъ къ нему обратился, была столь же наивна, сколько и безуспѣшна. Впослѣдствіи такъ смотрѣлъ на событіе, кажется, и самъ Ростовцевъ. «Я не донесъ ни на кого,—пишетъ онъ Оболенскому въ 1858 г.,—цѣною своей жизни я желалъ спасти всѣхъ. Я дѣйствовалъ безъ успѣха, *можетъ быть, неразумно*, но дѣйствовалъ открыто, по убѣжденію и съ самоотверженіемъ».

Предпринятый Ростовцевымъ шагъ первоначально имѣлъ даже невыгодныя послѣдствія для его служебной карьеры. Отношенія къ нему начальника штаба гвардейской пѣхоты генерала Бистрома, крайне обиженнаго тѣмъ, что Ростовцевъ обратился прямо къ великому князю, не предупредивъ его, какъ непосредственнаго начальника, стали настолько холодными, что Ростовцеву пришлось изъ штаба перейти опять въ полкъ, во фронтъ. Природный недостатокъ — онъ сильно заикался — дѣлалъ его совершенно непригоднымъ для фронтовой службы и заставилъ его ходатайствовать передъ государемъ, повидимому, начавшимъ уже его забывать, о другомъ

[1]) „Русск. Арх." 1873, I, 510.

какомъ-либо назначеніи. Онъ былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, котораго и сопровождалъ въ турецкую войну 1828 г. и при подавленіи польскаго мятежа въ 1831 г. Въ 1835 г. Ростовцевъ получилъ мѣсто начальника штаба Михаила Павловича по управленію военно-учебными заведеніями, и эту должность онъ занималъ и по смерти великаго князя Михаила при наслѣдникѣ престола Александрѣ Николаевичѣ, къ которому перешло управленіе военно-учебными заведеніями, а затѣмъ, по его воцареніи, самъ былъ сдѣланъ ихъ главнымъ начальникомъ и сохранялъ это званіе до смерти. Такимъ образомъ онъ ровно 25 лѣтъ стоялъ во главѣ военнаго образованія въ Россіи.

Что было на этомъ посту имъ сдѣлано? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, припомнимъ, какое значеніе до Ростовцева и при немъ имѣла военная школа. Единственными разсадниками военнаго образованія въ Россіи до реформы Д. А. Милютина служили кадетскіе корпуса, выпускавшіе въ армію хоть сколько-нибудь образованныхъ офицеровъ. Но по количеству это образованное офицерство изъ кадетъ было въ арміи ничтожной каплей въ морѣ, тонуло въ темной и невѣжественной массѣ офицеровъ, пополнявшейся изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, по большей части изъ дѣтей дворянской бѣдноты, недоучекъ и неудачниковъ, по неспособности не поладившихъ съ школою съ первыхъ же ея классовъ или по бѣдности не имѣвшихъ средствъ ее пройти. Другимъ контингентомъ для пополненія офицерства были уже совершенные неучи, выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ. Тотъ и другой источникъ давали хорошо извѣстный въ нашей арміи первой половины XIX вѣка типъ «бурбона», храбраго и исполнительнаго служаки, но недалекаго и совсѣмъ непригоднаго къ высшему командованію офицера. Въ 1825 г. во всей Россіи было всего 5 кадетскихъ корпусовъ съ 5300 учащимися; въ 1855 г., незадолго, слѣдовательно, до смерти Ростовцева, число ихъ доходило до 23 съ 8300 кадетъ, и такое значительное увеличеніе числа этихъ учебныхъ заведеній составляетъ его видную заслугу, хотя и такое увеличеніе было все же далеко недостаточнымъ. Процентъ выпускаемаго изъ нихъ офицерства въ арміи несомнѣнно повысился, но все же даже и въ началѣ 50-хъ годовъ оказывался ничтожнымъ, составляя всего 18,7%, тогда какъ на долю офицерства изъ вольноопредѣляющихся и юнкеровъ приходилось 69,2%, а на долю выслужившихся изъ нижнихъ чиновъ 12,1%. Вотъ цифры, могущія быть лучшимъ комментаріемъ къ вопросу о причинахъ нашей неудачи въ крымской войнѣ [1]).

[1]) „Русск. Стар." 1887, май, 354, 355. Къ исторіи военно-учебной реформы императора Александра II.

Выпущенный изъ кадетскаго корпуса рѣзко выдѣлялся въ арміи среди остального офицерства. Но и его образовательный уровень былъ уже не Богъ знаетъ какой высоты. Кадетскій корпусъ все-таки былъ для дѣтей и юношества болѣе казармой, чѣмъ учебнымъ заведеніемъ. Фронтовая выправка первенствовала тамъ надъ наукой, а порка считалась основнымъ педагогическимъ методомъ. Честь коренного преобразованія военной школы принадлежитъ Д. А. Милютину; при Ростовцевѣ кадетскій корпусъ въ основныхъ чертахъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ и до него. Но все же Ростовцевъ внесъ нѣкоторую прогрессивную струю и въ воспитаніе, и въ обученіе въ корпусахъ. Въ воспитаніи онъ старался проводить болѣе мягкіе и гуманные пріемы. Онъ не сочувствовалъ тѣлесному наказанію, противъ котораго онъ стоялъ и впослѣдствіи въ крестьянской реформѣ. Не будучи въ состояніи совсѣмъ его отмѣнить — это было бы по тому времени слишкомъ радикальной ломкой педагогическихъ понятій,—онъ старался все же умѣрить пылъ начальниковъ корпусовъ, слишкомъ уже горячо вѣровавшихъ въ спасительность сѣченія, какъ воспитательнаго средства. «Главнымъ факторомъ въ воспитаніи,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ офицеръ, служившій въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ,—директоръ корпуса С. считалъ розги. Правда, то было время, когда тѣлесное наказаніе считалось необходимостью, безъ которой непонятна была возможность воспитанія; но тѣмъ не менѣе С. былъ особенно къ нему расположенъ. Начальникъ штаба Я. И. Ростовцевъ не одинъ разъ секретными предписаніями старался охладить этотъ пылъ директора къ розгѣ» [1]). Замѣтимъ, что это происходило еще при Николаѣ I въ 1843—49 гг.

Въ дѣлѣ обученія Ростовцевъ много заботился объ усовершенствованіи программъ и учебныхъ руководствъ, а также о подысканіи знающихъ и талантливыхъ преподавателей. Чтобы не распространяться долго объ этой сторонѣ его дѣятельности, достаточно назвать одно имя, которое говоритъ болѣе, чѣмъ скажутъ многія страницы: на должность завѣдующаго учебною частью корпусовъ онъ пригласилъ К. Д. Кавелина. Послѣдній и занималъ этотъ постъ въ 1850—53 годахъ. Въ качествѣ руководства составителямъ новыхъ программъ и учебниковъ Ростовцевъ самъ написалъ «Наставленіе для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ», которое и было утверждено государемъ въ 1848 г. Правда, время, когда оно было написано,—этотъ ненавистный для императора Николая революціонный 1848-й годъ—наложило свою печать на «Наставленіе» и

---

[1]) „Русск. Стар." 1886, декабрь, 721. *И. Павловскій*, Петровскій полтавскій корпусъ.

въ немъ отразились реакціонныя вѣянія, особенно сильно овладѣвшія правительствомъ съ этого года. Инструкція, напримѣръ, для составленія учебника исторіи давала поводъ Грановскому сказать, что по такой инструкціи нѣтъ возможности ни проходить исторію, ни составлять для нея руководство. Но исторія за то и считалась самымъ опаснымъ предметомъ. Русскій языкъ и словесность, какъ разсказываетъ извѣстный преподаватель этихъ предметовъ, авторъ руководства по исторіи словесности А. Д. Галаховъ, нашли себѣ въ корпусахъ при Ростовцевѣ правильную постановку. Составить програму ихъ преподаванія и получилъ приглашеніе самъ Галаховъ. «Начальникъ штаба Ростовцевъ—писалъ ему Кавелинъ въ октябрѣ 1850 г., приглашая его заняться этимъ дѣломъ,—до сихъ поръ не можетъ найти человѣка, который бы умѣлъ усвоить, оцѣнить и привести въ исполненіе его мысль, въ сущности чрезвычайно простую и вѣрную. Ему хочется освободить преподаваніе русскаго языка и словесности отъ напыщенныхъ фразъ, схоластики и школьнаго педантизма, приспособить какъ можно ближе къ возрасту и понятіямъ дѣтей, чего наши рутинисты никакъ понять не могутъ, какъ ясно имъ ни толкуютъ... Вы не охотникъ до схоластическихъ подмостокъ, до всего натянутаго, неестественнаго. Уже одно это убѣждаетъ меня, что вы совершенно поймете задачу и распутаете, наконецъ, Гордіевъ узелъ. Какъ было бы хорошо, если бы вы взялись за это дѣло. Восемь тысячъ мальчиковъ избавились бы отъ египетской работы при изученіи своего природнаго языка, и сотни учителей получили бы руководство къ здравому смыслу въ дѣлѣ преподаванія» [1]. Галаховъ принялъ предложеніе между прочимъ потому, что его привлекала къ себѣ, какъ онъ пишетъ, личность Ростовцева, любовь котораго къ словесности, умѣнье владѣть перомъ и связи съ литераторами 20-хъ годовъ ему были извѣстны. На привлеченіи Галахова къ реформѣ преподаванія русскаго языка въ корпусахъ Ростовцевъ не остановился; ему удалось заинтересовать реформой и также привлечь къ ней самого главу школы русскихъ словесниковъ XIX вѣка—Ѳ. И. Буслаева, которому вмѣстѣ съ Галаховымъ и было поручено составленіе учебныхъ руководствъ, приспособленныхъ къ новой программѣ. «Безъ Ростовцева,—вспоминаетъ Галаховъ,—до сихъ поръ, быть можетъ, не вышли бы въ свѣтъ такіе капитальные ученые труды, какъ «Историческая грамматика русскаго языка»—Буслаева и его же «Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка». Не смѣя судить о моей «Исторіи русской словесности» и «Исторической христоматіи

---

[1]) „Русск. Стар." 1879, февраль, 318. Воспоминанія Галахова.

къ новому ея періоду», я обязанъ однако жъ сказать, что и онѣ своимъ появленіемъ обязаны его содѣйствію»[1]). Если другіе предметы въ военной школѣ 50-хъ годовъ сильно хромали, если и самое «Наставленіе» было неудовлетворительнымъ, то все же правильная постановка преподаванія родного языка, главнаго предмета въ средней школѣ, составляетъ безспорную заслугу Ростовцева въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. Въ трудахъ Буслаева это преподаваніе получило прочныя историческія основы; схоластика изгонялась; напыщенныя риторическія произведенія въ родѣ трагедій Озерова переставали служить образцами на урокахъ словесности, уступая мѣсто поэзіи Пушкина и Гоголя. Ростовцевъ «не раскланялся» съ Галаховымъ, какъ выражается послѣдній, и по окончаніи порученнаго ему труда; онъ удержалъ его преподавателемъ одного изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ, возложивъ на него также наблюденіе за преподаваніемъ этого предмета въ другихъ корпусахъ Москвы, а затѣмъ въ 1856 г. поручивъ ему чтеніе лекцій по русской словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Все это показываетъ, какъ Ростовцевъ умѣлъ притянуть къ дѣлу, у котораго онъ стоялъ, талантливыя силы, вносившія въ дѣло свѣжее направленіе,—способность, которая и была причиной такого выдающагося значенія Ростовцева позже, въ крестьянской реформѣ.

Въ 1857 г. произошелъ эпизодъ, надѣлавшій большого шума въ военно-педагогическомъ мірѣ и попавшій затѣмъ также на страницы герценовскаго «Колокола». Ростовцевымъ былъ уволенъ изъ 2-го московскаго кадетскаго корпуса одинъ изъ талантливѣйшихъ преподавателей русскаго языка, извѣстный впослѣдствіи педагогъ П. Е. Басистовъ. Поводомъ къ увольненію послужила статья Басистова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ онъ далъ рѣзкій неодобрительный отзывъ о способностяхъ военныхъ воспитателей, совершенно неподготовленныхъ къ своей профессіи и получающихъ педагогическія свѣдѣнія въ казармахъ и на ученьяхъ. Военный персоналъ корпусовъ былъ обиженъ. Уволивъ П. Е. Басистова, Ростовцевъ въ личной бесѣдѣ объяснилъ ему, что онъ поставилъ себѣ за правило, чтобы всѣ чиновники его вѣдомства были въ союзѣ мира и дружбы, что его статья оскорбительна для военныхъ и вооружаетъ одно сословіе на другое, что если бы такую статью написалъ военный противъ гражданскихъ чиновниковъ, то онъ поступилъ бы съ нимъ точно такъ же и что ему особенно жаль терять въ Басистовѣ отличнаго преподавателя. Предложеніе оста-

[1]) Ibid., 326.

вить уроки въ корпусѣ не сопровождалось для Басистова ни особенно чувствительными матеріальными потерями, ни вообще какими-либо непріятностями по его педагогической службѣ. Какъ позже объяснялъ дѣло самъ П. Е. Басистовъ, его газетная статья, написанная наскоро и въ слишкомъ сжатомъ изложеніи, могла дѣйствительно подать поводъ къ разнымъ толкованіямъ и, вѣроятно, была представлена Ростовцеву въ превратномъ видѣ. Самъ онъ сохранилъ о Ростовцевѣ воспоминаніе, какъ о чрезвычайно добромъ и снисходительномъ человѣкѣ, съ большою любовью и вниманіемъ относившемся къ дѣлу воспитанія, и говорилъ, что для него лично служба по военно-учебнымъ заведеніямъ при Ростовцевѣ, несмотря на прискорбную исторію, которою она кончилась, составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній учительской дѣятельности [1]). Да и самый уже тотъ фактъ, что въ числѣ преподавателей военно-учебныхъ заведеній находился П. Е. Басистовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какіе педагогическіе таланты стремился привлекать Ростовцевъ въ корпуса.

Итакъ, резюмируя сказанное о дѣятельности Ростовцева по управленію военно-учебными заведеніями, можно заключить, что онъ, не измѣняя въ корнѣ системы военнаго воспитанія и образованія, внесъ однако въ военную школу значительныя измѣненія. Воспитанію онъ старался сообщить болѣе гуманные пріемы; преподаваніе, насколько могъ, стремился поднять введеніемъ новыхъ методовъ и привлеченіемъ къ дѣлу лучшихъ педагогическихъ силъ. Во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ искреннемъ желаніи поставить какъ можно выше военную школу. «Какъ идутъ военно-учебныя заведенія,—писалъ Ростовцевъ уже въ концѣ своей дѣятельности тому же Оболенскому,—лучше ли противъ прежняго или хуже—судить объ этомъ дѣло не мое; если же они идутъ дурно, то это происходитъ или отъ причинъ, отъ меня независящихъ, или отъ моего неумѣнія, но уже, конечно, Богъ мнѣ свидѣтель, не отъ моего нежеланія» [2]).

Управляя военно-учебными заведеніями въ качествѣ начальника ихъ штаба, Ростовцевъ сблизился съ главнымъ начальникомъ этихъ заведеній, наслѣдникомъ престола Александромъ Николаевичемъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ его лицъ. По вступленіи Александра II на престолъ близость и довѣріе къ Ростовцеву продолжались, и имъ онъ былъ обязанъ назначеніемъ въ члены учрежденнаго въ январѣ 1857 г. Секретнаго комитета о крестьянахъ. Этотъ Секретный комитетъ, переименованный потомъ въ Главный,

---

[1]) „Русск. Арх." 1873, I, 656—664. [2]) „Русск. Арх." 1873, I, 498.

составился на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и многочисленные предшествовавшіе ему секретные комитеты Николая I. Въ него вошли сановники, управлявшіе разными вѣдомствами и стоявшіе во главѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, занятые притомъ въ разныхъ другихъ комитетахъ и поэтому рѣшительно не имѣвшіе времени и силъ серьезно работать ни въ одномъ изъ нихъ, и всего менѣе въ новомъ, крестьянскомъ. Часть ихъ, какъ и самъ предсѣдатель кн. Орловъ, вовсе не сочувствовали реформѣ; другіе, хотя и убѣжденные въ необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ, совсѣмъ не знали, какъ къ этому дѣлу подойти; третьи же были совершенно чужды крестьянскому вопросу и были съ нимъ нисколько не знакомы. Къ числу послѣднихъ принадлежали Корфъ и Ростовцевъ. Ростовцевъ, не владѣя ни землею, ни крѣпостными, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о крестьянскомъ дѣлѣ, не питалъ къ нему никакого интереса, и первымъ же шагомъ его по назначеніи въ комитетъ, такъ же какъ и Корфа, была подача государю просьбы объ увольненіи отъ этой новой обязанности. Корфъ въ концѣ-концовъ былъ уволенъ; Ростовцевъ получилъ въ своей просьбѣ отказъ, и ему пришлось, какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ, противъ воли сдѣлаться главнымъ двигателемъ крестьянской реформы и положить животъ свой въ этомъ трудѣ. «Вообще, — разсказываетъ тотъ же авторъ, — составъ комитета былъ весьма неудачный, и потому немудрено, что онъ первое полугодіе только смотрѣлъ на звѣря, ему указаннаго, и ходилъ около него, не зная, съ какой стороны къ нему приступить... Президентъ въ промежуткахъ времени занимался заложеніемъ своихъ или жены своей имѣній въ опекунскій совѣтъ, чѣмъ возбудилъ всеобщій страхъ; во всей Россіи о томъ говорили и спѣшили подражать ему» [1]. Что было причиной такого неудачнаго состава Секретнаго комитета изъ людей, частью не сочувствующихъ той реформѣ, которую онъ долженъ былъ обсуждать, частью совершенно незнакомыхъ съ дѣломъ, котораго должна была касаться реформа? Нельзя же, конечно, допустить, что здѣсь было двуличіе, сознательное стремленіе угодить и тѣмъ, и другимъ: и сторонникамъ реформы — самымъ учрежденіемъ комитета, и противникамъ ея учрежденіемъ комитета изъ враговъ освобожденія и изъ людей равнодушныхъ къ нему, со скрытымъ желаніемъ затормозить дѣло, за которое все же считали приличнымъ приняться. Можетъ быть, здѣсь слѣдуетъ видѣть борьбу чувствъ: искреннее желаніе освобожденія, но въ то же время и

[1]) „Русск. Арх.“ 1885, кн. 2, стр. 499. Записка Левшина.

боязнь передъ нимъ и потому, съ одной стороны, комитетъ, а съ другой стороны, такой комитетъ, который ни на какую сколько-нибудь рѣшительную реформу способенъ не былъ. Но всего вѣроятнѣе, здѣсь дѣйствовала просто рутина, слѣпое подчиненіе старымъ привычнымъ формамъ и способамъ разрѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, привычка пользоваться механической исполнительностью слугъ, не обращая вниманія на ихъ убѣжденія, непониманіе того простого правила, что работу надъ тѣмъ или другимъ государственнымъ дѣломъ надо поручать людямъ, сочувствующимъ этому дѣлу,—да и гдѣ было въ ближайшемъ придворномъ кругу такихъ людей отыскать? Какъ бы то ни было, Ростовцевъ оставленъ былъ въ комитетѣ, куда онъ введенъ былъ именно въ качествѣ наиболѣе довѣреннаго лица государя, черезъ которое государю легко было слѣдить за работами комитета.

Планъ реформы, съ большою медленностью, болѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ его учрежденія, выработанный комитетомъ, какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ воззрѣніямъ большинства входившихъ въ составъ комитета лицъ. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Весь ходъ освобожденія крестьянъ предполагалось подраздѣлить на три періода: во-первыхъ, періодъ «пріуготовительный», въ теченіе котораго предполагалось предпринять облегченіе крѣпостного права, облегченіе способовъ выхода изъ него, а также собираніе свѣдѣній, относящихся къ вопросу; во-вторыхъ, періодъ переходный и, въ-третьихъ, наконецъ, періодъ окончательный. Такимъ образомъ, читаемъ въ журналѣ Главнаго комитета, представленномъ государю, «дѣло общаго освобожденія не будетъ упущено изъ вида правительствомъ; оно будетъ готовиться къ этому дѣлу, будетъ собирать свѣдѣнія, будетъ обрабатывать матеріалы, однимъ словомъ, будетъ идти постепенно и осторожно, какъ указано В. И. Величествомъ». Для осуществленія этого плана, по соображеніямъ Левшина въ вышеупомянутой его запискѣ, предназначалось по меньшей мѣрѣ полстолѣтія—«нить длинная,—замѣчаетъ авторъ, — особенно для того, кто знаетъ, съ какою цѣлью полагали ее тянуть». Собирать предварительныя свѣдѣнія и обрабатывать матеріалы, какъ говорилъ комитетъ, значило въ переводѣ съ языка бюрократическихъ экивоковъ на общепонятный языкъ—потопить все дѣло въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Такой исходъ предпринятой государемъ реформы и былъ, повидимому, наиболѣе по душѣ большинству членовъ комитета. Какъ извѣстно, однако, съ изданіемъ знаменитаго рескрипта Назимову дѣло приняло совершенно неожиданный для комитета крутой поворотъ, ускорившій ходъ реформы.

Вошедши противъ воли въ составъ Секретнаго комитета, Ростов-

цевъ первое время, въ теченіе 1857 и въ началѣ 1858 гг. постепенно заинтересовывается дѣломъ, примыкая пока, однако, къ правой группѣ комитета, къ гр. Панину и Муравьеву, по невѣдѣнію и неподготовленности дружа съ противниками освобожденія. Эта группа опасалась въ связи съ реформой волненій и возмущеній и всего болѣе заботилась объ установленіи сильной чрезвычайной власти на мѣстахъ въ видѣ временныхъ генералъ-губернаторовъ, проектъ учрежденія которыхъ разрабатывалъ и Ростовцевъ. Но какъ живая натура, знакомясь все болѣе съ крестьянскимъ вопросомъ, Ростовцевъ не могъ остаться къ нему безучастнымъ. Какъ добросовѣстный работникъ, онъ, сознавая свою неподготовленность, началъ изученіе предмета въ корнѣ, сталъ читать рѣшительно все, что можно было тогда прочесть относящагося къ крестьянскому вопросу въ русской и иностранной литературѣ. Переломомъ въ отношеніи къ крестьянскому дѣлу и въ воззрѣніяхъ на самыя задачи реформы было заграничное путешествіе, предпринятое имъ лѣтомъ 1858 г., можетъ быть, именно ради того, чтобы на досугѣ лучше заняться подготовкой къ новой дѣятельности. «По возвращеніи Якова Ивановича Ростовцева,—пишетъ Я. А. Соловьевъ, непремѣнный членъ земскаго отдѣла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, близко соприкасавшійся съ Ростовцевымъ,—съ нимъ произошла видимая перемѣна. Онъ явился не тѣмъ уже Ростовцевымъ, который съ Панинымъ и Муравьевымъ писалъ начала уѣзднаго управленія, а съ Позеномъ—программу для губернскихъ комитетовъ. Онъ изъ реакціонеровъ сдѣлался ревностнымъ прогрессистомъ и отчаяннымъ эмансипаторомъ, характеризуя свои дѣйствія и слова тѣмъ энтузіазмомъ, которымъ онъ отличался во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ» [1]). Служба государю по крестьянской реформѣ увлекла Ростовцева, поглотила все его вниманіе; онъ отдалъ ей всѣ свои силы, и когда онъ незадолго до смерти говорилъ: «только саванъ отдѣлитъ меня отъ крестьянскаго вопроса», онъ искренно выражалъ свою преданность этой службѣ.

Большую долю вліянія на Ростовцева во время его заграничнаго житья тотъ же Я. А. Соловьевъ приписываетъ Н. А. Жеребцову, помѣщику, очень интересовавшемуся освобожденіемъ, и большому знатоку крестьянскаго дѣла, имѣвшему возможность изучить его на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ онъ завѣдывалъ составленіемъ кадастра. Вчитываясь въ литературу вопроса и прислушиваясь къ тому, что тогда о реформѣ говорили, Ростовцевъ знакомился съ голосомъ общественнаго мнѣнія, къ которому онъ всегда былъ неравнодушенъ.

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1883, февраль, 265.

Плодомъ этихъ заграничныхъ занятій и бесѣдъ были четыре его письма оттуда къ императору Александру II, въ которыхъ Ростовцевъ излагалъ свои взгляды на задачи реформы и на основные пріемы рѣшенія крестьянскаго вопроса. Письма оказали сильное вліяніе на государя, который говорилъ Ростовцеву, что они вмѣстѣ съ императрицей читаютъ и перечитываютъ эти письма. Государь приказалъ потомъ сдѣлать извлеченіе изъ нихъ и внести это извлеченіе въ Главный комитетъ въ качествѣ програмы, содержащей главныя основанія, на которыхъ должна была идти реформа. Оцѣнивая содержаніе писемъ Ростовцева, Я. А. Соловьевъ говоритъ, что «чтеніе ихъ производило странное впечатлѣніе. Видно было, что авторъ ихъ несомнѣнно желалъ освобожденія крестьянъ, искренно сочувствовалъ дѣлу, которое онъ называлъ «святымъ», готовъ былъ посвятить ему всѣ свои способности, душевно скорбѣлъ о затруднительномъ, безпомощномъ положеніи государя и всѣмъ готовъ былъ пожертвовать для того, чтобы вывести его изъ этого положенія. Въ этихъ видахъ онъ предлагалъ рядъ мѣръ, ведущихъ дѣйствительно къ освобожденію крестьянъ и къ улучшенію ихъ быта». Такими мѣрами, по мнѣнію Соловьева, были указанныя въ письмахъ: освобожденіе съ тою землею, которая находится въ ихъ пользованіи, и мірская организація освобождаемаго изъ помѣщичьей власти крестьянства, гражданскія права, даруемыя крестьянамъ; отрицательное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ и установленіе мировыхъ судей, избираемыхъ крестьянами изъ помѣщиковъ, къ которымъ крестьянскій міръ могъ бы обращаться съ жалобами въ случаѣ притѣсненій со стороны помѣщиковъ. Ростовцевъ въ письмахъ шелъ даже дальше того, что впослѣдствіи было осуществлено Положеніемъ 19 февраля: настаивая на освобожденіи крестьянъ съ землею, онъ въ то же время проектировалъ также и надѣленіе землею освобождаемыхъ дворовыхъ. Но на ряду съ этими благодѣтельными и широкими мѣрами въ письмахъ предлагались и такія, которыя, по мнѣнію того же критика, уничтожали благое стремленіе къ правильному направленію дѣла. Сюда Соловьевъ относитъ: параллельно съ мірской организаціей крестьянства удержаніе власти помѣщика, какъ *начальника* надъ міромъ; право помѣщика оставить себѣ изъ дворовыхъ, сколько онъ пожелаетъ; право помѣщика ссылать крестьянъ изъ предѣловъ имѣнія и странное наказаніе, проектируемое Ростовцевымъ для цѣлаго міра «за общій развратъ и буйство», налагаемое на міръ уѣзднымъ начальникомъ и состоящее «въ высылкѣ на государственныя работы срокомъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ отъ двухъ до пяти крестьянъ со ста по жребію». Проведеніе такихъ мѣръ въ письмахъ Соловьевъ объясняетъ

частью, можетъ быть, сознательнымъ намѣреніемъ сдѣлать нѣкоторыя уступки крѣпостнической партіи, частію же неподготовленностью автора писемъ къ дѣлу, о которомъ онъ пишетъ.

Послѣдствіемъ той же неподготовленности были и еще двѣ проводимыя въ письмахъ мысли Ростовцева, въ которыхъ Соловьевъ справедливо видѣлъ наивность человѣка, незнакомаго съ государственнымъ строемъ. Это, во-первыхъ, разсужденія Ростовцева о судьбахъ русской поземельной общины. Ростовцевъ правильно думалъ, что вопросъ объ общинномъ устройствѣ не можетъ быть рѣшаемъ теоріями, что онъ можетъ быть рѣшенъ только исторіей, что поэтому съ освобожденіемъ крестьянъ не слѣдуетъ уничтожать общиннаго устройства. Но затѣмъ онъ высказывалъ такое сужденіе: «если русское общество, историческимъ ходомъ своей жизни, ощутитъ потребность въ раздробленіи поземельной собственности на отдѣльныя лица, то пособить этому будетъ очень нетрудно: тогда въ извѣстный моментъ достаточно будетъ только одного высочайшаго указа, чтобы міръ раздѣлилъ свои угодья между своими сочленами въ потомственное владѣніе сихъ послѣднихъ»,—сужденіе, говоритъ Соловьевъ, которое можно было услышать отъ государственнаго дѣятеля только въ такомъ незрѣломъ государствѣ, какъ наше. Другая, поражающая наивностью мысль въ письмахъ была мысль объ уѣздныхъ начальникахъ, на должность которыхъ должны назначаться, по проекту Ростовцева, образованные молодые люди изъ офицеровъ гвардіи и изъ чиновниковъ, окончившихъ курсы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и власть которыхъ должна быть столько же твердой, сколько и патріархальной. Кромѣ административной инструкціи, эти начальники снабжаются еще *нравственной* инструкціей, гдѣ ихъ обязанности излагаются такъ: «наивозможная вѣжливость съ помѣщиками и защита ихъ правъ; любовь къ крестьянамъ, но любовь отца: и благодушная, и строгая; предупрежденіе и прекращеніе нравственными мѣрами столкновеній помѣщиковъ съ крестьянами и т. д.». Критикуя эту инструкцію, Я. Соловьевъ основательно замѣчалъ, что ея автору и въ голову не приходило, что любовь отца можетъ быть только къ однимъ дѣтямъ и что флигель-адъютанты и камеръ-юнкеры, облеченные въ званіе начальниковъ уѣздовъ, получатъ ту же крѣпостную власть, уничтоженія которой онъ такъ искренно желалъ [1]).

Итакъ, въ заграничныхъ письмахъ Ростовцева были идеи частью вѣрныя и дѣльныя, какъ невозможность освобожденія крестьянъ безъ

---

[1]) Матер. ред. ком. I (изд. 1), Извлеч. изъ писемъ, 25; Записки Я. Соловьева, „Русск. Стар.“ 1883, февр., 276.

земли и необходимость, во-первыхъ, оставить за освобождаемыми крестьянами тѣ земли, которыми они уже пользуются, и, во-вторыхъ, принять мѣры къ переходу этихъ земель въ собственность крестьянъ; были идеи противоположнаго характера, которыя могли бы задержать освобожденіе, и, наконецъ, высказывались мысли, поражающія наивностью и незнакомствомъ съ дѣломъ. Но, можетъ быть, значеніе писемъ и ихъ магическое дѣйствіе на императора заключалось не столько въ развиваемыхъ въ нихъ идеяхъ, сколько въ томъ бодромъ и увѣренномъ тонѣ, въ которомъ они написаны, и въ томъ оптимизмѣ, которымъ они проникнуты. На вѣчно колеблющагося то въ ту, то въ другую сторону Александра II письма, въ которыхъ авторъ представлялъ исходъ крестьянскаго вопроса въ радужномъ видѣ и высказывалъ увѣренность, что если предлагаемыя имъ мѣры будутъ въ обработанномъ и улучшенномъ видѣ приняты, то крестьяне получатъ полную свободу, начнутъ богатѣть, цѣна имѣній быстро возрастетъ, оба сословія будутъ, такимъ образомъ, вознаграждены въ своихъ интересахъ, а старыя, закоснѣлыя злоупотребленія администраціи исчезнутъ—производили ободряющее и укрѣпляющее дѣйствіе.

Превратившись за границей изъ Савла въ Павла, Ростовцевъ по возвращеніи предался исключительно крестьянскому дѣлу со всѣмъ тѣмъ воодушевленіемъ, которое дѣйствительно было свойственно его натурѣ, и начальникомъ военно-учебныхъ заведеній онъ оставался только номинально. Эти полтора года, съ сентября 1858 г. до самой кончины 6 февраля 1860 г., прошли для него въ лихорадочной дѣятельности по освобожденію. Одну за другою онъ пишетъ цѣлый рядъ записокъ, гдѣ критикуетъ проекты, начавшіе поступать изъ губернскихъ комитетовъ, и излагаетъ свои взгляды на цѣли реформы и способы ея осуществленія. По мѣрѣ того какъ Ростовцевъ глубже вникалъ въ вопросъ и начиналъ всматриваться въ него пристальнѣе, усваивалъ его не теоретически только, а и практически съ появленіемъ работъ губернскихъ комитетовъ, въ которыхъ дѣйствительныя, конкретныя условія занимали главное мѣсто, въ головѣ его прояснялись понятія о крестьянскомъ дѣлѣ, его мысли развивались и становились трезвѣе. Даже суровый его критикъ, такъ зло высмѣивавшій слабыя стороны его заграничныхъ писемъ, Я. Соловьевъ долженъ былъ признаться, что изъ этихъ позднѣйшихъ записокъ видно, какъ далеко ушелъ Ростовцевъ въ понятіи крестьянскаго дѣла со времени всеподданнѣйшихъ писемъ [1]). При соприкосновеніи его прежнихъ взглядовъ съ конкретными данными,

[1]) „Русск. Стар.“ 1883, мартъ, 612.

пришедшими изъ мѣстныхъ комитетовъ, и со взглядами практиковъ и знатоковъ вопроса то незрѣлое и наивное, что было высказано въ письмахъ, отпадаетъ въ новыхъ запискахъ, поданныхъ въ концѣ 1858 и въ 1859 году. Одна идея начинаетъ пріобрѣтать у него господствующее значеніе, и передъ нею все остальное какъ-то блѣднѣетъ и отступаетъ на второй планъ, это—освобожденіе крестьянъ съ землею, надѣленіе ихъ помѣщичьей землею за выкупную плату. Въ заграничныхъ письмахъ онъ уже высказываетъ ее, хотя и довольно осторожно. Теперь онъ становится поборникомъ идеи освобожденія съ землею на правѣ собственности; онъ проповѣдуетъ ее, гдѣ только можетъ, и рѣшительно не хочетъ слушать никакихъ возраженій противъ этого принципа. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ возраженія не раздѣлявшихъ этой идеи двухъ членовъ, кн. Паскевича и гр. Шувалова, проводившихъ взгляды крупныхъ землевладѣльцевъ, вызвали рѣзкій отпоръ со стороны Ростовцева. «Члены, подавшіе особое мнѣніе,—заявлялъ онъ,—къ сожалѣнію желаютъ дать крестьянамъ свободу птицъ, а на это нельзя согласиться. Если бы допустить это, то я нахожу, что намъ осталось бы одно—закрыть комиссіи!» Итакъ, надѣленіе крестьянъ землею на правѣ собственности, по убѣжденію Ростовцева,—основной принципъ реформы, отъ котораго не можетъ быть никакихъ отступленій. При всей его на николаевской службѣ воспитанной готовности повиноваться высочайшимъ повелѣніямъ, онъ все же рѣшался критиковать точку зрѣнія рескрипта Назимову, предоставлявшаго крестьянамъ въ собственность только усадьбы, и говорилъ, что эта мысль, внесенная въ рескрипты, послужитъ только затрудненіемъ въ новой организаціи[1]). Вмѣстѣ съ основной идеей земельнаго надѣленія Ростовцевъ отстаивалъ и два другіе взгляда, касавшіеся размѣровъ и способовъ этого надѣленія и опредѣлявшіе, во-первыхъ, количество земли, отводимой отъ помѣщиковъ крестьянамъ, и, во-вторыхъ, самый порядокъ пріобрѣтенія земли въ собственность. Ростовцевъ считалъ необходимымъ оставить за крестьянами земельныя угодья въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они ими пользовались при крѣпостномъ правѣ, и вооружался противъ уменьшенія этихъ земель или, какъ тогда выражались, противъ «отрѣзки». «Отрѣзкой,—горячо говорилъ онъ въ одномъ изъ засѣданій редакціонныхъ комиссій,—мы уничтожимъ крестьянина, а это—бунтъ. Всѣ юридическія теоріи прекрасны, но здѣсь дѣло идетъ о кускѣ хлѣба; мы отнимаемъ у крестьянина этотъ кусокъ изъ вѣжливости къ помѣщику, для популярности у дворянства. Государь велѣлъ намъ улучшить бытъ, какое же это

---

[1]) „Русск. Арх." 1885, кн. II, 512.

улучшеніе!» Отрѣзка представлялась ему опасной, такъ какъ могла вызвать бунтъ крестьянъ, у которыхъ будутъ отнимать землю. «Я не хочу преимущества для крестьянъ,—говорилъ онъ въ засѣданіи комиссій 18 іюня 1859 г.,—но хочу предупредить бунты въ Россіи. Я считаю, что, отрѣзывая землю отъ крестьянъ, мы зажжемъ Россію!» [1])

Способомъ пріобрѣтенія крестьянами въ собственность той помѣщичьей земли, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, Ростовцевъ считалъ выкупъ. Выкупъ могъ быть двоякаго рода: обязательный или добровольный. Теоретически Ростовцевъ отдавалъ преимущество первому, по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ, когда онъ въ февралѣ 1859 г. писалъ записку «Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса», въ которой онъ говорилъ, что «выкупъ немедленный и обязательный былъ бы наиполезнѣйшій, если бы только былъ онъ признанъ возможнымъ и справедливымъ». Но уже въ слѣдующей запискѣ: «Дополненіе къ статьѣ: Ходъ и исходъ крестьянскаго вопроса», онъ, еще поразмысливъ надъ этою стороною дѣла, рѣшительно склоняется къ выкупу необязательному, добровольному, основанному на полюбовномъ соглашеніи помѣщика съ крестьянами. Выкупъ обязательный онъ считалъ, хотя, быть можетъ, и ошибочно, невозможнымъ въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ по его расчетамъ государству потребовалось бы для этого около милліарда рублей—сумма, которою казна не располагала. Во второй запискѣ, поданной въ апрѣлѣ 1859 г., онъ сталъ уже считать обязательный выкупъ и несправедливымъ, и неполезнымъ: несправедливымъ потому, что онъ связывалъ бы свободную волю и помѣщиковъ и крестьянъ, заставляя однихъ продавать, другихъ покупать землю по принудительной, установленной государствомъ цѣнѣ; неполезнымъ потому, что этотъ выкупъ все же не позволялъ избѣжать переходнаго періода зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, такъ какъ операція обязательнаго выкупа съ оцѣнкой всѣхъ имѣній должна была потребовать немалаго времени. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ и предпочиталъ добровольный выкупъ. До его совершенія крестьяне за отведенныя въ ихъ пользованіе земли обязаны отбывать повинности въ пользу помѣщика, и этотъ періодъ Ростовцевъ называлъ срочно-обязаннымъ, полагая ему срокъ, въ 12 лѣтъ. По истеченіи этихъ лѣтъ правительство должно будетъ, сообразуясь съ новыми обстоятельствами, принять мѣры къ окончательной ликвидаціи крѣпостного права. Такимъ образомъ, принимая добровольный выкупъ, Ростовцевъ бросалъ впередъ неясные взгляды, оставлялъ дѣло не-

---

[1]) *Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, I, 316, 301.

додѣланнымъ и предоставлялъ правительству въ будущемъ, сообразно съ новыми обстоятельствами, развязать или разрубить тотъ узелъ, съ которымъ онъ самъ покончить не рѣшался, и это будущее казалось ему довольно отдаленнымъ: двѣнадцать лѣтъ—это вѣдь «осьмушка столѣтія», какъ онъ выражался. Въ отодвиганіи окончательной развязки крѣпостного права была слабая сторона его проекта, подвергавшаяся критикѣ со стороны приверженцевъ обязательнаго выкупа, доказывавшихъ, что эта операція никакихъ особыхъ затрудненій въ финансовомъ отношеніи не представитъ [1]). И самъ онъ, впрочемъ, разсматривалъ переходный срочно-обязанный періодъ, какъ зло, которое считалъ необходимымъ сократить, какъ возможно; но онъ заявлялъ, что онъ плохой финансистъ, и признавался, что финансовая сторона вопроса ему наименѣе дается.

Итакъ, Ростовцевъ допускалъ освобожденіе крестьянъ только съ землею и при этомъ стоялъ за сохраненіе этой земли въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ крестьяне ею уже пользовались, и за пріобрѣтеніе ея крестьянами въ собственность посредствомъ добровольнаго выкупа по соглашенію съ помѣщиками. Эти свои взгляды онъ и стремился провести въ томъ учрежденіи, въ которомъ съ начала 1859 г. сосредоточилась, какъ въ фокусѣ, вся работа надъ крестьянскимъ вопросомъ—въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Когда открывались губернскіе комитеты и составлялась программа ихъ дѣятельности, предполагалось для каждой губерніи составить особое положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости; но затѣмъ это крайне непрактичное предположеніе смѣнилось мыслью о единомъ общемъ положеніи для всей Россіи, только съ варіаціями для отдѣльныхъ мѣстностей. Предварительной работой для составленія общаго положенія долженъ былъ служить сводъ проектовъ губернскихъ комитетовъ. Такъ какъ было очевидно, что этихъ громадныхъ работъ совершенно не въ силахъ будетъ исполнить существовавшая при Главномъ комитетѣ для предварительнаго разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ комиссія изъ четырехъ лицъ: Ланского, Панина, Муравьева и Ростовцева, то явилась мысль о новомъ болѣе обширномъ учрежденіи, которое и должно будетъ исполнить два дѣла: во-первыхъ, составить систематическій сводъ проектовъ губернскихъ комитетовъ и, во-вторыхъ, выработать проектъ общихъ и мѣстныхъ положеній о крестьянахъ. Новое учрежденіе должно было состоять не только изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, но и изъ членовъ-экспертовъ, опытныхъ и знающихъ крестьянское дѣло помѣщиковъ, знакомыхъ съ нимъ практически. Оно получило потомъ названіе редакціонныхъ комиссій.

---

[1]) „Русск. Арх.“ 1876, I, 284. Письмо А. С. Хомякова.

Можно ли считать Ростовцева ихъ инициаторомъ? Уже въ письмахъ изъ-за границы онъ проводитъ мысль о необходимости вызвать въ комиссію четырехъ при Главномъ комитетѣ опытныхъ сельскихъ хозяевъ, знающихъ сельскій быть различныхъ полосъ Россіи [1]). Позже, въ началѣ 1859 г., онъ представилъ государю записку, въ которой развивалъ эту мысль и предлагалъ образовать комиссію съ участіемъ экспертовъ для выработки положеній. Одновременно съ запиской Ростовцева была представлена и другая записка—отъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, проводившая тотъ же взглядъ. Можно думать, что Ростовцевъ зналъ о запискѣ земскаго отдѣла, можно предполагать здѣсь совпаденіе. Самая мысль о какомъ-либо учрежденіи въ родѣ редакціонныхъ комиссій была тогда уже въ оборотѣ идей. Ея настоящаго инициатора можно, кажется, видѣть въ К. Д. Кавелинѣ, который въ своей статьѣ «Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ», относящейся еще къ 1857 году, указывалъ, что крестьянскій вопросъ не разрѣшается между прочимъ и потому, что разрѣшеніе его поручается лицамъ высшаго государственнаго управленія, которыя всю жизнь провели въ Петербургѣ на службѣ и чужды сельскому и крестьянскому быту. Кавелинъ настаивалъ на необходимости пригласить для разрѣшенія вопроса людей, понимающихъ дѣло и искренно и добросовѣстно желающихъ его успѣха. Комиссія изъ такихъ людей должна, по проекту Кавелина, подраздѣлиться на пять отдѣленій: юридическое, административное, экономическое, финансовое и сельскохозяйственное, при чемъ въ статьѣ назывались и лица, которыя были бы полезны въ такой комиссіи и изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ, какъ Н. Милютина, Заблоцкаго-Десятовскаго, Арапетова, Рейтерна, Ламанскаго, Тарновскаго, Галагана, Ю. Самарина и Я. Соловьева, мы и видимъ потомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и въ качествѣ представителей вѣдомствъ, и въ качествѣ членовъ-экспертовъ. Статья Кавелина въ рукописи ходила тогда по рукамъ. Но если родоначальникомъ идеи редакціонныхъ комиссій слѣдуетъ считать Кавелина, то все же заслуга Ростовцева состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ понять всю ея важность для рѣшенія крестьянскаго вопроса, крѣпко за нее ухватиться и убѣдить государя въ необходимости ея осуществленія, и можетъ быть, безъ поддержки Ростовцева, редакціонныя комиссіи и не появились бы въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ дѣйствовали, и не получили бы того значенія, какое онѣ благодаря его сочувствію имѣли. По компетентному отзыву Я. А. Соловьева, все же неохотно соглашающагося

[1]) Матер. ред. ком. I, Извлеченія изъ писемъ, стр. 2.

уступить запискѣ Ростовцева въ чемъ-либо первенство передъ запискою земскаго отдѣла, въ составленіи которой онъ несомнѣнно принималъ участіе, проектъ Ростовцева выгодно отличался отъ проекта земскаго отдѣла. «Такъ какъ мнѣ неизвѣстно время,— пишетъ онъ,—когда нашъ планъ дошелъ до Якова Ивановича, то я не могу утверждать, что онъ заимствовалъ нашу мысль объ образованіи особыхъ комиссій. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ онъ сошелся съ нами въ мысляхъ и узналъ о нашемъ планѣ послѣ составленія своей записки. Какъ бы то ни было, сходство его и нашихъ предположеній весьма большое... Но въ чемъ состояло значительное преимущество предположеній Якова Ивановича передъ нашими—это въ томъ, чтобы къ двумъ комиссіямъ, объ учрежденіи которыхъ мы сходились въ мысли (одной для составленія общаго положенія, другой для составленія мѣстныхъ положеній), онъ присоединялъ третью, финансовую, говорить о которой, несмотря на все наше сочувствіе къ выкупу, мы не считали себя достаточно сильными» [1]). Въ проведеніи мысли о редакціонныхъ комиссіяхъ Соловьевъ видитъ громадную заслугу Ростовцева. «Заимствовалъ ли Ростовцевъ у насъ,— пишетъ онъ,—или нѣтъ планъ разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ, зналъ ли предварительно о своемъ предсѣдательствѣ въ редакціонныхъ комиссіяхъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ громадная заслуга Якова Ивановича передъ государемъ, современниками и потомствомъ несомнѣнна. Онъ понялъ, въ чемъ состояла тогда потребность крестьянскаго дѣла, и сумѣлъ осуществить то, безъ чего разрѣшеніе крестьянскаго вопроса далѣе идти не могло».

Что государь, учреждая комиссіи, руководился именно совѣтами Ростовцева, видно изъ назначенія его ихъ предсѣдателемъ. Назначеніе это было, разумѣется, условлено между Александромъ II и Ростовцевымъ и только передъ противниками выкупа прикрыто деликатной резолюціей государя на докладѣ объ учрежденіи комиссій: «исполнить, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ редакціонныхъ комиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцеву, если онъ согласится принять эту обязанность на себя». Ростовцевъ, разумѣется, принялъ назначеніе, котораго онъ страстно желалъ, «со страхомъ предъ Россіей и предъ потомствомъ, съ чувствомъ долга передъ совѣстью», какъ онъ выразился въ письмѣ къ князю Орлову, увѣдомлявшему его о высочайшей волѣ. Назначеніе Ростовцева предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій ставило его на самое видное и отвѣтственное мѣсто въ реформѣ, дѣлало его центромъ

[1]) „Русск. Стар." 1883, мартъ, 607—8.

всего движенія. И онъ дѣйствительно исполнилъ долгъ, о которомъ такъ торжественно говорилъ.

Ростовцеву были предоставлены широкія полномочія относительно личнаго состава и организаціи работъ комиссій. Члены-эксперты комиссій назначались по его представленію. Имъ же сообразно съ выяснившимся практикою удобствомъ было измѣнено и самое устройство комиссій. Первоначально и по проекту земскаго отдѣла, и по проекту самого Ростовцева предполагались двѣ особыя комиссіи для выработки положеній: одна для составленія общаго положенія изъ представителей вѣдомствъ, другая для мѣстныхъ положеній изъ членовъ-экспертовъ. Этотъ распорядокъ былъ перекроенъ Ростовцевымъ. Обѣ комиссіи были слиты въ одно общее присутствіе, которое для подготовительныхъ работъ распадалось на три отдѣленія: юридическое, административное и хозяйственное. Доклады отдѣленій вносились въ общее присутствіе, и такимъ образомъ члены-эксперты получили участіе въ обсужденіи не только частныхъ положеній, но и общемъ. Это единое учрежденіе, слившись изъ первоначально предполагавшихся двухъ комиссій, продолжало называться во множественномъ числѣ—редакціонными комиссіями. Къ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ примкнула и та особая финансовая комиссія, которую, какъ мы видѣли, проектировалъ Ростовцевъ для спеціальной разработки вопросовъ, касавшихся выкупа.

Значеніе редакціонныхъ комиссій въ ходѣ крестьянской реформы заключалось въ ихъ общественномъ составѣ и въ томъ положеніи, какое онѣ заняли. Ихъ учрежденіе было вторымъ шагомъ правительства къ обществу, если считать первымъ созданіе губернскихъ комитетовъ, и притомъ шагомъ еще болѣе смѣлымъ, потому что онъ знаменовалъ собою разрывъ съ традиціонной рутиной бюрократическихъ комитетовъ изъ высшихъ сановниковъ, обремененныхъ разнообразными занятіями, враждебныхъ или равнодушныхъ къ новому дѣлу. Съ открытіемъ комиссій, съ пріѣздомъ въ Петербургъ членовъ-экспертовъ точно струя свѣжаго весенняго воздуха ворвалась въ душную бюрократическую атмосферу, въ которой разрабатывался крестьянскій вопросъ. Къ дѣлу были призваны знающія его и въ большинствѣ сочувствующія ему лица. Эти два свойства и были основаніями для назначенія въ составъ комиссій. На іерархическія различія, ранги и чины не обращалось вниманія, и редакціонныя комиссіи были въ то время единственнымъ въ Россіи, въ Россіи, только что пережившей николаевскій режимъ, страннымъ, невиданнымъ учрежденіемъ, гдѣ «отставной прапорщикъ и коллежскій секретарь сидѣли рядомъ съ сановниками высшаго ранга, управляв-

шими важными частями администраціи» [1]). Знающіе и преданные дѣлу спеціалисты, собранные въ комиссіяхъ, исполнили работу, которая была совершенно не подъ силу высокопоставленнымъ дилетантамъ Главнаго комитета. Съ учрежденіемъ комиссій Главный комитетъ, вялый и безсильный, дѣятельность котораго и ранѣе по существу была лишена всякаго содержанія, такъ какъ реформа все время шла мимо него, остался лишь пустой торжественной декораціей. Прикрываемыя авторитетомъ Ростовцева, пользовавшагося въ 1859 г. неограниченнымъ довѣріемъ государя, комиссіи сосредоточили въ своихъ рукахъ все вліяніе въ направленіи реформы: Ростовцевъ по дѣламъ комиссій докладывалъ непосредственно государю, минуя и игнорируя Главный комитетъ. Займи его мѣсто и стань во главѣ комиссій С. М. Жуковскій, какъ это предполагалось въ проектѣ земскаго отдѣла, комиссіи никогда не имѣли бы такого значенія.

Успѣху работъ комиссій способствовала также та полная свобода, которая предоставлена была ихъ занятіямъ, отсутствіе какихъ бы то ни было предустановленныхъ программъ, которыя бы стѣсняли ихъ дѣятельность, подобно тому какъ была стѣснена такими программами работа губернскихъ комитетовъ. Дѣятельность комиссій развивалась свободно. Вопросы поднимались самымъ ходомъ дѣла, ставились дѣйствительною жизнью, а не были результатами отвлеченныхъ кабинетныхъ измышленій; они разрѣшались дружнымъ большинствомъ. Нося скромное названіе только «редакціонныхъ», комиссіи вовсе не редактировали рѣшеніе крестьянскаго вопроса, а рѣшали его по существу. Одно начало было, впрочемъ, предустановлено, и отъ него не допускалось никакихъ отступленій: освобожденіе съ землею. Этотъ основной принципъ былъ убѣжденіемъ настолько значительнаго большинства въ комиссіяхъ, что два ихъ члена, кн. Паскевичъ и гр. Шуваловъ, державшіеся иныхъ взглядовъ, сочли за лучшее просить объ увольненіи изъ комиссій, находя свое присутствіе въ ихъ составѣ при такомъ разногласіи безполезнымъ.

Ростовцевъ открылъ комиссіи 4 марта 1859 г. скромнымъ заявленіемъ о малой подготовкѣ къ дѣлу, о необходимости, проводя реформу, учиться. «Мы всѣ люди новые въ этомъ дѣлѣ,—говорилъ онъ.—Это такой громадный переворотъ, котораго никто не предвидѣлъ, и готовиться было некогда; мы должны въ продолженіе нашихъ занятій всѣ учиться; намъ нужны всѣ свѣдѣнія, мы пойдемъ постепенно, а не вдругъ». И дѣйствительно, предсѣдательствуя въ

---

1) *Еленевъ*, Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, „Русск. Арх." 1886. II, 394.

комиссіяхъ, онъ никогда не выдавалъ себя за знатока дѣла; наоборотъ, всегда обнаруживалъ склонность узнавать, разспрашивать и учиться у свѣдущихъ людей, развивался и пріобрѣталъ знанія по мѣрѣ того, какъ двигалось дѣло. Онъ принялъ широкія мѣры для того, чтобы комиссіи всестороннимъ образомъ были освѣдомлены въ крестьянскомъ вопросѣ. При комиссіяхъ была собрана огромная библіотека по вопросу на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Ростовцевъ проектировалъ даже составленіе свода въ краткихъ извлеченіяхъ изъ всего того, что было написано въ литературѣ по освобожденію крестьянъ, «чтобы никто не могъ насъ упрекнуть,— говорилъ онъ,—что мы чѣмъ-нибудь не воспользовались». Въ засѣданіи комиссіи 16 марта онъ сообщилъ, что изъ III отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи будетъ присылаться экземпляръ «Колокола», «для того, чтобы мы знали, что объ насъ будутъ писать за границей».—«Я буду васъ просить,—обратился онъ къ членамъ,— чтобы вы и изъ «Колокола» заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезно и примѣнимо къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта положеній». Когда у одного изъ членовъ при этомъ вырвалось восклицаніе: «Какъ, неужели заимствовать у Герцена?», онъ отвѣчалъ: «Что намъ за дѣло до личностей! Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться». Со вступленіемъ Н. А. Милютина въ редакціонныя комиссіи, читаемъ мы въ воспоминаніяхъ М. А. Милютиной, «Ланской и Ростовцевъ становились его учениками, охотно воспринимающими его мысли и при должной подготовкѣ умѣющими защищать и то, и другое въ глазахъ государя. Для этого однако надо было неусыпно заниматься ихъ политическимъ воспитаніемъ, развивать ихъ понятія. Съ Ростовцевымъ это дѣло было нелегкое. Можетъ быть, онъ имѣлъ и болѣе природнаго ума, нежели Ланской, но по образованію былъ несравненно его ниже. Ему пришлось усваивать себѣ совершенно новыя понятія, учиться законодательному строю государства, знакомиться съ финансовыми его отправленіями,—словомъ, пройти цѣлый курсъ права и политической экономіи. Объ успѣхахъ его можно судить по сравненію первой и второй половинъ его дѣятельности» [1]).

И мало того, что Ростовцевъ въ комиссіяхъ обнаруживалъ готовность *учиться;* ему пришлось также себя *перевоспитывать.* Несмотря на новизну въ организаціи комиссій, въ нихъ все же сохранились кое-какія бюрократическія черты. Комиссіи были *присутствіемъ,* а Ростовцевъ былъ ихъ *начальникъ* по офиціальной

---

¹) „Русск. Стар.“ 1899, мартъ, 576.

терминологіи. Только постепенно онъ переходилъ къ роли предсѣдателя въ смыслѣ руководителя, перваго между равными и не безъ труда отвыкалъ отъ начальническихъ привычекъ, вынесенныхъ изъ продолжительной военной, да еще николаевской военной службы, и на первыхъ порахъ комиссій начальническія выходки съ его стороны были довольно нерѣдки.

Поведеніе и выраженія Ростовцева въ началѣ дѣятельности комиссій какъ будто показываютъ, и это, вѣроятно, такъ и было на самомъ дѣлѣ, что онъ считалъ редакціонныя комиссіи «состоящими при немъ». Въ письмѣ къ кн. Паскевичу и гр. Шувалову, просившимъ уволить ихъ изъ комиссій, Ростовцевъ выражаетъ сожалѣніе, что *ему* приходится лишиться такихъ почтенныхъ *сотрудниковъ* и, представляя ихъ просьбу государю, онъ выдаетъ аттестацію этимъ членамъ, какъ начальникъ подчиненнымъ, свидѣтельствуя передъ государемъ о личныхъ ихъ достоинствахъ, преданности монарху и рвеніи къ дѣлу улучшенія быта русскаго народа. Постоянно онъ обращается къ комиссіямъ съ своими «предложеніями», въ которыхъ не всегда обнаруживаетъ пониманіе дѣла и которыя неохотно выслушивались, такъ какъ казались предрѣшеніемъ вопросовъ, разрабатывавшихся въ комиссіяхъ, и приходилось рѣшать вопросъ вопреки его предложенію [1]). Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій онъ выражаетъ неудовольствіе, что въ докладѣ административнаго отдѣленія были упущены изъ вида *его мысли*, что нигдѣ не приведено справокъ изъ его записокъ. «Я предлагаю,—говорилъ онъ въ засѣданіи 22 апрѣля,—обдумать въ отдѣленіяхъ способъ, который былъ бы самый удобный для того, чтобы *мои мысли* были приведены въ докладахъ и чтобы *эти мысли* лежали въ основаніи трудовъ отдѣленій». Въ подкрѣпленіе этого рода требованіямъ онъ заявляетъ, что ему извѣстна воля государя, что такова переданная ему воля государя, и ссылается на свои конфиденціальныя бесѣды съ нимъ [2]). Возраженія со стороны членовъ раздражаютъ Ростовцева; онъ нетерпѣливо ихъ слушаетъ, не сдерживается, говоритъ рѣзкости. Въ томъ же засѣданіи 22 апрѣля возраженіе гр. Шувалова по вопросу о срочно-обязанномъ періодѣ вовлекло Ростовцева въ споръ. «Онъ объявилъ рѣшительно,—пишетъ въ своей хроникѣ лѣтописецъ комиссій Н. П. Семеновъ,—что срочно-обязанное положеніе можетъ прекратиться только выкупомъ или выходомъ крестьянъ въ другія сословія, и прибавилъ: это воля государя, переданная мнѣ. Такъ какъ это не устранило возраженій по поводу смысла высочайшихъ повелѣній, преподанныхъ въ руководство, то Ростовцевъ,

---

1) *Семеновъ*, Освоб. крест., I, 57. 2) Ibid., I, 137, 135, 191.

старался привести всѣ доводы въ доказательство необходимости такого именно разрѣшенія вопроса, на которое онъ указывалъ, горячился и наконецъ съ нетерпѣніемъ сказалъ: мы такъ проспоримъ до утра! и въ раздраженіи замѣтилъ по адресу своего противника: il ne veut rien comprendre! (онъ не хочетъ ничего понять), сказавъ, впрочемъ, эти слова вполголоса» [1]). Однако такія начальственныя манеры вызывали отпоръ въ комиссіяхъ со стороны членовъ-экспертовъ, менѣе проникнутыхъ духомъ іерархическихъ отношеній. Въ засѣданіи 6 мая Н. А. Милютинъ спросилъ Ростовцева, къ какому сроку прикажетъ онъ обсудить одно изъ своихъ предложеній. Ростовцевъ назначилъ срокомъ слѣдующее засѣданіе общаго присутствія. Кн. Паскевичъ выразилъ желаніе прочесть это предложеніе у себя дома на досугѣ. Милютинъ далъ мысль разослать его членамъ въ корректурныхъ листахъ, чтобы время не было потеряно. Ростовцевъ пояснилъ: «я не желалъ бы, чтобъ оно читалось порознь, а всѣми вмѣстѣ; тутъ нуженъ обмѣнъ мнѣній, и въ такомъ случаѣ односторонніе взгляды отпадаютъ». Тогда раздался голосъ А. Н. Татаринова: «если намъ будутъ приказывать и мнѣнія несвободны, то тогда и разговаривать не о чемъ!». Это былъ, впрочемъ, уже второй голосъ такого свойства въ засѣданіи 6 мая, такъ какъ еще ранѣе гр. Шуваловъ, споря съ Ростовцевымъ, протестовалъ противъ начальственнаго предрѣшенія вопросовъ, воскликнувъ: «если заранѣе уже все рѣшено и нельзя никому изъ членовъ не согласиться съ мнѣніемъ предсѣдателя, то ему остается только выйти изъ комиссій, что противъ убѣжденія и совѣсти онъ поступать не можетъ» [2]). Но съ теченіемъ времени такіе пріемы прекращались, и Ростовцевъ терпимѣе относился къ чужимъ мнѣніямъ и терпѣливѣе къ возраженіямъ. Зная свою вспыльчивость, которая вела его къ несдержаннымъ выходкамъ, онъ вступалъ съ этимъ качествомъ своего характера въ борьбу и для поддержки обращался къ чужой помощи, добродушно, но серьезно говоря П. П. Семенову, завѣдывавшему дѣлами комиссій, сидѣвшему въ присутствіи подлѣ него: «когда вы увидите, что я выхожу изъ себя, придержите меня за фалдочку». Отношеніе его къ комиссіямъ измѣнялось по мѣрѣ работы и, сообщая комиссіямъ огромное вліяніе своею близостью къ государю, охраняя ихъ своимъ значеніемъ отъ нападокъ извнѣ, Ростовцевъ все менѣе стѣснялъ свободу ихъ внутренней дѣятельности, старался покрывать, а не подавлять комиссіи своимъ авторитетомъ.

Всѣ эти проявленія начальническаго тона надо разсматривать

---

[1]) *Семеновъ*, Освоб. крест., I, 135. [2]) Ibid., I, 152.

какъ безсознательно проступавшія черты давнихъ служебныхъ традицій, пріобрѣтенныя на военной службѣ. Сознательно Ростовцевъ съ первыхъ же дней существованія комиссій старался придать имъ свободный, чуждый всякаго бюрократическаго формализма характеръ. Первоначально онъ склоненъ былъ даже разсматривать комиссіи не какъ офиціальное учрежденіе, а какъ домашнюю, келейную организацію, и только случай въ почтамтѣ, когда почтовый чиновникъ отказался принять корреспонденцію комиссій, какъ казенную, безъ оплаты марками, ссылаясь на то, что въ спискѣ казенныхъ учрежденій никакихъ редакціонныхъ комиссій не значится, заставилъ Ростовцева испросить высочайшій указъ правительствующему сенату объ открытіи комиссій, сообщившій имъ офиціальный характеръ государственнаго учрежденія. Члены комиссій собирались въ тѣ времена господства вицмундировъ и обязательнаго для чиновничества бритья усовъ и бородъ безъ форменной одежды, въ домашнемъ платьѣ, курили во время засѣданій. Предсѣдатель, радушный человѣкъ въ частной жизни, встрѣчалъ прибывающихъ въ засѣданіе членовъ, какъ гостепріимный хозяинъ, и прежде всего заботился, когда собранія происходили днемъ, накормить всѣхъ завтракомъ, для чего по сосѣдству съ залой засѣданій былъ устроенъ буфетъ. Самыя пренія велись непринужденно, безъ офиціальной натянутости, переходя нерѣдко въ оживленный разговоръ.

Когда Ростовцевъ помышлялъ о келейной работѣ комиссій, онъ представлялъ ее себѣ негласной и говорилъ, что она должна идти безъ шума, что онъ не смѣетъ выставлять ее на публичное зрѣлище, что дѣло должно вестись въ комиссіяхъ, какъ въ семьѣ. П. П. Семеновъ убѣдилъ его въ невозможности такого предположенія и вообще неравнодушный къ общественному мнѣнію Ростовцевъ придалъ работамъ комиссій всю возможную по тѣмъ временамъ гласность. Въ противоположность прежнимъ секретнымъ комитетамъ и даже Главному комитету, комиссіи дѣйствовали на виду у общества. Журналы ихъ засѣданій печатались въ 3000 экземплярахъ и разсылались не только чинамъ высшей центральной и мѣстной администраціи, но и по нѣскольку экземпляровъ губернскимъ предводителямъ дворянства для раздачи помѣщикамъ. Ростовцевъ приводилъ мотивы въ пользу широкой гласности. Во-первыхъ, онъ считалъ ее необходимой, какъ средство освѣдомленія общества, которое въ ожиданіи великой реформы благодаря именно ей сохраняетъ спокойствіе, потому что, какъ говорилъ онъ, тамъ, гдѣ дѣло ведется открыто, нѣтъ мѣста ни превратнымъ слухамъ, ни ложнымъ опасеніямъ, ни нелѣпымъ толкованіямъ. Успокоить всѣхъ и каждаго можно только посредствомъ полной откровенности. Во-вторыхъ,

гласность важна и для самихъ комиссій, какъ средство предохраненія ихъ работъ отъ ошибокъ. «Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ трудъ комиссій,—писалъ онъ,—какъ бы ни было велико стремленіе ихъ быть безпристрастными и неодносторонними, онѣ при всей опытности своихъ членовъ врядъ ли избѣгнутъ такихъ ошибокъ, которыя въ примѣненіи къ дѣйствительной мѣстной жизни могутъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ дѣла. А потому и здѣсь необходимо предаться общему суду, призвать на помощь общее участіе, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнитъ недостающіе факты и исправитъ во-время каждую ошибку комиссій»—золотыя слова, свидѣтельствующія объ отсутствіи у Ростовцева того бюрократическаго самомнѣнія, которое такъ любитъ обволакиваться канцелярскою тайной. Придавая дѣятельности комиссій гласность, онъ не только освѣдомлялъ общество объ ихъ работѣ, но и обращался къ общественному мнѣнію за указаніями, полезными для комиссій. Онъ высказывался даже за печатаніе происходившихъ въ комиссіяхъ преній въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но это его предложеніе не осуществилось. Не осуществилось и другое его предложеніе о вызовѣ въ комиссіи нѣсколькихъ мелкихъ помѣщиковъ, управляющихъ имѣніями и сельскихъ старостъ для прочтенія имъ текста положеній съ цѣлью придать этому тексту наибольшую ясность и общедоступность.

Работы комиссій Ростовцевъ велъ по-военному, быстрымъ темпомъ, не допуская замедленій, развивая необычайную энергію. Въ дѣловую атмосферу засѣданія онъ умѣлъ внести бодрое настроеніе, веселой, нерѣдко, впрочемъ, грубоватой и неуклюжей шуткой или искреннимъ словомъ поощренія поддерживая падающій духъ кого-либо изъ работниковъ, просиживавшихъ безсонныя ночи за докладами, переутомлявшихся и разстраивавшихъ себѣ нервную систему. 15 іюля въ общемъ присутствіи разсматривался докладъ кн. Черкасскаго по хозяйственному отдѣленію, который вызвалъ возраженія и не былъ одобренъ. Когда Милютинъ предложилъ вновь его передѣлать, Черкасскій воскликнулъ: «Нѣтъ! По вашему же настоянію я четыре раза передѣлывалъ этотъ докладъ, и каждыя четыре страницы обращались для меня въ двѣнадцать. Я работалъ четыре вечера, и мнѣ это очень чувствительно; въ такомъ случаѣ я отступлюсь совершенно».—«Какъ вы работаете, съ вашими способностями ничего вамъ не стоитъ посидѣть еще одинъ вечеръ», замѣтилъ ему, усмѣхнувшись, Ростовцевъ—и эти слова видимо успокоили начинавшаго приходить въ отчаяніе князя. Ростовцевъ двигалъ работу комиссій тѣмъ одушевленіемъ, которое онъ въ нее

вносилъ, заражая имъ другихъ членовъ, и она шла лихорадочно, можно сказать, кипѣла и въ отдѣленіяхъ и въ общемъ присутствіи.

Однако такая работа была непомѣрной для его организма; она надломила его силы. Здоровье его расшатывали также тѣ нравственные удары, какіе онъ долженъ былъ въ то время молчаливо выносить. Его энергично травила такъ называемая дворянская партія, стоявшая за безземельное освобожденіе. Съ другой стороны, его также усердно преслѣдовалъ Герценъ, проглядѣвшій издали перемѣну въ отношеніи Ростовцева къ крестьянскому дѣлу и все еще продолжавшій считать его союзникомъ Орлова и Панина. Немало горя доставило ему недовольство губернскихъ депутатовъ перваго приглашенія, мечтавшихъ о чемъ-то въ родѣ представительнаго собранія, на обсужденіе котораго отдадутъ проектъ положеній и принужденныхъ поодиночкѣ давать показанія въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Наконецъ, разрывъ многолѣтней дружбы съ однимъ изъ членовъ комиссій, Позеномъ, который, окончательно разошедшись съ Ростовцевымъ, подалъ просьбу объ увольненіи изъ комиссій,— все это потрясло его переутомленный, ослабленный и лишенный силы сопротивленія организмъ. Въ октябрѣ 1859 г. онъ простудился и слегъ въ постель. Перемогая себя, онъ еще нѣсколько разъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ комиссій; не будучи въ состояніи отправляться въ комиссіи, онъ открывалъ, когда нужно было обсудить важнѣйшіе вопросы и уладить возникшія недоразумѣнія, засѣданія на короткое время у себя на квартирѣ,—помѣщавшейся въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса, въ залѣ котораго было отведено помѣщеніе для комиссій. Съ начала декабря онъ уже не былъ въ силахъ принимать непосредственнаго участія въ засѣданіяхъ; болѣзнь приняла очень опасный оборотъ. У него образовался карбункулъ. «При лѣченіи карбункула,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ докторъ Ильинскій—лучшее пособіе—своевременный разрѣзъ для предупрежденія гнойнаго зараженія. Ростовцевъ принадлежалъ къ здоровымъ натурамъ и, конечно, перенесъ бы болѣзнь, если бы ему былъ сдѣланъ своевременный разрѣзъ карбункула. Къ несчастью, этого не было сдѣлано. Его лѣчилъ гомеопатъ, а гомеопаты—враги операцій, надѣющіеся на свои крупинки. Удобный моментъ для операціи былъ пропущенъ, и въ результатѣ—гнойное зараженіе и смерть» [1]). Но и прикованный къ постели, Ростовцевъ горячо интересовался ходомъ дѣла въ комиссіяхъ. Въ эти послѣдніе свои дни онъ всецѣло былъ погруженъ въ заботу о составленіи записки, которая должна была представлять собою резюме всего

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1894, іюль, 28.

сдѣланнаго по крестьянскому вопросу. Программу записки онъ продиктовалъ своему секретарю, поручивъ ему сдѣлать и первоначальную ея редакцію; дальнѣйшую обработку записки взяли на себя по его просьбѣ П. П. Семеновъ и кн. Черкасскій. Эта записка была какъ бы предсмертнымъ отчетомъ Ростовцева. Онъ слушалъ ея чтеніе въ тѣ промежутки, когда владѣлъ сознаніемъ, и едва внятнымъ голосомъ дѣлалъ въ ней дополненія и поправки. Онъ уже былъ настолько слабъ, что не могъ подписать записки, и велѣлъ положить ее на стулѣ у своей постели, говоря, что надо приготовиться къ бесѣдѣ о ней съ государемъ. Какъ часовой, поставленный у крестьянскаго дѣла, онъ, умирая на посту, хотѣлъ вручить ее, какъ свое оружіе, государю. Александръ II неоднократно его навѣщалъ. 3 февраля 1860 г. онъ засталъ его уже въ бреду. 5 февраля сознаніе его просвѣтлѣло и онъ при посѣщеніи Александра Николаевича заговорилъ о запискѣ, но государь самъ отклонилъ разговоръ, чтобы не тревожить больного. Къ вечеру этого дня Ростовцевъ навсегда потерялъ сознаніе, а 6 февраля въ 6 ч. 47 м. утра онъ скончался въ присутствіи государя, безотлучно находившагося у его постели съ 4 часовъ утра. Офиціальная, предназначенная ему награда, явилась для него уже запоздалой. За его заслуги въ крестьянской реформѣ въ графское достоинство были возведены его жена и дѣти. Но лучшей ему наградой служитъ справедливое и благодарное воспоминаніе о немъ, какъ объ одномъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ въ Россіи.

Что же сдѣлалъ Ростовцевъ для освобожденія крестьянъ? Что исторія можетъ отнести на его долю въ этой великой реформѣ?

Ростовцевъ не былъ реформаторомъ-творцомъ. Онъ не вносилъ въ преобразованіе своей оригинальной идеи. Не въ творческой мысли его значеніе, какъ участника реформы, а въ воодушевленіи человѣка, горячо убѣдившагося въ правотѣ того дѣла, которому онъ отдался. Воодушевленіе и твердость, съ какими вступилъ Ростовцевъ въ крестьянское дѣло, много способствовали побѣдѣ тѣхъ началъ, которыя онъ отстаивалъ.

Прежде всего ему немало обязана своимъ торжествомъ идея освобожденія крестьянъ съ землею. Она не ему принадлежитъ, но онъ крѣпко за нее ухватился и сдѣлался ея стойкимъ, непоколебимымъ защитникомъ. «Онъ понялъ,—говоритъ о немъ Я. Соловьевъ,—что освобожденіе крестьянъ безъ земли могло обратиться на пагубу народа и государства, и въ то время дошелъ уже до убѣжденія въ возможности выкупа». Это былъ его вкладъ въ самое существо рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Онъ понялъ также всю непригодность прежнихъ бюрократиче-

скихъ способовъ рѣшенія этого вопроса. Свѣжій, чуждый бюрократизма, свободный отъ предвзятыхъ взглядовъ человѣкъ, онъ убѣдился въ необходимости иного способа и создалъ редакціонныя комиссіи, открывъ въ нихъ доступъ накопившейся въ обществѣ мысли и знанію. Въ работу комиссій онъ вложилъ всю душу, самъ проявивъ трогательное стремленіе учиться и изучать вопросъ въ корнѣ, и сообщилъ этой работѣ такую широту размаха и быстроту движенія, что и послѣ его смерти дѣятельность комиссій шла тѣмъ же ходомъ, по инерціи, несмотря на отсутствіе у его преемника не только какого-либо воодушевленія, но даже и сочувствія къ дѣлу.

Главная же сила Ростовцева и значеніе его въ реформѣ заключаются въ томъ вліяніи, которое онъ оказывалъ на объятаго благими намѣреніями, но постоянно поддающагося опасеніямъ и потому колеблющагося Александра II. Это вліяніе было двояко. Во-первыхъ, Ростовцевъ въ своихъ запискахъ государю, которыя онъ писалъ простымъ образнымъ языкомъ, и въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ въ удобопонятной сжатой и ясной формѣ, чуждой бюрократическаго двусмыслія и ученыхъ тонкостей, излагалъ ему существо вопроса и убѣждалъ его въ тѣхъ идеяхъ, которыя самъ воспринялъ. Онъ былъ такимъ образомъ посредникомъ между государемъ и лучшими сторонниками освобожденія; государь узнавалъ взгляды лучшаго русскаго общества черезъ него. Во-вторыхъ, онъ, какъ старый и вѣрный слуга, на котораго можно было положиться, поддерживалъ волю государя и твердость въ убѣжденіяхъ. На Александра II, благодаря несочувствію окружающихъ, находили минуты раздумья, разочарованій и колебаній, граничившихъ съ отчаяніемъ. «Я даже отъ самыхъ близкихъ мнѣ людей,—жаловался онъ Ростовцеву,—постоянно слышу одни только упреки и сѣтованія за то, что началъ это дѣло». Дѣйствительно, сторонниковъ реформы въ обществѣ было не мало, но они были разъединены отъ царя придворнымъ или бюрократическимъ средостѣніемъ. Въ своемъ кругу государь не встрѣчалъ ихъ. Изъ ближайшихъ къ государю людей, если не считать великаго князя Константина и великой княгини Елены Павловны, Ростовцевъ былъ единственнымъ приверженцемъ освобожденія; въ немъ государь и находилъ себѣ твердую опору. Оптимизмъ Ростовцева дѣйствовалъ на него, какъ свѣтлый солнечный лучъ, пронизывавшій и разгонявшій унылыя тучи, согрѣвавшій его среди враждебнаго холода окружающихъ. Онъ былъ человѣкомъ, умѣвшимъ «истину царямъ съ улыбкой говорить», а его смѣлость ободряла Александра II; не даромъ произнесенныя уже въ предсмертномъ бреду, послѣднія слова Ростовцева были:

«Государь! не бойтесь!» Значеніе Якова Ивановича Ростовцева въ крестьянскомъ дѣлѣ,—пишетъ Я. Соловьевъ,—громадное. Безъ его преобладающаго участія въ разрѣшеніи этого вопроса Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось начатое преобразованіе. Никто изъ окружающихъ государя людей не желалъ освобожденія крестьянъ такъ искренно и такъ полно, какъ Яковъ Ивановичъ; никто, можетъ быть, не былъ преданъ государю, какъ онъ. Государь никому не довѣрился бы въ крестьянскомъ дѣлѣ, насколько онъ вѣрилъ Ростовцеву» [1]).

М. Богословскій.

---

[1]) „Русск. Стар." 1883, февраль, 276.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ занимаетъ своеобразное мѣсто среди дѣятелей реформы 1861 г. *Офиціально* ему не было предоставлено первенствующаго положенія при разработкѣ реформы ни въ одну изъ ея послѣдовательныхъ стадій. *Фактически* онъ сумѣлъ стать душою и руководителемъ великаго дѣла въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ его подготовки.

Формально Милютина все время держали на второстепенныхъ роляхъ, пока вырабатывалось Положеніе 19 февраля, и даже послѣ того, какъ значеніе его дѣятельностиуже обозначилось такъ глубоко въ редакціонныхъ комиссіяхъ, попытки в. кн. Константина Николаевича ввести Милютина въ составъ членовъ Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу разбились о противодѣйствіе враждебныхъ этому плану сферъ. И однако, вопреки всѣмъ стремленіямъ ограничить и заслонить дѣйствительное вліяніе Милютина на ходъ крестьянской реформы, истинная сила незаурядныхъ государственныхъ дарованій этого человѣка въ соединеніи съ его горячей приверженностью къ дѣлу освобожденія сказывалась сама собой и, прорывая внѣшнія препятствія, становилась очевидной для всѣхъ сколько-нибудь внимательныхъ наблюдателей хода реформы. И вотъ почему стоитъ хотя немного прислушаться къ голосамъ современниковъ, чтобы тотчасъ замѣтить, какъ въ устахъ и сторонниковъ и противниковъ крестьянскаго освобожденія всего чаще мелькало тогда имя Милютина, произносимое одними съ чувствомъ глубокаго уваженія и надежды на успѣшный исходъ предпринятаго преобразованія, другими—съ ненавистью и скрежетомъ зубовнымъ.

Поэтъ-народолюбецъ, желая воспѣть главнаго дѣятеля реформы, именно Милютину посвятилъ одушевленные звуки своей лиры, назвавъ его тѣмъ «кузнецомъ-гражданиномъ», который, «чуть всколыхнулось болото стоячее», не спалъ ни минуты, и «лишь не остыло бъ желѣзо горячее», безъ оглядки началъ выковывать основы народнаго освобожденія. А съ другой стороны, вотъ что сообщалъ Ми-

лютину московскій профессоръ Дмитріевъ въ то время, когда роль Милютина въ редакціонныхъ комиссіяхъ обрисовалась уже во всемъ ея объемѣ: «о васъ я слышу часто, ваше имя во всѣхъ устахъ, съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ» [1]).

Можно ли отрицать, что и въ одушевленной оцѣнкѣ заслугъ Милютина со стороны друзей освобожденія, и въ этихъ взрывахъ злобы по его адресу со стороны закоренѣлыхъ крѣпостниковъ выразилось совершенно одинаковое признаніе той первенствующей роли, которая выпала на долю Милютина въ дѣлѣ реформы 1861 г. И значеніе этого признанія только усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что оно было завоевано Милютинымъ вопреки формальному ограниченію его дѣятельности второстепенными ролями.

Уже изъ сказаннаго ясно, какіе крупные таланты государственнаго дѣятеля отличали этого человѣка. Но интересъ къ его личности и дѣятельности повысится въ еще большей степени, если мы обратимъ вниманіе не только на размѣры его государственныхъ дарованій, но и на тѣ своеобразныя формы, въ которыя имъ суждено было отлиться въ условіяхъ русской общественности середины XIX ст.

Образъ Милютина, какъ государственнаго дѣятеля, не только плѣняетъ яркостью и силой, но и въ высшей степени заинтриговываетъ оригинальностью своихъ очертаній. Этотъ образъ совершенно не укладывается въ тѣ обычныя категоріи, по которымъ мы привыкли распредѣлять отечественныхъ общественныхъ дѣятелей. Милютинъ несетъ на себѣ свой особенный отпечатокъ, спутывающій всѣ наши общепринятыя классификаціи. И съ этой стороны изученіе личности и дѣятельности этого человѣка получаетъ особенный интересъ не только для исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи, но и для исторіи нашей общественности во всей широтѣ этого понятія.

I.

Внѣшнія рамки біографіи Милютина не отличаются сложностью. На первый взглядъ можетъ показаться достаточнымъ нѣсколькихъ минутъ, чтобы разсказать эту жизнь, цѣликомъ прошедшую въ кабинетной работѣ надъ грудами бумагъ и въ многочисленныхъ засѣданіяхъ разныхъ комитетовъ и комиссій. И только глубже вглядѣвшись въ содержаніе дѣятельности Милютина, мы найдемъ въ его біографіи обильный матеріалъ для бесѣдъ и размышленій.

---

[1]) „Русск. Стар.“, 1899, апрѣль, стр. 122.

Я напомню прежде всего внѣшній ходъ служебной дѣятельности Милютина для того, чтобы въ послѣдующей характеристикѣ не быть уже связаннымъ необходимостью придерживаться хронологическаго порядка при группировкѣ матеріала.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ родился 6 іюня 1818 г. Родъ Милютиныхъ ведетъ начало отъ богатой нѣкогда фамиліи, выѣхавшей въ Россію въ концѣ XVII ст. изъ Сербіи. Одинъ изъ предковъ Николая Алексѣевича ѣздилъ по порученію Петра Великаго въ Ліонъ и Италію для изученія шелковыхъ мануфактуръ и по возвращеніи въ Россію основалъ первую у насъ фабрику этого рода. Къ началу XIX ст. матеріальныя средства Милютиныхъ значительно разстроились; но въ то же время новыя родственныя связи вдвинули эту семью въ кругъ избранной столичной знати. Н. А. Милютинъ приходился племянникомъ одному изъ ближайшихъ и наиболѣе выдающихся сотрудниковъ императора Николая I, графу П. Д. Киселеву.

Конечно, не безъ вліянія этихъ родственныхъ связей Милютинъ очень рано началъ свою служебную карьеру. Ему было 16 лѣтъ, когда умерла его мать и съ ея смертью матеріальное положеніе семьи пришло въ полное разстройство. Подъ давленіемъ необходимости Милютинымъ пришлось продать родовое имѣніе въ Тульской губерніи и Николаю Алексѣевичу предстояло испытать послѣ беззаботной юности на родительскихъ хлѣбахъ строгую школу личнаго заработка. Тогда-то онъ и поступилъ на службу въ канцелярію хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Юный чиновникъ не долго оставался въ неизвѣстности. Канцелярская рутина не могла засосать этого человѣка, полнаго предпріимчивости, смѣлаго почина, свѣжихъ идей. Въ то время, когда служебная дѣятельность чиновниковъ ограничивалась почти всецѣло своевременной «очисткой» бумагъ и когда министерскія канцеляріи весьма основательно сравнивались съ огромными бумажными фабриками,— работы Милютина, въ которыхъ свѣтилась независимая, живая мысль, вскорѣ обратили на себя общее вниманіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Строгановъ, пораженный блескомъ изложенія и серьезностью содержанія составленной Милютинымъ записки о послѣдствіяхъ неурожая, пожелалъ лично познакомиться съ ея авторомъ. Получивъ приказаніе явиться въ кабинетъ министра, Милютинъ— такъ онъ самъ вспоминалъ впослѣдствіи въ веселыя минуты—не на шутку испугался и сталъ уже подумывать о возможности внезапнаго путешествія въ восточныя губерніи. Увидѣвъ Милютина, министръ изумился еще болѣе: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы столь зрѣлый и выдающійся трудъ, какъ заинтересовавшая его записка, могъ вылиться изъ-подъ пера такого молодого человѣка. Въ видѣ

испытанія министръ заставилъ Милютина тутъ же, въ своемъ кабинетѣ написать новую записку, посвященную разбору первоначальныхъ предположеній о заведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Испытаніе было выдержано съ честью, и съ этого момента будущность Милютина была рѣшена: передъ нимъ открывалось широкое поле государственной дѣятельности. Онъ сдѣлался незамѣнимымъ человѣкомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и оставался на такомъ счету неизмѣнно, несмотря на послѣдовательную смѣну различныхъ министровъ [1]). Супруга Милютина — Марія Аггеевна — свидѣтельствуетъ въ своихъ мемуарахъ, что преемникъ Строганова Перовскій не произнесъ ни одной рѣчи, не представилъ ни одного объясненія въ государственный совѣтъ, которыя не были бы написаны рукою Милютина. При преемникѣ Перовскаго Бибиковѣ, въ 50-хъ годахъ, Милютинъ уже занималъ въ министерствѣ видное мѣсто директора хозяйственнаго департамента, въ которомъ сосредоточивались важныя дѣла по народному хозяйству всей Россіи. Когда однажды гр. Киселевъ освѣдомился у Бибикова, доволенъ ли онъ его племянникомъ, министръ выразился такъ: «лучше его спросите, доволенъ ли онъ мною; я же могу только сказать, что если бы государь мнѣ велѣлъ уйти изъ министерства и самому назначить себѣ преемника, я безъ всякаго колебанія указалъ бы ему на Милютина».

Извѣстность не даромъ давалась Милютину, первые служебные шаги котораго живо напоминаютъ начало службы другого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля XIX столѣтія—Сперанскаго. На ряду съ блестящими дарованіями Милютинъ проявлялъ и необыкновенную рабочую силу. Въ запискахъ жены Милютина находимъ указаніе на то, какъ онъ работалъ въ это время: онъ ложился спать въ 3, 4 часа утра; вставалъ въ 10 часовъ. Въ теченіе трехъ—четырехъ лѣтъ не покидалъ дома иначе, какъ по службѣ, дѣлая исключеніе лишь для вел. княг. Елены Павловны и для графа Киселева [2]).

Въ теченіе царствованія Николая I Милютину не довелось среди этой усиленной служебной дѣятельности принять участія въ законодательныхъ работахъ по крестьянскому вопросу, хотя въ качествѣ предсѣдателя хозяйственнаго департамента онъ уже тогда сталъ извѣстенъ какъ врагъ крѣпостного права, стремившійся во всѣхъ дѣлахъ отстаивать по мѣрѣ возможности интересы беззащитныхъ крѣпостныхъ крестьянъ. За то на его долю выпала за это время важная, руководящая роль въ другой области законодательства: онъ

1) *Leroy-Beaulieu*, Un homme d'état russe. 2) Изъ записокъ М. А. Милютиной. „Русск. Стар.", 1899 г., т. 97.

явился творцомъ новаго городового положенія для г. Петербурга, обнародованнаго въ 1846 г. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1842—1846 гг.) Милютинъ съ жаромъ работалъ надъ этимъ первымъ крупнымъ трудомъ своей молодости. Подъ его руководствомъ были собраны всѣ правительственныя постановленія о городахъ, начиная со времени Петра Великаго, и произведено обслѣдованіе городского хозяйства и управленія въ современной Россіи и въ особенности города Петербурга. 13 февраля 1846 г. выработанный Милютинымъ проектъ городового положенія для столицы получилъ силу закона и былъ введенъ въ дѣйствіе. Этотъ трудъ еще болѣе поднялъ извѣстность Милютина какъ выдающагося государственнаго дѣятеля. Впрочемъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, этотъ же первый дебютъ Милютина на поприщѣ законодательной работы принесъ ему впослѣдствіи не мало непріятностей и затрудненій, упрочивъ за нимъ репутацію опаснаго либерала.

Распространившіеся въ разнообразныхъ сферахъ толки о Милютинѣ по случаю его работъ надъ вопросами городского самуправленія послужили поводомъ къ сближенію Милютина съ вел. княг. Еленой Павловной, о политической роли которой читатель найдетъ свѣдѣнія въ этой же книгѣ, въ статьѣ, спеціально посвященной этой замѣчательной женщинѣ. Наслышавшись о Милютинѣ лѣтомъ 1846 г., Елена Павловна попросила гр. Киселева привести къ ней своего интереснаго племянника, и съ этого времени Милютинъ становится постояннымъ посѣтителемъ салона великой княгини и принимаетъ самое горячее участіе въ тѣхъ дебатахъ, которые велись здѣсь по важнѣйшимъ очереднымъ вопросамъ политики и прежде всего, и болѣе всего—по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Тѣ же работы по городовому положенію г. Петербурга развили въ Милютинѣ большой интересъ къ статистическимъ изслѣдованіямъ. Онъ никогда не признавалъ оторваннаго отъ жизни бумажнаго законодательнаго творчества. Онъ всегда считалъ необходимымъ основывать правительственныя мѣропріятія на жизненныхъ данныхъ, на возможно болѣе точномъ ознакомленіи съ дѣйствительными отношеніями и потребностями населенія. Я уже упоминалъ о тѣхъ сложныхъ и обширныхъ статистическихъ работахъ, которыя предпринялъ Милютинъ въ связи съ подготовкой городового положенія 1846 г. Этотъ опытъ навсегда утвердилъ его въ высокой оцѣнкѣ значенія статистическихъ изслѣдованій для законодательной работы и для потребностей управленія. И вотъ съ начала 50-хъ годовъ Милютинъ становится дѣятельнымъ членомъ статистическаго отдѣленія русскаго географическаго общества. При всемъ обиліи и разнообразіи своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей Милютинъ

находитъ нужнымъ урывать время для активнаго участія въ работахъ названнаго отдѣленія, съ дѣятельностью котораго были связаны первые шаги научно поставленной статистики въ Россіи [1]). Кромѣ того въ 1856 г. онъ принялъ участіе въ занятіяхъ спеціальнаго комитета, учрежденнаго для обсужденія ходатайствъ о льготахъ въ платежѣ банковыхъ долговъ по случаю восточной войны и неурожая.

Съ зимы 1858 года, по свидѣтельству супруги Николая Алексѣевича, въ положеніи его происходитъ рѣшительная перемѣна. При посредствѣ в. кн. Елены Павловны онъ становится извѣстнымъ государю. Его участіе въ различныхъ перипетіяхъ крестьянскаго дѣла, законодательная разработка котораго шла уже на всѣхъ парахъ,—участіе, хотя еще косвенное и частичное, но тѣмъ не менѣе для всѣхъ замѣтное, все болѣе сосредоточивало на немъ вниманіе правительственныхъ и общественныхъ сферъ и какъ-то неуловимо выдвигало его на авансцену текущей политики, предуготовляя ему послѣдующую громкую и блестящую политическую роль. Какъ ни распространены были въ столичномъ обществѣ толки о Милютинѣ какъ о творцѣ городового положенія 1846 г., все же онъ оставался до этого времени въ глазахъ большинства не болѣе какъ однимъ изъ второстепенныхъ чиновниковъ, даровитымъ, но тѣмъ не менѣе не выходящимъ изъ ряду, и только въ тѣсномъ кругу друзей онъ уже тогда пользовался огромнымъ вѣсомъ какъ человѣкъ, которому предстоитъ сдѣлаться выразителемъ какихъ-то новыхъ прогрессивныхъ силъ въ государственной жизни Россіи. Теперь положеніе мѣнялось. Подготовительныя работы по крестьянской реформѣ всколыхнули Россію. Силою вещей, независимо отъ чьихъ бы то ни было симпатій и антипатій, человѣкъ такихъ крупныхъ государственныхъ дарованій и такого давняго и близкаго интереса къ дѣлу крестьянскаго освобожденія, какимъ былъ Милютинъ, не могъ оставаться болѣе въ тѣни и вопреки всѣмъ козням враждебныхъ ему элементовъ все подымающаяся волна политическаго оживленія неудержимо выносила его на своемъ гребнѣ на ту высоту, къ ко-

[1]) Вотъ перечисленіе статистическихъ изданій, предпринятыхъ Милютинымъ и выполненныхъ подъ его руководствомъ: 1) „Число городскихъ и земледѣльческихъ поселеній въ Россіи“ 1851 г., 2) „Очеркъ Нижегородской ярмарки“ 1852 г., 3) „Городскія поселенія въ Россіи“—8 томовъ: Милютину принадлежатъ первые два тома; 4) „Общественное устройство и хозяйство городовъ“—2 т. 1859 г.; 5) „Банковые долги“ 1856; 6) Свѣдѣнія о цѣнахъ на земли съ публичныхъ торговъ съ 1 января 1854 г. по 1 января 1859 г.; 7) „Свѣдѣнія о цѣнахъ на пустопорожнія земли въ вольной продажѣ“ 1856—1858 г.; 8) „Свѣдѣнія о Приказахъ Общественнаго Призрѣнія“; 9) „Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ“ 1863—1864 гг.—Ср. „Русск. Стар.“ 1880 г., т. 27, стр. 383 и слѣд.

торой онъ былъ предназначенъ всѣмъ складомъ своей личности и всей своей предшествующей подготовкой. Съ этого момента начинается расцвѣтъ государственной дѣятельности Милютина. Въ 1859 г. онъ входитъ въ составъ редакціонныхъ комиссій по составленію проекта Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, несмотря на упорное сопротивленіе враждебной партіи и вопреки предубѣжденію противъ него самого государя, получаетъ назначеніе на постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Чѣмъ сталъ Милютинъ для редакціонныхъ комиссій, объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь замѣчу только, что Милютинъ, войдя въ составъ этихъ комиссій съ репутаціей даровитаго чиновника, заканчивалъ свою въ нихъ работу уже окруженный славой крупнаго государственнаго дѣятеля, перворазряднаго реформатора. Конечно, въ вѣнокъ славы вплелись и тернія. Ихъ уколы больно язвили Милютина во все время работъ редакціонныхъ комиссій. Не даромъ онъ дошелъ въ концѣ-концовъ до такой степени нервнаго раздраженія, что съ нимъ стали дѣлаться истерическіе припадки, какъ о томъ свидѣтельствуетъ кн. Дм. Оболенскій въ своихъ воспоминаніяхъ о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ. Но самый тяжелый ударъ былъ еще впереди. Лишь только Положеніе о крестьянахъ получило законодательную санкцію и оставалось лишь приложить заботливыя усилія къ проведенію въ жизнь всего того, что съ такимъ трудомъ удалось вырвать изъ рукъ противниковъ реформы при составленіи закона, какъ Милютинъ,—такъ же какъ и его непосредственный начальникъ Ланской,—должны были неожиданно для себя уступить поле дѣятельности другимъ людямъ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія воли Ланской и Милютинъ получили отставку. Они довели дорогое дѣло до границы «обѣтованной земли»; здѣсь имъ пришлось внезапно остановиться и узнать, что они обречены на тяжелую роль стороннихъ наблюдателей того, какъ дѣло, ими приготовленное, будетъ приводиться въ исполненіе людьми, частью равнодушными, частью прямо враждебно настроенными къ одушевлявшимъ ихъ стремленіямъ и идеаламъ.

Измученный напряженной работой и сильными нравственными потрясеніями, Милютинъ уѣхалъ за границу. Онъ покидалъ родину съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о невозможности послужить Россіи при ея первыхъ шагахъ на обновленномъ пути. Но онъ увозилъ съ собою также, по его собственнымъ словамъ, «и прежнюю вѣру въ несокрушимость и живучесть великаго крестьянскаго дѣла». Такъ писалъ онъ самъ въ письмѣ къ одному знакомому непосредственно передъ своимъ отъѣздомъ.

Милютинъ прожилъ внѣ Россіи около двухъ лѣтъ. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Италію, Францію и Англію. Всего долѣе онъ оставался въ Римѣ и Парижѣ. Въ древней міровой столицѣ онъ отдыхалъ отъ кипучей политической дѣятельности на мирномъ созерцаніи великихъ историческихъ памятниковъ и на перечитываніи Тита Ливія, Саллюстія, Тацита. Ему было пріятно оторваться на время отъ злободневныхъ тревогъ, приносившихъ столько тяжелыхъ разочарованій, и погрузиться мыслью въ величественное прошлое. Но то была лишь краткая передышка на трудномъ пути государственной работы. Изъ Рима пришлось переѣхать въ Парижъ, куда Милютина звалъ его дядя, гр. Киселевъ, занимавшій тогда постъ нашего посла при французскомъ правительствѣ. Въ Парижѣ жизнь пошла совершенно иначе; о римскомъ уединеніи нечего было и думать. «Весь Парижъ» накинулся на Милютина, какъ на достопримѣчательнаго гостя. Политическіе дѣятели, ученые, литераторы,— всѣ наперерывъ стремились видѣть одного изъ главныхъ работниковъ только что совершившейся въ Россіи великой реформы. Милютина, какъ говорится, носили на рукахъ, какъ самую интересную новинку парижскаго сезона. «Никому не бывать пророкомъ въ своемъ отечествѣ», съ горечью замѣчалъ Милютинъ, описывая друзьямъ свои парижскіе тріумфы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ въ разгаръ этихъ тріумфовъ высокопоставленные петербургскіе друзья Милютина тщетно хлопотали о новомъ призывѣ его къ государственной дѣятельности. Великій князь Константинъ Николаевичъ горячо желалъ добиться назначенія Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но этому проекту не суждено было осуществиться. Дѣло дошло до того, что въ поискахъ за различными возможностями вернуть Милютина къ служебной работѣ одинъ изъ преданныхъ Милютину друзей, министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ, надумалъ предложить ему постъ... директора публичной библіотеки. Но отъ этого предложенія уклонился самъ Милютинъ. Упомянувъ объ этомъ эпизодѣ въ своей извѣстной книгѣ о Милютинѣ, Леруа-Болье справедливо видитъ въ немъ маленькій, но въ высшей степени характерный штрихъ, указывающій на то, съ какой легкостью люди власти готовы были выкинуть за бортъ серьезной государственной работы такую крупную величину, какъ Милютинъ, и въ моментъ разработки сложнѣйшихъ государственныхъ преобразованій считали возможнымъ обращаться къ нему съ предложеніемъ согласиться на самопогребеніе въ такой тихой заводи, какъ публичная библіотека.

Потребовались совершенно исключительныя обстоятельства для того, чтобы даже въ правительственныхъ сферахъ Петербурга по-

няли, насколько безразсудно пренебрегать человѣкомъ первоклассныхъ государственныхъ талантовъ въ моментъ усиленной и сложной перестройки государственнаго зданія. Польша пришла въ движеніе. Назначеніе вел. кн. Константина Николаевича намѣстникомъ Царства Польскаго съ предоставленіемъ руководительства текущимъ управленіемъ Царства маркизу Велепольскому не привело къ желаннымъ результатамъ. Страсти безостановочно разгорались, и къ осени 1863 года вся Польша была уже охвачена пожаромъ мятежа. Тогда-то, послѣ долгихъ колебаній, рѣшились наконецъ обратиться къ Милютину. Въ правительственныхъ сферахъ къ этому времени созрѣлъ важный планъ: на ряду съ мѣрами военной строгости было рѣшено испробовать и другія средства для умиротворенія возставшей Польши. Рѣшено было приступить къ широкой аграрной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ съ цѣлью предоставленія твердаго земельнаго обезпеченія польскому крестьянину, который, будучи свободнымъ юридически, находился на границѣ экономическаго рабства, чувствовалъ себя въ полной матеріальной зависимости отъ землевладѣльца-шляхтича. Во главѣ этой-то новой соціальнай реформы государь и рѣшилъ поставить Милютина. 31 августа 1863 г. Милютинъ, вызванный въ Петербургъ, имѣлъ у государя продолжительную аудіенцію, которая длилась болѣе двухъ часовъ. Предложеніе государя испугало Милютина. Его смутили разнообразныя соображенія. Во-первыхъ, онъ вовсе не зналъ той страны и того народа, чьи судьбы ввѣрялись теперь въ его руки, а Милютинъ не находилъ возможнымъ перекраивать народную жизнь безъ вниманія къ ея особенному складу, на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ положеній. Во-вторыхъ, Польша была объята возстаніемъ, тамъ кипѣла вооруженная борьба. Милютинъ не считалъ себя способнымъ къ тѣмъ суровымъ пріемамъ, къ которымъ приходится прибѣгать въ военное время; онъ былъ реформаторъ, а не диктаторъ, и его тревожилъ вопросъ, удастся ли ему согласовать свои дѣйствія съ распоряженіями военныхъ властей. Милютинъ провелъ нѣсколько тревожныхъ дней въ тяжеломъ раздумьѣ. Великую услугу оказала Милютину въ это время нравственная поддержка старыхъ друзей. По первому же его зову прилетѣлъ въ Петербургъ Юрій Самаринъ. Это былъ человѣкъ, съ которымъ Милютина связывала давнишняя крѣпкая дружба. Еще въ самомъ началѣ царствованія Александра II Самаринъ пріѣзжалъ въ Петербургъ познакомиться съ Милютинымъ, о которомъ онъ слышалъ какъ о горячемъ сторонникѣ крестьянскаго освобожденія по его дѣятельности въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. И они тогда же сошлись тѣсно и навсегда. Вступая въ редакціонныя ко-

миссіи въ 1858 г., Милютинъ прежде всего приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы привлечь туда и Самарина. И общая работа въ редакціонныхъ комиссіяхъ еще сильнѣе укрѣпила ихъ дружескую связь. Теперь передъ лицомъ новой сложной задачи, одновременно и привлекательной и пугавшей, оба друга неразлучно прожили вмѣстѣ нѣсколько дней, повѣряя себя во взаимномъ обсужденіи всѣхъ подробностей предстоявшей работы. Два соображенія повліяли на ихъ окончательное рѣшеніе. Во-первыхъ, вопросъ объ улучшеніи быта польскихъ крестьянъ далеко не былъ чуждъ лучшимъ людямъ изъ среды самихъ поляковъ. Въ варшавскомъ «Земледѣльческомъ Обществѣ» планы крестьянской реформы стояли на первой очереди и подвергались подробному и энергичному обсужденію. Среди этихъ обсужденій мелькала мысль и о надѣленіи крестьянъ землею, и только политическая борьба мѣшала осуществленію этихъ плановъ, отвлекала вниманіе и силы въ другую сторону. Итакъ, не являлось ли дѣломъ справедливости и государственной мудрости возобновить эти планы теперь, въ самый острый моментъ политической борьбы? Не могла ли прозвучать эта мирная законодательная работа примирительной нотой для тѣхъ, кому она сулила улучшеніе жизненной доли, а также и для тѣхъ, кто мечталъ уже раньше о подобной реформѣ, какъ о необходимой мѣрѣ? Милютинъ и Самаринъ съ самаго начала рѣшили ограничить свою будущую роль въ польскихъ дѣлахъ опредѣленными рамками. Они не будутъ касаться военныхъ мѣръ по подавленію возстанія. Вопросъ о подавленіи возстанія будетъ для нихъ лишь предлогомъ для распространенія и на Польшу того, что они считали благомъ для Россіи. Среди грохота оружія они принесутъ полякамъ масличную вѣтвь успокоенія и надеждъ на лучшее будущее.

Затѣмъ являлось и другое соображеніе. При составленіи Положенія 19-го февраля 1861 г. милютинской партіи пришлось согласиться на многія уступки многочисленнымъ врагамъ реформы. Многое сдѣлалось не такъ, какъ хотѣлось и мечталось. И вотъ теперь представлялся случай еще разъ попытать счастья, показать на дѣлѣ, какъ можно было бы по-настоящему провести въ жизнь ихъ планы крестьянскаго устройства. Могли ли старые борцы отстраниться отъ такого случая?

Въ результатѣ всѣхъ этихъ обсужденій рѣшеніе было принято. Милютинъ просилъ государя избавить его отъ какого-либо постояннаго поста въ Польшѣ, но соглашался принять туда временную командировку. Государь предоставилъ Милютину полную свободу въ установленіи плана его дѣйствій.

Прежде всего Милютинъ засѣлъ за изученіе литературы, отно-

сящейся до различныхъ сторонъ внутренняго состоянія Польши. Его кабинетъ переполнился книгами на разныхъ языкахъ по исторіи, законодательству, финансамъ, религіи, положенію сельскихъ классовъ въ Польшѣ и т. п. Вслѣдъ за книжнымъ изученіемъ настала очередь личнаго ознакомленія съ польскимъ краемъ. Милютинъ вмѣстѣ съ Самаринымъ, кн. Черкасскимъ и Арцимовичемъ предприняли поѣздку по польскимъ селамъ. Имъ приходилось проѣзжать по мѣстностямъ, наиболѣе сильно охваченнымъ возстаніемъ, наполненнымъ повстанческими бандами. Но мирныя намѣренія путниковъ легко располагали въ ихъ пользу мѣстное населеніе. Они переѣзжали изъ деревни въ деревню, знакомились съ народомъ и его нуждами, и бѣдные мазуры и краковяки довѣрчиво и добродушно бесѣдовали съ ними о своемъ положеніи. Эта своеобразная мирная экспедиція по мятежному краю окончательно укрѣпила Милютина и его друзей въ ихъ планахъ. Они составили для государя обширный докладъ. Все было одобрено государемъ и для разсмотрѣнія преобразовательныхъ предположеній Милютина былъ образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Гагарина и съ участіемъ многихъ министровъ. Вмѣстѣ съ Милютинымъ въ составъ комитета вошли и Самаринъ и кн. Черкасскій. Во второй разъ Милютину приходилось выносить на своихъ плечахъ капитальную реформу среди серьезныхъ противодѣйствій всякаго рода. Январь и февраль 1864 года цѣликомъ прошли въ бурныхъ засѣданіяхъ комитета. На этотъ разъ Милютинъ и его друзья вышли изъ борьбы полными побѣдителями. Положеніе 19 февраля 1864 года удалось освободить отъ тѣхъ уступокъ крѣпостническимъ вожделѣніямъ, которыя пришлось сдѣлать въ 1861 году.

Въ 1864 году удалось обратить въ собственность польскихъ крестьянъ *всѣ* тѣ земли, которыми они владѣли ранѣе, хотя бы на арендномъ только правѣ; не было уже никакихъ «отрѣзокъ» и притомъ земля передавалась крестьянамъ безъ всякаго выкупного платежа съ ихъ стороны: вознагражденіе землевладѣльцамъ было принято на счетъ казны. Было и еще одно очень важное различіе въ судьбѣ этихъ двухъ крестьянскихъ реформъ 1861 и 1864 гг. На этотъ разъ проведеніе новаго закона въ жизнь было отдано въ руки тѣхъ самыхъ людей, которые его задумали и отстояли. Главными направителями дѣла явились Милютинъ и кн. Черкасскій. Одушевленные сотрудники явились отовсюду на зовъ Милютина. Здѣсь были и прежніе сослуживцы Милютина по министерству и редакціоннымъ комиссіямъ, и новые молодые дѣятели, считавшіе за счастіе начать службу подъ руководствомъ Милютина, офицеры, бывшіе мировые посредники, уже испытанные на крестьянскомъ

дѣлѣ, и т. д. Имъ предстояло въ качествѣ «комиссаровъ» истолковывать народу истинный смыслъ вновь созданнаго Положенія и слѣдить за его правильнымъ примѣненіемъ. Милютинъ называлъ ихъ «своей гражданской арміей». Это было мѣткое названіе. Они отправлялись въ взволнованный край вооруженные мыслью о законѣ и законности. Они шли проповѣдывать не право силы, а силу права. И Милютинъ заботливо напутствовалъ ихъ своими наставленіями и разъясненіями. Онъ собиралъ ихъ къ себѣ по вечерамъ и читалъ имъ цѣлыя лекціи о ихъ будущихъ обязанностяхъ.

Въ то же время на плечахъ Милютина лежала громадная работа и въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Въ январѣ 1865 г. онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и членомъ главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія. Въ апрѣлѣ 1866 г. онъ былъ сдѣланъ кромѣ того статсъ-секретаремъ по дѣламъ Польши. Но свѣча уже догорала. Организмъ, изнуренный трудами и душевными тревогами, отказывался служить. Появлялись зловѣщіе признаки серьезнаго недомоганія. Однако Милютинъ не внималъ предостереженіямъ и просьбамъ родныхъ и друзей. Онъ продолжалъ работать, не покладая рукъ; онъ натягивалъ струну до послѣдней возможности, но... пришелъ моментъ и струна лопнула. Въ ноябрѣ 1866 года, послѣ комитетскаго засѣданія, въ которомъ Милютинъ имѣлъ радость довести до блестящаго конца вопросъ о разрывѣ конкордата Россіи съ папой, Милютина поразилъ апоплектическій ударъ. Ему было тогда всего 48 лѣтъ. Онъ прожилъ послѣ того еще пять лѣтъ, частью за границей, частью въ Москвѣ, не будучи уже въ состояніи принимать участія въ государственной дѣятельности. Всюду онъ являлся центромъ всеобщаго почтительнаго и преданнаго вниманія; а когда разнеслась вѣсть о его предсмертной болѣзни, масса всякаго рода людей безпрерывно являлась освѣдомляться о его положеніи. Тысячная толпа проводила его останки до могилы [1]).

II.

Таковъ былъ внѣшній ходъ жизни Милютина. Намъ предстоитъ теперь всмотрѣться возможно внимательнѣе во внутренній смыслъ его дѣятельности. Я уже замѣтилъ выше, что Милютинъ представляется мнѣ совершенно исключительнымъ явленіемъ въ исторіи русской общественности. Въ чемъ же состояла эта исключительность? Какъ ни велики были государственные таланты Милютина,

[1]) Для всего изложеннаго въ настоящей главѣ см. вообще *Leroy-Beaulieu*, loc. cit. и „Изъ записокъ М. А. Милютиной“, „Русск. Стар.“ 1899, тт. 97 и 98.

но русская исторія знаетъ и другихъ государственныхъ дѣятелей, которые могутъ быть поставлены на ряду съ нимъ въ этомъ отношеніи. Вспомнимъ, наприм., Сперанскаго. Была, однако, въ Милютинѣ одна черта, дѣлающая его, на мой взглядъ, отдаленнымъ предтечей такого типа государственныхъ дѣятелей, который былъ совершенно неизвѣстенъ нашему политическому прошлому и нарожденія котораго мы еще не дождались и въ настоящемъ. Эта черта заключается въ томъ, что Милютинъ совмѣщалъ въ своей личности и своей дѣятельности представителя правящей бюрократіи и представителя передовой интеллигенціи, притомъ совмѣщалъ эти два положенія не механически, а органически.

Историческія условія русской жизни вырыли цѣлую пропасть между этими двумя элементами нашего общественнаго строя, превратили ихъ въ два взаимно-враждебные стана. Мы привыкли къ той, вполнѣ подтверждающейся жизненными фактами, мысли, что представитель правящей бюрократіи неизбѣжно является отщепенцемъ отъ передовой интеллигенціи, и, наоборотъ, всякій представитель передовой интеллигенціи есть прежде всего мятежный отрицатель всего того, что несетъ съ собою для страны правящая бюрократія. Намъ въ высшей степени трудно вообразить себѣ общественнаго борца въ мундирѣ чиновника. Между тѣмъ конкретнымъ воплощеніемъ столь необычнаго у насъ сочетанія какъ разъ и являлся Милютинъ. Въ этомъ его характернѣйшая отличительная особенность, въ этомъ специфическій интересъ изученія его дѣятельности. Личныя свойства Милютина, благородство его души, очевидная для всѣхъ чистота его намѣреній неизмѣнно снискивали къ нему глубокое уваженіе со стороны независимыхъ друзей общественнаго прогресса. И тѣмъ сильнѣе было недоумѣніе, возникавшее у многихъ, передъ своеобразіемъ занятой Милютинымъ политической позиціи. Это недоумѣніе съ обычной яркостью своего пера выразилъ Герценъ, писавшій, между прочимъ, въ періодъ работъ редакціонныхъ комиссій: «Братья Милютины—эти Аркадій и Гонорій Русской имперіи—становятся какими-то сфинксами... Бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня славянофилы, завтра... кто ихъ знаетъ что?»[1]).

Между тѣмъ весь интересъ отмѣченной выше особенности Милютина какъ государственнаго дѣятеля въ томъ и заключался, что эта особенность вытекала не изъ перемѣнчивости и неустойчивости взглядовъ или настроеній, а являлась результатомъ опредѣленной оцѣнки наличныхъ условій текущаго момента. При нормальномъ господствѣ

---

[1]) *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, т. XVII, стр. 87.

правового государственнаго порядка тѣсное взаимодѣйствіе и сотрудничество правительства и общества служитъ обычной принадлежностью, необходимой предпосылкой государственной жизни. При отсутствіи правового порядка отношенія слагаются обыкновенно на противоположной основѣ и лишь стеченіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ можетъ выдвинуть на краткій моментъ точки соприкосновенія между программой правительства и стремленіями передовой интеллигенціи. Такой исключительный моментъ выдался въ Россіи наканунѣ крестьянской реформы, и Милютинъ счелъ нужнымъ использовать его въ интересахъ дорогихъ для него идей, насколько то окажется возможнымъ. Громадность усилій, которыя ему пришлось затратить при этомъ на борьбу съ всевозможными препятствіями, показала, съ какимъ трудомъ подавались правящія сферы подъ напоромъ запросовъ жизни даже въ такое исключительное время. Тѣмъ выше становилась заслуга предпринятаго Милютинымъ общественнаго подвига.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свою бюрократическую карьеру, Милютинъ всегда былъ связанъ тѣсными идейными и личными узами съ передовыми элементами русской интеллигенціи. Въ 40-хъ годахъ молодымъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ Милютинъ считался главой петербургской интеллигентной молодежи, тяготѣвшей къ «западникамъ». Кн. Дм. Оболенскій описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ еженедѣльные обѣды, которые тогда устраивалъ у себя Милютинъ. На этихъ собраніяхъ, по свидѣтельству кн. Оболенскаго, всѣ сходились въ одномъ общемъ чувствѣ—въ желаніи лучшаго порядка. Служебный бытъ и высшія правительственныя лица подвергались здѣсь усиленной критикѣ. Грановскій, пріѣхавъ въ 1848 г. въ Петербургъ, познакомился съ Милютинымъ и писалъ женѣ про него: «Это — умный и благородный человѣкъ, съ которымъ пріятно встрѣтиться». Въ другомъ письмѣ болѣе поздняго времени Грановскій писалъ про Милютина: «Я его уважаю и люблю» [1]). Это тяготѣніе Милютина къ передовымъ общественнымъ кругамъ и внутреннее сродство съ ними остались въ полной силѣ и въ послѣдующую пору, когда онъ вступилъ въ разгаръ своей государственной дѣятельности. Важно отмѣтить, что Милютинъ, вопреки нерѣдкимъ упрекамъ по его адресу въ пристрастіи къ бюрократическимъ тенденціямъ, во всѣ важные моменты своей дѣятельности,—и въ эпоху редакціонныхъ комиссій, и въ эпоху работъ по польскимъ дѣламъ,—опирался преимущественно на содѣйствіе и дружбу такихъ земскихъ людей, какъ Самаринъ или князь

---

1) *В. Якушкинъ*, Милютинъ и ред. комм. „Русск. Стар.", 1897, № 10.

Черкасскій. Напротивъ того, правящая бюрократія всячески старалась оттолкнуть отъ себя Милютина, какъ нѣкое чужеродное тѣло, и принимала его въ свои ряды лишь съ крайней неохотой, повинуясь печальной для себя необходимости. Въ бюрократическихъ кругахъ его называли «краснымъ», и эта репутація распространялась такъ настойчиво, что дошла до государя и на долгое время вселила въ умъ Александра II предубѣжденіе противъ Милютина, какъ противъ опаснаго революціонера. Это предубѣжденіе было настолько сильно, что едва не воспрепятствовало Милютину принять участіе въ той самой реформѣ, которая создала ему такую громкую славу. Лишь посредничество вел. кн. Елены Павловны и настойчивость Ланского, который чувствовалъ себя безпомощнымъ безъ сотрудничества съ Милютинымъ, восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Бюрократическіе тузы и руководители придворной камарильи чувствовали въ Милютинѣ чужого для себя человѣка, не выносили его прямоты, его нелицепріятія, его открытаго возмущенія всякаго рода административными злоупотребленіями и ставили ему на счетъ его предосудительныя съ ихъ точки зрѣнія связи съ либералами. Въ 1858 году противомилютинская бюрократическая клика пыталась пресѣчь служебный путь Милютина, дискредитируя въ глазахъ государя составленное Милютинымъ петербургское городовое положеніе 1846 г. Петербургскій генералъ-губернаторъ Игнатьевъ рвалъ и металъ противъ тѣхъ болѣе чѣмъ скромныхъ зародышей самоуправленія, которые были насаждены въ столицѣ названнымъ городовымъ положеніемъ. Въ 1858 г. произошелъ по существу совершенно ничтожный эпизодъ, который немедленно былъ раздутъ врагами городской думы въ цѣлое событіе. Петербургская дума разослала домовладѣльцамъ дипломы на право городского владѣнія и право голоса на городскихъ выборахъ, такъ называемыя «обывательскія грамоты». Дворянинъ Безобразовъ вернулъ думѣ присланную ему грамоту при дерзко написанномъ письмѣ, въ которомъ онъ заявлялъ, что въ такой грамотѣ не нуждается, такъ какъ имѣетъ за нѣсколько столѣтій свои дворянскія грамоты, утверждающія его права на всевозможныя владѣнія. Случай этотъ попалъ въ печать. Одинъ изъ гласныхъ думы, Д. П. Хрущовъ, помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и письмо Безобразова и протоколъ думы по этому поводу. Тогда-то поднялась буря. Въ совѣтѣ министровъ многіе начали наперерывъ нападать на Милютина какъ на «создателя революціоннаго учрежденія». Самъ государь выразился на этомъ засѣданіи слѣдующимъ образомъ: «Милютинъ давно уже имѣлъ репутацію краснаго и вреднаго человѣка». Узнавъ о словахъ государя, Милютинъ — тогда директоръ хозяйственнаго де-

партамента — заявилъ Ланскому, что считаетъ нужнымъ проситься въ отставку. Ланской устранилъ такую развязку лишь тѣмъ, что заявилъ государю на личной аудіенціи, что готовъ поручиться за Милютина, какъ за самого себя. Отставка была отвергнута, и черезъ нѣсколько дней государь принялъ Милютина. «Очень радъ васъ видѣть,—строго сказалъ Милютину государь.—Вы, кажется, пользуетесь особеннымъ довѣріемъ вашего министра; надѣюсь, вы оправдаете это довѣріе» [1]). Смыслъ этихъ словъ выяснился въ связи съ послѣдующимъ: Милютину пришлось въ сущности въ теченіе всей своей служебной дѣятельности испытывать какую-то затаенную подозрительность по отношенію къ себѣ со стороны высшихъ сферъ. Въ критическіе моменты пользовались его талантами, выказывали ему даже внѣшніе знаки благоволенія, но за всѣмъ этимъ неизмѣнно чувствовалась извѣстная внутренняя отчужденность отъ его личности, отсутствіе той живой и непроизвольной симпатіи, которую обнаруживаютъ къ *своему* человѣку. Черезъ три мѣсяца послѣ описаннаго эпизода вышелъ въ отставку товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ и всплылъ вопросъ о кандидатурѣ на этотъ постъ Милютина. Тотчасъ же составился сильный комплотъ противъ этой кандидатуры: Игнатьевъ, Муравьевъ, Долгоруковъ, Чевкинъ, Бутковъ и Тимашевъ и многіе другіе фигуранты сановнаго чиновничества повели агитацію противъ Милютина. Государь испытывалъ большія колебанія, разспрашивалъ о Милютинѣ Ростовцева и Ланского и прямо признавался имъ, что мнѣнія о Милютинѣ разнорѣчивы, но преимущественно дурны и клонятся къ тому, что Милютинъ — человѣкъ даровитый, но вредный. Въ концѣ-концовъ Александръ II остановился на довольно странномъ компромиссѣ: Милютинъ былъ назначенъ *временнымъ* товарищемъ министра и проносилъ этотъ необычный титулъ вплоть до своей отставки въ 1861 г. Остряки называли его поэтому «временно-постояннымъ» министерскимъ товарищемъ.

Мы уже знаемъ, что и на этомъ не закончились недоброжелательные счеты высшаго бюрократическаго міра съ Милютинымъ. По заключеніи работъ редакціонныхъ комиссій крестьянское дѣло сосредоточивалось въ Главномъ комитетѣ. Люди, серьезно смотрѣвшіе на подготовляемую реформу, понимали, какъ необходимо было бы ввести въ составъ Главнаго комитета самаго выдающагося члена редакціонныхъ комиссій—Милютина. И однако всѣ усилія, направленныя къ этой цѣли, между прочимъ и со стороны вел. кн. Константина Николаевича, разбились о какія-то скрытыя противодѣй-

[1]) Изъ записокъ М. А. Милютиной, loc. cit.

ствія. Лишь только составленіе Положенія 19 февраля было окончательно завершено, отъ Милютина поспѣшили совершенно отдѣлаться, и мы уже видѣли, какими затрудненіями было осложнено его послѣдующее возвращеніе къ служебной дѣятельности.

Кажется, приведенные факты достаточно доказываютъ, что Милютинъ, будучи чиновникомъ и работая въ рядахъ правящей бюрократіи, вовсе не былъ представителемъ ея господствующаго духа, ея традицій, ея профессіональныхъ интересовъ. Онъ всегда былъ «не ко двору» въ этомъ мірѣ, отъ котораго его отдѣляла глубокая нравственная пропасть.

А между тѣмъ упреки въ бюрократизмѣ, въ недовѣріи къ общественнымъ силамъ обильно сыпались па Милютина въ теченіе его государственной дѣятельности и въ особенности въ эпоху редакціонныхъ комиссій. И надобно сказать, что эти толки имѣли за собой извѣстныя внѣшнія основанія. Вѣдь Милютинъ не случайно и не изъ какихъ-либо личныхъ расчетовъ тяготѣлъ всю жизнь къ «казенной службѣ», къ работѣ въ той самой чиновничьей средѣ, которая такъ упорно его отъ себя отталкивала. Въ основѣ этого тяготѣнія лежало опредѣленное убѣжденіе въ томъ, что при наличныхъ условіяхъ даннаго момента именно правительству суждено сыграть роль двигателя творческой, обновительной, преобразовательной работы, если только представители правительства будутъ проникнуты яснымъ сознаніемъ всей важности предстоящихъ задачъ. «Реформы сверху»—таковъ былъ лозунгъ Милютина, и этотъ лозунгъ въ его пониманіи заключалъ въ себѣ весьма высокія требованія какъ отъ населенія, такъ и отъ самого правительства. Значитъ ли это, что Милютинъ былъ абсолютистомъ и бюрократомъ, какъ его нерѣдко называли? Вотъ вопросъ, который необходимо изслѣдовать возможно внимательнѣе, чтобы получить точное представленіе о Милютинѣ какъ политикѣ.

Бездна, отдѣлявшая Милютина отъ профессіоналовъ чиновничьей службы, заключалась въ томъ, что онъ смотрѣлъ на эту службу не какъ на самодовлѣющую цѣль, а какъ на всего болѣе вѣрное, по его мнѣнію, средство служенія общественному благу. Эту мысль выразилъ Милютинъ въ словахъ, обращенныхъ къ государю, во время аудіенціи, тотчасъ по назначеніи его «временнымъ» товарищемъ министра.

Государь началъ эту аудіенцію упоминаніемъ о репутаціи «краснаго и революціонера», сложившейся около имени Милютина. Милютинъ отвѣтилъ на это, что революціонныя стремленія могли бы быть ему не чужды въ молодости, при иныхъ условіяхъ; но въ данный моментъ всякій оппозиціонный духъ противъ правительства

утрачиваетъ значеніе въ виду того, что правительство оказывается либеральнѣе самого общества и вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ, т.-е. именно ту мысль, которая составляла предметъ лучшихъ надеждъ тѣхъ, кого клеймили названіемъ красныхъ и революціонеровъ. Такъ передаетъ отвѣтъ Милютина, очевидно, съ его собственныхъ словъ, его супруга въ своихъ запискахъ. Не выражена ли въ этомъ замѣчательномъ отвѣтѣ — въ формахъ, приспособленныхъ къ условіямъ Высочайшей аудіенціи—та мысль, что Милютинъ считалъ возможнымъ служить правительству и работать въ рядахъ его представителей лишь постольку, поскольку правительственная программа оказывалась солидарной съ его собственными взглядами и стремленіями? Каковы же были эти стремленія и взгляды?

Въ эпоху работъ редакціонныхъ комиссій Милютинъ не скрывалъ своего недовѣрія къ представителямъ дворянскихъ комитетовъ. Вотъ это недовѣріе и подало поводъ для руководителей дворянскихъ круговъ изливать свою злобу на Милютина въ формѣ обвиненій его въ отчужденности отъ общественныхъ стремленій, въ своего рода бюрократическомъ якобинизмѣ. Милютина ославили тогда, какъ упорнаго и яраго врага общественной самодѣятельности. Любопытный отголосокъ этихъ толковъ находимъ въ воспоминаніяхъ Стремоухова, которыя позволимъ себѣ процитировать по отрывку, приведенному въ трудѣ Барсукова о Погодинѣ [1]). «Всего интереснѣе, — писалъ Стремоуховъ,—были вечера у Милютина. Здѣсь собирались представители нашей либеральной интеллигенціи и выдающіеся дѣятели редакціонныхъ комиссій. Здѣсь, можно сказать, лежалъ и центръ тяжести преобладавшаго въ то время въ высшихъ сферахъ направленія, душою котораго былъ Н. А. Милютинъ. Въ этой средѣ интересы дворянства находили весьма мало защитниковъ, а еще менѣе какія бы то ни было права его на преобладающее въ государственномъ строѣ значеніе. Самъ Н. А. Милютинъ относился къ этой послѣдней темѣ съ какимъ-то особеннымъ раздраженіемъ. Не допуская за дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой иниціаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и интересовъ. Не забуду, какъ разъ, когда въ особомъ разговорѣ я коснулся этой темы, онъ вскочилъ, какъ ужаленный. «Никогда,—сказалъ онъ,—никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ

---

[1]) Т. XVII, стр. 132.

правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple, — rien par le peuple», при этомъ добавилъ онъ». Таковъ разсказъ Стремоухова.

Очень возможно, что въ разгарѣ разговора Милютинъ прибѣгнулъ къ этому лозунгу просвѣщеннаго абсолютизма. Значитъ ли это однако, что онъ былъ просвѣщеннымъ абсолютистомъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ? Не думаю, чтобы на этотъ вопросъ можно было отвѣчать утвердительно. Прежде всего надлежитъ не упускать изъ вида, что какъ въ разговорѣ со Стремоуховымъ, такъ и во всѣхъ другихъ политическихъ своихъ заявленіяхъ Милютинъ возставалъ не противъ самодѣятельности общества, а противъ односторонне-сословныхъ вожделѣній дворянства. Онъ возставалъ противъ этихъ вожделѣній не во имя политическаго абсолютизма, а во имя соціальнаго демократизма. Вожди дворянской партіи находили возможнымъ изображать Милютина врагомъ общественной самодѣятельности только потому, что сами они склонны были отождествлять *общество* съ *дворянствомъ* и общественное мнѣніе съ односторонними стремленіями своего сословія. Съ такимъ отождествленіемъ Милютинъ никогда бы не могъ примириться. Это вовсе не значило, что Милютинъ былъ принципіальнымъ противникомъ самодѣятельности общества. Какъ можно было бы согласить характеристику Милютина какъ сторонника просвѣщеннаго абсолютизма съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ придавалъ такое важное значенію развитію городского и земскаго самоуправленія? Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что Милютинъ, приступая къ участію въ крестьянской реформѣ, имѣлъ уже за собою такой трудъ, какъ Городовое Положеніе 1846 г., а передъ самымъ окончаніемъ составленія Положенія 19 февраля съ увлеченіемъ предался выработкѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и долженъ былъ прервать эти новыя занятія лишь благодаря своей внезапной отставкѣ. Для всесторонней характеристики политическихъ воззрѣній Милютина необходимо бросить взглядъ на эти его труды по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія.

Составленное Милютинымъ городовое положеніе для Петербурга далеко отъ совершенства съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ понятій о началахъ самоуправленія [1]). Работая надъ этой реформой, Милютинъ ставилъ себѣ задачей оживить дѣятельность городского самоуправленія, вдохнуть жизненныя силы въ тѣ бездушныя формы, въ которыя обратились на практикѣ созданныя еще Екатериной II выборныя городскія учрежденія. Для осуществленія этой задачи были

---

[1]) *Дитятинъ*, „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“, т. II

намѣчены два способа. Во-первыхъ, Милютинъ считалъ необходимымъ усилить *всесословный* характеръ городского самоуправленія. Эта идея была положена въ основу также и Екатерининскаго городового положенія. Но тамъ она осталась лишь на бумагѣ. По закону всесословныя,—общія и шестигласныя градскія думы по положенію 1785 г.,—въ дѣйствительности превратились въ такіе же односторонніе органы городскихъ купцовъ и ремесленниковъ, какими были и Петровскіе магистраты. И вотъ Милютинъ включаетъ въ свое новое Городовое Положеніе рядъ постановленій, которыя, по его мнѣнію, должны были бы привлечь къ активному участію въ городскихъ дѣлахъ не только купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, но также и живущихъ въ городахъ дворянъ. Участіе въ городскомъ самоуправленіи дворянства, какъ класса болѣе просвѣщеннаго, могло бы, по мысли Милютина, поднять на болѣе высокій уровень дѣятельность городскихъ учрежденій. И Милютинъ не остановился даже передъ предоставленіемъ городскимъ гласнымъ изъ дворянъ нѣкоторыхъ особыхъ преимуществъ, лишь бы только заинтересовать дворянъ городскими дѣлами. Эти любопытныя черты милютинскаго Городового Положенія 1846 г. могли бы послужить лучшимъ опроверженіемъ тѣхъ упрековъ въ какой-то слѣпой ненависти къ дворянскому сословію, которые сыпались на голову Милютина въ эпоху редакціонныхъ комиссій. Сравненіе дѣйствій Милютина въ 1846 г. и въ 1858—61 гг. ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ человѣкъ всегда стоялъ не на точкѣ зрѣнія какихъ-либо сословныхъ симпатій и антипатій, а единственно—на точкѣ зрѣнія общегосударственнаго интереса. И въ 46 г., въ вопросѣ объ устройствѣ городского самоуправленія, и въ 58—61 гг., въ вопросѣ о реформѣ соціально-экономическихъ отношеній въ странѣ, онъ стремился къ одному и тому же: къ возможному уравненію сословій, и уже не отъ него зависѣло то обстоятельство, что въ 46 г. ради этой цѣли приходилось побуждать дворянъ къ мало интересовавшему ихъ участію въ городскихъ дѣлахъ, а въ 1858—61 гг. ради той же цѣли пришлось ополчиться противъ олигархическихъ, односторонне-сословныхъ стремленій и притязаній дворянства.

Вторымъ способомъ для лучшаго упорядоченія и оживленія дѣятельности городскихъ учрежденій Милютинъ считалъ тогда установленіе болѣе тѣснаго сотрудничества между выборными городскими органами и представителями коронной администраціи. Съ этой стороны Милютинъ дѣйствительно пошелъ дальше того, съ чѣмъ мы могли бы согласовать наши современныя представленія о сущности общественнаго самоуправленія. Милютинъ какъ будто склонялся къ той мысли, что интересы города выиграютъ отъ сочетанія само-

дѣятельности выборныхъ органовъ съ служебнымъ опытомъ коронной администраціи. И представителямъ этой послѣдней по положенію 1846 г. было предоставлено весьма широкое вмѣшательство въ работу городскихъ учрежденій, не только въ смыслѣ надзора за закономѣрностью дѣйствій этихъ учрежденій, но и въ смыслѣ прямого воздѣйствія на самое содержаніе и общее направленіе ихъ дѣятельности... Не забудемъ однако, что разбираемый законодательный трудъ Милютина былъ совершонъ въ глухую пору расцвѣта Николаевской реакціи, не забудемъ, далѣе, что и несмотря на удѣленіе столь видной роли коронному элементу въ положеніи 46 г., это положеніе снискало Милютину репутацію «краснаго и революціонера» даже въ глазахъ правительства Александра II; не забудемъ всего этого, и тогда мы придемъ къ выводу, что для характеристики политическаго облика Милютина важны не тѣ черты положенія 46 г., съ которыми мы теперь уже не можемъ согласиться, а общее стремленіе Милютина сдѣлать хотя что-нибудь для поддержанія началъ муниципальной автономіи въ періодъ расцвѣта полицейской государственности.

Когда же Милютину пришлось вернуться къ вопросамъ самоуправленія при иной общественной обстановкѣ, онъ поставилъ разработку этихъ вопросовъ уже на гораздо болѣе широкія основанія. Я разумѣю его работы по составленію проекта земскихъ учрежденій. Первоначальная программа земской реформы, начертанная въ то время, когда во главѣ комиссіи по организаціи земскихъ учрежденій стоялъ Милютинъ, была, какъ извѣстно, шире тѣхъ рамокъ, которыя были выставлены при дальнѣйшей разработкѣ реформы уже подъ руководительствомъ Валуева. Составленныя первоначально «Соображенія объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія» содержали въ себѣ такія истины, подъ которыми никогда не согласился бы подписаться послѣдовательный сторонникъ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма. «Земскимъ учрежденіемъ,—читаемъ мы здѣсь,—должна быть предоставлена *дѣйствительная и самостоятельная* власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ. Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстнаго интереса, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ». Участіе въ управленіи мѣстными дѣлами двухъ различныхъ по началу своему властей, по мнѣнію комиссіи, не приноситъ полезныхъ результатовъ и, какъ уже доказано опытомъ, приводитъ либо къ совершенному уничтоженію законнаго вліянія одной изъ властей на ходъ дѣлъ, либо къ пререканіямъ и взаимному противодѣйствію органовъ той и другой власти, къ замѣшательству и не-

успѣшности въ распоряженіяхъ и, наконецъ, къ обоюдному уклоненію обѣихъ властей отъ исполненія обязанностей, къ ихъ одинаковому бездѣйствію и апатіи. На основаніи этихъ соображеній комиссія предлагала установить дѣйствительную самостоятельность и независимость земскихъ учрежденій съ предоставленіемъ правительственной власти лишь надзора за законностью состоявшихся уже постановленій и съ подчиненіемъ земскихъ учрежденій отвѣтственности за незаконныя и неправильныя дѣйствія лишь передъ судомъ [1]).

У насъ есть документальное доказательство того, что всѣ изложенныя «соображенія» комиссіи точно выражали личныя убѣжденія Милютина. Въ «Историческомъ обзорѣ дѣятельности комитета министровъ», составленномъ г. Середонинымъ [2]), напечатана записка, поданная Милютинымъ въ совѣтъ министровъ при обсужденіи тамъ проекта земскихъ учрежденій. Въ этой запискѣ Милютинъ съ полной рѣшительностью высказывается за предоставленіе земскимъ учрежденіямъ истинной свободы и самостоятельности въ кругѣ присвояемыхъ имъ задачъ. Милютина такъ часто упрекаютъ въ бюрократизмѣ, что мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь дословно существеннѣйшія мѣста изъ упомянутой его записки. «Правильно поставленное земство, — писалъ Милютинъ,—привлечетъ къ себѣ лучшихъ образованныхъ людей, подниметъ уровень мѣстной администраціи, освободитъ высшее правительство отъ массы дѣлъ, дастъ молодымъ поколѣніямъ практическое направленіе и отвлечетъ многихъ отъ анархіи. Не могу не повторить искренняго убѣжденія, вынесеннаго изъ многолѣтней практики, что примѣненіе выборнаго начала къ администраціи тогда только можетъ быть дѣйствительно и полезно, когда выборныя лица уполномочиваются закономъ къ самостоятельной и серьезной дѣятельности. Въ противномъ случаѣ они превращаются большею частью въ орудіе произвола мѣстныхъ второстепенныхъ властей, прикрывая своимъ невольнымъ и безгласнымъ участіемъ самыя вопіющія злоупотребленія, иногда же и сами становятся сообщниками и пособниками злоупотребителей. Исторія нашей администраціи представляетъ къ тому, къ сожалѣнію, множество примѣровъ, несмотря на самое энергичное преслѣдованіе со стороны высшаго правительства. Горько будетъ, если новыя земскія учрежденія подчинятся той же участи, а это, мнѣ кажется, неминуемо послѣдуетъ, если правительству не удастся привлечь къ участію въ земскомъ управленіи живыя силы населенія. При нынѣшнемъ настроеніи русскаго общества можно разсчитывать

---

[1]) Матеріалы по земскому обществ. устройству Спб. 1885 г., т. I. [2]) Т. III, ч. 2, стр. 70, 71.

на участіе лучшихъ и благонамѣренныхъ людей въ такомъ только случаѣ, когда они увидятъ, что ихъ призываютъ не для исполненія какихъ-либо механическихъ формальностей, но для разумной и истинно-полезной дѣятельности и въ то же время правительство, отказавшись отъ безплодныхъ усилій направлять и контролировать малѣйшія дѣйствія мѣстнаго управленія, не только ничего не потеряетъ, но пріобрѣтетъ новую силу, сосредоточивъ все свое вниманіе на общегосударственныхъ интересахъ».

На основаніи этихъ соображеній Милютинъ подымалъ голосъ противъ предоставленія губернаторамъ права присутствовать на засѣданіяхъ губернскаго собранія и участвовать въ совѣщаніяхъ безъ права голоса, а также утверждать выборъ членовъ земскихъ комитетовъ (управъ) и приговоры собраній о преданіи своихъ членовъ суду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Милютинъ допускалъ необходимость утвержденія дѣйствій земскихъ учрежденій мѣстными властями, но случаи эти, по его мнѣнію, должны быть точно опредѣлены въ самомъ законѣ.

Все это совершенно не вяжется съ пристрастіемъ къ лозунгу— «tout pour le peuple,—rien par le peuple». Вопреки этому лозунгу Милютинъ былъ несомнѣннымъ сторонникомъ широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія и общественной самодѣятельности.

Но былъ ли Милютинъ сторонникомъ конституціонныхъ учрежденій или онъ соединялъ съ пристрастіемъ къ мѣстному самоуправленію вѣру въ незыблемость и плодотворность политическаго абсолютизма? Отвѣта на этотъ вопросъ прежде всего поищемъ въ той же бесѣдѣ Милютина съ государемъ, которую я уже цитировалъ и въ которой Милютинъ такъ чистосердечно исповѣдалъ свои завѣтные помыслы... Милютинъ сказалъ тогда государю: произволъ и неразвитость высшихъ слоевъ нашего общества создали бы у насъ при конституціонномъ правленіи деспотизмъ олигархіи, чего я для своего отечества вовсе не желаю нынѣ, когда правительство вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ. Въ этихъ словахъ нѣтъ отрицанія самой сущности конституціонализма, хотя именно такое отрицаніе было бы для Милютина всего выгоднѣе въ цѣляхъ самозащиты въ глазахъ императора. Милютинъ высказывается только противъ олигархіи представителей высшаго сословія и отрицаетъ желательность конституціи лишь постольку, поскольку ея введеніе въ данный моментъ сулило въ его глазахъ неизбѣжное установленіе олигархическаго строя. Таково и было дѣйствительное отношеніе Милютина къ конституціонному вопросу. Онъ былъ слишкомъ серьезно и послѣдовательно мыслящій человѣкъ, чтобы не понимать отрицательныхъ сторонъ абсолютизма. Съ этой стороны очень

любопытно его письмо изъ-за границы отъ 23 апрѣля 1863 г. [1]). Онъ указываетъ въ этомъ письмѣ на враждебное отношеніе къ Россіи общественнаго мнѣнія Европы и проводитъ ту мысль, что эта враждебность цѣликомъ направлена противъ русскаго абсолютизма. «Чѣмъ долѣе я живу здѣсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ этомъ»,—пишетъ Милютинъ. По мнѣнію Милютина эти предубѣжденія противъ Россіи, вызванныя русскимъ абсолютизмомъ, укоренились такъ глубоко, даже въ сознаніи наиболѣе умѣренныхъ людей, что для разсѣянія ихъ потребуется очень много исключительныхъ усилій. И Милютинъ указываетъ далѣе на то, какъ даже популярныя мѣры окружаются въ Россіи такими проявленіями правительственнаго произвола, которыя парализуютъ благопріятное впечатлѣніе отъ этихъ мѣръ. Нельзя не замѣтить также, что Милютинъ, являясь горячимъ сторонникомъ развитія мѣстнаго самоуправленія, не могъ не понимать со свойственной ему остротой мысли, что послѣдовательные успѣхи въ странѣ идеи самоуправленія неминуемо должны были привести въ концѣ-концовъ къ реформѣ всего государственнаго строя на началахъ народнаго представительства, и, думается мнѣ, Леруа-Болье имѣлъ опредѣленныя основанія утверждать, что Милютинъ и его политическіе друзья, считая преждевременнымъ немедленное введеніе въ Россіи конституціонныхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе смотрѣли на земство какъ на зародышъ, изъ котораго со временемъ предстояло развиться представительному образу правленія въ Россіи.

Такимъ образомъ Милютина нельзя характеризовать какъ сторонника просвѣщеннаго абсолютизма и какъ принципіальнаго противника представительной формы правленія. Характерная особенность его воззрѣній заключалась лишь въ томъ, что необходимой предпосылкой какихъ бы то ни было усовершенствованій государственнаго строя онъ считалъ реформу соціальныхъ отношеній на демократическихъ началахъ. Политическая реформа не должна предварять собою реформу соціальную, она можетъ явиться лишь естественнымъ послѣдствіемъ уже вошедшаго въ жизнь и вполнѣ утвердившагося и въ законахъ и въ нравахъ уравненія сословій. Таковъ былъ основной догматъ политическихъ воззрѣній Милютина, таковъ былъ истинный источникъ его отрицательнаго отношенія къ конституціоннымъ стремленіямъ дворянскихъ круговъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Эта черта существенно отличаетъ Милютина отъ другого выдающагося русскаго реформатора XIX в. Сперанскаго и приближаетъ его къ Николаю Тургеневу.

Демократическіе идеалы Милютина и нашли себѣ опредѣленное

---

1) *Leroy-Beaulieu*, loc. cit., стр. 152.

выраженіе въ его дѣятельности по освобожденію крестьянъ, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и обратимся.

Мечта объ освобожденіи крестьянъ запала въ душу Милютина съ ранней молодости. Притомъ эта мечта сложилась у него не отвлеченно теоретическимъ путемъ, а какъ непосредственный плодъ лично пережитыхъ впечатлѣній. Уже подъ конецъ жизни, прикованный къ креслу предсмертнымъ недугомъ, Милютинъ разсказалъ друзьямъ знаменательный случай изъ своего прошлаго. Какъ-то разъ, на масленицѣ, 16-лѣтній Милютинъ отправился въ собственномъ экипажѣ на танцовальное утро. День выпалъ очень морозный, но предвкушеніе веселья и теплая шуба скоро помогли молодому человѣку забыть о холодѣ. Въ танцахъ время пролетѣло незамѣтно до 6 часовъ вечера. Съ бала Милютинъ поѣхалъ обѣдать въ одинъ знакомый домъ, гдѣ его ожидала пріятная встрѣча съ предметомъ его юношеской страсти. Послѣ обѣда опять вздумали танцовать, а тамъ сѣли за ужинъ. Было уже четыре часа утра, когда Милютинъ вернулся, наконецъ, домой. Все это время крѣпостной кучеръ Милютиныхъ дрогъ на морозѣ, дожидаясь у крыльца молодого барина. Всего-навсего ему пришлось просидѣть на козлахъ 15 часовъ. Когда на слѣдующій день Милютинъ вышелъ къ завтраку, мать встрѣтила его упреками въ безсердечномъ отношеніи къ несчастному кучеру. Тутъ только онъ сообразилъ, что онъ надѣлалъ; наканунѣ мысль о кучерѣ ни разу не пришла ему въ голову. «Съ этой минуты,—разсказывалъ впослѣдствіи Милютинъ,—я началъ бредить освобожденіемъ крестьянъ» [1]).

Лишь только по воцареніи Александра II вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права окончательно былъ поставленъ на очередь, Милютинъ отдался всей душой его практической разработкѣ. Задолго до того, какъ ему была дана возможность принять видное офиціальное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ въ качествѣ члена редакціонныхъ комиссій, онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы хотя косвенно приложить свою руку къ этому дѣлу. Кажется, первымъ его шагомъ на этомъ пути были тѣ указанія, которыя онъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ давалъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, когда она задумала освободить крестьянъ своего полтавскаго имѣнія — Карловки. Эти указанія были направляемы главнымъ образомъ къ той цѣли, чтобы убѣдить великую княгиню въ необходимости обставить задуманное ею предпріятіе не какъ единичный актъ личнаго великодушія, а какъ общественное начинаніе, которое могло бы послужить и образцомъ и отправной точкой для болѣе широкой постановки крестьян-

---

[1]) Н. А. Милютинъ. Некрологи. М. 1873, стр. 63—64.

скаго дѣла во всемъ его объемѣ. Между прочимъ Милютинъ настойчиво совѣтовалъ великой княгинѣ добиваться организаціи въ Полтавской губерніи особаго комитета изъ мѣстныхъ помѣщиковъ для обсужденія освободительнаго проекта, составленнаго для Карловки, съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ вызвать въ мѣстной помѣщичьей средѣ общее движеніе въ пользу освобожденія. Не въ этихъ ли указаніяхъ, относящихся еще къ 1856 г., слѣдуетъ видѣть первый зародышъ мысли о передачѣ крестьянскаго дѣла на обсужденіе губернскихъ комитетовъ?

Другимъ человѣкомъ, чрезъ котораго Милютинъ начинаетъ въ это время проводить свои взгляды по крестьянскому дѣлу, былъ мин. вн. дѣлъ Ланской, вскорѣ пошедшій рука объ руку съ Милютинымъ въ работахъ по крестьянскому вопросу. Такъ Милютинъ посовѣтовалъ Ланскому возможно быстрѣе, въ одну ночь, отпечатать и разослать повсюду копіи Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, чѣмъ былъ предотвращенъ успѣхъ попытки кн. Орлова настоять предъ государемъ на отмѣнѣ распоряженія о повсемѣстной разсылкѣ рескрипта. Вмѣстѣ съ Арцимовичемъ Милютинъ поддерживалъ Ланского въ рѣшимости выступить рѣзко и опредѣленно противъ извѣстнаго проекта назначенія по всей Россіи генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями для предотвращенія бунтовъ и мятежей, которые, по мнѣнію крѣпостниковъ, должны были потрясти Россію при отмѣнѣ крѣпостного права. Въ мартѣ 1858 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ земскій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета, въ засѣданіяхъ котораго участвовалъ и Милютинъ въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента. Впослѣдствіи уже въ качествѣ товарища министра онъ окончательно вступилъ въ составъ отдѣла. Съ этого момента Милютинъ впервые получилъ непосредственное офиціальное отношеніе къ работамъ по подготовкѣ крестьянской реформы. На обязанность земскаго отдѣла было возложено направлять чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ доклады государю о положеніи вещей въ странѣ и наблюдать за ходомъ дѣла въ губернскихъ комитетахъ, руководя ихъ въ случаѣ надобности своими указаніями. Въ этомъ отношеніи земскій отдѣлъ выполнилъ съ честью очень важную роль, своевременно отражая своими докладами государю разнообразные козни высокопоставленныхъ враговъ реформы. Однако какъ ни важна была эта роль, все же она носила по преимуществу обсерваціонный, развѣдочный и вспомогательный характеръ. Въ качествѣ члена земскаго отдѣла Милютинъ все еще не имѣлъ возможности проводить открыто, отъ своего имени свои творческія идеи по разрабатываемой реформѣ. Ему попрежнему приходилось дѣйствовать

черезъ другихъ, изъ-за кулисъ, и въ запискахъ его жены мы находимъ любопытныя указанія на то, какъ искусно онъ пользовался для этого всякимъ удобнымъ случаемъ. Уже въ это время, какъ свидѣтельствуетъ М. А. Милютина, онъ ясно видѣлъ необходимость выкупа надѣльной земли въ собственность освобождаемыхъ крестьянъ при посредствѣ кредитной операціи. Но идея выкупа признавалась еще запретной въ правящихъ кругахъ, и государь нѣсколько разъ говорилъ Ланскому: «Это невозможно, объ этомъ нельзя и думать». — Милютинъ упорно искалъ случая для пропаганды этой идеи и, натолкнувшись среди представляемыхъ въ земскій отдѣлъ частныхъ проектовъ и записокъ на проектъ графа Алексѣя Бобринскаго съ предложеніемъ выкупа, рѣшилъ сдѣлать изъ гр. Бобринскаго орудіе для достиженія своей цѣли. Милютинъ познакомился съ Бобринскимъ въ салонѣ вел. кн. Елены Павловны и, передѣлавъ съ согласія Бобринскаго его проектъ, т.-е. вложивъ въ него собственныя мысли, выпустилъ этотъ проектъ съ гр. Бобринскимъ «по всѣмъ салонамъ, министерствамъ и царскимъ покоямъ».

Наконецъ, съ открытіемъ въ мартѣ 1859 г. редакціонныхъ комиссій, Милютинъ получаетъ возможность окончательно выйти изъ-за кулисъ и встать у самаго кормила великой реформы.

Съ какими чувствами вступалъ Милютинъ въ редакціонныя комиссіи, лучше всего видно изъ его письма къ Юрію Самарину, въ которомъ онъ звалъ своего друга къ совмѣстной работѣ въ этихъ комиссіяхъ. «Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда,— писалъ Милютинъ.—Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода вѣроятно будутъ насъ преслѣдовать; но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни» [1]). Достопамятные годъ и семь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ шли занятія редакціонныхъ комиссій (съ 4 марта 1859 г. по 10 октября 1860 г.), Милютинъ можно сказать горѣлъ лихорадкой работы. Комиссіи раздѣлились, какъ извѣстно, на отдѣленія — хозяйственное, административное, юридическое, сверхъ того къ нимъ была присоединена особая финансовая комиссія. Милютинъ работалъ во всѣхъ этихъ отдѣленіяхъ, въ хозяйственномъ кромѣ того несъ обязанности предсѣдателя и наконецъ принималъ самое дѣятельное участіе въ общихъ собраніяхъ всѣхъ отдѣленій. Засѣданія хозяйственнаго отдѣленія происходили въ лѣтнее время на дачѣ Милютиныхъ подъ Петербургомъ. «Въ свѣтлыя, теплыя ночи—пишетъ въ своихъ мемуарахъ жена Милютина—столъ иногда выносился въ садикъ и ставился среди души-

[1]) „Русск. Стар.“ 1880 г. т., 27.

стыхъ сиреневыхъ кустовъ. Засѣданіе начиналось около 8 часовъ вечера и часто длилось до 5 часовъ утра. Окончаніе споровъ происходило уже за ужиномъ. Первое время недоставало на дачѣ посуды, подсвѣчниковъ и даже нужнаго числа стульевъ. Окрестные работники и крестьяне, извозчики и лодочники скоро разузнали, какого рода эти собранія и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ выразить членамъ комиссіи свое участіе и благодарность» [1]).

Работая не покладая рукъ надъ непосредственной задачей редакціонныхъ комиссій, Милютинъ въ то же время поспѣвалъ всюду, гдѣ требовалось оказать помощь крестьянскому дѣлу личнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ. Благодаря тактичному посредничеству Милютина пришли къ полному согласію отношенія между Ростовцевымъ и Ланскимъ. Милютинъ очаровалъ пріѣхавшаго въ Петербургъ весной 1859 г. фельдмаршала кн. Барятинскаго, на котораго возлагали тайныя надежды петербургскіе аристократы-крѣпостники, думая воспользоваться въ своихъ цѣляхъ вліяніемъ фельдмаршала на государя. Эти надежды лопнули послѣ того, какъ Милютинъ разъяснилъ кн. Барятинскому принципы подготовляемаго преобразованія и обнаружилъ передъ нимъ вздорность тѣхъ обвиненій въ коммунизмѣ, которыя сыпались на редакціонныя комиссіи изъ лагеря крѣпостниковъ. Милютинъ и его друзья дали энергическій отпоръ притязаніямъ Позена, сильному вліянію котораго вначалѣ подпалъ Ростовцевъ и который стремился использовать это вліяніе для того, чтобы провести въ проектахъ редакціонныхъ комиссій свои замаскированныя крѣпостническія тенденціи. Наконецъ Милютинъ принималъ неизмѣнное участіе въ составленіи тѣхъ записокъ, которыя Ланской подавалъ государю передъ прибытіемъ въ Петербургъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, а также и во время борьбы этихъ депутатовъ съ редакціонными комиссіями; эти записки имѣли цѣлью оборонить позицію редакціонныхъ комиссій отъ тѣхъ ударовъ, которые готовились имъ въ это время съ разныхъ сторонъ. Среди этихъ записокъ наибольшую важность имѣла записка, поданная государю въ августѣ 1859 г. подъ названіемъ: «Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время», съ очеркомъ работъ губернскихъ комитетовъ, съ характеристикой различныхъ теченій и направленій, обнаружившихся въ развитіи крестьянскаго вопроса, и съ указаніемъ на тѣ ограниченія, которыя надлежало положить дѣйствіямъ дворянскихъ депутатовъ для того, чтобы они не могли сплотиться въ опредѣленную партію, противо-

[1]) Изъ записокъ М. А. Милютиной, loc. cit.

положную правительственной программѣ крестьянской реформы. Эта записка, получившая столь важное значеніе въ исторіи реформы, была составлена Милютинымъ и Яковомъ Соловьевымъ.

Въ средѣ самихъ редакціонныхъ комиссій Милютинъ сразу занялъ центральное, руководящее положеніе. Всегда убѣдительно краснорѣчивый, съ необыкновенной легкостью и ясностью схватывающій самую суть каждаго вопроса, всегда неизмѣнно послѣдовательный въ развитіи своихъ убѣжденій и всегда готовый къ вѣскому и находчивому отвѣту на вызовъ противника, онъ невольно подчинялъ окружающихъ власти своего нравственнаго вліянія. При чтеніи тѣхъ частныхъ протоколовъ общихъ собраній редакціонныхъ комиссій, которые велись Семеновымъ и которые напечатаны имъ въ его книгѣ «Освобожденіе крестьянъ», можно видѣть, какое дѣятельное, руководящее участіе принадлежало все время Милютину при редактированіи журналовъ, постановленій, проектовъ и т. д. Онъ зорко слѣдилъ за всякой подробностью дѣлопроизводства комиссій и твердою рукою направлялъ руль ихъ многосложной работы. На ряду съ этимъ Милютину принадлежала и выдающаяся творческая роль въ трудахъ комиссій. Съ полнымъ блескомъ развернулись теперь его таланты иниціатора, организатора, вождя. Около него быстро сплотился согласный съ нимъ и преданный ему кружокъ. Къ этому кружку принадлежало большинство членовъ хозяйственнаго отдѣленія и почти всѣ члены финансовой комиссіи, участвовавшіе въ работахъ общихъ собраній редакціонныхъ комиссій. Милютинъ былъ признаннымъ вождемъ этого кружка, тѣсная сплоченность котораго придавала милютинской партіи силу и авторитетъ въ ходѣ общей работы. Однако Милютинъ не царилъ деспотически надъ руководимой имъ группой. Ему не было чуждо сознаніе своего превосходства. Но это сознаніе всегда соединялось въ немъ съ полнымъ уваженіемъ къ самостоятельности чужого мнѣнія. Онъ умѣлъ отстаивать свои взгляды неотразимою аргументаціею, онъ производилъ на большинство людей чарующее впечатлѣніе своимъ блестящимъ и трезвымъ умомъ и искренностью своихъ убѣжденій, и въ этомъ заключался секретъ его обаянія и нравственнаго воздѣйствія на окружающихъ; но онъ совершенно не былъ способенъ къ тѣмъ мелочнымъ уловкамъ, къ которымъ прибѣгаютъ завистливые и тщеславные люди ради удержанія за собою внѣшняго главенства. И вотъ почему около него группировались всегда не какіе-нибудь прирожденные сателлиты, посредственные и ничтожные, а люди крупные, выдающагося ума, таланта и самостоятельной воли, какъ Юрій Самаринъ или кн. Черкасскій. И то обстоятельство, что именно люди такого закала охотно становились

въ ряды той группы, которой руководительствовалъ Милютинъ, всего лучше свидѣтельствуетъ о высотѣ его умственныхъ дарованій, о благородствѣ его моральной личности.

Вступая въ редакціонныя комиссіи, Милютинъ смотрѣлъ сначала очень пессимистически на предстоящую совмѣстную работу съ Ростовцевымъ въ виду полной неподготовленности послѣдняго въ области крестьянскаго вопроса и въ виду той репутаціи, которая окружала тогда имя Ростовцева. Какъ извѣстно, эти опасенія не оправдались. Ростовцевъ обнаружилъ искреннее желаніе учиться тому, съ чѣмъ онъ былъ плохо знакомъ ранѣе, и оказался ученикомъ добросовѣстнымъ и понятливымъ. Искренность его интереса къ тому дѣлу, за которое онъ взялся, всего ярче обнаружилась, на мой взглядъ, въ отношеніяхъ Ростовцева съ Позеномъ. Первоначально Ростовцевъ склоненъ былъ вѣрить въ Позена, какъ въ оракула, и открыто выставлялъ передъ всѣми свое безусловное подчиненіе вліянію послѣдняго. Но лишь только Милютинъ и другіе видные члены редакціонныхъ комиссій разоблачили крѣпостническую подкладку намѣреній Позена, Ростовцевъ доказалъ, что онъ свободенъ отъ чувства ложнаго самолюбія, и рѣшительно порвалъ съ Позеномъ. Вообще Ростовцевъ цѣнилъ участіе Милютина въ работахъ редакціонныхъ комиссій и вполнѣ сознавалъ важное значеніе этого участія.—«Милютинъ—наша нимфа Эгерія», говаривалъ Ростовцевъ.

При такомъ настроеніи предсѣдателя комиссій Милютинъ и его кружокъ могли вести работу, не падая духомъ, какъ ни велика была ея трудность, какъ ни тяжелы были всякаго рода нападки на ихъ дѣятельность со стороны враждебныхъ элементовъ.

Положеніе измѣнилось, когда по смерти Ростовцева на предсѣдательскомъ креслѣ редакціонныхъ комиссій появилась длинная, сухощавая фигура гр. Панина, съ безстрастно-спокойнымъ лицомъ, съ тяжелымъ, угрюмо-тусклымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Гр. Панинъ пользовался совершенно опредѣленной репутаціей узкаго и упрямого формалиста и послѣдовательнаго крѣпостника. Его назначеніе было тяжелымъ ударомъ для Милютина и его кружка. Сколько уже было вынесено тревогъ за исходъ дорогого дѣла, и вотъ, когда впереди замелькалъ желанный берегъ, на горизонтѣ поднялась новая туча. Былъ моментъ, когда члены комиссій заговорили уже о томъ, чтобы сообща подать въ отставку. Правда, государь въ длинной бесѣдѣ съ Милютинымъ на одномъ изъ вечеровъ велик. кн. Елены Павловны заявилъ, что Панину дано положительное приказаніе не измѣнять направленія дѣла и довести его до конца; правда, самъ Панинъ объяснялъ свое назначеніе тѣмъ,

что онъ «всю жизнь подписывалъ вещи, несогласныя съ собственными убѣжденіями»,—но тѣмъ не менѣе перемѣна предсѣдателя тяжело отозвалась на работахъ комиссій. Панинъ не проявлялъ открытаго противодѣйствія проектамъ комиссій; однако его несочувствіе основнымъ началамъ реформы сказывалось при обсужденіи многихъ отдѣльныхъ вопросовъ, нерѣдко имѣвшихъ глубоко важное значеніе для всего дѣла. Въ засѣданіяхъ комиссій начали разыгрываться рѣзкія сцены, вызываемыя тѣми уловками, къ которымъ прибѣгалъ предсѣдатель. Главную тяжесть борьбы съ этими дѣйствіями Панина принялъ на свои плечи Милютинъ. Вступая въ горячіе споры съ предсѣдателемъ по поводу его предложеній, шедшихъ въ разрѣзъ съ планами редакціонныхъ комиссій, Милютинъ въ то же время выводилъ на свѣжую воду и такіе, явно предосудительные пріемы Панина, какъ произвольное измѣненіе протоколовъ въ духѣ собственныхъ воззрѣній. Однажды Милютинъ съ несомнѣнностью доказалъ неправильность, умышленно допущенную въ протоколѣ. Панинъ затрясся, поблѣднѣлъ и, задыхаясь, крикнулъ: «такъ это значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мною въ первый разъ въ жизни».

Такъ накалялась атмосфера редакціонныхъ комиссій въ этотъ бурный періодъ ихъ дѣятельности. Милютинъ наживалъ себѣ непримиримыхъ враговъ своими рѣзкими обличеніями. Возмущенный измѣнчивостью поведенія одного члена, Милютинъ бросилъ ему въ упоръ слѣдующее обвиненіе: «ваши дѣйствія неблаговидны; я знаю, что вы хотите только подслужиться извѣстному лицу вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ комиссіямъ. Какъ вы служили 30 лѣтъ, мы не знаемъ, но все, что вы написали противъ комиссій, дѣлаетъ васъ недостойнымъ быть въ средѣ ихъ членовъ». Въ дальнѣйшемъ спорѣ было уже произнесено слово «дуэль».—Дуэль не состоялась, но мы поймемъ, сколько злобы и ненависти скопилъ надъ своей головой Милютинъ такими порывами благородной горячности. Въ пылу борьбы онъ бралъ на себя одновременно и роль полководца, и роль застрѣльщика рѣшительныхъ битвъ.

Какова же была программа крестьянской реформы, которую отстаивалъ Милютинъ? Онъ былъ несомнѣннымъ сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ, направленныхъ на возможно болѣе прочное поземельное обезпеченіе освобождаемаго крестьянина. Мы видѣли выше, какъ рано и скоро пришелъ онъ къ убѣжденію въ необходимости выкупа надѣловъ въ собственность крестьянъ при помощи кредитной операціи. На ряду съ этимъ онъ послѣдовательно стоялъ за увеличеніе размѣровъ надѣла и за облегченіе назначаемыхъ за надѣлъ повинностей. Усилія, употребляемыя Милютинымъ въ редакці-

онныхъ комиссіяхъ для достиженія этихъ цѣлей, можно отчасти прослѣдить по записямъ Семенова.

Какъ видно изъ этихъ записей, Милютинъ выступалъ въ общихъ собраніяхъ комиссій съ особенною настойчивостью въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринимались попытки къ сокращенію земельной площади, отходящей въ составъ крестьянскаго надѣла. Такъ, напр., когда Панинъ предложилъ предоставить крестьянамъ по соглашенію съ помѣщикомъ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ отказываться отъ части надѣла, Милютинъ выступилъ съ обширнымъ возраженіемъ. Онъ указывалъ на то, что у подворника легче чѣмъ у общины помѣщикъ сможетъ выманить согласіе на уменьшеніе надѣла за какія-нибудь временныя льготы, особенно въ критическіе для нихъ моменты; невзирая на это, комиссіи должны исходить не отъ отдѣльныхъ фактовъ, а отъ общегосударственныхъ соображеній и временныя выгоды отдѣльныхъ крестьянъ не должны заслонять въ ихъ глазахъ общихъ интересовъ освобождаемаго сословія; Милютинъ подчеркивалъ, что принятіе предложенія Панина пошло бы въ разрѣзъ съ выгодами цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, ибо вымороченные подворные участки будутъ отходить къ обществу и такимъ образомъ уменьшеніе надѣловъ отдѣльныхъ дворовъ можетъ отразиться на интересахъ всего общества. Съ такой же энергіей Милютинъ отстаивалъ необходимость назначенія надѣла на бѣглыхъ крестьянъ въ виду того, что отнятіе отъ нихъ надѣла было бы прегражденіемъ для нихъ всякой возможности водвориться на прежнихъ мѣстахъ; онъ настойчиво доказывалъ также необходимость надѣленія крестьянъ лѣсомъ, за исключеніемъ только совершенно безлѣсныхъ мѣстностей. Когда тамбовскіе депутаты предложили разрѣшить помѣщикамъ покупать въ обмѣнъ на выкупныя свидѣтельства казенныя земли, Милютинъ возражалъ противъ этого, доказывая, что государственный земельный фондъ долженъ быть оберегаемъ для будущаго времени въ цѣляхъ надѣленія землей дальнѣйшаго прироста крестьянскаго населенія. Наконецъ Милютинъ вступилъ въ крупную стычку съ Панинымъ, когда послѣдній сдѣлалъ попытку свести на нѣтъ уже принятое комиссіями постановленіе о безсрочности пользованія надѣломъ со стороны крестьянъ впредь до выкупа. Милютинъ возсталъ противъ этой уловки, направленной къ обезземеленію крестьянъ, со всѣмъ свойственнымъ ему жаромъ. «Если допустить,—сказалъ тогда, между прочимъ, Милютинъ,—измѣненіе столь важнаго пункта, какъ «безсрочное пользованіе», то «мы окажемся подъ тяжкимъ гнетомъ опасенія, что всѣ наши работы могутъ быть уничтожены». Какъ извѣстно, эта отповѣдь достигла цѣли и Панинъ долженъ былъ отступить.

Возставая противъ уменьшенія надѣла, Милютинъ столь же горячо высказывался противъ увеличенія повинностей, полагаемыхъ за пользованіе надѣломъ. Онъ исходилъ изъ того положенія, что прежнія повинности должны быть, наоборотъ, понижены, и съ этой цѣлью онъ возражалъ противъ причисленія къ оброку разныхъ дополнительныхъ натуральныхъ повинностей прежняго времени, переводъ которыхъ на деньги былъ бы въ высшей степени произволенъ. Наконецъ Милютинъ выступилъ съ энергичными возраженіями противъ допущенія періодической переоброчки надѣловъ, указывая на то, что переоброчка неминуемо отяготила бы крестьянъ, повела бы къ повышенію оброковъ и тѣмъ затянула бы согласіе многихъ помѣщиковъ на выкупъ. Какъ извѣстно, переоброчка хотя и была принята комиссіями, но для нея умышленно былъ назначенъ продолжительный срокъ, въ 20 лѣтъ, въ той надеждѣ, что ко времени наступленія этого срока добровольный выкупъ всѣхъ надѣловъ будетъ уже завершонъ. Хотя эта надежда и не оправдалась, но не сбылись и планы тѣхъ, кто мечталъ о переоброчкѣ. Когда насталъ положенный для нея срокъ, она была отсрочена по Высочайше утвержденному мнѣнію комитета министровъ, а затѣмъ въ 1881 г. выкупъ изъ добровольнаго былъ превращенъ въ обязательный и вопросъ о переоброчкѣ устранился самъ собою.

На ряду съ экономическими интересами освобождаемыхъ крестьянъ Милютинъ горячо отстаивалъ и самостоятельность крестьянскаго самоуправленія,—онъ высказывался противъ подчиненія выборныхъ крестьянскихъ властей мировому судьѣ. «Выборныя лица, говорилъ онъ при этомъ,—тогда только и сильны, когда они находятся въ независимости отъ полицейскихъ и судебныхъ учрежденій [1]).

Было бы неправильно утверждать, что дѣятельность Милютина и его кружка въ редакціонныхъ комиссіяхъ была свободна отъ ошибокъ. Несомнѣнной ошибкой надлежитъ, напр., признать принятіе въ видѣ общаго правила системы подесятинной градаціи при исчисленіи оброка, тогда какъ эта система отвѣчала жизненнымъ условіямъ лишь промысловыхъ мѣстностей; нельзя, конечно, одобрить и голосованія Милютина за сохраненіе помѣщикамъ права на тѣлесное наказаніе крестьянъ въ теченіе временно-обязаннаго періода. Но вѣдь не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, и эти ошибки не могутъ и не должны заслонить собою общаго характера и смысла дѣятельности Милютина, цѣлью которой было

---

[1]) *Семеновъ*, „Освобожденіе крестьянъ“, passim., *В. Якушкинъ*—Милютинъ и ред. комм. „Русск. Стар.“ 1897 г., № 10.

предоставить крестьянину волю и землю не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ.

Ту же самую цѣль ставилъ себѣ Милютинъ и въ Польшѣ и, какъ уже было выше указано, тамъ ему посчастливилось провести свои идеи въ болѣе широкомъ масштабѣ и въ болѣе чистой формѣ, нежели въ 1861 г. Но подробное разсмотрѣніе дѣятельности Милютина въ Польшѣ уже выходитъ за предѣлы назначенія настоящаго сборника.

Въ теченіе всей своей дѣятельности Милютинъ сумѣлъ на посту чиновника быть гражданиномъ, посвящая всю силу своихъ выдающихся дарованій служенію идеаламъ свободы и демократіи. И правъ былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, привѣтствовавшій Милютина на праздновaніи годовщины 19 февраля въ Баденѣ, въ 1868 г., въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Съ увѣренностью въ несомнѣнной истинѣ нашихъ словъ мы можемъ уже теперь воскликнуть: пока будутъ существовать на Руси свободные люди, въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета».

А. Кизеветтеръ.

Фотот П Павлова

Ю. Самарин

Юрій Өедоровичъ Самаринъ.

«Имя Ю. Ө. Самарина,—писалъ по поводу его смерти К. Д. Кавелинъ,—пользовалось у насъ огромной извѣстностью, которая досталась ему не случайно, а завоевана по праву цѣлою жизнью, богатой трудами, обильной подвигами» [1]). Эти слова, вылившіяся изъ-подъ пера ветерана русскихъ западниковъ, тѣмъ болѣе для насъ цѣнны, что они исходятъ отъ принципіальнаго противника Ю. Ө. Самарина, отъ человѣка, стоявшаго въ иномъ литературномъ и общественномъ лагерѣ. Дѣйствительно, вся жизнь Самарина была полна неустанной и кипучей работы, которая выдвинула его на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ рядахъ русской интеллигенціи средины XIX вѣка. Это выдающееся положеніе занято было имъ на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ гг., когда вырабатывались и проводились въ жизнь основныя начала великой крестьянской реформы. Развернувъ какъ разъ въ это время свое общественное знамя, Самаринъ стойко проводилъ въ жизнь тѣ лозунги, которые были на немъ начертаны, и ни разу не сошелъ съ намѣченнаго имъ пути, несмотря на то, что и общественный, и правительственный небосклонъ вскорѣ началъ заволакиваться темными реакціонными тучами.

По своему происхожденію Ю. Ө. Самаринъ принадлежалъ къ родовитому и состоятельному дворянству. Родившись въ Петербургѣ 21 апрѣля 1819 г., онъ провелъ свое раннее дѣтство въ атмосферѣ придворной жизни, такъ какъ отецъ его занималъ видное мѣсто при дворѣ вдовствующей императрицы Маріи Өеодоровны. Съ середины 20-хъ гг. Самарины переселяются въ Москву, гдѣ въ обстановкѣ дворянскихъ и литературныхъ салоновъ начинаютъ складываться первыя сознательныя впечатлѣнія молодого Ю. Ө. Отецъ его, человѣкъ весьма религіозный и съ сильно развитымъ чувствомъ долга, оказывалъ большое вліяніе на міровоззрѣніе сына, удѣляя много вниманія его воспитанію. Для занятій съ Ю. Ө. отецъ приглашалъ

---

[1]) „Вѣст. Ев.", 1876, № 4, стр. 906.

лучшихъ иностранныхъ и русскихъ преподавателей, при чемъ главное вниманіе обращалось на серьезное изученіе классическихъ и новыхъ языковъ, которые Самаринымъ были усвоены въ совершенствѣ. На его провѣрочныхъ экзаменахъ нерѣдко присутствовали профессора московскаго университета, такъ какъ семья Самариныхъ не была чужда литературныхъ и научныхъ интересовъ той эпохи. Въ 1834 г. съ хорошей домашней подготовкой 15-лѣтній Самаринъ поступаетъ въ московскій университетъ на словесный факультетъ, изъ профессоровъ котораго на него особенно сильное впечатлѣніе производили своими лекціями Шевыревъ и Погодинъ. Занимаясь преимущественно русской исторіей, Самаринъ усвоилъ себѣ націоналистическую точку зрѣнія на русское прошлое, и въ этомъ нельзя не видѣть вліянія тѣхъ же профессоровъ, являвшихся, какъ извѣстно, видными представителями теоріи офиціальной народности. Въ 1838 г. Ю. Ѳ. успѣшно оканчиваетъ курсъ со званіемъ кандидата по первому отдѣленію философскаго факультета. По своимъ обширнымъ родственнымъ и свѣтскимъ связямъ онъ могъ разсчитывать на блестящую служебную карьеру, но офиціальная дѣятельность не привлекала Ю. Ѳ. и всѣ его интересы были направлены въ сторону серьезной научной работы [1]).

Во время подготовки къ магистерскому экзамену завязывается его дружба съ К. С. Аксаковымъ. Горячая проповѣдь народныхъ началъ, которая въ устахъ молодого Аксакова звучала такой непосредственной вѣрой и неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, глубоко захватила Самарина и окончательно опредѣлила его намѣреніе заняться изученіемъ русской исторіи. Къ тѣмъ же годамъ относится его сближеніе съ кружкомъ Станкевича, этимъ общественно-литературнымъ ядромъ будущихъ западниковъ и славянофиловъ. Философская система Гегеля, горячими сторонниками которой были члены этого кружка, всецѣло захватила молодого Самарина. Онъ даже предполагалъ, при помощи Гегеля и его философско-исторической теоріи, обосновать и будущее развитіе русскаго народа, и грядущія судьбы православной религіи. Все его вниманіе сосредоточено было надъ разрѣшеніемъ проблемы объ отношеніи религіи къ философіи, и естественно, что онъ въ качествѣ правовѣрнаго гегеліанца давалъ на нее отвѣтъ въ духѣ основныхъ началъ философской системы великаго германскаго мыслителя [2]). Но въ душу Ю. Ѳ. уже начинало закрадываться сомнѣніе, что заставляло его переживать тяжелыя минуты глубокаго душевнаго раздвоенія. «Давно я веду тяжелый

---

[1]) Ср. Рус. Біогр. Словарь. Спб. 1904 г., Ю. Ѳ. Самаринъ, стр. 133 — 135.
[2]) Ibid., стр. 136—137.

мучительный споръ съ самимъ собой,—пишетъ онъ къ К. С. Аксакову въ декабрѣ 1843 г.—Все это время я провелъ въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа. Вопросы мнѣ давно знакомые и на время усыпленные, но не побѣжденные, проснулись во мнѣ и требуютъ рѣшительнаго да или нѣтъ. Кажется, никогда такъ сильно не было во мнѣ раздвоеніе; мнѣ невыносимо тяжело и грустно. Много ночей я провелъ въ деревнѣ безъ сна, въ горькихъ слезахъ и безъ молитвы» [1]). Такимъ образомъ Самаринъ стоялъ на распутьѣ между Гегелемъ и православіемъ. На новую дорогу его выводитъ Хомяковъ, отрицательно относившійся къ гегельянству и вскорѣ подчинившій Самарина своему философско-религіозному міровоззрѣнію. Съ этого времени Ю. Ѳ. на всю жизнь сохранилъ къ Хомякову глубокое чувство благодарности и уваженія. Много лѣтъ спустя, отдавая ему дань признательности, Самаринъ писалъ: «Для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ, раздвоившихся душой, Хомяковъ былъ своего рода эмансипаторомъ; онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія» [2]). Къ началу 40-хъ гг. относится такимъ образомъ сближеніе Ю. Ѳ. съ основателями славянофильскаго ученія, горячимъ послѣдователемъ котораго онъ становится на всю свою жизнь.

Сдавъ успѣшно магистерскій экзаменъ, Самаринъ началъ работать надъ диссертаціей, темой которой онъ избралъ дѣятельность Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Въ этой научной работѣ Ю. Ѳ. впервые облекъ въ литературныя формы свои православно-славянофильскія идеи. Однако печать философской системы Гегеля еще ярко сказывается почти на каждый страницѣ этого научнаго трактата. Положивъ въ основу своей работы его діалектическій методъ, Ю. Ѳ. устанавливалъ наличность всѣхъ трехъ моментовъ, логически замыкавшихъ цѣпь историческаго процесса. Въ Яворскомъ онъ усматривалъ антипротестантское начало—моментъ единства, въ Прокоповичѣ—начало антикатолическое—моментъ свободы, а въ православіи оба эти начала, по его мнѣнію, примиряются въ стройномъ религіозномъ синтезѣ. Вслѣдствіе отрицательнаго отношенія Самарина къ Петру Великому и его церковнымъ реформамъ цензура разрѣшила выпустить въ свѣтъ только третью часть его диссертаціи, посвященную проповѣднической дѣятельности Яворскаго и Прокоповича. Хотя въ 1844 г. въ московскомъ университетѣ

---

[1]) *М. Гершензонъ*, Истор. записки. Москва, 1910 г., стр. 53—54. [2]) *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Сочиненія, VI, изд. 1887 г. Москва, стр. 347. [2]) *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Сочиненія, VII, стр. XXVI.

блестяще прошелъ магистерскій диспутъ Самарина, но по настоятельному желанію отца онъ долженъ былъ оставить мечты о профессурѣ и поступить на государственную службу.

Получивъ сперва мѣсто при сенатѣ, Ю. Ѳ. переводится въ 1846 г. въ министерство внутреннихъ дѣлъ и прикомандировывается къ комитету по устройству быта лифляндскихъ крестьянъ. Этотъ комитетъ былъ образованъ вслѣдствіе волненій остзейскихъ латышей, вызванныхъ злоупотребленіями нѣмецкихъ бароновъ. Во время комитетскихъ занятій передъ Самаринымъ впервые всталъ практически тотъ самый крестьянскій вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго ему пришлось такъ много поработать. Онъ вполнѣ могъ уяснить себѣ, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ должно приводить безземельное освобожденіе крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ близкое знакомство съ дѣятельностью помѣщика Фелькерзама, много потрудившагося надъ составленіемъ проектовъ улучшенія быта лифляндскихъ крестьянъ, показало Ю. Ѳ., какъ много могутъ сдѣлать лица, окрыленныя благородными стремленіями, въ пользу обездоленнаго народа. Свои тогдашнія впечатлѣнія Самаринъ такъ передаетъ въ одномъ изъ писемъ къ К. С. Аксакову: «Въ моихъ глазахъ былъ рѣшенъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ, а 30-лѣтнимъ помѣщикомъ, никогда не служившимъ». Зараженный неутомимой энергіей Фелькерзама, Ю. Ѳ. указываетъ въ томъ же письмѣ, что безъ общественной поддержки правительство не въ силахъ осуществить реформы, выдвигаемыя самой жизнью: «всѣ важные вопросы, которые занимаютъ и будутъ впослѣдствіи занимать правительство, разрѣшены будутъ не людьми служащими, не чиновниками, а частными людьми, знакомыми съ тѣми сферами жизни, съ которыми связываетъ ихъ свободное сочувствіе или интересы, т.-е. учеными, купцами, помѣщиками и проч.» [1])

Въ 1847 г. Самаринъ получилъ возможность практически ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ балтійской окраинѣ, куда онъ отправился съ генералъ-губернаторомъ Головинымъ въ качествѣ дѣлопроизводителя комиссіи для ревизіи рижскаго городского самоуправленія. За двухлѣтнее пребываніе въ остзейскихъ губерніяхъ Самаринъ вполнѣ ознакомился съ царившими тамъ административными порядками и выяснилъ себѣ то положеніе, въ которомъ находились въ Прибалтійскомъ краѣ отдѣльныя національности. Національный же вопросъ въ это время былъ дѣйствительно крайне обостренъ въ балтійскихъ губерніяхъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ письма

[1]) Рус. Біограф. Словарь, стр. 137.

Ю. Ѳ. къ К. С. Аксакову. «Систематическое угнетеніе русскихъ нѣмцами,—пишетъ онъ въ 1848 г.,—ежечасное оскорбленіе русской народности въ лицѣ немногихъ ея представителей—вотъ что волнуетъ во мнѣ кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этотъ фактъ въ сознаніе, выставить его передъ всѣми» [1]). Для опроверженія распространяемыхъ нѣмцами слуховъ о насильственномъ будто бы присоединеніи къ православію эстовъ и латышей и о возбужденіи ихъ русскимъ духовенствомъ противъ нѣмцевъ-помѣщиковъ Самаринъ берется за перо и выпускаетъ въ 1849 г. свои «Письма изъ Риги». По словамъ одного изъ современниковъ «до появленія писемъ Самарина обществу было неизвѣстно, что дѣлалось въ Прибалтійскомъ краѣ. Письма эти были похожи на взрывъ, который пробилъ брешь въ высокой стѣнѣ, отдѣлявшей русское общество, русскія губерніи отъ прибалтійскихъ. Черезъ эту брешь зрителямъ представилась картина несчастнаго, забитаго населенія эстовъ и латышей, отторгнутыхъ отъ Россіи чужеземнымъ вліяніемъ» [1]). Свои письма Самаринъ направилъ противъ нѣмецкихъ бароновъ и державшаго ихъ сторону генералъ-губернатора князя Суворова. Они были встрѣчены крайне враждебно въ нашихъ высшихъ бюрократическихъ сферахъ и причинили автору много служебныхъ непріятностей. Истребованныя отъ Ю. Ѳ. министромъ внутреннихъ дѣлъ объясненія были признаны неудовлетворительными, и онъ былъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію за разглашеніе служебной тайны и за возбужденіе вражды нѣмцевъ противъ русскихъ. Его заключили въ крѣпость, но, благодаря личному вмѣшательству императора Николая, арестъ Ю. Ѳ. продолжался только 12 дней. Эта служебная катастрофа не должна была явиться для Самарина вполнѣ неожиданной. Въ своихъ «Рижскихъ письмахъ» онъ началъ впервые прилагать на практикѣ славянофильскія идеи къ вопросамъ внутренней политики. Онъ сталъ въ нихъ на ту точку зрѣнія, что одинъ только административный элементъ не способенъ слить воедино всѣ части государства. Во главу угла политическаго единства онъ ставилъ единство народное. Что касается окрайныхъ губерній, то основной задачей руской администраціи Ю. Ѳ. считалъ укрѣпленіе въ нихъ общественныхъ элементовъ, дружественно расположенныхъ къ коренному населенію государства. Въ Прибалтійскомъ краѣ въ частности необходимо было, по его мнѣнію, коснуться тѣхъ средневѣковыхъ привилегій, опираясь на которыя, нѣмецкіе элементы угнетали не только туземцевъ—латышей но

[1]) Въ память Ю. Ѳ. Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и Москвѣ по поводу его кончины, стр. 40.

и пріѣзжихъ русскихъ. Въ защитѣ интересовъ прибалтійскихъ крестьянъ Самаринъ видѣлъ единственный путь для того, чтобы связать прочными народными нитями балтійскую окраину съ основнымъ населеніемъ имперіи [1]). Не надо забывать, что все это было написано въ концѣ 40-хъ гг., когда правительство императора Николая окончательно усвоило себѣ реакціонный курсъ, и, конечно, не могло пройти для Ю. Ѳ. безъ тяжелыхъ и непріятныхъ послѣдствій.

Осложненія, вызванныя «Рижскими письмами», помѣшали Самарину получить мѣсто въ Москвѣ, и въ августѣ 1849 г. онъ былъ прикомандированъ къ симбирскому губернатору. Однако о немъ уже успѣло сложиться мнѣніе, какъ о человѣкѣ безпокойномъ, и за вредное вліяніе, которое Ю. Ѳ. яко бы оказывалъ на симбирское общество, его черезъ два мѣсяца переводятъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Юго-западнаго края, извѣстнаго Бибикова. Служебная дѣятельность подъ начальствомъ Бибикова явилась для Самарина новой практической школой по крестьянскому вопросу. Хотя ему лично и не пришлось принимать непосредственнаго участія въ осуществленіи инвентарной реформы, но зато онъ получилъ возможность близко ознакомиться съ хозяйственными и бытовыми условіями той мѣстности [2]). Эти личныя наблюденія принесли ему большую пользу впослѣдствіи, когда онъ составлялъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ «Мѣстное Положеніе» для Юго-западныхъ губерній. Такъ какъ въ то время господствующее положеніе въ краѣ занимали польскіе землевладѣльцы, то естественно, что Самарину снова пришлось столкнуться съ тѣмъ національнымъ вопросомъ, который онъ уже затронулъ въ своихъ «Письмахъ изъ Риги». Изучая отношенія, установившіяся между польскими помѣщиками и русскими крестьянами, Ю. Ѳ. попутно знакомится съ исторіей крестьянскаго сословія въ Царствѣ Польскомъ. Крѣпостная крестьянская масса съ каждымъ годомъ все сильнѣе начинаетъ сосредоточивать на себѣ его вниманіе. Даже изъ Симбирска, несмотря на свое кратковременное тамъ пребываніе, онъ вывозитъ обширный цифровой и бытовой матеріалъ по исторіи крѣпостного права, которое Ю. Ѳ. называлъ «мертвящей силой» [3]). Въ перепискѣ съ родными и друзьями за эти годы Самаринъ довольно часто затрогиваетъ крестьянскій вопросъ. Онъ уже мечтаетъ о непосредственномъ участіи въ разрѣшеніи крестьянской реформы, на что мы встрѣчаемъ прямое указаніе въ одномъ изъ его писемъ къ А. О. Смирновой. «Неужели не зачнется такого дѣла,—писалъ онъ ей въ 1847 г.,—которому бы

---

[1]) Ср. *А. Д. Градовскій,* Собр. Соч., т. IX CXLVI стр., Спб. 1904. [2]) *Самаринъ Ю. Ѳ.*, Соч. т. II, стр. 1—16 [3]) Ibid., стр. 13, примѣчаніе.

можно было посвятить себя, зная навѣрно, что оно будетъ имѣть результаты. Я бы охотно сталъ въ самые послѣдніе задніе ряды. Шевелится одинъ такой вопросъ—это уничтоженіе крѣпостного состоянія. Если бы дожить до этого времени» [1]).

При Бибиковѣ Самаринъ довольно скоро занялъ видное служебное положеніе и былъ назначенъ въ 1850 г. правителемъ дѣлъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Но служебная дѣятельность Ю. Ѳ. продолжалась недолго, и 21 февраля 1853 г. послѣдовала его отставка. Такъ закончилась офиціальная карьера Самарина. По волѣ отца онъ поступилъ на государственную службу и изъза него же вслѣдствіе его тяжелой болѣзни долженъ былъ ее покинуть. Государственная служба, которая никогда цѣликомъ не могла захватить Ю. Ѳ., тѣмъ не менѣе принесла ему громадную пользу. За восемь лѣтъ своей работы на административномъ поприщѣ Самаринъ дважды сталкивался съ крестьянскимъ вопросомъ и основательно познакомился съ техникой провинціальнаго управленія. Все это не могло не пригодиться ему впослѣдствіи, въ періодъ его работъ надъ подготовкой и осуществленіемъ крестьянской реформы.

Бросивъ службу, Самаринъ переселился въ Москву къ престарѣлому отцу, помогая ему въ управленіи многочисленными имѣніями. Послѣ же смерти отца на него, какъ на старшаго въ семьѣ, легли всѣ хозяйственныя заботы, и теперь Ю. Ѳ. пришлось непосредственно столкнуться съ тѣмъ самымъ крѣпостнымъ бытомъ, на который у него успѣлъ сложиться вполнѣ отрицательный взглядъ еще во время его служебной дѣятельности. Настоятельная необходимость отмѣны крѣпостного права становилась для него съ каждымъ годомъ все яснѣе и опредѣленнѣе. Чтобы углубить и расширить свои знанія по крестьянскому вопросу, онъ принимается за изученіе положенія крестьянъ за-границей. Его вниманіе особенно привлекала къ себѣ крестьянская реформа въ Пруссіи, въ связи съ дѣятельностью Штейна и Гарденберга. Результатомъ его занятій по данному вопросу было изслѣдованіе «Упраздненіе крѣпостного права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи» [2]), помѣщенное первоначально въ видѣ ряда статей въ журналѣ «Сельское Благоустройство» за 1858 г. Съ началомъ новаго царствованія съ славянофиловъ былъ снятъ цензурный запретъ. У нихъ появились даже собственные журналы «Русская Бесѣда» и «Сельское Благоустройство», однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ со-

---

[1]) *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Сочиненія т. VII, стр. XXVII. [2]) *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Соч., т. II стр., 191—400.

трудниковъ которыхъ являлся Ю. Ѳ. Центральное мѣсто въ литературномъ творчествѣ Самарина занимаетъ въ эти годы вопросъ о сельской общинѣ и о различныхъ способахъ упраздненія крѣпостного права въ Россіи [1]).

Но еще задолго до того времени, когда стало возможнымъ гласно въ печати обсуждать крестьянскую реформу, Самаринъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи тщательно изучалъ тѣ мѣропріятія, при помощи которыхъ можно было бы привести къ освобожденію многомилліонную крестьянскую массу. Весною 1854 г. онъ писалъ къ К. С. Аксакову: «На-дняхъ я закончилъ довольно пространную записку о крѣпостномъ правѣ и о разныхъ мѣрахъ, по моему мнѣнію облегчающихъ исходъ изъ него». Подвергнувъ затѣмъ эту записку обсужденію въ кругу своихъ близкихъ друзей и передѣлавъ ее заново во время своихъ служебныхъ занятій въ сызранскомъ ополченіи, Ю. Ѳ. къ осени 1856 г. ее вполнѣ закончилъ и пустилъ въ ходъ. Эта записка сразу обратила на себя вниманіе общества и, по словамъ самого автора, имѣла большой успѣхъ [2]).

Среди цѣлаго ряда циркулирующихъ тогда въ обществѣ рукописныхъ произведеній по крестьянскому вопросу записка Самарина выдѣляется какъ мастерствомъ литературнаго изложенія, такъ и глубиною научнаго анализа. Подъ его перомъ выступаетъ яркая картина пагубнаго вліянія крѣпостного права и на общественную нравственность, и на государственную безопасность, и, главнымъ образомъ, на состояніе народнаго хозяйства. Съ неотразимой убѣдительностью, приводя обширный цифровой матеріалъ, Самаринъ доказываетъ, что прямымъ послѣдствіемъ подневольнаго положенія рабочаго сословія является ослабленіе главныхъ пружинъ народной производительности. Въ отвѣтъ на доводы сторонниковъ крѣпостного права, утверждавшихъ, что ужасы рабовладѣнія отходятъ въ область преданій, Самаринъ замѣчаетъ: «пока мы живемъ подъ всѣми его условіями—это зло и зло современное, которому суждено съ каждымъ днемъ усиливаться, пока мы не вступимъ на другую дорогу» [3]). Прежняя покорность крѣпостныхъ людей, доходившая иногда до изумительнаго самозабвенія, слабѣетъ, по его словамъ, съ каждымъ поколѣніемъ [4]) и чаша крестьянскаго долготерпѣнія переполняется. Относясь въ общемъ довольно сочувственно къ законодательнымъ мѣропріятіямъ 40-хъ гг., Самаринъ замѣчаетъ по поводу дѣятельности правительства императора Николая: «Вмѣсто постепеннаго приближенія къ осуществленію глубоко обдуманнаго плана мы ви-

---

[1]) Ср. *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Соч., т. III, стр. 3 — 55. [2]) *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Соч., т. II, стр. 17 прим. [3]) Ibid., стр. 60. [4]) Ibid., стр. 65.

димъ въ его дѣйствіяхъ какое-то колебаніе въ разныя стороны, рядъ недосказанныхъ желаній и быстро прерванныхъ попытокъ». Вслѣдствіе правительственной нерѣшительности въ обществѣ то возникалъ рядъ періодическихъ тревогъ, то наступало безплодное усыпленіе [1]). Не предвидя въ близкомъ будущемъ окончательной рязвязки, Ю. Ѳ. рекомендуетъ рядъ мѣръ для облегченія перехода крѣпостныхъ въ состояніе крестьянъ обязанныхъ. Въ первую очередь онъ выдвигаетъ слѣдующія предварительныя мѣропріятія: 1) воспрещеніе переводить крестьянъ въ дворовые, 2) прекращеніе перехода крестьянъ съ оброка на барщину, 3) запрещеніе дробить имѣнія съ населеніемъ ниже 75-ти ревизскихъ душъ. Что касается мѣръ для перехода отъ крѣпостного состоянія къ гражданской свободѣ, то онѣ могутъ быть, по мнѣнію Ю. Ѳ., двоякаго характера. Правомѣрныя отношенія къ крѣпостной деревнѣ могутъ быть установлены или посредствомъ общаго обязательнаго для всѣхъ правительственнаго распоряженія, или путемъ частныхъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами съ утвержденія законодательной власти. Первый способъ у́же былъ испробованъ правительствомъ въ Юго-западномъ краѣ, гдѣ введены были инвентари. Но инвентарныя правила, по словамъ Самарина, имѣютъ много темныхъ сторонъ. Они не что иное, какъ контракты, «которымъ недостаетъ только одного—добровольнаго согласія связанныхъ ими сторонъ, недостаетъ именно того условія, на которомъ основывается внутренняя законность и прочность всякаго договора». Вслѣдствіе этого обѣ заинтересованныя стороны проявляютъ недовольство—помѣщики жалуются на то, что у нихъ отобрано слишкомъ много правъ и доходовъ, а крестьянамъ кажется, что имъ уступлено мало, и они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ большаго. Такимъ образомъ нѣтъ разумнаго основанія для распространенія инвентарныхъ правилъ на великороссійскія губерніи и правительству остается только вступить на путь поощренія добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Однако, высказываясь противъ инвентарей, Самаринъ не становится въ ряды сторонниковъ крѣпостного строя; и если бы предстояло разрѣшить дилемму — полная неприкосновенность крѣпостного права или повсемѣстное введеніе инвентарныхъ правилъ, то изъ двухъ золъ онъ, не задумываясь, предпочелъ бы послѣднее [2]).

«Добровольная сдѣлка, предложенная самими сторонами и утвержденная правительствомъ, связываетъ—по словамъ Самарина—совѣсть, возбуждая сознаніе гражданской свободы и нравственнаго долга». Ю. Ѳ. напоминаетъ, что на путь добровольныхъ сдѣлокъ

[1]) Ibid., стр. 75. [2]) Ibid., стр. 80—90.

правительство уже вступило въ 1842 г., но желательнымъ является устраненіе стѣснительной регламентаціи и предоставленіе большей свободы договаривающимся сторонамъ. При этомъ вся юридическая сторона этихъ соглашеній должна быть заранѣе опредѣлена законодательнымъ путемъ; что же касается стороны хозяйственной, то здѣсь слѣдуетъ предоставить полную свободу какъ помѣщикамъ, такъ и ихъ крѣпостнымъ крестьянамъ. По заключенію договора крестьянское селеніе образуетъ изъ себя самостоятельную общину съ административными, судебными и хозяйственными функціями. Она дѣйствуетъ или черезъ посредство мірской сходки, составленной изъ домохозяевъ, или черезъ своихъ выборныхъ старостъ и старшинъ. Черезъ этихъ выборныхъ крестьянская община вполнѣ самостоятельно сносится съ правительственными учрежденіями по дѣламъ казеннаго управленія, а также для защиты своихъ собственныхъ правъ и интересовъ. Только въ двухъ случаяхъ приговоры крестьянской общины восходятъ на утвержденіе помѣщика. Во-первыхъ, когда дѣло идетъ о сдачѣ крестьянина въ рекруты и, во-вторыхъ, когда рѣшается вопросъ объ удаленіи кого-либо изъ предѣловъ даннаго селенія. Крестьянамъ предоставляется право пріобрѣтать и отчуждать недвижимую собственность, подавать жалобы на своего помѣщика, вчинять иски какъ противъ него, такъ и противъ постороннихъ лицъ, и выкупаться на волю по таксѣ, установленной правительствомъ. Помѣщикъ, вступившій въ добровольную сдѣлку со своими крестьянами, удерживаетъ за собой въ извѣстной степени судебно-полицейскую власть. Однако онъ не можетъ подвергать крестьянъ наказанію палками и заключенію въ тюрьмѣ, но обязанъ замѣнять эти мѣры взысканія денежными штрафами. Уѣздный предводитель дворянства является посредникомъ между договаривающимися сторонами; онъ наблюдаетъ за правильностью заключаемой сдѣлки и разбираетъ всѣ жалобы и споры, вызываемые ея нарушеніемъ [1]).

Стоя на почвѣ добровольныхъ соглашеній, Самаринъ для ихъ облегченія и ускоренія предлагаетъ слѣдующія мѣропріятія: 1) дозволить пріобрѣтать населенныя имѣнія капиталистамъ недворянскаго происхожденія, обязывая ихъ при покупкѣ заключать съ крестьянами договоры; 2) разрѣшить крестьянамъ занимать деньги для выкупа себя съ землей, и 3) допустить увольненіе крѣпостныхъ въ званіе вольныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Каждому крѣпостному должно быть предоставлено право получать отпускную за установленный правительствомъ

---

[1]) Ibid., стр. 90—121.

выкупъ, который въ зависимости отъ возраста можетъ быть опредѣленъ въ размѣрѣ отъ 100 до 350 руб. сер. за ревизскую душу. Дѣти моложе 16 лѣтъ, а также старики свыше 60 лѣтъ, равно какъ и жены при мужьяхъ, незамужнія сестры и дочери при братьяхъ и отцахъ, увольняются на свободу безъ всякаго выкупа [1]). Помѣстному дворянству въ дѣлѣ перехода къ новому порядку вещей долженъ быть, по мнѣнію Самарина, данъ живой примѣръ членами императорской фамиліи и представителями крупнаго землевладѣнія. Слѣдуетъ допустить гласное обсужденіе крестьянскаго вопроса въ печати, хотя бы на страницахъ сельскохозяйственныхъ журналовъ. Игнорировать общественное мнѣніе невозможно, такъ какъ оно, по словамъ Ю. Ѳ., «сила, которой предоставлено расти и множиться, и кто не хочетъ искать ея союза, тому предстоитъ нескончаемая съ ней война» [2]).

Окончательное упраздненіе крѣпостного права Самаринъ рисовалъ себѣ слѣдующимъ образомъ: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія закона о добровольныхъ сдѣлкахъ правительство устанавливаетъ послѣдній срокъ для ихъ заключенія, послѣ чего законодательнымъ путемъ опредѣляются обязанности и повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Когда новый порядокъ войдетъ въ жизнь и земля начнетъ возвышаться въ цѣнѣ, можно будетъ приступить къ оцѣнкѣ установленныхъ заранѣе повинностей. Какъ составленіе урочныхъ положеній, такъ и работы по оцѣнкѣ повинностей должны быть возложены на мѣстныя губернскія комиссіи. Послѣ этихъ предварительныхъ мѣропріятій возможно будетъ приступить къ выкупу повинностей, для чего явится необходимымъ заключеніе внѣшняго или внутренняго займа. Уплата процентовъ по этому займу должна быть возложена на самихъ крестьянъ. Съ выплатой помѣщикамъ полнаго вознагражденія упраздняется всякое съ ихъ стороны право какъ на землю, состоящую во владѣніи крестьянъ, такъ и на ихъ трудъ [3]).

Такимъ образомъ идеаломъ Самарина было освобожденіе крестьянъ съ землею и съ сохраненіемъ общиннаго мірского управленія. Главной преградой для немедленнаго осуществленія крестьянской реформы на основѣ обязательнаго выкупа служило, по мнѣнію Ю. Ѳ., тяжелое финансовое положеніе государства, обремененнаго внутренними и внѣшними долгами. Для осуществленія выкупной операціи необходимо, по его словамъ, чтобы «во главѣ финансовъ стоялъ министръ съ головою и пользующійся полною довѣренностью государя, а не безгласный государевъ казначей» [4]).

---

[1]) Ibid., стр. 121 — 129. [2]) Ibid., стр. 129. [3]) Ibid., стр. 134 — 135. [4]) Ibid., стр. 138.

Установивъ прочно свой личный взглядъ на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, Ю. Ѳ. въ рядѣ записокъ, составленныхъ въ 1856—57 гг., начинаетъ оказывать довольно сильное вліяніе на многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ въ 1856 г. въ Москвѣ во время коронаціи онъ представляетъ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ записку, въ которой, между прочимъ, говоритъ: «народъ, издревле питающій спасительную увѣренность въ заботливомъ къ нему сочувствіи верховной власти, теперь смотритъ на юнаго государя съ напряженнымъ ожиданіемъ. Дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства» [1]). Для того, чтобы придать большую планомѣрность правительственнымъ мѣропріятіямъ, необходимо, по мнѣнію Самарина, допустить нѣкоторую степень гласности при обсужденіи крестьянскаго вопроса, хотя бы только въ петербургскомъ вольно-экономическомъ обществѣ и въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Этимъ обществамъ слѣдуетъ предоставить право «обнародывать свои труды въ видѣ срочныхъ или безсрочныхъ изданій, подвергая ихъ предварительному разсмотрѣнію не общей цензуры, а того лица, которому правительство ввѣритъ высшій надзоръ надъ обществами и направленіе ихъ дѣятельности» [2]).

Въ январѣ 1857 г. учрежденъ былъ, какъ извѣстно, секретный комитетъ для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ тѣсной связи съ его работами находится записка Самарина «О мѣрахъ для смягченія крѣпостного состоянія», составленная имъ въ 1857 г. Въ ней онъ отстаиваетъ довольно умѣренную точку зрѣнія, предлагая на все время переходнаго періода удержать за помѣщиками извѣстную власть надъ крестьянами съ правомъ налагать на нихъ наказанія, сдавать въ рекруты и ссылать на поселеніе въ Сибирь. Въ этотъ періодъ крестьянамъ, по его мнѣнію, даже не слѣдуетъ предоставлять права жалобы на своихъ господъ [3]). Въ томъ же 1857 г. съ назначеніемъ въ секретный комитетъ в. к. Константина Самаринъ подаетъ правительству четыре записки. Въ нихъ онъ выясняетъ право крестьянъ на землю и практическую необходимость оставить въ ихъ владѣніи всю ту земельную площадь, которою они пользовались въ эпоху крѣпостного права, съ сохраненіемъ крестьянской поземельной общины. «Деревня—по его словамъ—можетъ существовать безъ помѣщика, но не можетъ держаться на воздухѣ, не имѣя подъ собою земли» [4]). Подъ землею же слѣдуетъ разумѣть всю ту площадь, которою крестьяне пользуются для

[1]) Ibid., стр. 139. [2]) Ibid., стр. 143. [3]) Ibid., стр. 401—425. [4]) Ibid., стр. 144.

себя лично, т.-е. усадьбу, огородъ, выгонъ, луга и пашню. При этомъ, по выраженію Ю. Ѳ., «разумный консерватизмъ требуетъ, чтобы мы воздержались отъ преждевременнаго перенесенія вопроса о владѣніи землею изъ области народнаго обычая въ область законодательства и администраціи» [1]). И историческое развитіе поземельныхъ отношеній въ Россіи, и современное народное сознаніе указываютъ, по мнѣнію Ю. Ѳ., «на неоспоримое существованіе двухъ взаимно-ограничивающихся правъ на землю: право владѣнія землею, принадлежащее крестьянамъ, и право собственности на землю, принадлежащее вотчинникамъ». Рядомъ фактовъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій Самаринъ основательно доказываетъ, что «крѣпостные крестьяне твердо убѣждены въ своемъ правѣ на землю; они не допускаютъ, не понимаютъ, чтобы съ пріобрѣтеніемъ личной свободы это право могло отойти отъ нихъ. Можно поручиться, что предложенную имъ на такомъ условіи свободу они встрѣтили бы какъ насильственную экспропріацію и что пришлось бы вводить ее съ картечью и штыками» [2]). При освобожденіи крестьяне ни въ коемъ случаѣ не должны быть лишены «покровительства власти», такъ какъ установленіе полной свободы «совмѣстничества» при недостаткѣ образованія, навыка къ самостоятельности, при общей бѣдности крѣпостныхъ неизбѣжно приведетъ къ тому, что крестьяне всецѣло будутъ отданы въ жертву помѣщикамъ [3]).

Высказываясь за необходимость въ первую очередь урегулировать законодательнымъ путемъ отношенія между помѣщиками и крестьянами, Самаринъ довольно опредѣленными штрихами набрасываетъ картину полнѣйшей ликвидаціи крѣпостного состоянія. Правительство, произведя оцѣнку крестьянскихъ повинностей, должно ихъ выкупить у помѣщиковъ при помощи финансовой операціи. Вознагражденіе помѣщикамъ можетъ быть выдано не наличными деньгами, а кредитными билетами, не подлежащими обмѣну на звонкую монету, но приносящими постоянный, непрерывный и неизмѣнный денежный доходъ. При этомъ всякая зависимость крестьянъ отъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ упраздняется безусловно. Но, какъ должники казны, они подвергнутся нѣкоторому ограниченію въ распоряженіи землею до погашенія капитала, употребленнаго на выкупъ ихъ повинностей. Однако, какъ только долгъ будетъ погашенъ, крестьяне превратятся въ полныхъ собственниковъ, ихъ личныя права и отношенія къ сельскому обществу вполнѣ выяснятся, а сельскія общества получатъ окончательную организацію — административную, хозяйственную и судебную [4]).

---

[1]) Ibid., стр. 171. [2]) Ibid., стр. 153. [3]) Ibid., стр. 159. [4]) Ср. *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Сочинен. т. II, стр. 161—162.

Подъ вліяніемъ этихъ записокъ Самарина вел. кн. Константинъ Николаевичъ окончательно усвоилъ себѣ необходимость освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Учитывая всѣ тѣ условія, въ которыхъ протекала правительственная работа по крестьянскому дѣлу въ концѣ 1857 и въ началѣ 1858 гг., Самаринъ отстаивалъ довольно умѣренную программу. Онъ вполнѣ отрицательно относился въ это время ко всѣмъ тѣмъ проектамъ, которые устанавливали радикальную точку зрѣнія на крестьянскій вопросъ. Такъ, по словамъ А. И. Кошелева, Ю. Ѳ. прямо приходилъ въ ужасъ отъ его записокъ, предлагавшихъ общее, немедленное и полное освобожденіе крѣпостныхъ людей съ земельнымъ надѣломъ, выкупаемымъ при содѣйствіи правительства въ 12-тилѣтній срокъ. «Нѣтъ,—говорилъ онъ ему,—не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ идти назадъ» [1]). Съ радостью привѣтствуя опубликованіе рескрипта 20 ноября 1857 г., Самаринъ однако не принялъ участія въ банкетѣ, устроенномъ по этому поводу московской интеллигенціей, говоря своимъ друзьямъ, что имъ необходимо поберечь себя для настоящаго дѣла [2]). Это «настоящее дѣло» не заставило себя ждать. Съ 1858 г. наступаетъ самый трудный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый славный періодъ въ жизни Самарина. Къ этому времени его авторитетъ, какъ знатока по вопросу освобожденія крестьянъ, успѣлъ настолько упрочиться, что къ нему нерѣдко присылались на заключенія нѣкоторыя правительственныя предположенія, напримѣръ, проектъ плана занятій губернскихъ комитетовъ, выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [3]).

Какъ только были опубликованы рескрипты и циркуляры, Самаринъ цѣликомъ отдается крестьянскому дѣлу. 25 іюня 1858 г. онъ получаетъ приглашеніе вступить въ самарскій губернскій комитетъ въ качествѣ члена отъ правительства. Но такъ какъ комитетъ началъ свои занятія только въ сентябрѣ, то Самаринъ, воспользовавшись свободнымъ временемъ, предпринялъ объѣздъ цѣлаго ряда селеній, читая и разъясняя крестьянамъ на сельскихъ сходахъ правительственныя распоряженія. Принявъ за исходную точку министерскую программу и другіе офиціальные документы, Ю. Ѳ. приступаетъ къ составленію проекта «Положенія» [4]). Первоначально онъ полагалъ, что для разсмотрѣнія проектовъ, выработанныхъ губернскими комитетами, слѣдуетъ образовать областные комитеты по мѣстностямъ или районамъ, но позднѣе, отказавшись отъ этой мысли,

---

[1]) *Записки А. И. Кошелева,* Берлинъ, 1884 г., стр. 93. [2]) *Барсуковъ,* Жизнь и труды Погодина, т. XV, стр. 474. [3]) *Ю. Ѳ. Самаринъ,* Сочин., т. III, стр. 56—71. [4]) Ср. ibid, стр. 271 — 376. *Кн. О. Трубецкая,* Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, т. I, кн. 1, стр. 112.

онъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ устройство одного центральнаго комитета для всей имперіи. Для проведенія въ жизнь выработаннаго такимъ способомъ «Общаго Положенія» Ю. Ѳ. высказывался за учрежденія исполнительныхъ комиссій, на которыя слѣдуетъ возложить обязанность объѣздить всѣ имѣнія съ цѣлью провѣрки на мѣстѣ составленныхъ помѣщиками уставныхъ грамотъ. Самаринъ въ это время былъ рѣшительно противъ выдѣла усадебъ изъ всей площади крестьянской земли. Онъ считалъ отдѣльный выкупъ ихъ крайне неудобнымъ и невыгоднымъ. Для крестьянина, по его словамъ, «дорого не право собственности на усадьбу, а данная возможность сдѣлаться полнымъ самостоятельнымъ хозяиномъ». Крестьяне съ теченіемъ времени должны превратиться въ полныхъ собственниковъ всей отведенной въ ихъ пользованіе земли, при чемъ выкупать они должны не свою личность и не землю, по ея рыночной стоимости, а повинности, которыми крестьяне будутъ обложены за пользованіе землей.

Представляя изъ себя нѣчто среднее между личностью крестьянина и землей, какъ предметами выкупа, повинность, говоритъ Самаринъ, можетъ легче примирить обѣ заинтересованныя стороны. Самимъ крестьянамъ будетъ всего выгоднѣе выкупать именно повинности, предварительно пониженныя и переведенныя на деньги [1]).

Передъ самымъ вступленіемъ въ комитетъ Ю. Ѳ. отказался отъ своего первоначальнаго взгляда на неудобство выкупа однѣхъ только усадебъ. Эта перемѣна произошла въ немъ потому, что среди крестьянъ оказалось много лицъ, стоявшихъ за пріобрѣтеніе одной только усадебной земли, и въ дворянскихъ кругахъ все усиливалось нежеланіе видѣть рядомъ съ помѣщиками крестьянъ-вотчинниковъ; къ тому же и правительственная программа говорила только о выкупѣ усадебъ. За пользованіе усадебной землей крестьяне, по проекту Самарина, всѣмъ міромъ вносятъ оброкъ въ размѣрѣ 6% оцѣночной суммы. Самый же выкупъ усадебъ происходитъ по оцѣнкѣ, произведенной предварительно мірскими властями [2]). Всѣ крестьяне-домохозяева, надѣленные землею, составляютъ низшую административную единицу, или сельское общество. На время переходнаго періода, по мнѣнію Самарина, эти сельскія общества не должны были объединяться въ обширныя волости. По его словамъ, хозяйственная единица должна совпадать съ единицей административной, такъ какъ «гдѣ общее владѣніе землей, тамъ и общество, ибо всѣ интересы, вся жизнь крестьянъ тѣсно связаны съ землевладѣніемъ» [3]). Но одна

---

[1]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. 1, стр. 118—119. [2]) Ibid., стр. 118—121. [3]) Ibid., стр. 152, 159.

только личная свобода и организація общественнаго управленія не могутъ, какъ говоритъ Самаринъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, обезпечить крестьянъ насущнымъ хлѣбомъ. Самой важной по существу задачей онъ считалъ обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, такъ какъ, по его мнѣнію, «цѣлое сословіе, надежно обезпеченное въ средствахъ къ жизни, при непосредственномъ подъемѣ его матеріальнаго благосостоянія не можетъ долго оставаться въ зависимомъ положеніи и не занять подобающаго ему мѣста въ обществѣ». Земельное обезпеченіе освобождаемыхъ крестьянъ рисовалось Самарину въ слѣдующихъ чертахъ. Въ опредѣленіи величины земельныхъ надѣловъ и въ установленіи за нихъ нормальныхъ повинностей слѣдуетъ по возможности держаться существующаго факта. За помѣщикомъ сохраняется одна треть всей земли въ имѣніи. Однако, если существующій крестьянскій надѣлъ ниже нормальнаго, то слѣдуетъ допустить прирѣзку. Тамъ же, гдѣ надѣлы выше нормальныхъ, а повинности ниже, удерживается существующій порядокъ. При опредѣленіи величины нормальнаго надѣла Самаринъ принималъ во вниманіе среднія цифры существующаго землепользованія. Въ этомъ онъ видѣлъ то удобство, что «два или три большихъ имѣнія съ обильнымъ надѣломъ скрашиваютъ цѣлый уѣздъ и поднимаютъ среднюю цифру въ массѣ мелкихъ и среднихъ имѣній» [1]). Вопросъ о земельномъ обезпеченіи Ю. Ѳ. считалъ самымъ важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ труднымъ. «Наши потери,—писалъ онъ А. О. Смирновой,—будутъ огромны (большинство этого даже не понимаетъ), но удовлетворится ли народъ нашими пожертвованіями? Потребность настоящей минуты и ожиданія народа переросли наши средства» [2]). Немедленное осуществленіе выкупной операціи Самаринъ въ то время считалъ невозможнымъ и по финансовымъ, и по хозяйственнымъ соображеніямъ. Онъ полагалъ, что обязательный выкупъ отразится неблагопріятно на земельномъ обезпеченіи освобождаемыхъ крестьянъ и неизбѣжно вызоветъ сокращеніе площади ихъ землепользованія. Что касается хозяйства степныхъ помѣщиковъ, то выкупная операція поставитъ ихъ въ крайнее затрудненіе въ виду рѣдкости населенія въ приволжскихъ губерніяхъ и неорганизованности прихода туда рабочихъ изъ центральныхъ мѣстностей имперіи [3]).

Въ самарскомъ комитетѣ Ю. Ѳ. сразу занялъ выдающееся положеніе. По его предложенію въ самомъ началѣ своихъ занятій комитетъ упразднилъ личное крѣпостное право, а также право

---

[1]) Ibid., стр. 309—310. [2]) Ibid., стр. 314—315. [3]) *А. А. Корниловъ*, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи, стр. 467.

отчуждать и пріобрѣтать людей безъ земли и домовъ на свозъ. По его же инициативѣ была принята комитетомъ круговая порука для исправнаго отбыванія крестьянами повинностей [1]). На первый взглядъ составъ комитета оказался лучше, чѣмъ можно было предполагать, такъ какъ изъ 16-ти членовъ 8, по словамъ Самарина, рѣшительно стояли за освобожденіе съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ и за отдачу строенія даромъ [2]). Однако довольно быстро между большинствомъ и меньшинствомъ начали устанавливаться сильно обостренныя отношенія. Дѣло доходило до того, что для интимидаціи меньшинства лидеръ комитетскихъ крѣпостниковъ циркулярами выписывалъ изъ уѣздовъ консервативно-настроенныхъ помѣщиковъ. Самъ Самаринъ вслѣдствіе этихъ агрессивныхъ мѣропріятій большинства не рѣшался выходить изъ дому невооруженнымъ и безъ сопровожденія тѣлохранителей. Обостренныя отношенія между правыми и лѣвыми членами комитета готовы были закончиться кровавой развязкой. Но комитетское меньшинство, которое вмѣстѣ съ Самаринымъ дошло въ концѣ-концовъ до трехъ человѣкъ, рѣшительно заявило, что въ случаѣ вызова на дуэль послѣдовательно будутъ драться всѣ трое [3]). Однако при разработкѣ своего проекта большинство самарскаго комитета должно было, волей-неволей, считаться съ мнѣніемъ членовъ меньшинства, такъ какъ на ихъ сторонѣ, по словамъ Ю. Ѳ., было «образованіе, сознательность убѣжденія, даръ слова и грамотность» [4]). На Самарина, какъ на самаго образованнаго комитетскаго члена, лучше всѣхъ умѣвшаго владѣть перомъ, легла вся тяжесть комитетскихъ занятій. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ онъ такъ характеризуетъ тогдашнее свое положеніе: «Вся комитетская работа на моихъ плечахъ. Никто не помогаетъ, прочіе только спорятъ и возражаютъ, но никто ничего не дѣлаетъ» [5]).

Кромѣ занятій по редактированію комитетскаго проекта, Самаринъ выполнилъ огромный трудъ, собственноручно произведя провѣрку и сводку данныхъ по 800 подлиннымъ описаніямъ. Онъ убѣдился при этомъ, что въ представленномъ въ комитетъ сводномъ статистическомъ матеріалѣ «крестьянскіе надѣлы были уменьшены, гдѣ на $1^1/_2$, а гдѣ даже и на 4 десятины на тягло». Самъ Самаринъ такъ писалъ объ этихъ своихъ занятіяхъ: «Работа дьявольская, отъ которой у меня преждевременно посѣдѣли волосы» [6]). Къ той же темѣ онъ возвращается и въ письмѣ къ А. О. Смирновой: «Въ жизнь мою я не работалъ такъ усиленно, какъ съ 1-го января.

---

[1]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. 1, стр. 183, 311. [2]) Ibid., стр. 112. [3]) Ibid., стр. 212, 213. [4]) Ibid., стр. 203. [5]) Ibid., стр. 183. [6]) Ibid., стр. 310.

члены комитета ропщутъ на мой деспотизмъ и всякій разъ обращаются ко мнѣ для составленія проектовъ, представленій, сводовъ статистическихъ свѣдѣній» [1]). Занятія въ самарскомъ комитетѣ затянулись, и Ю. Ѳ. не имѣлъ поэтому возможности прибыть въ Петербургъ къ открытію редакціонныхъ комиссій. Въ письмѣ къ кн. Черкасскому отъ 7 мая 1859 г. онъ сообщалъ: «я кончилъ проектъ и примѣчанія, теперь пишу изложеніе основныхъ началъ» [2]). Не желая дѣлать существенныхъ уступокъ членамъ большинства, Ю. Ѳ. рѣшилъ настаивать на томъ, чтобы его проектъ былъ отосланъ въ Петербургъ или какъ его личное мнѣніе, или какъ мнѣніе солидарнаго съ нимъ меньшинства.

Хотя еще въ февралѣ 1859 г. Самаринъ получилъ отъ Ростовцева приглашеніе вступить въ составъ редакціонныхъ комиссій со званіемъ члена-эксперта, но онъ прибылъ въ Петербургъ только 3 іюня, когда уже успѣла въ существенныхъ чертахъ опредѣлиться программа занятій хозяйственнаго отдѣленія, въ которомъ Ю. Ѳ. принималъ наиболѣе дѣятельное участіе. Многіе пункты этой программы вызывали горячія возраженія со стороны Самарина и по ихъ поводу у него часто возникали жаркія пренія съ Милютинымъ и кн. Черкасскимъ [3]). Въ качествѣ правовѣрнаго славянофила онъ упорно отстаивалъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ тѣ идеи, которыя раньше проводилъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и въ засѣданіяхъ самарскаго губернскаго комитета. Подобно другимъ сторонникамъ славянофильской доктрины, Самаринъ видѣлъ въ крестьянскомъ мірѣ исконную русскую «пошлину», а въ общинномъ землевладѣніи и сельскомъ самоуправленіи—начала грядущаго земскаго обновленія Россіи [4]). До прибытія Ю. Ѳ. въ общемъ собраніи редакціонныхъ комиссій былъ принятъ только одинъ докладъ административнаго отдѣленія объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей. Съ его коренными основаніями Ю. Ѳ. не могъ согласиться и выставилъ цѣлый рядъ принципіальныхъ возраженій. Исходя изъ своихъ славянофильскихъ убѣжденій, онъ не видѣлъ надобности въ образованіи волостей, отстаивая неприкосновенность крестьянской земельной общины или міра. Онъ заявлялъ, что не понимаетъ юридическаго положенія внѣ рамокъ хозяйственнаго быта и считалъ невозможнымъ устройство самостоятельныхъ административныхъ единицъ, при повсемѣстномъ существованіи общиннаго землепользованія и связанныхъ съ землею казенныхъ повинностей. Волостное

---

[1]) Ibid. стр. 313. [2]) *Кн. О. Трубецкая,* Матеріалы, т. I, кн. 2, стр. 8. [3]) Ср Русскій біогр. словарь, стр. 139. [4]) Ср. *А. Д. Градовскій*, Собр. сочиненій, т. IX, стр. CXLVIII.

управленіе, по его словамъ, явится для крестьянъ насильственно навязываемой формой, которую они не поймутъ и которой не будутъ интересоваться [1]). Когда въ хозяйственномъ отдѣленіи обсуждался вопросъ о земельномъ обезпеченіи освобождаемыхъ крестьянъ, то Ю. Ѳ. выступилъ съ цѣлымъ рядомъ весьма важныхъ предложеній. Въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ особенно была распространена общинная форма землепользованія, слѣдовало, по его мнѣнію, отводить надѣлы по числу тяголъ, разъ навсегда установленныхъ въ данномъ обществѣ. Величина же надѣловъ должна быть заранѣе опредѣлена въ каждой мѣстности, на которыя необходимо подраздѣлить губерніи. Эту мірскую землю крестьянская община имѣетъ право выкупать. Всѣ же остальныя внѣнадѣльныя земли крестьяне могутъ удерживать въ своемъ землепользованіи за дополнительныя повинности, но безъ права выкупа. Надѣльная норма должна быть твердо опредѣлена, тогда какъ величина повинности съ теченіемъ времени можетъ подлежать измѣненію [2]). Отводя крестьянамъ землю въ пользованіе въ широкихъ размѣрахъ, Самаринъ видѣлъ въ этомъ единственный путь для образованія того земельнаго фонда, за счетъ котораго совершится со временемъ выкупная операція. Самый выкупъ, по мнѣнію Ю. Ѳ., возможно было произвести посредствомъ возвращенія въ полную собственность помѣщиковъ части той земли, которая теперь отводилась въ пользованіе крестьянъ. Но это средство можетъ быть проведено въ жизнь только послѣ того, какъ земля вздорожаетъ и своей цѣнностью превыситъ размѣры повинностей. Предлагая продолжить на цѣлый рядъ лѣтъ срочно-обязанный періодъ, Самаринъ ясно сознавалъ, что выкупъ есть послѣднее необходимое дѣйствіе, безъ котораго драма эмансипаціи была бы неполной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что крестьянамъ надо предоставить время для перехода, а не для перевода ихъ на оброкъ. Выкупъ же немедленный въ видѣ громадной кредитной операціи, читаемъ въ одномъ изъ его писемъ, былъ бы безуміемъ при затруднительномъ финансовомъ положеніи государства и разореніемъ для самого дворянства [3]).

Съ этими взглядами Самарина не соглашалось большинство хозяйственнаго отдѣленія, что нерѣдко приводило къ столкновеніямъ и разногласіямъ. Одно время Ю. Ѳ. предполагалъ даже выйти изъ состава редакціонныхъ комиссій, но по настоятельному желанію своихъ друзей не покинулъ общаго дѣла. Ошибка Самарина состояла

---

[1]) *Н. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, т. I, стр. 215, *кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. 2, стр. 256—258. [2]) Ср. Рус. біогр. словарь, стр. 139—140. [3]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, кн. I, ч. 1, стр. 161—162.

въ томъ, что онъ, настаивая на продолжительности срочно-обязаннаго періода, не учитывалъ того психологическаго момента, который въ эти годы переживало деревенское населеніе. Крестьянская масса охвачена была страстнымъ желаніемъ какъ можно скорѣй развязать свои обязанныя отношенія къ помѣщику и приступить къ выкупу, цѣною даже существенныхъ хозяйственныхъ уступокъ.

Уже съ конца іюля 1859 г. Самаринъ началъ чувствовать переутомленіе отъ напряженной, непосильной работы. Въ письмѣ отъ 1 августа Ю. Ѳ. сообщаетъ кн. Черкасскому: «Я чувствую въ себѣ зародышъ какой-то болѣзни, который никакъ опредѣлить себѣ не могу». А черезъ нѣсколько дней онъ ему пишетъ, что «не владѣетъ головой и отъ сильныхъ приливовъ боится сойти съ ума». Глубокой грустью звучатъ слѣдующія слова его письма: «Больно, тяжело сказать, а я неспособенъ продолжать работу. Отдыхъ мнѣ необходимъ» [1]). Въ сентябрѣ Ю. Ѳ. для поправленія здоровья отправился за границу, откуда вернулся только въ декабрѣ.

Возстановивъ нѣсколько свои силы, Самаринъ съ прежней энергіей принимается за работу какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ административномъ отдѣленіяхъ. Изъ-подъ его пера выходитъ цѣлый рядъ докладовъ, между прочимъ и докладъ о дворовыхъ людяхъ. Имъ же составлено было «Мѣстное Положеніе» для Юго-западнаго края, съ хозяйственнымъ строемъ котораго онъ ознакомился за годы своей службы при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ [2]). Когда въ засѣданіи редакціонной комиссіи были вызваны депутаты юго-западныхъ губерній, то Ю. Ѳ., какъ авторъ «Мѣстнаго Положенія», назначенъ былъ офиціальнымъ оппонентомъ. Во время этого диспута со стороны депутатовъ высказывались прямыя обвиненія членовъ комиссіи «въ подлогахъ и искаженіяхъ», и Самарину, по его собственному признанію, «стоило неимовѣрнаго труда, чтобы выдержать хладнокровіе» [3]).

Стоя на стражѣ крестьянскихъ интересовъ и защищая работы редакціонныхъ комиссій, Самаринъ считалъ, что все то, что писалось и печаталось противъ ихъ дѣятельности, играло въ руку реакціи. Какъ видно изъ письма его къ Кошелеву отъ 26 сентября 1860 г., онъ полагалъ, что статьи и брошюры послѣдняго являются вѣрнымъ средствомъ остановить все дѣло. «Вы не хотите понять,— писалъ онъ ему,—что настроеніе въ настоящую минуту таково, что каждое слово, сказанное противъ редакціонныхъ комиссій, подхватывается съ радостью и немедленно обращается въ оружіе противъ

---

[1]) *Кн. О. Трубецкая.* Матеріалы, т. I, кн. 2, стр. 71, 73. [2]) Ibid., стр. 194, примѣч. [3]) Ibid., стр. 171—172.

освобожденія крестьянъ съ землею». Онъ боялся, что Кошелевъ своими литературными выступленіями добьется необязательнаго выкупа, «а чего-нибудь въ родѣ безземельнаго освобожденія и какого-нибудь срока на добровольныя соглашенія» [1]). До самаго конца занятій редакціонныхъ комиссій Самаринъ проявлялъ громадную энергію и работалъ, по его собственному выраженію, «какъ каторжникъ» [2]). Онъ не покинулъ крестьянскаго дѣла и послѣ ихъ закрытія. Составленіемъ ряда записокъ какъ для Милютина, такъ и для вел. кн. Константина Николаевича во время обсужденія проекта «Положенія» въ Главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ Ю. Ѳ. способствовалъ по мѣрѣ силъ благопріятному завершенію крестьянской реформы. Его же перу принадлежитъ и первая редакція манифеста, отличавшаяся значительно большей простотою и доступностью, сравнительно съ той, которая составлена была позднѣе московскимъ митрополитомъ Филаретомъ [3]). Лично Самарину не удалось присутствовать въ церкви при чтеніи освободительнаго манифеста. Онъ хотѣлъ выслушать его среди своихъ крестьянъ, но въ деревню манифестъ еще не былъ присланъ, а изъ-за начинавшейся распутицы Ю. Ѳ. не могъ тамъ дольше оставаться. Въ письмѣ къ кн. Черкасскому отъ 23 марта 1861 г. онъ съ грустью говоритъ: «Минута, которая такъ долго меня занимала, отъ которой я ожидалъ такой полноты живыхъ ощущеній, пронеслась мимо меня» [4]).

Въ мартѣ 1861 г. послѣдовало назначеніе Ю. Ѳ. въ самарское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Положеніе его было весьма труднымъ, такъ какъ работать приходилось среди «подозрительности и мнительности» большинства мѣстныхъ помѣщиковъ. Онъ долженъ былъ употребить много времени и стараній, «чтобы заставить самарскихъ дворянъ забыть комитетскія сцены, редакціонныя комиссіи и всю старину». Однако, благодаря тактичности Ю. Ѳ., примиреніе между нимъ и самарскимъ дворянствомъ состоялось и, когда черезъ два года онъ покидалъ Самару, тамошнее общество устроило ему торжественные проводы. Чтобы не портить того общественнаго дѣла, которому онъ служилъ въ качествѣ члена губернскаго присутствія, и не обострять отношеній съ мѣстнымъ дворянствомъ, Самаринъ отказался отъ присланнаго ему ордена Владиміра III-й степени, полагая, что этой наградой правительство какъ бы выхватываетъ изъ толпы бывшихъ членовъ-экспертовъ, «какъ людей, особенно ему угодившихъ» [5]).

---

[1]) Ibid., стр. 160—161. [2]) Ibid., 213. [3]) Н. Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ, т. III, ч. 2, стр 811—825. [4]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. 2, стр. 243. [5]) Ibid., стр. 274, примѣч.

И въ губернскомъ присутствіи, такъ же какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ самарскомъ комитетѣ, на Ю. Ѳ. лежала вся тяжесть работы. Въ іюлѣ 1861 г. онъ писалъ Кошелеву, что по безграмотности дѣлопроизводителя ему самому приходится писать всѣ журналы, инструкціи и выводы [1]). Ю. Ѳ. лично выработалъ форму уставныхъ грамотъ и сочинилъ инструкцію для ихъ составленія. Вмѣстѣ со своими двумя товарищами онъ частнымъ образомъ давалъ совѣты всѣмъ обращавшимся за помощью и указаніями. Все это подымало кредитъ губернскаго присутствія среди крестьянъ, что доставляло нравственное удовлетвореніе Самарину и поддерживало его во время работы [2]). А работать ему попрежнему приходилось много. Въ августѣ 1862 г. онъ пишетъ кн. Черкасскому: «Всѣ безъ исключенія 587 уставныхъ грамотъ мы провѣрили и исправили въ губернскомъ присутствіи. По правдѣ сказать, эта работа довольно утомительна и скучна, но я втянулся въ нее» [3]). При проведеніи въ жизнь крестьянской реформы Ю. Ѳ. убѣдился въ ошибочности нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ положеній. Такъ, въ письмѣ къ Кошелеву отъ 1862 г. онъ сознается, что «въ тѣсныхъ предѣлахъ сельскаго общества не улеглось бы броженіе умовъ, что въ волости по разнопомѣстности ея состава сглаживаются рѣзкія противоположности частныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Волости, волостные суды, старшины были необходимы и принесли громадную пользу» [4]).

Лѣтомъ 1863 г. Самаринъ вышелъ въ отставку, но вмѣсто отдыха, въ которомъ онъ такъ сильно нуждался, ему пришлось, по приглашенію Милютина, принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Къ началу 60-хъ гг. польскіе крестьяне находились въ довольно безотрадномъ положеніи. Въ рукахъ дворянскаго сословія сосредоточено было и право на личность крестьянина, и право на землю, имъ занятую, и право патримоніальной надъ нимъ юрисдикціи [5]). Въ послѣдніе годы передъ возстаніемъ передовая польская интеллигенція ясно сознавала, что крестьянская реформа въ Польшѣ должна быть проведена на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ она была осуществлена въ остальныхъ мѣстностяхъ имперіи. Маркизомъ Велепольскимъ былъ даже выработанъ проектъ, предлагавшій выкупъ барщинныхъ повинностей, хотя и по довольно высокой расцѣнкѣ. Во время его реформаціонной дѣятельности въ Польшѣ послѣдовало 24 мая 1862 г. изданіе закона объ обязательномъ очиншеваніи. Но этотъ

---

[1]) Ibid., стр. 267. [2]) Ibid., стр. 210. [3]) Ibid., стр. 393. [4]) Ibid., стр. 259.
[5]) Изслѣдованія статсъ-секретаря Милютина въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг., 1 т. Объяснительная записка къ проекту Указа I-го.

законъ не нашелъ себѣ приложенія на практикѣ, такъ какъ революціонныя волны начавшагося возстанія смыли и маркиза Велепольскаго, и всѣ его реформаціонныя мѣропріятія. Декретомъ революціоннаго правительства отъ 10 января 1863 г. разрѣшеніе крестьянскаго вопроса переносилось въ наиболѣе радикальную плоскость. Вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, объявлялась ихъ собственностью; помѣщикамъ же составители декрета обѣщали дать вознагражденіе изъ національныхъ фондовъ [1]).

Въ такомъ положеніи находился крестьянскій вопросъ въ Польшѣ, когда правительство начало борьбу съ повстанцами. Для подавленія возстанія, главная роль въ которомъ принадлежала шляхтѣ и интеллигенціи, оно рѣшило опереться на крестьянское сословіе. Осуществленіе крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ возложено было на Н. А. Милютина, снабженнаго самыми широкими полномочіями. Его миссія заключалась въ томъ, чтобы «вести крестьянское дѣло въ Польшѣ къ коренной и окончательной развязкѣ». Милютинъ разсчитывалъ на дѣятельную поддержку Самарина, такъ какъ при своихъ чисто теоретическихъ свѣдѣніяхъ относительно крестьянскаго быта онъ, по его собственному признанію, не могъ обойтись безъ содѣйствія Ю. Ѳ. [2]). Самъ Милютинъ видѣлъ единственный способъ къ обновленію гражданскаго строя Польши въ осуществленіи широкой соціальной реформы. Онъ стремился къ тому, чтобы поднять и поставить на ноги угнетенныя массы, противопоставляя ихъ олигархіи, которою до сихъ поръ были пропитаны всѣ польскія учрежденія [3]). Самаринъ охотно согласился на предложеніе Милютина, тѣмъ болѣе, что ему удалось ознакомиться съ положеніемъ польскихъ крестьянъ еще во время его службы при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ.

Въ тѣсной связи съ дѣятельностью Самарина по крестьянской реформѣ въ Польшѣ находится его статья «Современный объемъ польскаго вопроса», напечатанная въ журналѣ «День» за сентябрь 1863 г. Въ ней онъ вполнѣ опредѣленно формулировалъ свою точку зрѣнія какъ на положеніе дѣлъ въ коренныхъ польскихъ областяхъ, такъ и на тѣ отношенія, которыя, по его мнѣнію, должны установиться между Царствомъ Польскимъ и остальными частями русской государственной территоріи. Подобно остальнымъ славянофиламъ, Самаринъ сочувственно относился къ Польшѣ, какъ къ славянской націи, но ненавидѣлъ полонизмъ, какъ продуктъ западной латинской

---

[1]) Ср. *А. Корниловъ*, Очерки по исторіи общественнаго движенія, стр. 367—375.
[2]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. 2, стр. 440—441. [3]) *Leroy-Beaulieu*, Un homme d'état Russe, p. 282.

культуры. Въ полонизмѣ Ю. Θ. видѣлъ «острый клинъ, вогнанный въ сердцевину славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы». Въ польскомъ вопросѣ слѣдуетъ, по его мнѣнію, «различать три элемента: поляки—какъ нація, Польша—какъ самостоятельное государство и полонизмъ — какъ просвѣтительное начало, какъ вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра». Полонизму, какъ главному врагу, Ю. Θ. противопоставляетъ восточно-славянское православное вліяніе. Но къ борьбѣ съ полонизмомъ онъ призывалъ правительство не въ коренныхъ областяхъ Царства Польскаго, а только въ западныхъ губерніяхъ. Что касается самой Польши, то Ю. Θ., отрицательно относясь къ идеѣ ея государственной автономіи, считалъ необходимымъ культурно-національное самоопредѣленіе польской народности. Онъ отстаивалъ свободу вѣроисповѣданія, офиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта Польши. Надо стремиться, по его словамъ, къ слiянію Польши съ Россіей, а не къ ея поглощенію. Конечнымъ идеаломъ для Ю. Θ. было полнѣйшее примиреніе Польши съ Россіей и съ остальнымъ славянствомъ. Предлагая подсѣчь корни полонизма, Самаринъ вмѣстѣ съ тѣмъ для подавленія возстанія считалъ необходимымъ вывести на историческую сцену крестьянское населеніе, уничтоживъ всякую зависимость его отъ дворянства [1]). Такимъ образомъ взгляды Самарина на польскій вопросъ отличались примирительнымъ характеромъ. Онъ былъ далекъ отъ какихъ-либо агрессивныхъ выступленій и если говорилъ о борьбѣ, то только на культурной почвѣ. Поэтому не на немъ лежитъ вина за то, что выставленная имъ программа превратилась въ рукахъ правительства сперва въ инкорпорацію Польши Россіей, а затѣмъ и полнѣйшую ея руссификацію. Правительство перенесло борьбу съ полонизмомъ въ нѣдра самой Польши и тѣмъ обострило до крайности отношенія между польской интеллигенціей и русскими реформаторами.

Милютинъ вмѣстѣ съ Самаринымъ и кн. Черкасскимъ проявилъ громадную энергію по изученію крестьянскаго дѣла въ Польшѣ. Ими былъ разработанъ огромный документальный матеріалъ въ петербургскомъ статсъ-секретаріатѣ и въ Варшавѣ въ управленіи намѣстничества. Они собрали рядъ цѣнныхъ статистическихъ данныхъ, опубликованныхъ въ видѣ объемистаго правительственнаго изданія. Въ цѣляхъ живого непосредственнаго ознакомленія съ бытомъ польскаго крестьянства всѣми тремя лицами, подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя, предприняты были поѣздки по незамиреннымъ еще обла-

[1]) Ср. *Ю. Θ. Самаринъ*, Сочиненія, т. 1, стр. 325—350.

стямъ [1]). Ю. Ѳ. пробылъ въ Польшѣ 6 недѣль, и свои наблюденія онъ изложилъ въ обширной запискѣ, представленной государю [2]).

При непосредственномъ участіи Самарина были составлены проекты устройства крестьянскаго быта и гминнаго управленія въ Польшѣ. Ими разрѣшался и аграрный вопросъ и создавалось крестьянское самоуправленіе. Въ полную собственность крестьянъ поступали всѣ тѣ земли, которыя находились въ ихъ пользованіи въ моментъ опубликованія новаго закона. Никакого срочно-обязаннаго періода не устанавливалось и крестьяне превращались въ полныхъ собственниковъ немедленно послѣ обнародованія «Положенія». Владѣльцы получали вознагражденіе не за землю, отходившую въ крестьянскую собственность, а только за тѣ повинности, которыя отбывались крестьянами въ ихъ пользу. Но принимались во вниманіе далеко не всѣ повинности и вознагражденіе владѣльцамъ уплачивалось за счетъ государства, а не самими крестьянами посредствомъ выкупной операціи [3]). Сельская гмина признавалась всесословной самоуправляющейся единицей. Въ ея составъ входили какъ крестьянскія деревни и колоніи, такъ и помѣщичьи мызы и фольварки. Каждая деревня или колонія составляла меньшую самоуправляющуюся единицу—сельское общество. Но эта низшая единица была не всесословной, а исключительно крестьянской. Гминные и сельскіе сходы вмѣстѣ съ выборными войтами и солтысами были органами этого новаго крестьянскаго самоуправленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ создавался и выборный судъ, состоявшій изъ гминнаго войта и лавниковъ по избранію гминнаго схода [4]). Такимъ образомъ крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ была разрѣшена на гораздо болѣе широкихъ и радикальныхъ основаніяхъ сравнительно съ коренными русскими областями. Послѣ того какъ проекты, составленные совмѣстными усиліями Милютина, кн. Черкасскаго и Самарина, были предварительно одобрены государемъ, они поступили на обсужденіе особаго комитета, членомъ котораго назначенъ былъ и Ю. Ѳ. 19 февраля 1864 г. «Положеніе» о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ было утверждено Александромъ II, и съ этого времени заканчиваются работы Самарина по крестьянскому дѣлу.

Въ 1864 г. Самаринъ вступаетъ въ свой послѣдній литературно-общественный періодъ жизни. Здоровье Ю. Ѳ. было сильно расшатано напряженнымъ семилѣтнимъ трудомъ надъ крестьянскимъ вопросомъ, и для возстановленія его силъ потребовался продолжи-

---

[1]) *А. Корниловъ*, назв. соч., стр. 390. [2]) Срав. *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Сочиненія, т. I, стр. 353—391. [3]) *А. Корниловъ*, назв. сочин., стр. 392—395. [4]) Ibid., стр. 395—401.

тельный отдыхъ и упорное лѣченіе. Въ эти послѣдніе годы своей жизни онъ проводилъ время то за границей, то въ своемъ самарскомъ имѣніи, переселяясь на зиму большею частью въ Москву, гдѣ сосредоточена была его кипучая и многосторонняя общественная дѣятельность. Какъ земскій человѣкъ съ головы до ногъ, Ю. Ѳ. принималъ близко къ сердцу разнообразные общественные вопросы, которые властно выдвигала сама жизнь. Въ годы глухой реакціи, наступившей вскорѣ за подъемомъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II, Ю. Ѳ. стоялъ въ сторонѣ отъ правительственныхъ сферъ. Да и само правительство, съ измѣненіемъ своего курса, косо смотрѣло на Самарина, считая его человѣкомъ вполнѣ неподходящимъ къ новому порядку вещей. Только разъ, въ декабрѣ 1865 г., ему поручено было по Высочайшему повелѣнію предсѣдательствованіе въ самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.

Самъ Ю. Ѳ. въ перепискѣ съ друзьями превосходно опредѣляетъ свою роль среди общественныхъ теченій той эпохи. Еще въ августѣ 1861 г. онъ писалъ кн. Черкасскому: «мы съ вами, именно мы двое, стоимъ на межѣ двухъ общественныхъ слоевъ: чиновничьяго и литературно-помѣщичьяго. Съ тѣмъ и съ другимъ мы имѣемъ связи, которыхъ разорвать нельзя, но ни къ тому, ни къ другому мы не можемъ пристать безусловно»[1]). Далекій отъ отвлеченныхъ принциповъ радикальнаго реформаторства, Ю. Ѳ. говорилъ о себѣ: «Я не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ». Любимымъ его афоризмомъ было: «Для меня все равно, откуда идетъ революція—съ улицы или изъ бельэтажей» [2]). Но, выступая противъ революціонной ломки, Самаринъ неустанно боролся съ общественнымъ квіетизмомъ. Еще въ мартѣ 1859 г. онъ писалъ А. О. Смирновой, что «сильная всеобщая встряска для насъ необходима, хотя бы для того, чтобы покончить съ дворянской лѣнью и пробудить насъ отъ хронической спячки и очистить нравственную атмосферу отъ зловонныхъ испареній» [3]). Общественная апатія, съ которой пришлось столкнуться Самарину почти тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, наводила его на самыя грустныя размышленія: «Наше общественное возрожденіе, тому назадъ года три казавшееся несомнѣннымъ, теперь невольно становится вопросомъ» [4]), писалъ онъ кн. Черкасскому въ ноябрѣ 1862 г. Глубокимъ пессимизмомъ вѣетъ отъ слѣдующихъ словъ его письма: «если общество отнеслось

---

[1]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I кн. 2. стр. 291. [2]) *А. Д. Градовскій*, Собр. сочин., т. IX, стр. CL. [3]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. I, стр. 315. [4]) Ibid., стр. 420.

пассивно къ крестьянской реформѣ, которая затрогивала его привычки и интересы, если помѣщики, какъ стадо барановъ, гуртомъ повалили въ ту сторону, куда ихъ толкнули; если мировые посредники приняли сторону крестьянъ, а не помѣщиковъ, единственно потому, что труднѣе и хлопотливѣе возиться съ цѣлою сходкой, чѣмъ съ помѣщикомъ; если весь ихъ хваленый либерализмъ въ сущности былъ не что иное, какъ потачка сильнѣйшему, то спрашивается: какая участь ожидаетъ земскія и судебныя учрежденія, задуманныя въ видахъ открытія клапановъ для свободныхъ общественныхъ силъ?» [1]). Тотъ же тонъ выступаетъ и въ письмѣ къ кн. Черкасскому отъ 3 декабря 1862 г.: «Вездѣ сверху до низу все одно: лѣнь, вялость, трусость» [2]).

Чѣмъ больше Ю. Ѳ. знакомился съ провинціальной средой, тѣмъ болѣе онъ приходилъ къ убѣжденію, «что время для органическаго законодательства еще не приспѣло». Въ одномъ своемъ письмѣ, относящемся, повидимому, къ началу 60-хъ гг., онъ между прочимъ говоритъ: «Теперь задача состоитъ не въ томъ, чтобы измѣнять и передѣлывать учрежденія, нужно творить не учрежденія, а людей. Приходится лѣпить и обжигать людей, какъ кирпичи» [3]). Сознавая, что историческій моментъ, переживаемый Россіей въ ближайшіе годы послѣ крестьянской реформы, далеко не благопріятствовалъ проведенію въ жизнь конституціонныхъ проектовъ Кошелева и либеральныхъ дѣятелей Тверской и Смоленской губерній, Ю. Ѳ. открыто осуждалъ ихъ литературныя и общественныя выступленія. «Образованное общество,—писалъ онъ,—теперь уже набрело на мысль, что самый благовидный предлогъ ничего не дѣлать даетъ дразненіе правительства» [4]). Подъ вліяніемъ циркулирующихъ въ обществѣ слуховъ о предполагаемомъ будто бы введеніи у насъ представительныхъ учрежденій у Самарина возникалъ цѣлый рядъ опасеній относительно грядущихъ судебъ Россіи. «При настоящихъ обстоятельствахъ земская дума,—читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ,—поставила бы весь тотъ кружокъ, въ которомъ сосредоточено русское просвѣщеніе, всю грамотную Русь между двухъ огней; ея безсиліе и изолированность высказались бы самымъ очевиднымъ образомъ, и благодаря ея глупымъ замашкамъ послѣдовало бы неудержимое сближеніе между властью и массами,—сближеніе на счетъ серединной Россіи во имя произвола и невѣжества» [5]).

Считая, что для созыва земской думы время еще не наступило,

---

[1]) Ibid., стр. 421. [2]) Ibid., стр. 423. [3]) Въ память Ю. Ѳ. Самарина, стр. 17. [4]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. 2, стр. 422. [5]) Ibid., стр. 423.

Ю. Ѳ. полагалъ, что очередной задачей текущаго момента является созданіе органовъ мѣстнаго самоуправленія. Онъ проявлялъ горячій интересъ къ организаціи земскихъ учрежденій въ то время, когда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывался законопроектъ о земской реформѣ. Какъ видно изъ его переписки съ кн. Черкасскимъ, онъ считалъ, что уѣздныя собранія исключительно для выборовъ должны быть организованы по сословіямъ, такъ какъ при существующемъ сословномъ разобщеніи общія земскія собранія почти немыслимы. Отдѣльныя собранія для каждаго сословія могутъ быть гораздо болѣе многолюдными и слѣдовательно основа мѣстнаго представительства будетъ значительно шире. Отъ каждаго сословнаго собранія, по мнѣнію Самарина, слѣдуетъ выбрать извѣстное количество въ составъ общаго уѣзднаго собранія или уѣздной думы. Изъ среды этой думы выбирается уѣздный хозяйственный распорядительный комитетъ и члены губернской думы. Въ составъ и уѣздной, и губернской думы входитъ правительственный комиссаръ съ правомъ протеста. Думы повѣряютъ расходы, утверждаютъ смѣты и имѣютъ право дѣлать представленія и подавать петиціи. При осуществленіи земской реформы «главная трудность,—по словамъ Самарина,—заключается въ разграниченіи государева дѣла отъ земскаго и въ опредѣленіи отношеній хозяйственной администраціи земской и коронной» [1]).

Послѣ проведенія въ жизнь земской и городской реформы Ю. Ѳ. всецѣло отдается общественной дѣятельности, удѣляя много вниманія постановкѣ школьнаго дѣла у себя въ деревнѣ и работамъ по земскому и городскому самоуправленію въ Москвѣ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни онъ постоянно избирался гласнымъ московской городской думы и губернскаго земскаго собранія. Въ качествѣ почти безсмѣннаго предсѣдателя комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ московской городской думы онъ удѣлялъ много времени на составленіе докладовъ по разнообразнымъ вопросамъ городской жизни и общественнаго благоустройства. Широкая терпимость къ чужимъ мнѣніямъ и огромный запасъ свѣдѣній по разнообразнымъ вопросамъ мѣстной жизни выдвигали его на первый планъ въ водоворотѣ тогдашнихъ общественныхъ теченій. По словамъ современниковъ, хорошо знавшихъ Ю. Ѳ., онъ представлялъ собою типъ общественнаго дѣятеля, стоявшаго всегда на почвѣ закона и не допускавшаго никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, что бы это ему ни стоило и чѣмъ бы это ему ни грозило. «Съ Самаринымъ,—говоритъ К. Д. Кавелинъ,—можно было не соглашаться...

[1]) Ibid., стр. 372—374.

но не питать къ нему уваженія не было возможности, и въ этомъ его друзья и враги подавали другъ другу руку» [1]). Рѣчи Самарина, произнесенныя какъ въ земскомъ собраніи, такъ и въ засѣданіи городской думы, производили сильное и неотразимое впечатлѣніе, которое И. С. Аксаковъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ никого не увлекъ художественностью и стройностью рѣчи подобно К. С. Аксакову, но доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода» [2]). Къ его вѣскому слову и авторитетному мнѣнію относились съ громаднымъ уваженіемъ какъ его единомышленники, такъ и его принципіальные противники. Особенно ярко сказалась эта выдающаяся общественная популярность Ю. Ѳ. въ началѣ 70-хъ гг., когда въ земской средѣ былъ поставленъ на обсужденіе податной вопросъ. Многія земства обращались въ это время за содѣйствіемъ къ Ю. Ѳ., считая его мнѣніе въ данномъ вопросѣ весьма цѣннымъ и авторитетнымъ. Въ 1871 г. онъ внесъ въ московское губернское земское собраніе докладъ по вопросу объ измѣненіи системы подушныхъ сборовъ, для разсмотрѣнія котораго была образована спеціальная комиссія подъ его предсѣдательствомъ. Въ началѣ 70-хъ гг. Ю. Ѳ. предпринимаетъ рядъ научныхъ изысканій по финансовымъ и податнымъ вопросамъ, результатомъ которыхъ была его работа «Финансовая реформа въ Пруссіи въ началѣ XIX ст.» Одновременно имъ былъ тщательно разработанъ проектъ финансовой реформы въ смыслѣ уравненія всѣхъ сословій въ податномъ отношеніи. Этотъ вопросъ онъ считалъ однимъ изъ самыхъ очередныхъ въ Россіи и былъ весьма радъ, что податная реформа начинала привлекать къ себѣ вниманіе правительственныхъ сферъ [3]).

Среди этой кипучей общественной дѣятельности Самаринъ неутомимо работалъ перомъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что «журналистика положительно дѣлается силой» [4]). Въ своей книгѣ «Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи», а также въ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова [5]) онъ выясняетъ сущность своего религіознаго міровоззрѣнія и обнаруживаетъ первоосновы православной церкви и православнаго вѣроученія. Онъ доказываетъ совмѣстимость истинныхъ принциповъ православной церкви съ идеями вѣротерпимости и религіозной свободы. Какъ публицистъ, Самаринъ

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1876 г., № IV, стр. 909. [2]) Русскій біографическій словарь, стр. 142. [3]) Сборникъ государственныхъ знаній В. П. Безобразова, т. VI. [4]) *Кн. О. Трубецкая*, Матеріалы, т. I, кн. 2, стр. 436. [5]) *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Соч., т. VI, стр. 1—370.

сосредоточивалъ свое вниманіе преимущественно на національномъ вопросѣ. Онъ стремился при этомъ обнаружить элементы, противодѣйствующіе русскимъ интересамъ, и уяснить значеніе элементовъ, дружественно расположенныхъ къ русской національности. Въ своихъ «Окраинахъ Россіи», издаваемыхъ имъ за границей [1]), Самаринъ поставилъ себѣ основной задачей опроверженіе тѣхъ невѣрныхъ представленій о русской политикѣ и администраціи, которыя распространялись въ западной Европѣ недовольными остзейцами и другими противниками русскихъ порядковъ. Онъ обличалъ также ненаціональное направленіе русской политики на окраинахъ и боролся съ зарождающимися центробѣжными стремленіями въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ и Финляндіи.

Называя себя неисправимымъ славянофиломъ, Ю. Ѳ. высоко ставилъ западно-европейскую культуру и общественность. Въ широкомъ мѣстномъ самоуправленіи, въ зачаткахъ свободнаго печатнаго слова и въ основныхъ началахъ судебной реформы онъ видѣлъ необходимыя условія для всесторонняго проявленія русскаго народнаго духа и для дальнѣйшаго развитія въ строго-національномъ направленіи русской государственной и общественной жизни. По словамъ А. Д. Градовскаго, «Ю. Ѳ. былъ человѣкомъ реформы, т.-е. горячимъ защитникомъ того, что пріобрѣтено было обществомъ съ 1861 г.» [2]). Онъ яростно ополчался противъ охранителей-крѣпостниковъ, старавшихся запугать правительство и измѣнить его курсъ въ сторону реакціонныхъ мѣропріятій, называя ихъ охранителями «пугачевщины» [3]). Являясь, по мѣткому выраженію Градовскаго, горячимъ адвокатомъ жизни, Ю. Ѳ. съ ѣдкимъ сарказмомъ въ своемъ отвѣтѣ генералу Ѳадѣеву, литературному вождю тогдашнихъ охранителей, осмѣиваетъ ихъ выступленія противъ коренныхъ устоевъ эпохи великихъ реформъ. Съ неопровержимою послѣдовательностью онъ доказываетъ, что наши мнимые охранители вступили на путь чисто-революціонной ломки [4]). И въ этомъ публицистическомъ произведеніи, такъ же какъ и въ его книгѣ «О іезуитахъ», ярко проявился могучій полемическій талантъ Самарина, полный тонкаго анализа фактовъ и глубокаго искренняго негодованія. Высказываясь за широкую свободу устнаго и печатнаго слова, Самаринъ шелъ навстрѣчу критикѣ, видя въ ней здравый жизненный элементъ прогрессивнаго развитія. Являясь сторонникомъ довольно опредѣленной доктрины, онъ никогда не шелъ въ рядахъ реакціонеровъ, горячо

---

[1]) Окраины Россіи, 1—6, выпуски. Берлинъ, 1868—76. *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Соч., тт. 8, 9, 10, 1890 г., 1896, 1898 г. [2]) *А. Д. Градовскій*, Собр. соч., т. IX, стр. CL. [3]) Ibid., стр. CLI. [4]) Ibid., стр. CL.

привѣтствуя всѣ тѣ реформаціонныя начинанія, которыя вносили лучъ свѣта въ темное царство народнаго невѣжества и крестьянскаго безправія. По словамъ кн. А И. Васильчикова, «главное чувство, которое одушевляло Самарина, была любовь къ народу. Онъ изучалъ народъ не только по наукѣ, но и на практикѣ, не только въ исторіи, но и въ самой жизни, не только въ присутствіяхъ и комиссіяхъ, но и въ деревнѣ, гдѣ проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, въ ополченіи, гдѣ командовалъ ротой, въ должностяхъ мирового судьи и гласнаго, гдѣ онъ работалъ неутомимо до послѣднихъ дней своей трудовой жизни» [1]).

Въ разгарѣ своей литературной и общественной дѣятельности Ю. Ѳ. неожиданно скончался въ Берлинѣ 19 марта 1876 г., послѣ сдѣланной ему операціи, осложнившейся злокачественнымъ рожистымъ воспаленіемъ. Вѣсть о его смерти сильно потрясла всю тогдашнюю интеллигентную Россію, и въ рядѣ некрологовъ, написанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что понесенной утраты звучатъ ноты искренней печали и глубокаго горя.

Въ лицѣ Ю. Ѳ. Самарина русская общественная мысль теряла одного изъ наиболѣе яркихъ своихъ представителей, человѣка стойкихъ гражданскихъ убѣжденій, видѣвшаго въ народѣ, въ крестьянской массѣ хранителя лучшихъ національныхъ традицій. На раскрѣпощеніе этого народа онъ отдалъ свои лучшія силы, и это обезпечило ему навсегда одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди дѣятелей великой крестьянской реформы.

В. Бочкаревъ.

---

[1]) Въ память Ю. Ѳ. Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины, стр. 12.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

Въ бытность свою въ Парижѣ, въ началѣ зимы 1876 года, кн. В. А. Черкасскій, уступая просьбамъ и убѣжденіямъ друзей и, главнымъ образомъ, Ю. Ѳ. Самарина, принялся писать статью, которую думалъ издать особой брошюрой, подъ заглавіемъ: «Крестьянское дѣло въ 1861—1876 гг.». Къ сожалѣнію, отъ задуманной работы уцѣлѣло лишь нѣсколько страницъ черновой рукописи[1], и едва ли больше могло быть написано. Задавшись цѣлью хладнокровно и безпристрастно разобраться въ совершившихся на его глазахъ событіяхъ и подвести итоги великой реформѣ, въ проведеніи которой онъ игралъ столь выдающуюся роль, кн. Черкасскій, очевидно, скоро долженъ былъ придти къ сознанію, что трудно быть справедливымъ судьей въ дѣлѣ, гдѣ было пережито столько, свѣжей еще въ памяти, страстной борьбы. Оглядываясь на пройденный путь, онъ былъ пораженъ, какъ личное значеніе дѣятелей реформы всецѣло и быстро расплылось и исчезло въ «безличной правительственной массѣ», и приписывалъ это своеобразнымъ условіямъ русской дѣйствительности. Но въ сущности таковъ неизбѣжный удѣлъ всякой коллективной работы, гдѣ личность обыкновенно мало имѣетъ возможности оставить по себѣ слѣдъ; къ счастію, по отношенію къ кн. Черкасскому этого какъ разъ нельзя сказать, ибо, благодаря цѣннымъ матеріаламъ его архива[2]), можно не только дать себѣ ясный и точный отчетъ въ той работѣ, какая имъ была выполнена какъ въ губернскомъ комитетѣ, такъ и въ редакціонной комиссіи, но и учесть всю силу его личнаго значенія и вліянія на то или другое рѣшеніе или постановку вопроса. Но здѣсь мы заранѣе должны отказаться отъ

---

[1]) Напеч. въ Сборникѣ статей и рѣчей кн. В. А. Черкасскаго. Москва, 1879 г.

[2]) Архивъ кн. В. А. Черкасскаго находится на храненіи въ Моск. Публ. Румянцевскомъ музеѣ.

Фотот. П. Павлова

Л. Майковъ

такой задачи, которая потребовала бы слишкомъ детальнаго и спеціальнаго изученія, и ограничимся лишь краткимъ обзоромъ его участія въ дѣлѣ крестьянской реформы.

Вся жизнь кн. Черкасскаго до открытія губернскихъ комитетовъ была, такъ сказать, школой, подготовлявшей его къ той дѣятельности, которая предназначалась ему здѣсь.

Вступивъ на юридическій факультетъ московскаго университета въ 1840 году, всего 16 лѣтъ отъ роду, князь Черкасскій рано былъ замѣченъ какъ профессорами, такъ и студентами. Самая наружность его привлекала вниманіе: гордая осанка, очки, плотно надвинутые на глаза, наглухо застегнутый довольно бѣдный вицмундиръ, какого не нашивали тогдашніе студенты-аристократы, и весьма ученый видъ возбуждали интересъ и шопотъ при его появленіи въ аудиторіи [1]). Изъ его студенческихъ работъ особенно знаменательной представляется «Разсужденіе объ укрѣпленіи крестьянъ», вызвавшее лестный отзывъ Погодина, и «Очеркъ исторіи сельскаго сословія въ Россіи» (напеч. въ «Русск. Архивѣ», 1880 г., кн. III), написанный въ 1844 г. на заданную факультетомъ тему для состязанія на полученіе золотой медали. Представивъ здѣсь очеркъ политическаго развитія русской волости, кн. Черкасскій пришелъ къ убѣжденію, что для нея есть одинъ правильный, нормальный выходъ изъ крѣпостного состоянія: «*общинный политическій бытъ, основанный на твердой поземельной собственности*».

«Но когда же настанетъ для Россіи вожделѣнный день?—спрашивалъ себя кн. Черкасскій.—Жатва быстро зрѣетъ, великая историческая драма безостановочно клонится къ неминуемой развязкѣ; исторія уже, кажется, произнесла свой судъ, фактъ ожидаетъ лишь законодательнаго освященія. Пусть казна, согласившись крестьянъ своихъ назвать свободными, согласится еще на послѣднюю жертву и оброкъ ихъ назоветъ просто поземельной податью; пусть частные владѣльцы, двѣсти лѣтъ незаконно пользовавшіеся крестьянскою барщиной, наконецъ отъ нея откажутся и въ видѣ вознагражденія согласятся признать ихъ вѣковое, рѣшительно неотъемлемое владѣніе полною *отчинною собственностью*...»

По выходѣ изъ университета кн. В. А. Черкасскій поселился въ деревнѣ, въ небольшомъ своемъ имѣніи Ивановскомъ, Пригори тожъ (Тульской губ., Веневскаго уѣзда). Денежныя дѣла его въ то время были въ весьма стѣсненномъ положеніи, благодаря старшему брату Константину, который совершенно разорился. Чтобы выручить его, князю Владиміру Александровичу пришлось заложить свое имѣніе.

---

[1]) Воспоминанія Н. Безсонова. „Русск. Архивъ“, 1876 г., № 6, стр. 203—204.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ постоянно преслѣдовала его. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за ходомъ вопроса въ правительственныхъ сферахъ. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ (2 апрѣля 1842 года), предоставлявшій дѣло освобожденія добровольному соглашенію землевладѣльцевъ и крестьянъ и заключавшій въ себѣ призывъ къ участію частныхъ лицъ въ разрѣшеніи вопроса, возбуждалъ его надежды и укрѣплялъ вѣру въ твердую волю правительства привести дѣло къ желанному концу. Но, къ сожалѣнію, вопросъ все болѣе и болѣе запутывался въ боязливыхъ колебаніяхъ между противорѣчащими другъ другу желаніями: сохранить за дворянствомъ исключительное право собственности на землю и страхомъ, освободивъ крестьянъ безъ земли, создать пролетаріатъ. Усилія какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ были совершенно безплодны отъ такихъ непримиримыхъ условій въ постановкѣ земельнаго вопроса.

На выборахъ 1843—44 гг. нѣсколько человѣкъ тульскихъ дворянъ представили губернатору проектъ отпустить въ своихъ имѣніяхъ крестьянъ на волю съ награжденіемъ ихъ землею по 1 дес. на ревизскую душу, но и это скромное предложеніе было отклонено правительствомъ съ разъясненіемъ, что оно противорѣчитъ основной его мысли сохраненія за дворянствомъ поземельной собственности. Неудача этой попытки не обезкуражила молодого кн. Черкасскаго и съ приближеніемъ новыхъ выборовъ у него зародилась мысль учредить кружокъ среди тульскихъ помѣщиковъ для выработки новаго проекта освобожденія. Въ виду этого онъ набросалъ проектъ «постепеннаго освобожденія крестьянъ», гдѣ рѣзко высказывался противъ безземельнаго освобожденія «на остзейскій образецъ». Симпатизируя болѣе всего закону 1803 г. «о вольныхъ хлѣбопашцахъ» въ томъ способѣ его примѣненія, который дѣлалъ крестьянъ свободными вотчинниками, князь, чтобы идти навстрѣчу новой точкѣ зрѣнія правительства, предлагалъ избрать срединный путь между свободными хлѣбопашцами и обязанными крестьянами. Мы остаемся въ неизвѣстности, былъ ли этотъ планъ предложенъ имъ на обсужденіе кружка, который составился въ апрѣлѣ 1847 года, но онъ интересенъ самъ по себѣ, ибо въ немъ изложены взгляды кн. Черкасскаго на всѣ существовавшіе тогда способы увольненія [1]).

Кружокъ изъ девяти человѣкъ дворянъ Тульской губерніи собирался у губернатора Муравьева (впослѣдствіи гр. Амурскаго), и къ концу 1847 года проектъ, написанный рукою кн. Черкасскаго, былъ уже готовъ къ подписанію, когда внезапно изъ Петербурга приска-

[1]) См. Князь В. А. Черкассвій. „Матеріалы для біографіи“, состав. кн. О. Трубецкой, т. I, прилож. № 1.

калъ фельдъегерь съ Высочайшимъ приказомъ: «комиссію распустить и всякую дальнѣйшую разработку вопроса *остановить*».

Е. И. Раевская («Русск. Арх.», 1896 г., № 2, стр. 207) разсказываетъ даже, что будто отъ всѣхъ участниковъ кружка была отобрана подписка, что они освобожденіемъ крестьянъ больше заниматься не будутъ, и имъ приказано было разъѣхаться по домамъ. Этотъ рѣзкій поворотъ, вызванный вспыхнувшей французской революціей, былъ уже окончательнымъ для крестьянскаго дѣла въ царствованіе Николая Павловича. Но нѣсколько ранѣе этого, въ 1846 г., кн. В. А. Черкасскій сдѣлалъ попытку къ освобожденію крестьянъ у себя въ имѣніи. Какъ упомянуто выше, имѣніе князя было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, а по существовавшимъ тогда законамъ помѣщикъ не имѣлъ права отчуждать ни единой десятины изъ заложеннаго имѣнія до уплаты *всего долга*, что служило, такимъ образомъ, непреодолимымъ препятствіемъ къ надѣленію имъ своихъ крестьянъ землею. Осуждая, какъ мы видѣли, безземельное освобожденіе крестьянъ, князь допускалъ цѣлесообразность и возможность его для дворовыхъ и мастеровыхъ крестьянъ. Въ Пригоряхъ былъ сахарный заводъ и немало мастеровыхъ, состоятельныхъ крестьянъ. 26 октября 1846 г. князь В. А. Черкасскій писалъ своему брату Евгенію: «Ce matin j'ai signé un всемилостивѣйшій манифестъ о постоянной таксѣ для желающихъ откупиться крестьянъ, et je l'ai déposé au comptoir en le faisant proclamer—Vogue la galère! Что будетъ—не знаю...». Пресловутый манифестъ пропалъ безслѣдно, но по уцѣлѣвшимъ документамъ видно, что вышло изъ него на дѣлѣ. Мастеровые и состоятельные крестьяне немедленно откупились: выкупная цѣна за душу была назначена отъ 60—100 руб., глядя по числу взрослыхъ мужчинъ въ семьѣ (повидимому, выкупъ дозволялся лишь въ полномъ составѣ двора). Для облегченія крестьянъ уплата разсрочивалась на 2—3 года, а прежнія угодья оставались въ ихъ пользованіи за половинный оброкъ. Затѣя эта, предпринятая сгоряча и недостаточно обдуманная, доставила князю много хлопотъ и непріятностей. Ему пришлось извѣдать всю трудность частнаго осуществленія дѣла, когда оно находится не въ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ жизни и не находитъ себѣ поддержки въ существующихъ законахъ. При этомъ убытки какъ въ хозяйствѣ князя, такъ и остального крѣпостного населенія были неизбѣжны. За каждаго уволеннаго приходилось платить подушные сборы до новой ревизіи, а также вносить въ опекунскій совѣтъ соотвѣтствующую залогу сумму. Въ свою очередь на сельское общество тяжело ложилась рекрутская повинность, которая дала себя сильно почувствовать во время Крымской кампаніи.

Въ 1858 году, по просьбѣ своихъ вольноотпущенныхъ, князь продалъ имъ $122^1/_2$ дес. земли по 40 руб. за десятину съ разсрочкой уплаты на нѣсколько лѣтъ, но тѣмъ не менѣе съ обнародованіемъ Положенія 19 февраля пригорскіе крестьяне оказались въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ временно-обязанные, ибо лишены были казеннаго кредита и помощи для пріобрѣтенія остальной части надѣла. Кн. Черкасскій совмѣстно съ ними подалъ прошеніе о распространеніи на нихъ Положенія 19 февраля для выкупа земли, при чемъ уступалъ имъ ее за прежнюю цѣну—40 р. за десятину. Но въ просьбѣ этой имъ было отказано, и окончательное устройство пригорскіе крестьяне получили лишь послѣ его смерти, согласно его духовному завѣщанію.

По разсѣяніи тульскаго кружка кн. Черкасскій до своей женитьбы на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Васильчиковой два года почти безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, а послѣ свадьбы (въ августѣ 1850 года) переѣхалъ на зиму въ Москву, гдѣ сблизился съ кружкомъ московскихъ славянофиловъ. Изъ писемъ Хомякова видно, что эмансипаціонные разговоры были въ ту зиму въ большомъ ходу между ними. Въ 1851 году кн. Черкасскій принялъ живое участіе въ изданіи, затѣянномъ въ кружкѣ съ цѣлью уясненія крестьянскаго вопроса и распространенія своихъ взглядовъ, но, какъ извѣстно, «Московскій Сборникъ» былъ запрещенъ уже на второй книжкѣ, статья кн. Черкасскаго «Юрьевъ день» [1]) сочтена была особенно опасной, и вмѣстѣ съ Аксаковымъ, Кирѣевскимъ и Хомяковымъ кн. Черкасскій подвергся ограниченію въ правахъ печати и полицейскому надзору. Когда съ наступленіемъ новаго царствованія цензурное запрещеніе было снято, кн. Черкасскій сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Бесѣды» и «Сельскаго Благоустройства». Однако, должно здѣсь замѣтить, что, несмотря на тѣсную дружбу, соединявшую кн. В. А. Черкасскаго съ нѣкоторыми членами кружка и особенно съ Ю. Ө. Самаринымъ и И. С. Аксаковымъ, князь Черкасскій никогда не былъ славянофиломъ въ общепринятомъ значеніи этого слова. Отношеніе его къ славянофильству носило характеръ союза на почвѣ практическаго разрѣшенія извѣстныхъ задачъ. Самъ кн. Черкасскій характеризовалъ свое отношеніе къ славянофиламъ, какъ mariage de raison (бракъ по разсудку). Не принадлежа всецѣло ни къ какой партіи, онъ поддерживалъ ту систему, доктрину или направленіе, которыя въ данную минуту считалъ полезными или нужными, и строго исполнялъ принятыя по отношенію къ нимъ обязательства, не поступаясь для этого своими

---

[1]) „Юрьевъ день“ напеч. въ „Русск. Архивѣ“, 1882, № 1.

личными убѣжденіями. «Я знаю,—писалъ онъ своему другу Новосильцеву,—что многое можно сказать противъ такого mariage de raison, но я тѣмъ не менѣе думаю, что если бы у насъ люди интеллигентные больше придерживались такого образа дѣйствій, общій ходъ дѣлъ отъ этого замѣтно выигралъ и общество пріобрѣло бы извѣстный навыкъ къ просвѣщенной терпимости, которой—увы!—такъ ему недостаетъ, и много легче и гораздо вѣрнѣе достигало бы цѣли, къ которой всѣ одинаково стремятся, но къ которой каждый спѣшитъ одинокой и самостоятельной тропой, безъ лозунга, безъ системы, ибо прежде всего никто не хочетъ себя ни въ чемъ стѣснять. Болѣе чѣмъ многіе я умѣлъ должнымъ образомъ цѣнить и охранять блага какъ матеріальной, такъ и умственной независимости, тѣмъ не менѣе мнѣ всегда казалось, что разумный и подчиненный извѣстной дисциплинѣ союзъ является столь же могущественнымъ, какъ и необходимымъ орудіемъ дѣйствія, и думаю, что я въ этомъ не ошибался. Таковъ, наприм., былъ смыслъ и характеръ моихъ отношеній къ славянофильству. Я продолжаю вѣрить, что они были необходимымъ элементомъ нашего современнаго умственнаго развитія. Къ тому же я встрѣтилъ въ нихъ честныхъ и почтенныхъ, хотя мало кѣмъ оцѣненныхъ людей и обрѣлъ между ними нѣсколькихъ истинныхъ друзей. Я продолжаю еще свои отношенія съ ними, хотя анархія и атомистическій духъ, царствующій теперь въ мірѣ нашей русской интеллигенціи, проникъ и въ ихъ скромный лагерь; но все это мнѣ никогда не мѣшало и теперь менѣе чѣмъ когда-либо мѣшаетъ сохранить среди нихъ свою индивидуальность незатронутой и продолжать думать по-своему по многимъ вопросамъ, которые считаю безполезнымъ или несвоевременнымъ оспаривать съ ними публично».

Первое время кн. Черкасскій писалъ для «Русской Бесѣды» политическія обозрѣнія, при чемъ цензура стѣсняла его требованіемъ «представлять одинъ связный разсказъ событій, почерпнутыхъ *исключительно* изъ русскихъ источниковъ, и безъ всякихъ своихъ сужденій». Такая работа не удовлетворяла князя, ибо не отвѣчала главному его интересу. Въ началѣ января 1857 г. кн. Черкасскій представилъ Ланскому обширную записку «О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія». Объясняя безплодіе всѣхъ доселѣ бывшихъ попытокъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса тѣмъ, что правительство «стремилось само изобрѣсти новыя жизненныя формулы и извнѣ привить ихъ обществу, не довѣряя его законному участію въ изобрѣтеніи этихъ формулъ, князь указывалъ, что пора вернуть обществу слишкомъ долго заглушенный свободный голосъ: «откровенно вопрошенное общество,

безъ сомнѣнія, найдетъ въ богатомъ запасѣ практическаго опыта своего и готовыя формулы и тайну новыхъ искомыхъ отношеній».

Изъ содержанія записки видно, какъ далеко кн. Черкасскій былъ въ то время отъ мысли, что правительство рѣшится въ ближайшемъ будущемъ на общія рѣшительныя мѣры къ развязкѣ крестьянскаго вопроса. Князь Черкасскій считалъ полезнымъ въ извѣстномъ смыслѣ «обстрѣливать» Петербургъ и почаще напоминать кому слѣдуетъ о необходимости радикальныхъ реформъ. Ему казалось, что должно стараться склонить правительство вступить на этотъ путь хотя бы съ робостью и указать возможно простые и легкіе къ тому способы. Иного значенія записка эта не имѣла и въ глазахъ самого князя, который самъ указывалъ, что впослѣдствіи, при измѣнившихся условіяхъ постановки вопроса, онъ не стоялъ за высказанныя имъ здѣсь мнѣнія и предложенія [1]).

Осенью 1857 г. кн. Черкасскій собрался за границу, гдѣ рѣшилъ провести зиму для здоровья жены. Въ Римѣ князь имѣлъ случай сблизиться съ бар. Э. Ѳ. Раденъ, фрейлиной вел. кн. Елены Павловны, которая и представила его послѣдней. «Великая княгиня любезна со мной до крайности,—писалъ отсюда кн. Черкасскій А. И. Кошелеву, — и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и притомъ съ землею». Великая княгиня часто приглашала кн. Черкасскаго къ себѣ и любила дѣлиться съ нимъ извѣстіями, получавшимися изъ Петербурга. По обнародованіи назимовскихъ рескриптовъ (въ ноябрѣ 1857 г.) кн. Черкасскій написалъ для нея двѣ записки, гдѣ ставилъ на видъ, что главнымъ условіемъ успѣха новаго начинанія должно быть наблюденіе правительства за добросовѣстной, не слишкомъ высокой оцѣнкой крестьянскихъ усадебъ, подлежащихъ выкупу, и повинностей, а главное напиралъ на необходимость самой широкой гласности какъ относительно намѣреній правительства, такъ и обсужденія вопроса. Вѣроятно, къ этому же времени слѣдуетъ отнести замѣчанія, составленныя княземъ по просьбѣ вел. княгини на проектъ освобожденія крестьянъ въ ея имѣніи Карловкѣ (арх. кн. Черкасскаго, № 6).

Въ началѣ апрѣля кн. Черкасскій вернулся въ Россію и былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ тульскій губернскій комитетъ, открытіе котораго послѣдовало лишь 5 сентября 1858 г.

При вступленіи въ комитетъ у кн. Черкасскаго не было опредѣленной, строго выработанной программы, которую бы онъ задался

---

[1]) См. письмо кн. В. А. Черкасскаго къ гр. Орлову-Давыдову. Матеріалы для біографіи, т. I, кн. I, прилож. № 2.

здѣсь проводить, но были извѣстные убѣжденія и взгляды, которыхъ онъ твердо держался. Не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся здѣсь уясненіемъ его отношенія къ правительственной программѣ и къ тѣмъ вопросамъ, какіе являлись для него наиболѣе важными и существенными.

Присланная изъ Петербурга программа занятій дворянскихъ комитетовъ, кромѣ составленія свода свѣдѣній о дворянскихъ имѣніяхъ, обязывала къ начертанію проекта положенія «объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», при чемъ приложена была и форма для составленія этого проекта, дробившая его на главы, а главы на параграфы [1]). Здѣсь не только ни слова не говорилось о выкупѣ полевой земли, но подтверждалась «неприкосновенность права собственности помѣщиковъ на всю землю». Крестьянамъ же открывалось лишь право на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность черезъ выкупъ. Понятно, что программа эта казалась кн. Черкасскому крайне неудовлетворительной, и онъ писалъ своимъ друзьямъ Ю. Ѳ. Самарину и А. И. Кошелеву: «Мнѣ кажется, что совершенно подчиниться программѣ невозможно и притомъ невыгодно для эмансипаторовъ тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неудачи всегда остается шансъ возвратиться къ ней какъ pis aller и тогда уже, опираясь на нее, какъ на minimum правительственныхъ требованій, сильно настаивать на легальномъ ея характерѣ и ненарушимости ея».

Освобожденіе крестьянъ *съ землею* было, какъ мы видѣли, завѣтной мечтой князя съ самой университетской скамьи, и въ комитетѣ вопросъ «*о надѣлѣ*» являлся для него кореннымъ вопросомъ. Князь надѣялся вначалѣ отстоять *существующій* надѣлъ, но соображеніе о трудности выкупной операціи и неизбѣжномъ возвышеніи крестьянскихъ податей за выкупъ болѣе значительнаго количества земли заставило его отказаться отъ этой мысли и помириться на *достаточномъ* (для обезпеченія существованія) или *среднемъ* надѣлѣ, который для Тульской губ. онъ исчислялъ въ размѣрѣ $2^1/_2$ дес. на душу. По вопросу о *выкупѣ* князь хотя и былъ тогда противъ всеобщаго, немедленнаго и единовременнаго выкупа, считая его несвоевременнымъ, но полагалъ, что отсрочка на неопредѣленное время окончательной развязки между помѣщикомъ и крестьянами можетъ возбудить плачевный антагонизмъ

---

[1]) Порядокъ главъ былъ слѣдующій: I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанное. II. Сущность срочно-обязаннаго положенія. III. Поземельныя права помѣщиковъ. IV. Усадебное устройство крестьянъ. V. Надѣлъ крестьянъ землею. VI. Повинности крестьянъ. VII. Устройство дворовыхъ людей. VIII. Образованіе сельскихъ обществъ. IX. Права и отношенія помѣщиковъ. X. Порядокъ и способъ исполненія.

насильственно связанныхъ между собой сословій и повести къ полному разоренію дворянства. Поэтому онъ считалъ крайне важнымъ популяризировать идею выкупа и съ этой цѣлью написалъ для «Сельскаго Благоустройства» статью «О биржевомъ курсѣ закладныхъ листовъ» и наконецъ «Проектъ вольнаго тульскаго земельнаго кредитнаго общества», который впослѣдствіи былъ приложенъ къ проекту «меньшинства». Въ учрежденіи прочныхъ, обезпеченныхъ правительствомъ вольныхъ кредитныхъ обществъ кн. Черкасскій видѣлъ естественное и необходимое дополненіе ко всякому проекту о будущемъ крестьянскомъ устройствѣ. Здѣсь крестьянамъ открывалась возможность съ помощью кредита пріобрѣтать нужную для ихъ обезпеченія землю, а помѣщикъ могъ получить немедленное за нее вознагражденіе. Выкупъ предполагался въ размѣрѣ, установленномъ по оцѣнкѣ земли, но, какъ указываетъ самое названіе, вступленіе въ общество предполагалось необязательнымъ ни для помѣщика, ни для крестьянъ и обусловливалось взаимнымъ добровольнымъ соглашеніемъ. Кн. Черкасскій хотѣлъ напечатать свой проектъ въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», но московскій цензурный комитетъ воспротивился этому, и всѣ хлопоты кн. Черкасскаго о снятіи запрещенія ни къ чему не повели вслѣдствіе рѣшительныхъ противъ того возраженій со стороны министра финансовъ.

Мысли свои объ *устройствѣ сельскаго общества* кн. Черкасскій подробно развилъ въ статьѣ «Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія», напечатанной въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» (1858 г., № 9). Отводя широкое мѣсто критикѣ высшихъ инстанцій въ учрежденіяхъ государственныхъ имуществъ, которыми такъ усложнялось всякое дѣлопроизводство, онъ обращалъ особое вниманіе на устройство близкаго къ народу суда и мировой юстиціи. За единицу вновь образуемаго сельскаго общества онъ предлагалъ признать *приходъ*, въ чемъ расходился съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, считавшимъ болѣе удобнымъ принять за единицу управленія единицу хозяйственную, т.-е. не вотчину, а общество, надѣленное землею въ мірское владѣніе.

Разногласіе ихъ сказывалось еще сильнѣе по вопросу объ общинѣ. Князь Черкасскій считалъ, что при крѣпостномъ правѣ община была охраною для крестьянъ противъ произвола помѣщиковъ, но, признавая ее вредною при освобожденіи крестьянъ и препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію крестьянскаго хозяйства, онъ высказывался за ея упраздненіе. По словамъ П. Ѳ. Самарина, который былъ его товарищемъ по тульскому комитету, онъ и здѣсь вначалѣ придерживался этого взгляда. Но его совершенно поколебала слѣдующая отписка Ю. Ѳ. Самарина (хотя и обращенная къ А. И. Кошелеву).

«Не понимаю, почему васъ такъ озабочиваетъ и безпокоитъ вопросъ объ общинѣ? Въ *практическомъ* отношеніи онъ не имѣетъ никакой важности, ибо разрѣшеніе его не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Это есть единственный вопросъ, въ которомъ *интересы казны и помѣщиковъ совпадаютъ съ народнымъ обычаемъ*». Послѣ этого князь Черкасскій старался только открыть возможность выхода изъ общины желающимъ, почему и явился впослѣдствіи поборникомъ извѣстной 165 ст. Положенія.

Здѣсь было положено сѣмя для возможности будущаго распаденія общества. «Мы не хотѣли,—писалъ кн. Черкасскій Кошелеву въ 1861 г.,—такъ сказать, à huit clos, не выслушавъ опыта жизни, рѣшиться на такую крупную мѣру; я до сихъ поръ считаю, что мы хорошо сдѣлали, не поспѣшивъ и предоставивъ это дѣло будущему законодательному развитію. Впрочемъ, даже и помимо всѣхъ этихъ соображеній, я въ комиссіи не отсталъ бы отъ принятаго нами направленія уже хотя бы даже единственно и по тому уваженію, чтобы не раздѣлиться въ комиссіи съ Самаринымъ, который и безъ того находилъ, что мы слишкомъ раскачиваемъ общину, и котораго союзъ былъ слишкомъ важенъ и высоко всѣми цѣнился. Затѣмъ дѣло комиссіи кончилось; жизненный опытъ уже высказывается...» И уже къ концу 1861 г. кн. Черкасскій пришелъ къ убѣжденію, что крестьянамъ надо дать право тамъ, гдѣ общество не хочетъ оставить барщины, приступить къ единичному выкупу своей тягловой земли. Видя въ малограмотности народа одну изъ причинъ, почему, не имѣя возможности уяснять себѣ законъ чтеніемъ, онъ уклоняется отъ сдѣлокъ съ помѣщикомъ, онъ считалъ, что всего лучше дѣйствовать на него примѣромъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу А. И. Кошелеву и Ю. Ѳ. Самарину: «Примѣръ отдѣльныхъ, лучшихъ, умнѣйшихъ и наиболѣе достаточныхъ крестьянъ, по всеобщему убѣжденію, способенъ подѣйствовать на массу сильнѣе, чѣмъ всякіе циркуляры, новые законы, правительственныя распоряженія и литературныя вліянія. Ergo—должно прежде всего стараться возбудить такого рода единичную дѣятельность въ народѣ, которая могла бы увлечь за собою массы. Единицы въ крестьянахъ совершенно готовы и на оброкъ, и на сдѣлки, и на выкупъ; ихъ удерживаетъ исключительно только законъ, требующій ихъ выкупа всѣмъ обществомъ или предварительнаго приговора всего же общества о распаденіи его. Того и другого теперь, очевидно, трудно добиться. Слѣдовательно, остается открыть клапанъ отдѣльнымъ личностямъ. Это будетъ самая сильная и дѣйствительная мѣра для нейтрализованія тяготѣнія массы; сплошная масса будетъ разбита на куски естественнымъ и неотразимымъ движеніемъ личностей, безъ всякаго внѣшняго вмѣшатель-

ства правительства, частная собственность водворится на селѣ безъ утѣсненія общинной (всюду, гдѣ послѣдняя окажется состоятельной), барщина станетъ постепенно сама собою исчезать, а попрятанные капиталы будутъ вызваны на свѣтъ...»

Кромѣ ускоренія движенія къ выкупу, кн. Черкасскій полагалъ, что водвореніе въ деревняхъ полныхъ собственниковъ дастъ сильныхъ защитниковъ законному порядку и началу собственности, и «безъ всякаго насилія сломается небезопасная коалиція, питаемая общиннымъ бытомъ и нынѣ слишкомъ часто насилующая крестьянъ». Кн. Черкасскій, однако, ограничился по этому вопросу письменнымъ обмѣномъ мнѣній съ своими друзьями, но никогда печатно и публично не выступалъ противъ общины, «сдерживая свои личныя убѣжденія ради общаго дѣла».

Еще въ началѣ іюня 1858 г. А. И. Кошелевъ (членъ рязанскаго комитета) предложилъ кн. Черкасскому и Ю. Ѳ. Самарину (члену самарскаго комитета) установить между ними тройственную переписку, чтобы держать другъ друга въ курсѣ всего хода крестьянскаго дѣла въ сферѣ дѣятельности каждаго, а главное—для обмѣна мнѣніями и взглядами на всѣ стороны вопроса для болѣе дружнаго и согласнаго дѣйствія и провѣрки личныхъ взглядовъ. Письма эти пересылались другъ другу съ замѣчаніями и выраженіемъ согласія или несогласія на тѣ или другія мнѣнія или предположенія. Переписка эта, обнимающая весь первый періодъ исторіи крестьянской реформы, какъ непосредственно до, такъ и во время губернскихъ комитетовъ, сохранилась почти въ цѣлости и является цѣннымъ историческимъ документомъ, позволяя намъ шагъ за шагомъ слѣдить за всѣми перипетіями борьбы, которую членамъ меньшинства въ губернскихъ комитетахъ приходилось выдерживать противъ членовъ крѣпостническаго большинства [1]).

Послѣднее не брезгало никакими средствами и уловками, чтобы тормозить дѣло въ комитетахъ. Боясь преслѣдованія со стороны правительства за свои мнѣнія, члены большинства въ тульскомъ комитетѣ провели тайную баллотировку вопросовъ, отказали даже тульскимъ дворянамъ въ правѣ присутствовать на засѣданіяхъ, а чтобы окончательно стѣснить меньшинство, отняли у него право записывать отдѣльныя мнѣнія въ журналы засѣданія. Впослѣдствіи эти постановленія были отмѣнены по приказанію министра, но очевидно, что они не могли проходить безъ отчаянной борьбы со стороны меньшинства. Держась того взгляда, что «вездѣ и всюду наступа-

[1]) См. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Матеріалы для біографіи кн. О. Трубецкой, т. I, кн. 1-ая и кн. 2-ая. Переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ и И. С. Аксаковымъ.

тельная война выгоднѣе оборонительной», князь не щадилъ своихъ противниковъ. И. С. Аксаковъ, вспоминая впослѣдствіи впечатлѣніе, которое производили его рѣчи, писалъ: «Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ особенно же глаза людей съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ любилъ издѣваться надъ добродушной глуповатостью и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высомѣрную злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣніемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста и въ грудѣ фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайнаго своекорыстнаго мотива... Большинство не могло простить ему—князю, аристократу по происхожденію—демократическую будто бы затѣю надѣленія крестьянъ землею: добро бы онъ былъ человѣкъ неимущій, искренній простодушный идеологъ, увлекающійся фантазіями либерализма и гуманности и т. п. Но такого права на ересь помѣщичье большинство въ кн. Черкасскомъ не признавало, а между тѣмъ чувствовало въ немъ опасную себѣ силу» [1]). Ясное пониманіе вопроса, громадная память и знаніе закона давали ему такое преимущество въ комитетѣ, что оно пугало его противниковъ: къ программѣ просто боялись приступать и представленія, дѣлавшіяся губернаторомъ объ ускореніи работъ, не двигали дѣла. Засѣданія откладывались то по неприбытію двухъ членовъ изъ того же уѣзда, то изъ-за того, что журналъ предшествовавшаго засѣданія не былъ готовъ къ подписанію, то по причинѣ распространенія «угарнаго чада» въ залѣ засѣданія, при чемъ тутъ же въ журналѣ занесенъ протестъ кн. Черкасскаго и членовъ меньшинства, отрицавшихъ «вліяніе угарнаго чада» на незаконное закрытіе засѣданія. Ожесточеніе противъ кн. Черкасскаго росло съ каждымъ днемъ. Масла въ огонь подлила газетная замѣтка И. С. Аксакова, написанная въ защиту кн. Черкасскаго и А. И. Кошелева отъ нападокъ либеральныхъ журналистовъ [1]), гдѣ между прочимъ была такая фраза: «Многое, что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ высомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти». Слова эти вызвали цѣлую бурю. Оскорбленные ими дворяне рѣшили воспользоваться съѣздомъ дворянъ на губернскіе выборы, чтобы не только заставить кн. Черкасскаго выйти изъ комитета, но предать его суду дворянъ и исключить изъ собранія. Друзьямъ князя удалось его отстоять, и поднятая исторія

---

[1]) Кн. В. А. Черкасскій. Сборникъ его статей и рѣчей и воспоминаній о немъ. Изд. 1879 г. Москва.

кончилась ничѣмъ, но страсти такъ были возбуждены, что вскорѣ послѣ князь Черкасскій былъ вызванъ на дуэль нѣкіимъ В., оскорбившимся будто бы за выраженіе «медвѣжья услуга», сказанное княземъ по его адресу. В. былъ человѣкъ степенный и незадорный, ясно было, что его подожгли и побудили къ вызову, ибо секунданты его дѣйствовали какъ бы не отъ его имени, а отъ имени большинства. Лишь строгія условія дуэли, предъявленныя княземъ, какъ вызваннымъ, не дали ей состояться. Впослѣдствіи В. былъ ревностнымъ мировымъ посредникомъ и неоднократно выражалъ князю свое сочувствіе.

Но среди этихъ бурь кн. Черкасскій сознавался, что борьба съ большинствомъ менѣе его утомляетъ, чѣмъ споры съ меньшинствомъ [1]). «Это—споры тяжелые,—писалъ онъ Ю. Ѳ. Самарину,—утомительные и въ высшей степени непріятные, тѣмъ болѣе, что людей этихъ я люблю и уважаю. Дабы сохранить въ лицѣ ихъ хоть тѣнь согласія дворянства на разумныя перемѣны, я былъ принужденъ сдѣлать нѣкоторыя уступки и, между прочимъ, въ вопросѣ о надѣлѣ вмѣсто $2^1/_2$ десятинъ остаться при двухъ. Иначе я остался бы совершенно одинъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ (Самаринымъ)... Впрочемъ, я прямо оговорилъ свое мнѣніе». Меньшинство выработало подъ конецъ слѣдующую тактику: оно не представляло письменныхъ возраженій на рѣшенія большинства, а только словесныя, и въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній вносило сразу цѣлую главу программы. «Проектъ большинства,—писалъ кн. Черкасскій Ю. Ѳ. Самарину,—верхъ безобразія: явное продолженіе крѣпостного состоянія подъ названіемъ срочно-обязаннаго; съ надѣломъ 1 десят. съ небольшимъ на душу и безъ права перехода на оброкъ; усадьбы въ пользованіе или, по крайней мѣрѣ, совершеннѣйшія затрудненія для выкупа. Каково! Мы представляемъ нашу главу всякій разъ (сейчасъ по принятіи ими своей) въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія. И они боятся и меня ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ».

14 марта 1859 г. кн. Черкасскій получилъ отъ Я. И. Ростовцева, предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, приглашеніе принять участіе въ ея работахъ въ качествѣ члена-эксперта. Закончивъ проектъ меньшинства и сдавъ его 9 апрѣля 1859 г., князь, спѣшно устроивъ свои личныя дѣла, выѣхалъ въ Петербургъ. Извѣрившись въ состоятельности губернскихъ комитетовъ, онъ всѣ надежды возлагалъ на редакціонныя комиссіи, но скоро ему пришлось убѣдиться въ полномъ отсутствіи твердаго плана и незыблемыхъ основаній для крестьянскаго дѣла въ руководящихъ кругахъ. По выходѣ

---

[1]) Меньшинство, состоявшее вначалѣ изъ 10 членовъ, убавилось въ это время до 6 членовъ.

съ перваго засѣданія онъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину, который тоже приглашенъ былъ въ качествѣ члена-эксперта: «Здѣсь придется спорить много и очень много. Трудно будетъ держать златую середину. По инымъ вопросамъ хотятъ, кажется, идти слишкомъ далеко, по другимъ и въ особенности по выкупу хотятъ совершенно отказаться отъ всего сказаннаго. Вотъ почему я убѣдительно прошу васъ поспѣшить, хотя и могу обѣщать вамъ положительно, что буду стоять твердо на своихъ убѣжденіяхъ, какъ бы это ни было опасно для своей популярности въ различныхъ слояхъ, которые, я думаю, всѣ будутъ гнѣваться». И князь не ошибался. Въ декабрѣ 1859 г. Н. Елагинъ писалъ ему: «Нѣтъ мѣры злобы на васъ: все ростовцевское вамъ приписывается, все хорошее—силѣ вещей, все дурное — вамъ лично (даже цензурный гнетъ по этому вопросу, говорятъ, отъ васъ зависѣло бы снять, но что, желая хозяйничать безъ контроля, вы имъ довольны)».

Одни бранили князя за то, что онъ слишкомъ красный, другіе за то, что онъ не довольно красный; сюда присоединялись еще обвиненія въ бюрократизмѣ и пристрастіи къ чиновничеству... въ то время какъ на немъ лежала неблагодарная роль то противъ одной стороны отстаивать благоразумныя дворянскія выгоды, то противъ другой—спорить о надѣлѣ. Положеніе его въ комиссіи на первыхъ порахъ было особенно трудное, потому что онъ вначалѣ не ладилъ съ Н. А. Милютинымъ. Между ними въ спорахъ установился какой-то непріязненный, враждебный тонъ и они язвили другъ друга; но, къ счастію, оба они во́-время поняли, какъ вредно такія отношенія могутъ отозваться на общемъ дѣлѣ, и стали искать путей къ соглашенію. Вскорѣ послѣ они пришли къ установленію самыхъ прочныхъ дружескихъ отношеній, не прерывавшихся уже въ теченіе жизни. Какъ раньше, говоря о славянофилахъ, мы указывали, что отношеніе кн. Черкасскаго къ нимъ носило характеръ союза во имя разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, такъ теперь тѣ же мотивы побуждали его къ союзу съ Милютинымъ. Въ желаніи каждаго идти къ цѣли своимъ путемъ-дорожкой, въ неумѣніи считаться съ чужими мнѣніями и убѣжденіями, нетерпимости и вслѣдствіе того неспособности группироваться и соединяться для дружнаго усилія къ общей цѣли князь видѣлъ всегда главную слабость русскаго общества и его неспособность къ политической роли. Его часто упрекали въ оппортунизмѣ, но онъ открыто признавалъ необходимость извѣстныхъ уступокъ насчетъ чистыхъ принциповъ временнымъ требованіямъ дѣйствительности [1].

---

[1]) См. рѣчь, сказанную кн. Черкасскимъ на обѣдѣ въ честь Молинари. „Русск. Вѣстникъ", 1860 г., № 2, и Семеновъ, „Освобожденіе крестьянъ", т. II, стр. 915.

Припомнимъ здѣсь яркую характеристику И. С. Аксакова изъ его рѣчи въ память кн. В. А. Черкасскаго, которая освѣтитъ намъ свойство этихъ уступокъ. «Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенной творческою способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія отвлеченныя теоріи приводить къ конкретной, практической формулѣ и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства въ смыслѣ подобострастія доктринѣ и насильственнаго подчиненія ей жизни, никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ; напротивъ, онъ считался съ жизнью, съ бытомъ, цѣнилъ и уважалъ русскую исторію и органическія стихіи народа, умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма, и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, были большею частью именно люди теорій и идеаловъ и нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію, и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ».

Въ редакціонныхъ комиссіяхъ кн. Черкасскій, по словамъ П. Семенова, все время съ прирожденною ему находчивостью пріискивалъ компромиссы между самыми различными мнѣніями [1]). Мы видѣли выше, какъ онъ хлопоталъ о напечатаніи своего выкупного проекта; однако, пріѣхавъ въ Петербургъ и убѣдившись въ нерѣшительности правительства передъ сложностью столь трудной финансовой операціи, онъ писалъ И. С. Аксакову: «Нужно стараться главное о томъ, чтобы *вопросъ разрѣшился удовлетворительно для крестьянъ*, и, *если можно*, выхлопотать выкупъ. Здѣсь меня бранятъ за то, что я слишкомъ его требую настойчиво, въ Москвѣ думаютъ, что намъ стоитъ только заикнуться, чтобы его получить. Я же предложу вопросъ: если и не будетъ выкупа, должны ли поэтому только мы удалиться изъ комиссіи и предоставить *главное дѣло* на произволъ случайностей? Я твердо думаю—нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ буду дѣйствовать по совѣсти, какъ бы ни ругали меня».

Въ виду интригъ и происковъ петербургской аристократической партіи, имѣвшей видныхъ представителей въ комиссіяхъ и сильную поддержку при дворѣ, особенно сильно чувствовалась необходимость

---

[1]) См. „Освобожденіе крестьянъ“, т. II, стр. 914. П. Семенова.

единодушнаго, сплоченнаго дѣйствія. Враждебная партія всячески старалась предубѣдить императрицу противъ комиссій, но благодаря горячему заступничеству и содѣйствію вел. кн. Елены Павловны, употребившей все свое вліяніе, чтобы поддержать довѣріе государя къ Ростовцеву и комиссіямъ, усилія эти разбивались въ безплодныхъ попыткахъ. Великая княгиня Елена Павловна предложила князю и княгинѣ Черкасской квартиру въ своемъ дворцѣ и, постоянно видаясь съ ними и Н. А. Милютинымъ, была въ курсѣ всего дѣла. Между прочимъ по ея предложенію кн. Черкасскій составилъ для императрицы записку «О положеніи крестьянскаго дѣла», изложенную на французскомъ языкѣ, для уясненія ей истиннаго взгляда на работу комиссій.

Въ архивѣ кн. Черкасскаго сохранились всѣ его черновыя по докладамъ отдѣленій [1]). Съ самаго начала князь принялъ участіе въ занятіяхъ какъ хозяйственнаго, такъ и административнаго отдѣленія и, кромѣ того, участвовалъ въ работахъ комиссій для устройства земскихъ банковъ, а впослѣдствіи и въ финансовой и кодификаціонной комиссіяхъ. Мы не станемъ утруждать вниманія читателей подробнымъ перечнемъ всѣхъ докладовъ и записокъ, составленныхъ княземъ за два года напряженной работы. Хотя каждый докладъ, проходя черезъ обсужденіе комиссій, подвергался критикѣ и приходилось дѣлать соотвѣтствующія измѣненія и поправки, и такимъ образомъ онъ являлся результатомъ коллективной работы, гдѣ личное мнѣніе рѣдко могло найти себѣ полное выраженіе,— все-таки, по словамъ Семенова, наибольшее вліяніе на направленіе и разрѣшеніе доклада имѣлъ его составитель, и онъ называетъ князя Черкасскаго главнымъ зодчимъ всего плана освобожденія крестьянъ, выработаннаго въ хозяйственномъ отдѣленіи. Основная мысль докладовъ, составленныхъ для этого отдѣленія, была въ сохраненіи за крестьянами существующаго надѣла, при чемъ для устраненія крайностей, съ одной стороны, устанавливался maximum: высшій предѣлъ душевого надѣла, съ правомъ помѣщика отрѣзать въ свою пользу излишнюю землю, съ другой—minimum: низшій предѣлъ душевого надѣла, съ обязанностью помѣщика прирѣзывать недостаю-

[1]) *Въ хозяйственномъ отдѣлѣ* имъ составлены доклады: 1) „Основаніе и размѣръ поземельнаго надѣла крестьянъ“, № 1; 2) „Угодья, поступающія въ надѣлъ“, № 3; 3) „Право пользованія поземельнымъ надѣломъ“, № 8. Главныя работы кн. Черкасскаго по *административному отдѣлу*: 1) Соображенія къ докладамъ № 3 „О порядкѣ распредѣленія крестьянъ на общества и мѣста пребыванія сельскаго общественнаго управленія“; 2) Соображенія къ докладу № 4 „Общій составъ общественнаго сельскаго управленія“, и 3) Соображенія и заключенія къ докладу № 7 „Сельское управленіе и крестьянскій судъ“.

щую землю изъ остальныхъ своихъ земель. Какъ извѣстно, Главный комитетъ и государственный совѣтъ значительно урѣзали предложенный комиссіями maximum.

Кромѣ работъ по отдѣленіямъ, кн. Черкасскій на первыхъ же порахъ представилъ Я. И. Ростовцеву двѣ крупныя записки по дополнительнымъ вопросамъ, имѣвшимъ отношеніе къ крестьянскому дѣлу: о межевыхъ средствахъ, о лѣсномъ и сельскомъ уставѣ, о паспортахъ и т. п. На основаніи этихъ записокъ Ростовцевъ предложилъ образовать «особую комиссію» для разработки этихъ вопросовъ, и кн. Черкасскій принялъ участіе въ ней и въ составленіи ея доклада.

Какъ велико было довѣріе и уваженіе Я. И. Ростовцева къ кн. Черкасскому, видно изъ того, что онъ призвалъ князя къ своему смертному одру, чтобы узнать его мнѣніе о запискѣ, составленной имъ для государя и которой онъ желалъ придать характеръ «своего политическаго духовнаго завѣщанія». Какъ извѣстно, государь принялъ эту записку и отнесся къ ней, какъ желалъ того Я. И. Ростовцевъ, и ни одного существеннаго отступленія отъ нея не было сдѣлано. При назначеніи Панина предсѣдателемъ комиссіи государь взялъ съ него слово не отступать отъ ростовцевской программы и неоднократно напоминалъ ему объ этомъ. Тѣмъ не менѣе при новомъ предсѣдателѣ положеніе кн. Черкасскаго, какъ и прочихъ единомышленныхъ ему членовъ-экспертовъ, было гораздо труднѣе. Панинъ [1]), хотя и подчинялъ волѣ государя свои убѣжденія, тормозилъ и тянулъ дѣло какъ могъ и изводилъ ихъ мелочностью и придирчивостью; онъ не разъ пытался предубѣдить государя противъ комиссій, но ни ему, ни усиліямъ аристократической партіи не удалось сломить твердой воли государя.

---

[1]) Либеральная пресса ополчилась на кн. Черкасскаго за вышеупомянутую статью его о сельскомъ управленіи (№ 9 „Сельск. Благоустр.“), гдѣ между прочимъ князь предлагалъ сохранить на время переходнаго состоянія и въ ограниченномъ размѣрѣ право за помѣщикомъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ. Въ № 11 „Сельск. Благоустр.“ кн. Черкасскій былъ вынужденъ выступить съ краткимъ объясненіемъ по этому вопросу. Отсюда и изъ писемъ князя видно, что онъ нисколько не настаивалъ на этомъ правѣ, если бы можно было безъ него обойтись во время переходнаго состоянія, когда принудительный трудъ не былъ еще упраздненъ. Онъ полагалъ, что при данныхъ условіяхъ отмѣна тѣлеснаго наказанія останется пустой фразой, а лучше закономъ установить предѣльную норму въ 18 ударовъ, чѣмъ предоставить это произволу помѣщика или земской полиціи. Полную же отмѣну тѣлеснаго наказанія по судебнымъ приговорамъ кн. Черкасскій ставилъ въ зависимость отъ развитія народнаго богатства и учрежденія мѣстъ правильнаго тюремнаго заключенія. „Благо тѣмъ,— писалъ онъ въ концѣ своей замѣтки, — кто водрузитъ благородное знамя реформы и къ многочисленнымъ, нынѣ совершающимся на нашихъ глазахъ перемѣнамъ присоединитъ еще одну: постепенное изгнаніе смертной казни и плети изъ нашего уголовнаго уложенія“.

Работы комиссій закончились 10 октября 1860 г., и въ тотъ же день возобновились засѣданія Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Ни кн. Черкасскій, ни Ю. Ѳ. Самаринъ не были призваны участвовать въ немъ, но Н. А. Милютинъ задержалъ ихъ обоихъ въ Петербургѣ и вел. князь Константинъ Николаевичъ часто призывалъ ихъ къ себѣ на совѣщаніе. Въ архивѣ кн. Черкасскаго имѣется цѣлый рядъ записокъ, составленныхъ въ это время по заказу для вел. кн. Константина Николаевича, Чевкина, Ланского, вел. кн. Елены Павловны и для самого государя [1]). По уцѣлѣвшимъ черновымъ видно также, что онъ вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ призванъ былъ для составленія проекта манифеста, окончательная редакція котораго была поручена впослѣдствіи Филарету.

Радостный день 19 февраля 1861 г. князь Черкасскій встрѣтилъ у себя въ деревнѣ, а въ іюнѣ вступилъ въ должность мирового посредника Веневскаго уѣзда. Здѣсь кн. Черкасскій личнымъ опытомъ имѣлъ возможность провѣрить всю пройденную въ комиссіяхъ работу. Въ маѣ 1861 г. онъ писалъ Н. А. Милютину: «Въ досугахъ двухмѣсячнаго уединенія я многократно и строго вопрошалъ и свою совѣсть, и голую дѣйствительность, выступившую въ деревнѣ безъ прикрасъ и обольщеній, и изъ допроса этого я вынесъ твердое убѣжденіе, что наше дѣло правое, что наша совѣсть чиста и что *коренныхъ ошибокъ мы не сдѣлали.* Если бы мнѣ теперь дали передѣлать Положеніе, и безъ вниманія къ чужимъ требованіямъ, à tête reposée, я выкинулъ бы выкупъ усадебъ (какъ всѣ, мы охотно сдѣлали бы это прежде всего, если бы могли), упростилъ бы нѣкоторыя частныя регламентаціи, завострилъ бы редакцію многихъ статей противъ недобросовѣстности крестьянъ, о коей мы слишкомъ много забывали, *разгрузилъ бы* Положеніе *на сотню или полторы статей* третьестепенныхъ и затѣмъ не измѣнилъ ничего болѣе существеннаго». Осенью 1861 г., повторяя въ письмѣ къ Я. А. Соловьеву почти дословно то же мнѣніе, кн. Черкасскій писалъ: «Другое дѣло—измѣненія въ нашемъ проектѣ, сдѣланныя Главнымъ комитетомъ и государственнымъ совѣтомъ: нельзя представить себѣ ничего безобразнѣе ими поставленныхъ высокихъ размѣровъ и уменьшенныхъ maximum'овъ земли; будущимъ годомъ имъ самимъ придется косвенно освятить рядъ отступленій отъ этихъ безобразныхъ цифръ».

Князь Черкасскій оставался въ должности мирового посредника до осени 1863 г., когда польскія дѣла вызвали его изъ глуши де-

---

[1]) Записки эти напечатаны. См. „Кн. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса“, т. I, кн. 2-я. Приложенія.

ревенской жизни на новое широкое поприще государственной дѣятельности. Эти два года скромной, но усиленной работы являются, быть можетъ, лучшими годами въ жизни кн. Черкасскаго; разумная дѣятельность его была оцѣнена какъ крестьянами, такъ и помѣщиками и прежнее озлобленіе противъ него смѣнилось уваженіемъ.

Однако, при жизни кн. В. А. Черкасскій не пользовался популярностью и вся злоба лицъ, не сочувствовавшихъ реформѣ, изливалась на него въ яростныхъ и ожесточенныхъ нападкахъ. Отчасти онъ и самъ былъ тому виною. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересудамъ, не заботился о мнѣніи лицъ, имъ невысоко цѣнимыхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣній, вызванныхъ его рѣчами и внѣшнимъ обращеніемъ. И. С. Аксаковъ, горячо любившій кн. Черкасскаго, говорилъ, что «князь не только никогда не щеголялъ, а даже какъ бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами и предпочиталъ казаться хуже, чѣмъ лучше, въ чемъ вполнѣ успѣвалъ» [1]). Эти недостатки, сами по себѣ несущественные, достаточно объясняютъ отношеніе къ нему многихъ его современниковъ. Но смерть и время отвѣваютъ изъ жизни человѣка существенное отъ несущественнаго, и передъ нами выростаетъ крупная благородная фигура выдающагося государственнаго и общественнаго дѣятеля, сохранившаго до конца вѣрность своимъ завѣтнымъ убѣжденіямъ и исполненнаго глубокой, безкорыстной любовью къ родинѣ. Судьбѣ угодно было, чтобы великая годовщина 19 февраля стала годовщиной и его смерти. Кн. В. А. Черкасскій скончался въ Санъ-Стефано 19 февраля 1878 г., въ самый день подписанія мирнаго договора, признавшаго независимость Болгаріи.

Кн. О. Трубецкая.

---

[1]) „Кн. В. А. Черкасскій. Сборникъ статей, рѣчей и воспоминаній о немъ". Москва, 1879 г.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ.

Я. А. Соловьевъ (род. 1820 г., † 1876 г.) происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, владѣвшей имѣніями въ Симбирской и Самарской губерніяхъ. Съ дѣтства онъ былъ окруженъ сельскохозяйственными интересами и заботами, такъ какъ семья Соловьевыхъ постоянно жила въ деревнѣ; мать занималась хозяйствомъ и ей помогалъ сынъ Николай, бывшій старше Якова 18 годами. Семейные интересы рано увлекли мальчика, и любимой его прогулкой была прогулка лѣтомъ въ поле, а осенью и зимою на гумно, въ овинъ—словомъ, туда, гдѣ кипѣла оживленная хозяйственная дѣятельность. На практикѣ онъ сталъ знакомиться какъ съ бытомъ помѣщиковъ средней руки, такъ и съ бытомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Его мечтою была тихая деревенская жизнь, заботы по хозяйству и по улучшенію быта крестьянъ, безправное положеніе которыхъ вызывало въ немъ искреннюю жалость. Дѣтскія впечатлѣнія не могли изгладиться въ немъ и въ зрѣломъ возрастѣ. «Я вспомнилъ,— пишетъ онъ, — столь извѣстный мнѣ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, я вспомнилъ, сколько я перестрадалъ, видя ихъ страданія. Мнѣ живо представились горячія мечты объ освобожденіи крестьянъ, которыя я лелѣялъ чуть не съ дѣтства» [1]). Однако мечты Соловьева о постоянной жизни въ деревнѣ не сбылись, такъ какъ ему пришлось покинуть деревню сперва для образованія, а потомъ для службы. Онъ поступилъ въ число студентовъ петербургскаго университета по юридическому факультету, который и окончилъ въ 1841 году третьимъ по списку. Среди его товарищей мы находимъ такихъ лицъ, какъ А. Н. Майковъ, Дудышкинъ и другіе талантливые люди, которые составили тѣсный, дружескій кружокъ. Среди студентовъ Соловьевъ пользовался замѣтнымъ вліяніемъ, особенно въ незадолго передъ тѣмъ образовавшейся студенческой корпораціи [2]).

---

[1]) „Русская Старина“, 1881 г., № 4, 736. [2]) „Русская Старина“, 1881 г., № 2, 372.

Окончивъ курсъ университета, Соловьевъ поселился въ деревнѣ и занимался сельскимъ хозяйствомъ, но черезъ 2 года рѣшилъ поступить на государственную службу. Онъ избралъ себѣ такой родъ занятій, который не отрывалъ его отъ его основныхъ интересовъ: въ 1843 году онъ вступилъ въ число чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, по департаменту сельскаго хозяйства, директоромъ котораго былъ А. И. Левшинъ, встрѣтившій впослѣдствіи Соловьева и на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ это время министерство государственныхъ имуществъ предприняло крупную реформу по переложенію податей съ государственныхъ крестьянъ, съ душъ на земли и другіе доходы. Кадастровыя комиссіи, занимавшіяся этимъ дѣломъ, были организованы во многихъ губерніяхъ, и Соловьевъ былъ прикомандированъ къ комиссіи по Воронежской губерніи. Теперь ему приходилось переѣзжать изъ одной деревни въ другую, подробно знакомиться съ хозяйственнымъ бытомъ государственныхъ крестьянъ. Опытъ, полученный имъ изъ близкаго знакомства съ бытомъ крестьянъ помѣщичьихъ въ родной деревнѣ, значительно обогатился, расширился и углубился, благодаря изученію тѣхъ условій, въ которыя были поставлены крестьяне государственные. Работа молодого чиновника настолько выдвинула его среди товарищей, что онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и ему было поручено дѣлопроизводство въ комиссіи, образованной при министерствѣ государственныхъ имуществъ для составленія общей инструкціи для кадастровыхъ работъ. Соловьевъ взялъ все дѣло въ свои руки и сталъ составлять проектъ инструкціи. Когда въ одномъ изъ засѣданій комиссіи онъ сталъ читать свой проектъ, то предсѣдатель, извѣстный знатокъ крестьянскаго быта А. П. Заблоцкій-Десятовскій, съ изумленіемъ спрашивалъ 24-лѣтняго докладчика, откуда онъ заимствовалъ тотъ или другой параграфъ, и получалъ не лишенный самоувѣренности отвѣтъ: «Изъ моихъ собственныхъ наблюденій». Эти наблюденія были настолько основательны, что инструкція была принята по проекту Соловьева.

По окончаніи работъ въ центральномъ кадастровомъ управленіи Соловьевъ съ удовольствіемъ покинулъ Петербургъ и возвратился къ скромной роли провинціальнаго чиновника. «Петербурга,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, — съ его чиновничьимъ міромъ я не любилъ; чиновническія отношенія меня всегда тяготили и раздражали. Въ провинціи я узналъ жизнь и людей, тамъ я былъ болѣе человѣкомъ, чѣмъ чиновникомъ, а въ Петербургѣ наоборотъ»[1].

---

[1]) „Русская Старина“, 1881 г., № 4, 736.

Состоя при кадастровыхъ комиссіяхъ по Смоленской, Владимірской и Самарской губерніямъ, Соловьевъ обогатилъ себя новыми свѣдѣніями, ознакомившись съ крестьянскимъ хозяйствомъ не только земледѣльческой черноземной полосы Россіи, но и промышленнаго района, гдѣ скудная почва заставляетъ крестьянина искать себѣ другихъ занятій, кромѣ земледѣльческихъ. Что работа Соловьева не была только механической, объ этомъ свидѣтельствуютъ напечатанные имъ «Обзоры» тѣхъ губерній, въ которыхъ онъ работалъ. Особенно выдѣляется «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губерніи», увѣнчанная двумя преміями — отъ академіи наукъ и географическаго общества. Эта работа, на которую ссылались такіе авторитеты, какъ К. Д. Кавелинъ [1]), вызвала оживленную полемику съ однимъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства Смоленской губерніи, Ивановымъ, который опровергалъ главный выводъ Соловьева, что помѣщичьи хозяйства находятся въ незавидномъ состояніи, а положеніе крѣпостныхъ крестьянъ еще хуже. Слѣдовательно, Соловьевъ въ своихъ объѣздахъ по губерніямъ не только изучалъ хозяйственныя условія государственныхъ крестьянъ, но познакомился съ положеніемъ и помѣщичьяго хозяйства. Дѣйствительно, онъ не упускалъ случая завязать отношенія съ помѣщиками, посѣтить и осмотрѣть ихъ владѣнія, поговорить по интересовавшимъ его вопросамъ. Онъ встрѣтилъ радушный пріемъ въ кружкахъ болѣе просвѣщенныхъ дворянъ, и его обширная корреспонденція показываетъ, что онъ внимательно поддерживалъ эти связи, благодаря которымъ онъ былъ всегда точно освѣдомленъ о настроеніи, нуждахъ и пожеланіяхъ провинціальнаго общества.

Въ то же самое время Соловьевъ помѣщаетъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ рядъ статей, касающихся все тѣхъ же излюбленныхъ вопросовъ о помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствѣ: «О поземельномъ владѣніи въ Россіи», «Объ оброчныхъ работникахъ и единицѣ хозяйственныхъ счетовъ», «Объ однодворцахъ» и пр., въ которыхъ развиваетъ, насколько было возможно по цензурнымъ условіямъ, свою завѣтную мысль, что крѣпостное право отжило свой вѣкъ и назрѣла необходимость въ коренныхъ реформахъ, главныя основанія которыхъ онъ намѣчаетъ въ общихъ чертахъ. Смѣлыя рѣчи возбудили къ нему подозрѣніе въ консервативныхъ кругахъ и создали ему репутацію «краснаго». Государственный секретарь Бутковъ, бывшій всегда вѣрнымъ отголоскомъ того настроенія, которое господствовало въ правящихъ сферахъ, даже возбудилъ вопросъ, можетъ ли человѣкъ, состоящій на госу-

[1]) *А. Корниловъ*, Очерки по исторіи общественнаго движенія, 145.

дарственной службѣ и близкій къ крестьянскому дѣлу, печатно высказывать по этому предмету свои мысли, которыя могутъ быть несогласны со взглядами правительства. Соловьеву пришлось оправдываться, но положеніе дѣлъ послѣ рѣчи государя, обращенной къ московскому дворянству, и послѣ знаменитаго рескрипта генералъ-адьютанту Назимову приняло такой оборотъ, что правительство оказалось либеральнѣе общества, и такіе передовые люди, какъ Соловьевъ, сдѣлались необходимыми сотрудниками этого правительства, поставленнаго въ необходимость исполнить ясно выраженную волю государя.

Въ виду того, что министерству внутреннихъ дѣлъ по новой реформѣ предстояла огромная работа, товарищъ министра Левшинъ, завѣдывавшій крестьянскими дѣлами, черезъ министра С. С. Ланского испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Центральномъ статистическомъ комитетѣ особаго земскаго отдѣла «для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи». Отдѣлъ долженъ былъ состоять подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и имѣть коллегіальное присутствіе, при чемъ для завѣдыванія всѣмъ ходомъ дѣлъ и для текущей переписки предполагалось назначить особаго «непремѣннаго члена». Лицо, занимавшее эту должность, становилось какъ бы начальникомъ штаба по крестьянской реформѣ, отъ взглядовъ, опытности и энергіи его во многомъ зависѣла плодотворность всей работы, и потому министерство внимательно подыскивало подходящаго человѣка, который былъ бы хорошо знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ и вообще съ сельскимъ хозяйствомъ и въ то же время былъ помѣщикомъ-практикомъ. Первоначально обратились къ Пейкеру, бывшему директору Горыгорецкаго института и владѣвшему значительнымъ помѣстьемъ, но тотъ поставилъ такія условія, на которыя министерство не могло согласиться. Тогда А. П. Заблоцкій-Десятовскій, хорошо знавшій Соловьева по работамъ въ кадастровыхъ комиссіяхъ, указалъ на него Левшину. Левшинъ, вспомнивъ о своемъ бывшемъ подчиненномъ, работы котораго не могъ не цѣнить, предложилъ Соловьеву занять должность непремѣннаго члена. Въ это время Соловьевъ былъ снова прикомандированъ къ центральному управленію государственными имуществами, былъ довѣреннымъ лицомъ у министра М. Н. Муравьева и мечталъ о покойномъ мѣстѣ управляющаго самарской палатой государственныхъ имуществъ, о возвращеніи въ родную губернію, о занятіяхъ въ своемъ имѣніи сельскимъ хозяйствомъ въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, и потому лестное предложеніе Левшина, разбивавшее мечты

о спокойной жизни и сулившее безконечныя хлопоты и напряженный трудъ, было принято послѣ продолжительныхъ размышленій. Но сознаніе своихъ силъ, сознаніе пользы, которую можно принести осуществленію завѣтной мечты — освобожденію крестьянъ, заставило Соловьева предпочесть «жизнь трудную, безпокойную, сопряженную съ опасностями, но соединенную съ надеждой на успѣхъ важнаго дѣла, тихому губернско-помѣщичьему пребыванію въ провинціи»[1]). Хотя указъ объ учрежденіи земскаго отдѣла былъ опубликованъ только въ мартѣ 1858 года, однако уже 15 декабря 1857 года Соловьевъ водворился въ помѣщеніи, отведенномъ для отдѣла и, составивъ канцелярію, не ожидая назначенія другихъ членовъ, энергично принялся за дѣла. Муравьевъ съ большимъ неудовольствіемъ отпустилъ его изъ своего министерства, съ раздраженіемъ замѣтилъ: «впрочемъ, и послѣ Петра Великаго на его мѣсто нашлись люди» [2]), но настоялъ, чтобы Соловьевъ остался членомъ центральной комиссіи по кадастру.

Новый непремѣнный членъ вступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ опредѣленными взглядами, которые онъ неуклонно старался провести въ жизнь, и сложившимся характеромъ, благодаря которому его личность производила цѣльное впечатлѣніе.

«Я дѣйствовалъ — пишетъ Соловьевъ въ своихъ запискахъ — всегда по глубокому убѣжденію, что освобожденіе крестьянъ необходимо, чтобы поднять нравственный и умственный уровень высшаго сословія, которое осуждалось на застой крѣпостнымъ состояніемъ. Крѣпостное состояніе связывало дворянъ по рукамъ и ногамъ и тѣмъ лишало его возможности идти безпрепятственно къ дальнѣйшему своему развитію. Я былъ глубоко убѣжденъ, что дальнѣйшее существованіе крѣпостного права повело бы за собой разложеніе всего государственнаго и общественнаго нашего строя. Машина была слишкомъ стара и испорчена; сознаніе въ ея непригодности было общее; средствъ и матеріаловъ къ ея исправленію не было. Тѣ, которые употреблялись при Екатеринѣ, Александрѣ I и Николаѣ, уже не годились, а новыхъ, кромѣ освобожденія крестьянъ, нельзя было придумать». Вотъ мысли, которыя Соловьевъ постоянно повторяетъ и которыми онъ руководится въ своей дѣятельности. Онъ указываетъ и на то, что крѣпостное право разоряетъ Россію, задерживая нормальный ходъ развитія сельскаго хозяйства, такъ какъ подневольный работникъ не заинтересованъ въ успѣшности своего труда, а привыкшій къ даровому труду помѣщикъ не имѣетъ никакихъ побужденій къ предпріимчивости. Крѣпостное право нельзя

[1]) „Русская Старина“, 1881 г., № 4, 736. [2]) Ibid., 737.

оправдать и тѣмъ соображеніемъ, что трудно и опасно ломать все, сложившееся исторически и вкоренившееся въ обычаи народа, какъ высказывался одинъ изъ оппонентовъ Соловьева—Ивановъ. «Постоянное движеніе впередъ—возражаетъ Соловьевъ—должно быть девизомъ всякаго народа, который хочетъ жить и имѣть свою самостоятельную исторію. Косность ведетъ за собою разложеніе, чего, конечно, не желаетъ ни одинъ русскій».

Но если для мыслящаго человѣка необходимость освобожденія крестьянъ являлась аксіомой, то недальновидные и своекорыстные люди, отъ которыхъ реформа требовала нѣкоторыхъ жертвъ и заставляла отказаться отъ привычныхъ условій жизни, недостаточно проникались сознаніемъ государственной необходимости и старались сохранить крѣпостное право во всей неприкосновенности. По мнѣнію Соловьева, такимъ было все дворянство въ массѣ, которое, развившись на неблагодарной почвѣ крѣпостного права, представляло изъ себя такую среду, куда едва проникалъ свѣтъ цивилизованной жизни. Принадлежавшій къ числу тѣхъ мелкихъ и недавнихъ дворянъ, которыхъ Николай I насмѣшливо называлъ «прапорщиками», Соловьевъ не скрывалъ своего подозрительнаго и недоброжелательнаго отношенія къ столбовому дворянству, которое отвѣчало ему враждебностью. «Соловьевъ—пишетъ гр. Д. Н. Толстой—возбудилъ въ помѣщикахъ общую ненависть. Въ Москвѣ имя Соловьева, въ особенности между дворянами, было ненавидимо» [1]). Дворяне невѣжественны, грубы, стремятся ввести какой-то особенный русскій феодализмъ, но они, предостерегаетъ Соловьевъ, должны внять урокамъ исторіи, вспомнить про судьбу польскихъ и французскихъ дворянъ, которые въ концѣ XVIII вѣка «сами принесли себя въ очистительную жертву за свое легкомысліе, упрямство и недальновидность».

Дворянская оппозиція, разсуждаетъ Соловьевъ, для Россіи не такъ страшна при сильной самодержавной власти, стоящей выше сословныхъ эгоистическихъ интересовъ. «Сила—пишетъ онъ—противной крестьянскому дѣлу партіи была бы гораздо значительнѣе и могла бы совершенно опрокинуть дѣло, если бы оно началось не при самодержавной власти. Она одна только могла миролюбиво справиться съ владѣльцами крѣпостныхъ людей; противоположный примѣръ мы видѣли недавно въ Америкѣ, гдѣ уничтоженіе рабства повело за собою междоусобную войну» [2]). Конечно, было бы лучше, если бы сила власти опиралась на моральную поддержку общества, но само правительство не сдѣлало ничего, чтобы дать этому обще-

---

1) „Русскій Архивъ", 1885 г., № 5, 41, 59. 2) „Русская Старина", 1882, № 5, 406.

ству политическое воспитаніе, и старательно заглушало голосъ общественнаго мнѣнія, который могъ бы дать правительству много полезныхъ совѣтовъ. Будущее рисовалось Соловьеву какъ идеальное сочетаніе силы власти и силы мнѣнія, и не всегда, думалъ онъ, нужна будетъ дубинка Петра Великаго, чтобы провести важнѣйшія реформы. Но самодержавная власть должна опираться на надежныхъ и вѣрныхъ помощниковъ, вполнѣ усвоившихъ волю монарха, а именно этого нѣтъ въ русскомъ самодержавіи. Соловьевъ въ этомъ отношеніи высказываетъ неутѣшительныя мысли. Наше государство «незрѣлое» и строй его «неустановившійся», такъ какъ ближайшіе агенты правительства, чиновники, начиная съ высшихъ, какъ, напр., Ростовцевъ, не обладаютъ необходимыми качествами. Прежде всего они не имѣютъ надлежащей подготовки. О губернаторахъ Соловьевъ отзывается такъ: «Въ сущности не было ни одного губернатора, который могъ бы быть признанъ общимъ голосомъ соотвѣтствующимъ своей должности... Предварительной практической подготовки для занятій губернаторскихъ мѣстъ почти никто не имѣлъ». Другимъ крупнымъ недостаткомъ русскаго чиновничества было то, что взгляды высшей власти далеко не всегда раздѣлялись подчиненными, и потому бюрократическая машина не была во всѣхъ частяхъ, какъ слѣдуетъ, налажена. Разсказывая, что въ губернскихъ комитетахъ нѣкоторые изъ правительственныхъ членовъ примкнули къ консервативному большинству, Соловьевъ съ негодованіемъ воскликнулъ: «такое ненормальное явленіе могло имѣть мѣсто только въ такомъ неустановившемся государственномъ строѣ, каковъ нашъ былъ въ то время и, къ несчастью, какимъ онъ остается до сихъ поръ». Надо сказать, что самъ Соловьевъ нарушилъ стройность идеальной бюрократіи, и когда во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стало неудобное для него лицо, явно дѣйствовалъ наперекоръ своему непосредственному начальнику.

Итакъ, самодержавный государь, рѣшившійся провести крестьянскую реформу, поставленъ въ тяжелыя условія, но онъ все-таки же найдетъ себѣ поддержку если не въ преданномъ сословіи и послушномъ чиновничествѣ, то въ общественномъ мнѣніи Европы и въ интеллигентныхъ кружкахъ, которые небольшими свѣтлыми пятнами вырисовывались на темномъ фонѣ какъ столичнаго, такъ и провинціальнаго общества. Тутъ будутъ и разночинцы, и немногіе изъ наиболѣе просвѣщенныхъ дворянъ, а главное ядро составятъ молодые либеральные чиновники, число которыхъ пока не велико, но которые сильны своими знаніями, умственнымъ развитіемъ и безкорыстной любовью къ родинѣ. Въ силу необходимости самые отсталые администраторы должны будутъ обращаться къ такимъ либе-

ральнымъ чиновникамъ и передадутъ имъ руководящую роль. Дѣйствительно, при либеральномъ правительствѣ образовалась «чиновнічья партія», на которую обрушивались консерваторы, считая ее виновной въ сознательномъ стремленіи натравить одно сословіе на другое, расшатать государство до основанія и провести крайнія демократическія идеи. Во главѣ этой чиновничьей партіи общій голосъ ставилъ Соловьева [1]).

Основанія, на которыхъ должна быть произведена реформа, отчетливо вырисовывались въ мысляхъ Соловьева и, надо сказать, были всѣ осуществлены послѣ долгихъ споровъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Еще до вступленія своего въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ своихъ статьяхъ онъ твердо ставитъ тѣ принципы, которые вошли въ Положеніе 1861 года. Онъ требуетъ надѣленія крестьянъ землей, при чемъ, опираясь на данныя, добытыя изъ кадастровыхъ работъ, настаиваетъ на надѣленіи достаточнымъ количествомъ земли также и крестьянъ промышленныхъ районовъ, для которыхъ земледѣліе все же остается главнымъ основаніемъ хозяйства; опредѣляетъ размѣръ надѣловъ размѣромъ земли, бывшей въ пользованіи крестьянъ до освобожденія, въ общихъ чертахъ проектируетъ выкупную операцію при содѣйствіи правительства и т. д. О будущемъ устройствѣ крестьянъ онъ говоритъ мало, но во всякомъ случаѣ онъ не былъ безусловнымъ защитникомъ общиннаго владѣнія землей, признавая эту форму переходной, необходимой только для перваго времени, чтобы предупредить обезземеленіе крестьянъ; впослѣдствіи тѣмъ или другимъ путемъ земля должна перейти въ личную собственность крестьянъ. Общинное владѣніе, по его мнѣнію, мѣшаетъ вложить въ землю капиталъ и тщательно обработать ее [2]). Не даромъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своемъ письмѣ изъ-за границы убѣждалъ Н. А. Милютина крѣпко стоять за общину, такъ какъ на Соловьева въ этомъ случаѣ надѣяться не приходится [3]).

Взгляды Соловьева сложились не сразу, а послѣ долгой, упорной работы, были плодомъ счастливаго сочетанія большой опытности по крестьянскому вопросу съ постоянной работой мысли. Свои наблюденія, вынесенныя изъ кадастровыхъ работъ, онъ не накапливалъ въ качествѣ сырого матеріала, а приводилъ въ систему, въ «своды», изъ которыхъ извлекалъ прочные выводы, положенные въ основаніе его статей. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ тружениковъ, которые много и медленно думаютъ, но крѣпко усваиваютъ добытыя долгимъ трудомъ мысли, и замѣчателенъ по опре-

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1885 г., № 5, 41—49. [2]) „Русская Старина", 1881 г., № 2, 242.
[3]) „Русская Старина", 1899 г., № 3, 598.

дѣленности, ясности и продуманности своихъ взглядовъ, которые дѣлали изъ него полезнѣйшаго работника по крестьянской реформѣ. Въ виду того, что онъ не обладалъ тѣми яркими талантами, какими блистали его сотрудники по редакціоннымъ комиссіямъ, такое отсутствіе эластичности производило впечатлѣніе посредственности. Вотъ отзывъ гр. Д. Н. Толстого, политическаго его врага, написанный въ сгущенныхъ краскахъ: «Способности Соловьева не превышаютъ посредственности; но одаренный неуклончивостью, постоянствомъ направленія и энергіей воли, онъ былъ особенно вреденъ» [1]).

Помимо рѣдкой трудоспособности, зрѣлости взглядовъ Соловьева способствовало то обстоятельство, что онъ всѣ 28 лѣтъ своей общественной дѣятельности посвятилъ разработкѣ однихъ и тѣхъ же вопросовъ, касающихся помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, устройства крестьянскаго быта, сельской полиціи и т. п. Можно сказать, что онъ почерпалъ свою силу, постоянно касаясь земли. Всѣ его интересы слились въ одномъ фокусѣ, и трудно себѣ представить, чтобы онъ иногда думалъ о чемъ-нибудь, не относящемся такъ или иначе къ крестьянскому вопросу.

Соловьевъ всегда мечталъ вернуться въ свою деревню, заняться хозяйствомъ, и чиновникъ, въ смыслѣ слѣпого подчиненія волѣ начальства, искательства и интригъ, изъ него вышелъ плохой. Напрасно А. И. Левшинъ подозрѣвалъ, что Соловьевъ противъ него интригуетъ [2]): дѣйствія энергичнаго подчиненнаго, отстранившаго нерѣшительнаго и вялаго начальника, были, можетъ быть, нетактичны, но клонились единственно къ тому, чтобы дать ходъ «важному дѣлу». Долгое пребываніе среди чиновничьяго міра не развило у Соловьева даже простого самообладанія. «Я всю жизнь свою—признается онъ—не умѣлъ и до сихъ поръ не умѣю скрывать свои внутреннія ощущенія, поэтому во все время крестьянскаго дѣла, люди, часто видѣвшіе меня, узнавали о благопріятномъ или неблагопріятномъ положеніи дѣла по выраженію моего лица». Покорность волѣ начальства никогда не была качествомъ Соловьева. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ строптивыхъ чиновниковъ, которыхъ начальство цѣнитъ за обширныя познанія и трудолюбіе, но любитъ только тогда, когда само подчиняется ихъ руководству. Поэтому Соловьевъ ужился съ слабохарактернымъ Ланскимъ, но скоро поссорился съ Валуевымъ, который хотѣлъ быть министромъ не только по имени, но и на дѣлѣ.

Устойчивость взглядовъ соединялась въ Соловьевѣ съ большой самоувѣренностью и самомнѣніемъ. Когда были напечатаны его

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1885 г., № 5, 41. [2]) „Русскій Архивъ“, 1885 г., № 8, 553.

«Записки», то появились опроверженія одного изъ его сотрудниковъ— Колмакова, который указываетъ, что Соловьевъ приписываетъ себѣ по дѣятельности въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ слишкомъ много заслугъ, которыя, на самомъ дѣлѣ, онъ долженъ былъ бы раздѣлить съ цѣлымъ рядомъ лицъ, работавшихъ не меньше его. Вмѣстѣ съ тѣмъ Колмаковъ даетъ такую характеристику: «Соловьевъ въ дѣлахъ былъ ретивъ, иногда рѣзокъ, а подчасъ и крикливъ. Кто работаетъ со страстью, какъ Соловьевъ, тотъ не можетъ весь подчиняться условіямъ и приличіямъ свѣтской жизни» [1]). Дѣйствительно, Петербургъ не наложилъ на Соловьева внѣшняго лоска. Онъ часто былъ рѣзокъ, непривѣтливъ и мало чутокъ, могъ обидѣть человѣка и не замѣтить этого. Ѳ. Г. Тернеръ разсказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Соловьевымъ, который былъ членомъ податной комиссіи при министерствѣ финансовъ. Только что назначенный управляющимъ комиссіей Тернеръ долженъ былъ выслушать отъ Соловьева такіе рѣзкіе упреки въ медленномъ веденіи дѣлъ, что собирался подать въ отставку [2]). Соловьевъ отличался крайнимъ самолюбіемъ и былъ всегда настороже, подозрѣвая всѣхъ въ недостаточномъ къ себѣ уваженіи. Когда ему казалось, что самолюбіе его задѣто, то онъ разражался рѣзкими и обидными для слушателя словами. По своему самолюбію и раздражительности онъ иногда былъ очень тяжелъ въ обществѣ. И. А. Никотину, встрѣтившемуся съ Соловьевымъ по службѣ въ Польшѣ, онъ «показался очень желчнымъ человѣкомъ» [3]). Даже друзьямъ приходилось всегда остерегаться, чтобы не задѣть самолюбія Соловьева. Кн. В. А. Черкасскій въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину такъ характеризуетъ свои отношенія къ Соловьеву, труды и знанія котораго очень цѣнилъ: «Соловьевъ прислалъ мнѣ на-дняхъ нѣсколько докладовъ по дѣлу земскихъ учрежденій, съ изъявленіемъ дружбы и требованіемъ замѣчаній. Послѣднее мнѣ кажется едва ли искреннимъ и особенно къ тому же неудобоисполнимымъ, такъ какъ замѣчанія пришлось бы дѣлать преимущественно детальныя, а я самыя основанія ихъ новаго сооруженія считаю крайне уродливыми, хотя, очевидно, не мало потрачено стараній на сохраненіе внѣшней, наглядной симметріи... Не знаю, рѣшусь ли написать Соловьеву совершенно откровенно, вѣдая его крайнее, болѣзненное самолюбіе, но слѣдовало бы» [4]). Валуевъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ со словъ очевидца, какъ рѣзко поссорился Соловьевъ въ комиссіи о губернскихъ учрежденіяхъ съ однимъ изъ своихъ сочленовъ, гу-

---

1) „Русская Старина“, 1885, № 8, 2) „Русская Старина“, 1910 г., № 1, 206. 3) „Русская Старина“, 1903 г., № 3, 513. 4) Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго т. I, кн. 2, 417.

бернаторомъ Смирновымъ и даже стукнулъ кулакомъ по столу [1]). Милютину также приходилось употреблять свои дипломатическія способности, чтобы не раздражить Соловьева и не вызвать его на рѣзкости. Но если нѣсколько лицъ энергично набрасывались на него, то онъ смущался и проглатывалъ обиды. Въ одномъ изъ засѣданій редакціонныхъ комиссій Соловьевъ такъ раздражилъ своимъ самомнѣніемъ, когда онъ заявилъ, что не слѣдуетъ его мнѣнію противопоставлять мнѣніе экспертовъ и что онъ самъ можетъ быть хорошимъ экспертомъ по сельскому хозяйству, что Татариновъ и кн. Черкасскій невозбранно наговорили ему много рѣзкостей. Но при всѣхъ недостаткахъ своего характера Соловьевъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свою непоколебимую честность, преданность идеѣ и рѣдкое трудолюбіе.

Занявъ должность непремѣннаго члена земскаго отдѣла, Соловьевъ началъ наиболѣе плодотворный періодъ своей дѣятельности, продолжавшійся до назначенія Милютина товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, когда Соловьевъ долженъ былъ передать главное руководство крестьянскимъ дѣломъ своему болѣе талантливому и вліятельному начальнику. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ добродушный, исполненный лучшихъ намѣреній, но безвольный С. С. Ланской. Колмаковъ даетъ о немъ такой отзывъ: «Ланской въ свое время слылъ за добродушнѣйшаго человѣка, но крайне не былъ твердъ при словесныхъ преніяхъ и рѣдко поддерживалъ свои представленія. Притомъ онъ былъ замѣчательно склоненъ къ смѣху. Хохоталъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ: проводилъ ли онъ какое-либо дѣло или проигрывалъ его,—Ланской хохоталъ одинаково и хохоталъ до странности. И это всѣ знали, хотя и отдавали ему дань уваженія за его добросердечіе и благородство» [2]). Соловьевъ такъ отзывается о Ланскомъ: «Ланской былъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ и обладалъ свѣтлымъ взглядомъ на предметы; онъ вполнѣ былъ преданъ крестьянскому дѣлу, никогда не колебался въ направленіи и былъ вѣрнымъ исполнителемъ воли государя; но онъ не имѣлъ того обширнаго ума и той энергіи воли, которые дѣлали бы его способнымъ стать во главѣ движенія противъ стараго порядка вещей» [3]). Впрочемъ, какъ всѣ слабохарактерные люди, Ланской высказывалъ подчасъ большую рѣшительность и упрямство и въ такомъ настроеніи могъ противорѣчить даже волѣ государя, какъ это было, когда онъ поднесъ докладную записку противъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторствъ.

---

[1]) „Русская Старина“, 1891 г., № 10, 148. [2]) „Русская Старина“, 1885 г., № 9, 472.
[3]) „Русская Старина“, 1882 г., № 1, 238.

Волей министра владѣлъ его товарищъ А. И. Левшинъ, непосредственный начальникъ Соловьева. Это былъ человѣкъ широко образованный и гуманный, истинный сторонникъ освобожденія крестьянъ, но въ то же самое время крупный помѣщикъ, не имѣвшій силъ побѣдить въ себѣ узко-дворянскіе взгляды и симпатіи. Планъ реформы для него былъ не ясенъ, такъ какъ онъ стремился разрѣшить неразрѣшимую задачу: дать свободу крестьянамъ, не требуя отъ помѣщиковъ никакихъ жертвъ. Левшинъ, по мѣткому выраженію Соловьева, обольщалъ себя мыслью, что крестьянское дѣло могло сопровождаться единственно только мягкими и пріятными для дворянства мѣрами, что дворянству не слѣдовало бы дѣлать непріятностей, а обращаться къ нему только съ любезностями [1]). Естественно, что при такомъ руководствѣ воля министра колебалась то въ ту, то въ другую сторону, и дѣятельность министерства своей неопредѣленностью и непослѣдовательностью вызывала справедливыя опасенія среди помѣщиковъ, убѣдившихся, что дѣло реформы попало въ ненадежныя руки. Но когда ясно выраженная воля государя и приливъ энергіи у Ланского потребовали твердыхъ и опредѣленныхъ дѣйствій, Левшинъ сталъ добровольно отстраняться отъ крестьянскаго дѣла, отказывался скрѣплять министерскіе циркуляры и лишился вліянія на министра, которое стало переходить къ Соловьеву. Когда же Левшинъ отправился въ продолжительную служебную поѣздку по губерніямъ, то Соловьевъ окончательно завладѣлъ волей Ланского и не уступилъ своей позиціи по возвращеніи своего начальника. Левшинъ негодовалъ, сталъ рѣдко посѣщать министерство и искалъ случая съ честью выйти въ отставку.

Вліяніе Соловьева благотворно отразилось на ходѣ дѣла. Политика министерства приняла опредѣленное направленіе и велась съ неослабной энергіей по ясно обдуманному плану. Соловьевъ скоро перезнакомился съ болѣе вліятельными представителями петербургскихъ либеральныхъ кружковъ, которые поддерживали его своимъ сочувствіемъ и совѣтами. Среди новыхъ знакомыхъ его были трудолюбивый и скромный С. М. Жуковскій, дѣлопроизводитель Главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ, и Н. А. Милютинъ, директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, давно уже получившій славу «краснаго». У Милютина Соловьевъ бывалъ обыкновенно разъ въ недѣлю, обѣдалъ и оставался до поздняго времени, бесѣдуя о крестьянскомъ дѣлѣ; до конца работы дружескія отношенія между ними не прерывались благодаря тактичности Милютина, который, не задѣвая самолюбія своего раздражительнаго товарища, умѣлъ подчинить его своему вліянію.

---

1) „Русская Старина“, 1882 г., № 5, 405.

Земскій отдѣлъ стянулъ къ себѣ всѣ нити крестьянской реформы, въ него поступали всѣ бумаги, въ немъ составлялись всѣ проекты министерскихъ циркуляровъ, всеподданнѣйшихъ докладовъ министра государю, а частью Высочайшихъ указовъ, касающихся крестьянскаго дѣла. «У меня не было—пишетъ Соловьевъ—не только часовъ, но даже минутъ свободныхъ». Дѣйствительно, энергія, которую онъ выказалъ въ это время, прямо изумительна. По сложнымъ вопросамъ онъ составляетъ доклады въ самое короткое время, дѣлаетъ выборки и общіе обзоры изъ полученныхъ отъ губернаторовъ донесеній, составляетъ проекты циркуляровъ, перечитываетъ массу бумагъ и ведетъ обширную корресподенцію со своими провинціальными друзьями. Положеніе Соловьева было трудное и требовало особаго напряженія, такъ какъ министръ не умѣлъ отстаивать свои взгляды въ Главномъ комитетѣ, и консервативные члены комитета учредили надъ нимъ своего рода опеку, товарищъ министра оказался бездѣятельнымъ, а во время своего путешествія по губерніямъ даже вреднымъ для дѣла, Главный комитетъ состоялъ изъ враговъ реформы. Оказывая по возможности вліяніе на дѣла въ центрѣ, Соловьевъ приложилъ свои усилія, чтобы вліять на правильную разработку крестьянскаго вопроса въ губерніяхъ.

Первой работой Соловьева по земскому отдѣлу было составленіе свода отзывовъ, въ которыхъ губернаторы и предводители дворянства сообщали въ министерство о впечатлѣніи, произведенномъ въ обществѣ первыми двумя рескриптами и министерскими циркулярами. Отзывы оказались неутѣшительными: виды правительства не встрѣтили никакого сочувствія среди массы дворянъ, привыкшихъ къ той привольной и беззаботной жизни, которую давало крѣпостное право, и губернаторы не могли скрыть, что дворяне враждебно отнеслись къ первымъ извѣстіямъ о предстоящей реформѣ и страшатся за свою участь. Изъ губернаторскихъ отзывовъ приходилось крупицами извлекать мнѣнія отдѣльныхъ, болѣе просвѣщенныхъ дворянъ, которые указывали на важность и необходимость коренной реформы. Работа была тѣмъ болѣе щекотлива и отвѣтственна, что шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгорукій, убѣжденный крѣпостникъ, давая одностороннее освѣщеніе, докладывалъ государю о тѣхъ ужасахъ, которые рисовались помѣщикамъ въ будущемъ: всеобщее возмущеніе крестьянъ, голодъ, дороговизна, болѣзни и пр. Вообще застращиваніе государя грядущими бѣдами и крестьянскими погромами вошло въ систему придворныхъ крѣпостниковъ, и Соловьеву приходилось имѣть это всегда въ виду. Періодически Соловьевъ составлялъ отчеты о всѣхъ случаяхъ открытаго неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ, и эти отчеты Ланской представлялъ государю,

фактически доказывая преувеличенность помѣщичьихъ страховъ. Для Главнаго комитета былъ составленъ сводный отчетъ о крестьянскихъ волненіяхъ съ 24 ноября 1857 г. по 1-е іюня 1858 г., по которому можно было убѣдиться, что въ ожиданіи освобожденія крестьяне держали себя тише, чѣмъ прежде. Нѣкоторые изъ крѣпостниковъ пытались дѣйствовать на государя другимъ способомъ, подавая цѣлыя сочиненія, испещренныя цифрами и цитатами. Лѣтомъ 1858 г. анонимный авторъ черезъ шефа жандармовъ представилъ государю обширную записку, въ которой доказывалъ, что предпринятая реформа по освобожденію крестьянъ никогда не дастъ въ результатѣ намѣченныхъ цѣлей: умноженіе населенія, народнаго богатства, благосостоянія рабочаго класса и ограниченія злоупотребленій со стороны помѣщиковъ; наоборотъ, можно ждать только противоположныхъ результатовъ, такъ какъ подъ видомъ благодѣтельной реформы группа злонамѣренныхъ лицъ проводитъ глубоко и тонко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Записка для отзыва была передана Ланскому, который это дѣло поручилъ Соловьеву. Указавъ на невѣрность приведенныхъ цифръ, Соловьевъ представилъ такое сильное опроверженіе, что произведеніе анонимнаго автора даже не было внесено въ Главный комитетъ. При большой опытности и знаніяхъ Соловьеву сдѣлать это было не трудно, труднѣе было слѣдить за дѣятельностью губернскихъ комиссій по улучшенію быта крестьянъ.

Почти 1.500 дворянъ были призваны къ участію въ 46 комитетахъ. Настроеніе членовъ было хорошо извѣстно Соловьеву, который, помимо офиціальной переписки съ губернаторами, велъ еще обширную корреспонденцію съ тѣми интеллигентными чиновниками и помѣщиками, съ которыми онъ завелъ знакомство во время своихъ поѣздокъ съ кадастровыми комиссіями. Онъ очень хорошо зналъ не только общее настроеніе комитетовъ, но и образъ мыслей отдѣльныхъ членовъ. Нѣкоторые изъ депутатовъ, прибывшіе изъ провинціи для участія въ занятіяхъ редакціонныхъ комиссій, были поражены, что незнакомый лично имъ Соловьевъ такъ хорошо знаетъ ихъ взгляды и характеръ. Благодаря этимъ свѣдѣніямъ, выборъ членовъ отъ правительства былъ въ общемъ удаченъ. Соловьевъ очень скоро понялъ, что почти во всѣхъ комитетахъ подавляющее большинство принадлежало къ консервативной партіи и незначительное меньшинство сочувствовало реформѣ; поэтому онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы, съ одной стороны, комитеты не затягивали дѣла въ надеждѣ похоронить его совсѣмъ, а съ другой стороны, чтобы они не отступали отъ тѣхъ началъ, которыя были возвѣщены Высочайшими рескриптами и министерскими циркулярами. Съ этой цѣлью онъ озаботился

составленіемъ программы занятій комитетовъ, но опытъ его оказался неудачнымъ, не потому, что былъ недостаточно продуманъ и практиченъ, но потому, что ставилъ такія руководящія начала, которыя были для того времени слишкомъ либеральными. Свою программу, въ которой выставлялись такія условія, какъ совершенное освобожденіе крестьянъ съ землей, установленіе размѣра повинностей соотвѣтственно предоставленнымъ въ пользу крестьянъ угодіямъ и пашнѣ, замѣна этихъ повинностей денежнымъ оброкомъ, право собственности на строенія и движимость и пр., Соловьевъ широко распространялъ среди своихъ знакомыхъ и прослылъ «краснымъ», опаснымъ человѣкомъ. Консервативная партія всполошилась, и хотя программа была вполнѣ одобрена Ланскимъ, она не прошла черезъ Главный комитетъ и по губерніямъ была разослана программа занятій совсѣмъ другого направленія. Потерпѣвъ эту неудачу, Соловьевъ постарался по крайней мѣрѣ опредѣлить внѣшній порядокъ занятій комитетовъ, который всегда вызываетъ потерю времени вслѣдствіе безконечныхъ споровъ, и по его инціативѣ министерство разослало рядъ циркуляровъ, которымъ устанавливался способъ баллотировки, разрѣшался вопросъ о лицѣ, замѣняющемъ предсѣдателя, и т. д. Чтобы комитеты хорошо знали о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ правительства, земскій отдѣлъ съ сентября 1858 года сталъ издавать періодически «Сборникъ правительственыхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости». Соловьеву приходилось слѣдить и за дѣйствіями губернаторовъ, изъ которыхъ громадное большинство состояло изъ крѣпостниковъ и не оказывало никакого содѣйствія видамъ правительства. По мысли Соловьева, министръ внутреннихъ дѣлъ разъяснилъ начальникамъ губерній, что они должны всѣми мѣрами помогать успѣшности работъ въ комитетахъ, и предлагалъ губернаторамъ два раза въ мѣсяцъ посылать въ министерство отчеты о своей дѣятельности по крестьянской реформѣ и о положеніи дѣлъ въ комитетахъ. Результатомъ было то, что нѣкоторые губернаторы получили выговоръ, а остальные стали показывать большее рвеніе. Земскій отдѣлъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры, чтобы поступавшія въ него дѣла получали быстрое разрѣшеніе.

«Есть дѣла,— пишетъ Соловьевъ,—которыя не только отъ медленнаго производства, но даже отъ совершенной остановки на нѣкоторое время выигрываютъ, дождавшись черезъ это болѣе благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ. Крестьянская реформа не принадлежала къ числу такихъ дѣлъ, для нея необходимы были энергія въ распоряженіяхъ и быстрота въ производствѣ. Безъ этого она могла погибнуть; враги преобразованія очень хорошо это по-

нимали. Поэтому необходимо было отнять у нихъ всѣ средства тянуть дѣло. Я былъ того убѣжденія и потому не только давалъ немедленный ходъ всѣмъ возникшимъ въ губернскихъ комитетахъ вопросамъ, но сверхъ того внимательно слѣдилъ по отчетнымъ вѣдомостямъ за ходомъ комитетской работы».

Либеральное меньшинство губернскихъ комитетовъ чувствовало себя какъ бы во враждебномъ лагерѣ среди крѣпостниковъ, стремившихся затянуть дѣло, урѣзать права крестьянъ, предоставить помѣщику и денежную выгоду, и значительное количество земли, и вотчинную полицію. Министерство энергично поддерживало меньшинство и разослало циркуляръ, чтобы отдѣльныя мнѣнія членовъ комитета всегда прилагались къ протоколамъ. Соловьевъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, насколько было возможно, и, не ограничиваясь офиціальными бумагами, посылалъ своимъ единомышленникамъ частыя письма съ словами ободренія. Большинство, убѣдившись, что воля государя провести крестьянскую реформу непреклонна, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы исказить ее, отступить отъ началъ, возвѣщенныхъ рескриптами, и дать «превратное толкованіе Высочайше одобреннымъ началамъ устройства быта крестьянъ». Отъ вниманія Соловьева не ускользало ни одно изъ отступленій; онъ докладывалъ министру, если какой-либо комитетъ потребуетъ выкупа усадебной осѣдлости, выкупа личности и пр.; Ланской въ свою очередь докладывалъ государю, и противъ ослушниковъ примѣнялись мѣры строгости: въ пяти комитетахъ 8 дворянъ были устранены отъ комитетскихъ занятій, нѣкоторые получили Высочайшіе выговоры.

Но если нельзя было измѣнить возвѣщенныхъ началъ, то можно было осуществленіе реформы поставить въ такія условія, что она потеряетъ все свое значеніе. Партія крѣпостниковъ заблаговременно озаботилась этимъ и выдвинула вопросъ о переустройствѣ губернской и уѣздной полиціи и суда. Чтобы реформа провинціальной администраціи миновала министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ могла быть разработана въ либеральномъ духѣ, придворная партія добилась того, что была составлена комиссія, въ которую вошли: Ланской, не умѣвшій отстаивать свои взгляды, убѣжденные крѣпостники М. Н. Муравьевъ и гр. Панинъ и находившійся подъ ихъ вліяніемъ Я. И. Ростовцевъ. Комиссія эта выражала взгляды охранителей, которые, по словамъ Соловьева, думали не объ улучшеніи полиціи, а объ усиленіи, вмѣсто введенія законности думали объ увеличеніи произвола. Вся власть съ обширными полномочіями должна была, по мысли комиссіи, перейти въ руки дворянъ, которые и будутъ осуществлять реформу, соблюдая свои сословные интересы. Предпола-

галось, въ ожиданіи повсемѣстныхъ крестьянскихъ бунтовъ, ввести чуть ли не военное положеніе съ временными генералъ-губернаторами, назначить особыхъ уѣздныхъ начальниковъ, надѣливъ ихъ и судебной, и полицейской властью. Соловьевъ сильно волновался, видя направленіе работъ комиссіи и неспособность Ланского противодѣйствовать введенію узаконеннаго произвола. Онъ даже нѣсколько отступилъ отъ своихъ принциповъ, принявъ на себя работу въ такомъ духѣ, который не соотвѣтствовалъ его убѣжденіямъ. Дѣло въ томъ, что Муравьевъ, которому было поручено составить проектъ о сельскомъ и волостномъ устройствѣ, не нашелъ среди своихъ подчиненныхъ достаточно опытнаго лица и поручилъ это дѣло Соловьеву, потребовавъ, чтобы онъ внесъ въ проектъ такія требованія, какъ предоставленіе помѣщику вотчинной полиціи и права наказывать крестьянъ розгами безъ суда. Соловьевъ старался смягчить требованія Муравьева, но всѣ его поправки были вычеркнуты.

Безхарактерный Ланской, наоборотъ, вдругъ проявилъ энергичную защиту своихъ взглядовъ. По его порученію, тобольскій (впослѣдствіи калужскій) губернаторъ В. А. Арцимовичъ составилъ записку, въ которой доказывалъ въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, что учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторствъ вредно во всѣхъ отношеніяхъ: не успокоитъ, а раздражитъ населеніе, внесетъ произволъ и путаницу въ дѣлахъ. Несмотря на то, что мысль о назначеніи временныхъ генералъ-губернаторовъ была Высочайше одобрена, Ланской, рискуя своимъ служебнымъ положеніемъ, представилъ государю записку отъ своего имени. Государь былъ такъ раздраженъ, что Ланской уже заготовилъ прошеніе объ отставкѣ, но увѣренность въ спасительность предложенныхъ мѣръ была поколеблена, и проектъ не былъ осуществленъ. Что же касается проекта уѣздной администраціи, то министерство внутреннихъ дѣлъ разослало этотъ проектъ для отзыва губернаторамъ и предводителямъ дворянства. На основаніи полученныхъ донесеній Соловьевъ составилъ докладъ, въ которомъ убѣдительно доказывалъ, что и высшая губернская администрація, и дворянство не сочувствуютъ мысли повсемѣстно учредить уѣздныхъ диктаторовъ. Соловьеву удалось повліять на одного изъ членовъ комиссіи, на Ростовцева. Онъ съ нимъ долго бесѣдовалъ, составилъ ему особую записку и убѣдилъ его, что учрежденіе должности уѣздныхъ начальниковъ причинитъ непоправимый вредъ всему крестьянскому дѣлу. Ростовцевъ просматривалъ сводъ губернскихъ мнѣній и далъ о работѣ Соловьева такой лестный отзывъ: «Трудъ весьма замѣчательный и по добросовѣстности, и по грамотности, и по ясности изложенія. Трудъ этотъ заслуживаетъ особаго Высочайшаго вниманія и представляетъ успокоительное ру-

чательство въ полезномъ ходѣ работъ по крестьянскому вопросу на будущее время» [1]). Такимъ образомъ занятія комиссіи, на которую крѣпостники возлагали большія надежды, не имѣли успѣха, и 1 августа 1858 года была образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ другая комиссія изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, при участіи Н. А. Милютина, но уже другого направленія, окончательно похоронившая проектъ Панина-Муравьева и работавшая долгое время параллельно съ занятіями редакціонныхъ комиссій. Въ милютинской комиссіи Соловьевъ разработалъ вопросъ о соединеніи городской и уѣздной полиціи, наблюдалъ за печатаніемъ докладовъ и велъ всю переписку.

По мѣрѣ того какъ подвигались работы губернскихъ комитетовъ Соловьева все больше и больше занимала мысль о томъ, какъ должно быть организовано разсмотрѣніе губернскихъ проектовъ и составленіе одного своднаго. Закономъ 15 іюня 1858 г. при Главномъ комитетѣ была учреждена особая комиссія «для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ» въ томъ же составѣ, какъ и первая комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, т.-е. изъ Ланского, гр. Панина, Муравьева и Ростовцева. Министерству внутреннихъ дѣлъ пришлось довольствоваться болѣе скромной ролью и предварительно внесенія губернскихъ проектовъ въ комиссію при Главномъ комитетѣ просматривать поступавшіе изъ губерній одинъ за другимъ проекты, согласно журналу Главнаго комитета отъ 26 октября 1858 г., съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) нѣтъ ли въ проектахъ какихъ-либо отступленій отъ Высочайше одобренныхъ началъ; 2) нѣтъ ли вообще отступленій отъ духа государственныхъ узаконеній, и 3) дѣйствительно ли улучшается бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ чемъ именно. Для выполненія этой задачи рѣшено было, согласно съ первоначальными намѣреніями, сдѣлать земскій отдѣлъ учрежденіемъ коллегіальнымъ. Левшинъ, не предупредивъ Соловьева, предложилъ своихъ кандидатовъ, которые и были назначены приказомъ министра. Обиженный такимъ невниманіемъ, Соловьевъ заявилъ Ланскому, что не желаетъ быть товарищемъ такихъ людей, которыхъ мало цѣнитъ, и готовъ подать въ отставку. Тогда назначеніе было отмѣнено, и обиженнымъ оказался Левшинъ. Соловьевъ такъ передаетъ свой разговоръ съ министромъ: «Сергѣй Степановичъ (Ланской) потребовалъ отъ меня, чтобы я назвалъ ему лицъ, которыя могутъ занять эти мѣста. Я назвалъ Николая Алексѣевича Милютина.—

[1]) „Русская, Старина" 1884 г., № 3, 597.

«Этого нельзя, — онъ красный», сказалъ мнѣ Ланской, улыбаясь. На мой отвѣтъ, что я также красный, получилъ въ отвѣтъ: «Васъ еще не такъ знаютъ, какъ Милютина» [1]). Мало знакомый съ петербургскимъ чиновнымъ міромъ, Соловьевъ обратился къ Милютину, и по его совѣту были представлены къ назначенію графъ Бобринскій и ген. Исаковъ, лица, пользовавшіяся расположеніемъ двора и не вызывавшія ненависти въ реакціонныхъ кругахъ. Милютинъ, къ которому Соловьевъ въ это время держался нѣсколько покровительственнаго и поучительнаго тона, какъ къ человѣку, который «не былъ хорошо знакомъ съ крестьянскимъ дѣломъ», по званію директора департамента присутствовалъ на засѣданіяхъ земскаго отдѣла, участвовалъ въ преніяхъ, ободрялъ своимъ сочувствіемъ и самъ втягивался въ интересъ къ крестьянскому вопросу.

При разсматриваніи губернскихъ проектовъ докладчикомъ выступалъ Соловьевъ, подвергалъ ихъ жестокой критикѣ и добивался отзыва въ либеральномъ духѣ, хотя гр. Бобринскій, не оправдавъ ожиданій, ожесточенно защищалъ мысли реакціоннаго большинства комитетовъ. Такимъ образомъ земскій отдѣлъ высказался противъ нижегородскаго проекта, подчеркнувъ стремленіе помѣщиковъ получить слишкомъ большое матеріальное вознагражденіе за освобожденіе крестьянъ (480 рублей за десятину усадебной земли), осудилъ стремленіе петербургскаго проекта предоставить помѣщику вотчинныя права и т. д. Но коллегіальное устройство земскаго отдѣла продолжалось не долго, гр. Бобринскій и Исаковъ получили другія назначенія, и Соловьевъ одинъ съ своей канцеляріей просматривалъ и критиковалъ губернскіе проекты. Ростовцевъ внимательно прочитывалъ отзывы Соловьева и повторялъ ихъ отъ своего имени въ засѣданіяхъ комиссіи при Главномъ комитетѣ. Хотя Соловьевъ состоялъ при этой комиссіи въ силу указа 20 октября 1858 г., но самъ отстаивать свои взгляды, повидимому, не имѣлъ возможности.

Высочайшимъ указомъ отъ 17 февраля 1859 г. были учреждены редакціонныя комиссіи по плану, представленному Ростовцевымъ, который хотя и не упоминаетъ имени Соловьева, однако, повидимому, воспользовался тѣми мыслями, которыя были изложены Соловьевымъ въ докладной запискѣ, составленной въ то время, когда Ростовцевъ лѣчился за границей. Во всякомъ случаѣ мы находимъ полное совпаденіе: надо устроить двѣ комиссіи, одну изъ чиновниковъ для выработки общихъ положеній, другую изъ чиновниковъ и депутатовъ отъ комитетовъ для разработки частностей соотвѣтственно мѣстнымъ особенностямъ. Записка Соловьева была одобрена Лан-

---

[1]) „Русская, Старина“ 1883 г., № 3, 582.

скимъ, представлена государю, потомъ передана въ Главный комитетъ и тамъ забыта. Слова Ростовцева, обращенныя къ Соловьеву въ одномъ изъ засѣданій комиссіи при Главномъ комитетѣ: «Мы съ вами сошлись въ мысли о необходимости учрежденія особыхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ», показываютъ, что записка Соловьева была въ рукахъ Ростовцева» [1]). Постоянное стремленіе Соловьева поддержать для пользы дѣла добрыя отношенія между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Ростовцевымъ заставило автора записки нѣсколько пожертвовать своимъ самолюбіемъ и не доискиваться, кто первый высказалъ мысль объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій.

Соловьевъ назначенъ былъ непремѣннымъ членомъ комиссій и въ то же самое время оказался къ предсѣдателю въ подчиненномъ положеніи, такъ какъ земскій отдѣлъ былъ по приказанію Ланского подчиненъ редакціоннымъ комиссіямъ и служилъ для подготовки разныхъ справокъ, необходимыхъ при разработкѣ крестьянскаго вопроса [2]).

Въ качествѣ управляющаго земскимъ отдѣломъ онъ составилъ цѣлый рядъ очень сложныхъ и копотливыхъ работъ, потребовавшихъ продолжительнаго труда: сводъ мнѣній комитетовъ; свѣдѣнія о продажныхъ цѣнахъ на земли, заселенныя и незаселенныя, по купчимъ крѣпостямъ, предъявленнымъ ко вводу во владѣніе въ уѣздные суды съ 1 января 1854 года по 1 января 1859 года; о числѣ оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ и о повинностяхъ ихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по 21 губерніи и пр. Кромѣ того, въ августѣ 1859 г. Соловьевъ составилъ при сотрудничествѣ Милютина извѣстный докладъ-записку, поданную Ланскимъ государю, въ которой дѣятельность губернскихъ комитетовъ была подвергнута суровой критикѣ и указано было на опасность сплоченной дворянской оппозиціи. Записка эта, благодаря чьей-то нескромности, попала въ руки депутатовъ и въ заграничную печать, вызвала сильное неудовольствіе въ дворянскихъ кругахъ и доставила много непріятностей автору.

Какъ членъ редакціонныхъ комиссій, Соловьевъ участвовалъ въ работахъ всѣхъ отдѣленій, кромѣ финансоваго, но главные труды его были по хозяйственному отдѣленію. Онъ составилъ нѣсколько докладовъ, изъ которыхъ самымъ крупнымъ былъ докладъ о высшихъ и низшихъ размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ. Предполагалось раздѣлить Россію на три полосы — черноземную, степную и нечерно-

---

[1]) *Н. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, I, 27. [2]) „Русская Старина", 1883 г., № 2, 260; № 3, 606.

земную; полосы подраздѣлить на мѣстности и установить сообразно съ хозяйственными условіями мѣстностей высшіе и низшіе размѣры надѣловъ, при чемъ указывались условія, почему то или другое имѣніе должно было быть отнесено къ опредѣленному разряду и въ какихъ случаяхъ могутъ быть допущены отступленія отъ общихъ правилъ. Такъ какъ вопросъ о размѣрахъ надѣла свободныхъ крестьянъ находился въ тѣсной связи съ выясненіемъ количества земли, которое было въ пользованіи у крѣпостныхъ, то члены хозяйственнаго отдѣла распредѣлили между собой трудъ провѣрить имѣвшіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о существовавшихъ тогда крестьянскихъ надѣлахъ. На долю Соловьева выпала провѣрка по Нижегородской и Владимірской губерніямъ. Когда всѣ члены окончили свою работу, то докладчику пришлось нѣсколько измѣнить свою работу и пояснить ее новыми статьями. 13 апрѣля 1860 г. Соловьевъ читаетъ докладъ о казенныхъ повинностяхъ, въ которомъ даетъ классификацію повинностей денежныхъ и натуральныхъ, указываетъ, какая доля падаетъ на помѣщиковъ и какая на крестьянъ, какъ должны составляться окладныя вѣдомости, производиться сборъ и пр. Наконецъ, 16 мая того же года Соловьевъ представилъ общему собранію редакціонныхъ комиссій докладъ о рекрутской повинности, въ которомъ говоритъ объ образованіи рекрутскихъ участковъ, распредѣленіи количества рекрутъ по волостямъ, порядкѣ отбыванія повинности и освобожденія отъ нея и пр. Имъ же былъ составленъ докладъ объ особыхъ правилахъ для Сибири.

Участіе Соловьева въ занятіяхъ редакціонныхъ кимиссій далеко не исчерпывалось составленіемъ докладовъ. Когда депутаты губернскихъ комитетовъ явились для дачи своихъ объясненій въ комиссіяхъ, то одинъ изъ членовъ бралъ на себя трудъ входить въ объясненія съ депутатами той или другой губерніи и назывался оппонентомъ. Соловьевъ съ большой энергіей и знаніемъ дѣла опровергалъ заключенія губернскихъ комитетовъ и защищалъ взгляды редакціонныхъ комиссій въ совѣщаніи съ депутатами Псковской, Вологодской и Олонецкой губерній. Вообще онъ былъ очень полезенъ въ совѣщаніяхъ съ депутатами, когда и не былъ оппонентомъ, такъ какъ отчетливо помнилъ обо всѣхъ мѣстныхъ особенностяхъ: въ какихъ уѣздахъ Харьковской губерніи имѣется въ достаточномъ количествѣ лѣсъ, въ какихъ частяхъ Астраханской губерніи ведется еще залежное хозяйство и пр.

Постоянно посѣщая засѣданія комиссій, Соловьевъ принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ по поводу различныхъ докладовъ. Надо признаться, что выступленія его были не всегда удачны. Во-первыхъ, онъ не обладалъ ораторскимъ талантомъ, къ каждой фразѣ

прибавлялъ «именно», выражался тяжелымъ, не всегда яснымъ языкомъ; во-вторыхъ, его медленный умъ не всегда поспѣвалъ слѣдить за аргументаціей собесѣдника, онъ начиналъ путаться, и однажды при общемъ смѣхѣ закончилъ споръ такими словами: «виноватъ, я забылъ, что именно хотѣлъ сказать» [1]). Но и за всѣмъ тѣмъ его участіе въ совѣщаніяхъ имѣло большую цѣну, благодаря его обширнымъ познаніямъ. На его сторонѣ было то преимущество, что онъ во всѣхъ подробностяхъ зналъ бытъ государственныхъ крестьянъ и любилъ на него ссылаться во время преній. Хотя сочлены его относились къ порядкамъ, существовавшимъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, иногда иронически и тѣмъ выводили Соловьева изъ терпѣнія, но большею частью эти ссылки были полезны, какъ взятыя изъ дѣйствительной жизни.

Находясь подъ вліяніемъ Милютина, Соловьевъ считалъ своимъ долгомъ всѣми силами отстаивать права крестьянъ, не имѣвшихъ въ комиссіяхъ ни одного представителя, но, будучи «тяжелаго ума», какъ выражается Семеновъ [2]), дѣлалъ это черезчуръ рѣзко и прямолинейно, и ему не разъ приходилось выслушивать порицанія отъ своихъ товарищей, которыхъ никто не могъ упрекнуть въ недостаткѣ либерализма. Н. Семеновъ съ раздраженіемъ замѣтилъ Соловьеву: «Дворянство и безъ того несетъ огромныя жертвы, которыхъ вы признавать не хотите, стремясь свести на нуль и тѣ повинности, которыя вы уже урѣзали и опредѣлили. Когда же будетъ конецъ жертвамъ?» [3]). Не менѣе рѣзкія слова пришлось ему выслушать и отъ Ю. Ѳ. Самарина, и отъ кн. В. А. Черкасскаго. Когда Желѣзновъ читалъ свой докладъ о способѣ взиманія денежныхъ повинностей помѣщику, то Соловьевъ сталъ горячо спорить, увѣряя, что помѣщикъ воспользуется всякимъ случаемъ, чтобы притѣснять крестьянъ, и требовалъ, чтобы срокъ платежа оброка опредѣлялся по взаимному соглашенію. И кн. Черкасскій, и Татариновъ, и Булгаковъ успокаивали Соловьева, утверждая, что въ данномъ случаѣ помѣщику нѣтъ смысла и выгоды назначать неудобные для крестьянъ сроки, тотъ стоялъ на своемъ и споръ кончился взаимными обидами.

Имя Соловьева часто попадается въ протоколахъ общихъ собраній редакціонныхъ комиссій: онъ высказывается принципіально противъ отрѣзокъ земли у крестьянъ; отстаиваетъ заключенія милютинской «полицейской» комиссіи относительно устройства волостного правленія и волостного суда; предлагаетъ высказать пожеланіе о полной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и пр. Кромѣ того,

---

[1]) *Н. Семеновъ*, Освобожденіе крестьянъ, II, 550. [2]) III, 2, стр. 308. [3]) II, 556.

Соловьевъ постоянно служилъ справочной книгой, къ которой часто обращались предсѣдатель и члены комиссій съ самыми разнообразными вопросами и всегда находили готовый отвѣтъ. За это его цѣнилъ Ростовцевъ, это же достоинство долженъ былъ признать гр. Панинъ, который сначала обошелся съ Соловьевымъ очень сурово и при представленіи членовъ комиссій новому предсѣдателю не только не подалъ руки Соловьеву, но даже показалъ видъ, что его не замѣчаетъ,—это была месть Панина за оппозицію его проектамъ о губернскомъ и уѣздномъ устройствѣ.

Манифестъ 19 февраля 1861 г. не освободилъ Соловьева отъ тяжелаго и напряженнаго труда, хотя онъ вполнѣ заслужилъ себѣ продолжительный отдыхъ. Проведеніе реформы въ жизнь требовало опытнаго и энергичнаго руководства, а между тѣмъ вслѣдъ за отставкой Ланского вышелъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и главный руководитель реформы Н. А. Милютинъ. Осенью 1861 г. Черкасскій писалъ Соловьеву: «Надѣюсь, что вы еще не удалились въ самарскія пустыни... Несмотря на то, что я вполнѣ сознаю, какъ необходимъ вамъ хоть кратковременный отдыхъ... тѣмъ не менѣе я не безъ опасенія буду видѣть ваше даже временное отсутствіе изъ Петербурга. Вамъ, конечно, по преимуществу честь и слава за сохраненную министерствомъ твердость въ направленіи по крестьянскому дѣлу; знавши, что по выходѣ Милютина, вы остаетесь въ земскомъ отдѣлѣ, я не сомнѣвался, что пока вы тамъ останетесь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, дѣла пойдутъ хорошо, кто бы ни былъ министромъ; но подумайте, такъ ли твердо стало министерство на ноги, чтобы вамъ можно было безъ опасности удалиться мѣсяца на два» [1]).

Опасенія кн. Черкасскаго были не напрасны. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ поставленъ П. А. Валуевъ, расположеніе къ которому дворянскихъ сферъ вовсе не было залогомъ къ тому, что крестьянская реформа найдетъ въ новомъ министрѣ убѣжденнаго защитника. Хотя онъ оставилъ Соловьева управляющимъ земскимъ отдѣломъ, который былъ отдѣленъ отъ Центральнаго статистическаго комитета и былъ возведенъ на степень департамента, однако не показывалъ къ нему никакого расположенія и отзывался нѣсколько иронически. Нападки консервативной партіи на Соловьева ожесточились, но онъ такъ былъ необходимъ для дѣла, что изгнать его изъ министерства внутреннихъ дѣлъ было невозможно. «Я говорилъ Валуеву—пишетъ гр. Д. Н. Толстой, состоявшій директоромъ департамента полиціи,—о неудобствѣ оставлять въ

---

[1]) Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго, т. I, кн. 2, 286.

рукахъ Соловьева управленіе крестьянскимъ дѣломъ, Валуевъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ Соловьева достаточно геніальнымъ, чтобы опасаться его вліянія, и находитъ неудобнымъ смѣнять его сейчасъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ, тѣмъ болѣе, что такая смѣна дала бы неминуемый и вредный оборотъ крестьянскому дѣлу»[1]).

Соловьевъ работалъ съ прежней энергіей, способствовалъ всѣми силами скорѣйшему выбору и утвержденію мировыхъ посредниковъ, давалъ необходимыя разъясненія, слѣдилъ за работой на мѣстахъ, но отношенія къ начальнику портились съ каждымъ днемъ. Валуевъ лишалъ Соловьева самостоятельности, давалъ ему свои инструкціи, тотъ не соглашался съ тѣмъ или другимъ приказаніемъ, отказывался скрѣплять министерскіе циркуляры, и когда дѣло уже наладилось, когда Соловьевъ не былъ уже такъ необходимъ, министръ предложилъ ему выйти въ отставку. Удаленіе Соловьева, послѣдовавшее 11 сент. 1863 г., вызвало негодованіе въ либеральныхъ кругахъ и живую радость въ реакціонныхъ. Въ письмѣ къ Самарину отъ 13 сентября 1863 г. Н. А. Милютинъ пишетъ: «Вы, вѣрно, уже знаете объ устраненіи Соловьева отъ земскаго отдѣла. Это сдѣлалось совершенно для него неожиданно, подъ предлогомъ разности направленія. Странно, что 2 года, пока былъ трудъ и отвѣтственность, онъ оставался на мѣстѣ, а теперь оказался вреднымъ! Соловьевъ отправляется за границу на годъ. Видно, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ есть излишество въ способныхъ людяхъ, иначе какъ объяснить, при настоящихъ обстоятельствахъ, устраненіе отъ дѣлъ человѣка, столь очевидно доказавшаго свою опытность и умѣнье работать». Самаринъ отзывается о поступкѣ Валуева еще рѣзче: «Валуевъ спустилъ Соловьева съ безцеремонностью, которой я не знаю примѣра. Онъ прямо далъ ему почувствовать, что теперь надѣется обойтись безъ него и что, устраняя его, онъ пріобрѣтаетъ популярность въ кругу дворянъ и въ англійскомъ клубѣ»[2]).

Послѣ отставки Соловьевъ отправился за границу, намѣреваясь прожить тамъ въ теченіе года, но отдыхъ его былъ прерванъ до истеченія этого срока. 23 марта 1864 г. Н. А. Милютинъ писалъ ему въ Парижъ, приглашая его въ Польшу, чтобы принять участіе въ учредительномъ комитетѣ по введенію реформъ въ Царствѣ Польскомъ, въ частности для работъ по крестьянской реформѣ (см. біографію Н. А. Милютина). Цѣль работы—«поднять и поставить на ноги угнетенную массу, противопоставивъ ее олигархіи, которою

[1]) „Русскій Архивъ" 1885 г., № 5, 41. [2]) Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго, т. I, кн. 2, 441, прим., 442.

проникнуты до сихъ поръ всѣ польскія учрежденія». Письмо заканчивается такими словами: «Не могу скрыть отъ васъ, что отказъ вашъ будетъ сильнымъ ударомъ для дѣла» [1]). Привыкнувъ къ постоянной работѣ, Соловьевъ тяготился вынужденнымъ бездѣйствіемъ и, принявъ предложеніе, въ теченіе семи лѣтъ отстаивалъ права крестьянъ, навлекая на себя ненависть польскихъ помѣщиковъ. Всюду дѣйствовавшій слишкомъ прямолинейно, Соловьевъ увлекся борьбой съ полонизмомъ, сдѣлался сторонникомъ «руссоманіи», которая находила себѣ одобреніе далеко не у всѣхъ русскихъ администраторовъ Польскаго края и вызвала взрывъ негодованія среди польскихъ помѣщиковъ. Съ своей стороны Соловьевъ сохранилъ о польскомъ дворянствѣ самое печальное воспоминаніе и съ одобреніемъ отзывался о суровомъ подавленіи польскаго мятежа, считая что М. Н. Муравьевъ своей дѣятельностью въ Польшѣ покрылъ тѣ грѣхи, которые совершилъ, противодѣйствуя дѣлу реформъ въ имперіи. Трудами своими Соловьевъ остался доволенъ. «Изъ всей прошедшей моей дѣятельности я считаю наиболѣе производительной и наиболѣе полезной службу общему крестьянскому дѣлу, хотя въ Царствѣ Польскомъ занятія мои, между прочимъ, крестьянскимъ дѣломъ были менѣе стѣснены, чѣмъ въ имперіи, и намъ удалось достигнуть послѣдствій болѣе положительныхъ и болѣе благотворныхъ для польскихъ крестьянъ, чѣмъ для русскихъ» [2]).

Въ 1871 году учредительный комитетъ былъ закрытъ, и Соловьевъ, пожалованный въ сенаторы еще въ 1867 г., получилъ назначеніе присутствовать въ четвертомъ департаментѣ сената. Занятій по должности было очень немного, и Соловьевъ сильно скучалъ, пока ему не пришла мысль написать записки о своемъ участіи въ крестьянской реформѣ. Понемногу онъ увлекся этимъ дѣломъ и посвящалъ ему ежедневно по 4 часа. Несомнѣнно, что этотъ трудъ Соловьева, одного изъ главныхъ участниковъ реформы, имѣетъ огромное значеніе для изученія эпохи, но, къ сожалѣнію, онъ доведенъ только до открытія редакціонныхъ комиссій. Утомленный напряженнымъ трудомъ, Соловьевъ часто сталъ прихварывать и 11 декабря 1876 г. скончался въ Парижѣ, гдѣ проходилъ курсъ лѣченія.

На обычномъ товарищескомъ обѣдѣ, устраиваемомъ въ годовщину изданія манифеста, участники реформы, ряды которыхъ быстро рѣдѣли, посвящали памяти скончавшихся товарищей трогательныя рѣчи и грустныя бесѣды. 19 февраля 1877 г. поминали Соловьева, и А. П. Заблоцкій-Десятовскій, старинный другъ покойнаго, произ-

[1]) „Русская Старина" 1880 г., № 2, 590. [2]) „Русская Старина" 1880 г., № 2, 214.

несъ въ честь его теплое слово, въ которомъ были такія фразы: «Яковъ Александровичъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ рѣшеніи великаго вопроса и не только въ смыслѣ законодательномъ, но и въ приведеніи закона въ исполненіе сначала въ имперіи, а потомъ въ Царствѣ Польскомъ... Онъ былъ неутомимый работникъ, преданный всею душою своему дѣлу; въ веденіи этого дѣла выказалось одно изъ основныхъ свойствъ его характера: вѣрность однажды установленнымъ началамъ, строгое, нелицепріятное и стойкое приложеніе ихъ къ дѣлу... По природѣ своей Я. А. имѣлъ теплое сердце, готовое всегда на всякое добро, касалось ли оно устройства цѣлаго сословія или удовлетворенія просьбы бѣдняка о насущномъ хлѣбѣ. Въ жизни его нѣтъ никакого темнаго пятна и помянуть Я. А. Соловьева можно только добромъ» [1]).

С. Богоявленскій.

---

[1]) „Русская Старина“ 1884 г., № 3, 700.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° Москва.